

А. Валюженич

ПЯТНАДЦАТЬ
ЛЕТ
ПОСЛЕ
МАЯКОВСКОГО

Том 1

Лиля Брик — жена
командира

Анатолий Валюженич

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО

Том 1

ЛИЛЯ БРИК — ЖЕНА
КОМАНДИРА
(1930–1937)

кабинетный ученый
[kabin'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Anatoly Valyuzhenich

**FIFTEEN YEARS
AFTER MAYAKOVSKY**

Volume 1

LILY BRIK — THE COMMANDER'S WIFE
1930–1937

Armchair Scientist
Moscow — Ekaterinburg
2015

Анатолий Валюженич

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО

Том 1

Лиля Брик — жена командира
1930–1937

Кабинетный ученый
Москва — Екатеринбург
2015

УДК 82=6
ББК 84Р7-4
В15

*Издательство благодарит за предоставленный фотоматериал
О. Алымову, Р. Бабенко, Е. Бирюкова, Е. Вишнякову и А. Крусанова.*

Валуженич, А.

В15 Пятнадцать лет после Маяковского: [в 2 томах] / Анатолий Валуженич — Москва : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015.

Том 1. Лиля Брик — жена командира. 1930—1937. — 588 с. : ил.

ISBN 978-5-7525-2923-8

В основу 1-го тома положена переписка между Лилей Юрьевной и Осипом Максимовичем Брик (всего 289 писем и телеграмм) 1930—1937 годов, когда Лиля Юрьевна, уже после смерти Владимира Маяковского, была замужем за героем Гражданской войны, легендарным командиром Червонного казачества, Виталием Марковичем Примачковым (1896—1937), и ездила вместе с ним по городам, где он служил: Свердловск, Ростов-на-Дону, Берлин, Ленинград.

В издании использованы уникальные материалы из государственных и частных архивов, из редких изданий.

Книга адресована специалистам и всем, кто интересуется историей СССР 1930-х годов.

УДК 82=6
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-7525-2923-8

© Валуженич А., 2015
© Кабинетный ученый, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
1930 год.....	16
1931 год.....	54
1932 год.....	94
1933 год.....	125
1934 год.....	195
1935 год.....	236
1936 год.....	291
1937 год.....	336
Послесловие.....	398
Предыстория (Дополнение к тому 1).....	406

Приложения

Письмо, телеграммы из переписки О. М. и Л. Ю. Брик с неопределенными датами отправления	434
Л. Ю. Брик. Из воспоминаний о Владимире Маяковском.....	436
Л. Ю. Брик. Воспоминания о семье Уборевич	438
В. М. Примаков. Поэт революционной обороны	441
В. М. Примаков. Фокус	444
В. М. Примаков. Полувзвод.....	447
О. М. Брик. Дух простокваши	448
О. М. Брик. Камаринский мужик (отрывок).....	450
Е. Г. Соколова. Премьера «Камаринского мужика»	457
Юрий Примаков о своем отце.....	463
Примечания	481
Библиография.....	583

Суд истории нелицеприятен. Но для того, чтобы он был справедлив, одной воли к нелицеприятию мало. Чтобы судить верно, история должна опираться на документы и сведения, добываемые из современников данного лица или события. Без этого все ее оценки не стоят ничего. Только после того, как материал накоплен, начинается пресловутый «суд». Дело его — разобраться в документах и показаниях, отделить правду от лжи, точное от неточного и проч. Тут и сами свидетели попадают под этот же суд.

Вл. Ходасевич

Не судите, да не судимы будете.

Мф. 7:1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В богатых событиями биографиях О. М. и Л. Ю. Бриков мое пристальное внимание привлекло пятнадцатилетие от смерти В. Маяковского в апреле 1930 года до смерти О. Брика в феврале 1945 года по следующим причинам.

Этот период наименее исследован другими биографами Бриков: те, кого интересовали отношения Бриков и Маяковского, естественно, обращали внимание на предшествующее пятнадцатилетие (1915–1930), а публикации тех, кто строил свои исследования на многочисленных воспоминаниях деятелей культуры об их встречах и отношениях с Лилей Юрьевной, появились в основном с наступлением «гласности» и относятся к послевоенному периоду (уже без О. М.).

Выбранный мной период характерен и тем, что включает годы Большого террора и Великой Отечественной войны, о которых до нашего времени дошло не так уж много документальных источников, возникших тогда же, по свежим следам, а не сочиненных позднее.

В моем распоряжении оказалось 389 писем О. М. и Л. Ю. Брик этого периода (здесь и далее, если это специально не оговаривается, под письмами понимаются собственно письма, а также почтовые открытки и телеграммы). Этот документальный массив, содержащий неоценимую по своему значению информацию, составляет основу диалогии.

Копии большинства писем были переданы мне в самом начале 1990-х годов Василием Васильевичем Катаняном¹, пасынком Л. Ю. Брик, ее душеприказчиком и биографом, — для работы над книгой «О. М. Брик. Материалы к биографии» [Валуженич, 1993].

Работая над настоящей книгой, я сверил имевшиеся у меня копии писем с оригиналами, хранящимися в РГАЛИ: письма Л. Ю. Брик — в фонде № 2852 (Брик О. М.); письма О. М. Брика — в фонде № 2577 (Брик Л. Ю. и Катанян В. А.). При сверке неожиданно для меня выяснилось, что в моем собрании имеется часть писем (около 50), отсутствующая в РГАЛИ. Я могу объяснить это тем, что, во-первых, в собрании РГАЛИ находятся только подлинники писем, а я же снимал копии с копий, которые на государственное хранение, по-видимому, не приняли, а во-вторых, тем, что часть писем не была передана (как, например, письмо № 230, оставшееся в домашнем архиве В. В. Катаняна после его смерти)

либо затерялась в большом массиве переписки, сосредоточенной в этих двух фондах, чему можно найти подобные примеры: так, в фонде № 2852 писем Л. Ю. к О. М. мной обнаружен в деле № 172 ранее не публиковавшийся фрагмент письма Л. Ю. Брик к В. В. Маяковскому и О. М. Брику², а в деле № 170 — также ранее не публиковавшееся письмо Л. Ю. Брик к Э. Ю. Триоле³. Не исключено, что, также неописанные, в других делах вышеуказанных фондов находятся и остальные недостающие письма О. М. и Л. Ю. Бриков.

К счастью, не все документы того сурового времени безвозвратно пропали. Как это ни удивительно, оказалось, что, несмотря на проведенную домашнюю «чистку», сохранились письма с упоминанием В. М. Примакова, его приписками в письмах Л. Ю., ее описаниями совместных поездок и т. д. Целиком сохранилось даже отдельное письмо В. М. Примакова из Берлина к О. М. Брику (1933).

При издании частной переписки перед публикатором неизбежно встает вопрос об этической стороне ее обнародования. Но одно дело — печатать «бабушкины письма от дедушки», пачка которых, перевязанная голубенькой ленточкой, случайно найдена в укромном месте семейного гнезда...

Здесь же мы имеем дело с письмами, хранящимися в основной своей массе в государственном архиве; их подготовила к передаче сама Л. Брик, и она, конечно, прекрасно понимала, что эта переписка станет предметом пристального внимания как исследователей, так и широкой публики. Все письма, по-видимому, прошли самоцензуру Л. Брик, и она не нашла в них чего-то, что необходимо скрыть от посторонних глаз, тем самым как бы передала потомкам свое согласие на их напечатание. Кстати, те письма из предлагаемой переписки, которые отсутствуют в РГАЛИ, не имеют никаких признаков их преднамеренной «закрытости».

Когда я готовил книгу к печати, передо мной встал естественный вопрос: публиковать ли все письма, и без сокращений, либо оставить только наиболее «общественно значимые» письма и фрагменты из них, как я делал это при публикации части писем О. М. к Л. Ю. в своей книге «О. М. Брик...». Кстати, я получил ряд упреков за эти сокращения от других исследователей, которые высказали предположения, будто в неопубликованных мной частях писем находится «что-то такое», что я преднамеренно скрыл от читателей. Но тогда я писал более строгую биографическую книгу об О. М. Брике и избегал включения в нее как информации, уводящей от темы, так и казавшейся мне неуместной там лирики.

В первой части моей диалогии — «Лиля Брик — жена командира. (1930–1937)» (Астана: Проксима, 2006; М.: Русская деревня, 2008) — опубликованы без купюр все 289 известных мне писем этого периода.

К настоящему времени уже издана полностью (или почти полностью) переписка Л. Ю. Брик с В. В. Маяковским⁴ и переписка Л. Ю. Брик с сестрой — Эльзой Триоле⁵. Переписка же О. М. и Л. Ю. Брик, 1930–1937 годов,

ранее лишь в незначительном объеме была опубликована в моей книге «О. М. Брик...» (всего — 40 писем, большей частью в сокращении), 14 писем в переводе на немецкий язык опубликованы в немецком издании книги В. В. Катаняна о Л. Ю. Брик⁶, и 17 писем — в книге Л. Ю. Брик «Пристрастные рассказы» (Н. Новгород: Деном, 2003). Сведения о предшествующих настоящей книге публикациях писем О. М. и Л. Ю. Брик приведены в примечаниях к ним.

Все письма в настоящей диалогии имеют сквозную нумерацию от № 1 до № 276; 13 писем не опознаны по датам отправки и помещены в приложении.

Из 289 писем 235 представлены впервые (с учетом немецкого издания — 233); 50 писем, ранее печатавшихся в сокращении, даются здесь в полном объеме; в 6 случаях уточнена и исправлена прежняя датировка.

Кроме писем в книгу включен ряд других документов и материалов, в том числе фотографии, многие из которых также публикуются здесь впервые, что указано в подписях в них.

В предлагаемой вашему вниманию книге я сделал отступление от принятого порядка публикации писем, когда они обычно даются общим массивом, подряд, с сопровождающими их примечаниями. Я разбил книгу на «погодные» главы, в которых, помимо писем, относящихся к указанному году, привожу сопутствующий материал и свои комментарии, а в примечаниях отношу только ссылки на источники, необходимые разъяснения и др.

При этом я не сортировал источники по степени доверия к ним. Существует такая, математического происхождения, теория, широко используемая в практике спецслужб, что для изучения какого-либо вопроса следует обработать и проанализировать как можно больший массив исходной информации, пусть даже заведомо сомнительной достоверности, и тогда усредненный вывод (оценка) будет тем ближе к истине, чем больше обработанного материала.

Поэтому я, как правило, не делил источники на достоверные и недостоверные, а приводил высказанные в них соображения той и другой стороны, пусть даже полностью противоречащие друг другу, полагая, что истина где-то посередине. Несостоятельность некоторых из них становится очевидной при такой параллельной публикации.

Переписка Бриков представлена на общем историко-литературном фоне событий тех лет: приход Гитлера к власти, убийство Кирова и развертывание Большого террора, Первый съезд писателей и др. С одной стороны — события большой исторической важности, с другой — мелкие домашние события, значение которых не выходит за пределы семейного

круга. Авторы писем как будто не замечают того, что происходит вокруг, либо не проявляют к нему интереса. Все это очень напоминает двухмерную картину в известном романе Богомолова «Момент истины», когда по армейской служебной информационной сети одновременно проходят, с одной стороны, наиважнейшие сообщения, которые влияют на ход военной кампании, а с другой — запросы и отчеты интендантских служб о поставках в части портянок, карамели, табака... И читатель досадливо пробегает глазами эти вторые, боясь потерять нить главного. Надеюсь, что с представляемой вашему вниманию книгой такого не произойдет, и вы внимательно прочитаете саму переписку, которая является здесь основой.

Но почему же письма Бриков в целом мелкотемны? Я вижу по крайней мере две причины этого.

Корреспонденты хорошо усвоили правила обмена новостями в советских условиях, когда нет никакой уверенности, что отправляемые письма не перлюстрируются (даже при якобы отсутствующей официальной цензуре, а на берлинских письмах начиная с апреля 1933 года уже стоят чернильные немецкие штампы «Проверено цензурой»). Может быть, В. М. Примаков провел Лиле Юрьевне «специальный вводный инструктаж», что можно и чего нельзя писать жене командира о служебных делах мужа, его знакомых, встречах и т. д.

И второе. У этих писем нелегкая судьба, адресаты многократно пересматривали их впоследствии, уничтожая те, что содержали явную крамолу, которая могла бы повредить, если бы письма попали кому-то на глаза. Тщательно вымарывали имена... А потом — годы войны, когда хозяева эвакуировались на Урал...

Удивительно, как вообще эти письма уцелели. Много ли сохранилось до наших дней подобных свидетельств из грозových тридцатых?

Я уже говорил выше о высокой информативности предлагаемой вашему вниманию переписки. По ней можно проследить судьбы людей, близких Маяковскому, в первые 15 лет после его смерти, узнать об их усилиях по сохранению его ведущей роли в советской поэзии, по изданию его произведений, устройству музея.

Именно в этот период Л. Ю. Брик написала три письма И. В. Сталину (1931, 1935, 1945), на второе вождь наложил свою известную резолюцию, закрепив за Маяковским право считаться лучшим и талантливейшим поэтом эпохи.

Мы наблюдаем перипетии, связанные с подготовкой к печати первого посмертного («желтого») собрания сочинений В. Маяковского, отдельных сборников его произведений, получившего скандальную известность «Альманаха с Маяковским».

Осип Максимович успешно работает над либретто первых советских опер — «Камаринский мужик» и «Именины» — и участвует в их постановках, работает над киносценариями, занимается журналистской деятельностью, и мы имеем возможность наблюдать его в этой сфере.

Шесть с половиной лет Лиля Юрьевна замужем за прославленным героем Гражданской войны В. М. Примаковым, живет с ним в Свердловске, Ростове, Берлине, Ленинграде. Находясь из-за этих разъездов в разлуке с О. М., она ведет с ним интенсивную переписку, и мы можем сегодня узнать о жизни и быте командиров РККА того времени, о городах и военных лагерях, где Лиле довелось побывать вместе с мужем, биографию последних лет жизни Примакова, расстрелянного в 1937-м вместе с Тухачевским, во многом ранее неизвестную его официальным биографам.

Брики и их близкие ежегодно выезжают на отдых на южные курорты, в подмосковные дома отдыха, и мы читаем сегодня их «отчеты» друг другу с дороги, об устройстве в санаториях, развлечениях, режиме дня, питании и лечении. По-видимому, это уязвимое место в публикуемой переписке, и я долго боролся с желанием не печатать такие сообщения, но, думаю, для сегодняшнего непредубежденного читателя и эти письма представляют интерес как жанровые зарисовки об отдыхе советской интеллигенции во второй половине 1930-х годов.

Письма...

За шесть с половиной лет они написали друг другу 289 писем; 175 — написала Л. Ю. и 114 — О. М. Частоту отправки простым делением подсчитать нельзя, паузы в переписке — это время, когда О. М. и Л. Ю. были вместе. Самая долгая разлука — в первой половине 1933 года: Л. Ю. с Примаковым выезжала в Берлин. Только за это полугодие она отправила Осипу Брику 47 писем и получила от него 22.

Были моменты, когда они писали друг другу ежедневно или даже дважды за день. Иногда это всего лишь две-три строчки с дороги, иногда — развернутая картина, с подробностями. А ведь они еще разговаривали по телефону, о чем упоминают в переписке.

Не исключено также, что часть писем затерялась в пути (хотя это маловероятно, и остается только восхищаться работой почты в те годы), либо утеряна адресатами (и здесь поражает бережное отношение каждого из них к полученной телеграмме или малозначащей записке, бережно сохраненным на долгие годы), либо преднамеренно изъята из хранения и уничтожена как «крамольная», либо случайно попала в архиве в другие папки, примеры чего я приводил выше.

Сегодня мы почти полностью утратили культуру переписки между близкими людьми. Уезжая, мы либо не даем о себе знать до возвращения, либо ограничиваемся телефонными звонками или электронной почтой,

и нас не может не восхитить этот массив из 291 письма, донесшего до потомков отголоски событий того времени.

Впрочем, остановлюсь еще раз на общественной значимости этой переписки. Она изобилует сообщениями о посылках с дефицитными для другого адресата товарами, денежными расчетами. Ну что же, низкие темы, постоянные бытовые проблемы советских людей в эпоху «строения социализма» — тоже яркая характеристика того времени, и ее не надо относить только к «быту Бриков», о чем любят писать современные исследователи. Надеюсь, бриковеды найдут в настоящей книге и немало новых, ранее неизвестных материалов.

Но также полагаю, что критики обрушатся на поведение Бриков в период 1936—1937 годов, которое показывает их (в первую очередь Л. Ю.) не с лучшей стороны. Можно было бы, наверное, предотвратить нападки, скрыв некоторые подробности, но я умышленно не стал этого делать, исходя из следующего. Пишущие сегодня о Л. Ю. Брик разделяются на два противоположных лагеря: одни рисуют ее только розовой краской, другие — черной (если не дегтем). Истина опять же лежит где-то посередине. Не всегда поступки Лили Юрьевны сегодня представляются правильными ее потомкам. Мне кажется, она сама, будучи женщиной незаурядного ума, не могла не предвидеть это, и ей ничего не стоило уничтожить какие-то письма и документы, бросающие тень на ее репутацию, однако она передала их все в государственный архив — на наш с вами суд. Но — не судите, да не судимы будете...

Письма...

В 1958 году вышел в свет 65-й том «Литературного наследства» — «Новое о Маяковском», где впервые были опубликованы 115 писем поэта к Л. Ю. Брик. Эта переписка привлекла к себе пристальное внимание Идеологического отдела ЦК партии, подверглась жесткой критике, и книга была изъята из библиотек, а ее составители — наказаны. Партийные идеологи не потерпели сентиментальности писем, несовместимой, на их взгляд, с образом Певца Революции. И то, что он подписывал письма любимой женщине легкомысленным именем Щен (с соответствующими рисуночками!), и то, что он передавал ей 100 000... поцелуев, а также просил целовать... Осю, просто не укладывалось в рамки, ханженски обозначенные партийными бонзами для классиков советской литературы.

И вот в переписке О. М. и Л. Ю. Бриков мы видим те же приметы, и начинаем понимать, что эта форма принята и усвоена всеми тремя членами их общей «семьи», кто бы и кому из них ни писал. Эта форма — пароль их общности.

И «Киса», и «Кэт», сопровождаемые в подписях к письмам характерными рисуночками, заставляют вспоминать и ушедшего из семьи Щена...

Письма...

А, собственно, между кем эта переписка?

На серых папках фонда № 2852 в РГАЛИ скучные надписи: «Письма и телеграммы Брик Лили Юрьевны (жены) Брику Осипу Максимовичу».

Но это — неправда, вернее, не полная правда. С одной стороны, существуют документы об их браке с 1912 года, она носит его фамилию, и по советским, да и общечеловеческим, законам она — его жена. С другой стороны, эта «непутевая жена» все время пребывала еще в каком-то замужестве — то с В. В. Маяковским, то с В. М. Примаковым, то с В. А. Катаняном. При этом, уезжая с ними и разлучаясь с О. М. Бриком, она пишет ему по-настоящему любовные письма, открыто говорит о любви, тоскует о нем и готова бросить все и примчаться к нему. Он отвечает ей теми же чувствами, может быть, по-мужски несколько более сдержанными. Их переписка не держится в тайне, и ее «мужья», и его «жена» — Е. Г. Соколова — не только знают об этом эпистолярном романе, но и делают свои ласковые приписки, передают поцелуи... А когда «семья» собирается в Москве, Ростове-на-Дону или Ленинграде, все живут в одной квартире...

Не меньше недоуменных вопросов рождает и «семейный союз» О. М. Брика с Е. Г. Соколовой при ее живом муже — В. Л. Жемчужном, в одной квартире с которым она живет...

Это — одна из загадок семьи Бриков, до конца понять которую нам не дано.

Кое-что раскрывает сама Л. Ю., когда пишет об их взаимоотношениях во время совместной жизни с В. Маяковским:

...Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о треугольнике, любви втроем и т. п. — совершенно не похожи на то, что было.

Я любила, люблю и буду любить Осю больше чем брата, больше чем мужа, больше чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе. Я люблю его с детства. Он неотделим от меня. Может быть, когда-нибудь я напишу об этой любви...⁷

Лиля Юрьевна ничего, кроме этих строк, не написала о своей любви к Осипу Брику, но остались письма, которые приоткрывают завесу над их «странными» отношениями.

За годы занятий бриковедением я разыскал, заочно познакомился, в течение ряда лет переписывался и встречался с сыном В. М. Примакова от предыдущего брака — Юрием Витальевичем Примаковым, который поведал мне много интересного из биографии своего отца.

В моей домашней коллекции постепенно, из разных источников, собрались редкие фотографии, архивные материалы и некоторые предметы, относящиеся к жизни моих героев в 1930-е годы.

Наконец, в моей библиотеке собралось немало книг, журналов и газет (или выписок из них), содержащих разностороннюю информацию о том периоде. Эти материалы легли в основу настоящей книги.

Я благодарен И. Ю. Генс, Ю. В. Примакову, издательству «Деком» (г. Н. Новгород) за предоставленную мне возможность использовать в настоящей книге материалы, авторские права на которые принадлежат им, РГАЛИ — за возможность работы в фондах № 2578 (Л. Ю. Брик и В. А. Катанян) и № 2852 (О. М. Брик), Р. А. Медведеву, М. А. Кальмановичу и другим — за информацию по некоторым частным вопросам.

Остальные источники указаны в примечаниях.

1930 ГОД

14—17 АПРЕЛЯ

В 10 часов 15 минут в черный понедельник 14 апреля 1930 года в «комнатенке-лодочке» с единственным окном в колодец двора, в коммунальной квартире № 12, на четвертом этаже дома № 3 в Лубянском проезде в Москве, раздался негромкий хлопок выстрела из револьвера и вслед за ним глухой звук падающего тела.

Выстрелом из револьвера в сердце покончил жизнь самоубийством известный советский поэт Владимир Владимирович Маяковский...

Брики возвращались из Лондона в Москву. Они ездили навестить мать Лили Юрьевны, которая вот уже более 10 лет жила в Англии и работала в советском торговом представительстве «Аркос».

Поздним вечером 13 апреля они выехали из Лондона в Роттердам. Рано утром (14 апреля!) пересели на поезд, который доставил их в Амстердам. Днем ходили по городу, покупали последние подарки Маяковскому — трость цейлонского бамбука, коробку сигар, галстуки, отправили в Москву открытку... Вечерним поездом выехали в Берлин¹.

Позднее О. М. Брик так вспоминал утро следующего дня:

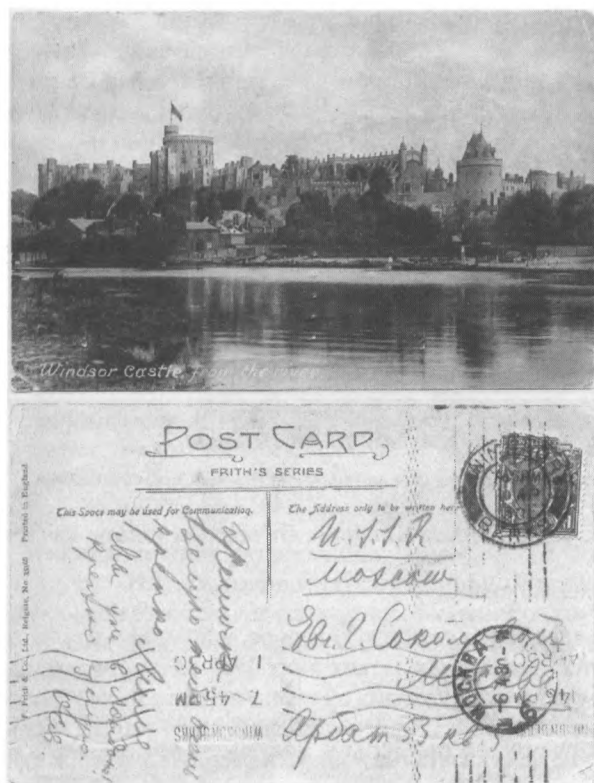
15 апреля утром мы приехали в Берлин на *Kurfürstenstraße*, *Kurfürstenhotel*², как обычно. Нас радушно встретила хозяйка и собачка *Schneidt*. Швейцар передал нам письма и телеграмму из Москвы. — От Володи, — сказал я и положил, не распечатывая, ее в карман. Мы поднялись на лифте, разложились, и только тут я распечатал телеграмму³.

Нет, она была не от Маяковского. В телеграмме, отправленной из Москвы накануне, 14 апреля в 17:30, сообщалось: “*Segodnia utrom wolodia pokontschil soboi lewa jiania*”⁴.

Кто же эти Лева и Яня, сообщившие Брикам скорбную весть о смерти Маяковского?!

Лева — это Лев Александрович Гринкруг, давний друг Маяковского и Бриков⁵.

Яня — Яков Саулович Агранов, близкий знакомый Маяковского и Бриков, один из первых руководителей органов государственной безопасности⁶.

Открытка Л. Ю. и О. М. Брик Е. Г. Соколовой от 1 апреля 1930 г. из Лондона. Из собрания автора

Агранов одним из первых после рокового выстрела появился в «комнатке-лодочке», первым зачитал собравшимся предсмертное письмо поэта «Всем», обнаруженное в ящике письменного стола. Он взял под личный контроль расследование самоубийства (а впоследствии забрал в свой архив «Уголовное дело № 02—29, 1930 года, народного следователя 2 уч. Баум. района г. Москвы... о самоубийстве Владимира Владимировича Маяковского» и вещдоки — револьвер, из которого застрелился поэт, и пулю, извлеченную из его тела). В некрологе, опубликованном на следующий день центральными газетами, фамилия Агранова стоит первой в списке друзей поэта; только ли по алфавиту?

Телеграмма прочитана — скорее в полпредство, чтобы немедленно выехать в Москву.

В нашем полпредстве все уже было известно. Нам немедленно раздобыли все нужные визы, и мы в тот же вечер выехали в Москву.

В. Маяковский вскоре после рокового выстрела 14 апреля 1930 г.

На границе нас встретил Вася Катанян⁷. От него мы узнали, как все случилось.

17-го утром приехали в Москву⁸.

Василий Абгарович Катанян оставил, наверное, наиболее подробные воспоминания об этих черных апрельских днях 1930 года⁹, свидетелем и непосредственным участником которых он стал. Уже 15-го Лиля Юрьевна позвонила в Москву Агранову и просила послать кого-нибудь, чтобы встретить их на границе, рассказать подробности свершившегося, и еще просила отложить похороны Маяковского до их приезда — 17 апреля. Выбор пал на Катаняна, которому тот же Агранов организует срочное оформление разрешения на въезд в пограничную зону и бронь на железнодорожный билет до Негорелого.

Поезд с Бриками и Катаняном прибывает в Москву утром 17-го, и прямо с Брянского вокзала они едут в писательский клуб на улице Воровского, где выставлен гроб с телом Маяковского... Бесконечной лентой проходят люди... У гроба — мать поэта Александра Алексеевна¹⁰ и обе его сестры: Людмила¹¹ и Ольга... Приезжают Брики... Лиля горько плачет... На сохранившейся фотографии — Лиля и Ося у гроба, а позади них — Агранов... Сменяются почетные караулы. Звучат скорбные мелодии грузинского струнного квартета, который разместился на балконе... В два часа гроб выносят и ставят во дворе... Начинается траурный митинг. Выступают Луначарский¹², Авербах¹³, Федин¹⁴, Феликс Кон¹⁵, потом Семен Кирсанов¹⁶ читает «Во весь голос».

Гроб с телом Маяковского поднимают на грузовик, обшитый железными листами... Никаких цветов... У гроба — единственный венок из молотов, маховиков и винтов с лаконичной надписью «Железному поэту — железный венок».

Бронированный грузовик плывет через многотысячную толпу москвичей, пришедших проводить поэта в последний путь... Конные милиционеры пытаются навести порядок в этом непредусмотренном и никем не организованном грандиозном похоронном шествии... Вот и крематорий Донского монастыря, из трубы которого валит черный дым...

Лиля Юрьевна и Осип Максимович проделали весь путь пешком с Луэлой Краснощековой¹⁷. Она потом вспоминала:

На Арбате стояли трамваи, вливался новый народ, и мы оказались оторванными от машины с гробом. Так, с трудом держась в голове процессии, мы добрались до крематория. Ворота были закрыты, так как толпа ворвалась во двор, и могла произойти давка, но нам удалось как-то проникнуть во двор. У входа в крематорий была конная милиция. Мы сели на скамеечку. И тут Лилечка сказала, что мы будем сидеть здесь, пока все кончится. Вдруг конный милиционер кричит: «Брик! Где Брик? Требуют Брик!» — оказывается, Александра Алексеевна не хотела проститься с сыном и допустить кремацию без Лили Юрьевны.

Ося и Лиля прошли в крематорий...

Последние минуты прощания...

Звучит «Интернационал». Гроб с телом поэта опускается в жар всепожирающего пламени. Закрываются створки. Все кончено...

В регистрационной книге крематория остается лишь казенно-лаконичная запись:

942 день работы крематория. 17 апреля 1930 года.

Фамилия, имя, отчество: Маяковский Владимир Владимирович.

Возраст: 36 лет.

Время: 7 часов 35 минут¹⁹

Все.

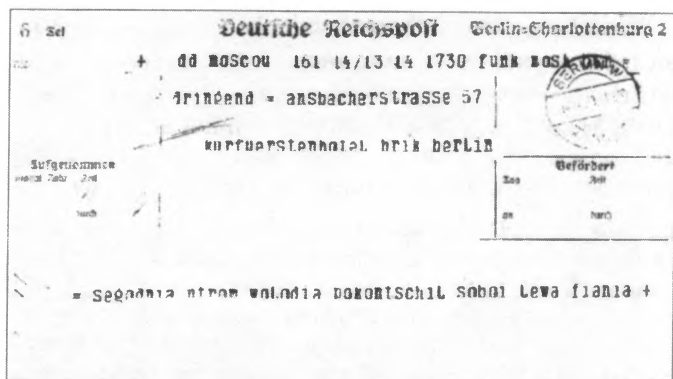
Эпоха «с Маяковским» закончилась, и все, что происходило дальше, было уже «после Маяковского».

Брики наконец-то вернулись домой, в Гендриков. С ними в «реношке» уместился и Лева Гринкруг.

Но Аннушка²⁰ уже каким-то образом опередила их и хлопотала по хозяйству.

Пока Осип Максимович распаковывал багаж, совершенно усталая после дороги и всех событий этого тяжелого дня, Лиля Юрьевна пошла принять ванну. Лева, в который раз, пересказывал какие-то подробности последних, трагических дней.

Осип Максимович зашел в комнату Маяковского. Аннушка слишком тщательно прибрала там все, что напоминало бы о последнем приезде сюда три дня назад теперь мертвого хозяина. Но по каким-то неуловимым

Телеграмма Брикам в Берлин от 14 апреля 1930 г.

признакам (может быть, по рассказам Левы) чувствовалось, что еще недавно он лежал здесь на тахте, а вся квартира была заполнена народом, что здесь его одели и отправили в последний путь и что сюда он больше не вернется.

На письменном столе лежали две книжки, по-видимому, последние, которые брал в руки Маяковский. Осип Максимович потянулся к книгам, придвинул их к себе. Он их раньше не видел, они появились в доме во время его двухмесячного отсутствия. Верхняя, в скромном картонном переплете, — 6-й том Володиного собрания сочинений.

«Странно, — подумал О. М. — наверное, эта Володина книжка станет последней *прижизненной*²¹, остальные будут уже *посмертными*».

Хотя саму книжку он увидел впервые, но ее «начинку» знал хорошо, так как составлял ее вместе с Володей.

Вторая книжка — в характерной родченковской²² обложке — Борис Арватов «Об агит- и проз- искусстве»²³ с авторской надписью на титульном листе: «Л. Ю. и О. М. Брикам товарищески Б. Арватов 13.03.1930». Арватов принес книжку уже после их отъезда в Лондон. Надо будет повнимательнее почитать.

Пришел Эльберт²⁴, чтобы забрать какие-то свои вещи, оставшиеся после его непродолжительного проживания здесь с Володей во время отъезда Бриков.

Вошла Лиля с замотанными полотенцем волосами и заплаканными глазами. Разговор смешался, стал перескакивать с одной темы на другую.

Аннушка пригласила всех к столу на чай.

В это время прозвенел еще один звонок, Ося открыл дверь, и вошли супруги-художники Лавинские²⁵.

Вот как описала позднее этот вечер Е. А. Лавинская:

Мы не были у Бриков с 1928 или 1929 года. Но сегодня мы не могли не пойти. Позвонили. Все — как прежде, только в прихожей шепнул Ося:

Л. Ю. Брик

— Только поменьше разговоров о Володе.

В столовой, разливая чай, как обычно, сидела Лиля. Был Лев Гринкруг, кто-то еще. Лиля предложила нам чай. На столе, как всегда, закуски. Все тихо, спокойно, уютно. Брик продолжал прерванный нашим приходом рассказ о заграниче, — как всегда, интонация голоса слегка ироническая, не знаешь, шутит или всерьез, или выбирает нужный тон в зависимости от реакции слушателей. Я сидела истуканом. Все, что угодно, но такого спокойствия я не ожидала. Как не похож их дом на асеевский, на наш! Как не похожи их лица на лица Асеева²⁶, Шкловского²⁷, Родченко, Лавинского, Пастернака, Ромма²⁸ и многих, многих, и товарищей и посторонних людей. Нет, это невозможно! Это игра, маскировка, прятанье боли, и стоит только произнести слово «Володя» — и эта боль прорвется наружу.

Никто не решался первым произнести имя Маяковского. Лиля Юрьевна, обращаясь ко мне, заговорила сама, сказав, что поскольку мы еще не виделись, то мне, наверное, интересно услышать, как она узнала о смерти Володи.

— Это было совершенно неожиданно. Незадолго было письмо, он ни о чем не писал. Мы преспокойно жили и вдруг застрелился! Он не понимал абсолютно, что он делал, не представлял, что смерть — это гроб, похороны. Если бы реально себе представил, ему стало бы противно, и он бы ни за что не застрелился.

О. М. и Л. Ю. Брик у гроба В. Маяковского 17 апреля 1930 г. (на заднем плане Я. С. Агранов)

Далее Лиля Юрьевна перевела разговор на семейные дела Давида Штеренберга²⁹. Я отозвала Осипа Максимовича в сторону и рассказала о моих оставшихся незаконченными рисунках к «Москва горит»³⁰.

— Ну что ж, очень хорошо, — ответил Ося. — Постановки, конечно, теперь не будет, но рисунки нужно отнести к Брюханенко³¹. В том издательстве, где она сейчас работает, это можно повернуть. Это особенно важно, ибо было задумано еще при жизни Володи, но нужно торопиться, пока народ не остыл.

Я сказала, что сейчас мне трудно довести до конца все — все связано с ним, с его последними днями. Ося улыбнулся: «Ерунда, ничего не изменилось, это просто ваши нервы, Лилечка, ну Володя, а мы вот живы, нужно работать, не рисковать». И т. д. и т. д. Дал мне совет быть веселее. Когда мы уходили, Лиля Юрьевна вдруг вспомнила:

— Лилечка, вы могли бы мне очень помочь. На мне лежит неприятное дело — нужно разобраться во всех Володиных бумагах на Лубянке. Комната была запечатана, на днях я должна туда пойти, там, наверное, все перевернуто, и одной ужасно тоскливо заниматься этим делом, придется просидеть несколько дней, давайте и пойдем вместе.

Я ответила, что ничего не знаю, так как буду заканчивать рисунки к «Москва горит».

Нас звали приходиться, не забывать, были очень любезны. Когда двери за нами закрылись, мы с Лавинским сказали одновременно:

— Больше у Бриков мы никогда не будем.

Сейчас я жалею, что не была с Лилей Юрьевной в комнате на Лубянке. Я могла бы увидеть все, что осталось, то есть все, что было оставлено³².

Похороны В. Маяковского 17 апреля 1930 г.

Эти воспоминания были написаны Лилей Лавинской в 1948 году, когда она переживала депрессию и психический кризис, что отчетливо видно по цитируемому отрывку и остальному их тексту. Они получили после их публикации в 1968 году скандальную известность, вызвали негативную реакцию общественности и не считаются авторитетным и объективным источником для исследователей. Я же счел возможным переступить грань недоверия к ним, ибо, как мне кажется, они все-таки содержат какие-то реальные наблюдения, или штрихи картины того вечера в Гендриковом, сохранившиеся в воспаленном мозгу художницы³³.

Похороны В. Маяковского 17 апреля 1930 г. Похоронная процессия выходит к Большому Каменному мосту

ЧЕКИСТЫ В ОКРУЖЕНИИ МАЯКОВСКОГО

Тебе поэт,
тебе, певун,
какое дело
тебе
до ГПУ?!

*В. Маяковский. «Солдаты
Дзержинского»*

Что стало причиной самоубийства Маяковского? По доброй ли воле ушел поэт из жизни или его «убрали» по политическим мотивам? Не был ли причастен к этому «друг семьи» Агранов, который в эти скорбные дни все время присутствует где-то рядом, все контролирует, ничего не упуская? Какая во всем этом роль Бриков, которые, как стало известно, сотрудничали (о, ужас!) с этим зловещим ГПУ?

Такие вопросы неизменно муссируются в СМИ к каждой годовщине со дня смерти Маяковского. И поскольку тема «связи Бриков с ГПУ и чекистами» занимает большое место в моем исследовании, то остановлюсь на ней подробнее.

Прежде всего следует рассказать здесь все, что более или менее достоверно известно о сотрудничестве Бриков с ГПУ, чему сегодняшние

Л. Ю. Брик и В. М. Горожанин (1930-е гг.)

российские СМИ уделяют неоправданно большое внимание, всячески домисливая, гиперболизируя факты.

Если проследить историю этого вопроса, то начало следует, по-видимому, отнести к 1979 году, когда в Нью-Йорке вышла (на английском языке) 500-страничная книга американской семейной четы — Энн и Сэмюэла Чартерс [Charters A., Chartes S.], — о любви Маяковского и Лили Брик. Книга эта, насколько мне известно, осталась незамеченной советской (да и всякой другой) критикой, и напрасно, ибо построена она на материале многочисленных бесед в начале 1970-х годов Энн Чартерс с Лилей Брик, для чего американская писательница с мужем и детьми несколько раз специально прилетала в Москву. Лиля Юрьевна прекрасно владела французским и немецким языками, но не знала в достаточной мере английского (хотя в свое время ездила к матери в Лондон), тем более для беседы с американкой, и постоянной посредницей в их разговорах была профессиональная переводчица, давняя знакомая Л. Ю. (и Маяковского!) — Рита Райт³⁴. Поскольку она и сама хорошо «владела темой», то воспоминания Л. Ю. она несколько дополнила... своими.

Книга появилась в Москве осенью 1979 года, и Лиля Юрьевна, скончавшаяся годом раньше, ее, естественно, не увидела. Последний муж Л. Брик, Василий Абгарович Катанян, тоже не владел английским, но по его просьбе текст книги в переводе на русский начитала на магнитофон его невестка — Инна Юлиусовна Генс. И тогда открылась та отсебятина, которую довнесла Рита Райт. В книге однозначно говорилось о сотрудничестве Бриков с органами.

Катанян-старший пришел в ярость, поговорил с Ритой Райт по телефону, но, не ограничившись этим, отправил ей письмо с теми же обвинениями в неуместной лжи³⁵. Этим письмом Катанян прекратил их отношения длиною в полвека. Так до конца жизни они и не помирились.

Я. С. Агранов

Видел бы Василий Абгарович, как «расцвела» потом эта тема и совсем независимо от Риты Райт...

Второе упоминание о сотрудничестве Бриков с органами появилось в 1982 году, в Стокгольме: именно тогда вышла на русском языке книга, подготовленная Бенгтом Янгфельдтом, «В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915–1930», в одном из авторских примечаний указывалось: «*О. М. Брик одно время работал в ВЧК, вероятнее всего в качестве юридического эксперта. Судя по удостоверению Политотдела московского ГПУ, он служил в этой организации с 8 июня 1920 г. по 1 января 1924 г. (Архив Л. Ю. Брик)*» [Янгфельдт, 1982. С. 213].

В отличие от книги Чартерсов, эта книга Янгфельдта в короткое время вышла несколькими изданиями в ряде стран (в переводах на основные мировые языки), в том числе снова по-русски в конце 1991 года в издательстве «Книга» в Москве (и была чуть ли не последней «советской» книгой!).

И таким образом открылся этот секрет Полишинеля, который на разоблачительной волне перестройки стал достоянием большой читательской аудитории.

Следующее открытие сделал московский журналист Владимир Иванович Скорятин, который в 1989–1993 годах провел талантливое расследование обстоятельств гибели Маяковского, обнаружил в малодоступных архивах ряд неизвестных ранее документов, и после публикации цикла его очерков в «Журналисте» они стали использоваться в маяковедении и бриковедении.

Групповая фотография с Л. Ю. Бриком и Я. С. Аграновым (август 1930 г.)

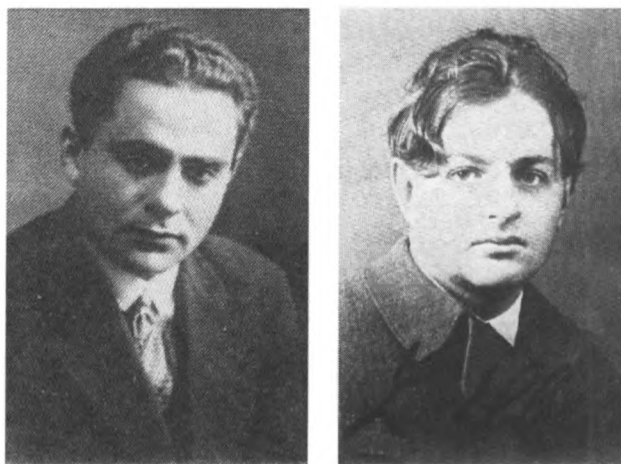
В том числе им были обнаружены в материалах НКВД, относящихся к 1922 году, ссылки на удостоверения сотрудников ГПУ: О. М. Брика — № 24541 и Л. Ю. Брик — № 15073 («Журналист», 1990, № 5, с. 60).

Если первое из них лишь подтверждало ранее обнародованное сообщение Бенгта Янгфельдта, то второе было оглушительным для читателей, тем более в большинстве своем незнакомых с книгой Чартерсов.

В редакцию «Журналиста» посыпались письма читателей, и в № 5 и 6 журнала за 1991 год был дан их обзор с комментариями В. И. Скорятина. Особое внимание Владимир Иванович уделил двум «основным оппонентам автора — инженеру из Целинограда А. Валюженичу и доктору филологических наук, доценту Стокгольмского университета Б. Янгфельдту» (№ 6, с. 80).

Во многом наши аргументы и позиции по рассматриваемому вопросу совпали. В частности, Бенгт Янгфельдт пишет:

В комментариях к переписке Маяковского и Л. Брик я имел сомнительную радость опубликовать данные о работе О. Брика в ГПУ... Скорятин, в свою очередь, приводит факты, доказывающие, что в 1922 г. и Л. Брик была сотрудницей ГПУ. Это печально констатировать, но факт неопровержимый. Меня интересует другой вопрос: было ли это настоящим, активным сотрудничеством или в первую очередь способ получить заграничную визу? Ведь в конце 1921 и начале 1922 годов Л. Брик безуспешно пыталась получить визу в Берлин и Англию (чтобы навестить мать), но даже Луначарский был бессилен ей помочь (эти мытарства хорошо отражены в переписке этих месяцев). Правду мы узнаем, когда откроются для исследователей архивы КГБ (впрочем, может быть, тогда окажется, что Л. Брик не была исключением, а удостоверения ГПУ были и у многих других). В любом случае архивная находка В. Скорятина не украшает биографию Л. Брик...³⁶

3. И. Волович, Л. Г. Эльберт (1920-е гг.)

Я в своем письме в редакцию также выдвинул несколько соображений против активной чекистской деятельности Бриков. Например, обратил внимание на события начала 1930 года, когда Брики снова оформляли визы на поездку в Берлин и Лондон, а газета «Комсомольская правда» поместила заметку «Супружеская поездка на государственный счет», в которой говорилось о поездке на госсчет супругов Брик. *«Но разве ЧК-ОГПУ могли допустить публикацию подобной заметки, если бы О. и Л. Брики были ее агентами? [...] Я могу предположить, что Л. Брик получила удостоверение сотрудника ГПУ в 1922 году “по знакомству” через О. Брика или какого-то другого из сотрудников ОГПУ с тем, чтобы облегчить... получение визы...»³⁷.*

Следующий материал на эту тему появился в 1992 году с выходом в свет в Стокгольме (на русском языке) книги Бенгта Янгфельдта «Якобсон-будетлянин», в которую вошли «автобиографические заметки ученого “Будетлянин науки” [Р. Якобсона. — А. В.], базирующиеся на моих [Б. Янгфельдта. — А. В.] с ним беседах, записанных на магнитофон» (с. 7).

Роман Якобсон вспоминает:

В Чека Брик поступил вскоре после моего отъезда. Богатырев³⁸, который ко мне приехал в Прагу в декабре 1921 года, рассказывал, что тот в Чека — от него я узнал. И он рассказывал, что Пастернак, который к ним часто ходил, говорит: «Все-таки страшно становится. Вот придешь, а Лиля скажет: «Подождите, скоро будем ужинать, как только Ося [придет] из Чека». В конце двадцать второго года я встретил Бриков в Берлине. Ося мне говорит: «Вот учреждение, где человек теряет сентиментальность», и начал рассказывать несколько довольно кровавых эпизодов. И тут-то в первый раз он на меня произвел такое, как вам сказать, отгалкивающее впечатление. Работа в Чека его очень испортила (с. 36–37).

М. А. Трилиссер

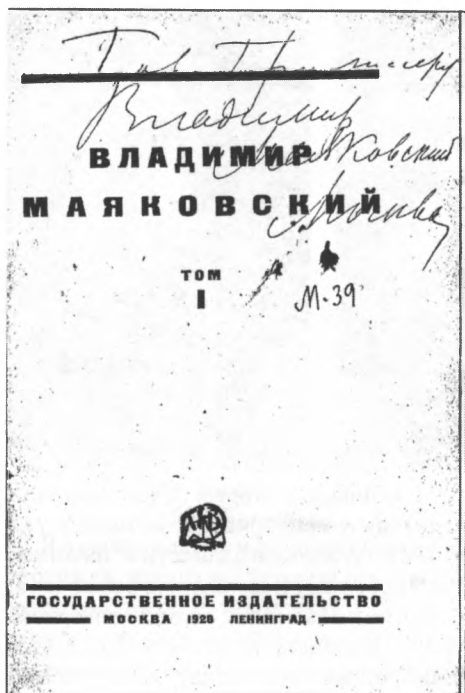
По-видимому, не стоит на все 100% доверять этим воспоминаниям, во-первых, частично базирующихся на сообщениях вторых (и третьих) лиц, во-вторых, надиктованных на магнитофон мемуаристом, которому уже перевалило за 80, о событиях более чем полувековой давности и, наконец, не авторизованных самим Романом Яковсоном и вышедших в свет через 10 лет после его смерти. Но даже если отнестись к ним с полным доверием, они мало что дают. О работе О. М. Брика юрисконсультантом в Чека с 1920 по 1924 год уже известно; естественно, он мог что-то знать о закулисных тайнах этого учреждения, но это не дает права его самого относить к заплечных дел мастерам.

Гораздо более значимой оказалась следующая архивная находка В. И. Скорятина, которой он, как честный журналист, тут же поделился с читателями на страницах «Журналиста» (1993, № 2, с. 47):

До сих пор бытует мнение о том, что О. Брик работал в «органах» совсем недолго и занимал должность юрисконсульта. По сведениям, полученным мною недавно в Центральном архиве МБ РФ (бывший КГБ), служба О. Брика в «органах» началась в 1920 г. Сначала он работал следователем спекулятивного отдела МЧК, затем «уполномоченным 7 отделения секретного отдела». В январе 1924 г. приказом по ОГПУ был уволен с этой должности... «как дезертир». Оказалось, что в личном деле Брика сохранилось немало «врачебных освобождений» от работы, то есть от участия в чекистских операциях, что в конце концов и послужило основанием для столь жесткой формулировки.

Собственно, последний фактический материал о работе О. Брика в органах убедительно характеризует и его отношение к этой «работе», и причины, по которым прекратилась его «служба» МЧК.

И здесь я должен еще раз указать на журналистскую честность В. И. Скорятина в публикации найденного им материала об О. М. Брике, по сути

Дарственная надпись В. Маяковского М. А. Трилиссеру на 1-м томе Собрания сочинений (1928 г.)

дела реабилитирующего его, хотя он и не вписывался в общую концепцию «журналистского расследования обстоятельств смерти Маяковского»³⁹.

Я так подробно перечислил здесь все к настоящему времени известные факты о сотрудничестве Бриков с ЧК-ГПУ-НКВД, и не только в 1920-е годы, но и во все последующие годы их жизни, чтобы отделить остальные, вымышленные версии (на некоторые из них будет указано дальше). Разумеется, я не исключаю, что, «когда откроются архивы КГБ» (по выражению Бенгта Янгфельдта), в них может быть выявлено по этому вопросу что-то неизвестное еще сейчас, но не следует опережать время и выдавать сенсационные «новости» за якобы достоверные факты.

У Бриков и Маяковского в ГПУ было немало общих приятелей и знакомых еще с начала 1920-х годов.

На огонек к Маяковскому и Брикам заглядывали многие сотрудники ГПУ. Приходили иногда с женами. Бывали на квартирах в Водопьяном, Гендриковом, в рабочем кабинете Маяковского в Лубянском проезде и даже на даче в Пушкино Аграновы⁴⁰, Воловичи⁴¹, Горожанины⁴², Эльберт, Горб⁴³.

И в списке приглашенных на выставку «20 лет работы», составленном самим поэтом чуть позже (в январе 1930 г.), среди прочих также находим фамилии сотрудников ГПУ — Евдокимова⁴⁴, Мессинга⁴⁵ и даже Ягоды⁴⁶.

Попасть в такой реестр совсем незнакомые лица не могли. Поэт, стало быть, знал сотрудников, занимавших в организации даже более солидное положение, чем завсегдатаи его дома.

Кроме названных выше чекистов, автору известно о дарственной надписи Маяковского высокопоставленному сотруднику ГПУ — Трилиссеру⁴⁷ — на 1-м томе своего собрания сочинений⁴⁸.

Маяковский не скрывал своих знакомств с чекистами. Его нередко можно было встретить даже в гостинице «Селект», негласно находившейся в ту пору под опекой ГПУ и имевшей среди москвичей недобрую репутацию. Пользуясь близостью гостиницы к квартире на Водопьяном и к своему кабинету в Лубянской проезде, поэт частенько заходил туда сыграть партию-другую на бильярде.

Но наиболее дружеские отношения у «семьи» Маяковского — Бриков сложились с Я. С. Аграновым. Их преувеличенно трогательно описывает Ю. Семенов в повести «Научный комментарий» цикла «Версии», где эти серьезные мужи обращаются друг к другу по уменьшительным именам: «Яня», «Волик». Молва приписывает также интимную связь Лили Брик с «Яней»...

Л. Чуковская в «Записках об Анне Ахматовой» вспоминает, как однажды в ответ на свое замечание: *«Очень плохо представляю себе там, среди них [Бриков. — А. В.] Маяковского»* — услышала резкую отповедь поэтессы:

И напрасно... Литература была отменена, оставлен был один салон Бриков, где писатели встречались с чекистами. И вы, не одни вы, неправильно делаете, что в своих представлениях отрываете Маяковского от Бриков. Это был его дом, его любовь, его дружба, ему там все нравилось...⁴⁹

Увы, то, о чем понаслышке знали Ахматова и многие другие литераторы, для участников группировки ЛЕФ являлось привычной повседневностью. Свидетельств тому немало. Ограничусь двумя.

Е. Лавинская:

На лефовских «вторниках» стали появляться все новые люди — Агранов с женой, Волович, еще несколько элегантных юношей непонятных профессий. На собраниях они молчали, но понимающе слушали... Агранов и его жена стали постоянными посетителями бриковского дома...⁵⁰

Художница Е. Семенова:

На одном из заседаний ЛЕФа Маяковский объявил, что на заседании будет присутствовать один товарищ — Агранов, который в органах госбезопасности занимается вопросами литературы. «Довожу это до вашего сведения», — сказал Маяковский. Никого не удивило это. В то время советские люди и, конечно, лефовцы с полным доверием и уважением относились к органам безопасности.

С тех пор на каждом заседании аккуратно появлялся человек средних лет в принятой тогда гимнастерке, иногда в штатском. У него были мелкие, не запоминающиеся черты лица. В споры и обсуждения он никогда

не вмешивался. С ним всегда приезжала его жена, очень молоденькая, много моложе его. Она была то, что называется смазлива. Как говорили, она была женой одного из подследственных... Бывали в ЛЕФе и другие работники этого учреждения, но я их не видела...⁵¹

С некоторыми из названных здесь чекистов мы еще встретимся на страницах этой книги.

Отдельные исследователи пытаются представить дело таким образом, что, вот, наивного и простодушного Маяковского окружили плотным кольцом чекисты всех мастей и рангов, о происках которых он и не догадывался. Напрасно. Стоит внимательно прислушаться к словам биографа Лили Брик, Аркадия Ваксберга⁵², в интервью на радиостанции «Свобода»:

Вы говорите о ЧК... Я думаю, что это заслуживает в принципе серьезного исследования, в каких отношениях с ЧК находился сам Маяковский. Это абсолютно не исследованная проблема, и она заслуживает гораздо большего внимания уже хотя бы потому, что, как говорится, несоизмеримы масштабы личностей поэта и его музы. А там отношения безмерно загадочны и там еще, как говорится, конь не валялся. Надо исследовать и это. И опять-таки исследовать не для сенсационных каких-либо выводов, а для того, чтобы присовокупить новые данные, если таковые появятся, к тому, что нам уже известно. И в комплексе увидеть как бы заново Маяковского⁵³.

НАСЛЕДИЕ ПОЭТА

Дня через 2–3 после похорон Брики, созвонившись с Маяковскими, отправились вместе с ними в крематорий Донского монастыря. Там при них урну с прахом Маяковского поместили на видном месте в колумбарий⁵⁴.

19 апреля «нарследователь 2 уч-ка Бауманского района И. Сырцов, рассмотрев находящееся в его производстве следственное дело № 02–29, о самоубийстве гр-на Маяковского Владимира Владимировича, УСТАНОВИЛ:

По предварительным данным материала расследования не усматривается признаков насильственной смерти над гр-ном Маяковским В. В., а самоубийство произошло, как указывает оставленная им записка, по личным мотивам...»⁵⁵.

В этом деле № 02–29 находится милицейский протокол, составленный 14 апреля на месте происшествия, в котором, в частности, говорится:

Около стены, что рядом с окном, письменный стол. В ящике стола обнаружено: 1) три пачки денег, банковской упаковки, из коих одна пачка в 1000 руб. и две по 500 руб. 2) пакет с надписью «Ольге Владимировне Маяковской», в этом пакете пятьдесят рублей денег, из коих одна бумажка в тридцать рублей и одна бумажка в 20 руб. 3) золотой перстень с бриллиантами и камнем синего цвета и 63 руб. 82 коп. в пиджаке, лежащем на стуле около письменного стола, и большое золотое кольцо с рисунком: два М⁵⁶.

И вот через два дня Лилю Юрьевну приглашают в прокуратуру, чтобы вернуть ценности. В деле № 02–29 остается ее расписка:

Расписка

Мною получены от П(омощника) М(осковского) О(бластного) пр(окуро)ра т. Герчиковой обнаруженные в комнате В. В. Маяковского деньги в сумме 2113 руб. 82 коп. и 2 зол. кольца.

Получила <Подпись Л. Брик>.

21.04.30⁵⁷.

Лиля Юрьевне предстояла еще одна тяжелая процедура — побывать в «комнатенке-лодочке», в которой застрелился Маяковский, и разобрать его архив. Ей трудно было пойти туда одной, хотелось взять с собой кого-то из знакомых женщин, не столько для помощи, а просто чтобы кто-то был рядом. Как мы уже знаем, Лиля Лавинская отказалась от ее приглашения. Известны две другие женщины, которые ходили туда вместе с Л. Ю.; обе они оставили воспоминания об этом.

Наташа Брюханенко вспоминает:

Через несколько дней после похорон Лиля Юрьевна взяла меня с собой в комнату на Лубянке. Мы вошли туда впервые после случившегося. Налево на крючке висели пальто и палка, повешенные еще самим Маяковским. Был вымыт пол. Взяты револьвер и предсмертное письмо. Остальное было на своих местах.

Мы открывали ящики стола и разбирали находящееся в них. Я помню... фотографии Татьяны Яковлевой⁵⁸, Норы Полонской⁵⁹ и «американки» (Элли?)⁶⁰, у которой от Маяковского дочка. Там же были фото этой 4–5-летней девочки⁶¹, снятой на пляже в Ницце...

В столе были всякие письма к Маяковскому. Деловые мы уложили в папки, а личные Лиля разобрала и часть вернула тем, от кого они были, ...а часть, кажется, уничтожила⁶².

Еще одно воспоминание о работе с архивом поэта оставила Галина Катанян⁶³, которая в течение нескольких месяцев приходила в Гендриков переулок и, сидя в комнате Маяковского, за его письменным столом (!) разбирала, читала и перепечатывала на его пишущей машинке оставшиеся после него бумаги...

В конце апреля Брики отправляют письмо в Лондон матери Л. Ю. — Елене Юльевне Каган⁶⁴:

Милая моя мамочка,

Воля все 15 лет говорил о самоубийстве.

Причины у него не было никакой — был пустяшный повод, невероятное переутомление и всегдашний револьвер на столе.

По отношению к Эльзочке ничего не изменилось⁶⁵, так же как и по отношению к Лотте⁶⁶.

Напишите подробно о себе.

Передай Лео⁶⁷, что я была у Юдина⁶⁸ — он очень плох и проживет недолго. Лежит в постели и страшно похож на папу во время болезни. Он страшно мне обрадовался и все время говорил о Соне⁶⁹.

Целуем тебя очень крепко.

Лили, Ося 29.04.1930⁷⁰

Мы ничего не сказали еще о последующей судьбе Вероники (Норы) Полонской, последней возлюбленной Маяковского, которую он назвал в письме-завещании в составе своей семьи и просил правительство «обеспечить ей сносную жизнь». Ее допрашивал следователь, осложнились отношения с мужем — актером МХАТ Михаилом Яншиным. Если раньше он легко относился к ухаживаниям знаменитого поэта за своей женой, то после опубликования письма-завещания Маяковского во всех центральных газетах надо было найти какое-то объяснение, какую роль играла его жена в «семье» покойного... По крайней мере, это предполагало, по-видимому, наличие у нее определенных прав на наследство поэта.

В своих воспоминаниях она пишет:

В середине июня 30-го года мне позвонили из Кремля по телефону и просили явиться в Кремль для переговоров.

Я поняла, что со мной будут говорить о посмертном письме Маяковского.

Я решила, прежде чем идти в Кремль, посоветоваться с Лилей Юрьевой, как с близким человеком Владимира Владимировича, как с человеком, знающим мать и сестер покойного. Мне казалось, что я не имею права быть в семье Маяковского против желания на это его близких.

Лиля Юрьевна всегда относилась ко мне хорошо, и я рассчитывала на ее помощь в этом трудном вопросе.

Лиля Юрьевна сказала, что советует мне отказаться от своих прав.

— Вы подумайте, Нора, — сказала она мне, — как это было бы тяжело для матери и сестер. Ведь они же считают вас единственной причиной смерти Володи и не могут слышать равнодушно даже вашего имени.

Потом она сказала мне, что знает мнение, которое существует у правительства. Это мнение, по ее словам, таково: конечно, правительство, уважая волю покойного, не стало бы протестовать против желания Маяковского включить меня в число его наследников, но неофициально ее, Лилю Юрьевну, просили посоветовать мне отказаться от моих прав.

С одной стороны, мне казалось, что я не должна ради памяти Владимира Владимировича отказываться от него, потому что отказ быть членом семьи является, конечно, отказом от него. Нарушая его волю и отвергая его помощь, я этим как бы зачеркну все, что было и что мне так дорого.

С другой стороны, я много думала, имею ли я право причинять страдания его близким, входя против их воли в семью?

Не решив так вот ничего, я отправилась в Кремль.

Вызвал меня работник ВЦИК тов. Шибайло. Он сказал:

— Вот, Владимир Владимирович сделал вас своей наследницей, как вы на это смотрите?

Я сказала, что это трудный вопрос, может быть, он поможет мне разобраться.

— А может быть, лучше хотите путевку куда-нибудь? — совершенно неожиданно спросил Шибайло.

Я была совершенно уничтожена таким неожиданным и грубым заявлением, которое подтвердило мне слова Лили Юрьевны.

— А впрочем, думайте, это вопрос серьезный.

Так мы расстались.

После этого я была еще раз у тов. Шибайло, и тоже мы окончательно ни до чего не договорились.

После этого никто и никогда со мной не говорил об исполнении воли покойного Владимира Владимировича. Воля его в отношении меня так и не была исполнена [Полонская].

Бедная, наивная Вероника Витольдовна. Ей бы следовало знать, что история не делается сама по себе, ее делают герои. И они ее сделали.

Василий Абгарович Катанян в своих воспоминаниях пишет, что в начале мая его и Асеева пригласил новый нарком просвещения А. С. Бубнов и предложил от имени друзей Маяковского написать обращение к правительству о закреплении прав на литературное наследство за его семьей с конкретным перечислением членов семьи, что ими и было сделано. Но подробнее о содержании этого обращения он не пишет.

Мне же удалось найти копии трех документов-обращений, которые сохранились в РГАЛИ⁷¹:

Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

В предсмертном письме В. В. Маяковский обратился к правительству с просьбой обеспечить оставшуюся после него семью. Во исполнение последней воли покойного друга и товарища по работе мы обращаемся к правительству с просьбой закрепить правительственным актом права на литературное наследство за его семьей, состоящей из жены его Лили Юрьевны Брик, матери Александры Алексеевны и сестер Людмилы Владимировны и Ольги Владимировны Маяковских.

По поручению друзей и товарищей по работе покойного В. В. Маяковского

Николай Асеев

В. А. Катаньян⁷²

Москва, «12 мая» 1930 г.

Наркому просвещения РСФСР тов. А. С. Бубнову.

В предсмертном письме В. В. Маяковский обратился к правительству с просьбой обеспечить оставшуюся после него семью. Во исполнение последней воли покойного друга и товарища по работе мы обращаемся

к Вам с просьбой войти с соответствующим ходатайством в правительство о закреплении правительственным актом прав на литературное наследство за его семьей, состоящей из жены его Лили Юрьевны Брик, матери Александры Алексеевны и сестер Людмилы Владимировны и Ольги Владимировны Маяковских (в одной половине Л. Ю. Брик и по одной шестой части матери и сестрам).

По поручению друзей и товарищей по работе покойного В. В. Маяковского.

Николай Асеев

В. А. Катаньян

Москва, «18» мая 1930 г.

Наркому просвещения РСФСР тов. А. С. Бубнову.

В дополнение к письму нашему от 18 мая с. г. сообщаем, что в отношении разделения прав на литературное наследство мы в нашем предложении действовали с согласия жены, матери и сестер покойного В. В. Маяковского.

Николай Асеев В. А. Катаньян

Москва, «__» июня 1930 г.

Из этих документов, переданных правительству, видны, по крайней мере, три момента.

Во-первых, во всех трех Л. Ю. Брик однозначно называется *женой* Маяковского, и тогда неудивительно, что таковой считал ее И. Сталин, когда в 1937 году написал на списке подлежащих аресту «жен изменников родины»: «*Не будем трогать жену Маяковского*».

Во-вторых, В. В. Полонская никак не упоминается в составе семьи, и Шибайло только и остается предложить ей «*путевку куда-нибудь*».

В-третьих, чтобы правительству не пришлось ломать голову, как разделить наследство, приведена четкая математическая формула этого деления «*с согласия жены, матери и сестер покойного В. В. Маяковского*». Насчет матери и сестер не уверен, а то, что Л. Ю. и О. М. были полностью в курсе подачи этих ходатайств в правительство, — нет сомнений.

Ну что ж, правительству осталось только удовлетворить ходатайство «друзей и товарищей по работе покойного В. В. Маяковского».

27 июня в «Известиях» было опубликовано постановление СНК РСФСР «Об увековечении памяти тов. Вл. Вл. Маяковского»:

Принимая во внимание заслуги перед трудящимися массами скончавшегося поэта пролетарской революции В. В. Маяковского, Совнарком РСФСР, признавая необходимость увековечить память о нем и обеспечить его семью, постановляет:

Обязать Государственное издательство РСФСР издать под наблюдением Лили Юрьевны Брик полное академическое собрание сочинений В. В. Маяковского.

Назначить с 1 мая 1930 года семье В. В. Маяковского в составе Лили Юрьевны Брик, Александры Алексеевны Маяковской, Людмилы Владимировны Маяковской и Ольги Владимировны Маяковской персональную пенсию в размере трехсот рублей.

Просить Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР предложить Коммунистической академии организовать кабинет В. В. Маяковского, а также решить вопрос о сохранении его комнаты.

Председатель СНК С. И. Сырцов

23 июня 1930 г.

Отдельным постановлением было закреплено право литературного наследства: одной половины — за Л. Ю. Брик и другой — за матерью и сестрами.

Собственно, какую форму родства Полонской с Маяковским можно было бы указать в бюрократически сухом, официозном документе Совнаркома: последняя любовь поэта, любовница? Да еще напечатать этот документ в газете! Достаточно того, что для Л. Ю. Брик подобрали вполне благовидную роль *жены* (тем более что настоящий муж не был против), но не называть же еще и Полонскую *женой*! Тогда Маяковский выглядел бы многоженцем каким-то!

Нет, большой знаток советской бюрократии, В. Маяковский не мог представить, что при выполнении его завещания возникнет такое непреодолимое препятствие, и посмертно потерпел от нее еще одно фиаско.

В последнем пункте процитированного выше постановления Совнаркома говорится о необходимости *«решить вопрос о сохранении его комнаты»*. Что ж, в советское время квартирные вопросы в Москве нередко решались при участии правительства.

Какие же *«комнаты»* и *«квартиры»* были в распоряжении Маяковского и какие решения в отношении них следовало принимать?

В декабре 1925 года В. Маяковский получил ордер на квартиру на Таганке в Гендриковом переулке, дом 13/15, квартира 5. Тогда же им было подано заявление о прописке туда Брик:

Председ. жилтоварищ. д. № 13/15 по Гендрикову переулку.

Прошу прописать в моей квартире т. т. Л. Ю. Брик и О. М. Брик.

Вл. Маяковский⁷³.

Жилплощадь в этой небольшой четырехкомнатной квартире распределены так: В. Маяковский, Л. Брик и О. Брик заняли каждый по маленькой комнате (кабинет-спальня), а четвертая — столовая, примыкавшая к комнате Маяковского, — была общей.

По-видимому, вопрос о наследовании освободившейся в этой квартире комнаты Маяковского все же не стоял. Практиковавшееся сразу же после революции уплотнение, когда при освобождении комнаты в семейной

квартире в нее могли заселить совершенно посторонних для хозяев людей, превращая квартиру в коммунальную, все-таки отошло к началу 1930-х годов в прошлое, тем более при наличии у Бриков всемогущих покровителей в органах. Таким образом, Брики вдвоем (при приходящей домработнице Аннушке) остались в этой четырехкомнатной квартире, правда, как мы увидим дальше, ненадолго.

Но эта квартира была тесновата для «семьи» поэта, и незадолго до смерти Маяковский вступил в жилищно-строительный кооператив им. Красина, куда за 10 дней до рокового выстрела — 4 апреля — внес пай. Предполагалось, что по завершении строительства кооперативного дома он переедет туда опять же вместе с Бриками. Что ж, Брики сравнительно легко унаследовали право на эту будущую квартиру, продолжая вносить взносы в ЖСК, и впоследствии переехали во вновь построенную трехкомнатную квартиру в Спасопесковском переулке на Арбате.

Но у Маяковского была еще одна жилплощадь — «комнатенка-лодочка» в коммунальной квартире № 12 на четвертом этаже дома № 3 в Лубянском проезде, в которой он застрелился. Он унаследовал ее еще в 1919 году от уехавшего за границу Романа Якобсона и с тех пор сохранял за собой как рабочий кабинет. Поскольку иметь одному человеку (даже такому известному, как Маяковский) одновременно две жилплощади в Москве можно было только с высокого разрешения, то ему приходилось регулярно выправлять временные закрепительные документы. По невероятному стечению обстоятельств срок очередного разрешения заканчивался 15 апреля 1930 года! Вот этот документ, недавно обнаруженный в ГММ:

Закрепляется за научным работником В. Маяковским в кв. № 12, д. 3 по Лубянскому проезду рабочая комната площадью 11, 10 кв. метров.

Выдано: 20.06.28 г.

Жилищная комиссия ЦЕКУБУ.

Продлено до 15.04.30 г.⁷⁴.

Что ж, поэт выполнил свои обязательства по данному бюрократическому документу, и 15 апреля «освободил» свою рабочую комнату.

Но на какое-то время комната оставалась как бы еще занятой поэтом, здесь были его вещи, его бумаги. Сюда, как мы знаем, несколько раз навещалась Л. Ю. Брик с помощницами и разбирала оставшиеся бумаги и имущество. Но время шло, и надо было что-то решать. Вот тут-то и появилась нужная строка в приведенном выше правительственном документе, а на его основании появился и конкретный распорядительный документ:

РСФСР. Моск. Обл. Исп. Комитет. Областное управление недвижимыми имуществами. Юридическое бюро.

27 июня 1930 г.

Домоуправлению д. № 3 по Лубянскому пр.

Копии: В Бауманское РОУНИ
В 1-й Дом. Трест Бауманск. р-на
гр-ке Л. Ю. Брик

Настоящим доводится до В/сведения, что комната в квартире № 12 В/дома, которую занимал поэт В. Маяковский, впредь до особого распоряжения закрепляется за гр-кой Брик Л. Ю.

Основание: Распоряжение Президиума Мособлисполкома.

Зам. завед. МОУНИ Памфилов

За завед. Юридическ. бюро Кисин

С подлинным верно: <Подпись. Круглая печать>⁷⁵

Вот так надо делать настоящие дела, а не ждать милостей от природы. Не ждать, когда вызовет очередной шибайло и предложит горящую профсоюзную путевку в подмосковный дом отдыха, а умело управлять всеми этими шибайлами.

Итак, за Лилей Юрьевной были закреплены права и на «рабочую комнату» В. Маяковского!

Наконец после напряженных весенних месяцев наступило лето.

Осип Максимович взял путевку и отправился с Евгенией Гавриловой⁷⁶ на теплоходе по Волге: от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно, регулярно отправляя в Москву открытки с «путевыми впечатлениями».

(1) О. Брик — Л. Брик (Казань — Москва, 23 июня 1930 г.)⁷⁷

Милая дорогая Киса!

Оказывается, 27-го из Нижнего шел не «Раскольников»⁷⁸, а «Либкнехт».

Но это никакого значения не имеет. Народу много, кормят хорошо, дешево.

Сплю все время.

Очень крепко целую.

Ося

(2) О. Брик — Л. Брик (Казань — Москва, 23 июня 1930 г.)⁷⁹

Кисенька!

Еще забыл написать. Адрес мой: пассажиру 1-го класса теплохода «Карл Либкнехт», каюта № 9; к названию города надо прибавлять слово «пристань».

Целую тебя крепко очень. Кажется, уже начинаю отдыхать. Погода прекрасная.

Ося

(3) О. Брик — Л. Брик (Самара — Москва, 29 июня 1930 г.)⁸⁰

Дорогая, любимая Киса!

Из-за тумана «Карл Либкнехт» опаздывает на 11 часов(!), — но сама

понимаешь, что это наплевать. Меньше будет стоять в Астрахани. Вся сила уходит на «есть» и «спать». Уже загорел немножко. Очень крепко целую.

Ося

(4) О. Брик — Л. Брик (Саратов — Москва, 1 июля 1930 г.)⁸¹

Дорогая Киска!

Добрались до Саратова. Пока все благополучно. Однообразно и успокоительно. Еды хватает. Особенно вкусно все взятое из Москвы.

Целую тебя крепко-крепко.

Твой Ося

Опаздываем по-прежнему на 12 час.

(5) О. Брик — Л. Брик (Сталинград — Москва, 2 июля 1930 г.)⁸²

Киска дорогая!

Прибыли в Сталинград. Опаздываем все так же на 12 часов. Погода как раз, что надо. Самочувствие хорошее. Очень обрадовался телеграмме в Саратове.

Целую очень-очень! А также и Булечку⁸³.

Твой Ося

(6) О. Брик — Л. Брик (Астрахань — Москва, 3 июля 1930 г.)⁸⁴

ПРИЕХАЛ ПРЕКРАСНО ЗАВТРА ОБРАТНО ТЕМ ЖЕ ПАРОХОДОМ
ЦЕЛЮЮ КРЕПКО = ОСЯ =

[Телеграмма]

(7) О. Брик — Л. Брик (Астрахань — Москва, 3 июля 1930 г.)⁸⁵

Дорогая моя, любимая Кисенька!

Полдороги проехал. В 12 часов едем обратно. — Путешествие прекрасное.

Всем советую. — Чистенько, не жарко, и вполне сытно. И не дорого.

Конечно, еда не очень разнообразная: все больше вермишель и яичница. Но дают и мясо, и рыбу, и даже сладкое (повидло).

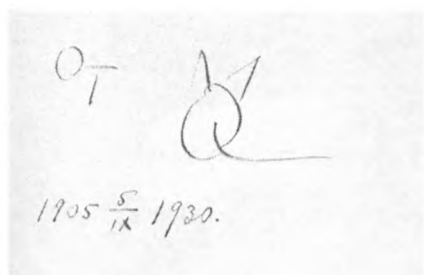
Цены такие: завтрак из двух блюд — 85 коп., обед из трех блюд — 1 руб. 10 коп. и ужин из двух блюд — 85 коп. Страшно пригодились чайник и сладости. Сухари оказались совершенно замечательные; варенье тоже; конфеты «крем-брюле» очень вкусные, ландрин — хуже.

Образ жизни — биологический: есть, спать и какать. Аппетит огромный, сон — с перерывами — часов 10 в сутки, пузо — поправилось замечательно: не болит и действует как часы (тьфу! тьфу! не слгзайте!).

До Астрахани у нас была двухместная каюта, ничего другого в Нижнем не достали. А из Астрахани нам сейчас дали 2 одноместные каютки, что много приятней.

В Хволинске к нам на пароход сел Виталий⁸⁶ и проехал с нами до Сталинграда. Ему очень надоело снимать и хочется в Москву.

Настроенье у меня хорошее. В голове ни одной мыслишки. Читаю, только чтобы скорей заснуть.

Записка О. М. Брика к Л. Ю. Брик к 25-летию их знакомства (5 сентября 1930 г.)

«Лейка»⁸⁷ работает; снимаю не много — нечего. Видел верблюдов. Смотрели Самару и Саратов. Казань и Сталинград не смотрели — лень. Крепко целую тебя, Кисенька. И Бульку в бешеную мордочку. Привет Эльберту и Аграновым, и Мише⁸⁸. Твой Ося

Киса! Ты не положила ни одного белого воротничка (?). Но они и не нужны оказались. Еще целую крепко, крепко.

Еще раз перечитаем последнее письмо. Прежде всего, обратим внимание на «у нас была двухместная каюта...»

О. М. почему-то во всех письмах из этой поездки упорно не называет по имени свою попутчицу — Евгению Гавриловну, — что дает даже повод усомниться, о ней ли здесь идет речь.

Но в архиве сохранилось такое письмо попутчицы О. М. к самой Лиле Юрьевне:

Е. Соколова — Л. Брик (Сталинград — Москва, 4 июля 1930 г.)⁸⁹

Киса милая!

Ося все время спит, мало ходит по палубе и «лопает» все, что дают.

Я тоже сплю по 12 часов в сутки.

Погода очень хорошая. Целую тебя крепко.

Жму Булькину лапку.

Женя

Что ж, подпись в конце письма вносит определенную ясность в ситуацию на корабле.

Однако заметим такое упоминание в письме О. М.: «В Хволинске к нам на пароход сел Виталий и проехал с нами до Сталинграда». Попробуем представить себе эту парадоксальную ситуацию. Осип Максимович Брик путешествует по Волге с законной женой Виталия Леонидовича Жемчужного. Последний лишь на короткий срок присоединяется к ним и в Сталинграде покидает отдыхающую в волжском круизе пару. Что ни говори, трудно понять подобные семейные коллизии в кругу Бриков...

Ну и, наконец, обращают на себя внимание приветы, передаваемые всей чекистской гвардии в бриковском окружении, наряду с поцелуями семейной любимице — Бульке.

(8) О. Брик — Л. Брик (Сталинград — Москва, 4 июля 1930 г.)⁹⁰

Дорогая, миленькая Киса!

Я выбрал самую красивую открытку, чтобы сообщить тебе, что я очень тебя люблю и целую.

Твой Ося

Пока Осип Максимович с Женей путешествовали по Волге, Лиля Юрьевна оставалась в Москве.

Уже несколько раз ей снился один и тот же сон, о котором она даже записала в своем дневнике: *«Приснился сон, — я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: Все равно ты то же самое сделаешь... Нет, Володя, мне еще рано...»*⁹¹

Сохранилась фотография, датируемая августом 1930 года. Впервые она была опубликована в книге Аркадия Ваксберга [Ваксберг, 1998. С. 275] и сопровождается таким текстом:

Постановление правительства о введении Лили в права наследства отмечали в том же подмосковном Пушкино, на даче, где каждое дерево и куст еще помнили зычный голос Владимира Маяковского. Арагоны уехали, все остались в своей компании и могли предаться ничем не стесненному веселью.

Об этой пирушке напоминает исторический снимок, сделанный драматургом и публицистом Сергеем Третьяковым. На снимке изображены все участники застолья, уже изрядно поддавшие и поэтому не ощущавшие потребности придать своим лицам чуть менее восторженный вид. Вот они поименно, слева направо: Клавдия и Семен Кирсановы, Ольга Третьякова, Михаил Кольцов, Валентина Агранова, Лиля Брик, Лев Эльберт, Яков Агранов и Василий Катанян. Осипа нет — он остался в Москве вместе с Женей. Зато есть оба чекиста — на боевом посту. Один даже в форме с ромбиками в петлицах (они заменяли тогда генеральские звезды на погонах). И все глядятся как одна семья, в дом которой пришла нечаянная радость. Чем счастливее лица, запечатленные фотокамерой, тем тягостнее разглядывать сегодня этот кошмарный снимок.

Не думаю, что Ваксберг здесь во всем прав. Если принять его же справку, что снимок сделан уже после отъезда Арагонов, то это могло быть в ноябре 1930 года, чему не соответствует летняя одежда снимающихся. Нет, скорее всего, верна его первоначальная датировка — «в августе» (т. е. до приезда Арагонов), но и в этом случае вряд ли участники застолья с восторгом празднуют событие по крайней мере двухмесячной давности — «о введении Лили в права наследства».

В. М. Примаков

То, что участники фотосъемки веселы, еще ни о чем не говорит. Траур по Маяковскому не мог продолжаться вечно, и причины для веселья собравшихся могли быть самыми разными...

В начале осени в нашей истории появляется еще одно главное действующее лицо — Виталий Маркович Примаков.

ПРИМАКОВ

Родился в 1897 году в местечке Шуманы в Черниговском Полесье в семье сельских учителей — Марко Григорьевича и Варвары Николаевны. Отец — казак, живший на хуторе и учительствовавший в народной школе, дед — потомок запорожских казаков. Виталий был старшим ребенком из пятерых детей⁹².

В 1910 году он сблизился с семьей известного украинского писателя М. М. Коцюбинского, дружил с его детьми — Юрием, Романом и Оксаной. Коцюбинский, непримиримый враг самодержавия, буржуазного либерализма, был знаком с М. Горьким, который высоко ценил его творчество, и неоднократно ездил к нему на Капри. Свободолюбивые мысли оказали

большое влияние на его сыновей⁹³ и дружившего с ними Виталия Примакова, способствовали формированию их мировоззрения.

В 1912 году Виталий вступил в ученический революционный кружок, на следующий год он уже сам руководит подпольным кружком заготовщиков и табачников.

В 1914 году вступил в Коммунистическую партию (партийная кличка — Артем), занимался выпуском и распространением революционных листовок против начавшейся империалистической войны, за что его в 1915 году арестовывают, исключают из гимназии, и по приговору Киевского военно-окружного суда Примаков лишается всех гражданских прав и отправляется «навечно» в Сибирь (Енисейский край).

После Февральской революции, в апреле 1917 года, возвращается из ссылки, с июня он — член Киевского комитета большевиков. В августе 1917 года Примаков поступил в 13-й запасный пехотный полк в Чернигове и этим полком был направлен делегатом на II Всероссийский съезд Советов. Во время октябрьского вооруженного восстания в Петрограде во главе красногвардейского отряда участвовал в штурме Зимнего дворца, в боях под Пулковым и Гатчиной. Избирается членом ВЦИК 2-го созыва.

В январе 1918 года по решению Украинского советского правительства сформировал полк Червоного казачества, которым командовал во время Гражданской войны 1918—1920 годов. В историю Гражданской войны и в науку советского оперативного искусства Примаков вошел как блестящий рейдист (рейды по тылам врага на просторах Киевщины, Волыни, Подолии, Полтавщины, Харьковщины), как выдающийся военачальник, хорошо понимавший значение конницы в тех сложных условиях. Он успешно сражается с войсками Петлюры и Махно, Пилсудского и Деникина. Его хорошо знают и ценят за военные успехи Ленин, Троцкий, Фрунзе, Орджоникидзе, Ворошилов, Котовский, Щорс.

В своей автобиографии 14 февраля 1921 года. Примаков писал: «*За галлицийский поход я получил золотой портсигар с надписью “Бесстрашному рейдисту, командиру Червоноказачьего корпуса тов. Примакову на память о 13 рейдах от командарма Уборевича”*»⁹⁴.

Его деятельность в годы Гражданской войны находилась не только под руководством наркомвоенмора Л. Троцкого, но и под особым контролем и расположением со стороны последнего. Так, А. И. Колпакиди и Е. А. Прудникова пишут: «*Есть предположение, что возглавляемая им (М. Тухачевским) 5-я армия, признанная лучшей армией Республики, должна была стать опорой Троцкого в войсках. Потом он сделал ставку на 1-ю конную бригаду Червоного казачества, которой командовал Примаков. По образному выражению... Примаков — это как бы Буденный Троцкого, а Тухачевский — его Ворошилов*»⁹⁵.

Гражданскую войну Примаков кончил во главе конного корпуса, состоявшего из двух дивизий (шесть бригад или же двенадцать конных полков),

он был награжден двумя орденами Красного Знамени (1919, 1920). ЦИК СССР наградил боевую конницу Советской Украины орденом Ленина, орденом Красного Знамени, а ВУЦИК — орденом Трудового Красного Знамени Украины.

После окончания Гражданской войны партия направила на учебу в Москву многих командиров-практиков. С октября 1922 года по август 1923-го Примаков учился на Высших военно-академических курсах состава РККА.

В 1922 году в московском «Сборнике трудов военно-научного общества» он публикует свой капитальный труд «Рейды червонных казаков».

В декабре 1922 года он — делегат исторического учредительного 1-го съезда Советов СССР, член ЦИК СССР.

После учебы до конца 1924 года Примаков командует корпусом червонных казаков. В январе 1924 года он — делегат 2-го съезда Советов СССР (на который приходит весть о смерти Ленина).

В мае 1924 года его назначают начальником Высшей кавалерийской школы Ленинградского военного округа, в которой учат молодежь, и переучивают закаленных в боях практиков (один из курсантов школы, Г. К. Жуков, позднее напишет в своих воспоминаниях о Примакове: *«Плотный, среднего роста, с красивой шевелюрой, умными глазами и приятным лицом, сразу завоевал симпатии слушателей. Это был человек широко образованный. Говорил он коротко, четко излагая свои мысли»*).

С апреля 1925 по февраль 1926 года он командирован военным советником в 1-ю Национальную армию в Китае. По возвращении оттуда написал под псевдонимом Лейтенант Аллен книгу «Записки волонтера (Гражданская война в Китае)» (Ленинград: Прибой, 1926).

Затем в течение года командует 1-м стрелковым корпусом Ленинградского военного округа, расквартированным в Новгороде.

В сентябре 1927 года назначается военным атташе в Афганистан. А с марта следующего года назначен советником афганского падишаха Аманулы-хана в проведении боевых операций против внешних и внутренних врагов. Примаков с честью справился с порученным делом; за разгром басмаческих банд Ибрагим-бека и Шана-Халифи в Средней Азии был награжден третьим орденом Красного Знамени. Иностранная пресса, описывая эту кампанию, называла Примакова советским Лоуренсом. В 1929 году в Ленинграде вышла его книга-очерк «Афганистан в огне». С мая 1929 по июль 1930 года Примаков — военный атташе в Японии.

В конце лета он возвращается в Москву.

Примаков был в первом браке женат на подруге детства — Оксане Коцюбинской. Как писал Виталий Маркович в 1920 году: *«Жена моя, Оксана Михайловна Коцюбинская, умерла в январе 1920 года, во время родов, рожденный ею сын умер вместе с нею в один день. Это одно из крупнейших несчастий, меня постигших»*.

В 1923 году, живя в Москве, Примаков встретил землячку и подругу его и Оксаны с детских лет, Марию Ароновну Довжик, которая заканчивала Первый медицинский институт, и женился на ней. От этого брака у них в Новгороде в 1927 году родился сын Юрий, очень болезненный мальчик. Из-за его болезни мать оставалась в Новгороде и не могла сопровождать Примакова в его поездках по стране и за границу.

В августе В. М. Примаков получает назначение — командиром и комиссаром 13-го стрелкового корпуса, расквартированного в Свердловске.

Легендарный герой Гражданской войны, о котором в народе слагались песни, и не просто кавалерист-рубака, а образованный военный дипломат, только что вернувшийся из Японии, литератор-публицист, молодой (всего 33), физически крепкий и красивый — таким он появился в Москве в конце лета 1930-го.

Именно такого героя хотела бы привести в свой дом Лиля Юрьевна. Со смертью Маяковского материальное положение «семьи Бриков» пошатнулось, несмотря на заработки О. М. и пенсию, которую начала получать Л. Ю. как вдова поэта. Маяковский много писал и печатался, ездил с выступлениями — все это (а не только перепечатка старого) приносило постоянный доход семье. Кроме того, с его уходом из жизни дом опустел, перестали появляться интересные люди, именитые гости. Да и, в конце концов, ей нет еще и сорока, почему бы и не подумать о личной жизни.

Кандидатура Примакова на роль ее нового мужа (при живом Осипе Максимовиче, разумеется!) подходила как нельзя лучше. А то, что он был женат и у него рос сынишка, не имело для Л. Ю. большого значения.

Как же они встретились и познакомились? На этот счет сохранились две версии-легенды.

Первая из них [Катанян В. В., 2002] — «романтическая» — выглядит так: Лиля Брик познакомилась с Примаковым еще в начале 1920-х, когда он учился в Москве, на одном из вечеров Маяковского. Он несколько раз был у них в гостях, но вскоре покинул Москву. Возобновились эти встречи в 1929 году, по возвращении Примакова из Афганистана. Маяковский якобы даже просил его дать в журнал очерк об Афганистане или о Японии. Уже находясь в Токио, Виталий Маркович узнал о смерти поэта. Он связался с Лилей Юрьевной и предложил ей приехать в Японию, чтобы как-то отвлечься, но она отказалась. Вернувшись в Москву, он стал часто бывать у нее в Гендриковом, и вскоре они вступили в брак.

Что и говорить, легенда хорошая, но не находит подтверждения в других источниках. О встречах Примакова с Маяковским нет никаких упоминаний — ни у самого поэта, ни у кого-то из его окружения⁹⁶. Маяковский ни разу не упоминает его — ни в своих произведениях, ни в выступлениях, ни в переписке. Если только образ товарища Копытко⁹⁷ не навеян кавалеристом Примаковым. Но и сам Примаков нигде не упоминает о своем знакомстве с поэтом. Еще более непонятно, в каком журнале Маяковский

предлагал Примакову в 1929 году напечатать очерк об Афганистане или Японии, так как последний журнал, «Новый ЛЕФ», который редактировал поэт, прекратил свое существование еще год назад.

Вторая легенда — «вульгарная» — ходит в желтой прессе и, по-видимому, оттуда попала в книгу Аркадия Ваксберга [Ваксберг, 1998]: однажды (летом-осенью 1930 г.?) она, выйдя из театра, попала под проливной дождь, но не сняла свои туфли, как сделали другие, а пошлепала в них по лужам. Рядом оказался Примаков, восхитившийся такой неординарностью, и предложил ей познакомиться. Она же, либо узнав известного по портретам героя Гражданской войны, либо прельстившись предложением незнакомого ей, но привлекательного и галантного военного, напрямик сказала ему: «Знакомиться лучше всего в постели». Ему осталось только принять это неожиданное предложение.

Ну что ж, как говорится, «она ему встретила, а он ей попался».

Достоверно одно: Примаков действительно в конце лета — начале осени 1930 года поселился в известной квартире в Гендриковом, в комнате, которую еще недавно занимал Маяковский (через полгода после его смерти!).

А вот как позднее вспоминает Л. Ю. о своем новом избраннике:

Примаков был красив — ясные серые глаза, белозубая улыбка. Сильный, спортивный, великолепный кавалерист, отличный конькобежец. Он хорошо владел английским, был блестящим оратором, добр и отзывчив. Как-то в поезде за окном я увидела крытые соломой хаты и сказала: «Не хотела бы я так жить». Он же ответил: «А я не хочу, чтобы они так жили».

Образуется новая «семья»: Лиля Брик — Виталий Примаков — Осип Брик, как это было при Маяковском, и Виталий Маркович охотно принимает условия их совместной жизни. Может быть, ему, известному военачальнику, но малоизвестному литератору, импонирует, что он занял в семье место САМОГО Маяковского! Во всяком случае, Л. Ю. не скрывает от него свое нежное отношение к Осипу Максимовичу, переписку, и часто на ее письмах Примаков дописывает ему свои приветы.

Что же касается Евгении Гавриловны, то она продолжает жить на Арбате вместе со своим «бывшим мужем» Виталием Жемчужным и лишь приходит в гости к Осипу Максимовичу в Гендриков («приходящая жена»!). И только в отпуск они регулярно ездят вместе.

Вскоре в гостях у Примакова в Гендриковом побывал его однополчанин по Червонному казачеству, впоследствии — писатель и биограф И. В. Дубинский⁹⁸. Вот как он описывает эту встречу:

Встретились мы с Виталием вскоре после его возвращения... В ту комнату я входил не без священного трепета. Маяковского уже не было, а в скромненьком кабинете, казалось, все еще звучал волшебный голос поэта. Здесь поэт ночи напролет ворочал «тысячи тонн словесной руды единого слова

ради». Мы сидели с Виталием на широкой тахте. А в трех шагах, прислонившись к стене, освещенный настольной лампой, стоял тот самый стол, за которым о всех замыслах и свершениях ленинского Кремля, подвиге сдвоенного огненным кольцом советского народа составлялись скупыми, но разящими поэтическими строками боевые рапорты грядущим векам и поколениям. Там родились слова: «Я славлю Отчизну, которая есть... [Дубинский. С. 142].

Но, как и почему оказался Примаков в комнате Маяковского, осторожный Дубинский не пишет, так же как ни разу не упоминает о Л. Ю. (впрочем, у этого «биографа» нет упоминаний и о жене Примакова — М. А. Довжик, и их сыне Юрии, хорошо ему знакомых).

Пятого сентября Осип Максимович вручает Лиле Юрьевне скромный подарок с запиской, обозначенной датами «5.IX.1905 — 5.IX.1930». Двадцать пять лет?! Боже мой! Милый Ося! Ведь действительно прошло четверть века со дня, когда они впервые встретились. Он пришел к ним в женскую гимназию, где вел кружок политэкономии. Как давно это было! Сколько воды с тех пор утекло!.. Окончание гимназии, взрослая самостоятельная жизнь, их свадьба... Потом война, Петроград, Маяковский, революция, Гражданская война, разруха, нэп, смерть Володи... А Ося не забыл их первую встречу! Очень памятный и приятный юбилей!

Осенью в Советский Союз приезжают Эльза Триоле и Луи Арагон⁹⁹, чтобы принять участие во Второй международной конференции пролетарских писателей, которая должна была проходить в Харькове в начале ноября. Это первая встреча Лили и Эльзы после смерти Маяковского, а Арагон вообще впервые в СССР. Они знакомятся с Примаковым, и он им нравится и своей военной дисциплиной, и выправкой, и склонностью к литературе. В Харьков Арагоны отправились вместе с Осипом Бриком.

В конце ноября на экраны Москвы вышел художественный фильм «Два-Бульди-два», автором сценария которого был О. М. Брик.

Фильм пользовался большим успехом у зрителей, о нем писали газеты; Осип Максимович ходил довольный и гордый успехом.

В эти же дни побывал в гостях в Гендриковом давний знакомый семьи, один из руководителей Киргизской Республики Юсуп Абдрахманов¹⁰⁰, дневники которого были опубликованы в 1991 году [Абдрахманов. С. 130, 132]:

25.XI.30.

Вечером был с М.¹⁰¹ у Лили. Там же встретил В. П.¹⁰². Странное впечатление произвел на меня В. В нем не чувствуется облика партийца, бойца; каковым я его знал два года назад. М. считает, что Л. и В. замечательная пара, а я боюсь, что их связь может привести к тому, что Вит. застрянет в болоте обывательского благополучия и будет потерян для партии и революции...

29.XI.30.

В 10 час. вечера поехал к Брикам. Повидал Аграновых, познакомился со Златой¹⁰³. У нее много общего с Лилей.

Вит., как и вчера, ухаживает за собачкой Л. Отвратительно. Лиля убеждена, что Вит. ее очень любит и она тоже его любит, но не очень, так, как Вит. Более того, она считает возможным без боли для себя разрыв с Витом, если он не перестанет ревновать ее к прошлому и не поймет ее отношение к Оське. В общем отзывается о Вите сдержанно лестно, но не совсем похвально. Л. почему-то не хочет, чтоб я об этих вещах рассказал М. Она, видно, не знает, что у меня нет и не будет никакого секрета от М.

В СВЕРДЛОВСК

Виталий приехал с Урала в Москву, чтобы забрать Лилию в Свердловск, где он начал новую службу. Странно было ей уезжать из Москвы на новое местожительство, но делать нечего, надо отправляться за мужем. Впрочем, чуть предсказывало, что этот отъезд ненадолго, и она будет постоянно возвращаться в столицу, хотя бы по издательским делам, и, конечно, московская прописка в паспорте сохраняется. Большое беспокойство за Осю: как он здесь будет один, Женя — не в счет. Как будет вести один домашнее хозяйство? На что будет жить? Хватит ли ему его нерегулярных заработков?

В ночь с 13 на 14 декабря Лиля с Примаковым выехали поездом в Свердловск. Из-за позднего времени отъезда Осип Максимович не поехал на Казанский вокзал. Прощались дома.

(9) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 15 декабря 1930 г.)¹⁰⁴

Дорогая моя, любимая Кисенька!

Не успела ты еще уехать, а я уже соскучился и хочется писать тебе письмо.

Очень интересно знать, как вы уехали, какой был вагон? С чаем или без чая? Был ли ресторан? Кто ехал? Какая температура? И смотрели ли вы в окошечко? И что там было видно?

У меня пока никаких событий. Только Булька ночью стащила со стола масленку и вылизала все масло. До того чисто вылизала, что Аннушка даже удивилась: «Так чисто и не вымоешь никогда». Я срамил Бульку, тыкал ей в нос пустую масленку, она прижимала ушки и дрожала. Обещала больше этого не делать, но я ей не верю.

Вчера вечером меня вытребовали к Асееву на совещание по Володиной выставке¹⁰⁵. Был Абих¹⁰⁶, Лавинский, Поволоцкая — жена Абиха, Лиля Лавинская и почему-то поэт Пулькин¹⁰⁷ (еще была Людмила Влад.¹⁰⁸).

На меня накинулись, что я не помогаю делать выставку. Я сказал, что халтурить я не желаю, а настоящую выставку можно сделать только тогда, когда будет собран и тщательно изучен весь материал.

Тогда Абих сказал, что я оппортунист и прикрываюсь академичностью, чтобы саботировать выставку. Тогда я сказал, что я никому не мешаю делать выставки, но сам делать их не буду, а буду собирать и изучать материал.

Решили, что нужно делать и то, и другое. А в первую очередь нажать на Ком. Академию, чтобы устроить кабинет Маяковского¹⁰⁹...

Со всем этим я полностью согласился.

...Пожалуйста, не забывай меня и люби, и пиши.

Целую тебя, Кисик, очень крепко.

Твой Ося.

Очень привет Вит. Марк.¹¹⁰

Доказательство, что $2 \times 2 = 5$

$81/4 - 36 + 16 = 81/4 - 45 + 25$,

значит:

$(9/2 - 4)^2 = (9/2 - 5)^2$,

следовательно:

$9/2 - 4 = 9/2 - 5$,

а потому:

$4 = 5$,

и таким образом:

$2 \times 2 = 5!$

(10) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 19 декабря 1930 г.)¹¹¹

Миленький мой, родненький Кислит,

канитель с квартирой. Во-первых, еще не окончен ремонт, и какой ремонт!! Ты не представляешь себе, как они закакали стены! Одна комната голубая, вся в узорах и орнаментах, вторая — розовая. Когда я увидела, меня сразу затошнило, по-настоящему. Остальные две комнаты удалось спасти, и их просто выбелили.

Во-вторых, клопы живут дружными семьями. Придется сделать дезинфекцию серой, а после этого четыре дня нельзя въезжать — вонь страшная.

Живем у жены Плау¹¹² — очень чисто и гостеприимно, но вещи наши все в чемоданах, ванны нет. Грею воду на примусе и моюсь в резиновом тазу. Сам понимаешь, что не об этом я мечтала.

Никакой книжки, конечно, не пишу — опять жру. От непрерывного хождения людей в форме кажется, что сижу в милиции.

Обедаем в «Доме чекиста». Замечательный дом (архитектурно) и за гроши идеально кормят. Вообще, городок чудесный, весь в новых огромных домищах, с громадными окнами. Хожу, как на (нрзб.), оттого, что в валенках совсем не скользко. Ужасно обидно, что не взяла «лейку». Смешные есть вещи.

Скорей бы квартира, и я займусь нервами и книжкой.

Пиши подробно обо всем.

Здесь замечательные лошажики — крошечные, пушистые, причесанные бобрчком и страшно быстрые, а собачков почти нету. Одна бегает по двору — рыженькая, с раз навсегда поднятым хвостиком.

15-го января я выеду в Москву¹¹³. Если нужно раньше — телеграфируй. Завтра утром буду говорить с тобой по телефону.

Пиши по адресу: ул. Ленина, д. 36, кв. 19¹¹⁴. Пока дойдет до тебя это письмо, пока ты ответишь, мы уже будем там.

Булочка по мне не скучает?
 Обцеловываю твой шарик. Ты купался? А Булька?
 Целую вас обоих во все местечки.
 Ваша (Киса — рис.)
 [Конец письма с припиской оторван. — А. В.]

(11) **О. Брик — Л. Брик** (Москва — Свердловск, 23 декабря 1930 г.)¹¹⁵

Дорогая моя, золотенькая Киса!

Можешь себе представить: до сих пор еще в сберкассе деньги не поступили! Жду со дня на день. Терпу! терпу!

В «общем, и целом» все благополучно. Только Кушнер¹¹⁶ задерживает статью. Это противно, но не страшно, так как Госиздат не торопит и чувствует свою вину перед авторами.

Я написал тебе уже 2 письма, а от тебя не имею до сих пор ни одного (?!!!). Хотел позвонить тебе по телефону, но линия со Свердловском оказалась в неисправности. Сегодня послал тебе телеграмму, что денег пока нет. Как только получу, сейчас же тебе вышлю¹¹⁷.

Я написал маленькую статью о Семке под названием «Ученик Маяковского» и сдал ее в «Лит. пост»¹¹⁸. Еще не знаю, возьмут ли.

Дописал и сдал сценарий в Межрабпом. Они ворчат, что не подробно написал¹¹⁹.

Копию договора на дешевое издание получил. Насчет «Огонька» ничего еще не известно, так как Соловьев¹²⁰ неуловим. Но Катаньян его взялся поймать...

...Посылаю тебе при сем письмо от твоей мамы¹²¹. Я открыл его, потому что на конверте было «гр-ну О. М. Брик».

Статью Вит. Марк.¹²² я получил и доставлю по адресу.

Настроенье у меня приличное. Только без тебя очень скучно. И кроме того, досадно, что квартира была еще не готова и ты, как я понимаю, нервничала и сердилась.

Кисенька! пиши мне почаще. Я про тебя все время думаю и мне неуютно, когда от тебя долго ничего нет.

Аннушка меня кормит и поит. Реношка бегает бойко¹²³. С этой стороны все в порядке. Мучают немножко кредиторы, но это ерунда.

Насчет нашей квартиры никакого пока движенья. Хаит хочет вылопотать нам 3ий этаж¹²⁴. Это было бы, конечно, неплохо.

В ответ на наше объявление об академическом издании поступило несколько писем.

Некоторые любопытные.

1). Из Новочеркаска пишет студент Калафян о Володином выступлении с поэмой «Хорошо»¹²⁵. После чтения Володя написал в дневнике кружка: «Работайте, ребята. Главное — не унывать, а есенинщину — по боку. В. Маяковский». — «А теперь этот листок в рамке висит в нашем институте. Это гордость нашего кружка».

2) Из гор. Сталин¹²⁶ (Донбасс) пишет заведующий Центральной библиотеки, что у них организуется выставка Маяковского и уже собрано около 700 книг, снимков, плакатов, вырезок и пр.

Просит выслать ему фото-снимки: а) ручки, которой писал поэт; б) кабинета поэта; в) револьвера, которым застрелился Вл. Вл. и № его¹²⁷ и г) дома, в котором жил и работал поэт.

3) Из Нового Буга (Украина) пишет Щербаков. Спрашивает, нужно ли специальное разрешение от родственников для перевода «Облака в штанах» на украинский язык...

Целую тебя, моя радость, тысячу тысяч раз.

Очень тебя люблю.

Твой (Кэт — рис.)

Вит. Марк. привет очень сердечный.

(12) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 24 декабря 1930 г.)¹²⁸

Милый мой, любименький, сладенький, родненький, красивый и умный Кислит!

Вчера, наконец, переехали¹²⁹, но нет прислуги¹³⁰, не топят, и я не знаю, когда же я начну писать книжку! Ужасно мне надоело такое житье!

Ехали мы очень хорошо, с рестораном, немножко смотрели в окошко на лес в снегу и на поле, тоже в снегу. Ехал с нами Элькан Гольденберг¹³¹, — засел в наше купе — ужасающий пферд¹³²

Хотели сегодня позвонить тебе, но не было сообщения с Москвой. Попробую завтра. Я взяла уже абонемент.

Пишу дневник.

17-го твой день рожденья, и я обязательно буду в Москве.

Телефон мой 14-74.

Скажи Васе, что посуда цела¹³³...

...Очень нужны денежки, Кислит. Как только получишь, — обязательно переведи.

Я массу должна Виталию¹³⁴ и вообще неуютно без своих денег!

Купи галоши!!!

Пожалуйста! ходи! к Циле! Яксу!¹³⁵

Везде расклеены афиши, что скоро откроется Володина выставка.

Я ужасно по тебе соскучилась. Все расскажу, когда приеду.

Что с машиной¹³⁶?

Поцелуй Бульку в обе щечки.

Привет Аннушке.

Что с новой квартирой?

Целую глазики и весь шарик!

Твоя (Киса — рис.)

Письмецо твое пришло на 7-ой день!

Напиши мне адрес Маяковских¹³⁷.

(13) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 26 декабря 1930 г.)¹³⁸

Милый мой, любимый Ослит,

мороз — 27 градусов!..

...Сегодня, наконец, начала писать книжку. Жаль, что так долго не налаживалась жизнь. Сейчас только все начинает входить в колею, и я уезжаю, и нервочки совсем не успели поправиться.

Получила от тебя пока только одно письмишко.

Денег еще не получила.

Была сегодня на Володиной выставке — убого, отвратительно, ничего не показано, а что показано, — не объяснено¹³⁹. У меня страшные угрызения совести.

Ужасно по тебе соскучилась. В Москве буду, оказывается, уже 6-ого.

Почему Катаньян не пишет?! Я на него злюсь.

А тебя и Булечку люблю и целую во все местечки.

Твоя (Киса — рис.)

Новый год они встречали порознь, она — в Свердловске, он — в Москве, и тосты теперь пришлось поднимать за встречу Нового года дважды: «по-свердловски» и «по-московски», с разницей в два часа. И звонить по междугороднему.

Трудный для наших героев 1930 год закончился.

Смерть Маяковского коренным образом перестроила их жизнь...

1931 ГОД

СНОВА В МОСКВЕ. ПЕРВОЕ ПИСЬМО СТАЛИНУ

Начав совместную жизнь, Лиля Юрьевна и Виталий Маркович стали с интересом знакомиться с таким разным окружением друг друга. Надо сказать, что литературная (а если точнее — культурная) среда Л. Ю. была все-таки ближе Витмару (это один из литературных псевдонимов Примакова), чем ей — его военная.

Будучи в Китае, он, например, познакомился и близко сошелся с Сергеем Третьяковым¹, находившимся там в командировке, по возвращении из которой написал нашумевшую в свое время пьесу «Рычи, Китай». А неоднократно бывая в редакции «Правды», познакомился с Борисом Кушнером, который работал там одно время. Да и сам Витмар был склонен к литературной работе. Он уже написал две книги — «Записки волонтера» и «Афганистан в огне» — и сейчас, когда выдавалось свободное время, работал над новой — «По Японии», на основе материалов своей последней зарубежной командировки. Время от времени Виталий Маркович печатал в газетах проблемные статьи на военную тематику.

Лиле Юрьевне круг военных и их семей совершенно не знаком, да она и не собиралась глубоко входить в него. Эти люди не только не интеллектуалы, с которыми она привыкла общаться, но и вообще, по ее наблюдениям, малообразованные, грубые и пьющие, чего она совершенно не выносила. Из всех новых знакомых ей понравился, пожалуй, только Иероним Петрович Уборевич² и его жена Нина Владимировна³ (см. в приложении очерк Л. Ю. Брик «Воспоминания о семье Уборевич»).

Познакомилась она и с красавцем-командармом М. Н. Тухачевским⁴. Оба произвели друг на друга хорошее впечатление. Михаил Николаевич умел ценить ярких по интеллекту и внешности женщин, «не переносил женщин вульгарных и одевавшихся без вкуса», но Л. Ю., разумеется, не входила в их число. При первой беседе с ней он признался, что еще до революции увлекался футуризмом и ранними произведениями В. Маяковского «и только в футуризме и близком к нему дадаизме видел будущее искусства». За творчеством Маяковского он следил и в последующие годы, знал о Л. Ю., но никак не думал, что ему доведется познакомиться с ней.

Л. Ю. познакомилась и с женой Тухачевского — Ниной Евгеньевной⁵, происходившей из дворянской семьи.

Разумеется, Л. Ю. заранее решила, что будет по возможности принимать у себя дома своих прежних друзей-интеллектуалов, но Примаков, усмехаясь, поведал ей, что политотделы РККА настойчиво рекомендуют командному составу держаться подальше от гражданского населения, «чтобы оградить воинские части от шпионажа»⁶. Впрочем, эта рекомендация не стала правилом в их семейной жизни.

Уезжая в конце прошлого года осенью в Свердловск, Лиля Юрьевна вовсе не прощалась с Москвой, она и не сомневалась, что будет часто наезжать сюда. Все-таки здесь оставался ее дом, охранять который должен был Ося. Здесь остались ее друзья, здесь требовали ее участия издательские дела. Да и вообще, как это можно без Москвы?

Так уж случилось, что Л. Ю. не смогла приехать на Осин день рождения, пришлось давать телеграмму и звонить по межгороду.

(14) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 16 января 1931 г.)⁷
КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ БУЛЬКУ =ЛИЛИЯ=
[Телеграмма]

Приехала она только в воскресенье, 19 января. В Гендриковом за дружеским столом собрались все свои. Ее расспрашивали о Свердловске.

Были и Родченки⁸. Варвара сказала, что только вчера подписали в печать книгу с плакатами окон РОСТА «Грозный смех»⁹, которую Маяковский подготовил еще в 1929 году, но она пролежала в издательстве больше года, и вот только сейчас дело вроде бы сдвинулось с мертвой точки. Варвара хорошо знала обо всем, так как она готовила к ней обложку и делала оригинальное оформление.

Судя по ее описанию, эта книга будет хоть и весьма оригинальной по оформлению, но все же не совсем то, что сейчас необходимо. После смерти Володи надо подводить итоги его творчества по всем направлениям; и уж если они готовят сейчас первое Полное собрание сочинений Маяковского, то надо выпустить полный альбом его художественного творчества, куда должны войти не только «Окна РОСТА» (как в Варвариной книжке), но и его рисунки, агитлублики, рекламные плакаты, да и вообще все, что им нарисовано, — ведь он был хорошим рисовальщиком¹⁰. И надо дать хорошую вступительную статью об этой стороне его творчества. Она договаривается об издании альбома в Издательстве изобразительных искусств и дает строгие наказания Катаняну и Осе по его подготовке.

Через день после приезда, накануне дня памяти Ленина, Лиля Юрьевна пишет письмо... вождю — И. В. Сталину:

21 января 1931 г.

Уважаемый тов. Сталин,

год тому назад, в день памяти Ленина, в Большом театре В. В. Маяковский читал последнюю часть своей поэмы «Ленин» и Вы при этом присутствовали.

Сейчас мы готовим к печати тот том Академического издания Маяковского, в который входит эта поэма. Мы хотим отметить это выступление с политической и художественной стороны. Поэтому обращаемся к Вам с просьбой написать несколько слов о Вашем впечатлении. Том должен быть сдан в печать 1 февраля, — поэтому очень просим не задержать ответом.

Л. Брик.

Л. Ю. Брик
Таганка, Гендриков пер., 15, кв. 5
Тел. 2-35-70¹¹.

Это письмо сохранилось и находится в РГАСПИ, в личном архиве Сталина, но неизвестно, попало ли оно в руки вождю или было отсеяно по дороге чиновниками из его канцелярии, а если попало, то как он отнесся к нему.

Так или иначе, Сталин на просьбу не ответил. И Лиля Юрьевна никогда и нигде не вспоминала об этом письме.

А в 7-м томе, где была опубликована поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», последнее выступление поэта с ее чтением в предисловии «От редакции» было упомянуто сухо и скупно: «*В последний раз Маяковский читал поэму в шестую годовщину смерти Ленина, 21 января 1930 года, на траурном заседании Моссовета в Большом театре*»¹².

Из-за отсутствия отзыва вождя об этом выступлении осветить его более ярко «с политической и художественной стороны» не получилось...

Примечательна еще одна деталь: Л. Ю. наивно рассчитывала на скорый ответ И. Сталина и сообщила ему свой московский адрес, ожидая, что письмо с отзывом придет еще до ее возвращения в Свердловск.

Но вождь не привык откликаться по заказу, в установленные каким-то издательством сроки; он сам определял когда, что и кому надо сказать.

В середине февраля Лиля Юрьевна возвращается в Свердловск.

Расквартированный в Свердловске 13-й стрелковый корпус, командиром и комиссаром которого был назначен Примаков, входил в состав Приволжского военного округа со штабом в Самаре. Командующим ПрВО в то время был Г. Д. Базилевич¹³.

Но уже в феврале 1931 г. командующим ПрВО назначается Б. М. Шапошников¹⁴. Примаков близко сходится со своим новым командиром, высоко ценя его интеллигентность и широкую эрудицию, они встречаются по-семейному, с женами, в домашней обстановке.

В каком-то сокровенном разговоре Примаков сетует на то, что Ворошилов недооценивает его, имеющего большой командный опыт в Гражданской войне и находившегося на военно-дипломатической работе за рубежом, назначив всего лишь командиром корпуса в заштатном городе.

Свердловск. Первый дом горсовета (ул. Ленина, 36), в котором Л. Ю. Брик и В. М. Примаков жили в 1930–1932 гг.

Свердловск. Вид с крыши Первого дома горсовета. Фото 1930-х гг.

Шапошников соглашается с этими доводами, обещает помочь. Не откладывая дела в долгий ящик, он еще весной пишет и отправляет по инстанции «наверх» такую служебную аттестацию:

Аттестация
на командира и комиссара 13-го стрелкового корпуса
Примакова В. М.

Развитой, интересующийся современным развитием военного дела командир. Знания совершенствует. Ум пытливый. С достаточной волей и настойчивостью. Инициативен. Энергичен. Умеет потребовать от подчиненных

Свердловск. Справа виден Первый дом горсовета. Фото 1930-х гг.

выполнения своих приказов. Подготовка частей корпуса вполне удовлетворительная. Много времени уделяет строительству. Пользуется авторитетом. Вполне достоин выдвижения на должность помкомвоисками округа¹⁵.

Командующий Приволжским военным округом
Б. М. Шапошников¹⁶.

Борис Михайлович не скрыл от Примакова факт отправки в Москву аттестации на него со своими предложениями, и Виталий Маркович с Лилей Юрьевной стали ждать перемен.

(15) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва; 24 февраля 1931 г.)¹⁷

Миленский мой Ослит,
посылаю лампочки, карты, Володины фотографии — больше здесь ничего хорошего нет.

Я, ужас до чего, соскучилась по тебе.

Постараюсь уговорить Виталия поехать не 3-го, а 2-го ввиду того, что поездка так опаздывают.

Книжку совсем не писала эту неделю. Завтра опять начну. Какое безобразие с Фаней¹⁸! Бедная девочка!

Целую тебя с головы до пяточек.

Твоя (Киса — рис.)

В начале марта она вместе с Примаковым приезжает в Москву, но уже через неделю, на этот раз втроем, с Осипом Максимовичем, они возвращаются в Свердловск. И если в Москве уже всюду пробивается весна,

Свердловск. Первый дом горсовета. Фото 1930-х гг.

то на Урале еще стоит самая настоящая уральская зима, с глубоким снегом и морозцем.

На двери квартиры Примаковых, как было всегда у них в Гендриковом, еще при Маяковском, прикреплены две таблички: «ПРИМАКОВ» и «БРИК».

Осип Максимович привез в подарок Виталию Марковичу фильм «Червонцы», который только недавно был снят на Одесской кинофабрике¹⁹. Виталий Маркович был очень тронут этим подарком и тут же устроил просмотр в военном клубе.

Лиля Юрьевна, уже как старожил города, показывала Осипу Максимовичу Свердловск. Побывали они везде, где три года назад жил и выступал Маяковский.

А в первых числах апреля, к «Володиным дням», Л. Ю. и О. М. вместе вернулись в Москву.

В письме сестре в Париж от 30 апреля 1931 года она пишет:

К годовщине были, конечно, в Москве. Все газеты и журналы были полны Володей. Было уже постановление о том, чтобы переименовать Триумфальную площадь (где театр Мейерхольда) в пл. Маяковского²⁰, и внесено предложение назвать большую аудиторию Политехнического музея — аудиторией Маяковского²¹.

Свердловск. Плотинка. В верхнем правом углу виден 5-этажный Первый дом горсовета. Фото 1930-х гг.

Ося работает в издательстве «Молодая гвардия» по детскому сектору до шестнадцатилетнего возраста — редактором-консультантом — очень увлечен. Я вожусь с Володиными книжками и читаю Маркса!!! Ужасно интересно!!

...Послала вам с Кушнером Арагоновскую поэму²² и Володину книжку. Посылаю в этом конверте фотографию и «Во весь голос».

15 мая поеду недели на две к Иншале, а оттуда с ним на 6 недель на Волгу. Пиши сюда, в Москву — Ося перешлет...²³.

«Иншала» — это домашнее прозвище Примакова, возникло от его привычки повторять: «Инш-Алла» («Если Аллаху будет угодно»).

Во второй половине мая Лиля Юрьевна вместе с Виталием Марковичем, который на несколько дней приезжал в командировку в Москву, выехали обратно в Свердловск.

СВЕРДЛОВСК

(16) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 23 мая 1931 г.)²⁴

Милый мой, любимый, сладенький, самый лучший на свете Кислит!
Хотя утром говорила с тобой по телефону, но сейчас уже соскучилась и потому пишу тебе письмо.

Ехали мы хорошо, но очень пыльно. В ресторане ели рябчиков, жареные грибы и свежие огурцы. Дорого немислимо! Например, за рябчика, бифштекс, порцию грибов, бутылку нарзана и сотню папирос «Норд» мы заплатили 29 рублей²⁵. За одни папиросы — 15 р.!

Свердловск. Дом чекиста (ул. 8 Марта, 2). Фото 1930-х гг.

Читали Laughter Сенкевич²⁶. Страшно много спали. Опоздали все-таки на три часа.

Из квартиры убрали печки и трубы, и стало очень хорошо.

Мальчик²⁷ совсем к нам привык, — ужасно пристаёт, а сегодня так обьелся, что его вырвало около кровати на половик. У него хватило совести удрать в кухню и спрятаться под стул.

Виталия прикрепили к очень хорошему распределителю, и с едой теперь совсем просто.

Вчера, в час дня уехали за 12 километров и отпустили машину. Взяли с собой два пледа, подушку, чемодан с едой и питьем и до шести часов (в 6 ч. приехала за нами машина) провалялись под огромным кустом цветущей черемухи. Виталий разжег костер, и не было ни единой мошки. Потом принесли воду в банке из-под консервного компота и пили горячий чай, — ничего вкуснее я не пила в жизни!

Снимались во всех видах — вместе и врозь.

В Казань поедем, должно быть, 27-го. Хочу непременно кончить там книжку. Хочу приготовить ее для печати (!), переименовав большинство имен и фамилий. Дам тебе прочесть целиком самому, и тогда ты скажешь, не стыдно ли ее печатать.

Кислит, у меня есть такая меховая северная шубка с капюшоном, которая надевается через голову. Созвонись, пожалуйста, с Раей Кушнер²⁸ (2-99-29) и спроси ее, когда ты мог бы послать ей эту шубку. Я хочу, чтобы она отвезла ее Эльзе²⁹.

Ослит, спроси у Нины Владимировны³⁰, что, кому и куда должен написать Виталий, чтобы получить квартиру у них в доме³¹. Она говорила, что это возможно и что там частые перемещения. По-моему,

Свердловск. Городской пруд. Фото 1930-х гг.

там очень хорошо было бы жить. А ты как думаешь? По-моему, лучше, чем в новом доме.

В Казани буду лежать в гамаке и писать книжку, хотя она мне кажется уже неинтересной и глупой.

Свердловский пруд растаял и оказался огромным, а в садике около пруда стоят столики и продают мороженное, но мы не едим, хотя очень хочется — боимся отравиться.

Не забудь сказать Вере Ивановне³², чтобы она пересыпала спальный мешок нафталином, а, главное, чтобы ужасно за тобой ухаживала.

Кислит, умоляю тебя и Васю³³ сдать к 10-му альбом!!!

На первые же деньги пусть Вася едет в Питер.

Пламенный привет всем вождям³⁴ и Булечке.

Люблю тебя больше всего на свете.

Целую весь шарик.

Твоя (Киса — рис.)

Все заграничные подарки заверни в бумагу и положи в мой платяной шкаф.

(17) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 25 мая 1931 г.)³⁵

Мой любименький, родненький светик Ослит-Кэс!

Ужасно обидно, что мне тебя не было слышно, а разговаривать в странство очень противно. Я поссорилась с телефонной барышней, — просила ее дать мне другой провод, а она мне нагубила, а я пожаловалась Виталию, а он пожаловался на нее на станцию, но от этого было слышно ничуть не лучше, и я тогда просто заплакала и плакала минут 15! Морда у меня распухла, я намазала ее густо мазелином и пишу тебе письмо.

Свердловск. Редакция «Уральского рабочего», где В. Маяковский выступал в 1928 г. перед спецкорами

Мне здесь ужасно скучно. Я знаю, что это отчасти потому, что я со дня на день жду нездоровья и от этого у меня *Weltschmerz*³⁶.

В Пермь поедем (инш-алла!) 28-ого.

Вчера была в зоологическом саду — зверев масса. Из диких зверей мне больше всего понравился недавно родившийся ослик — крошечный, как собака, ужасно худой, с огромной головой — я его погладила. А еще из хищников понравился заяц за то, что он чистоплотный — сидел на задних лапках, а передними мыл мордочку. И — цапля, ужасно красивая — дымчатая, с рубиновыми глазами и с хохолком. А две обезьянки подрались из-за веревки, на которой оба хотели качаться. И еще есть там очень пестрый попугай — он живет на жердочке, на свободе, и все время разговаривает. Его спрашивают, сколько ему лет, и говорят разные цифры, а когда спрашивают: «Может быть, тебе 44 года?», он отвечает возмущенно: «Дур-р-рак!» Есть пруд с массой водяных птиц и всякая мелочь, вроде львов, леопардов и белых медведей. И буфет с конфетами из сои.

Кэс! Позвони Бутлерам — Лидии Александровне и Анатолию Александровичу³⁷ (телефон 5-86-74), — как бы они не уехали до Булькиной течки, надо ее обязательно свести, а то, боюсь, взбесится.

Хочу пойти сегодня в библиотеку к Зое Алексеевне³⁸, — они распродают изъятые книги.

Наших звезд экрана не ходила смотреть (Розенель³⁹, Судакевич⁴⁰, Эггерт⁴¹, Ильинский⁴²). Секретарь обкома говорил Виталию, что уже 8 лет не видел такой халтуры. Интересно, что же это он видел 8 лет назад.

Виталий рассказывал, что у них в Китае⁴³ было две обезьянки-макаки. Раз они с Дрейцером⁴⁴ проснулись ночью и видят, — за одним столом сидит

Свердловск. 5-й Дом Горсовета (ул. Вайнера, 9а). Фото 1950-х гг.

одна, за другим — вторая, макают лапку в чернила и пишут по столу, а потом подбежали к карте на стене, страшно быстро стали разговаривать и водить лапой по карте, как Дрейцер с Виталием.

А собаку (китайскую дворнягу) самка била по морде и немедленно пряталась за спину мужа.

Вот тебе все мои свердловские впечатления. В сквере на площади бабы подстригают машинкой траву — и так 300 лет. Машинки такие маленькие, как для головы.

Виталий все такой же миленький, но я хотела бы, чтобы он был такой миленький — в Москве!!!!!! Я учу его немецкому языку. В Казани он напишет для тебя книжку. Когда Денисовский⁴⁵ поедет к нам, дай ему с собой книжки Вильгельма Буша — я привезу их обратно.

Я тебя люблю и страдаю, и целую усики, если они отрасли.

Бульку целую, остальным всем кланяюсь.

Твоя (Киса — рис.)

(18) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 26 мая 1931 г.)⁴⁶
Кислит!

Ты не расслышал, — это я послала тебе портсигарчик с Судакевич.

Все-таки, сволочи, что не дали квартиру⁴⁷, хоть мы и раздумали туда переезжать! Возьми с них 40 червонцев — 20 твоих и 20 Володиных. Кви-танции у тебя, в папке моего имени. Чудеса в виде свободных квартир бывают в тех случаях, когда владельцев этих квартир арестовывают, и я слышала, что Тарасов-Родионов⁴⁸ по захвату таких квартир большой спец.

Свердловск. Железнодорожный вокзал

На Арбат переехать, конечно, неплохо. Квартиру нужно брать от нашего имени и от Примаковского — крепче будет и дешевле.

Погода здесь возмутительная — пыль и ветрище. Билеты заказаны на 28-ое и 29-ое, — если Виталий успеет, то поедет 28-ого.

Кислит, купи, пожалуйста, 4 экземпляра 2-ого номера «Борьба классов»⁴⁹, там Витина статья, а тут его почти не продают.

Мы выменяли $\frac{1}{2}$ кило конфет на двух крошечных котятков — серенького и беленького. Серенький — изумительный, с просибирью, а у беленького гноятся глазки, и Лена⁵⁰ промазывает их борной, но оба веселенькие, играют, чем попало, и спят под плитой.

Вчера вечером были у нас Розенель и Судакевич. Судакевич — дерьмо, а Розенель неглупая и разговорчивая. Они столько раз звонили вчера, что не позвать было невозможно. Я подарила им бусы и, вообще, не причинила никакого вреда, а Виталий был сначала настоящий Тихоморов⁵¹, но последние полчаса так зевал, что мне было страшно.

Кислит, обязательно пропиши у нас Виталия. И узнай у Нины Владимировны насчет квартиры. В трех комнатах нам будет ужасно тесно!

Жаль, что нет денег. Здесь есть сейчас вещи, которые хорошо бы купить. Напр., — шелковое полотно на пижамы.

Тебе еще не надоело, что я тебе пишу письма?

Мы тут истратили все Витины деньги и в Казани будем жить на мои. Спроси в ГИХЛе, перевели ли уже 500 р. за этот месяц, и возмутись от моего имени, если не перевели.

Из Перми и отовсюду буду, конечно, телеграфировать.

Наш казанский адрес: Казань, Лагерь № 2, Штаб корпуса, В. М. Примакову, для меня.

Перешли мне туда письмо Юсупа⁵², и сам напиши длинное письмо.

Прочла Авербаха про Демьяна Бедного⁵³ и ужасно рассердилась.

Напиши про «Мол. Гвардию»⁵⁴. Про то, куда ходишь, с кем встречаешься. «В свете ль есть какое чудо?» Что прислала Эльза? Что привезла Бык⁵⁵? Начал ли Жемчужный снимать «Кем быть?»?

Целую Женю. Всем кланяюсь.

Люблю тебя, конечно, больше всего на свете.

Твоя (Киса — рис.)

Свердловск. Дом Красной Армии на Университетской площади (сейчас не существует). Фото нач. 1930-х гг.

(19) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 27 мая 1931 г.)⁵⁶

Любименький мой Кислятик,

ужасно жалею, что ты не порылся у Зои Александровны в библиотеке в изъятых книжках, — я уверена, что нашел бы массу интересных сказов про сороковые годы. Есть какие-то правительственные отчеты про освобождение крестьян — в 3-х томах!! Старые литературные исследования про Тургенева, про Достоевского. Я бы купила, но боюсь, вдруг неинтересные, а толстые, пыльные и тяжелые.

Вчера вечером смотрела в драматическом театре гастроль Малого театра — «Президенты и бананы». Теперь я понимаю, как люди становятся провинциалами.

Эти открытки⁵⁷ я купила в том краеведческом ларчике, который при тебе не открывался, а теперь он вновь открыт, — «просим милости зайти».

Но человек все равно плохо чувствовал. Нервочки у меня гудят. Раздражительна до того, что еле сдерживаюсь. До того скучно, что боюсь не дотянуть до 29-го и — сбежать в Москву. Весь день не с кем слова сказать, а Виталий приходит такой усталый, что от усталости глохнет (буквально), и мне стыдно мучить его разговорами, хотя он очень старается слушать внимательно и делает вид, что ему страшно интересно. Постараюсь дотерпеть до послезавтра. Может быть, на пароходе отойду.

Кислит! Пожалуйста, не забывай и не разлюбляй меня. Если разлюбишь, я умру непременно от горя. А я тебя не знаю до чего люблю!!!

Сейчас 12 ч. дня. Сейчас поеду в ванну, потом отнесу письмо на почту. Потом куплю в распределителе масло и всякую хозяйственную мелочь для Казани — клеенку, занавески на окна и т. п.

Не хочется ни читать, ни писать. Ужасно расклеилась. В Казани буду себя лечить, инш-алла.

Целую ушки, глазики и Булечку.
Твоя (Киса — рис.)

(20) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 28 мая 1931 г.)⁵⁸

Кислит, мой бедненький!

Это, черт знает что, — до сих пор денег нет! Ты очень мучаешься? Столько домов — все пристают, небось? Я тебя ужасно жалею и целую.

Интересно, получил ли ты новую квартиру. Если получишь ордер, пошли туда немедленно Веру Ивановну — проверить, есть ли клопы, и, если есть, не въезжай без дезинфекции, а то, пока соберемся выкрасить стены, клопы заберутся в мебель, и тогда их ничем не выживешь.

Жаль, что нет денег, чтобы сейчас же сделать ремонт. Какое отопление? Какие полы?

Вчера ездили на постройку Уралмашстроя. Это уж совсем Клондайк. Даже конные милиционеры очень смахивают на Джек-лондоновских полицейских. Это километрах в 5-ти от Свердловска, — большой город из бараков, новых и строящихся фабричных корпусов. Все это вырублено прямо в лесу⁵⁹. Тут же сушится белье и пристроился фотограф с Крымской декорацией — кругом него толпа — ждут очереди сниматься.

Вчера же ездили на озеро Шарташ — очень красиво, и привезли оттуда массу сирени, — вся квартира запахла.

Я сделалась нездорова и сразу отошла, но все-таки рада, что завтра уже едем. Непременно постараюсь дописать книжку и долечить нервы.

Пиши мне в Казань, а то я не знаю, можно ли оттуда говорить по телефону.

Кислит, передай Наде Штеренберг⁶⁰ вложенное письмецо, — не помню ни ее, ни Колин⁶¹ адрес.

Хорошо было слышно сегодня. Жаль, что разговор был срочный. Простого заказа не приняли, а срочный — 6 р. минута!

Я тебя невозможно люблю. А ты меня?

Целую тебя и обнимаю изо всех сил.

Целую Булечку.

Твоя (Киса — рис.)

(21) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 29 мая 1931 г.)⁶²

Киска моя родненькая!

Киска моя любименькая!

Что же это ты так скучаешь? Даже плакала 15 минут!

Не думай, что здесь в Москве веселей.

Людмилу Влад. отдают под суд⁶³.

Женю за Горького выгнали со службы⁶⁴.

Катаньян без службы, без работы.

Петя Незнамов⁶⁵ без службы и денег.

Дела Терентьева очень плохи⁶⁶.

И т. д.; и т. д.

Свердловск. Штаб корпуса (пр-т Ленина, 6). Современное фото

А главное, что все люди стали ужасно скучные, не с кем слово сказать. Ну а теперь про квартиру⁶⁷. Вот примерный план:

	Уборная	Ванна		
	Кухня			

Комнаты большие, просторные. Вообще квартира производит очень приятное впечатление. Не знаю, как окажется, когда будем там жить. Но думаю, что риск небольшой. Во-первых, — Виталий Маркович имеет шансы получить другую, лучшую, а во-вторых, все-таки наша таганская очень неудобна. — Я думаю, что ты меня ругать не будешь. Полезная площадь в новой квартире раза в 1,5 больше. Сегодня должен уже быть готов ордер.

Работаю я много. Делаю три сценария. Один с Жемчужным, но этот почти окончательно уже готов. Другой с Гейнике⁶⁸ по обороне города от авиа- химического нападения. И третий с Леонидовым⁶⁹ о займах. Не могу сказать, чтобы это было очень увлекательно.

В «Молодой Гвардии» все еще никак не могут решить, кто будет заведовать — Разин или Лядова? Пока нет никого. Не с кем разговаривать. Тоже не очень весело.

В результате, я, главным образом, читаю. Читаю массу. И по 60-м годам, и по международной политике, и по литературе. Все-таки от этого больше всего пользы и удовольствия.

Сейчас побегу посылать тебе деньги и отправлять это письмо возд. почтой.

Посылаю тебе при сем письмо Юсупа.

Больше сейчас писать не буду, чтобы не опоздать на почту.

Целую тебя ужасно крепко.

И от себя, и от Булочки. — Я читал ей твое письмо об обезьянах, и она очень смеялась.

Кисинька, любимая, я напишу тебе подробнейше в Казань, а ты пиши мне немедленно.

Ужасно приятно получать твои письма.

Еще очень, очень тебя целую.

Твой Ося.

Виталию Марковичу привет сердечнейший.

(22) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 30 мая 1931 г.)⁷⁰

Самый миленький, самый маленький,
самый умный, самый красивый,
самый любимый на свете Кэс!

Ужасно интересно, получил ли ты ордер на квартиру.

Вчера думала о своей книжке и чуть-чуть пописала. Досадно и глупо, что я оставила все написанное в Москве. Постарайся открыть ящики моего письменного столика, — кажется, подходит ключ от платяного шкафа — и пришли мне с Колей⁷¹ и то, что перепечатано на машинке (правильный экземпляр), и то, что написано от руки (пачка, вынутая из кожаной книжки, с продетым в дырочки проводом). То и другое в верхнем или в нижнем ящике. Стол письменный опять запри. Ужасно противно, что не взяла с собой.

Деньги (двести рублей) сегодня получила — здорово быстро.

Белого котеночка, у которого больные глазки, Лена⁷² унесла к себе, — мы боялись, что серенький от него заразится.

А серенький необыкновенно сладенький. Зовут его «Бусик», оттого, что Виталий утверждает, что он бусого цвета. А бусый цвет — это каждый цвет, который, как будто, посыпан мукой (!?) У него совсем короткая круглая мордочка, маленькие ушки, внутри светлее, чем снаружи; глаза одного цвета с шерстью, совершенно круглые; короткий хвостик и очень длинные усы. Он юмористически крошечный и скачет за нами по комнатам галопом. Спал сегодня ночью у нас в ногах на отдельной подушечке.

Если вырастет симпатичнейшая кошка, — возьму ее с собой в Москву — не теперь, конечно, а через несколько месяцев.

У меня есть для тебя белоснежная мука на крендель (половину Лена нам испекла, половину тебе оставила) и пятьсот очень неплохих папирос — завтра отправлю тебе посылочку, — сегодня нет ящика.

Холод на улице — вчера вечером было 2° тепла, а сегодня днем — 8°. Согреваемся английским кофе, английским чаем с коньяком и ужасно вкусным старым мускатом (понемножечку).

Вчера легли в постель в 9 ч. вечера — с Сенкевичем, а сегодня проснулись в половине двенадцатого! По-моему, я даже выпалась.

Настроение у меня хорошее второй день. Хандра была от нездоровья.

Кислит! Ежеминутно звони в ГИХЛ насчет денег. перевели ли 500 р. за май? Чтобы перевели 1650 р. за июнь, из которых 500 р. чтобы немедленно выписала Клавдия Павловна⁷³, — позвони ей.

Умоляю к 10-му сдать альбомный матерьял со статьей в Изогиз!!!!

Телеграфируй мне, что сдал. Что это с Надей⁷⁴? Напиши подробно.

Позвони ей, — попроси написать мне. Я беспокоюсь, — противная штука почки.

Поцелуй Женю. Как вас кормит Вера Ивановна? Чем кончилась Горьковская история⁷⁵?

Ужасно нежно целую и люблю тебя и Бульку.

Твоя (Киса — рис.) Лиля

(23) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 31 мая 1931 г.)⁷⁶

Милый мой, родненький, золотенький Ослит!

Сегодня уже получила твое письмецо — на третий день — это очень быстро!

Как же это так, — Женю рассчитали?!⁷⁷

Напиши подробно. Воображаю!!

Хотела тебе сегодня звонить, — телефон с Москвой не работает. Значит — завтра.

Вчера писала книжку, — очень плохо пишу, гораздо хуже, чем раньше. Надоело вспоминать и плохо получается.

Сегодня опять 2° тепла! Холодище!

Виталий выходной, а из-за холода никуда нельзя поехать.

Вчера пошли в кино, — на одну картину опоздали, на другую (в другом кино) пришли на час раньше, — пошли домой час пить.

Кисленький! Я — намазелинная и испачкала все письмо.

Посылочку pošлю завтра, — Лена забыла принести ящик.

Сейчас пойдем с Витом на почту и в распределитель, — нет ли чего-нибудь интересного.

Кислит! Книжечку на промтовары⁷⁸ держи у себя.

Виталий тебе и Булечке ужасно кланяется, — сегодня начнет писать про сражение.

Ужасно тебя люблю и целую вас с Булькой.

Твоя (Киса — рис.)

(24) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 1 июня 1931 г.)⁷⁹

Любименький мой, бедненький мой Кислит-Пислит!

Я совсем расстроилась, что тебе замучили дела, но ехать сейчас в Москву мне, по-моему, глупо — я мало тебе этим помогу.

Машину хорошо бы поставить к Фаниному⁸⁰ приятелю в Серебряный Бор.

Во-первых, не платить. Во-вторых, никто не будет на ней ездить. Я буду счастлива, когда ты разделаешься с Алешей⁸¹.

А я приеду в июле и сдам машину в Комакадемию с тем, чтобы она заплатила нам тысячи три за ремонт, резину и т. п.

Сейчас иду отправлять тебе посылку. Папирос — 800 штук, фунтов 5 белой муки и 3 пакетика чая. Папиросы не толстые и не красивые, но Виталий хвалит, что хороший табак, и коробка стоит 91 к. — для Виталия.

Бусик напИсал на наше одеяло — страшно разыгрался и не удержался. Я мыла кипятком и вылила $\frac{1}{2}$ флакона духов, но все-таки я его люблю и завязала ему розовый бант вокруг шейки.

Кислит! У меня виноватое чувство, что ты там один отдуваешься. У тебя был по телефону очень раздраженный голосок. Послезавтра позвоню тебе. Мне кажется, что у тебя опять разошлись нервы и что ты меня ругаешь.

Чего они, сволочи, вовремя деньги не платят?! Все дело только в этом. Как бы их подогнать? Передай мою записку Халатову⁸². Надеюсь, это поможет.

Люби меня, Кислит, пожалуйста.

Целую тебя ужасно крепко.

Твоя (Киса — рис.)

НА ЛЕТНИХ МАНЕВРАХ В КАЗАНИ

Третьего июня Виталий Маркович с Лилей Юрьевной выезжают в Казань, где должны были проводиться большие летние маневры Приволжского военного округа. Поехали не прямым поездом, что было бы проще и быстрее, а кружным путем — поездом только до Перми, а дальше паромом. Хотелось немного отдохнуть и полюбоваться красотами Камы...

(25) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 3 июня 1931 г.)⁸³

Кислит!

Сегодня, наконец, едем. Ветер, но тепло: 20⁰ в тени. Если бы ты знал, как мне надоело паковать вещи!!

Все пыльное, мятое!

Не оказались бы туфли тебе малы, — я купила № 40, и теперь меня гложет сомнение.

В Казани, инш-алла, будем 9-ого июня и проживем до 5-ого июля.

Оттуда — в Москву, ни по какой, ни по Волге, а прямым железнодорожным сообщением. Виталий поедет по своим делам, а я весь июль в Москве. На август и сентябрь Виталий получил отпуск, и мы с ним поедem в Кисловодск.

Когда ты едешь в Киргизию?

Октябрь, после всех разъездов, буду в Москве. Значит, 5 месяцев, уж во всяком случае, не увижу Свердловска, а там видно будет.

[Конец страницы с фрагментом письма оторван]

Кислит! Ты, ей богу, мне любишь?

Противно, что выезжали сегодня в 4 ч. утра, — неизвестно, когда спать. И, возможно, что пароход из Перми уже уйдет и придется в Перми ночевать, а гостиница там, будто бы — ужасающая, — Виталию даже вспомнить ее противно. Вообще, мне ужасная лень ехать, — должно быть, я не авантюристка. Хотя, по Каме приятно поездить, и в Казани — на травке, тоже хорошо.

Надоело только все время чего-нибудь ждать и куда-нибудь собираться.

Целую тебя, мой маленький, миленький Кисяттик.

Твоя (Киса — рис.)

Поцелуй Булечку и не разлюбляй меня, пожалуйста.

(26) Л. Брик — О. Брику (Пермь — Москва, 4 июня 1931 г.)⁸⁴

ОЧЕНЬ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ВАША КИСА=

[Телеграмма]

(27) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Кама-пароход — Москва, 7 июня 1931 г.)⁸⁵

Кислятик!

Выехали из Свердловска 3-го в 6 утра. В вагоне спали почти до самой Перми. В Пермь приехали в 3 ч. дня. Виталий до самого отъезда был занят, а я просидела на вокзале в комендантской! Только часа на два съездили в кино и на автомобиле объездили городишко. Картина — ужасающая и город не лучше⁸⁶.

Пароход должен был отойти в 2 ч. ночи, но ушел в 7 ч. утра. В 12 ч. ночи, когда это выяснилось, поехали поспать в казармы, — это уже две бессонные ночи и два дня желудок не действовал (боялась принимать слабительное — неизвестно, где будем, когда желудок захочет действовать!). На пароходе немедленно завалились спать, но постельного белья и подушек не дают, а я взяла с собой только один комплект (и то — на всякий случай), и мы спим вдвоем на узенькой койке. Я опять не выпалась и ноги у меня, как колоды.

Все-таки едем чудесно. Пароходик меньше волжских, но такого же типа. Каютка очень уютная. Вчера было жарко, и мы весь день просидели на палубе. Берега красивее волжских. Пристани очень часто. Река замечательная. Чайки. Сегодня — дождь, мы открыли окно и сидим в каюте. Все красоты с нашей стороны. Плау⁸⁷ обыгрывает меня в «66», а Виталий, как известно, читает все подряд. Кормят плохо: вчера ели суп из соленой рыбы и кашу с маргарином, а сегодня — щи и творог, у меня второй день благородная отрыжка. Но у нас с собой икра, мед, пирожки, конфеты, английский чай, коньяк, а ветчину бросили в Каму, — она протухла. Хорошо ехать по реке — ужасно спокойно.

Телеграмма тебе написана и ждет телеграфа, но его нет ни на одной пристани.

В Казани должны быть послезавтра в 4 ч. утра. Инш-алла, опоздаем, и удастся поспать. Ты непременно съезди когда-нибудь по Каме — сплошные

Жигули. Сейчас все вымыто дождем, и на высоких розовых глинистых берегах стоят ярко зеленые деревца. Очень хорошо, и я рада, что еду.

Беспокоюсь, что с альбомом⁸⁸.

Интересно, переехал ли? Получил ли деньги? Трудно ли переезжать?

Хорошо бы телефон с Казанью.

Напиши мне все подробно.

Целую Булечку, люблю тебя и целую.

Твоя до гроба

(Киса — рис.)

Приписка на 1-й странице письма.

Дорогой Осип Максимович, едем очень хорошо, только Лилек продулся в «66», и боюсь, — Плау оставит ее без штанишек.

А берега у Камы красно-розовые.

Привет. Виталий.

(28) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 10 июня 1931 г.)⁸⁹

Кислит!

Только что вернулась с телефонной станции. Звонила тебе, — от нас никто не ответил. Может быть, ты уже переехал⁹⁰?

Наше лагерное жилище, инш-алла, будет сегодня достроено. Сегодня ночевали здесь в гостинице, — бока болят.

Жду от тебя подробнейшего письма по адресу: Казань, Лагерь № 2, Штаб корпуса, Примакову, для меня.

Как здоровье? Настроение? Что привез Вася⁹¹ из Питера?

Что с альбомом? Получил ли мою посылку? Что с квартирой? С Реношкой? Был ли у Халатова? Получил ли деньги?

Если можешь, переведи телеграфно рублей 250. Перед отъездом в Москву понадобится столько же. Вторую порцию пришли с Денисовским. С ним же пришли конфет, — пусть Зоря⁹² купит у себя кило шоколадных и немножко ирисков.

Если денег нет, как-нибудь выкрутимся, но, по-моему, Халатов должен дать.

Из Перми от усталости забыла тебе телеграфировать название нашего пароходика, а когда спохватилась, было уже поздно. Сейчас, конечно, беспокоюсь, — не случилось ли с тобой что-нибудь плохое. Попробую позвонить из лагеря, телеграфируй мне.

Вчера вечером слушали Зининого⁹³ балалаечника, — здорово запузывает!

Возит его Лавут⁹⁴. Я так и ахнула, когда его увидела, — ужасно вспомнились Володины выступления в Крыму⁹⁵ — такой же театришко.

Вчера объездила на машине город. Он большущий, но ужасно вонючий, стараюсь не дышать.

Кисленький! Завтра напишу про все, а сегодня тороплюсь на почту.

Обидно, что не поговорили по телефону! Соединили в 11½, — ты, должно быть, уже ушел.

Что в «Мол. Гвардии»?

Напиши про все.

Я тебе люблю и страдаю, и целую вас с Булечкой.

Твоя (Киса — рис.)

(29) О. Брик — Л. Брик (Москва — Казань, 12 июня 1931 г.)⁹⁶

Дорогая моя, обожаемая, любимая и пр., и пр., Кисенька!

Я немножко захлопотался и поэтому не успел написать тебе письмо к твоему приезду в Казань, от этого ты, должно быть, и расстроилась. Извини мне, пожалуйста.

Твою телеграмму из Казани о приезде я получил только на следующий день к вечеру, так как на Таганке не сразу добились моего нового адреса.

Теперь все по порядку:

1). Переехал я сразу и спешно. Во-первых, потому, что квартира всем очень понравилась, и все советовали мне переехать как можно скорей, пока ее не заняли. Во-вторых, на Таганку уже начали ходить всякие люди и облюбовывать наши комнаты. Я нанял подводы и перевез все тяжелые вещи, а мелкие вещи и книги перевозились вперед-назад на Реношке. В общем, переезд стоил около 200 р. и прошел вполне благополучно.

Квартирка очень симпатичная, очень смешная, и совсем не похожа на квартиры в новых домах. Она тебе понравится. — Полы паркетные, в твоей комнате большой внутренний (в стене) шкаф до самого потолка.

Ужасные только окна и двери, но их еще будут делать. Надо еще красить стены и потолки.

Хорошая газовая плита и чистенькая газовая ванна.

К твоему приезду я постараюсь прибрать ее, как можно лучше.

2). С деньгами неважно. 500 р. уже перевели, но в сберкассе их еще нет.

К Халатову я пока еще не ходил. Его очень трудно словить. Наскреб я 200 р. и послал тебе телеграфно в Казань; тебе они, должно быть, очень нужны. Надеюсь, что ты их уже получила.

3). Катаньян только вчера вернулся из Ленинграда⁹⁷. Раздобыл все, но не все привез, так как снимки еще не были готовы. Их пришлют сегодня-завтра. Статью я написал. И 15-го, так или иначе, мы Малкину⁹⁸ альбом сдадим. Денисовский едет в Казань 15-го.

4). Алеша⁹⁹ очень помог мне при переезде, но 20-го я с ним распрощаюсь, тем более, что нас гонят из гаража.

5). Булька сейчас у Бутлеров с мужем. Завтра должна вернуться домой.

6). Вера Ивановна ночует у нас, потому что ей некуда деться, и мне одному с квартирой трудно.

7). Я немножко зашился с работой: пишу сценарий с Леонидовым и еще сценарий с Гейнике, и очень много работы оказалось неожиданно в «Молодой гвардии», и все это не очень интересно.

8). Насчет телефона я позвонил Зоре, и он обещал подействовать.

9). Да, — насчет нашего нового адреса! Когда я въезжал, мне сказали, что номер квартиры 46, а потом, через день пришел дворник и сообщил: «Мы все квартиры заново перенумеровали, и ваша квартира теперь 26», в чем я должен был на листочке расписаться. Значит, адрес такой: Арбат, Спасо-Песковский, 3, кв. 26.

10). Кисик! куда можно позвонить тебе по телефону? Сообщи номер телефона, я тебе позвоню. Очень хочется услышать твой голосок. Я очень без тебя скучаю.

11). Посылаю тебе при сем 2 письма — от мамы и от Эльзы.

12). Женю окончательно уволили и написали в официальной бумажке, что уволена, потому что «назвала творчество Горького старым барахлом»!

Она очень нервничала сначала, а теперь успокоилась.

Вот, Кисик, сколько я тебе написал, и скоро еще напишу. Настроенье у меня приличное. Здоровье хорошее. Очень по тебе скучаю.

Кругом все замученные.

Лева¹⁰⁰ худой, бледный. Сережа Третьяков¹⁰¹ ежеминутно в истерике. Коля¹⁰², Сема¹⁰³ пьют. Катаньян малохолен и все спит. — Веселого мало.

Какая у вас погода? Хочется, чтобы ты здорово попаслась.

Кисик! Пиши мне часто. Люблю тебя ужасно, миленькая.

Целую тебя очень крепко.

Твой Ося.

Вит. Марк. очень, очень кланяюсь.

(30) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 12 июня 1931 г.)¹⁰⁴

Кислит!

Ты представляешь себе мой ужас, когда я получаю извещение, что «Брику срочная телеграмма не доставлена!» А днем раньше никто не подошел к телефону! Вероятно, ты послал телеграмму о переезде, которую я не получила, — срочные телеграммы редко доходят. Решила, если сутки не будет ответа, — лететь в Москву. Тряслись все поджилки.

До чего интересно, что ты переехал! Что говорит по этому поводу Булька?! Ты очень намучился? Деньги есть? Это хорошо, что ты выслал мне 200 р. Только успела вчера отправить тебе молнию, как получила твою телеграмму про Васю, альбом и деньги, а в 12 ч. ночи — молнию. Ужасно жду подробное письмо. Что привез Катаньян из Питера?

Я написала тебе с парохода и из Казани.

Живем идеально. Нам выстроили новый домик из фанеры — совсем игрушечный — некрашенный, только двери и оконные рамы — оранжевые. Терраса, две комнаты и кухня. Терраса — 3 × 9 аршин. Спальня — 7 × 5. Столовая, она же кабинет — 4 × 4 и кухня — 4 × 2,5. Большие окна с клетчатými занавесками и сетками от комаров и мошек. Удобные кровати. Большие столы. Электричество. Полевой телефон. Домик совершенно игрушечный. Сегодня сниму его и привезу тебе карточки. Кругом — липа, дуб и клен. Перед террасой два гамака.

В двух минутах ходьбы — огромное озеро «Нижний Кабан». В десяти минутах — «Верхний Кабан» и минут 20 до леса. Сам понимаешь, что я была только на первом озере.

Обеды в столовой скучные, но молоко и яйца носят замечательные, огурцы, зеленый лук, и мы записались на рябчиков и копченые стерлядки. Стерлядок тебе pošлю или привезу — ужасно вкусные! Помнишь — Батраки?

По вечерам у нас гости. Пьем чай с вареньем. Ужасно отдыхают нервы. Ложимся в 11, встаем в 8. Тихо, только иногда постреливают, или вдруг музыка заиграет — даже приятно.

Книжку пишу пока мало, — эти два дня устраивались. И Виталий сегодня напишет заказанную статью — для разгона, а с завтрашнего дня всерьез возьмемся за твою книжку.

Уехать отсюда придется числа 28-го. Жаль, что так скоро — здесь очень хорошо и удобно. Но я рада — поскорее к тебе.

Кисленький! Напиши мне про все. Ни про что не забудь!

Люблю тебя до невозможности!

Целую 1000000000000 раз и Булечку в обе щечки.

Твоя (Киса — рис.)

Передай письмецо Коле¹⁰⁵.

(31) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 13 июня 1931 г.)¹⁰⁶

НЕВЕРОЯТНО БЕСПОКОЮСЬ МОЛНИРУЙ ПЕРЕЕЗД =ЛИЛЯ=
[Телеграмма-молния]

(32) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 14 июня 1931 г.)¹⁰⁷

Милый мой, любименький, родненький Ослит,

Спасибо за деньги — получила.

Нет ли писем от мамы и Эльзы¹⁰⁸, — что они пишут?

От тебя все еще нет письма?!!!!?

Я не знаю, дал ли тебе Халатов денег, и не знаю, сможешь ли ты прислать мне еще денег с Денисовским. Вообще, ничего не знаю и начинаю сердиться.

Здесь очень хорошо, только мошки надоели. Кругом соловьи, кукушки и всякие птичты.

Не посылай мне мою книжку. Все равно я ничего не успею с ней сделать. Вообще, выясняется, что книжка разрастается и с ней много еще возни. Я придумала всякую всячину, — не уверена, хорошо ли.

Я опять растолстела, — много ем и совсем не хожу.

Завтра Виталий выходной, — инш-алла, пойдем в дальний лес.

Жду письма!!!!!!!!!!!!

Целую.

Твоя (Киса — рис.)

(33) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 15 июня 1931 г.)¹⁰⁹

ЖДУ ПОДРОБНОГО ПИСЬМА ЦЕЛЮЮ =ВАША ЛИЛЯ=
[Телеграмма срочная]

(34) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 20 июня 1931 г.)¹¹⁰

Кислит!

Наконец-то от тебя письмо!

Передай мое письмо Халатову через секретаря, а то тебе, должно быть, трудно без денег.

Дом в Спасопесковском переулке на Арбате, куда Л. Ю. Брик вселилась в 1931 г. (вид с фасада). Фото 2003 г.

Спасибо за бусы — очень смешные.

Выезд отсюда не позднее 28-ого. У меня гриппишко, и я сегодня в постели, температура 37,3, но ужасно ломит руки и ноги. Простудилась ночью, когда встречали Колю¹¹¹ — слишком легко оделась, и не узнали толком, когда приходит поезд, — два часа пришлось ждать, и я совсем продрогла.

Спроси по телефону в Таганском почтовом отделении, не застряли ли там два мои последние письма — с Камы и из Казани.

Может быть, Витальевы письма помогут с телефоном¹¹². Передай их по адресу, предварительно заклеив, — Литуновскому¹¹³ и Штерну¹¹⁴ — подъезд наркома в Главном Штабе РККА на Арбате, Ткалуну¹¹⁵ — Комендантское управление г. Москвы, приблизительно напротив Боровичевских ворот Кремля.

Виталий уже 3 дня диктовал стенографистке и будет диктовать до отъезда. Получается очень мило. Я возьму с собой в Москву первый черновик. Ты скажешь свои соображения, и тогда Виталий окончательно обработает. К отъезду книжка будет готова вчерне.

Мама отправила нам посылку по старому адресу, — не прозевать бы ее. Там есть для тебя две банки китайского компота и шоколад.

Живем очень хорошо, только комары замучили. На ногах живого места нет.

Пропиши у нас Веру Ивановну, без права занимать площадь — это, кажется, можно. Если она хорошо помещается в кухне, пусть живет, пока не найдет себе комнату. Жалко было бы с ней расстаться.

Бедная Булечка! Мне ее жалко, что она будет беременная. Надо, чтобы Печников¹¹⁶ все время следил за ней и присутствовал при родах. Как бы опять это дело плохо не кончилось.

Звонить мне нельзя, — мы с Казанью не соединены и сообщаемся только с лагерем.

Бумажка, которую Женя получила при увольнении (насчет «старого барахла»), по-моему, очень почетная.

Через неделю увижу тебя, Васю, Петю¹¹⁷, Булечку и новую квартиру.

Я ужасно рада, всем им кланяюсь, а тебя невозможно люблю и целую всю мордочку и лапки.

Твоя (Киса — рис.)

Ты получил мою посылку?

(Киса — рис.)

(35) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 23 июня 1931 г.)¹¹⁸

Кислит!

Ты все-таки ужасно нахальный. Я тебе писала-писала, писала-писала, а ты — хоть бы словечко, и когда я, не то чтобы совсем бросила писать, как сделала бы всякая женщина с самолюбием, а когда я стала писать пореже, — ты прислал телеграмму. Но моя телеграмма была сдана еще до получения твоей.

Хорошо, если ты послал деньги из большой суммы, а если из последнего, то жаль — я бы обошлась.

Мы здесь в курсе всех новостей, тк-кк «Правда» прислала в Казань матрицы на аэроплане, и мы получили газету в день ее выхода в Москве. Правда, это случилось только один раз, для пробы, но я вполне удовлетворена.

Виталий написал листа три, — к осени у тебя будет книжка. Свою я совсем не пишу — не хочется. Хожу в портянках под чулками — от комаров. Это единственное, чем я военизировалась!

Выезжаю окончательно 28-го днем, 29-го к вечеру буду в Москве.

Сегодня смотрела ученье, вчера — газовую тревогу. Понравилась только собака, которая, сломя голову, мчалась с каким-то поручением — русская овчарка, ужасно мохнатая.

Дневник не веду, потому что нет китрадки.

Ужасно тебя обожаю и люблю, и целую шарик со всех сторон, и Бульку тоже.

Твоя (Киса — рис.)

Грипп у меня совсем прошел, и я такая толстая, что еле дышу.

Привет Пете¹¹⁹, Жемчужным и Катаньянам.

(36) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 24 июня 1931 г.)¹²⁰

Кисленький!

Телеграмма была тебе уже послана, когда я получила твою телеграмму, а письмо тебе написала вслед телеграмме.

В. Маяковский. Как делать стихи.
М.: Молодая гвардия, 1931

Посылаю тебе стерлядку. Съешь ее немедленно, чтобы не испортилась.
Она завернута в крапиву, — не обожги лапки.

Выезжаю 28-го. Если 27-го вечером окажется международный вагон, —
то 27-го.

Ужасно соскучилась!!!

Целую 1000000000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

(37) Л. Брик — О. Брику (Казань — Москва, 28 июня 1931 г.)¹²¹

ВЫЕЗЖАЮ ПОЕЗД 71 ЦЕЛЮЮ = ЛИЛЯ =

[Телеграмма-молния]

«Квартирная война», или Ося и Женя на берегах Иссук-Куля

Наконец-то к июлю Л. Ю. приезжает из Казани в Москву — уже на новую квартиру на Арбате. Окончательно было решено размещение в квартире: одна комната — спальня Лили Юрьевны и Виталия Марковича, одна — Осипа Максимовича и самая большая — общая гостиная. Заказываются такие же, как на дверях квартиры в Свердловске, две таблички: «ПРИМАКОВ» и «БРИК».

Седьмого июля пришел Вася Катанян, — принес ей на подпись для передачи в набор, как главному редактору (!), VII том нового Полного собрания сочинений Маяковского — первого из планируемых 12 томов.

Постановление СНК РСФСР от 23.07.1930 — «*1. Обязать Государственное издательство РСФСР издать под наблюдением Лили Юрьевны Брик полное академическое собрание сочинений В. В. Маяковского*» исполнялось почти целый год, и вот ГИХЛ взялся за это издание. Со своим давним знакомым, художником Алексеем Левиным («Джоном»), она решила вопрос оформления томов: на передней и задней темно-синих тканевых обложках переплета — тиснением, а на форзацах — сложной печатью — монограмма Маяковского латинскими буквами W и M. Но только близкие люди знали, что это Л. Ю. придумала монограмму и заказала выгравировать ее на кольце, которое подарила поэту в залог их любви...

В VII том вошла поэма «Владимир Ильич Ленин», наиболее патристичное произведение Маяковского. Катанян прокомментировал его, и Лиля Юрьевна с легким сердцем подписала рукопись в набор — «*лед тронулся!*»

Радовало, что Ося, Вася Катанян и Коля Денисовский наконец-то, после многократных ее понуканий, закончили всю сложную подготовительную работу над альбомом рисунков и плакатов Маяковского и тоже сдали его в печать.

В августе Осип Максимович с Евгенией Гавриловной едут в отпуск в Киргизию на озеро Иссык-Куль, куда их всех уже много раз приглашал Юсуп Абдрахманов. И знаменитое на всю Среднюю Азию озеро, которое можно было бы назвать морем за его безбрежный простор, синюю соленую воду, широкие песчаные пляжи, и безмятежное спокойствие не обремененного отдыхающими курорта, и радушие местных жителей, и дешевизна продуктов питания — все это, вместе взятое, составило неповторимые условия для полноценного отдыха, и они не пожалели, что приехали сюда вместо традиционной поездки на Черноморское побережье.

Спустя несколько дней Лиля Юрьевна возвращается в Свердловск...

(38) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Фрунзе — Свердловск, 12 августа 1931 г.)¹²²

Киса!

В этом зданьи Юсуп, но его на этой карточке не видно. Очень крепко целуем.

Женя. Ося.

[На открытке: «Фрунзе. Киргизский Центр. Исполком. Вид с северной стороны, постр. в 1927–1928 гг.». Фото И. Н. Панова]

(39) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Чолпон-Ата, 15 августа 1931 г.)¹²³

Кислит!

Сегодня послала Юсупу «молнию», — куда же ты девался?! Ужасно беспокоюсь.

Н. Асеев, С. Кирсанов
и А. Родченко (1930-е гг.)

Из квартиры нас выселили в 5-ый этаж. Вася звонил мне по телефону. Виталий послал «молнии» Чичерину¹²⁴, Тухачевскому, военному прокурору, жилтовариществу — не помогло. Я не огорчаюсь — наплевать!

Получила от Васи телеграмму «Боролись сколько могли переезд состоялся абсолютном порядке квартира хорошая».

Виталий не пускает меня одну в Москву, — поедем вместе 1-ого. Деньги переведу тебе 3-его.

Очень хочется знать, как вы доехали, как устроились, какая погода, как кормят, удобно ли спать.

Я доехала замечательно — одна в купе первой категории. Разговаривала всю дорогу с очень милым китайцем, по-английски¹²⁵!

Здесь холодно и непрерывный дождь.

Ездили на машине за 100 верст смотреть место под новый лагерь¹²⁶ — дороги проселочные и такие ужасные, что туда ехали 5 часов, а обратно 15 часов (100 верст!!). Ночевали у лесничего на берегу озера. Охотились на уток, но ни одной не убили, зато ели замечательную уху из карасей. Места такие, что автомобиль видели первый раз в жизни, зато волки зимой подходят к самому дому. Грибов так много, как будто их посеяли — красные и маслята.

Два дня жила у нас Рита Райт проездом в Питер. Она ездила с экскурсией по Сибири — 10 дней верхом через тайгу! Гостит здесь у мужа — Марья Николаевна (помнишь, учила меня английскому языку) и, к сожалению, ходит ко мне; единственное утешение, что с ней ходит изумительная белая бульдожка, французская, страшно породистая, ласковая, веселая, все время хрюкает и пристает, как Булька. Хвостик совсем сломатый, глазищи круглые и улыбается. Я в нее влюблена.

Вдруг я испугалась, что вы захотите уехать раньше 3-его, и я опоздаю с деньгами — переведу отсюда в ближайшие 2—3 дня.

Ужасно люблю тебе, мой Кислятик!!

Крепко целую тебя и Женю.

Твоя (Киса — рис.)

Итак, не успели Брики уехать из Москвы, как там разворачиваются «боевые действия» вокруг новой квартиры в Спасопесковском переулке на Арбате.

Как рассказывал мне в 1978 году В. А. Катанян и подтверждают обнаруженные документы¹²⁷, предыстория этого переселения такова. В этот же дом должен был вселиться только что получивший отставку нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, и ему была гарантирована трехкомнатная квартира на втором этаже (№ 46), но при заселении дома жилтоварищество (РЖСКТ имени Красина) произвело перенумерацию квартир, и квартира № 46 оказалась на 5-м этаже, а квартира Бриков теперь № 26 (см. письмо О. М. Брика от 12.06.1931). Брики получили на нее ордер и въехали. Чичерин въезжать в квартиру на 5-м этаже категорически отказался и предъявил иск РЖСКТ. Товарищество, по-видимому, пыталось решить вопрос мирным путем, и предложило Брикам добровольное переселение на 5-й этаж, но получило отказ, и тогда передало дело в суд. Нарсуд решил дело в пользу РЖСКТ и выдал судебному исполнителю Владимировой исполнительный лист от 06.08.31. № 2015 «О переселении гр-н Брик Л. Ю. и О. М.¹²⁸ из кв. 46 в кв. 55 по иску РЖСКТ имени Красина».

Двенадцатого августа в присутствии «прокурора Савенковой, судисполнителя Владимировой и управдома Снетковского», представителей «ответчика» — В. А. Катаняна, Л. А. Гринкруга, Н. А. Гавриловой¹²⁹ и домработницы А. М. Губановой (Аннушки), понятых С. и А. Сергеевых бригада рабочих (9 человек) перенесла все вещи из квартиры № 46 в квартиру № 55, аккуратно расставив их по своим местам. *«Причем при переселении были приняты все меры к предосторожности как хищения вещей, так и их порчи. «Находившиеся гр-не Гринкруг Л. А. и Катанян при исполнении выселения удалились...»*

Вся последующая борьба В. М. Примакова за обратное переселение в квартиру № 46 (26?!), даже с привлечением «тяжелой артиллерии», успехом не увенчалась, военные проиграли квартирное сражение отставному наркому иностранных дел...

Л. А. Гринкруг, кроме сообщений о квартирных баталиях, пишет в эти дни Л. Ю. (Москва — Свердловск; 16 августа 1931 г.):

Семку¹³⁰ страшно выругали в Лит. посту (№ 20—21). Он ходит огорченный. Был у вождей — Авербаха и Як(ова) Саул(овича) с жалобами, но ему это мало помогло.

На днях, 12-го, мы были на открытии Володиной выставки — плохая и ненужная. Малкин¹³¹ говорил вступительное слово, а Бромберг¹³² объяснял все экспонаты, потом Семка и Яхонтов¹³³ читали Володины стихи. Было много народа...¹³⁴

(40) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Чолпон-Ата, 19 августа 1931 г.)¹³⁵

Мой любимый, родненький, маленький, сладенький Кэс!

Я все-таки, 23-его поеду в Москву без Виталия — у него с 24-ого до 1-ого

Супруги Катанян с сыном
Васей

все время разъезды, и мне сидеть одной бессмысленно, а ездить с ним чересчур утомительно.

Посылаю тебе Левино письмо с московскими новостями¹³⁶. Два дня тому назад мне звонил в 3 ч. ночи Катаньян о том, что от тебя есть телеграмма, что вы замечательно живете у Рапопорта¹³⁷ — у меня от души отлегло — в Свердловске я от тебя ничего не получила, и Юсуп тоже не ответил на мою телеграмму.

Теперь — все в порядке.

В московской квартире делают ремонт, — я просила все выбелить — и стены, и потолки; двери, окна и ванную выкрасить белой масляной краской, — по крайней мере, без риска. Купила тебе черной плотной материи на занавески¹³⁸. Виталий проживет в Москве неделю перед Кисловодском и достанет досок и фанеры на полки.

Противно, что перестали принимать частные «молнии». А срочные — перестали доходить. Ужасно жду твоего подробного письма.

Я хворала гриппом — температура была 39⁰⁰! Во — козел!

Виталий ужасно возмущен переселением и состоит в оживленной переписке с московским военным прокурором. Где ордер, по которому мы въехали? Ведь он был выписан и на Примакова? Так ты, по крайней мере, говорил. А домоуправление (сволочи!) его не прописало.

Кислит! Напиши мне, пожалуйста!

Какие кругом виды? Что вы едите? Катаетесь ли по озеру? Правда ли, что оно такое большое и что кругом горы, покрытые снегом?

Целую мой шарик и еще целую тебя и Женю.
Сердечный привет Рапопорту.
Твоя (Киса — рис.)

(41) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Чолпон-Ата, 21 августа 1931 г.)¹³⁹
Кислит!

Третьего дня написала тебе, а сейчас опять пишу. Виталий все-таки уговорил меня без него не ехать, — едем, значит, 1-ого вместе.

Видела Курса⁴⁰, — он в восторге, — его признали и оценили: он начальник отдела, он сытно ест, курит папиросы 1-й сорт, полетел (!) в командировку в Москву. Все это случилось в течение одного дня.

Посылаю тебе Васино письмо и судебные бумажки¹⁴¹.

Новостей никаких, — лежу, читаю глупые книжки. У Виталия анги-на — он с компрессом на шее, но очень доволен, что 2-ой день сидит дома.

Напишите мне поскорее!!!!!!!

Ужас, до чего целую.

Твоя (Киса — рис.)

Деньги обязательно пришлю до 1-ого.

(42) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Фрунзе; 23 августа 1931 г.)¹⁴²
ВСЕ ПОРЯДКЕ ЗАВТРА ЕДУ МОСКВУ =БРИК=
[Телеграмма]

(43) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Чолпон-Ата, 24 августа 1931 г.)¹⁴³
Светленький мой Кислит!

Ужасно противно писать в уверенности, что до тебя ничего не доходит. Вася позвонил, что ты беспокоишься. Опять послала две срочных — одну Юсупу, вторую тебе. «Молнии» ни за что не принимают, — нужна сопроводительная бумажка от Штаба, что телеграмма деловая.

Все-таки, несмотря на Витины уговоры, сегодня еду в Москву, — оттуда пришлю тебе «молнию».

Послала тебе Васино и Левино письма. Неужели, ты ничего не получил?!

Виталий едет в сто разных мест и 2-ого обещается быть в Москве.

Я здорова и в хорошем настроении. Обидно только, что ничего о тебе не знаю. Из Москвы напишу.

Ужасно люблю тебе.

Крепко, крепко целую.

Твоя (Киса — рис.)

Целую Женю. Как ей нравится экзотика?

Привет Рапопорту и Юсупу, если ты его видишь.

(44) Л. Брик — О. Брику (Москва — Рыбачье, 26 августа 1931 г.)¹⁴⁴
СЕГОДНЯ ПРИЕХАЛА МОСКВУ ЦЕЛЮЮ ЛЮБЛЮ =ЛИЛИЯ=
[Телеграмма]

Л. Брик за чтением корректуры, рядом — Булька

(45) Л. Брик — О. Брику (Москва — Чолпон-Ата, 30 августа 1931 г.)¹⁴⁵

Кислит!

Я ужасно огорচিতая. Ты совсем мне не пишешь, а Жемчужный получает от Жени письмо за письмом¹⁴⁶. Значит, ты мне не любишь, и я ужасно несчастный человек, прислал бы мне хоть свою карточку! Правда, Кисик, мне очень грустно, что ты меня окончательно разлюбил и забыл, а я тебя люблю больше всего на свете.

Это замечательно, что у вас красиво и сытно, и хорошая погода. Сидите там как можно дольше, оттого что здесь отвратительно. Олег Леонидович¹⁴⁷ перевел тебе телеграфно во Фрунзе 330 рублей. На днях надеюсь получить автомобильные деньги¹⁴⁸. Телеграфируй срочно, сколько тебе выслать еще. Я оставлю Леве чек и, если твоя телеграмма меня не застанет, — он вышлет.

Квартира мало чем отличается от прежней. Только Булечку мне лень выводить на ночь, и она гадит в передней, около самой двери.

Я написала тебе из Свердловска массу писем, но мне кажется, что ты ни одного не получил.

Виталий приедет, по моим расчетам, 4-ого. Значит, в Кисловодск уедем числа 10-ого.

Выставка еще не закончена и то, что сделано, совсем не интересно. Руководитель экскурсии объяснил, что Володя последние годы успешно боролся с Лефом. Мы ходили с Наташей¹⁴⁹ и с Ниной Владимировной¹⁵⁰.

Ак. издание в неподвижном состоянии. Корректуры дешевого тоже не видать. Завтра обещают первые экземпляры 9-ого тома.

Прислуги нет и неизвестно, — ходит Аннушка.

Народу у меня все время полно (я приехала 26-ого вечером). Аннушка встретила меня ужином, а Вася и Лева цветами. Они думали, что я буду очень расстроенная из-за квартиры. Я привезла им вина, чаю и папирос.

Приехала с Виталиным товарищем, который ехал с Урала из отпуска — ужасно милый. Его фамилия Затонский¹⁵¹. Он из ЦКК и РКИ Украины, — он у меня здесь сутки жил. Он тоже поможет вам со сценарием. Он — вождь.

Вчера были у меня Воловичи, Свешниковы, Аграновы, Горожанины, Третьяковы, Рихтер, Наташа, Вася, Петя, Виталий¹⁵². Я никого ничем не кормлю, чтобы не возиться.

Ремонт будут делать после моего отъезда. Телефона нет. Всеми этими делами занимается Виталий¹⁵³, а у меня что-то нет аппетита.

Заявка на «Паны и Холопы» принята¹⁵⁴. Из 30-ти поданных заявок принято только 6!

Кэсит! Я ужасно по тебе скучаю! А мы очень уж долго не увидимся. Все говорят, что сейчас Каспийское море бурное, и вам приехать в Кисловодск не удастся¹⁵⁵. Пиши в Кисловодск, до востребования, мне.

Какая обида с Жениным носом¹⁵⁶! Шрам не останется?! Поцелуй ее в носик. Всем привет.

Целую твои глазки и лапки, и губки, и остальную мордочку, и шейку.
Твоя брошенная (Киса — рис.)

(46) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Рыбачье (Долбашевскому¹⁵⁷ для Брика); 30 августа 1931 г.)¹⁵⁸

НЕ ТОРОПИСЬ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ЛЕОНИДОВ ПЕРЕВЕЛ 330 ТЕЛЕ-
ГРАФИРУЙ НУЖНУЮ СУММУ = ТВОЯ ЛИЛЯ=

[Телеграмма]

(47) О. Брик — Л. Брик (Чолпон-Ата — Москва, 9 сентября 1931 г.)¹⁵⁹

Дорогая, любимая, золотенькая, единственная Кисанька!

Только что получил твое письмо от 30.8. и поражен твоей несправедливостью. Я, можно сказать, засыпал тебя молниями и срочными, и ты смеешь мне говорить, что я тебя не люблю, что я тебя бросил!!??!

И все потому, что я не написал письма?!

А не писал я потому, что ужасно долго ходят письма, до 10—15 дней. И еще не доходят. А потом я не знал, где ты? В Свердловске или Москве? И когда поедешь на Кавказ?

Теперь все выяснилось, и я пишу тебе письмо. Интересно, когда оно до тебя дойдет?!

Киса!

Здесь очень хорошо. Есть все, что надо для летнего отдыха: 1) солнце, воздух и вода, 2) горы, 3) фрукты, 4) продукты и 5) чудная погода.

Солнце горное. Печет, но совсем не жарко. Воздух идеальный, всегда чуть свежий. Вода — морская, соленая, глубоко-синего цвета, не холодная, но свежая, небольшие волны. Пляж — песчаный.

Горы с двух сторон. Снежные вершины. Красота необыкновенная. В горах — водопады, речки (бурные), ущелья, луга, табуны, киргизские юрты и олени.

Фрунзе — так же, в саду: абрикосы, сливы, урюк, яблоки, груши. Можно рвать прямо с дерева или покупать ведрами. Ведро абрикосов (5 кило) — 5 рублей.

Продукты — молоко, мед, масло, огурцы, помидоры, яйца — все тут же и за гроши.

Масса всякого зверья. Прежде всего, лошадки. Чистокровные жеребцы-производители, которых водят купать, которых моют, чистят, причесывают, меряют температуру, и которым одно только дело — крыть маток.

Потом — матки, которые круглый год живут в табунах в горах и кормят своих жеребенков. Между прочим, я тоже пил кумыс. Очень вкусно.

Очень много собачков. Замечательные овчарки, которые сторожат табуны, ихние щенята и мильон всяких дворовых собаков по кличке «Пират», «Волчок», «Пальма»(?) и т. п.

Затем, две горных лани необыкновенного изящества. Днем пасутся где-то, а утром и вечером приходят пить молоко. И, наконец, кошка «Мурка», существо обаятельное. И еще — горный козлик с крошечными рожками, но бодается. Спит на кровати, положив голову на подушку.

Приняли нас здесь замечательно. Рапопорт и его жена, молоденькая учительница, оказались на редкость славными людьми. Все служащие и рабочие с нами необыкновенно любезны и предупредительны. Лучшего и желать не приходится.

День проводим так: просыпаемся в 7 ч. утра, одеваемся, пьем чай. В 9 ч. я иду на почту узнать, нет ли чего, и отправить корреспонденцию. В 9-30 — мы на пляже, голые жаримся на солнце. В 11-30 купаемся и идем домой. В 12 ч. обедаем и ложимся отдыхать до 3-х. Потом гуляем до 6 ч., в 6 — пьем чай. В 8 ч. ужинаем и в 9 ч., утомленные, ложимся спать.

И так каждый день. Ездили верхом в горы, туда 12 километров и обратно столько же. Устали здорово, отбили себе все, что только возможно. Но удовольствие получили большое, и все скоро заживет.

Назад ехали по такой страшно крутой, каменистой тропинке, что голова кружилась. Но лошадки были чудные — спокойные и абсолютно опытные.

Поездить по озеру и вокруг озера не удастся.

Пристани здесь нет, а до ближайшей пристани 80 километров отвратительной дороги. А к тому же и пароходики по озеру ходят очень нерегулярно, так что не стоит овчинка выделки. И вообще дороги здесь плохие и ездить в безрессорных тележках по ним тяжело.

Планы у нас такие: прожить здесь до 15-го. Потом проехать через Фрунзе в Ташкент. Из Ташкента на денек съездить в Ходжент (там Володя Гринкруг¹⁶⁰ нас ждет); потом обратно в Ташкент и в Москву. В Самарканд не придется заехать. Там никого нет, а ехать «на ура» — неуютно и утомительно.

От маршрута Красноводск — Каспийское море — Баку — Кисловодск пришлось отказаться. Во-первых, потому, что очень плохие поезда до Красноводска. Во-вторых, очень долго надо ждать парохода. В-третьих, Каспийское море уже беспокойно. В-четвертых, неизвестно, как с билетами в Баку, и в-пятых, — на это надо потратить около недели, что очень утомительно. Проще приехать в Москву, а из Москвы поехать в Кисловодск.

Письма твои, хоть и с большим опозданием, но все получил.

Про квартиру скажу: свинство, но наплевать¹⁶¹.

Очень рад, что приняли заявку¹⁶². Надо, чтобы Виталий Маркович уже начал думать о материале. Писал ли он еще и много ли?

Юсупа я не выдаю совсем, потому что от Фрунзе до Чолпон-ата 250 километров плохой дороги. А к тому же, Юсуп очень занят и никуда выехать не может.

Я очень рад, что ты так долго просидела в Свердловске. Было очень неприятно думать, что ты будешь одна в Москве возиться и трепаться. Портрет собачки получил; она хуже Булечки в тысячу раз.

Немного занимался здесь фотографией, но не хватило проявителя, поэтому все пластинки и лейковскую пленку надо будет проявлять в Москве. Посылаю тебе кое-что. Часть не отфиксирована. Но, конечно, фотография — чепуха. Ничего снять невозможно, особенно, синее-синее озеро и снежные горы, и пирамидальные тополя. Все это вместе, в одном кадре.

Замечательно здесь еще безлюдье. Мы часами лежим на пляже, и хоть бы один человек прошел. Даже голосов никаких не слышно.

Плохо здесь с почтой и телеграфом. Письма идут из Фрунзе сюда 6–7 дней. Телеграммы передаются по телефону из Рыбачьего и дико перевираются. Каждую приходится расшифровывать, и несколько слов обязательно по дороге теряются.

Вот видишь, родненькая, золотенькая, сколько я тебе написал. А между прочим, много интересного не сумел написать, это все можно будет рассказать только на словах, лично.

Мне очень, очень хочется к тебе. И если будет как-нибудь возможно, я приеду к тебе повидаться. А то до ноября долго очень ждуть.

Крепко, крепко целую тебя, моя радость, — и, пожалуйста, не пиши глупостей, что я тебя забыл, не люблю и пр. Этого никогда не может быть.

Очень, очень тебя люблю и целую крепко и нежно.

Твой Ося.

(48) Л. Брик — О. Брику (Москва — Чолпон-Ата (Раппопорту для Брика); 15 сентября 1931 г.)¹⁶³

ПЕРЕВЕЛАСТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПОДТВЕРДИ ПОЛУЧЕНИЕ ЦЕЛУЮ
= ЛИЛИЯ=

[Телеграмма]

(49) О. М. Брик — Л. Ю. Брик (Фрунзе — Москва, 18 сентября 1931 г.)¹⁶⁴

ВСЕ ДЕНЬГИ ПОЛУЧИЛ ВЫЕЗЖАЕМ ЗАВТРА СОРОК ДЕВЯТЫМ
БУДЕМ МОСКВЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ЦЕЛУЮ = ОСЯ=

[Телеграмма]

(50) Л. Ю. Брик — О. М. Брику (Москва, 22 сентября 1931 г.)¹⁶⁵

Кислит!

Что делать — ты меня совсем разлюбил и забыл! Не может быть, чтобы письма совсем ни одного не дошли. Тк кк я не знаю, что делать, то, главным образом, плачу.

Кислит! Долгов у нас никаких нету. ГИХЛ должен мне 1500 рублей и обещался на днях 500 из них перевести. В желтоватом портфеле, кот. лежит у меня в шкафу, — подписанные чеки и пенсионная книжка с заверенными

подписями. Там же запас мыла (не давай его для стирки), чая, одеколон, бутылка старого, вкусного вина, 200 папирос. Папиросы в распределителе продают без счета. В кухне головка сыру.

Новой прислуге Шуре, которая, надеюсь, уже пришла, заплачено за месяц вперед.

Если Лева заполучит деньги за машину, он даст тебе 550 р.¹⁶⁶

Очень хочется знать, получил ли ты деньги во Фрунзе. Олег Леонидович перевел тебе 300 с чем-то, а я 185 рублей, кот. он за тебя получил.

Отец Бориса Свешникова взялся перешить на тебя Володин костюм. Костюм уже у него. Позвони Зине¹⁶⁷: 42-89.

Виталию обещали, что через неделю поставят телефон.

На папиросах письмо из ГИХЛа с требованием вернуть 750 р. за просроченный Реф.

В шкафу же 3 статьи Володиной старые, кот. нашел Зильберштейн¹⁶⁸. Позвони ему 3-91-48.

Печатать какие бы-то ни было Володиной книги будут только в 32-ом году — бумаги нет.

В шкафу же материал на твои занавески. Обсуди с Шурой, как их сшить.

Виталий купил тебе еще одну пару калош!

С Булькой странные вещи, — она невероятно изгрызла Аннушку, — не хотела купаться. И в тот же вечер искусала портниху, которой я рассказала эту историю, с частым повторением слова «купаться». Портниха так орала, что потеряла челюсть. Мы водили Бульку к Табанкину¹⁶⁹, он сказал, что она здорова и что она кусается оттого, что не умеет ругаться. Если течка у нее будет без меня, непременно надо свести. Телефон Бутлер: 5-86-74.

Виталия задержал на Урале Ворошилов, и мы сегодня только едем в Кисловодск. Адрес: Гранд-отель, Примакову, для меня.

Виталий получил две бесплатные путевки. Тк что денег у нас масса. Он дико устал, и у меня тоже нервы истрепались в конец.

Ужасно рада, что, наконец, едем, только по тебе невозможно соскучилась, хотя ты меня и не любишь. Прошу и умоляю написать мне и телеграфировать. Как тебе жилось, и где ты был? Поправился ли? Какие нервы? Я ничего о тебе не знаю.

От Жемчужного невозможно было добиться, что пишет Женя, — он помешался на кино!

Материалы к сценарию о червонцах у Жемчужного. Виталий надиктовал немножко стенографистке.

В квартире идет ремонт. Надеюсь, к твоему приезду будет закончен.

Полки обещали к 25-ому сентября. Шкаф в коридоре — к 1-ому октября.

Очень прошу написать мне обо всем подробно. Наташа Брюханенко выразила предположение, что у тебя отнялась рука! Это было бы ужасно.

Через 2 часа едем.

Целую тебя изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

Счет на квартиру будет целиком на Виталия — он, как партизан, имеет право на неограниченную площадь и будет дешево платить. Если получишь счет, — заплати, пожалуйста. Ордер на квартиру он тоже получил.

Телефон — на твое, мое и Витино имя.

[Письмо написано и оставлено в Москве для О. М. Брика, который должен был вернуться из Чолпон-Аты в Москву.]

(51) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 25 сентября 1931 г.)¹⁷⁰
 БЕСПОКОЮСЬ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=
 [Телеграмма]

В Киргизии хорошо, а на Кавказе лучше

(52) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск, 26 сентября 1931 г.)¹⁷¹
 НАПРАСНО ОГОРЧАЛАСЬ УЖАСНО СОСКУЧИЛСЯ ВЫЕЗЖАЮ
 ЗАВТРА СКОРЫМ КИСЛОВОДСК КРЕПКО ЦЕЛЮЮ = ОСЯ=
 [Телеграмма]

Сразу же по приезде из Киргизии О. М. отправляется вслед за Л. Ю. на недельный отдых туда же, в Кисловодск.

(53) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск, 2 октября 1931 г.)¹⁷²

Милая дорогая Киса!

Я тебе очень люблю, а ты мне?

Как ты поживаешь?

Я поживаю очень хорошо, только объелся.

Пожалуйста, не забывай меня, а я тебя никогда не забуду!

Очень крепко целую тебя мильон раз.

Привет Вит. Марк.

Твой Ося.

[Местная открытка с фотонадписью «Лиля. Привет из Кисловодска» отправлена Л. Ю. Б. по адресу: Кисловодск, Гранд-отель, с обратным адресом: Кисловодск, ОДСК.]

И вот уже О. М. возвращается (поездом через Ростов) в Москву, а Л. Ю. с Примаковым продолжают отдыхать в Кисловодске.

(54) О. Брик — Л. Брик (Ростов — Кисловодск, 7 октября 1931 г.)¹⁷³

Родненькая Киса!

Еду хорошо. В купе — немолодая уже мамаша с юношей-сыном и сопровождающий им пожилой мужчина. Едут до Москвы.

Спал хорошо. Не холодно. Шли без опоздания, а за 50 км. до Ростова застряли. Хотел послать тебе открытку с картинкой, но в киоске нет марок отдельно, пришлось взять такую, с уже наклеенными марками.

Очень крепко тебя целую.

Очень сердечный привет Вит. Марк.

Твой Ося.

[Открытка: «Дирижабль “Клим Ворошилов” — должен реять над советской землей!»]

(55) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, начало октября 1931 г.)¹⁷⁴

Если получишь деньги за машину, — сообщи.

№ нашего телефона?

Узнать, едет ли Сережа¹⁷⁵ и немедленно (если едет) отдать Наде¹⁷⁶ письмо и деньги.

Дать Сереже для меня юбку и голубой шерстяной и бежевый в крапинку джемперы и письмо для меня — очень подробное.

Взять пенсию и гихловский перевод.

Узнать в ГИХЛе, когда переведут остальные деньги.

Написать мне, получил ли Петя¹⁷⁷ деньги.

Переписать квартирный ордер на нас троих¹⁷⁸ (если не лень; если лень, — Виталий сделает это по приезду).

Не забывать меня и любить.

Пол натереть в натуральный цвет.

(56) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 8 октября 1931 г.)¹⁷⁹

Любименький мой Кислит!

У нас масса новостей:

В Кав-сель-проме дают чай с сахаром.

Каждый день с утра до вечера дождик.

Французский режиссер, все-таки Федер (картина хорошая).

Мы были на базаре и купили подсолнухов и еще одну банку для цветов, в которой стоят розы.

Твои гвоздички совершенно свежие, оттого, что старые я срезаю, а бутончики распускаются, и гвоздичков становится не все меньше, а все больше.

У нас в комнате было два пожара!!!

Мы проводили тебя, сходили в кино, выпили с Олей¹⁸⁰ кофе по-варшавски и пошли домой спать, а комната полна дыма, так что ничего не видно, и электричество не горит. Скорей открыли окно, нашли спички, дым немного рассеялся, — стали искать, в чем дело, — оказывается, короткое замыкание и в нашей комнате сгорела вся проводка.

Пришлось, шерсть ключьями, идти на улицу, дожидаться, пока протретится. Спать легли, черт знает когда, часов в 11!

Назавтра встали, покупались, позавтракали, легли отдохнуть.

Вдруг — дым столбом, и вдоль всего провода (утром починили) — пламя! Опять — окно настежь, опять не выспались, опять чинили, и сегодня еще невозможно воняет резиной и не действует выключатель, тк что Виталий, как Фербенк¹⁸¹, вывинчивает лампочку, балансируя на кроватиной спинке.

Ростовскую открыточку получила.

От Левы была телеграмма, что телефон работает, и что все еще не улажено с машиной¹⁸². В чем дело?

Ты не жалеешь, что уже в Москве? Как Булька? Пришла ли уже новая прислуга? Перевел ли ГИХЛ деньги?

СЛЕДИ, ЧТОБЫ НЕ ЗАВЕЛИСЬ КЛОПЫ!!!

Целую тебя, мой малышик.

Поцелуй Булечку, если она не кусается.

Всем остальным кланяйся.

Приедем 3-его, 4-ого.

Твоя (Киса — рис.)

Виталий сейчас спит и кланяется тебе.

(Киса — рис.)

(57) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск; 10 октября 1931 г.)¹⁸³

ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО ТЕЛЕФОН ПЯТЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЦЕЛЮЮ = ОСЯ=

[Телеграмма]

(58) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск, 10 октября 1931 г.)¹⁸⁴

Дорогая моя, любимая Киска!

Доехал я очень хорошо, — и сразу окунулся в московскую суету.

Телефон висит на стенке и номер ему 5-87-72, как я тебе уже сообщил.

Все выбелено и покрашено, очень чистенько.

Двери не перевешаны, об этом надо еще особо договариваться с плотниками.

О Пилипенко¹⁸⁵ ни слуха, ни духа, и никаких полков нет.

Шура¹⁸⁶ еще не развязалась со своей службой, — но к 15-му обещала твердо придти.

В ГИХЛе был, но никого не застал, пойду еще.

Денег пока не брал, но возьму.

С юбкой ничего не вышло, ибо нет нигде шелку.

Джемперов не посылаю, ибо ты сказала, что обойдешься.

Петя¹⁸⁷ деньги получил.

С машиной какая-то заминка в оформлении, но я уже сговорился в с Хреновым¹⁸⁸, и мы пойдём к Цейтлину¹⁸⁹ сговариваться и согласовывать.

Насчет квартирного ордера заявка сделана.

В квартире тепло, ибо топят.

Настроенье хорошее, ибо наслушался от Коли¹⁹⁰, от Третьякова, от Катаньяна массу анекдотов о Малкине и ему подобных.

Очень прошу тебя совсем о московских делах не думать: все устроится, а что не устроится, на то наплевать.

В «Молодую Гвардию» еще не ходил, но пойти придется.

Булечка ужасно миленькая, но ужасно приставучая.

Ужасно тебя люблю и целую мильон раз очень, очень крепко.

Сердечнейший привет Вит. Марк.

Твой Ося

Р. S. Это, конечно, не то подробное письмо, которое ты ждешь. Это — рапорт. Письмо я напишу, как только полностью войду в курс большой столичной жизни

Le-meme¹⁹¹

(59) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 17 октября 1931 г.)¹⁹²

Кислит!

Билеты на 19-ое уже в кармане. Звонить тебе не стоит — очень канительно. Если открытка эта придет раньше нас, то есть заказ на обед: бульон с пирожками, куриные котлеты и шарлотка с яблоками. Жрем, ходим каждый день в кино. Чай везде без сахара. Жрем в курзале перепелков.

Погода изумительная — жарко! Я очень здорово стреляю в тире.

Спасибо Леве за хлопоты и телеграмму¹⁹³.

Всем привет. Тебя и Булечку крепко целую. Киса.

Виталий тебе кланяется.

(Киса — рис.)

[На лицевой стороне фотооткрытки: «Кисловодск. Курзал СРК. Главный фасад» — чернилами нарисованы стрелки-указатели с подписями:

на женщину — «Я»;

на мужчину — «Виталий»;

на стоящую между ними девочку — «Чужая девочка».]

(60) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 19 октября 1931 г.)¹⁹⁴

**ПРИЕДЕМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО СКОРЫМ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ
=ТВОЯ ЛИЛЯ=**

[Телеграмма срочная]

Лиля Юрьевна с Виталием Марковичем приехали в Москву. Через три недели, 11 ноября, Лиле Юрьевне исполнилось 40 лет. Возраст для женщины неприятный («*пошел пятый десяток...*»), тем более при муже, которому нет еще и 34-х... Она всячески затушевала цифры своего возраста, и юбилей прошел незаметно.

Примаков отбыл по месту службы — в Свердловск, а Л. Ю. осталась в столице.

В декабре в Москву приехали директор Ленинградского Малого оперного театра Р. А. Шапиро и его заместитель С. Н. Гисин. Они встретились с Осипом Максимовичем и уговаривали его стать штатным либреттистом в их театре, для начала написать либретто балета и оперы, а композиторов они подберут, сулили золотые горы. Финансовые дела у Осипа Максимовича в последнее время были совсем неважные, ему пришлось даже сочинять примитивные фельетончики для «Вечерней Москвы». Предложение ленинградцев заинтересовало Брика, и он дал им свое согласие.

1932 ГОД

Начало года

21 октября 1931 года Лиля Юрьевна с Примаковым вернулась из Кисловодска в Москву, и на 4 месяца ее регулярная переписка с Осипом Максимовичем прервалась. Трудно предположить, чтобы пропали, причем в архивах обоих адресатов, письма именно этого (в общем-то, ничем особенно не примечательного) периода.

Скорее всего, этой переписки не было вообще, значит, Лиля Юрьевна прожила всю зиму в столице. А то, что не сохранились ее письма этого периода в Свердловск, Примакову, вполне объяснимо.

Все-таки она очень соскучилась по Москве. Прошло больше года, как она уехала отсюда на Урал, и, казалось бы, теперь ее дом там, но нет — настоящий дом по-прежнему здесь, а в Свердловске все временное, неродное, да по-настоящему и необжитое, хотя и московский ее адрес вот уже дважды поменялся: сначала переезд с Таганки на Арбат, а потом переселение из одной квартиры в другую.

Навестив родственников и знакомых, посмотрев театральные премьеры, уладив издательские (и денежные!) вопросы и обновив свой гардероб, Лиля Юрьевна в компании веселых попутчиков снова уезжает в Свердловск.

(61) Л. Брик, И. Болотин¹, З. Свешникова — О. Брику (По дороге в Свердловск, 17 февраля 1932 г.)²

Кислит!

Едем замечательно, под граммофон, с Болотиным и его приятелем. Я ем мало, Зина много, остальные — обыкновенно. В вагоне тепло и не дует. Спали сегодня до часу дня, а легли вчера в 10. Почти выспались.

Я тебе ужасно крепко люблю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

Я сабыла проститься с Булечкой. Целую ее в обе щеки.

(на обороте)

Зина рисует картинки из нашего прошлого, настоящего и будущего. Часть посылаем Рите³, часть — Вам. Завтра утром Лиличка, Зина и мой сослуживец останутся в Свердловске, а я поеду в Красноярск и Иркутск покупать Лиличке пимы. Попутно исполню ряд служебных заданий.

Привет Вам, родным, знакомым.

Крепко, неумно целую Бульку.

И. Болотин

Л. Ю. Брик (1932 г.)

Едем очень хорошо, я еще даю кое-что есть Лили Юрьевне, так что пока — это еще только картинки. Не беспокойтесь.

10000000000 приветов.

Зина.

Привет Бульке!

(62) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 8 марта 1932 г.)⁴

Мой любимый, единственный, сладкий Кислит!

До невозможности противно, что все еще ничего не известно! Два дня тому назад Виталий послал письмо в Москву — инш-алла — что-нибудь ответят⁵.

Виталий так расстраивается, что мне жалко бросить его одного сейчас, тем более, что он все время хворает и страшно старается, чтобы мне хорошо жилось. Он думает, что задержка объясняется одним делом, которое он должен был закончить здесь и которое закончилось 7-го. Ждем вызова каждый день.

Жили мы это время очень хорошо.

Зина⁶ прибавила 20 фунтов!!! А я спустила 5. Мне ужасно жалко, что она уезжает, — она мне *очень* нравится.

Мы привили оспу, но привилась она только у меня. Пожалуйста, привей себе тоже — сейчас очень сильная эпидемия.

Виталий подарил мне шкурки на шубку — темно-коричневые с бежестными краями и белую мерлушку на воротник и рукава для черной кофточкой из мамашинной каракульчи.

Я купила себе 9 пар чулок. Две шелковые материи на платья — черную и пестровую. Две дешевые полушерстяные материи на 2 платья. Материи на две смены белья. Словом, — съездила за границу.

С Зиной мы собрались ходить по театрам, гулять, следить за своей красотой и танцевать. Вместо этого, мы танцевали, играли в «тысячу»,

раскладывали пасьянсы, топили печурку и невероятно много хохотали. Это отнимало у нас столько времени, что я никак не могу дочитать Некрасовскую книжку, которую ты дал мне с собой! Хотя она очень интересная.

Щенятку мы взяли для Зины. Но она так и не дождалась Бориной⁷ телеграммы. Щен совершенно изумительный! Белый шелковый сетереныш, нос и лапы в веснушках. Когда вырастет, будет в веснушках весь. Он невероятно веселый, умный и послушный. Только очень любознательный, и книжки зачитывает так, что от них только ключья летят. Он настолько не рассчитывает свои движения, что садится со стуком; если бросить ему что-нибудь, — пролетает мимо, и поворачивается полным кругом вокруг своей собственной оси. Я его обожаю. Было б замечательно, если б Женя⁸ захотела взять его — не хочется отдавать его далеко — уж очень он хорош. А вторую собаку заводить немыслимо. Первая очередь за Зиной. Она выяснит, согласятся ли сожители на собаку.

Кислит мой маленький! Я в этот раз соскучилась по тебе больше, чем всегда. Через две недели я выеду, *во всяком случае*. Больше не вытерплю.

Спасибо тебе за деньжата — в Москве все отдам. Напиши Васе, чтоб *обязательно* перевели мне деньги за март⁹. Чтобы он *непрерывно* проследил за этим.

Ослит, родненький, умоляю тебя — отнесись внимательно к академическому изданию¹⁰!!!!

Посылаю тебе носки, бумагу, папиросков, чай и масло. Надеюсь, что к вечеру будет готово разрешение на револьвер¹¹. Вышли только его номер (револьвера).

Я все-таки ужасно надеюсь, что мы не сегодня-завтра поедем. Мне хочется знать подробно про Питер и про все — про тебя¹². Пожалуйста, все запомни. А про меня тебе расскажет Зина.

Обнимаю тебя, целую и люблю изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

Вит. тебе кланяется, и мы оба кланяемся всем.

11 марта она получила от Осипа Максимовича короткое письмо-поздравление:

(63) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 26 февраля / 11 марта 1932 г.)¹³

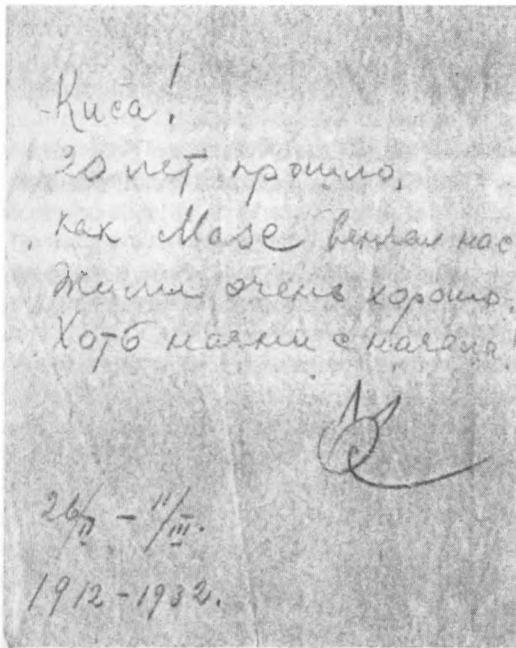
Киса!

20 лет прошло, как Маса венчал нас¹⁴. Жили очень хорошо. Хоть начни сначала!

1912 — 1932 гг.

(Кэт — рис.)

Конечно же, она напрочь забыла про этот юбилей, только умный и пунктуальный Ося всегда помнил все даты, и она бросилась к междугороднему телефону с ответными поздравлениями.

Записка О. М. Брика Лиле Юрьевне к 20-летию их свадьбы (11 марта 1932 г.)

Вторую годовщину со дня смерти Маяковского они встретили организованно, с подарками Володе.

Во-первых, в «Вечерней Москве» были опубликованы воспоминания Лили Юрьевны о Маяковском¹⁵. Это был первый опыт — попытка рассказать о знакомстве с Володей и самых первых впечатлениях, которые он произвел на Бриков. За свою долгую жизнь Лиля Юрьевна многократно возвращалась к воспоминаниям о Маяковском, дополняя, а иногда сокращая или изменяя отдельные эпизоды. Вот и эти воспоминания, казалось бы, хорошо знакомые по последующим публикациям, имеют некоторые не повторявшиеся потом подробности.

Во-вторых, наконец-то вышел «Альбом рисунков и плакатов В. Маяковского» под редакцией В. Катаняна, с вступительной статьей О. Брика. Лиля Юрьевна не упомянута в создателях «Альбома», но появился он только благодаря ее усилиям, ее упорству и настойчивости, с которыми она руководила из Свердловска Осей и Васей, направляя и контролируя каждый их шаг.

И, наконец, в-третьих, на экраны вышел фильм «Кем быть?»¹⁶, сценарий к которому написал О. М. Брик по одноименному стихотворению В. Маяковского.

Осип Максимович в 1932 году активно ведет большую творческую работу: он с большим энтузиазмом пишет по заказу МАЛЕГОТа либретто

балета «Цыганка» (композитор Л. А. Половинкин) и оперы «Камаринский мужик» (композитор В. В. Желобинский), вместе со своим постоянным драматургом-соавтором О. Л. Леонидовым пишет пьесы для театров, работает над киносценариями, занимается журналистикой.

С этого времени в письмах к Лиле Юрьевне он подробно рассказывает обо всех своих оперных делах, шлет свеженарисованные куски «Камаринского», считаясь с ее мнением и полагаясь на ее вкус. И уже с середины мая Виталий Желобинский сичиняет музыку к опере.

Он очень молод, только недавно ему исполнилось 19 лет, но за плечами уже большая музыкальная биография. В шесть лет он бегло исполнял произведения для фортепиано, а к моменту поступления в 1922 году в Тамбовскую музыкальную школу, где прошло его детство, был автором ряда сочинений. Конечно, в то время они еще несовершенно, но сам факт говорит об интенсивности творческого мышления мальчика. В будущем творческая активность Желобинского поражала всех, соприкасавшихся с ним. Свое пианистическое искусство и композиторские задатки он совершенствует в Тамбовском музучилище. В 1928–1932 годах Желобинский учится в Ленинградской консерватории на композиторском факультете у профессора В. В. Щербачева и одновременно во Втором музтехникуме по классу фортепиано у профессора М. В. Нарбута. Глубоки и содержательны были занятия по композиции у Щербачева. Он настраивал ученика на создание крупных сочинений — симфоний, опер.

Такими они и встретились в работе над первой в жизни каждого оперой — умудренный опытом 41-летний О. М. Брик и талантливый 19-летний композитор В. В. Желобинский. После только что вышедшего постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о перестройке литературно-художественных организаций Малый оперный театр устремил свои усилия на создание подлинно советских спектаклей на актуальные темы, и опере «Камаринский мужик» о крестьянском восстании Болотникова была открыта зеленая улица, а ее создателям оказывались внимание и поддержка¹⁷.

Что касается творческого содружества О. М. Брика и О. Л. Леонидова, то оно проходило менее эмоционально. Сам Осип Максимович с некоторой иронией называл их совместную работу артелью. А вот как описывает ее Е. Г. Соколова: *«В большом количестве они перерабатывали чужие сценарии по просьбе сценарной студии. Леонидов приходил к О. М., и Брик придумывал ситуации, все перекраивал, а Олег Леонидович все записывал. На другой день приносил уже напечатанное и т. д. Эта работа не увлекала О. М.»*¹⁸. В 1932 году они работают вместе над пьесами «Особое мнение», «Евгений Базаров», «Печорин».

УРАЛЬСКОЕ ЛЕТО

В Москве, конечно, Лиле Юрьевне было хорошо, но приехал муж, и пришлось снова возвращаться в Свердловск, по месту его службы...

Недавно, 13 марта, Примаков выступил с докладом о Японии, откуда он вернулся в прошлом году, на городском партактиве в Свердловске, где присутствовал Б. М. Шапошников, приехавший из Самары. Доклад произвел сильное впечатление на слушателей; неожиданно близкими для уральцев стали события, разворачивавшиеся на Дальнем Востоке. Здесь же, на партактиве, было принято решение напечатать стенограмму доклада Примакова массовым тиражом, чтобы с ним могли ознакомиться во всех рабочих коллективах и партийных ячейках. И вот колесо закрутилось, скоро брошюра с докладом должна выйти из печати¹⁹.

(64) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Вятка /с дороги/ — Москва, 27 апреля 1932 г.)²⁰

Любименький мой Кислит,

мы едем очень хорошо. Сейчас будем обедать, опоздания пока нет. Не топят, но не очень холодно. Сажу в клетчатом платке и читаю Салиаса. Смотрю в окошко — снега почти нет, на деревьях почки, ужасный Левитан!

На станциях продают молоко и яйца.

Очень хочется послушать, что ты написал!!

Привет всем. Целую Женю.

Целую 1000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

(Приписка Примакова): Осинька! Еду и вам кланяюсь.

[Открытка]

(65) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 10 мая 1932 г.)²¹

Дорогая, любимая Киска!

Я тшечно добивался поговорить с тобой по телефону. Ничего не выходит. Попытаюсь еще завтра.

Уезжаю в Ленинград 12-го вместе с Половинкиным, который уже дописал 1-й акт балета²². Он мне играл, по-моему, хорошо.

4-й эпизод оперы²³ я дописал и посылаю при сем. Жаль, что не могу прочесть лично. Боюсь, что тебе не понравится.

Деньги с «Веч. Москвы» (150 р.) я за тебя получил²⁴.

Насчет паспорта Женя ходила, но Чирина не добилаься, а заместитель его сказал, что денег они в таких случаях не возвращают, и продолжить паспорт тоже не могут²⁵. Мы решили паспорт в таком разе не отдавать, а дожидаться Чирина и поговорить с ним.

С деньгами обхожусь вполне; твои 500 р. (Шкловские) пока не трогал.

Пьеса наша в «Семперантэ» очень понравилась и пойдет в 15-летие²⁶.

Образован оргкомитет по литературным делам: председатель — Горький-зам. — Гронский (редактор «Известий»)²⁷, секретарь — Кирпотин

Б. М. Шапошников. Фото времен Первой мировой войны

(ленинградец, из ком-академии)²⁸; члены комитета: от «напостовцев»²⁹ — Киршон³⁰, Фадеев и все, Авербах не вошел, затем: Панферов³¹, Ставский³², Безыменский³³, Асеев, Леонов³⁴ и т. д. В сентябре будет Всесоюзный съезд писателей, тогда будет окончательно выбрано правление.

Все почему-то сразу стали очень ухаживать за Кулешовым³⁵. Его вызывал Димашов (он теперь по кино-делам), возмущался, что ему, Кулешову, не дают работать, обещал все сделать, на фабрике ему прибавили жалованье, мне заказали о нем статью в кино-газету³⁶, и все в таком роде.

Я подал в «Межрабпом» заявку на сценарий «Ком. манифест» и сказал, что настаиваю на Кулешове, как режиссере. Ответа пока не получил.

Приехал Брехт, я его видел, он все такой же³⁷.

Гасбарра³⁸ едет в Свердловск. Я ему сказал, что не знаю, будешь ли ты именно теперь в городе, может быть, ты будешь в отъезде. Но он, на всякий случай, взял у меня твой адрес. Он предполагает устроиться там через обком. Он приехал сюда по делам немецкого коммунистического партийного издательства.

А так все по-прежнему. Я пишу, покупаю книжки, читаю.

Булька поправилась, больше не роет, но скучает. Все просится гулять.

Только что получил два письма: от мамы и Эльзы. Посылаю их тебе при сем.

Кажется, все написал. А что забыл, — не интересно.

Хочется поехать в Ленинград, в Москве немножко надоело.

Очень крепко тебя целую. Очень тебя люблю и обожаю, миленький мой киска! Напиши мне тоже.

Твой Ося.

В. Маяковский. Грозный смех. ГИХЛ, 1932 г. Разворот обложки.

Художник — Варвара Степанова

(66) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 18 мая 1932 г.)³⁹

Дорогая, любимая, родная Киска!

Ужасно приятно было слышать твой голосок в телефон. Противно, что так трудно дозвониться.

Как твоя ножка? Я беспокоюсь, не ушиблена ли кость. Напиши мне подробнее.

В Ленинграде я пробыл 4 дня; дольше оставаться было неудобно, так как дела с театром все были окончены, а я жил там на их счет.

Желобинский совсем молоденький. Ему 20 лет. Очень славный. Вдумчивый и без гениальничанья. Либретто ему очень нравится. Играл он нам свои произведения. Ничего особенного, но слушать приятно. Посмотрим, что у него выйдет.

Балет мой будет ставить Голейзовский⁴⁰(!) Это довольно мрачно. Он ни черта не понимает. Ему хочется «побольше танцев». Но больше ставить некому, а он все-таки знает свое дело, хотя и по старинке.

У меня сейчас масса работы:

1). Пьеса для «Семперантэ». Она им очень нравится; 2). «Камаринский мужик» — еще 4 эпизода, и надо их кончить к середине июня; 3). Сценарий для Кулешова — «Ком. манифест»; 4). Пьеса «Диктатура сердца» для политкаторжан.

И все дела срочные. Кроме того, надо помочь Олегу Леонидовичу сделать 2 сценария, — не очень интересные, но за них платят хорошо.

Чувствую себя хорошо. Шура⁴¹ за мной ухаживает.

Кулешов сейчас в большой чести, и меня просят написать о нем статью для газеты «Кино». При сем прилагаю ее. Примечанье к рецензии дурацкое и дела не меняет⁴². Я немножко перехвалил Кулешова, но это необходимо сейчас, чтобы «дать понять».

Ужасно рад, что тебе понравился 4-й эпизод⁴³. А то мне говорят, что рассказ протопопа Терентия непонятен и неизвестно, зачем он все это рассказывает. А по-моему, все очень ясно: это настоящий Крученых, трусливый и блудливый. Между прочим, я его не выдумал, и все так приблизительно и было на самом деле.

Новостей никаких нет. Все по-старому. За телефон налог, за квартиру, электричество, газ — все уплачено. Но понемногу накапливаются новые счета, кои я также постепенно оплачиваю.

Никого не выдаю: Асеев неуловим, Катанян занят, Сема⁴⁴ где-то носится. Да мне и не очень хочется видиться. Мне хочется, чтобы ты приехала, и чтобы я тебе читал оперу.

При сем письмо от Елены Юльевны⁴⁵.

Целую тебя, кошечка, много-много раз. Ужасно тебя люблю, и хочу, чтобы ты хотя бы написала. Поцелуй Вит. Марковича.

Еще целую крепко.

Твой Ося.

(67) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 19 мая 1932 г.)⁴⁶

Любименький мой, единственный на свете Кислит!

Не знаю, почему ты мне так напугал телефонными звонками. Я пришла поздно из кино (здесь раз в две недели устраивают просмотры для вождей — программа ужасно плохая всегда), а Лена⁴⁷ говорит: звонили из Москвы. Я звоню сверхсрочно, — не отвечают. И я сразу же, как дура, решила, что с тобой что-нибудь случилось, и проревела до утра...

Я очень жалею, что ты не видел мой синяк во всей красе. Виталий его, правда, сфотографировал для тебя, но не знаю, получилось ли — негативы у Оли, она хотела дать Сереже проявить⁴⁸.

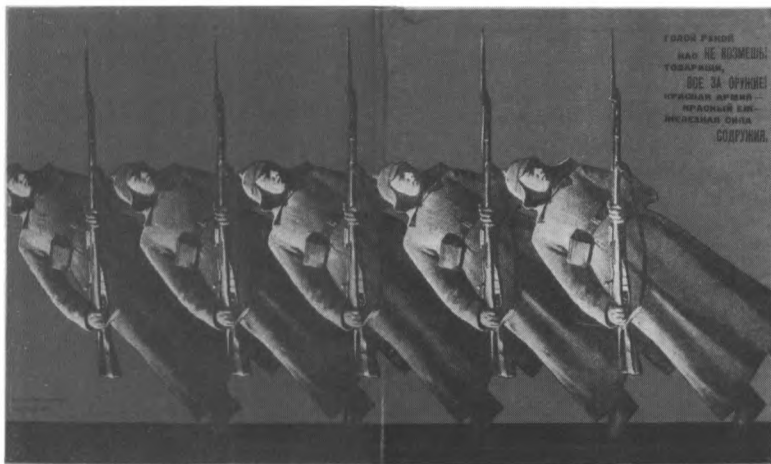
Лошадик очень миленький, но из-за того, что я вошла к нему в шубе, он решил, что я его съем. Очень испугался, все время косился на меня глазом и, наконец, не выдержал и брыкнул. Я сама виновата, — вошла к нему одна вечером, в такое маленькое стойло, что даже отскочить было некуда, а вход заложен палкой, через которую я перелезла. Виталий говорит — *Jüdischer Gaslen*⁴⁹.

Я каждый день стреляю из нагана; последний результат — «отлично»: из 50-ти возможных — 5 патронов, 25 метров — 42 очка! Это очень здорово! Я очень довольная, потому что могу убить каждого разбойника, если он даст мне время хорошо прицелиться.

Я все время читаю Дон-Кихота — очень интересно. Ходит ко мне всякий скучный народ. Играла раз в покер, несколько раз в преферанс. Читала вслух твою оперу⁵⁰, совсем как ты, с выражением, на разные голоса, и руками махала — всем очень понравилось.

Очень развлек меня Гасбарра — приходил каждый день. Я помогла ему посмотреть всякую всячину, но сама с ним не ездила — лень было, хотя смотрели они очень интересные вещи.

Мне хочется только одного — поскорей в Москву, но так жалко Виталия, что я стиснула зубы и решила его дожидаться.

В. Маяковский. Грозный смех, ГИХЛ, 1932 г. Монтаж В. Степановой, фото Б. Игнатовича

Гасбарра от Урала в восторге. Вчера он уехал в Березняки. С ним переводчица, очень симпатичная комсомолочка.

Каждый день разговариваю с Леной. Ужасно жаль, что не умею стенографировать — получилась бы книга рассказов, очень толстая и гораздо лучше Бабеля.

Ты, вероятно скучаешь по своему костюму, но, я думаю, в Москве это вышло бы не скорее, а у нас уже неделя — собачий холод: -3° и дождик; если и у вас так, то костюм тебе не так уж нужен. Послать не с кем, а по почте — боюсь, пропадет.

Ты масло получил? Не испортилось? А газеты английские получил? Я тебе еще пришлю.

Купила Жене⁵¹ 5 метров очень хорошего черного креп-де-шина и черные туфли, такие же, как она купила в московском распределителе за 27 р., парусиновых уже нет. Купила ей кастрюльку для супа. А Олегу Леонидовичу⁵² купила чайник небесно-голубой, эмалированный.

Я думаю про свою книжиту, и мне хочется ее доделать.

4-й эпизод ужасно замечательный — я тебе про это телеграфировала в Ленинград. Это очень хорошо, что композитор симпатичный, интересно только, сумеет ли он написать музыку.

Что ж, если Виталия до осени не переведут⁵³, то поедем летом все в Чебаркуль, — здешние жители говорят, что это самое красивое место на свете. Поедем недель на шесть, пока Эльза будет в каких-нибудь Сочах, а Арагон будет заворачивать в Москве, а то им в лагерь нельзя⁵⁴.

Я не в очень плохом настроении, а два дня у меня было даже счастливых.

Первый, когда уехала Оля⁵⁵ и второй — вчера, когда выяснилось, что ты жив и здоров. Ужас, до чего я тебя люблю, совсем не могла бы жить без тебя ни минуточки. Ты самый сладенький и умный оперщик на свете!

А Оля до того нудная, что даже представить себе трудно — какая-то нравоучительная повесть для детей — Задуманное Слово! Впрочем — а ну ее! Как сказал Геня⁵⁶ про трубочиста.

Получила ли Зина⁵⁷ мое письмо? Приезжать ей теперь не стоит.

Ну вот, родненький, писать больше не о чем.

Еда у нас здесь очень хорошая. Кормила Гасбарру один раз утками, один раз стерлядью.

Я без Виталия и Оли хожу обедать в столовую, чтобы дома не возиться.

Понравилось ли Шуре⁵⁸ шелковое полотно? Другого не было.

Кислит, телеграфируй мне, намного ли те папиросы, которые я послала тебе с Олей, лучше «Норда». Я могу привезти тебе хоть тысячу штук, только не знаю — каких. Есть «Норд», «Voste», «Тройка» — без мундштуков, «Северная Пальмира» и такие, как я послала тебе в пестрых коробках. Может быть, купить разных по 250 шт.? Есть еще «Дукат» — в длинных коробках по сотне. Телеграфируй мне про папиросы, а то в Москве, говорят, их нет.

До чего же по тебе соскучилась!

Нельзя так часто расставаться, а то не успею побыть, как следует, вместе до смерти. Умирать мне совсем не хочется. Даже в самые скучные дни я не думаю о самоубийстве. Это Аннушка⁵⁹ правильно говорит: «все равно, все там будем, успею еще».

Кислит мой любименький, сладенький, родненький, единственный, главный — я тебе люблю и страдаю, и обнимаю, и целую 10000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Всем кланяйся. Булечку поцелуй между ушками. Как бы устроить ее к кому-нибудь на дачу хоть на месяц?!

(68) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 22 мая 1932 г.)⁶⁰

ПОЗВОНИ ПОЖАЛУЙСТА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО НОЧЬЮ НИЧЕГО
НОВОГО ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ТВОЯ КИСА=

[Телеграмма]

В самом конце мая Осип Максимович вместе с Женей по приглашению Лили Юрьевны и Примакова приезжают на Урал. Они поселяются на берегу озера Чебаркуль, в живописнейшем месте Южного Урала. Здесь же неподалеку находятся летние военные лагеря, где традиционно проводятся летние учения, и Виталий Маркович днями пропадает там, пока «семейство» нежится на пляже или совершает прогулки по лесу. Питание семье командира и обслуживание тоже организуются на славу.

Отдохнувшие, они отправляются по домам только в конце июля.

(69) О. Брик — Л. Брик (Златоуст — Свердловск, 29 июля 1932 г.)⁶¹

Едем в двухместном купе межд. спального вагона!

Пьем чай с вареньем.

Проезжая, видели все места, в том числе и «Махаила»⁶².

С озера на лодке нам махали Зоя Алексеевна и Нина⁶³. Ужинать определенно не хочется.

Н. Д. Штеренберг, Н. Ф. Денисовский, Л. Ю. Брик
и Л. А. Гринкруг (1930-е гг.)

Очень, очень привет В. М-чу.
Тебя целуем ужасно крепко.
Ося и Женя.
[Открытка]

(70) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 2 августа 1932 г.)⁶⁴

Дорогая моя, любимая Киса!

Если ты получила мои открытки с дороги, то знаешь, что ехали мы замечательно: в 2-х местном купе спального вагона от самого Чебаркуля. Доехали прекрасно, встреченные на дебаркадере Вит. Жемчужным⁶⁵.

Прибыв на квартиру, я застал там Аннушку⁶⁶, Бульку, Петю⁶⁷ и... Елену Юльевну⁶⁸! Оказывается, вышла какая-то путаница с билетами на 28-е, и она уехала только сегодня утром. Вещи ее уже прибыли на таможду и могут спокойно пролежать до 21 сентября⁶⁹.

Насчет Шуры ходят слухи, что она в Москву не вернется. Аннушка просила портниху Лидию Дмитриевну запросить Шуру, в чем дело. Теперь ждем от Шуры ответа.

В Москве очень жарко и туго с продовольствием. В нашем распределителе ничего нет.

Не успел я умыться, как звонит Канин⁷⁰. Оказывается, он в Москве, и не один, а с Желобинским, который написал 1-й акт (1 и 2 эпизоды) «Камаринского мужика». Вечером они пришли, и я слушал 1-й акт своей оперы. Впечатленье такое: настоящая опера! Театр в восторге. Первый акт, в декорациях, в костюмах, на сцене, с оркестром будет показан в 15-летнюю годовщину Октября. Это очень приятно, но никакого «новаторства», никакого нового типа музыкального спектакля в этом нет. Это будет

советская опера вместо «Жизнь за царя». Еще многое зависит от актеров и режиссера. Ну, посмотрим.

Балет⁷¹ тоже уже готовится. Возможно, что один акт будет готов к 15-летию, тогда его тоже покажут.

Я прочитал им 5-й эпизод и начало 7-го, — им очень понравилось.

В Ленинград я поеду, должно быть, в конце месяца.

В тот же вечер у меня были: Катаньян, Сема⁷², Клава⁷³, Ксана⁷⁴, Зина Свешникова и Боря⁷⁵.

Новости такие:

Зина и Боря очень рвутся в Свердловск, и, по-видимому, 7-го поедут к вам.

У Нади Штеренберг была внематочная беременность, и она чуть не умерла. Виноват Брауде. Накануне он ее смотрел и сказал, что у нее вообще ничего нет. А на следующий день с ней случился «шок» и ее еле-еле успели довести до больницы. Сейчас она поправляется, но очень слаба, потому что потеряла массу крови. Ей делали даже переливание крови.

Коля Асеев уехал в Кисловодск «отдыхать». Ксана бледна и худа до невозможности. Мне ее очень жаль. Она хлопочет, чтобы куда-нибудь уехать с Верой⁷⁶. Говорит, что Коля продал нашу опереттку⁷⁷ в какой-то московский театр. Это было бы неплохо.

Клава поправилась. Очень толстая и веселая.

Сема читал новую поэму о «Карле Марксе»⁷⁸. Так себе, — водянистый пафос.

Катаньяну я передал список твоих издательских дел. Он все выяснит, и я тебе немедленно обо всем сообщу.

Виталий Жемчужный, оказывается, давно уже послал телеграфно 150 р. Почему-то они не получились. Надо бы справиться в Чебаркуле на почте.

Олег Леонидович молодец. С завтрашнего дня наша артель⁷⁹ уже начинает работать.

Вот тебе первый рапорт. На-днях, напишу еще.

Очень крепко тебя целую, кисанька.

Твой Ося.

В Советский Союз приезжают Арагон и Триоле; им организовали давно запланированную поездку по Уралу, чтобы познакомить с широким размахом социалистической индустриализации.

Биограф Арагона Александр Исбах пишет⁸⁰:

Еще в начале 1930-х годов Арагон познакомил нас со своими уральскими дневниками. Частично они были опубликованы потом в журнале «Интернациональная литература» (1933, № 2).

Больше всего взволновал Арагона резкий контраст между двумя мирами, двумя Уралами — дореволюционным и послеоктябрьским.

«На одной из первых остановок в Уральских горах, — записывает поэт, — я купил земляники. Она была завернута в бумагу, помеченную 1 октября 1917 года. Это был отпечатанный на машинке приказ Временного

правительства (Керенского) населению о том, чтобы на зимнее время часы были переведены на час вперед. Урал не послушался Керенского, он послушался Ленина и перевел свои часы на столетие...

Темпы гигантских строек социализма потрясли поэта. И, прежде всего, конечно, Магнитогорск.

«Гигантский Магнитогорский комбинат не поддается описанию и даже фотографической съемке... Больше всего меня поразили не законченные здания, не домны, огромней которых нет в мире, и не химические комбинаты, нет: больше всего меня поразила сама стройка, рождающая части того целого, которое постепенно вырисовывается на пространстве, где легко уместился бы город, между лентой дороги и дугой реки Урал...»

А впереди еще — Челябинск, Свердловск, Нижний Тагил, Надеждинск...

Из этих походных записок, отражающих непосредственные впечатления писателя, в 1934 году выйдет книга «Ура, Урал!», где все увиденное найдет свое образное, поэтическое воплощение.

(71) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 4 августа 1932 г.)⁸¹

Милый мой, любименький мой Кислит,

30-ого мы с Витей и Шнорре⁸² поехали на охоту — погода была замечательная, дорога не очень плохая. «Паккард» хорошо вез, а уток такое дикое количество, что Виталий в течение одного часа убил двух уток и одну водяную курочку. Ужасно было обидно, что все это — без вас!

31-ого укладывались и вечером поехали в вагон ночевать. Вагон оказался трясучий и весь в клопах, тк что я до утра не спала, заснула в 4 ч. утра, а в 9 мы были уже в Челябинске⁸³. Виталий позвонил Арагонам с вокзала, мы поехали к ним в гостиницу и весь день ездили по городу⁸⁴. Поехали в пионерский лагерь, разговаривали, мыли Эльзино платье в бензине, обедали. Арагоны довольные и веселые. Плохо только, что у Виталия весь день болел живот. Эльза дала мне клопиное средство, кондукторша вымазала на ночь мою постель, и клопов совсем не было. Я легла спать до того усталая, что не могла произнести «Спокойной ночи!».

Эльза говорит, что у нас в Москве клоповник. Я в отчаянии! Придется красить стены масляной краской или, по крайней мере, замазать все до одной щелочки и выкинуть все тахты, иначе от них не избавишься.

2-ого утром приехали в Свердловск, я бегала по городу. По распределителю. Если Женя хочет, чтобы я ей что-нибудь купила, пусть шлет денег, — у меня совсем нет.

Женичка! Очень прошу тебя вот о чем: Шура посылала в Свердловск посылочку Шалина⁸⁵ (помнишь, два берета и перчатки) месяца два тому назад. Посылка эта не дошла. Я просила тогда Шуру сохранить квитанцию. Посылка была послана, кажется, «Ценная 100 р.». Надо немедленно сходить с этой квитанцией на почту и выяснить, в чем дело. Только не оставляй им квитанцию, чтобы, если посылка пропала, получить 100 р. и чтобы для Шалина было доказательство, что посылка была действительно послана.

Виталий вчера уехал в Пермь. Приедет завтра, а 7-ого едем в Камышлов⁸⁶. Получили в коллекторе массу книжков⁸⁷, — привезу их в Москву.

Про заказ на оперу и на биографию Свердлова Виталий уже спрашивал, на днях будет ответ. Поговорю об этом еще с Киселевым⁸⁸.

Как вы доехали? Что в Москве? Что было с мамой? Как Женин ремонт?

Мне не хочется здесь переезжать на новую квартиру⁸⁹ — боюсь клопов!

Я уже соскучилась по травке и поеду в лагерь с удовольствием. С нами, вероятно, поедут Лена и Мальчик⁹⁰.

В Москве буду 25-ого. Что с маминими вещами!!? Ужасно жду вашего письма.

Ослит, ты отдохнул в Чебаркуле? Что говорят про тебя москвичи? Как у тебя с деньгами? Что прислать?

Я вчера тушила керосинку, и она вспыхнула и спалила мне волосы, брови и ресницы — должно быть, керосин попался с бензином.

Мы были здесь в цирке, видели 4-х слонитов. Один, огромный, сидел на табуретке, как ужасно добрая няня — задик толстый, весь в складках, и держал хоботом конец прыгалки, через которую прыгало очень нарядное малюсенькое пони.

Еще мы выпили бутылочку Абрау и бутылочку Донского игристого.

Тебе отдали шить 3 серовые рубашки.

Целую, люблю и ужасно без тебя скучаю.

Твоя (Киса — рис.)

(72) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 6 августа 1932 г.)⁹¹

Любименький мой Кислит,

забыла спросить, ездил ли ты в Ленинград.

И еще напиши мне, каких размеров должны быть книжные полки. И какого размера шкаф в коридоре — высота, ширина, глубина⁹².

Как у тебя с деньгами? Что привезти из еды? Чего не хватает.

С вашего отъезда ни разу не стреляли.

Была на даче у Пастернака⁹³, — он очень забавно разговаривал. Говорит, что его не удивляет, что ты написал замечательный текст оперы в стихах: «Брик знает, где раки зимуют». Говорит, что Свердловск помешан на операх и ораториях и всем заказывают тексты, в том числе, и ему, но он отказался.

Сегодня съездим с Виталием на Шарташ, увидим всякий народ и поговорим обо всех твоих делах⁹⁴.

Завтра в 2 часа едем в Камышлов на дрезине. Дрезина размером как автобус, закрытая с стеклянными окнами. Едем с Леной, с Игошевым⁹⁵, с Мальчиком и с багажом.

Езды часа три — 100 километров.

Инш-алла, 21-ого уеду из лагеря, здесь куплю, все, что нужно. Упакуюсь и 23-его выеду в Москву.

Меня беспокоят клопы, денежные дела и мамини вещи.

Противно, что от тебя нет письма, и что я совершенно не знаю, что у нас делается.

Как Булька? Какая в Москве погода?

Здесь жарко и пыльно.

Пиши: Свердловск, Ленинская, 6, Штаб корпуса. В Камышлов почти каждый день кто-нибудь ездит.

Целую тебя, мой маленький, сладенький, родненький.

Твоя (Киса — рис.)

(73) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 7 августа 1932 г.)⁹⁶

УЖАСНО БЕСПОКОЮСЬ НЕМЕДЛЕННО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ
ЗДОРОВЬЕ НАДИ ТОЛЬКО СЕГОДНЯ УЗНАЛА ЕЕ БОЛЕЗНИ ЦЕЛУЮ
=ЛИЛЯ=

[Телеграмма]

(74) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 8 августа 1932 г.)⁹⁷

Лагерь

Милый мой, золотой,

маленький, любименький Ослит,

жду твоего письма и телеграммы про Надю⁹⁸. Я вчера утром только получила письма о том, что она так больна и немедленно стала реветь. Ужасно мне ее жалко и испугалась, что она могла умереть.

Это самая настоящая эпидемия.

Доехали на автодрезине очень хорошо — вроде трамвая, только невыносимо шумно, как в самолете. Мальчик вел себя идеально, смотрел в окошко.

Здесь очень хорошо. Дача очень большая, фанерная. В нашей комнате 4 окна, два окна — 5 метров на 5, остальные два чуть поменьше. Большая кухня, плита с духовкой — сейчас ее переделывают — дымит!

С террасы видна речка и деревушка на том берегу. Позади дома — лес, совсем другой, чем в Чебаркуле — ровные сосны и сухая земля — иглы, шишки, мох.

Есть грибы, но я еще почти не ходила, тк что подробностей никаких не знаю. Было, говорят, невероятно много ягод и сейчас, говорят, есть брусника и костяника.

В реке, говорят, рыбы видимо-невидимо.

Столовая, говорят, очень плохая, тк что готовить будем дома. Провизии прислали очень хорошей — изумительное масло и яйца, много овощей, белая мука, мясо и т. д.

Клопов нет, комаров немного, но есть тараканы и ужасное количество мух. Причем совокупаются они на глазах, тк что и не знаю, что это будет. Виталий выписал формалин.

В речке сегодня купались, но больше не буду — дно вязкое, в камнях и в ямах, и грязный берег, — после купания вымыла дома ноги. Воздух здесь совершенно изумительный, вечером просто очень сильно пахнет морем.

Комдив⁹⁹ ужасно гостеприимный, приветливо встретил и накормил вкусным ужином без водки. Он — типичный, хорошенький хохол, такие же у него и жена, и дочка.

От мамы получила письмо из Москвы — она хорошо доехала. Вещи могут лежать на таможне до 21-ого сентября, тк что сама возьму их, когда

приеду. Если у Левы¹⁰⁰ есть на этот предмет какие-нибудь бумажки, пусть оставит их тебе, когда уедет в отпуск.

Ждем Зину с Борей¹⁰¹, — я очень рада, что они приезжают. Может быть, останемся здесь тогда до 1-ого.

Ужасно жду твоего письма.

Крепко целую и люблю больше всех на свете.

Твоя (Киса — рис.)

Нам поставили радио с громкоговорителем.

Поет — «любви все возрасты покорны!».

Невозможно обидно, что вас здесь нет. На днях недалеко от нас выстроят тир. Лагерь близко, и все время слышно, как стреляют.

Вечером поедем посмотреть полигон и охотиться. Говорят, дичи ужасно много. На всякий случай привезем из Свердловска брусничного варенья.

(75) О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск, 11 августа 1932 г.)¹⁰²

Дорогая, любимая Киска!

Надеюсь, мое письмо ты получила. Твое я получил и очень ему радовался.

Новости такие:

1). От Шуры пока ничего нет. Говорят, что она больна. Я пока что взял работницу — Наташу, ту самую Наташу, которая работала у Фридляндов¹⁰³ и которую ты хотела когда-то взять. Рекомендация — Екат. Влад.¹⁰⁴

2). Клопов у нас почти нет. Борьба с единицами ведется энергично.

3). С деньгами я управляюсь. Телеграфируй, сколько тебе выслать. Вышлю тут же.

4). Белье взято, деньги уплачены, сдано грязное.

5). Насчет посылки Шалиной — надо указать точный адрес, на который посылка была послана. А мы его не знаем. Сообщил его нам немедленно. Застрахована была посылка в 45 р.

6). Присылать и везти сюда надо: сахар, конфеты, мыло и папиросы.

7). Мы с Леонидовым набрали кучу заказов и работаем, не покладая рук.

8). В Москве жарко, пыльно, шумно и скучно. Не торопись приезжать ни в коем случае¹⁰⁵.

9). Крепчайший привет Вит. Марковичу.

Очень тебя люблю и целую. Ося.

(76) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 13 августа 1932 г.)¹⁰⁶

Камышлов

Любимый мой Кэс!

Наконец-то, вчера получила твое письмо. А ответа на телеграмму про Надино здоровье так и нет.

Вчера ездили встречать Свешниковых и два раза на ночном поезде посылали Игошева — они не приехали, хотя телеграфировали, что могут выехать 10-ого, и мы ответили, что ждем.

Что же это Шура? Это очень противно! Как насчет клопов?

Как денежные дела?

Что прислать, привезти из провизии?

Насчет 150 рублей, Виталий просил справиться в Чебаркуле¹⁰⁷.

Здесь чудесно и опять не хочется уезжать, — придется уехать числа 18-ого, 20-ого, оттого, что Вите придется съездить до 1-ого в Чебаркуль и в Пермь, а мне здесь одной оставаться страшновато.

Выстроили тир. Стрелять можно метров на 200, но мы из винтовки почти не стреляем, а из нагана я выбила вчера на 25 м. — 43 очка!, а на 50 м. — 23! Когда увидимся, я объясню тебе, как надо стрелять на 50 м., чтобы выполнять. Впрочем, попробую сейчас: так же, как на 25 м., — ты целишь в десятку, но револьвер ходит у тебя в руке по черному яблоку, так и на 50 м., — ты должен целить в черное яблоко, но не должен смущаться, если револьвер ходит в пределе белого круга, т. е. единицы. Понял? Если не понял, объясню лично. Как только я это поняла, — стала выполнять.

Виталий написал первое действие пьесы, — по-моему, годится¹⁰⁸.

Ужасно рада, что удалась музыка к «Камаринскому мужику»!!!

А почему балета пойдет только первое действие, а не весь?¹⁰⁹

В Свердловске посмотрю за ремонтом новой квартиры¹¹⁰ и не позднее 1-ого буду в Москве, но надеюсь быть раньше.

Кормит нас Лена ужасно вкусно. Мальчик ухаживает за какой-то полу-фоксой и его почти не бывает дома. Как Булька?

Мне тебя ужасно жалко, что ты страдаешь в Москве, и я по тебе ужасно соскучилась, но в Москву совсем не хочется.

Я получила очень глупое письмо от Наташи Брюханенко.

Жду от тебя еще письма.

Мне шьют брезентовые сапожки для охоты, обещают совсем легкие, а то на болоте грызут комары.

Два раза ели раков — их здесь масса.

Цветов в лесу совсем нет, а на поле все сине от васильков.

Напиши мне, мой любименький. Обцеловываю твой шарик и лапики.

Поцелуй Женю. Жемчужному привет.

Твоя (Киса — рис.)

(77) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 17 августа 1932 г.)¹¹¹
Камышлов

Любимый мой, единственный Кисенкен!

Ты мне все не пишешь про размеры книжных полок, а я непременно хочу послать в Москву доски на полки и фанеры на шкаф в коридоре.

Зина с Борей¹¹² блаженствуют. Только у Зины расстройство желудка, и она ничего не может есть!

Сапоги мои все еще не готовы, и я на охоту не езжу, хотя сапоги это, пожалуй, отговорка, — просто боюсь растряситься на «Форде», а «Паккард» еще чинится. А Виталий два раза охотился по пути из лагерей. И в первый раз мы съели за обедом тетерку, куропатку, утку и двух диких голубей, а сегодня будем есть двух куропаток. Виталий занят здесь много, но как-то легче, чем в Чебаркуле — ближе лагерь¹¹³.

А до Зининого приезда он уезжал в 10 утра, а возвращался не позднее 4-х.

У нас теперь второй наган с прямой мушкой, и я вчера дала из него 44 очка на 25 м. и 28 — на 50 метров! Из него стрелять много легче. Один из наганов возьму с собой в Москву.

Кислит, сегодня едет нарочный в Свердловск и пошлет тебе отсюда случайную посылочку: здесь оказался сыр (головка), кило манной крупы и две баночки варенья из черешни (консервы) — я их тебе и посылаю. Пошлю отсюда еще неважного мыла и неважных папирос, хороших нет, а остальное пришлю и привезу из Свердловска.

В Свердловск поедет 25-ого.

19-ого Витя выезжает на «Форде» в Чебаркуль, а 24-ого приедет за нами, и 25-ого мы выедем на «Паккарде» (инш-алла!).

В Свердловске поживем, может быть, на даче до 1-ого, и 1-ого мы с Зиной выедем в Москву, а Боря останется до Витинога отпуски, числа до 10-ого, и поедет с ним вместе.

Денег мне не посылай, я возьму у Вити, но непременно поговори в ГИХЛе, чтобы мне одновременно уплатили деньги за «Грозный смех»¹¹⁴ — мне очень нужно заплатить Вите долг¹¹⁵ (в общем, вместе со старым, две тысячи рублей) и Лева, и Коле Денисовскому, и тебе, и нужны деньги на Кисловодск, и на тряпочки, и вообще нужны. И Васе скажи, чтобы поговорил в ГИХЛе. Безобразие — 3 года мариновали книжку, а теперь хотят включить платеж в ежемесячные 500 рублей¹¹⁶!

Погода хорошая, но по ночам уже очень холодно, но ночи зато лунные, а медом больше не пахнет, потому что сосны за день не прогреваются.

Зина вообще боится стрелять, а Боря наганом не интересуется, зато с ружьем не расстанется.

Вот и все наши дела. Скоро еще тебе напишу. Когда приедет Игошев, спрошу у него адрес Шалиной, — может быть, он знает.

Целую тебя и люблю.

Твоя (Киса — рис.)

Ужасно интересно, как получается «Александр-II-ой»¹¹⁷.

Привет сердечный Пете¹¹⁸ и спасибо ему за письмо.

Адрес Шалиной Елизаветы Александровны: Свердловск, Пушкинская ул., 2-ой дом Горсовета, кв., кажется, 56. Но, может быть, квартира не нужна?

Твоя (Киса — рис.)

(78) Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, 18 августа 1932 г.)¹¹⁹

ХОРОШО ДОЕХАЛИ КРЕПКО ЦЕЛУЕМ =ТВОЯ ЛИЛЯ=

[Телеграмма]

Ростов

Через неделю после возвращения из Камышлова в Свердловск В. М. Примаков получает назначение в Ростов заместителем командующего Северо-Кавказским военным округом (СКВО). Уже в письме В. А. Катаняну от 26 августа Лиля Юрьевна пишет: «*В Москве будем 4-ого [сентября. — А. В.]. Виталия перевели в Ростов. Очень по вас соскучилась, но хочу до 2-го подождать Виталия, чтобы ехать всем вместе*»¹²⁰.

Их отъезд с Урала сопровождается последней уральской новостью: 3 сентября в селе Герасимовка Тавдинского района Свердловской области убит кулаками пионер Павлик Морозов, «самоотверженно борющийся против кулаков своей деревни, сопротивлявшихся коллективизации».

Москву по пути из Свердловска в Ростов никак не объедешь, здесь «семейная база», и здесь супруги оставляют зимние одежды, подходящие для сурового уральского климата, подбирают гардероб для южного города. Встречи с родственниками и знакомыми, последние новости.

Десятого сентября на общем собрании работников Государственного театра им. Вс. Мейерхольда в связи с подготовкой строительства нового здания театра выступил главный режиссер — Всеволод Мейерхольд:

Мы бы хотели, чтобы в новом здании было какое-то место памяти Владимира Маяковского. Родные его хотели бы, чтобы урна с его прахом находилась в самом театре; мы подумываем, нельзя ли устроить стену, где бы вкомпоновать памятник. Кроме того выставка памяти Владимира Маяковского находится в библиотеке имени Владимира Ильича Ленина, и там администрация пытается ее выбросить, потому что: «Ну, довольно, Маяковского почествовали — и хватит», — так что есть предложение перевести этот музей к нам, возможно, на автономных началах. Сама обстановка такова, что считают этот наш театр связанным с именем Маяковского, — поэтому мы считаем необходимым восстановить «Мистерию-буфф», над которой уже работают Брик, Асеев и Кирсанов — перерабатывают, чтобы пьеса зазвучала современно¹²¹.

Пятнадцатого сентября Примаков с Лилей Юрьевной уезжают из Москвы в Ростов.

(79) Л. Брик — О. Брику (Москва, 15 сентября 1932 г.)¹²²

Кислит!

Пишу тебе с вокзала (Курского).

Машина довезла нас вовремя, но поезд опаздывает из Ленинграда на два часа. Везла нас женщина-шофер очень лихо, и сигнал у нее был испорчен.

Поезд, к которому нас прицепляют, идет из Ленинграда.

Я позвонила Зине¹²³, чтобы она зашла к тебе и все рассказала. Может быть, ты приедешь на вокзал попрощаться.

В двух книжных киосках нашли только «Рабочую Москву» и «Огонек», и эту открытку. Видели здесь белую Киску, она очень толстая и независимая.

Крепко тебя целую.
 Твоя Лиля (Киса — рис.)
 Целую маму и Арагонов¹²⁴.
 [Открытка отправлена по Москве: с Курского вокзала на Арбат.]

И вот уже первые впечатления о Ростове:

(80) Л. Брик — О. Брику (Ростов — Москва, 18 сентября 1932 г.)¹²⁵

Кислит,
 Ростов мне очень нравится.

Он вроде Киева — помнишь? Длиннющие бульвары, широченные улицы, торговля, шум, киношки, сады, ансамбли «Горных орлов Кавказа», карусели, балаганы с вывесками вроде «Предохранительные меры и аборт». Все страшно рекламно, с картинками и пестро.

Витино начальство, кажется, очень симпатичное.

В нашей будущей квартире клопы, тараканы и крысы, но все это мы уничтожим перед тем, как туда въехать. Квартира старинная, с очень высокими потолками, из 3-х огромных комнат, — гораздо больше наших московских.

Распределитель — вроде Свердловского.

Живем в гостинице — очень чисто.

Продолжение в маминой¹²⁶, Элиной и Жениной открытках.

Сегодня вечером едем в Кисловодск.

Целую и люблю тебя ужасно крепко.

(Киса — рис.) Киса

[Открытка]

И все-таки Кисловодск

Есть сведения, что в сентябре 1932 года войска Северо-Кавказского военного округа посетили в порядке «обмена опытом» 8 немецких офицеров, среди которых были полковники Вальтер Хейц (комендант Кенигсберга), Вальтер Шрот (пехотная школа в Дрездене) и подполковник Эрих фон Манштейн¹²⁷.

Виталий Маркович мог встречаться с этой группой в Ростове, в Штабе округа, но в части их сопровождали другие командиры, так как сам Примаков еще с частями округа незнакомился.

Но... война войной, а обед по расписанию. Несмотря на переезд на новое местожительство и необходимость устройства, оставив нераспакованными вещи, привезенные из Москвы, Примаков и Лиля Юрьевна, как это было запланировано еще в Свердловске, отправляются на отдых в Кисловодск.

(81) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 21 сентября 1932 г.)¹²⁸

Маленький мой, любименький Ослит,
 мы живем очень хорошо — не сравнивать с тем, как жили в прошлом

году. Санаторий наш — двухэтажная дача в саду. Задняя калитка выходит прямо к Красным Камням.

В столовой семь столиков, за каждым столиком 4—5 человек. Кормят вполне прилично: в 8 утра — яйца, творог, сметана, кофе, горячий картофель, помидоры, в 12 ч. — 2 блюда и сладкое, в 5 ч. — суп, мясное и сладкое и в 7 вечера чай, простокваша и булочка¹²⁹. Покупаем фрукты: виноград — 5 р. кило, яблоки — 70 к. штука, сливы — 1 р. 30 к. десяток.

На «пяточок» совсем не ходим, там отвратительно. Видела в парке Ал. Ник. Тихонова¹³⁰, Шершеневича¹³¹, Ал. Толстого, Лавутовского брата¹³², Алексеева¹³³, Буденного!

Доктор велел нам вставать в 5½ часов утра и гулять до первого завтрака. Мы погуляли один раз, а сегодня Витя решительно запротестовал.

У нас хорошая комната. Спать ложимся в 9 ч. вечера. Только в день приезда ходили смотреть «Трактирщицу» с Гзовской¹³⁴ и с Гайдаровым. Виталий плакал от хохота (над сюжетом).

Ко времени нашего отъезда из Ростова выяснилось, что жить в квартире Витальевого предшественника неммыслимо — все комнаты проходные и абсолютно холодные, а главное, все живут кучей, а это — сам понимаешь!! Ванна и уборная — общие с соседями, а в ванне мочится чужое белье! И кухня общая, — прислуга в постоянной драке! Словом, Вит. поручил найти квартиру в новом доме.

А город мне очень понравился и приятно, что Кавказ. Тебе ужасно понравится, я уверена.

Я опять мучаюсь угрызениями совести оттого, что ты страдаешь в Москве, а я живу так замечательно.

Как мамины дела? Как Арагоны?

Напиши мне про свои дела все.

Если написал кусочек оперы, — пришли, пожалуйста.

Как Булькина чесотка?

Чтобы ты не совсем забыл меня, посылаю тебе наши фотографии.

Погода чудесная.

Прочти это письмо маме и Эле. Попроси их написать мне.

Всех целую.

Люблю тебе изо всех сил.

Твоя Лиля (Киса — рис.)

(82) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск, 22 сентября 1932 г.)¹³⁵

Дорогая моя, любимая Киска,

в доме не оказалось чернил, поэтому пишу карандашом. Писать, собственно, не о чем; все идет своим чередом.

Получили твою телеграмму и все четыре открытки. Ростов выглядит шикарным городом; интересно, каков он на самом деле.

У нас такие делишки:

Е. Ю. бегает по Москве и ищет работы. Ящики с таможи привезли и они находятся у нас. Насчет комнаты пока ничего не слышно.

Эльза с Арагоном живут хорошо. Эльза веселая, Арагон в почете. Много работает, пишет, выступает и т. п.

Булька все еще чешется. Мы ее мажем, надо полагать, вылечим.

Наташа¹³⁶ работает старательно.

Мама моя (П. Ю.)¹³⁷ отправлена в дом отдыха «Абрамцево». Она очень довольна. Там хорошо.

Столяр работает. Шкаф получается внушительный.

Клопов больше не видно. По-видимому, вымерли.

Мои делишки идут прилично.

«Семперантэ» начал репетировать пьесы.

Вахтанговцы начинают ставить «Базарова»¹³⁸, — пока на малой сцене.

Балет¹³⁹ тоже уже репетируется, но понемногу, потому что музыка еще не готова. Пойдет не раньше 1 марта.

Про оперу¹⁴⁰ ничего не знаю. Написал немножко дальше (эпизод Иринки и Болотникова). Допишу и пришлю тебе.

«Коммунистический манифест» отсрочили до 15 окт.¹⁴¹

Политкаторжане торопят с пьесой «Диктатура сердца»¹⁴².

«Сборник»¹⁴³ будем издавать в «Федерации». Твой матерьял¹⁴⁴ переписывается.

По телефону звонят с утра до позднего вечера. «Контора»¹⁴⁵ работает полным ходом.

Общественность чувствует Горького¹⁴⁶ и Барбюса¹⁴⁷. Очень хорошо сказала М. Г. Андреева¹⁴⁸ про Горького. Ее спросили, как отнесется Горький к чествованию: «Растрогается, небось?» — «Растрогается? Нет. А плакать будет».

Женя в ужасном виде. Петра Леонид.¹⁴⁹ выписали из больницы, и он живет у них. Целый день стонет и плачет.

Звонил мне Люткевич¹⁵⁰, сказал, что прочел «Кармен», велел достать «Стекланный глаз», посмотрит его и потом поговорит со мной о «Кармен»¹⁵¹. Очень жалел, что ты уже уехала.

Больше новостей нет. Не с кем слова сказать. И неинтересно писать Болотникова¹⁵², когда нельзя сразу тебе прочесть.

Пожалуйста, не забывай меня и поцелуй Вит. Марковича. Напиши про Ростов.

Крепко, крепко тебя целую.

Твой Ося.

(83) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 27 сентября 1932 г.)¹⁵³

Любименький мой Кэс!

Что же ты мне совсем не пишешь?! Я от этого страдаю.

Не забудь свести Бульку на 11-ый день течки.

Что с Володиными книжками?

Следи, чтобы Наташа мазала клопов.

Звони насчет маминой комнаты.

Что с путевками Полины Юрьевны?

Мы спустили по 2 кило. Погода замечательная.

Читаем полное собрание соч. Уэльса.

Был у нас в гостях Маршак.

Много играем на бильярде, — я всех обыгрываю!

Вот и все новости.

Очень хочется знать, что с оперой, балетом, пьесами, сценарием и т. д.
Жду ужасно подробного письма.

Люблю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка]

(84) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск, 29 сентября 1932 г.)¹⁵⁴

Дорогая, сладенькая, любимая Киска!

Получил твоё письмо и чудные карточки.

Особенно замечательна ты на лошаде, прямо — Буденный!

У нас все в порядке. Я тебе написал на-днях подробное письмо. С тех пор ничего не изменилось.

Читали с Олег Леонидовичем несколько эпизодов из «Диктатуры сердца» политкаторжанам. Им очень понравилось.

Кусочек оперы слишком маленький, чтобы его посылать. Допишу, тогда пошлю.

Договор на сборник «С Маяковским» подписан, надо срочно готовить матерьял. Женя переписывает твою книгу¹⁵⁵. Скоро кончит. Тогда я начну ее монтировать. Задержу матерьял до твоего приезда, чтобы ты могла его посмотреть и утвердить монтаж.

Посылаю тебе карточки, которые, в мое отсутствие, занес, кажется, Галанин¹⁵⁶.

Работы много, денег хватает. Настроенье хорошее. Скучаю без тебя.

Очень крепко тебя целую.

Твой Ося.

В. М. целую.

(85) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 30 сентября 1932 г.)¹⁵⁷

Кислит!

Почему же ты не пишешь?!?!

Сегодня пошлю телеграмму. Беспokoюсь и скучаю.

Погода хорошая.

Едим фрукты. Что привезти из фруктов?

Крепко целую.

(Киса — рис.)

[Открытка]

(86) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 3 октября 1932 г.)¹⁵⁸

Милый мой, родненький, любимый, сладенький Кэс!

Твое письмо шло 8 дней — должно быть, пролежало в «X-летию»¹⁵⁹.
Пиши лучше: Санаторий, Тургеневская, 2.

Непреренно пришли, хоть самый маленький кусочек оперы.

Интересно, что выйдет с Люткевичем. Если он будет еще звонить, скажи ему, что я могу быть в Москве с 27-ого октября — 6 недель.

На когда подписан договор на сборник? Почему он называется «С Маяковским», если в нем будут печататься твоя опера и «Хочу ребенка»¹⁶⁰?

Мы живем теперь так: с 8-ми утра до 12-ти гуляем. С часа до 5-ти кей-фуем. С 6-ти до 8-ми играем на бильярде. С 8½ до 10-ти я играю в карты на фрукты в «66» и всех обыгрываю, а Виталий читает книжты, вроде «История материков и морей (с 39 рис. в тексте)».

Вчера справляли годовщину с тех пор, как Виталий бросил курить: вместо завтрака ели шашлык, форель, арбуз и выпили ½ бутылки рислинга, — прокутили 40 рублей!

Сейчас Вит. пошел стричься и брать билеты в оперетку: на «Гейшу» — 5-ого и на «Роз-Мари» — 6-ого.

Мне очень хорошо живется, но я невероятно по тебе соскучилась и очень хочу, хоть месяц побыть с тобой вдвоем.

Что с мамой? С работой, с комнатой? Спроси, нужны ли ей деньги? Если нужны, а у тебя нет, то телеграфируй мне, сколько ей выслать. Ты все еще едешь за деньгами в Мытищи?

Как Наташа вас кормит? Почему Эльза мне совсем не пишет? Как у них с квартирой? Что с бумажкой насчет Мити, которую мы дали Хренову?

Я очень рада, что П. Юр.¹⁶¹ в доме отдыха, а то у нее был совсем измученный вид.

Что же делать с Петром Леонидовичем¹⁶²?! Бедная Женя! Поцелуй ее.

Как получился шкаф и загончик для чемоданов? Поправил ли столяр буфетик в столовой, чтобы он закрывался?

Виталий все придумывает смешные вещи для своей пьесы, — читка Виталия Жемчужного его окрылила, но не написал пока ни слова, — ленится.

Ростов, действительно, шикарный город, ты поживешь там с удовольствием.

Телеграмму твою получила. Пиши мне почаще, Кислит! А то до 27-ого еще очень долго ждать!

Целую твою мордочку и лапки, и чес, и весь мой любименький шарик!
Твоя (Киса — рис.)

(87) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 6 октября 1932 г.)¹⁶³

Любимый мой Ослит,
сегодня Виталий закажет билеты в Москву на 21-ое — вот до чего трудно отсюда выехать!

Значит, — буду дома 23-его.

Как у Арагонов с комнатой?

Кислит, когда приедешь на вокзал нас встречать, позвони с вокзала в гараж: Кремль, Автотранспортный отдел ВЦИКа; скажи, что ты член ВЦИКа Примаков, № билета 280; что ты только что приехал и ждешь на Курском вокзале и просишь немедленно прислать тебе машину.

Ужасно противно, что ты редко пишешь.

К нам в санаторий приехала Лашевич¹⁶⁴, ест с нами за одним столом.

Виталий продолжает понемножку спускать килы. Спустил уже три, осталось допустимо одно. А во мне 54½ и больше не спускается ни одного

грамма. Врач говорит, что организм, значит, сопротивляется и что больше спускать не надо. По этому случаю я сегодня объелась.

У меня от бильярда уже болит плечо. Мы — веселые, ни на что не раздражаемся.

В будущем году обязательно надо устроить Женю сначала в Ессентуки на грязи, а потом нам всем встретиться в Кисловодске: и тебе, и Жене, и Виталию — покупаться в нарзане (мне нельзя из-за фибромы). У СКВО¹⁶⁵ здесь везде дома отдыха.

Целую тебя ужасно крепко, мой Малышит.

Не разлюбляй меня, пожалуйста.

Твоя (Киса — рис.)

(88) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 8 октября 1932 г.)¹⁶⁶

Милый мой, любимый Кислит,

Виталий получил сегодня телеграмму, что он должен быть 19-ого вечером в Москве, тк кк пленум начинается 20-ого. Сейчас побежим перделывать билеты на 17-ое. Противно, если не получим в международном!

Вчера был у нас Шатов¹⁶⁷. У него после гриппа случилось что-то вроде удара и сейчас плохо действует одна нога.

Ослит! Я тебе обожаю за то, что ты такой умный, и что все твои предсказания про Гитлера и Папена подтверждаются¹⁶⁸. Но я тебе ненавижу за то, что ты такой говнюк и совершенно мне не пишешь.

Погода испортилась, но полдня все-таки бывает солнце и можно гулять.

Мне ужасно жалко Витька, что он опять без Nachkur'a¹⁶⁹, но я рада, что скорее тебя увижу.

Вит. хорошо отдыхает и так крепко спит, что вчера ночью даже упал во сне с постели. Я проснулась от стука и вижу, — он сидит на полу и говорит смущенно: «Я свалился!» Сегодня он как-то так подвернул со своей стороны тюфяк, что получился заборчик, чтобы больше уже не падать.

Кисик, еще раз говорю: когда приедешь на вокзал нас встречать и точно выяснишь, когда придет поезд, — позвони с вокзала в Кремль, в Автотранспортный отдел ВЦИКа (№, кажется, записан в длинной книжке), скажи, что ты — член ВЦИКа Примаков, № билета 280, что ты приехал, ждешь на Курском вокзале и просишь немедленно выслать тебе машину.

(Карандашом дописано: Кремль, 0-26-00, до 0-40-00, доб. 272).

Поцелуй маму, Женю, Арагонов и Булечку.

Твоя (Киса — рис.)

(89) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва, 11 октября 1932 г.)¹⁷⁰

БУДЕМ МОСКВЕ ДВАДЦАТОГО ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=

[Срочная телеграмма]

В Берлин!

Итак, Примаков и Лиля Юрьевна срочно прибыли в Москву в связи с приглашением Виталия Марковича на пленум (ВЦИК?).

Но по окончании пленума — неожиданная и очень приятная новость: Виталия Марковича с 1 января отправляют на полгода в Берлин для стажировки в военной академии при Генеральном штабе германской армии! Подобные заграничные командировки были очень почетны. Они означали прежде всего, что ты на виду у начальства и по возвращении тебя ожидает повышение в должности.

Примакову разрешили выезд за границу с женой, и он вписал в выездные документы Лилю Юрьевну (фактически — жену О. М. Брика и «вдову Маяковского»), и начальство разных выездных инстанций приняло это родство.

Сразу после октябрьских праздников (15 лет Октября) в газетах появилось скупое сообщение о скоропостижной смерти жены Сталина — Н. С. Аллилуевой, а по Москве поползли слухи о ее причинах¹⁷¹.

Лиля Юрьевна начала приятные сборы к поездке в Берлин, а Виталий Маркович съездил в Ростов, чтобы урегулировать командировку со своим прямым начальством.

Жизнь, как известно, полосатая, и на смену радостям тут же приходят неприятности. На этот раз их принес Вася Катанян. А ведь история эта начиналась просто замечательно, и ничто не предвещало ее конца.

Вася принес стопку синих книжек, и Лиля Юрьевна сразу же поняла, что это — первенец из предстоящего Собрания сочинений В. Маяковского, VII том, который она летом подписала в печать. Так и есть — «под общей редакцией Л. Ю. Брик». *«Лиля Юрьевна, откройте, пожалуйста, 72-ю страницу...» «Что там?»*

— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт! —
По приказу
товарища Троцкого!..

Только Троцкого не хватало. Как же это получилось?!» Катанян лишь виновато пожимает плечами. *«Посмотрите еще страницу 119»*. На ней примечания начинаются так:

В архиве журнала «Леф», редактором которого был Маяковский, сохранилась передовая № 3 (7)¹⁷² под заголовком «Не торгуйте Лениным», по общему тону и отдельным мыслям совпадающая с этим местом поэмы (строки 52–75). Написана она была по поводу объявлений, появившихся в газетах о бюстах Ленина «гипсовых, патинированных, бронзовых, мраморных и гранитных, в натуральную и двойную величину»... «Осмотр и прием заказов в отделе коммерческих изданий».

В. А. Катанян (1930-е гг.)

Передовая заканчивается так:

Мы настаиваем: —

Не штампуйте Ленина.

Не печатайте его портретов на плакатах, на клеенках, на тарелках, на кружках, на портсигарах.

Не бронзируйте Ленина.

Не отнимайте у него живой поступи и человеческого облика, который он сумел сохранить, руководя историей.

Ленин все еще наш современник.

Он среди живых.

Он нужен нам как живой, а не как мертвый.

Поэтому —

Учитесь у Ленина, но не канонизируйте его.

Не создавайте культа именем человека, всю жизнь боровшегося против всяких культов.

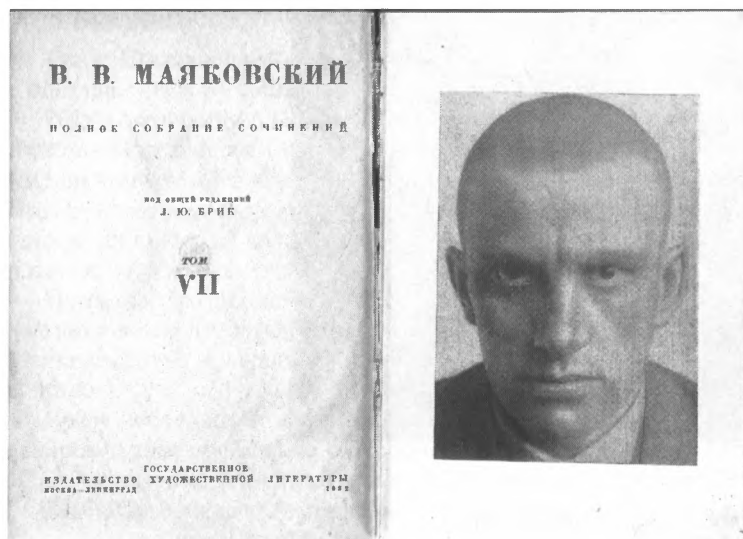
Не торгуйте предметами этого культа.

Не торгуйте Лениным.

Она же хорошо помнит, что эту передовицу для журнала, подписанную «ЛЕФ», как это часто практиковалось тогда, фактически написали Маяковский с Брикком в самом начале 1924-го и какая отрицательная реакция властей была на нее. По их требованию передовица была изъята из номера журнала (осталась лишь в незначительной части тиража). И вот теперь она почти полностью повторена в примечаниях к поэме.

Во всем виноват, конечно, Вася, но ведь и она обозначена как ответственный редактор. Надо что-то предпринимать.

А Вася, принимая вину, уверяет: чтобы как-то выйти из этого положения, не надо акцентировать внимание на редакторских промахах, а только

В. Маяковский. Полное собрание сочинений, том VII (ГИХЛ, 1932 г.).
Неудачный фронтиспис: вид с лицевой стороны портрета

на неудачной полиграфии. Он уже встречался с заведующим отделом поэзии Гослитиздата поэтом Иосифом Уткиным, обратил его внимание, что том отпечатан на отвратительной разноцветной бумаге, портрет В. Маяковского вклеен не в том месте, где положено... Словом, книга издана со всеми знаками пренебрежения, которые только издательство может выказать автору. Гослитиздат сам удивился своей работе, предложил вышедший том похерить и, как ни в чем не бывало, начать издание сызнова¹⁷³.

На том и порешили. Вася клялся — больше такого политического промаха он не допустит. Пришлось простить; а что еще можно сделать?

Осип Максимович в середине декабря отправился с Евгенией Гавриловой в Ленинград по своим малеготовским делам.

(90) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Москва, 12 декабря 1932 г.)¹⁷⁴

Приехали вовремя.

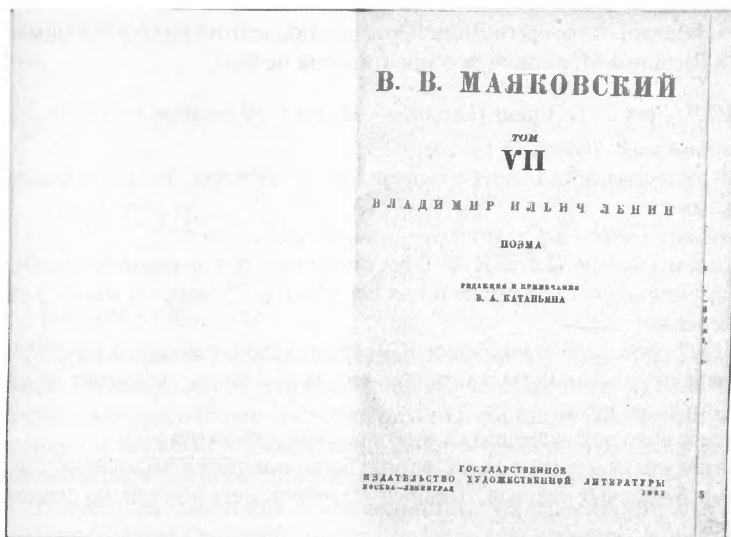
Крепко целую любимую Кису. Ося.

[Открытка]

(91) Л. Брик — О. Брику (Москва — Ленинград, 13 декабря 1932 г.)¹⁷⁵

Кислит,

получила в Федерации полторы тысячи вместо двух — по сборнику¹⁷⁶.

В. Маяковский. Полное собрание сочинений, том VII (ГИХЛ, 1932 г.).
Неудачный фронтиспис: вид с обратной стороны портрета

Сто рублей взял у меня Асеев. За Володину книжку¹⁷⁷ обещали заплатить немножко 17-ого.

Вчера легла в 11½, сегодня встала тоже в 11½.

В Горком вызывали по поводу займов.

Очень волнуется полиграфический институт, как бы ты не опоздал к ним 16-ого.

Читаю Витин матерьял¹⁷⁸, но весь день кто-нибудь мешает.

Крепко целую тебя, мой сладенький.

Твоя (Киса — рис.)

Наконец, 27 декабря Примаков и Лиля Юрьевна выехали в Берлин.

(92) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Билосово — Москва, 28 декабря 1932 г.)¹⁷⁹

Любимый мой Кислит,

вчера вечером у Виталия болел живот, а сегодня он уже здоровый и веселый. Спали мы хорошо. Только что послали тебе телеграмму, чтобы ты запер Витину полевую сумку, — не забудь этого сделать.

Смотрели сегодня в окошко, — снега совсем нет.

Купили на последние рубли папиросов.

Целую твою мордочку.

Твоя (Киса — рис.)

Привет. Виталий.

А вот и Берлин, в котором Лиля Юрьевна последний раз была в апреле 1930-го, а Виталий Маркович вообще никогда не был.

(93) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва, 30 декабря 1932 г.)¹⁸⁰

Родной мой, любимый Кислит!

Из Билосова послали тебе телеграмму и открытку, и вчера послали телеграмму.

Сейчас я совсем без задних ног — все бегом!

Совсем здесь не так дешево. В гостинице платим за комнату 8 марок. Сегодня нашла две меблированные комнаты за 75 марок в месяц. 1-го туда переедем.

“Aida” прогорела и закрылась. Смотрели Гарольд Лойда, а перед ним показывали кусочки старых игровых фильмов с очень смешными звуковыми объяснениями.

Я себе абсолютно ничего не купила, кроме новой пуховки.

Вите купили шляпу, кашне, черные башмаки, перчатки, галстук, 2 рубашки и 6 носовых платков. Шляпа — 23 марки. Есть и за три, но ужасная гадость.

Сегодня были в “Zcala” — неинтересно.

Новый год встречали в полпредстве.

Пишу очень непонятно, оттого, что ужасно устала, надо лезть в ванну и спать — это самое красивое!

5-ого Виталий начинает работать¹⁸¹.

2-ого я узнаю, смогу ли я поучиться. Каждая учеба, оказывается, не меньше двух лет.

Осик, дарю тебе на рождение лейковскую увеличилку, пленки и бумагу.

Ты рад?

Целую тебя ужасно крепко.

Магалифы¹⁸² тебе очень кланяются.

Еще целую и люблю.

Твоя Лиля.

Виталий целует.

Твоя (Киса — рис.)

1933 ГОД

БЕРЛИН — МОСКВА

Если Германия имела возможность готовить на советской территории кадры тех родов войск, что были запрещены Версалем, то СССР получал доступ к немецким военным технологиям и образцам вооружений и боевой техники, а также мог заимствовать опыт боевой подготовки у рейхсвера, в этой области наголову превосходящего Красную Армию.

О поездках советских военачальников на стажировку в Академию при германском Генштабе до сих пор мало что известно, и не только из-за завесы секретности, но и по другим причинам: во-первых, почти все «стажеры» погибли уже через несколько лет после возвращения как «враги народа», а потому некому стало вспоминать об этих поездках; во-вторых, как следствие первой причины, были максимально уничтожены все документы, связанные с их именами, преданными анафеме, и, в-третьих, после окончания Второй мировой войны советское правительство старательно затушевывало свои контакты с довоенной Германией во всех сферах деятельности, не говоря уже о военной.

Сохранились лишь скудные сведения о поездках высшего комсостава Красной Армии на стажировку в Германию. Так, например, в большой статье Б. Викторова «“Заговор” в Красной Армии», опубликованной в «Правде»¹, написано что «Якир² учился в 1929 году в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии...», а об учебе там же других «стажеров», которые упоминаются в статье, не говорится вообще ничего. Биограф В. М. Примакова И. В. Дубинский называет такой состав группы «стажеров» (кроме Примакова): И. Э. Якир, И. Н. Дубовой³, И. П. Уборевич⁴, П. Е. Дыбенко⁵ — и пишет, что эту группу (как будто она была единственной, и других не было) «послали усовершенствоваться в германскую, еще догитлеровскую, академию», а в «Основных датах жизни и деятельности» своего героя указывает: «1931(??!) — Учеба в германской академии генштаба», что опять же не соответствует действительности. Впрочем, у этого автора немало и другой путаницы в датах и фактах.

Кстати, этот же, 1931-й, год как год учебы Примакова в военной Академии германского Генштаба указан в официальной биографической справке о нем, приложенной к «Делу о так называемой “антисоветской

троцкистской военной организации” в Красной Армии»⁶ и других материалах, использующих этот «официальный документ».

И только в вышедшей в 2003 году книге Н. С. Черушева «Элита Красной Армии на Голгофе» впервые помещены достоверные материалы об учебе высшего советского военного командования в Германии.

Оказывается, не были такие поездки чем-то необычным. В 1920-е и 1930-е годы в Германию было откомандировано более 60 человек начальствующего состава РККА сроком от 2 до 13 месяцев. Организацию штабной службы в рейхсвере изучали В. К. Путьна⁷, Б. М. Фельдман⁸ и Г. М. Штерн⁹; методику организации авиации — Я. И. Алкснис¹⁰ и С. А. Меженинов¹¹. Для ознакомления с военными заводами в 1930 году Германию посещали И. П. Уборевич, В. К. Триандафилов¹², Я. К. Берзин¹³. Для той же цели, а также на маневры в 1932 году туда ездили заместитель наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевский и начальник Главного Управления РККА Б. М. Фельдман.

Еще в 1929 году было сформулировано задание командирам РККА, выезжающим в Германию:

Основная задача:

Изучить ряд организационных и технических проблем:

а) Постановка дела подготовки работников военных сообщений, в частности изучение вопросов о методике планирования и выполнения военных перевозок и организации военных игр с ВОСистами.

Знакомство с подготовкой безрельсового шоссейного строительства.

б) Организация управления войсковым и армейским тылом. Войсковое управление.

в) Организация и возведение долговременных оборонительных сооружений (главным образом, организация и техника бетонных работ).

г) Ознакомление с военной промышленностью.

Дополнительная задача:

В соответствии с ранее ставившимися задачами продолжать изучать постановку подготовки офицеров и общее состояние рейхсвера.

Состав командируемых:

Исходя из ставящихся задач, необходимо и соответственно подобрать и группу командируемых...

Все подгруппы должны быть в известной мере самостоятельны в своей работе и через 4-е Управление¹⁴ быть непосредственно связаны с соответствующими управлениями.

Задания:

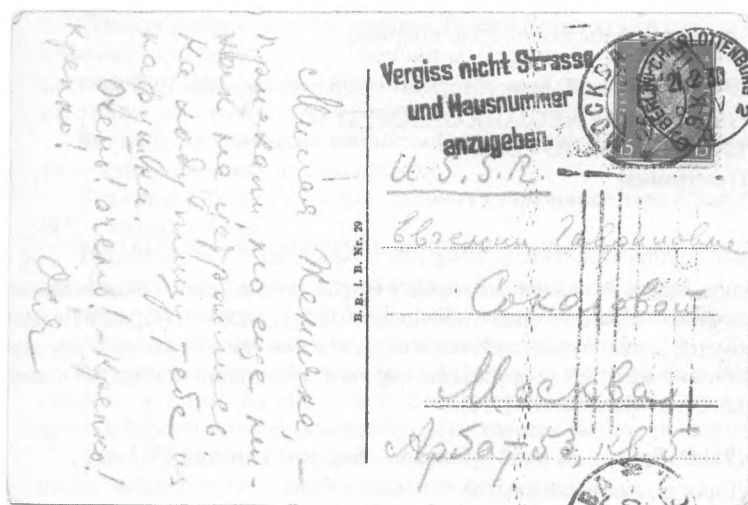
Выработка конкретных заданий могла бы быть поручена непосредственно соответствующим управлениям и ими же намечены, по согласованию с Командным управлением, соответствующие кандидатуры [Черушев, 2003. С. 324].

То есть откомандированные в Германию советские командиры, помимо освоения учебной программы, должны были выполнять определенные задания Разведывательного управления РККА.

BERLIN

Potsdamer Platz mit Verkehrsturm.

Видовая открытка от О. М. Брига Е. Г. Соколовой (от 21 февраля 1930 г.).
Из собрания автора

Не случайно включение Примакова, как бывшего военного атташе в Афганистане, Китае и Японии, в список ведущих представителей военной разведки РККА, отправлявшихся в Германию. Из публикуемых Н. Черушевым документов [Черушев, 2003. С. 214] видно, что вместе с В. М. Примаковым на учебу в Германию выезжали командующий войсками Сибирского военного округа М. К. Левандовский¹⁵, помощник командующего Украинского военного округа И. Н. Дубовой, заместитель

начальника Управления механизации и моторизации Автобронетанкового управления РККА С. П. Урицкий¹⁶.

Есть сведения [Залесский. С. 454], что именно Урицкий возглавил в 1932 году направленную в Германию военную делегацию и все переговоры о тайной подготовке германских танкистов и летчиков на территории СССР.

Выехали ли они в Берлин поодиночке или с женами, был ли кто-то еще в их учебной группе, как они жили в Берлине, вместе или порознь проходили обучение, пока неизвестно.

И вот теперь из предлагаемой вашему вниманию переписки Л. Ю. и О. М. Брик твердо устанавливается период пребывания В. М. Примакова на стажировке в Академии при германском Генштабе — это первое полугодие 1933 года, с 1 января по 1 июля. Что касается, «догитлеровской» академии, то это не полная правда, так как начинал учиться он, действительно, в «догитлеровской» академии, которая во время его учебы в ней превратилась в «гитлеровскую»...

За полугодие проживания Л. Ю. с Примаковым в Берлине сохранилось 80 писем и телеграмм, которыми она обменялась с О. М. Бриком, большинство из них ранее не публиковались или публиковались в сокращении и здесь представлены полностью впервые.

(94) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 1 января 1933 г.)¹⁷

GRATULIERE NEUJAHR GEBURTSTAG

LJUBLJU ZELUJU =OSSJA=¹⁸

[Телеграмма]

Сохранилось такое воспоминание о Берлине начала 1933 года:

Берлин, веселый и красивый город, в Справочнике Бедекера характеризовался словом «грандиозный», ибо превосходил размерами Париж и Лондон. В момент, когда Гитлер пришел к власти, в нем проживало не более двух миллионов жителей — пруссаков, евреев и представителей других национальностей [Марабини. С. 10].

(95) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 1 января 1933 г.)¹⁹

Дорогая, любимая Киска!

Поздравляю с Новым годом!

Мы встречали так: сначала пришли Виталий, Женя, Петр Петрович и Лева²⁰. Стали играть в «рамс»²¹. А Арагоны ушли в Коминтерн читать стихи, потом пришли Вася с Галей²², а Виталий ушел к девочке²³, потом пришли Кузьмичевы²⁴(!), потом вернулись Арагоны, и мы все сели за стол. Пили водку и закусывали. Потом Кузьмичевы ушли и Арагоны тоже ушли к кому-то в Дом правительства²⁵. А мы опять играли в «рамс» — часов до 2-х.

А потом все ушли спать. И я тоже.

Новостей мало.

Из поручений выполнено:

Отправлены письма в Ростов с адресом Вит. Марк.²⁶;
 Кузьмичеву все передано.
 О «Сборнике»²⁷ ничего нового.
 Все здоровы.
 Мама чувствует себя в клинике хорошо. Ее успешно лечат.
 Больше пока писать нечего.
 Крепко целую, люблю очень.
 Ося.

(96) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 1 января 1933 г.)²⁸

С Новым Годом!

Мой миленький, любименький Кислит!

Где вы встречали Новый год? Было весело?

Мы встречали в полпредстве, человек 70. Был вкусный ужин. После ужина кто-то танцевал казачка, а когда запели хором «Вниз по матушке, по Волге...», мы пошли домой. Прошлись по Friedrichstrasse²⁹ — масса народу, кое-кто в масках, с свистульками — как на вербе³⁰, но не весело и не так светло, как раньше. Зашли в «Haus Vaterland»³¹, но было так полно, что мы не пробилась и в 2 часа были дома.

Сегодня переехали из гостиницы. Пока еще холодно и грязно, но с завтрашнего дня будет ходить поденщица. Обедать будем дома. За комнаты платим 75 м. Поденщица (3 ч. в день) — 45 м. Кроме того, — за телефон, отопление, освещение, газ — марок 50.

Виталий 5-го начинает работать. Он берет уже уроки немецкого языка, — купили книжку и тетрадку.

Пока еще никого не видела. Закончу квартирные дела и пойду в Mallik³² — водить носом.

Только что получили твою телеграмму. Витя благодарит за поздравление. Ужасно жду письма. Что ты делаешь? Любишь ли меня?

Наш новый адрес: Berlin N. W., Schleswiger Ufer, 15 bei Uedinek, мне³³.

Завтра, на всякий случай, еще раз напишу наш адрес.

Я по тебе все время скучаю. На днях пришлю тебе посылку. Все нужно покупать у Zigael. Куплю, как только Витя будет занят. Сейчас мне не хочется бросать его, безъязыкового, и не хочется таскать по покупкам.

Ходили в кино на звуковую оперетку. Звук замечательный — совершенно не шипит, не гудит и слышен любой шепот.

Не забывай мне, пожалуйста!!

Я ужасно этого боюсс!

Обнимаю и целую тебе, мой родненький, единственный Ослит.

Твоя (Киса — рис.)

Попроси всех мне написать. Мы кланяемся и целуем. Лиля.

Наш телефон: Tiergarten 09-90; произносится: Nul Neun — Neun Nul.

(Киса — рис.)

Звонить лучше всего от 3—5, это наше обеденное время. Или рано утром или поздно вечером. Разница между Москвой и Берлином — два часа.

(Киса — рис.)

Только что получили поздравительную телеграмму: «Поздравляем рождением также Новым Годом», подпись «Воча». Очень бы интересно узнать, кто это — уж не Лева ли?»

(97) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 4 января 1933 г.)³⁴

Дорогая, обожаемая Киса!

Жду от тебя письма, а письма все нет. Получил твою телеграмму от 29/ XII и с дороги телеграмму-открытку. Вот и все.

Здесь все как было.

Арагоны живут тихо, никому не мешают, но и не помогают.

Наташа исправно ходит в распределители.

Фанни Ефимовна³⁵ делает маникюр.

Играем в «рамс».

О «Сборнике»³⁶ еще окончательного ответа нет, но, по-видимому, все уладится.

Асеев совсем «сошел с развратного пути». Ксана³⁷ была у нас и плакала.

Клавка³⁸ больна свинкой. Очень страдает. Семка ее утешает.

Вася Катаньян ходит гордый. Он здорово облаял Леонова в «Вечерке»³⁹, и все его хвалят.

Елена Юльевна звонит часто, но не показывается.

Я живу тихо. Кое-что подделываю с Олег Леонидовичем, а для удовольствия перевожу Арагона⁴⁰ и Альберти⁴¹ (испанца).

В «Молодой гвардии» мне показали очень смешные стихи, которые присылают им начинающие.

Такие, например:

«Богат и славен комсомол,
Его ряды необозримы...

или:

«Буря мглою небо кроет,
Мужики колхозы строят»

или:

«Будь здорова, Ве-, Ка-, Пе-,
в скобках — маленькое «бе».

Из Ленинграда никаких вестей. Я написал Желобинскому и жду ответа. Большой театр, конечно, тоже молчит⁴². Я еще подожду немного и начну скандалить.

Можешь радоваться: со сценарием «Манифест» дело, как будто, не вышло, и полученный аванс переключается на другой сценарий, который там хотят заказать. Тема, между прочим, наша и очень хорошая. Это — побег из Новинской женской тюрьмы. Я тебе об этом рассказывал. В сценарии обязательно будет фигурировать Володя, — как он пришел к Морчадзе с рисовальными принадлежностями и попал в засаду⁴³. Пишется сценарий предположительно для Барнета⁴⁴.

Я думаю, ты сама понимаешь, что я жду от тебя очень подробного письма. И буду обижаться, если ты мне его не напишешь.

Поцелуй, пожалуйста, В. М. и попроси его тоже, если не лень, написать про впечатления.

Я послал тебе 1 телеграмму с Новым годом и 1 письмо.

Ты их получила?

Очень крепко и нежно тебя целую.

Пиши, пожалуйста.

Ося.

(98) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 5 января 1933 г.)⁴⁵

Мой Кислит!

Только что получила твое первое письмишко.

Вчера вечером видела Отвальда⁴⁶ и Дудова⁴⁷. Все потрясены моим приездом. Отвальд придет тебе свою книгу⁴⁸, он в апреле собирается в Союз. Дудов что-то делает в кино, — я так и не поняла, что именно.

Были у Мельцер⁴⁹, — она сейчас нигде не играет. Пьесу, в которой она играла, запретили за насмешку над Папой Римским. Писать здесь почти бессмысленно — за статью платят 15–20 марок.

Мельцер очень заинтересовалась «Базаровым», «Клеопатрой»⁵⁰ и «Кармен». Про «Клеопатру» поговори с Рихтером, остальное покажу ей здесь, как только получу все.

Дам Рихтеру для тебя какую-нибудь мелочь, — он уже очень нагружен. Подарок на рождение получишь со следующей okazji, он уже куплен! но я боюсь доверить его Рихтеру! Если Рихтер не сразу к тебе придет, найди его, пожалуйста, сам.

В кино — абсолютно ничего нового.

В театр будем ходить с Мельцер даром, а то очень уж дорого.

Я невероятно по тебе скучаю — как никогда. Пробуем мы здесь не больше 7-ми месяцев. Сделаю все для того, чтобы выписать вас сюда. Голова у меня работает только в этом направлении.

Так как у нас свое хозяйство, пришлось закупить всяких хозяйственных мелочей, ложки — 50 Pf за 5 штук! Кастрюльки по 50 Pf штука.

Для Москвы купили чайник со свистком, — гудит как фабрика, настольную лампу и будильник.

Всех целую.

Пиши мне, мое солнышко!

Обнимаю, целую, люблю.

Твоя (Киса — рис.)

(99) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 7 января 1933 г.)⁵¹

Мой миленький Кислит!

Вчера уехал Рихтер. Найди его немедленно и возьми у него: 1) три колбасины, 2) четыре плитки шоколада, 3) 10 скоросшивателей, не очень хороших (лучше не было), 4) пакетик резинок, 5) коробку скрепок, 6) 2 коробки кнопок, 7) 2 ленты для пишущей машинки, 8) настольный

календарь, 9) конверты разных размеров, 10) три куска мыла, 11) резиновую рукавичку, 12) 2 шерстяные рубашки — одна голубая, другая серенькая, 13) пачку лезвий для Жемчужного, 14) галстук для Олега Леонидовича, 15) ложку с дырками для заварки чая — для мамы, 16) 2 бумажных абажура — для мамы. Вот сколько покупок!

Я забыла тебе написать, что в Kurfürstenhotel Шнейт⁵² меня узнал, ужасно завилел хвостиком и сразу же стал служить.

Вчера были в кино — ерунда страшная, но замечательная техника и здорово получается звуковая хроника. Навожу справки насчет твоих пьес. В театрах кризис и не знаю, выйдет ли что-нибудь. Про мое ученье тоже еще ничего не известно — курс везде слишком длинный.

Мы уже обзавелись хозяйством и обедаем дома.

Хочу прочесть в полпредстве «Камаринского»⁵³.

Что со сборником⁵⁴? Как твои театральные дела? Платят ли деньги? Напиши про все подробно. За все время получила от тебя одну коротенькую записочку. Ты меня, конечно, совершенно не любишь, и я от этого очень несчастная.

Я до того по тебе скучаю, что сейчас буду плакать! Очень прошу тебя писать мне.

Напиши, все ли получил у Рихтера. Как Арагоны? Как Женины дела? Попроси ее написать мне.

Целую ужасно крепко.

Твоя (Киса — рис.)

(100) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 9 января 1933 г.)⁵⁵

№ 5

Мой дорогой золотой любимый Кислит!

Ты представить себе не можешь, как я по тебе скучаю, и как обрадовалась сегодня твоему письмецу. Это мое письмо, кажется, пятое. Я буду их теперь номеровать, и ты номеруй, пожалуйста.

Надеюсь, ты уже получил от Рихтера наши дары.

Вчера прочла Леночке⁵⁶ всего «Камаринского» — для практики. Собираюсь прочесть его в полпредстве.

Сегодня иду к редактору журнала «Gebrauchsgraphik» он же председатель ассоциации прикладников, и у него узнаю, как мне лучше всего поучиться.

Живем удобно, только с ванной нескладно — надо долго топить и ходить через хозяйскую столовую, а обходится квартира с работницей, отоплением, освещением 150 марок в месяц, — за эти деньги можно замечательно устроиться в Neubau⁵⁷ с горячей водой и всеми удобствами. Если у меня хватит духу сказать хозяевам, — в конце месяца переедем. Комнаты сдаются в каждом (буквально) доме.

Вчера были в ZOO — в аквариуме и в саду. Виталий влюбился в черепах, — он утверждает, что они «неожиданно оживленные!» В ZOO находилась масса льятков, тигрят и обезьянок. Обезьянки баловались, и мама дергала их за хвост. А льяткам всего один месяц, и они сосут львицу. А тигр подрался с женой, они страшно рычали, и Виталий был в восторге.

Когда мы вернулись домой, оказалось, что изнутри торчит ключ, а хозяйева ушли с черного хода, и мы не могли попасть домой. Пришлось пойти в ближайшее кино, где нам за 60 пфеннигов с человека показали 4 картины. Сидели мы там 3 ½ часа!

Погода совсем теплая. Хожу в пальто. Дождик. Ужасно хочется купить песика с мохнатой мордой, но, конечно, удержусь. Где Булька?

Смешные стихи в «Молодой гвардии»⁵⁸ — неужели это всерьез?!

Я очень рада, что сценарий про побег и что там будет Володя и что для Барнета⁵⁹.

Получила твою новогоднюю телеграмму и оба письма. Посмотри, Кислит, какие письма быстрее доходят — спешные или простые.

Ужасно тебя люблю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

Всем привет. Попроси Женю написать мне. Завтра пошлю вам посылку.

Еще раз наш адрес: Berlin N. W. Schleswiger Ufer, 15 bei Uedinck.

Tel: Tiergarten 09-90 (Nul neun — neun nul)

Кислит, в «Камаринском» не хватает одной странички. Пришли, пожалуйста. От слов: «А так! Ложь!» — до слов: «Ждет пастушку пастушок».

Еще целую. (Киса — рис.)

В начале января произошло событие, которое, по понятным причинам, не нашло отражения в письмах Л. Ю., но к которому мог быть причастен Виталий Маркович, о чем она могла и не знать.

Пятого января в Берлине в состоянии тяжелой депрессии покончила с собой старшая дочь Л. Д. Троцкого — Зинаида Львовна Волкова⁶⁰.

Газеты запестрели сообщениями об этой сенсационной новости.

Берлинский корреспондент «Пари Суар» посетил квартиру в Керльфорте, близ Берлина, где проживала дочь Троцкого.

1 января Волкова заявила квартирной хозяйке, что должна уехать, так как власти отказали ей в продлении визы. Оставшись одна в квартире, дочь Троцкого заперлась в своей комнате и открыла газ. В комнате нашли записку следующего содержания: «Позаботьтесь о моем мальчике. Умираю из-за болезни и отчаяния». Волкова была в России учительницей. Сын Троцкого, Лев, сообщил корреспонденту, что и ему грозит высылка из Германии⁶¹.

Вполне вероятно, что Виталию Марковичу стало известно из газет об этой смерти, и он побывал на похоронах Зинаиды Львовны, где мог встретиться с Львом Седовым и другими соратниками опального Л. Д. Троцкого. Эта встреча могла бы способствовать установлению необходимых контактов и на будущее.

(101) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 9 января 1933 г.)⁶²

Письмо № 3

Любимая моя, дорогая Киска!

Письма твои получил. И очень им радовался. Страшно интересно, какой мне подарок.

Фаня⁶³ тебе кое-что пошлет, что найдет, а я присоединил к этому несколько номеров «Вечерки»⁶⁴. Думаю, вам будет интересно почитать.

Вышла «Швамбрия» Кассиля⁶⁵. Чудная книжка. Я вам ее пришлю. В. М. обхохочется. По-моему, ее нужно перевести на немецкий. Надо предложить Малику⁶⁶, и чтобы ты вместе с переводчиком переводила, иначе они напереведут чепуху.

Цыпин насчет «Сборника» пока молчит⁶⁷, но зато звонили мне из редакции Горьковского сборника и спрашивали разрешения прочитать рассказы В. М.⁶⁸, «находящиеся в издательстве», на предмет помещения их в означенном Горьковском сборнике. Я ответил, что без автора я ничего им сказать не могу, что я его запрошу и тогда позвоню им. Так вот, ждем ответа автора!..

Был у мамы в клинике. Ей будут делать операцию. Будет ли от этого лучше, неизвестно, но делать надо. Ее очень жалко. Она совсем растеряна и волнуется, что «ляжет на нас обузой». Я ее всячески подбадривал, и она, как будто, успокоилась.

Ничего интересного за эти дни не произошло. Впрочем, Межрабпом предложил мне сделать из «Камаринского мужика» кино-оперу⁶⁹. Это, по-моему, интересно. На-днях пойду с ними разговаривать.

Я написал для Зины Свешниковой стишки, которые ей и Малкину⁷⁰ очень понравились.

Вот такие:

У большого магазина

Стоят мама и Зина.

Мама высокая,

Ей видны окна.

А что видно Зине?

Морковка в корзине.

Махнула Зиночка ручкой:

«А ну вас с вашей толкучкой!»

Светло, просторно на площади,

Ходят люди, трамваи и лошади.

«Скажите, как мне добраться:

Арбат, 10, квартира 20?»

«Туда очень просто пройти,
дойдите до угла, а там спросите».

«Будьте любезны, где здесь:
квартира 20, Арбат — десять?»

«Впрочем, — улица знакомая,
Спасибо, — уже дома я».

Бежит мама, бледная-бледная:

«Куда пропала Зиночка бедная?»

Говорит Зина радостно:

«Не пропаду я с адресом-то!»

Вот-так ребенок, —

Настоящий октябренок!

Зина уже делает рисуночки. И просят ее писать. И даже деньги за это платят⁷¹.

Целую тебя очень, очень крепко.
 Поцелуй В. М. и кланяйся всем знакомым.
 Пиши часто!
 Очень тебя обожающий
 Ося

(102) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 11 января 1933 г.)⁷²

Письмо № 4

Дорогая, золотая Киска!

Ужасное спасибо! Начало уже положено. Буду ждать окончания. Думаю уже, как сделать из фанеры ставни для окон⁷³.

Ходили сегодня с Женей слушать Шебалина «Ленин» на Володины слова в Большом театре⁷⁴. Плохо. Страшно глупо, когда Володины слова поет писклявая певица или женский хор, двадцать раз повторяя одно и то же слово! И вообще, до чего устарел симфонический оркестр! «Советское искусство» просит меня об этом написать; я напишу и эпитафией возьму из «Облака»:

Нежные!
 Вы любовь на скрипки
 ложите.
 Любовь
 на литавры ложит
 грубы~

Я напишу, что виноват не композитор, а весь одряхлевший музыкальный строй. У Чернышевского есть замечательная фраза: «Произведения музыки погибают вместе с теми инструментами, для которых были написаны». А Шебалин написал музыку для инструментов, которые уже на краю гибели.

Для того, чтобы написать музыку на Володины слова, надо сделать в музыке такую же революцию, какую сделал Володя в поэзии. Иначе получается чепуха.

А как «чистая музыка» — это не плохо, но и не особенно хорошо. Оратория. Культурно и скучно.

Получил от Желобинского письмо. Он пишет: «через неделю закончу «Кам. мужика»»

Теперь у меня какое-то странное состояние — с одной стороны, я рад, что написал, в общем, недурную оперу, а, с другой стороны, как-то жалко расставаться, заканчивать ее совсем. Думаете ли что-нибудь о «Фиктивном браке»⁷⁵? Хотел бы я с весны уже работать над ним».

Мне очень приятно было получить такое письмо. Значит, он работал с интересом и удовольствием.

Работа в театре идет полным ходом. Самосуду⁷⁶ очень нравится музыка 4-го акта.

«Песня Алены», — пишет Желобинский, — вышла, по-моему, здорово». Интересно, когда будет премьера?

Котинька! если найдешь что-нибудь интересное про новую музыку, про новые инструменты, про новую манеру петь так, чтобы были слышны слова, про «...», про «...» И т. п., и если это будет доступно, то пришли, или прочитай и напиши.

Я хочу про это писать и скандалить.

Повторяю, что говорил В. М. по телефону. В «Известиях» от 10-го с. м. на 6-ой полосе имеется очерк Н. Изгоева⁷⁷, в котором почти дословно, но в вольном пересказе использован кусок рассказа В. М. «Танька»⁷⁸. Нет никакого сомнения, что это сделано с помощью Цыпина⁷⁹, который и в «Федерации», и в «Известиях». Комментарии, само собой разумеется, излишни. Хорошо бы В. М. написать об этом кой-кому, чтобы Цыпина, как следует, взгнали. Я, со своей стороны, тоже подымаю скандал, как редактор «Сборника».

У нас все по-прежнему. Никаких событий. Забыл тебе в прошлом письме написать, что «Воуа» — это «Боря и Варя Кузьмичевы»⁸⁰.

А вот еще хорошие стишки, которые какая-то учительница прислала в «Молодую гвардию»:

Прибежала в садик детка
поглядеться на реку.
Соловей сидит на ветке
и поет свое «ку-ку!»

Арагон ходит довольный. Он ушел из <нрзб> и по поручению Коминтерна переводит брошюру Маркса с английского на французский. Маркс писал ее на английском языке.

К Наташе приехал муж-колхозник, и она ходит именинницей. Занятно, что он никак не мог выбраться в Москву, потому что колхоз не давал ему отпуска.

Хлопochу насчет «Узкого»⁸¹. Кажется, удастся с 20-го уехать на 2 недели.

Ну, Кисик, мой миленький, целую тебя ужасно крепко. Очень тебя люблю.

Поцелуй Вит. М. Скажи, что он теперь знаменитый писатель, и все из-за него дерутся.

Женя тебя крепко-крепко просила поцеловать. Она тебе напишет длинное письмо.

Твой Ося.

(103) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 13 января 1933 г.)⁸²

Любимый мой Кислит,

с ближайшей диппочтой Виталий отправит письмо тому товарищу, кот. был у него на хлебозаготовках, насчет твоего и Жениного приезда сюда. По этой причине не посылаю вам сейчас посылки.

Думаем переменить квартиру — очень неудобно, что ванну надо топить, и ходить в уборную приходится через хозяйскую столовую, и каждый раз делать хозяйке любезное лицо. Ищу отдельную меблированную квартиру. Насчет моего ученья ничего еще не удалось узнать.

Леночка⁸³ кончает переводить «Как писать стихи»⁸⁴. После этого переведет твои пьесы. Но едва ли что-нибудь из этого дела выйдет, — даже Рейнгарт⁸⁵ прогорел совершенно, и сейчас нет ни одной его постановки.

Ужасно было приятно говорить с тобой по телефону. Пожалуйста, позвони еще! До того хочется, чтобы ты приехал, что я только об этом и думаю.

Ты ужасно редко пишешь. Что со сборником⁸⁶? Это очень забавно, что тебе звонили и просили рассказы Виталия!

Кисик, пиши мне письма не спешные, а простые. Здесь часто никого не бывает дома и некому расписаться.

Напишу тебе, как только Виталий отправит письмо. О немецких визах он поговорит здесь.

Почему Эльза и Женя мне не пишут?

Обнимаю, целую изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

(104) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 14 января 1933 г.)⁸⁷

Миленький, любимый Кисик!

Я достал путевку в «Узкое», и мы с Женей уезжаем туда 16-го на 2 недели отдыхать. Говорят, что там очень хорошо.

У Рихтера все получил. Все замечательно. Особенно рубашки и «...». Но ты, как всегда, ужасный оптовщик! Крепко тебя за это целую.

Я все время возился со своей челюстью, которую никак не удавалось, как следует, приладить. Теперь все в порядке, и я уже начал жевать. Чувствую себя, как взнузданная лошадь. Но уже привыкаю.

Бригада Маяковского⁸⁸ устроила конкурс чтецов Володиных стихов, непрофессионалов. Сначала предварительный отбор, который продолжался 3 дня. Народу уйма — человек 300 каждый вечер, — все молодежь. Читают очень здорово. Были и смешные вещи. Один, например, прочел: «Окна разинув, стоят торгсины» (!), из «Хорошо»⁸⁹; другая, ученица какой-то школы в «Левом марше» вместо «за горами гОря» читала «за горами горЯ», вместо «левой» — «лавой», вместо «нАнятой» — «нанЯтой». Оказывается, ее учитель так научил.

15-го будет соревнованье допущенных на конкурс, а 19-го большой вечер в Политехническом музее. Все это сейчас очень кстати. Надо начать немножко поскандаливать. «Назад к желтой кофе!» Между прочим, ровно 20 лет тому назад вышла «Пошечина общественному вкусу».

Мамины дела, как будто, поправляются. Врач говорит, что один глаз у нее значительно поправился. А другой придется оперировать. Но что это неопасно. Может быть, все обойдется, а то очень ее жалко.

Денег у меня хватает пока вполне; думаю, что и в дальнейшем хватит. Работы сколько угодно. А расходы сравнительно не очень большие. Я даю Наташе деньги на самое необходимое, и если Арагоны желают шикарнуть, то пусть дают свои деньги.

Я говорил с Рихтером о «Клеопатре». Он предлагает сделать из нее пьесу для Мельцер. Я попробую, может быть, что и выйдет. Делать звуковой сценарий мне как-то не очень хочется. Звуковая кино-драма — это

все-таки ужасная гадость. Действительно, — фотографическая карточка, говорящая человеческим голосом.

«Базарова» у Вахтангова⁹⁰ ставить будут. Об этом даже уже в газетах пропечатали. У «Семперантэ» своим чередом. Олег Леонидович в восторге.

Станиславскому исполнилось 70 лет⁹¹. И все про это пишут и его поздравляют. А Качалов⁹² написал, что Станиславского лучше всего характеризуют Володины строчки:

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней.
Мир огромив мощью голоса,
иду красивый двадцатидвухлетний.

Здорово?

Ну, Кисик, целую тебя ужасно-ужасно крепко. И буду ждать твоих писем. Поцелуй В. М. и не забывай меня, пожалуйста.

Еще, еще целую.
Твой Ося⁹³.

В то время как в Германии разворачиваются события, меняющие ход истории, жизнь в Москве протекает относительно спокойно.

Во второй половине января Осип Максимович с Евгенией Гавриловной уезжают на две недели в дом отдыха «Узкое», который, находясь в 15 километрах от Москвы, представлял собой, говоря сегодняшним языком, глубинку с информационным вакуумом.

Перед отъездом в Берлин Примаков и Л. Ю. Брик обещали, что пришлют Осипу Максимовичу и Евгении Гавриловне приглашение для оформления гостевых виз, но после фашистского переворота в Германии это стало абсолютно невозможным.

(105) О. Брик — Л. Брик (Подмосковье — Берлин; 20 января 1933 г.)⁹⁴

Письмо № 6

Сладенький, Кисик!

Мы с Женей сейчас в «Узком». Здесь очень хорошо. Но никакой связи с Москвой: телефон не работает, почта далеко и пешком не дойдешь — 15 километров. Сообщаемся «оказией». Впрочем, мне от Москвы ничего не надо, а если я кому понадоблюсь, то адрес мой здесь известен.

Это письмо пишу «на ура», — авось дойдет.

Здесь чудно. У нас отличная комната. Чистая и теплая. Спим целый день. Отдохнуть вполне можно.

Нашлись, конечно, и знакомые: Флаксерманы⁹⁵, поэт Сурков⁹⁶, приятель Малкина — Батурицкий⁹⁷, оператор Кабалов⁹⁸, — но это не очень необходимо, можно было бы и обойтись.

Здесь есть библиотека. Я читаю всякие книжки, которые бы в Москве ни за что бы не прочел. Не пришлось бы. И очень приятно.

Интересно, — когда Мусоргский принес в Большой театр оперу «Борис Годунов», у него не взяли, — сказали, что скучно, нет женской роли (!) Тогда он вставил Марину, которой раньше в опере не было.

До чего ничего не меняется.

Кисик! Пишу карандашом, потому что очень паршивые чернила.

Ты мне пиши обязательно, хоть я и в «Узком». Письма твои мне доставят.

А главное — 1 февраля я уже буду в Москве.

Целую тебя очень нежно и крепко.

Твой Ося.

(106) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 25 января 1933 г.)⁹⁹

Мой любименький золотой Кислит,
как ты отдыхаешь?

Мы живем тихо. Я по целым дням перевожу¹⁰⁰. Виталий работает. Очень много спим. Я с увлечением поедаю самый вонючий сыр, а Виталий апельсины.

Наклеивается кое-что из литературных дел. Пришли, пожалуйста, через «старика»¹⁰¹ «По Японии»¹⁰² и японские фотографии, какие есть, — и если все это есть в одном из ящиков маленького стола в моей комнате. И, кстати, пришли нам «Швамбранию».

Никуда не ходим. Только смотрели на днях новую картину Рене Клэра «14 июля». Спасибо, но уж чересчур никакой идеологии.

На улице с утра было 14⁰ мороза по Реамюру¹⁰³. Похоже, что сейчас еще больше.

Спасибо Женичке за подробное письмо. Жду известий по поводу вашего приезда, потому и не шлю посылки, — вы здесь на эти деньги купите вдвое больше, очень уж зверская пошлина. Но вкусную посылку все-таки вышлю с тем расчетом, чтобы она застала вас уже в Москве. Вышло 30-ого.

С нетерпением ждем переезда на новую квартиру.

Дала на прочтение твои пьесы. Инш-алла, что-нибудь и выйдет.

Почему мне никто не пишет? Я всем написала понемножку. Получила ли Надя¹⁰⁴ посылку? Получил ли ты письмо Виталия¹⁰⁵?

Чересчур скучаю.

Люблю и целую ужасно крепко.

Твоя (Киса — рис.)

(107) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 27 января 1933 г.)¹⁰⁶

№ 1

Мой сладенький любименький Кэс!

Получила твое письмецо из «Узкого», и Фаня¹⁰⁷ звонила мне, что тебя видела. Я ужасно рада, что вам было сонно, тепло, светло и отдохновенно!

Только я все думаю про твои зубки, а когда писала, все забыла спросить про них. Напиши немедленно и честно, в полном ли они порядке.

Кислит, я уже писала тебе, чтобы ты прислал «По Японии» и японские фотографии, если они имеются в одном из ящиков маленького письменного стола. Кроме этого, еще пришли непременно доверенность от себя и от Олега Леонидовича на ведение всех ваших дел и на получение денег. Все это тоже через «старика» (спроси Нину¹⁰⁸). Не знаю, выйдет ли что-нибудь из всех

Факельное шествие нацистов от Бранденбургских ворот к зданию рейхсканцелярии в ночь после прихода Гитлера к власти

этих начинаний, но вчера я, во всяком случае, вслух и с выражением читала «Базарова». Инш-алла!

Я потеряла счет своим письмам и потому опять начинаю с номера первого.

Половина твоего подарка еще здесь — все нет okazji.

Сейчас пойду посылать вам съедобную посылку.

Тебе никто не звонил по поводу вашей поездки? Я очень боюсь, что вдруг ничего не выйдет. Витя решил ждать до 25-го февраля и тогда написать еще раз.

Сегодня еще раз напишу тебе, что послала в посылке.

Ужасно целую и люблю.

Твоя (Киса — рис.)

Поцелуй Арагончиков, маму и Женю.

Что с Полиной Юрьевой?

Что сборник? Фаня говорила, что он подписан к печати и остановка только за Васиной статьей¹⁰⁹?

Уже через четыре недели после приезда В. М. Примакова и Л. Ю. Брик в Берлин, а именно 28 января 1933 года президент Германии Гинденбург дал отставку Шлейхеру и поручил Гитлеру сформировать новое правительство. Фашистская партия овладела государственной властью. В Германии установилась террористическая диктатура наиболее реакционных, шовинистических, агрессивных кругов финансового капитала.

30 января 1933 года — один из самых черных дней в истории Германии, начало стремительного превращения Германии в государство войны.

Сами нацисты определили 30 января днем рождения «третьей империи» и ознаменовали его многочисленными митингами и факельными шествиями в честь правительства Гитлера.

Фюрер приносит присягу в понедельник 30 января 1933 года, в 11-17.

В 12-30 он все еще совещается с Ремом по поводу многолюдного парада СА (штурмовых отрядов), который должен состояться вечером того же дня.

Сотни столичных фотографов и кинооператоров работают не покладая рук. В «Доме Карла Либкнехта», штаб-квартире Коммунистической партии Германии, царит растерянность. Левая пресса, пережившая за последние несколько часов сокрушительный удар, перепечатывает старую статью о «едином фронте», подписанную Тельманом. Через 48 часов газеты партии, оппозиционной по отношению к нацистам, будут закрыты. Для них начнется время подпольного существования. Какой-то репортер говорит: «Сегодня, точнее этой ночью, будет спектакль на улицах». Все уже знают, что в крайних кварталах плотные массы людей готовятся к дикарскому празднику, несмотря на десятиградусный мороз. Во второй половине дня ротозеи начинают скапливаться в министерском квартале и вокруг дворца Бисмарка, чтобы загодя обеспечить себе лучшие зрительские места.

За всю свою историю Берлин никогда не знал подобной ночи. «Маска Медузы», «эмблема страха», водворялась повсюду; она появляется из теней, размножаясь до бесконечности, в виде свастики, заключенной в белый круг, на ярко-красном фоне.

«В гулкой ночи маршируют обутые в сапоги автоматы, заставляя дрожать Шарлоттенбургское шоссе; они выходят на Унтер ден Линден, пройдя перед тем через триумфальные Бранденбургские ворота. Они идут, шеренга за шеренгой, в зловещем ритме, задаваемом музыкой фанфар, под песнопения новой литургии» — так опишет эту сцену французский посол...

Это песня «Хорст Вессель», новый гимн нацистов, в котором прославляются «развевающиеся знамена и сомкнутые ряды»...

Гитлер уходит со своего балкона только на рассвете...

Когда Берлин просыпается, на дворе уже новая эпоха [Марабини. С. 32–36].

Несомненно, Л. Ю. и Примаков видели эти факельные шествия, не исключено, что видели и Гитлера, но сохранившиеся письма обходят эти политические вопросы (может быть, только поэтому они и сохранились).

Остается только сожалеть, что наши соотечественники, герои этой книги, которые оказались невольными свидетелями поворотного в истории XX века события, не оставили описаний всего увиденного ими, но они прекрасно понимали, что вся их переписка тщательно контролируется спецслужбами как в стране отправителя, так и в стране адресата. Кстати, уже в марте на конвертах появляются откровенные штампы о проверке писем немецкой цензурой.

(108) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 1 февраля 1933 г.)¹¹⁰

Любименький, сладенький, Кисик!

Чудно было слышно в телефон! Как будто бы рядышком. Ужасно я тебя люблю.

Приехав из «Узкого», застал здесь все в полном порядке. Деньги есть, клопов не видать.

Эльза — толстая, Арагон — веселый, Булька у Ясенских¹¹¹, Наташа стряпает.

Новостей никаких не знаю, потому что все в разъездах: Коля и Сема в Ленинграде выступают¹¹², Вася Катаньян уехал в Тифлис, Лева¹¹³ в Кисловодске.

Побывать тоже еще нигде не успел.

Со «Сборником», как будто, все в порядке. Катаньян кое-что почеркает, и статья его пойдет. А без него я категорически отказался выпускать «Сборник».

Выспался я в «Узком» здорово. Скука там смертная! Но это к лучшему. Только так и можно отдохнуть.

Из знакомых были там: Флаксерман Юрий с женой, кинооператор Кабалов, такой Батуринский (приятель Малкина), режиссер Посельский, а к концу приехала Анна Николаевна Пудовкина.

Она стала писательницей. Пишет рассказы — похабные, точнее — «сексуальные». Я их не слышал, рассказывал об этом Олег Леонидович. В «Узком» она целый день сидела у себя на кровати и писала, а в остальное время делала массаж лица к ужасу своих сожительниц.

Настроение у меня хорошее, бодрое.

Вечера Володиных¹¹⁴ прошли блестяще. Было, говорят, много народу. Все очень здорово читали Володины стихи. И публика радовалась. Их устраивал Лавут¹¹⁵ в Политехническом музее.

Коля Асеев сказал очень резкую речь о современной литературе и о безобразном отношении к Володиной памяти. Лавут даже немного испугался.

«Базарова» уже начали репетировать и в «Семперантэ», и у «Вахтангова». Пойду посмотреть, что получается.

Маму свою я еще не видел. Фрида¹¹⁶ говорит, что все благополучно, но лучше зренье не станет, но и хуже не будет. Что ж поделаешь. Придется приспособливаться.

Твоя мама звонила, и я ей передал твои приветы.

В Москве все обалдели с паспортами¹¹⁷. Только об этом и говорят. Дураки!

Питаемся мы хорошо. В квартире тепло.

Ты мало пишешь про Берлин, про всякие штучки, про какие-нибудь новинки в рекламе, в фото, в кино, или, может быть, ничего нет интересного? Все-таки напиши.

Да, Кисик! Рубашки, которые ты мне прислала, узки, а если их выстирать, то они еще сядут. Пишу это на всякий случай. Но присылать ничего не надо. А то ты меня совсем задарила.

Кисик! Я тебя очень люблю и целую твою сладкую мордочку тысячу миллионов раз. Буду тебе писать очень часто про все новости, и ты мне пиши.

Поцелуй крепко В. М.
Твой Ося.
Женя очень вас целует.

(109) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 6 февраля 1933 г.)¹¹⁸

Мой самый любименький на свете Кислит!

Обязательно позвони от Нины¹¹⁹ по вертушке в секретарьят и спроси от Виталиного имени, получено ли письмо и какой ответ.

Ужасно обидно, что малы рубашки и что до сих пор не получена съестная посылка. Вторую половину подарка и Winkelsucher¹²⁰ ты получишь через несколько дней.

Новостей в Берлине никаких¹²¹.

Есть аппарат еще лучше Лейки, но он имеется у Фани, тк что ты посмотри, а в рекламе кино, театра — ничего абсолютно!

Берлин очень победнел. Несколько дней тому назад смотрели Мельцер в “*der Kusi vor dem Spiegel*” — было стыдно, до того дрянная бездарная пьеса, но она играла не плохо, но и не замечательно, — со сцены она выглядит хуже, чем в жизни.

Почему волнение из-за паспортов? Разве не все равно?¹²²

Виталий все еще лежит с гриппом — весь Берлин болен. Не хочет звать врача, жалеет денег, но я сегодня все-таки позову.

Напиши, как репетиции «Базарова»? Кто как играет? Кто будет делать декорации?

Я перевалила уже за половину перевода¹²³. Перевод очень трудный. В книжке 300 больших убористых страниц и не знаю, сколько заплатят.

Читала в Лит. газете твои переводы Альберти — очень мало рифмов! Какие idiotские воспоминания Малкина! А стихи про матроса какой-то девушки очень способные.

Сколько было Володиных вечеров? Ты не был?

Ужасно, больше всего на свете хочется, чтобы ты приехал!

Довольны ли Надя и Фаня посылкой? Почему мне никто не пишет?

Крепко всех целую. Ты не видел Бульку?

Обнимаю и целую мою мордочку, и весь шарик, и лапки.

Твоя (Киса — рис.)

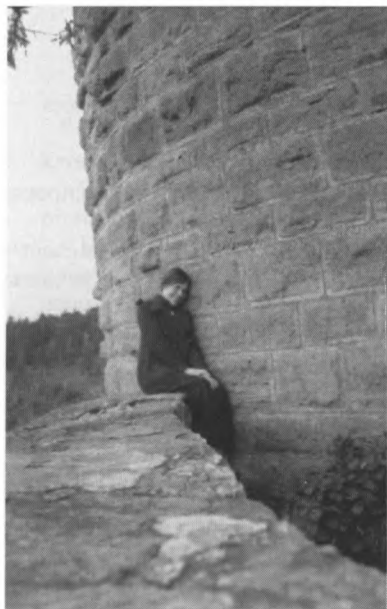
(110) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 7 февраля 1933 г.)¹²⁴

Дорогая, любименькая, миленькая Киса!

Очень скучно, когда от тебя нет писем. Как здоровье В. М.? Какие у вас комнаты? Как твой перевод? Про все это надо написать мне письмо.

У нас ничего особенного. Все благополучно.

Смотрели у Мейерхольда новую постановку «Вступлень»¹²⁵. Пьеса очень примитивная, но спектакль очень приятный. Легкий, не вымученный, и много блестящих режиссерских выдумок. Играют неважно. Содержание такое: гуманный профессор-химик едет в Китай, но не может там работать, потому что китайские рабочие работают в ужасных условиях. Он

Л. Ю. Брик в Берлине (1933 г.). Фото В. М. Примакова

возвращается в Европу, а в Европе, оказывается, такие же ужасы. Тогда он уезжает в Сов. Россию. На его отъезде пьеса кончается. Это вроде «Синей блузы»¹²⁶, но здорово поставлено.

Пудовкин и Головня просили меня написать им сценарий на материале золотых приисков, который у них имеется¹²⁷. Я сказал: «пожалуйста, с удовольствием». И они завтра придут ко мне разговаривать.

Посылаю тебе смешную вырезку из «Веч. М.» про Шенгелаи и Ржешевского¹²⁸ — обхохочешься. Вообще, сейчас идет война между сценаристами и режиссерами. И стоит шум во всех газетах по этому поводу.

Еще посылаю тебе вырезки о постановке «Чингис-хана» в Японии. Я был в редакции «Интерн. театра», где это было помещено, и видел японца Секи Само, который дал мне еще несколько фотографий с постановки и обещал выписать текст пьесы из Японии. Я его дам тогда здесь перевести. Забавно.

«Диктатуру сердца» мы с О. Л. уже закончили и сдали в театр. Но ответа от них еще не имеем.

Пока что начали писать другую пьесу, тоже историческую, про Зубатова и Маню Вильбушевич. Это очень интересная история. Годы 1902–1903. Зубатов придумал для борьбы с революционным движением устраивать рабочие союзы под покровительством полиции, т. н. «полицейский социализм». Он разводил очень красноречивую идеологию и уговорил многих революционеров, что так будет лучше для рабочих. Одна из соблазненных

П. П. Крючков, А. М. Горький, Г. Г. Ягода. Крым, 1933 г.

была Вильбушевич. А Зубатов пользовался этим, чтобы вылавливать и арестовывать тех, кто за ним не шел. И Вильбушевич объективно оказалась предательницей. Кончилось дело тем, что организованные Зубатовым союзы устроили на юге грандиозную забастовку, перешедшую в революционное восстание. Вызвали войска. Расстреляли массу народа. И Зубатов вылетел со службы со всем своим «социализмом». А Вильбушевич во всем разочаровалась и стала сионисткой.

Вот и все новости. Я много читаю, покупаю книжки и думаю разные мысли. Вообще чувствую себя хорошо, и нервы не гуляют.

Очень крепко целую тебя и В. М.

Люблю тебя ужасно и хочу, чтобы ты меня очень любила.

Твой Ося.

(111) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 15 февраля 1933 г.)¹²⁹

Милый мой, любименький, единственный Кэс!

Неужели ты все еще не получил съедобную посылку?! В магазине мне сказали, что она тогда же отослана. Пожалуйста, телеграфируй, получил ли.

Никак не могу отправить увеличилку, — все обещают.

Виталий выздоровел и вчера уехал на 10 дней в Штутгарт. Я не поехала из-за денег, из-за перевода и оттого, что неудобно все время таскаться за ним, да и не очень хотелось, — ехать надо 12 часов, и там делать мне нечего.

Перевода осталось мне дней на 10, для того, чтобы окончательно его закончить. Не знаю, сколько мне за него заплатят, думаю, что очень мало, оттого, что не для печати, а для прочтения. Сегодня я переводила и отделявала, не выходя из дому, с перерывом в общем часа на полтора, с 9 ½ утра до 11-ти вечера!

Квартира у нас изумительная! Вроде московской, но гораздо лучше отделанная и без клопов. Чудесный, застекленный, теплый балкон, на котором

я, главным образом, и сию, и две большие комнаты. В третьей комнате живет очень симпатичная женщина, которой никогда нет дома. Прислуга есть с утра до 6-ти. Очень хорошо готовит и вообще всем замечательная. Ванна чудесная — всегда горячая вода.

Что с вашей поездкой? Почему ты ничего об этом не пишешь?

Что с твоими зубками? Телеграфируй про приезд. Я ужасно жду. Денег очень мало — 500 марок в месяц, но мы обойдемся, если ничего не покупать. Переводы у меня будут все время, если ты мне поможешь¹³⁰, то можно будет заработать втрое больше, и заживем на славу. Останемся мы здесь, очевидно, до августа¹³¹, а я без тебя невыносимо скучаю.

Если ты приедешь, то непременно возьми с собой свою Лейку, только попроси на границе обязательно вписать ее в свой паспорт, а то не выпустят обратно. А здесь ее можно переменить на последнюю модель.

Что с Володиными книжками? Вышло хоть что-нибудь? 10-ый том¹³²? Книжка в Федерации¹³³ и т. д.?

Почти никого не вижу — тороплюсь с переводом. Даже нет времени позвонить по телефону. Была у меня Валеска Герт¹³⁴, — она почти не выступает.

Ходить некуда. Ты не представляешь себе, какую дрянь показывают в кино. Просто даже жалко на билеты. Только хроника интересная. Помоему, следовало бы покупать ее для нас — не всю, конечно, а кое-что, и не самую последнюю, чтобы стоила дешевле, но кое-что необходимо было бы показывать!

Попроси Женю написать мне подробное письмо, а я все пишу тебе и не хочется во второй раз писать то же самое, тем более, что и так уж пишу с утра до вечера.

Передай женщинам, что в моде зеленый цвет — лягушиный, а больше ничего нет особенно нового. Впрочем, я встречаю людей только на улице, а в кино тоже все сидят в шубах. Шубы, главным образом, черные каракулевые, шляпы совершенно на одном ухе, и все женщины поголовно носят вуальки до половины лица или даже на одних глазах. Выдумали способ прилеплять ресницы любой длины и цвета! Это очень красиво, но продолжается целый час, стоит 15 марок и требует через каждые две недели возобновления. Сам понимаешь, что я осталась при своих старых, испытанных ресницах. Еще есть комплекты губных карандашей — для каждого цвета платья особый оттенок.

Я невероятно по тебе соскучилась!!!

И никто не может мне толком объяснить то, что здесь сейчас творится. Вернее — объясняют, но я никому не верю, кроме тебя.

Целую всех очень крепко.

Что с работой, о кот. говорила Фанни?

Тебя люблю, целую, обнимаю изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

Что с нашими мамами?

Сходи к Бульке и напиши мне, как она поживает.

Обидно, что так мало денег, только оттого, что ничего не могу посылать вам.

(112) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 18 февраля 1933 г.)¹³⁵

Мое родненькое, любимое, светленькое Солнышко,
оно же Кэс!

Ужасно приятно, что так хорошо было слышно по телефону. Колбаса не испортилась? Что послать вам в следующий раз?

Мне пошли, при случае, 2 куклы, 2 Володиных альбома¹³⁶ или больше (но это через «старика»), икры, бутылку Муската, коньяку Ореанды. Все это, если появилось в магазинах, искать и доставать ни в коем случае не надо, и длинную нитку кораллов, которые лежат с остальными моими бусами.

Вчера видела в кино очень миленькую Micky-Maus, но ничем не отличающуюся от тех, которых мы с тобой видели 3 года тому назад. Была в театре — ерунда!

Переводить осталось всего 40 страниц! Когда кончу, пришлю тебе эту книжку, — ты удивишься, как я смогла ее перевести. Вместе с черновой отделкой работы осталось еще на неделю. Потом придется проверить перепечатанный экземпляр и все!

Видаю тех же людей, с которыми встречались три года тому назад, но сейчас все ужасно заняты и озабочены¹³⁷.

Завтра хочу сходить на автомобильную выставку.

Виталий в восторге от Штутгарта, собирается в Ротенбург, — это консервированный старинный городок, — в нем запрещено строить новые дома. Собирается еще поездить кругом, кажется, еще и в Нюрнберг. Я за него ужасно рада.

Но, главное, чтобы ты приехал.

Писать не о чем, и от перевода болят лапа и глаза. Даже мозоль на пальце от ручки. Ручка новая, монблановская.

На улице тепло, но масса снега. Играют в снежки. Меня сегодня какие-то чужие совсем закидали.

Деревья в инее, и очень приятно сидеть на стеклянном балконе.

Всех целую. Всем напишу, когда кончу перевод.

Целую, целую, целую.

Твоя (Киса — рис.)

(113) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 20 февраля 1933 г.)¹³⁸

Письмо № 1/а

Любименькая, золотенькая Киска!

Я сбился со счета и потому нумерую письма заново.

Кэс! Очень трудно писать письмо после разговора по телефону. Чудно, что ты не сразу отвечаешь, а сначала должна письмо получить, прочесть, ответить и т. д.

Новостей мало. Все самое главное я тебе сказал в телефон.

При первой же возможности вышлю тебе Володины книжки (10-й т. и «Избранные стихи») и все, что ты просила.

Были у меня Пудовкин и Головня. Просят написать для них сценарий: «Спокойный и легкий, как «Потомок Чингис-хана». Я сказал, что ладно, напишу.

Затем еще мне заказали сценарий для Госкино про грузин, о «покореньи» Кавказа (60-е годы). Я буду делать его с Тренивым по собранным им материалам.

Вообще работы очень много предлагают. Олег Леонидович доволен. А мне хочется писать «вторую Мустафу» (вроде «Камаринского»).

Арагоны веселые, не ссорятся. Твоя мама была у нас к обеду. Побывала недолго, вид у нее хороший и настроенье, кажется, тоже. Моя мама все еще в клинике, но ей, как будто, лучше. Завтра пойду ее провожаю.

Лева еще в Кисловодске отдыхает, лечится. Вася сегодня возвращается из Тифлиса. Семки¹³⁹ резвятся. Но стихов не пишут. Коля написал хорошие стихи. Продолжение поэмы об «Оксмане»¹⁴⁰. Но очень завертелся. Ксаночку¹⁴¹ очень жалко. Худая и грустная. Фаню вижу очень редко. Она тоже чего-то загрустила.

Денег у меня хватает. Покупаю книжки. Невозможно удержаться, — до того они дешевы! Особенно старые. Но все-таки нужно придумать, куда их девать, а то потонешь.

Женя тебе написала, так что ты про нее знаешь.

Арагоны получили книжки «Инснаба»¹⁴², и мы теперь очень благоустроены.

Были мы с Колей Асеевым у Ионова¹⁴³. Туда же пришел секретарь Замоскворецкого района для переговоров об организации библиотеки имени Маяковского в Гендриковом переулке¹⁴⁴. Они хотят освободить весь домик, все четыре квартиры и устроить там библиотеку, читальню. Комнату для кружковой работы, а в нашей квартире устроить небольшую выставку-музей. Потом хотят сломать беленький домик, который против нашего домика и разбить там садик. Вообще, план очень хороший, и мы охотно согласились сделать все, что можем. Оказывается, постановление Райсовета об этом выписано уже давно, но ничего пока не делалось. Посмотрим, что будет дальше.

Крепко тебя, очень крепко целую. Люблю и страдаю. И хочу, чтобы ты меня тоже любила и никогда не забывала.

Твой Ося.

Существует свидетельство о культурной странице пребывания Л. Ю. в Берлине:

В берлинской записной книжке Л. Ю. за февраль 1933 года есть такая запись: «*Завтра в час дня в “Кранцлере” встречаюсь с Брехтом. Пойду одна, Виталий занят*».

Хотя Л. Ю. бывала в Берлине и раньше, с Брехтом она познакомилась только теперь. Они вместе ездили посмотреть новые индустриальные районы Берлина, Л. Ю. интересовали всяческие новшества и в полиграфии, и в рекламе, о которых ее просил писать ему Осип Максимович. В конторе «Совэкспортфильма» была копия «Стеклянного глаза»¹⁴⁵, и Брехт захотел ее посмотреть. Он пришел на просмотр с Эрнстом Бушем¹⁴⁶. Втроем они фантазировали насчет фильма, где Брехт хотел, чтобы Буш пел зонги на стихи

Маяковского, но дальше разговоров дело не пошло — не нашли денег. Обычное дело [Катанян В. В., 2002. С. 183].

Но дело было не только в деньгах. Нацистам, недавно пришедшим к власти, совсем не нужны были «зонги на слова Маяковского», как и их пропагандисты. Очень скоро после этих встреч Бертольдту Брехту и Эрнсту Бушу пришлось спешно покинуть свою родину, спасаясь от преследований «наци».

Эти встречи Л. Ю. с Бушем могли состояться только до 27 февраля, так как есть сведения о его срочном выезде в эмиграцию:

Поджог рейхстага нацистами был сигналом зловещей опасности, и уже на следующий день ничем не примечательное семейство налегке (багаж привлек бы внимание) отправляется из Берлина в Прагу. Буравящий взгляд пограничников не обнаружил ничего подозрительного, дежурный патруль штурмовиков «не унюхал государственной измены» — и вот Бертольд Брехт, Елена Вайгель¹⁴⁷ и их сын Стефан уже на чешской земле. Начался нелегкий путь эмигранта¹⁴⁸.

(114) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 22 февраля 1933 г.)¹⁴⁹

Кислит мой любименький,
миленький, маленький, единственный!

Я только что кончила перевод!!! Сам понимаешь, до чего я счастлива!

Я уже 3 дня не была на улице, — очень хотелось кончить до приезда Виталия. Он приезжает 26-ого.

Писать особенно не о чем. Через неделю едет половинка и всякая всячина. Это, инш-алла, безусловно.

Осик, не забудь, пожалуйста, послать от меня и от тетки маме на рождение цветов (рождение 28-ого). От тетки — рублей на десять-пятнадцать, а от меня — какие хочешь. Только, пожалуйста, не забудь.

Виталий много разъезжает поездом и на машине, и очень доволен. И я за него рада.

По новой музыке ничего, кажется, нет такого, что тебе надо. Есть только несколько статей, которые пришлю на днях. Одна — Брехта. Завтра буду говорить с Вейлем¹⁵⁰, может быть, он что-нибудь знает.

Завтра пойду гулять, в гости, в кино, вообще заживу красивой жизнью.

Очень жду письма от тебя. Пришли чью-нибудь хорошую статью о Володе. Может быть, Колину¹⁵¹? И японскую книжку¹⁵² — на всякий случай. Все это — через Кольцова¹⁵³, они все время посылают.

Очень хорошие Колины стихи были в Правде про съезд колхозников¹⁵⁴.

Я ужасно крепко тебя обожаю и целую.

Целую мой мордик, и усики, и глазки, и лапки.

Твоя до гроба

(Киса — рис.)

Всех целую и всем кланяюсь.

Что насчет вашего приезда?!?

Витину визитную карточку и мою записочку вложи в магазине в конвертики и пошли с цветами¹⁵⁵.

(Киса — рис.)

(115) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 25 февраля 1933 г.)¹⁵⁶

Любименький мой Кэслит!

Ты мне уже очень давно не писал! Напиши, пожалуйста, сейчас же!

На-днях ты получишь от меня привет от очень хорошего человека, с которым мы здесь больше всего встречаемся. Возьми у него обязательно книжку, которую я переводила. Та, по которой я переводила, мне еще нужна, а вторую покупать не стоит, раз у него есть. Я ему сказала, чтобы он тебе ее дал. Он тебе все про меня расскажет.

По тому радостному случаю, что кончила перевод, — вчера закутила. Днем пышно пила кофе под граммофон нашей хозяйки (наш приедет уже 28-го). Потом была в кино на ужасно скучной программе. Вечером — в оперетке, где было так скучно, что мы не досидели до конца. А после оперетки ели в ресторане устрицы — это было приятно. Сегодня мыла голову, делала ногти на руках и на ногах — все сама. Завтра утром приезжает Виталий. Он ужасно доволен поездкой.

Взяла на завтра билеты на «Золотую лихорадку». Три воскресенья подряд в одном кино дают по одному сеансу Чаплина: будущее воскресенье — «Цирк», а через воскресенье — «Огни большого города». Интересно посмотреть!

Напиши же мне насчет вашей поездки¹⁵⁷!!!!

Если ничего не слышать, то Виталий напишет еще раз.

Я потолстела. Когда отдыхала посреди перевода, то все время лопала.

Жду от Жени обещанного письма.

Пишите Luftpost¹⁵⁸, — гораздо быстрее доходит, и всем скажи, чтобы так писали.

Как здоровье Полины Юрьевны?

Что ты работаешь?

Получил ли Олег Леонидович галстук? Скажи ему, по крайней мере, что я послала. Я пришлю ему еще один. Привет ему.

Пиши!

Я тебе обнимаю, мой родненький.

Всех целую.

Твоя (Киса — рис.)

(116) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 27 февраля 1933 г.)¹⁵⁹

Кислит мой самый любименький, сегодня послала тебе посылку.

Послезавтра она вылетает и, говорят, 31-ого¹⁶⁰ уже будет в Москве.

Посылаю:

кофе 500 гр. (для Эльзы);

шоколаду — 5 плиток;

Leibniz Keks¹⁶¹ — 1 кор.;
сала копченого — 1 кг или 500 гр. (не помню);
ананас — 1 банка;
колбасы филейной — 500 гр.;
колбасы копч. — 500 гр.

Больше этого сразу посылать нельзя, или тогда уже вдвое.

Посылаю тебе список всего, что можно слать. Напишите поскорее, что вам хочется.

Изо всех сил люблю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

Всех тоже целую.

Где Булька? Кк она поживает?

Завтра попробую послать журнальчиков. Если дойдут, пошлю еще.

(Киса — рис.)

В ночь на 27 февраля гитлеровцы, действовавшие по непосредственным указаниям Геринга¹⁶², подожгли здание рейхстага и, обвинив в этом коммунистов, развернули массовый террор. Двадцать восьмого февраля был издан заранее подготовленный чрезвычайный декрет, отменявший свободу личности, собраний, слова, печати. В числе обвиненных в поджоге рейхстага был находившийся в Германии болгарский революционер-коммунист Г. Димитров¹⁶³.

Из Германии эмигрируют многие деятели культуры и науки, в первую очередь евреи, преследуемые нацистами. Этот «коричневый» Берлин совсем непохож на себя прежнего, каким хорошо знала его Лиля Юрьевна. Конечно, у них были документы, выданные новой властью, которые должны были защитить их от штурмовиков, но оставаться здесь дальше не хотелось, и она буквально считала дни до возвращения на родину.

Вот что докладывал в эти дни М. К. Левандовский¹⁶⁴ наркому К. Е. Во-рошилову о событиях, связанных с приходом Гитлера и его партии к власти, в письме от 28 февраля 1933 года:

Местное внутривластное положение к сегодняшнему дню рисуется в следующем виде: наци в своем предвыборном рвении, за последние 8–10 дней, помимо зверских репрессий по отношению к компартии, самым наглым образом и систематически занимаются травлей Советского Союза и, конечно, не только с ведома, но и при явном попустительстве и прямом покровительстве со стороны правительства [Черушев, 2003. С. 329].

В Академии Генштаба, как и в самом Генштабе, поменялось руководство, пришли новые преподаватели — со свастикой на рукавах. И хотя само преподавание с немецкой педантичностью продолжалось по утвержденной программе, изменился характер отношений наставников и их учеников из страны Советов, по которым без труда угадывались будущие отношения, которые в скором времени сложатся между странами, исчезло взаимное доверие, учеба утрачивала свой смысл...

(117) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 6 марта 1933 г.)¹⁶⁵

Милый мой, любименький Кислит,
Получила письма — твое и Женино.

Хорошо бы, если бы вышло из Таганской квартиры, но «едва ли»¹⁶⁶.

Получила только что письмо от мамы, — разве вы не посылали ей на рождение цветы от меня и от тети Эльзы?!

Я ведь давно посылала вам визитную карточку и записочку!!

В крайнем случае, пошлите nachträglich¹⁶⁷.

Я ужасно огорчена, что поездка нашего приятеля откладывается на неопределенное время, и я опять не знаю, когда же ты получишь свою половинку! Прямо беда!

Я опять перевожу. Мне невероятно скушно, и я ужасно хочу домой.

Писать абсолютно не о чем.

Вчера неожиданно пришел Мессерер — gut Morgen Saske! Не думаю, чтобы ему пришлось здесь потанцевать. Надо сказать, что приехал он не во время¹⁶⁸.

Пишите мне!!!!

Я невозможно тебе люблю и страдаю.

Твоя (Киса — рис.)

(118) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 7 марта 1933 г.)¹⁶⁹

Дорогая, любимая Киска!

Вчера послал тебе длинное письмо, а сегодня узнал, что Ф.¹⁷⁰ едет.

Посылаю тебе:

1). нитку коралл;

2). 2 куклы (лучших нигде нет);

3). «Швамбранию»;

4). 2 бут. «Карданахи» (муската нигде нет, а «Карданахи» считается замечательным вином);

5). Декольманин¹⁷¹ «Кем быть?»;

6). 500 гр. икры.

Приветы передал на словах.

Целую очень, очень крепко.

Твой Ося.

(119) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 8 марта 1933 г.)¹⁷²

Дорогая, золотая, любименькая Кисанька!

«Поговорив по телефону, писать нечего», — это правильная поговорка.

Вот я и не знаю, про что тебе написать. Живем тихо, спокойно, никого не обижаем, и нас никто не обижает.

Работаю я сейчас вот что:

а). вместе с Тренивым сценарий для Госкинопромгрузии про «покоренье Кавказа». Очень интересно;

б). вместе с Олег Л. сценарий для группы Пудовкина и Головни про летчиков, приключенческий. Тоже интересно;

- в). читаю матерьял про «Зубатовщину»¹⁷³ для пьесы;
- г). предложил изд. «Академия» прокомментировать издание «Отцов и детей» и написать обширную вступительную статью, всего листов на 8. По-видимому, они согласятся. Я уже подготавливаю матерьял;
- д). жду, что вызовут в Ленинград на репетиции «Камаринского мужика», которые идут полным ходом;
- е). и всякая разность, вроде заметок, статей, выступлений и пр.;
- ж). «Сборник»¹⁷⁴ слегка откладывается из-за отсутствия бумаги;
- з). о «Базарове» ничего не слышно, потому что Райко и Смышляев болеют, а вахтанговцы заняты «Достигаевым» Горького¹⁷⁵.

При сем 2 записочки, которые мама просит тебе переслать; что там написано, мы не понимаем. Если не сложно и не трудно, пожалуйста, пришли. Ей не очень хорошо. Зрение, хотя и не ухудшается, но все время надо быть под наблюдением врача. А главное, — она очень похудела и развинулась нервами. Надо ее подкармливать усиленно.

Событий никаких не произошло. Видел сегодня Бульку на улице. Она мне очень обрадовалась, но рассталась без слез и весело побежала дальше с домработницей Ясенских. Живется ей хорошо, она сытая и здоровая. Только вдруг гадит посередине комнаты. А когда ее за это ругают, огрызается.

Не знаю, известно ли тебе, что у Луэллы родился сын¹⁷⁶. Я узнал об этом как-то стороной, даже не помню от кого. Подробностей никаких не знаю. Если узнаю, напишу.

Кисик! А может быть, имеет смысл прислать для мамы немножко «[нрзб. латынь. — А. В.]», или «[нрзб. латынь. — А. В.]», или что-нибудь в этом роде? По преискуранту судя, это не очень дорого. А ей будет ужасно приятно и полезно.

О том, что я по тебе ужасно скучаю, писать нечего. Ты это хорошо знаешь.

Я тебя очень, очень люблю. И без тебя мне неинтересно.

Целую тебя, мой родненький, сладенький кисик, и напиши мне, пожалуйста. Поцелуй В. М.

Твой Ося.

(120) Л. Брик — О. Брику, Эльзе Триоле (Берлин — Москва; 10 марта 1933 г.)¹⁷⁷

Дорогие все!

Смотрели в кино «Оперу нищих»¹⁷⁸. Это очень замечательно.

Наш приятель все-таки поедет в этом месяце на несколько дней¹⁷⁹.

Пишите!!!!

Элик, напиши подробно!

Обнимаю, целую крепко. Лиля

(121) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 16 марта 1933 г.)¹⁸⁰

Мой Кислит!

Сегодня получила два письма, на обоих адрес написан твоей рукой — одно от Наташи¹⁸¹, второе от Асеева!!

Погода все время летняя, на деревьях почки.

Писать все время не о чем¹⁸². Все время скучаю по тебе. Если мы в июне не уедем, то, может быть, летом вам удастся приехать¹⁸³!

Приятель наш опять не едет. Лекарство для П. Ю. дам Фаниной знакомой¹⁸⁴.

Лиля

(122) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 20 марта 1933 г.)¹⁸⁵

Мой Кисит!

Вчера мы были в музее и смотрели эту барышню, ей уже почти 4000 лет, но она замечательно сохранилась*. Виталий все это видел в первый раз и очень восторгался и удивлялся.

Были еще вчера вечером на смешной комедии, но рассказать про нее нечего.

Сегодня вечером напишу подробное письмо.

После телефонного разговора я совсем соскучилась и плакала, и не знаю, как мне быть.

Всех крепко целую. Тебя целую 100000000000 раз

Лиля

[*К письму приложена открытка — фотография египетской мумии]

(123) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 21 марта 1933 г.)¹⁸⁶

Любименький, дорогой, золотой, миленький, светленький, сладенький Ослит!

Мы сейчас как сумасшедшие ходим по театрам, тк кк Мельцер¹⁸⁷ дала нам массу дешевых билетов. Вчера были на постановке Рейнгартав Deutsches Theater “Das grosse Weltteater” — пьеса Гофманстала¹⁸⁸. Хуже этого или так же плохо только кино-картина Cecil de Mull’я “im Zeichen des Kreuzes”¹⁸⁹. Ты представить себе не можешь, в какой степени все это плохо!

Я думала, что сверну себе челюсть, — так зевала, а уйти невозможно, тк кк пьеса в одном действии, без антрактов, и продолжается ровно два часа.

Третьего дня были на очень миленькой комедии — перевод с французского, про художников, о том, как торговцы торгуют произведениями искусства, а художники умирают в нищете.

Четвертого дня были на негритянской картине “Hallilulia” King Vigdor’a¹⁹⁰. Забавно, что одни негры и здорово играют, но скучновато и вполне бессмысленно кк по форме, тк и по содержанию.

Чаплин тоже не сверхъестественный — трогательно и men lacht¹⁹¹.

Очень хороша только Dreigroschenoper¹⁹² и по форме, и по содержанию. Ужасно захотелось после этого что-нибудь поставить! Хотя говорят, что в театре это было несравненно лучше.

Грамофон у нас изумительный, только ужасно мало пластинок — совсем нет хороших: старые распроданы, а новые — ужасный хлам. Есть штук десять, и то не сногшибательных. Fluster-пластинок нет ни в одном магазине. Завтра поищу еще.

Лекарство (капли) для П. Ю. должны быть выписаны врачом, тк кк они бывают разной силы. Kapülen¹⁹³ — купила, а Topometer¹⁹⁴ стоит 42 марки, и мне сказали в магазине, что он важнее для врача, чем для пациента. Узнай, нужен ли он действительно; если нужен, то я, конечно, пришлю немедленно. Рецепт капель пришли на всякий случай, хотя я попробую попросить у здешнего врача несколько рецептов.

«Швамбранию» не получила. — Кассиль послал?

Читаю запоем детективные романы.

Магалиф¹⁹⁵ катал нас. Смотрели новый Берлин — Neu Westend¹⁹⁶. Смотрели город Simensstadt, который выстроил Сименс («Сименс и Гальске»)¹⁹⁷ для рабочих. Вроде, помнишь, новых кварталов в Голландии. Полукруглые улицы, балконы, сады, раскраска, плоские крыши и т. д. Все это не заснято. Мы хотим как-нибудь съездить с Виталием и заснять.

Самое лучшее здесь — жесткошерстные фокстерьеры. Их расплодилось несметное множество.

Приятель Ю. М.¹⁹⁸ тебе все расскажет, хотя мы последнее время его почти не видели, — он ужасно занят.

Главное мое занятие — скучаю по тебе и люблю тебя изо всех сил. Не знаю, кк мне быть — очень не хочется бросать здесь Виталия одного, а то сегодня же снялась бы и поехала!

Каждый день новые разговоры о нашем отъезде — он колеблется между июнем и октябрем.

Не забывай меня, мой Кислит, я тебе умоляю!! И люби мне!!!!

Я тебе обнимаю и целую, и обожаю, и люблю, и страдаю.

Целую мордочку и лысинку, и нос, и лапки.

Твоя до гроба (Киса — рис.)

Несмотря на последующую многократную чистку домашнего архива, до нашего времени сохранилось немало писем Л. Ю. с приписками Примакова, но только единственное — отдельное письмо Виталия Марковича, адресованное О. М. Брику.

В. Примаков — О. Брику (Берлин — Москва; 21 марта 1933 г.)¹⁹⁹

Дорогой Осип Максимович,

Я не очень много, но кое-что уже видел в Германии, поездив по юго-западу: был в Штутгарте, Нюрнберге, Тюбингене, Ротенбурге, повидал германскую деревню (у нас в глухом месте возле Ротенбурга, в Швабии, испортилась машина, и мы три часа провели в семье одного смотрителя почты, крестьянина, владельца 40 гектаров земли, у которого в гостях был местный сапожник, — они при нас молились, ужинали, бесконечно разговаривали между собой и с нами о жизни, о налогах, о том, что цены на хлеб, мясо и молоко упали, а налоги выросли после войны).

Приятное впечатление от организации страны — от садов, растущих прямо на полях без оград, от автомобильных дорог, на десятки верст обсаженных фруктовыми деревьями (участки дорог по старой традиции сдают в аренду малоземельным, а деньги за аренду идут на ремонт дороги).

Крестьяне в одежде мало чем отличаются от горожан, только одежда у них грубее и хуже по качеству. Много мы бродили по всяким средневековым замкам, крепостям, городам и городишкам, по улицам в три шага шириной с огромными пятиэтажными домами, но [нрзб. — А. В.] в Нюрнберге и замке Фридриха Барбаросса — жизнь шла убогая и грязная. Воображаю, какая вонь была в Штутгарте возле ратуши, куда сходятся все эти улочки в три шага шириной, когда не было ни водопровода, ни канализации.

Совершенно замечательны новые города Германии — Siemensstadt под Берлином и Штандау — широкие улицы обсажены в несколько рядов деревьями, дома из дерева и бетона, прекрасные формы.

Лиличка говорит, что Берлин мало заснят, — и это верно, снимков таких домов я не видел, а они нам очень нужны для нашего нового строительства.

Я бы настаивал иначе строить наши новые дома в Свердловске и Челябинске, если бы видел эти снимки. Очень здорово выглядят.

Как поживает наш сборник²⁰⁰?

Очень его тянут?...

Сердечный привет Евгении Гавриловне.

Очень жаль, что Вам нельзя сюда приехать²⁰¹. Помните, был такой американский роман — «Джентльмены предпочитают блондинок»? Здесь не джентльмены тоже предпочитают блондинов, и на улицах это очень чувствуется²⁰².

Но мы организуем хорошую [нрзб. — А. В.] в Ростове²⁰³, кк только вернемся.

Крепко целую. Виталий.

(124) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 23 марта 1933 г.)²⁰⁴

Любимый мой Осик,

Посылаю тебе:

1. Увеличилку (вторую половину) [зачеркнуто Л. Ю. — А. В.]
2. Туфли
3. Три галстука (тебе, Олег Леон. и Вал. Михайловичу²⁰⁵)
4. Восемь плиток шоколада
5. Кубики — eine Alpenlandschaft²⁰⁶ (отняла у Леночки²⁰⁷)
6. Граммофон, десять пластинок, пять кор. иголок (ключик в отделении для иголок) [зачеркнуто Л. Ю. — А. В.]
7. Немножко журнальчиков, старые газеты (нац. -соц.), две книжки Брехта (в одной вложена статья про музыку), книга Отвальда²⁰⁸, книга Heiden'a²⁰⁹.

7а. Winkelsucher²¹⁰

8. Бумага и конверты для моей мамы

9. Kanülen и Kreuzwortratsel для П. Юр.²¹¹

Пуговицы для Нади Штеренберг

Фото-бумага.

Больше ничего! Ужасно обидно, что так мало!

Посылаю тебе ответ на «Базарова»²¹². Пришли непременно и кк можно, скорее «Клеопатру». Я думаю, что это единственное, что здесь

сейчас можно пустить в ход. Пришли через «старика». Спроси Ф.²¹³, как это сделать.

Я написала письмо Драйзеру²¹⁴ о том, чтобы издать в Америке Володину прозу и статьи о нем — сегодня отправила.

Не посылай ничего печатного по почте — все равно не дойдет.

Ты не представляешь себе, что здесь творится²¹⁵.

Попроси Ф. рассказать.

Пластинки не очень хорошие. Dreigroschenoper мы увлекаемся, поэтому купила все, что записано. Запись неважная, но хорошая — распродана [зачеркнуто Л. Ю. — А. В.].

Третьего дня отправили тебе подробное письмо.

Дамских вещей Ф. на этот раз взять не может.

Виталий прилежно учится. Ходили в кино.

Знакомых не осталось — все, решительно, разъехались. Сам понимаешь! [курсив мой. — А. В.]

Ужасно тебе люблю и целую.

Напиши, рад ли ты подаркам [зачеркнуто Л. Ю. — А. В.].

Еще целую.

Твоя Лиля (Киса — рис.)

Кислит, пришли мне с Ф. длинную коралловую цепочку (она в красной картонке), старые коричневые туфли, которые на двух пуговках и сзади рваные — мне их тут замечательно починят, как новые.

Круг в граммофоне — специально для того, чтобы держать в нем пластинки. Его нужно снимать, когда играешь [зачеркнуто Л. Ю.].

Пришли парочку кукол на чайники — для подарков и 2 б. Муската.

Ф. в последний момент не смогла почти ничего взять.

(125) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 24 марта 1933 г.)²¹⁶

Любименький мой Кэс!

Про все тебе уже написала. Не забудь звонить Ю. М.²¹⁷

Напиши мне подробное письмо! Я всех целую и по всем скучаю.

Надо бы все-таки восстановить всю квартиру на Таганке²¹⁸.

Всех целую и тебя крепко.

Твоя (Киса — рис.)

(126) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 29 марта 1933 г.)²¹⁹

Дорогая, любимая Киска!

Большущее тебе спасибо. Все очень замечательное и интересное. Насчет половинки не расстраивайся, — поспеется.

У нас все в порядке. Я нашел маме старушку, которая за ней ходит, убирает, разогревает обед, читает вслух, штопает белье и т. п. Мама очень довольна и чувствует себя превосходно. Старушка — проходящая. Приходит в 12 ч. дня и уходит в 7 ч. вечера.

Работы у меня очень много, даже слишком. Сценарий для группы Пудовкина, сценарий для Госкинопромгрузии²²⁰ и еще сценарий по повести Жида для Бюнюэля²²¹ (приятеля Арагона), потом выступленья о Володе²²²,

потом репетиции «Базарова» и т. п. Но главное занятие — покупать книжки. Их много, и они очень дешевые, те, которыми я интересуюсь.

В конце апреля мне придется, должно быть, поехать в Тифлис сдавать сценарий. Я очень доволен. Поеду за их счет и посмотрю Тифлис, который, как известно, никогда не видел. Время самое подходящее — весна и не жарко.

В Ленинград меня никто пока не вызывает. Думаю, там все в порядке. В газетах пишут, что готовится премьера «Камаринского».

О знакомых рассказывать нечего — во-первых, я мало кого вижу, во-вторых, все живут тихо, в-третьих, все тебе пишут.

Берзина²²³ рассказывала, что какой-то таджик, ее знакомый, влюбился в Бульку и заявил, что без Бульки домой не поедет. Берзина испугалась, что он Бульку украдет, и стала ему спешно подыскивать другую собаку. Но тот ни на что не соглашался и требовал Бульку. Берзина была в панике и даже звонила Бутлерам, спрашивала, нет ли чего из Булькиного потомства, но ничего не оказалось. Так таджик и уехал с разбитым сердцем.

Арагоны уезжают между 1 и 5 мая. Они здесь хорошо акклиматизировались и, должно быть, вернутся обратно²²⁴.

На-днях пойду на концерт Половинкина. Он сделал из музыки к «Цыгану» две симфонии и будет их исполнять, дирижируя оркестром.

Мне опять предлагали перетекстовать «Жизнь за царя»²²⁵, но я отказался.

Насчет балета был у меня разговор с Юткевичем²²⁶. Его пригласили в Ленинградский мюзик-холл, который хотят реорганизовать в театр хореографически-цирко-эстрадного жанра. Ему кажется, что там можно было бы поставить «Цыгана». Посмотрим.

В кино ничего интересного. Пудовкин никак не может закончить картину²²⁷. Эйзенштейн что-то начал делать, кажется, комедию²²⁸. Александров, как будто, собирается ставить обозрение с пением и танцами²²⁹. Барнета все очень хвалят за «Окраину», и он веселый²³⁰. Кулешову сказали, что он должен сначала поставить свой сценарий, как пьесу, — показать ее дирекции, — и если спектакль одобрят, то ему позволят его заснять. Сценарий это тот самый, который он писал с Курсом²³¹.

Пиши мне почаще, хотя бы открытки, а то мне будет беспокойно.

Целую тебя очень, ужасно крепко.

Люблю тебя изо всех сил.

Пиши обязательно.

Твой Ося.

В. М. целую. Спасибо ему за письмо²³².

(127) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 6 апреля 1933 г.)²³³

Любимое, родненькое солнышко!

Телефон так неожиданно оборвался, что я даже не успел тебя поцеловать. Так вот — целую тебя мильон двести тысяч раз!!!! — и пишу тебе письмо.

В этом месяце у меня дикая работа. Придется массу раз выступать с докладами о Володе. 12-го и 14-го будут большие вечера в Политехническом

музее. А кроме того, меня уже приглашали в разные клубы на 11, 16, 17 и 20-е и будут звать еще. Потом все газеты хотят так или иначе отметить годовщину и просят матерьял. Интерес к Володе огромный.

Очень понравился всем сборник Володиных стихов, изданный «Федерацией», тот, который мы с тобой подбирали²³⁴. Весь тираж уже распродан. Случайно выяснилось, что ЛенГИХЛ, никого не спросив, выпустил сборник Володиных стихов по «Школьной серии»²³⁵, тираж 35000, цена 85 коп. Подбор стихов удачный и вообще хорошо, что такое дешевое издание выпущено, но все-таки это не порядок. Катаньян был в ГИХЛ и заявил протест. Они обещали тут же написать в Ленинград и выяснить, в чем дело, а также оформить материальную сторону дела.

Мой доклад 31-го марта в Университете был на специальную тему — «Маяковский: от ЛЕФа к РАППу», т. е. история возникновения ЛЕФа, роспуск ЛЕФа, РЕФ и вступление Володи в РАПП. Я доказывал: 1) что вступил Володя в РАПП не случайно, а что мы все время частично с рапповцами были связаны; 2) что Володя вступил в РАПП, не отказываясь от своего левовства, а с тем, чтобы дискутировать внутри рапповской организации и 3) что РАПП был для Володи ценен не сам по себе, а как сборный пункт консолидации сил на литературном фронте. Все это подтверждал многими цитатами из «ЛЕФа», «Нового ЛЕФа», из газет, журналов и неопубликованных протоколов и записей. Слушали очень внимательно и с большим интересом. Были, главным образом, вузовцы и вообще молодежь. Стенографистки не было, но у меня составлен подробный конспект, и весь материал подобран. Думаю, что нетрудно будет сделать из этого большую статью, или даже главу будущей Володиной биографии.

Обо всех вечерах и выступлениях я тебе буду подробно писать. И про все, что будет напечатано в газетах.

Пока я писал это письмо, пришла к нам, можешь себе представить! — Кристина Александровна — помнишь, сестра Васички Петрова²³⁶! Я ужасно удивился. Она седая и старая. У нее муж и двое детей (12-ти и 10-ти лет). Они приехали из Калуги вместе с матерью (она жива еще!) — и вот разыскала меня, оставила адрес и просила написать, когда я смогу принять ее с мужем, чтобы поговорить. Она куда-то спешила, и я с ней ни о чем не поговорил. Очень меня это поразило. Очень уж неожиданно и как-то совсем из другого мира.

А вообще событий никаких особенных нет. Мелочи такие:

Галя Катаньян забеременела и будет делать ребенка, чтобы выздороветь от всех своих болезней.

Вал. Мих.²³⁷ совсем пропал, и я не могу никак добиться передать ему галстук. Обещал заехать, не заехал. А потом звонил, — меня не было.

Лева перешел работать на кинохронику, что я очень приветствую. Он очень влюблен, но, кажется, не очень взаимно.

Мама живут хорошо, не жалуются.

Бумагу я отдам, — не сердись, что задержал. Жалко было расставаться.

Коля Денисовский рисует два конных портрета (Ворошилова и Буденного) и стал спецом-лошадником. И ходит горделивый.

Фаня²³⁸ ужасно милая и делает для меня все, что ни попрошу.

Ксаник²³⁹, по-прежнему, в одиночестве, но за ней очень ухаживает некто Канторович (журналист), который ее повсюду водит.

Кольку²⁴⁰ я совсем не вижу.

Петя Незнамов подработал немного денег, купил себе ботинки и ходит веселый и беспечный.

Женя кончила курс лечения, и оно пошло ей на пользу. Сейчас она возится с маленькой Валею (Пашиной дочкой)²⁴¹, у которой уже третий день температура 40° с лишним. Врач опасается, что тиф.

Башмаки замечательные! Мне жалко их одевать, и я держу их в бюро, чтобы не пылились и чтобы их не стащили.

Погода более или менее весенняя. Уже стаяло, но мокро и холодновато.

Олег Л. очень расстроился галстуком и посылает тебе при сем письмецо.

Всероскомдрам предполагает издать сборник сценариев, имеющих литературную ценность²⁴². Это очень интересно. Я хочу им дать Володин сценарий «Позабудь про камин». Из моих они просят «Премьеру»²⁴³. Но я еще не знаю, стоит ли ее печатать.

Деньгами я обеспечен. Даже имею запасы на сберкнижке.

Вот видишь, Кисик, сколько я тебе написал!

И ты пиши, хотя бы открыточки.

Все тобой ужасно интересуются и все время спрашивают, нет ли чего от тебя.

Насчет лета мы еще ничего не думали. Но главная забота — это моя мама. Ее обязательно надо куда-нибудь устроить, причем не одну, а с ее старухой²⁴⁴. А куда, не знаю. Фрида²⁴⁵ что-то комбинирует насчет совместной дачи в Кусково, но, боюсь, что для мамы там будет отдых неважный. Попробую устроить их в какой-нибудь пансион на все лето. Кажется, такие есть.

Ну, Кисанька, любимая, миленькая, очень, очень, очень тебя целую.

Люблю и страдаю.

И крепко-крепко обнимаю.

Твой (Кэт — рис.)

(128) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 7 апреля 1933 г.)²⁴⁶

Мой дорогой, золотой, любименький, единственный на свете Кислит!

Писать совсем нечего, кроме того, что я очень по тебе скучаю и все больше тебя люблю.

Ты мне 14-ого не звони, тк кк я сообразила, что ты в этот день заматаешься, и тебе будет трудно, а я буду ждать, и получится только для всех неприятно.

Виталий приедет завтра вечером или послезавтра утром. Он влюбился в Рубенса и бегает по картинным галереям.

Ая, кажется, прочла всего Уоллеса²⁴⁷, — он почти весь имеется в библиотеке нашей хозяйки. Она переехала в освободившуюся квартиру Брехта²⁴⁸, и мы теперь в нашей квартире одни — это очень приятно.

Письма твоего все еще не получила — что же это такое?

Как Женино здоровье?

До чего хочется в Ростов! Игошев²⁴⁹ написал, что он уже перевез в квартиру мебель. Я купила изумительный чайник со свистком и печочки для входных дверей и крючочки, чтобы вешать чашки.

Вит. все мечтает съездить в Монте-Карло и выиграть миллион.

Я всех очень крепко целую.

Целую твои шарик и лапки.

Твоя (Киса — рис.)

(129) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 15 апреля 1933 г.)²⁵⁰

Сладенькая, очень любимая Киса!

Вчера выступал в Полит. музее и в театр. клубе²⁵¹. Интерес у всех огромный. Требуют, чтобы читали Володины стихи. Семку совсем замучили.

Чтецов (Яхонтова²⁵² и др.) заставляют без конца «бисировать».

Стихи звучат, как будто написаны сегодня.

Очень крепко тебя целую.

Твой Ося.

Все наши ужасно тебя целуют и скучают.

[Открытка. «Свердловск. Площадь 1905 г. Июль 1930 г.»]

(130) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Берлин — Москва; 19 апреля 1933 г.)²⁵³

Мой любимый, единственный Кислит,

Спасибо за подробное письмо — ужасно приятно читать.

Были в ЗОО, — попали на свадьбу белых медведей — ужасно симпатично.

Пришли с Эльзой «Клеопатру»²⁵⁴. Наш приятель еще не приехал. Пусть Эльза спросит у Эк. Влад.²⁵⁵, что привезти для красоты и для всяких приемов у Регины²⁵⁶ — что кому написать.

Пиши мне, мой родненький. Инш-алла, скоро увидимся. Люблю тебя.

Целую всех! Тебя целую 10000000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Привет. Крепко целую. Виталий

(131) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 21 апреля 1933 г.)²⁵⁷

Мой самый любимый на свете Кислит!

Возьми у Валерия Михайловича²⁵⁸ пилоккарпин, если он тебе его еще не отдал.

Напиши мне, какие стекла у тебя в очках и нужна ли Жене лорнетка; если нужна, то какие стекла.

Передай Леве, что Миша и Нина сюда пока не собираются²⁵⁹.

У Виталия сегодня кончились пасхальные каникулы, и он вчера вечером готовил уроки и укладывал ранец, а сегодня встал на час раньше, чем нужно. Выяснилось, что в мае и в июне он почти не будет в Берлине, но когда я сказала, что поеду тогда домой без него, он совершенно неожиданно заплакал! (только никому про это не говори), тк что мне придется его дожидаться.

Он долго сморкался и вытирал слезы — ужасно он смешной и милый. Вчера мы ходили в картинный музей, смотрели всяких Тицианов.

У меня от чтения уже глаза болят.

Ты себе представить не можешь, до чего я соскучилась, — все время про тебе думаю. Если б узнать точно срок отъезда!

Ужасно приятно получать твои письма и открытки. Пришли список самого нужного и не самого нужного — на всякий случай.

Я тебе люблю!!! и страдаю!!!

Целую мой родненький шарит и чес, и лапки, и обнимаю изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

(132) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 25 апреля 1933 г.)²⁶⁰

Милый мой, любимый Кислит,

пусть Эльза возьмет у Ципкиной²⁶¹ список того, что ей нужно. Я в последние дни так привыкла к твоим письмам и открыточкам, что мне сейчас без них совсем скучно.

Ты мне пиши! Думаю, все-таки, что мы приедем не позднее начала июля.

Целую всех. Люблю и страдаю.

Твоя (Киса — рис.)

Здесь очень много развелось таких гусениц*. Выходит, что мы Бульку совсем отдали^{262?} Это неправильно! Позвони ей по телефону и поцелуй от меня.

[*Открытка. На ней — фото двух собачек Max und Moriz, похожих на мохнатых гусениц.]

(133) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Берлин — Москва, 25 апреля 1933 г.)²⁶³

Любимый мой Кислит,

Ты давно ничего не пишешь.

Сегодня приехал приятель, но я его еще не видела, — может быть, он что-нибудь расскажет о тебе.

Ужас, до чего я соскучилась!

Интересно, кормит ли этот таксик котеночка молоком*

Целую тебя, мой сладенький и всех целую.

Твоя (Киса — рис.)

Целую. Виталий.

[*Фототкрытка. На лицевой стороне — собачка с котенком.]

(134) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 30 апреля 1933 г.)²⁶⁴

Очень дорогая, очень любимая радость Киса!

Мне показалось в телефон, что у тебя расстроенный голосок, и я огорчился. Правда, так было? Или мне показалось.

Дела мои идут по-прежнему:

Кончил сценарий для Госкинопрома, называется «Аул Шапсугар» (историческая кино-повесть из эпохи борьбы горцев с царским империализмом —

1857 г.). По-моему, получилось хорошо. Перепечатаю и пошлю в Тифлис. А потом, очевидно, придется самому туда поехать. Женя тоже просится в Тифлис, но, боюсь, что это будет слишком дорого.

«Камаринский» идет полным ходом (репетиции)²⁶⁵. Желобинский то и дело требует от меня новых вставных арий. Приходится писать. Ничего не поделаешь. Написал для Шуйского, для Болотникова (перед началом 8-й картины), теперь требует для Пашкова. Опера!

Володина годовщина прошла очень хорошо. Было очень много вечеров. Я лично выступал на 10 вечерах. А много было без моего участия. Тон вечеров был боевой, главным образом, не про Володю лично, а про его литературное направление, про его «творческий метод». Это было очень правильно и сразу сделало Володю совершенно актуальным. «Комс. правда» поместила его давнишнее стихотворение «Вредитель»²⁶⁶ и казалось, что он его написал теперь, к процессу англичан. Во всяком случае, оно звучит в тысячу раз лучше, чем сегодняшние стихи Семки, Кольки²⁶⁷ и Безыменского на эту тему в «Правде».

Постановка «Базарова» в Семперантэ заштопорилась. Смышляев никак не справляется с вещью. Мы с О. Л. смотрели «черновой прогон», т. е. всю с начала до конца. Это абсолютно бездарно. Театр с нами согласен. И решено пригласить другого режиссера, а премьеру отложить на осень.

Копался в стихах Блока и Андрея Белого и нашел у них истоки Володиных ранних стихов. Совершенно точно. Почти те же интонации и словосочетанья. Потом читал дневники и записные книжки Блока и понял, почему так. Именно Блок и Белый были тронуты особым «демократизмом» в отличие от других символистов типа Брюсова, Бальмонта, Вячеслава Иванова. У Блока демократизм городской, а у Белого — деревенский, народнический, с истерикой. Вот тут и нащупывается связь. Это очень интересно, и я копаю дальше.

Вчера у нас был литературный вечер. Эрдман, по просьбе Эльзы, читал своего «Самоубийцу»²⁶⁸. Были Кирсановы, Воловичи, Штеренберги²⁶⁹, Эльберт²⁷⁰, ну, Арагоны, я, и, кажется, все. Читал он очень здорово. Все признали, что вещь очень талантливая, но совершенно невозможная, абсолютно чужая²⁷¹. Он был, по-видимому, смущен и сопротивлялся слабо.

Я чтения не слушал, а работал с Олег. Леон., с которым мы закончили сценарий из практики гражданских летчиков под названием «Под личную ответственность». Это для Головни. Кажется, получилось прилично.

Пудовкин все еще монтирует «Дезертира». Никак не может кончить. Когда спрашиваешь Головню, хорошая ли получилась картина, он отвечает уклончиво: «большое полотно». Не знаю, хорошо это или плохо; думаю, что скучно.

Была «премьера» (!) «Евгения Онегина» в Большом театре. Все говорят, что декорации Исаака Рабиновича²⁷² — потрясающие.

Приезжал Хренов²⁷³. Толстый, розовый, веселый. Он очень доволен жизнью. Усиленно расспрашивал про тебя. И, видно, очень тебя любит, и по тебе скучает.

Твою маму видел сегодня. Она здорова и ни на что не жалуется. По крайней мере, мне.

Моя мама страшно тебя благодарит за «поликарпил». Теперь ей хватит надолго.

Киса! Вязаные рубашки, которые ты мне как-то прислала, после стирки сели и стали мне узки. Я не могу их носить. Но они мне ужасно нравятся. Надо брать с запасом. Пишу это на всякий случай!

А так мне решительно ничего не нужно. У меня все есть. Если что вспомню конкретное, напишу.

У Гали Катанян с младенцем ничего не получилось и пришлось сделать аборт.

Женя чувствует себя неважно. Возится с хозяйством, потому что Виталий²⁷⁴ от ресторанной еды захирел, и его приходится кормить дома. Лечит нервы. Пьет какую-то микстуру. И систематически недосыпает.

Очень симпатичная твоя карточка на большом пальце «полуголого оборота», как называет его В. М.²⁷⁵. Я разглядывал твою мордочку в увеличительное стекло. И, по-моему, ты выглядишь хорошо. И все такого же мнения.

Свешников (старший) очень хорошо перешил мне 2 пары брюк и куртку. Но взял дорого — 300 руб(!). Пальто пока еще не шил. Заболел.

Видел сегодня на улице Зину Свешникову. Говорю, что Женя тебе пожаловалась, что она от нас отшатнулась. Зина протестует, говорит, что только немножко «замоталась».

Несколько раз играли у нас в «ма-джонг». Очень интересно. «Рамс» надоел окончательно.

Но, вообще, чувствуется конец сезона. Все ходят злые, переутомленные. Разговоры не клеятся. И хочется спать.

Вот, Кисик, все, что я имею тебе сообщить. Самое главное, это то, что я тебя ужасно люблю и очень без тебя скучаю. Пожалуйста, не забывай про это и пиши мне чаще.

Целую тебя много миллионов раз и еще гораздо больше.

Твой Ося.

Вит. М. очень поцелуй.

(135) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Берлин — Москва; 1 мая 1933 г.)²⁷⁶

Кислит!

Мы тут вчера были²⁷⁷. Цветет все изумительно. Стреляли в тире и Вит. выиграл очень смешную игрушечную жесткошерстную собачку. Сегодня мы едим икру, пьем вино и переводим картинки «Кем быть»²⁷⁸. Ноты Ф. забыл принести — принесет сегодня²⁷⁹. Вечером, инш-алла, будет известно, когда мы едем.

Спасибо за подарки, мое солнышко. Всех целую. Ужасно люблю.

Твоя (Киса — рис.)

Крепко целую. Виталий.

[Фототкрытка подписана: Baumblüte Werder a. N. Restaurant Friedrichshöhe.

См. рис. на с. 165.]

Ресторан «Фридрихсхё» на возвышенности в Вердере, цветущие деревья. Фотооткрытка

(136) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 5 мая 1933 г.)²⁸⁰

Мой кислит!

Опять звони немедленно и все время Ю. М.²⁸¹ насчет половинки и остального. Пожалуйста, позвони в ВОКС и узнай, получили ли они письмо музыканта Саши Парнеса и что они думают ему ответить. Это Леночкин мальчик.

Вчера была у нас Лизавета²⁸² и рассказала все московские новости.

Все еще неизвестно, когда поедем!

Ужасно люблю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

(137) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 7 мая 1933 г.)²⁸³

Кислит, любименький,

Пишу под впечатлением того, что Ф. уехал, не позвонив мне, и даже не отдал мне твои ноты! А у меня приготовлен для тебя и Жени очень интересный чемоданчик! Я даже расплакалась, когда узнала, что он уехал!! Получила ваши письма и сегодня вечером напишу еще. Вит. приедет 9-ого на один день. Про отъезд еще неизвестно.

Люблю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

Когда едут Арагончики?

(138) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Берлин; 7 мая 1933 г.)²⁸⁴

Золотая, любимая Киска!

Я — в Ленинграде на репетициях «Камаринского». Очень здорово! Премьера предполагается в конце июня. Может быть, вы к тому времени уже приедете. Это было бы замечательно.

Очень, очень крепко тебя целую.
Твой Ося.
Привет В. М.
[Открытка. «Ленинград. Троицкий мост».]

(139) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 12 мая 1933 г.)²⁸⁵

Дорогая моя, любимая Кисанька!

Я только что вернулся из Ленинграда, откуда писал тебе открытку, каковую ты, надеюсь, получила.

«Камаринский» репетируется полным ходом. И то, что я видел и слышал, мне очень нравится. Эскизы декораций замечательные (делал, такой есть художник, Левин). Музыка очень хорошая. Театр, вообще, в восторге. За мной страшно ухаживают и уже заказали писать новую оперу. Я написал краткое либретто по повести Павлова «Именины» (1835 г.)²⁸⁶, им страшно понравилось и, по-видимому, я это и буду делать. Желобинский в восторге и ходит за мной по пятам. Он очень славный и талантливый.

Кое-что пришлось переделать. Кое-что выкинуть. Многое хорошее в чте-нии на сцене не получается никак. Совсем пришлось переделать 1-ю картину (пролог). Получилось много эффектней, сценичней. Дело в том, что нельзя показать героя (Болотникова) на одну минуту, в конце картины, и сразу же его убрать. Публика не успеет ничего понять, потому что для нее «Болотников» — пустой звук. Надо его побольше показать. Поэтому я сделал так: «Песнь о бобыле» поется сейчас же после «Колыбельной», как мечты о победе. Затем идет, как было. А потом, во время купли-продажи, Болотников делает попытку бежать, но неудачно, — его ловят и хотят наказать плетьюми. Но в последний момент он все-таки (с помощью нескольких парней) убегает.

Актеры очень заинтересованы оперой. Все хотят петь. Иринок набралось уже 8 штук. Все учат роли и репетируют. Самосуд²⁸⁷ говорит, что вещь получилась первоклассная. Первая за 15 лет настоящая советская опера, которая может вполне конкурировать с классиками. Я слышал с оркестром и с певцами 4-ю картину (у Шуйского) — это очень здорово. На сцене одни мужики, ни одного женского голоса (5 басов!), разговаривают про политику и впечатленье огромное. Очень в этой картине хороша музыка.

В начале июня мне придется опять съездить в Ленинград, когда начнутся репетиции на сцене. Я поеду с удовольствием.

Ужасно странно, когда люди говорят слова, которые ты сочинил и разыгрывают сцены, которые ты придумал. Актеры очень хвалят текст. И старые оперы уже сразу показались им безобразно бессмысленными. Это уже очень много. Самосуд, который все время говорил, что слов все равно не будет слышно, теперь страшно заботится, чтобы все было слышно.

Вообще, пока все идет очень благополучно. Посмотрим, как будет на премьере.

Целую тебя крепко, крепко.

Очень без тебя скучаю. Не с кем слова сказать.

Я тебе еще напишу очень скоро.

Твой Ося.

Р. С. Кисанька! Вторую половинку я получил. Ужасно спасибо! Но, по-видимому, должна быть еще 3-я половинка, самый металлический стержень, на который вся штука насаживается. Что с ней? Я сам не ходил за половинкой. Ходила Женя, когда я был в Ленинграде, поэтому я никого не видел и ни с кем не говорил.

Я до того был занят в Ленинграде, что даже не успел зайти к Лушке²⁸⁸. Она живет очень далеко, а у меня фактически не было свободной минутки.

К тому же, я спешил обратно в Москву, чтобы застать еще Арагонов, которые сегодня уезжают. С поездкой в Тифлис еще ничего не известно²⁸⁹. Я послал туда сценарий и жду ответа. Особой охоты туда ехать у меня нет. Не хочется далеко уезжать от «Камаринского».

Никаких подарков тебе не посылаю.

Во-первых, абсолютно нечего. А во-вторых, Арагоны и так уже перегружены.

Маргарита Ивановна (жена Олег. Леон.) просит, если не трудно, привезти ей какие-то эссенции по прилагаемому списку, но я сказал, что ты едва ли сумеешь это сделать, так как нет денег. Посылаю на всякий случай.

Еще раз очень, очень тебя целую. Люблю и страдаю.

Ося.

(140) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 13 мая 1933 г.)²⁹⁰

Любимый мой Кислит,

Это мы с Магалифом²⁹¹ на Afrikanische Strasse.

Мне звонили сегодня, что в 6 ч. будет разговор с Москвой, а потом позвонили, что повреждение!

У-у-у-у!!!!..

Ужасно крепко целую тебя и люблю.

Твоя (Киса — рис.)

[Фотография: Л. Брик, Э. Триоле, Л. Арагон]

(141) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 15 мая 1933 г.)²⁹²

Мой единственный, любимый Кэс!

Я все время думаю только о тебе, о «Камаринском» и о третьей половинке, которая потерялась. Напиши непременно, нашлась ли она и, если не нашлась, то подробно напиши, какая это часть. Я сейчас же докуплю и привезу.

Мечтаю попасть на премьеру «Камаринского»! Неужели же свершится такая жестокая несправедливость, и чужие, нелюбящие люди увидят его раньше меня!!!? Даже ноты Ф. мне не отдал^{293!}

Писать совсем не о чем, жизнь моя неинтересная — скучаю и хожу в кино. Что ж Барнет не едет?

20-го поеду на машине с Магалифом в Гамбург на два-три дня. Обратное мне придется ехать поездом, тк кк М. торопится в Берлин.

Привезу Желобинскому галстук за «Камаринского»!

Кислит! Миленький мой!

Если б ты видел, как я рада твоим письмам, ты писал бы мне 3 раза в день или даже пять раз в день.

Как живет Булочка? Позвони ей по телефону и передай привет.

Кк тебе живется без Арагонов? Ты опять без денег? Очень трудно без распределителя²⁹⁴? ГИХЛ платит какие-нибудь деньги за Володу?

Напиши подробно про все бытовые дела.

Я тебя люблю и страдаю...

Целую очень нежно мою любимую мордочку, и шарит, и чес, и лапки.

Твоя до гробовой доски.

(Киса — рис.)

(142) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 18 мая 1933 г.)²⁹⁵

Кислит!

Ответь мне на три вопроса: получил ли ты Winkelsucher? Отчего мне не отвечает Нина Вл.²⁹⁶? Справлялся ли ты в ВОКСе о Саше Парнесе²⁹⁷?

Хотя до нашего отъезда еще 6 недель, но я уже пакую вещи, до того не терпится!

Пиши мне, мой сладенький, родненький.

Поцелуй Женю. Всем привет.

Обнимаю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

(143) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 20 мая 1933 г.)²⁹⁸

Милая, любимая, единственная Киса!

Я ужасно без тебя скучаю и прямо не могу дожидаться, когда ты приедешь.

Эльза успела-таки наболтать тебе всякого вздора и расстроить тебя совершенно зазря. Живу я в материальном отношении прекрасно. Денег хватает. Продукты покупаем на рынке²⁹⁹. И без Эльзы стало денег уходить на еду много меньше, потому что Арагоны привередничали, и то того, то другого не едят. А денег у них было много, — даже девать некуда было. Вот они и транжирили, и мне приходилось тянуться за ними, чего я не люблю. Поэтому я сказал Эльзе, что такое хозяйство мне не по деньгам, что у меня таких денег нет. Вот и все. Она, было, обиделась, но я на это даже вниманья не обратил. В общем, я рад, что они уехали. Последнее время они как-то очень распространились. Галдели, шумели. Уходили, приходили, обедали, когда вздумается, ни с кем и ни с чем не считаясь. Наташа³⁰⁰ говорила: «Все французы такие». Какая-то богема на инснабе. Я этого не люблю.

Дел у меня всяких много. Начал писать новое либретто для оперы, о котором я тебе, по-моему, писал — на сюжет рассказа Павлова «Именины». Но это, конечно, не то, что «Камаринский». Так, — опера по всем правилам оперного искусства. Делаю ее специально, как подарок Желобинскому.

Из Тифлиса ни слуха, ни духа³⁰¹. Не понимаю, в чем дело. Возможно, что письма долго ходят, и ответа еще быть не могло. Жду.

Насчет половинки дело обстоит так. Юл. Мих. не могу поймать — ее все дома нет. А не хватает вот чего: металлического толстого стержня, который

Уленхорстер Фэрхаус-Бухт, Гамбург. Фотооткрытка

привинчивается к нижней доске и на который насаживается самый увеличительный аппарат. Это не деталь, а крупная часть. Затеряться она не могла. Скорее всего, что она осталась у кого-нибудь в чемодане. Но беда не велика: такой стержень можно и у нас сделать. Я уже справлялся.

А что мне привезти, — я прямо-таки, не знаю. Пожалуй, немножко белья: кальсоны, носки, верхние рубашки, но не крахмальные с манжетами и воротниками, а мягкие, летние. А так мне ничего не нужно и специально ничего не хочется. Хорошо бы захватить немного фотобумаги для увеличения — размером 9×12 . Здесь бумага плохая.

Вообще, мне только хочется, чтобы ты приехала. Об остальном даже думать неинтересно.

Мама твоя в порядке.

Моя мама хворает. У нее бронхит. Она стала нервная и все время ноет. Забот с ней много.

Целую тебя крепко, очень крепко.

Я очень тебя люблю и очень жду.

Твой Ося.

(144) Л. Брик — О. Брику (Гамбург — Москва; 21 мая 1933 г.)³⁰²

Миленский Кислит,

мы сидим в этом замечательном ресторане* Вижу такие лодочки.

Очень крепко тебе любим.

Твоя (Киса — рис.)

[*Фототкрытка подписана: Hamburg Uhlenhorster Fährhaus-Bucht. См. рис.]

(145) Л. Брик — О. Брику (Гамбург — Москва; 21 мая 1933 г.)³⁰³

Кислит!

Мы ходим по Гамбургу и скучаем по тебе, и обнимаем, и целуем тебя и Женю, и всем кланяемся, и Булечке.

Целую 1000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка. Край открытки с допиской — Примакова? — срезан.]

(146) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Гамбург — Москва; 22 мая 1933 г.)³⁰⁴

Мой Кислит,

На этом пароходе* я была. Зверев у Голембека³⁰⁵ я тоже смотрела.

Вит. ездил отдельно, со своей группой³⁰⁶. Сегодня опять разъезжаемся. Я — в Берлин, а Вит. в Киссинген³⁰⁷, куда я тоже съезжу дня на четыре.

Крепко целую тебя и Женичту.

Твоя (Киса — рис.)

Витавет³⁰⁸.

[*Фототкрытка: пассажирский лайнер “Pentschland”, курсирующий на линии Гамбург — Америка; водоизмещение — 21 000 тонн, длина 191 м, ширина 24 м, 1 300 пассажирских мест, экипаж — 450 чел.]

(147) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Киссинген — Москва; 25 мая 1933 г.)³⁰⁹

Милый мой Кэс,

здесь очень красиво и удобно*. Живем мы в этой гостинице. Пьем водичку. Сегодня гроза и дождичек, и я грозы бою.

Часть половинки, если она не найдется, мы тебе привезем, тк что ты не заказывай.

Крепко тебе люблю. Поцелуй Женичку.

Целую.

Твоя (Киса — рис.)

Сердечный привет Е. Г.³¹⁰ Крепко целую.

Виталий.

[*Фотооткрытка. Подпись: Bad Kissingen. Hotel Victoria und Kaiserhof]

(148) Л. Брик — О. Брику (Киссинген — Москва; 27 мая 1933 г.)³¹¹

Осик,

почему ты не отвечаешь на мои вопросы?

Напиши, какие тебе нужны очки. И нужна ли Жене лорнетка или очки?

Какой адрес Полины Юрьевны? Сейчас же мне ответь!

Не откладывается ли премьера «Камаринского»?

Я все думаю, куда нам поехать летом. Думаю, что тебе и Жене хорошо бы в Кисловодск и Ессентуки — покататься в нарзанах и грязях. Все это можно будет устроить.

Целую головку и лапки 1000000000 раз.

Твоя Лиля.

(149) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Киссинген — Москва; 28 мая 1933 г.)³¹²

Кислит!

Сейчас идем гулять и сниматься, и завтра пошлем тебе карточки.

Целуем тебе и ужасно любим.

Твоя (Киса — рис.)

Виталий.

[Открытка]

(150) Л. Брик — О. Брику (Киссинген — Москва; 29 мая 1933 г.)³¹³

Мой любимый, единственный на свете Кислит-Осик,

мы здесь живем очень хорошо, пьем водицу для похудения, но потолстели с прошлого лета: я — на 4 кило, а Виталий — на 5 кило! Это очень противно.

Сегодня воскресенье, и мы ходили на всякие Aussichtspunkte³¹⁴, сидели на круглой скамейке вокруг какой-то Eiche³¹⁵ и кормили в кафе собачку сахаром. Собачка — помесь таксы с жесткошерстным терьером, ужасно симпатичная; к сожалению, у нас кончилась пленка, и мы ее не сняли.

1-го едем в Берлин. Посылаю тебе пять карточков.

В Ростове обязательно (инш-алла!) устроим темную комнату³¹⁶ и свезем туда все половинки. Ты мне совершенно не отвечаешь на мои вопросы, напр.: дал ли Ф. тебе Winkelzucker? Ответь, пожалуйста.

Напиши мне опять длинное подробное письмо, а то я ужас до чего по тебе соскучилась и дала себе клятву, больше чем на две недели с тобой не расставаться, а то и жить-то осталось самые пустяки, а мы с тобой, как дураки, живем врозь! Плохая жизнь!!

Очень нежно обцеловываю твою любименькую мордочку. Напиши, какой силы тебе нужны очки, и какой силы — Жене, и что ей нужно: очки или лорнетка. Очень прошу и умоляю, отвечай на все мои вопросы!!!!

Нашлась ли третья половинка?

Вит. лежит, читает газету и целует тебя.

Я тебя обожаю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

Целую Женичку и всем кланяюсь.

(Киса — рис.)

Марг. Ив.³¹⁷, конечно, все привезу.

(Киса — рис.)

(151) Л. Брик — О. Брику (Киссинген — Москва; 30 мая 1933 г.)³¹⁸

Мой Кислит!

Я сегодня весь день злая, оттого, что видела во сне, что должна уехать в Америку, а ты не едешь со мной, и я ночью плакала и утром проснулась с головной болью.

Мне уже и Киссинген надоел!

Очень крепко тебя целую

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка. Край открытки с допиской — Примакова? — срезан.]

(152) **О. Брик — Л. Брик** (Москва — Берлин; 4 июня 1933 г.)³¹⁹

Любимая Кисинька из Киссингена!

Попробовал позвонить тебе по телефону, но тебя не оказалось дома. Очень жаль. Я тебе послал подробное письмо. Но писать уже не хочется. Хочется тебе видеть, целовать, разговаривать.

Целую тебя очень, очень.

Твой Ося.

В. М. привет.

[Открытка. Ленинград. Гостиница «Астория»]

(153) **Л. Брик — О. Брику** (Киссинген — Москва; 4 июня 1933 г.)³²⁰

Кислит,
мы сейчас находимся здесь*.

Вит. страшный фотограф-любитель, и мы привезем вам целый альбом. Ты мне совсем больше не пишешь!!

Я очень страдаю и люблю тебе.

Твоя (Киса — рис.)

[*Открытка подписана: Strandbad Wannsee. Teilansicht³²¹. Край открытки с допиской — Примакова? — срезан.]

(154) **Л. Брик — О. Брику** (Берлин — Москва; 5 июня 1933 г.)³²²

Мое любименькое солнышко,

Кислит!

Я не думаю ни о чем, кроме отъезда. Не понимаю, отчего ты не пишешь и не отвечаешь на мои вопросы?! Ты мне, пожалуйста, пиши, оттого, что нервы у меня никуда не годятся. Я поехала бы завтра, но из-за месяца не стоит ехать домой — немножко боисси.

Здесь везде ужасно скользкие полы и я поминутно падаю — в Киссингене очень больно села на мраморном полу в Hall'e гостиницы и ушибла кобчик, и он у mine до сих пор болит так, что ни сесть, ни повернуться. Но зато я там в казино танцевала с молодыми, блестящими военными, которые во время танцев спрашивали меня: "wo stehen Sie in Garnison Gradige Frau?" и "wie sagt man auf russisch — ich liebe Sie?"³²³

Кислит, тебе придется прислать нам на границу до востребования деньги. Я тебе напишу, когда буду знать, на какую границу.

Послезавтра Вит. уезжает, — вероятно, до конца месяца. Ответь, пожалуйста, насчет Winkelsucher и половинки палки. Если ты не будешь писать, я подумаю, что ты совсем разлюбил меня!

Как Женя? Что с Маяковскими?

Печатается ли хоть что-нибудь.

Очень прошу, не забывай свою несчастную

(Кису — рис.)

(155) **О. Брик — Л. Брик** (Москва — Берлин; 6 июня 1933 г.)³²⁴

Любимая, обожаемая Кисанька!

Только что поговорил с тобой по телефону и расстроился, что мало пришлось поговорить, и что ты так грустишь.

Я немножко захлопотался со своей мамой. Она после больницы никак не может успокоиться и нервничает. Хотя нервничать никаких особых причин нет. Зрение у нее стало, конечно, хуже нормального, но не настолько, чтобы ощущать это, как катастрофу. За ней хороший уход. Обед посылается на дом. Дачу я ей снял. Фрида и Вера к ней ходят часто³²⁵. Но она скулит и все время жалуется. Это неприятно и никак не убедительно.

Живу я однообразно, играем по вечерам в маджонг. Партнеры все те же. Асеевы и Кирсановы уезжают на-днях в Теберду. Фаня³²⁶ тоже уезжает. В Москве погода холодная, и меня пока никуда не тянет.

Хочу на-днях съездить в Ленинград посмотреть репетиции «Камаринского» и заключить договор на новую оперу. Я уже написал текст 1-й картины и часть 2-й. По-моему, ничего, — но обычно, оперно, только грамотней. Во всяком случае, как литературное произведение это значения никакого не имеет. Я хочу эту штуку быстро написать, чтобы не возиться, и начать писать что-нибудь интересное.

Со «Сборником»³²⁷ дело, как будто, наладилось окончательно. На-днях его сдадут в печать, и в начале августа он должен уже выйти в свет. Содержанье его несколько видоизменилось: вместо «Маркса» Кирсановского пойдет новая Семкина поэма «Робот», очень хорошая вещь, — лучше «Маркса». Потом, Катаньян дал другую статью — воспоминание, по какому поводу Володя написал некоторые стихи — «Дачный случай», «О Тальникове» и др. Потом, очень хорошие воспоминанья дал Кассиль — как Володя разговаривал с публикой на выступлениях. В общем, сборник будет замечательный!

Сначала возражали против названья — «С Маяковским»³²⁸, а теперь согласились. Цыпин³²⁹ обещал дать хорошую бумагу и издать его, как надо. Посмотрим!

Наше выступление в «Лит. газете»³³⁰ всем очень понравилось. И мы сейчас стали опять «творческим объединением». Это очень хорошо, потому что отчетливо отличает нас от всяких других, далеко не творческих, объединений.

Все просят у меня статей. Я написал одну статью — в новый журнал «Литературный критик» о Луговском и Сельвинском³³¹, и другую — в Кино-газету о занимательности³³². Должен написать еще несколько в «Лит. газету», в «Советское искусство» и в «Театр и драматургия».

Ужасно радуюсь, что ты скоро приедешь. И что можно будет тебе все подробно рассказать.

Нина Влад.³³³ просит тебе передать, что она кругом перед тобой виновата, но не пишет потому, что совсем изнемогает от работы. Хочется ей, как я понял, вязанную шапочку.

Крепко, крепко, крепко тебя целую, Кисанька миленькая.

Твой Ося.

(156) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 10 июня 1933 г.)³³⁴

Любимый мой, единственный и обожаемый Кэс!

Я до того тебя люблю, что рассказать это совершенно невозможно. Ничего мне на свете не на-а-до, только видеть тебя, милый мой!..

Правда, Кислит, я ни о чем больше не думаю.

У меня ужасное угрызение, что я ничего тебе не посылала, даже денег на торгсин, но я сама не понимаю, как это так случилось, а сейчас уже нет ни копейки, — все съели Гамбург и Киссинген. Все хотелось послать побольше, а это не выходило, а пока хотелось, тратилось и то небольшое, что можно было бы послать. Ужас, до чего я себя терпеть не могу! Серьезно, Кислит.

Нервочки мои совсем растрепались от скуки, ничегонеделанья и полного отсутствия людей.

Виталий ухаживает за мной совершенно трогательно, и пока он тут, я в относительном порядке, но он много ездит, и тогда я абсолютно одна.

Свинство, конечно, что я тебе все это пишу — вроде Эльзы, — но уж чересчур я по тебе соскучилась, и я не хочу больше никогда в жизни с тобой расставаться.

Кислит, какие же тебе купить очки, — какой силы? Оправа уже куплена, и я не знаю, какие нужны стекла! А ты все не отвечаешь!

Ответь мне еще: почему не едет Барнет и почему не отвечает на мои письма Нина Вл., и то, и другое вполне загадочно.

Ужасно обидно, что Ф. не передал мне ноты «Камаринского». Ну, да теперь осталось еще самое большее 27 дней. Ты, должно быть, удивляешься, что я давно не уехала, если я так невыносимо скучаю, но это я тебе все объясню на словах. Вкратце: сначала ехать было еще рано, а потом ехать одной стало не совсем приятно.

Посылаю тебе — себя в ванне³³⁵. У Виталия уже целый альбом фотографий — не очень замечательных, но все-таки приятно.

Не осталась ли третья половинка у того, кто привез первую?

У тебя ужасно сладенький голосок в телефоне, просто плакать хочется, когда слушаю, до того соскучилась.

Мой Кислит, родненький, миленький, самый замечательный на свете.

Целую тебе 10000000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

(157) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 14 июня 1933 г.)³³⁶

ZELUJU LJUBUJU = LILLI=

[Телеграмма]

(158) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 14 июня 1933 г.)³³⁷

Мой сладенький, Осик,

Виталий приехал на один день. Завтра опять уезжает, а 24-го опять вернется. До первого еще будет работать, и до 6-го приводить свои дела в порядок, так что дома будем 8-го, инш-алла!

Что с Булечкой?

Обожаю тебя и целую.

Твоя Киса.

Целую Женю.

[Открытка]

По окончании ознакомительных посещений военных школ: пехотной — в Дрездене, артиллерийской — в Ютеборге, саперной — в Мюнхене и кавалерийской — в Ганновере в апреле 1933 года И. Н. Дубовой³³⁸, В. М. Примаков и С. П. Урицкий³³⁹ совместно с военным атташе СССР в Германии В. Н. Левичевым³⁴⁰ докладывали в письме наркому К. Е. Вошилову:

Нам думается, что в области моторизации, артиллерийского оружия и средств связи немцы стоят гораздо выше, чем это нам показывают. Убеждает нас в этом то, что Германия стоит на весьма высоком уровне моторизации, машиностроения и электротехники... Наши вузы являются кузницей массового производства, у них — поштучного — строго по заказу; и наши школы стоят ближе к условиям немецкого времени, чем немецкие. Политическое воспитание в общей учебной программе их не занимает столько времени, сколько должно занимать в Армии пролетарского государства... У нас в школах есть тенденция самоподготовку превращать в коллективную, в бригадную подготовку. Для командира же совершенно необходимо воспитать навыки к самостоятельной работе. В немецкой школе на это делается большой упор, и действительно получают в результате вполне самостоятельных командиров [Черушев, 2003. С. 331—332].

(159) О. Брик — Л. Брик (Москва — Берлин; 19 июня 1933 г.)³⁴¹

Дорогая, любимая, золотенькая Киска!

Не могу добиться Юлии Михайловны. Она не в Москве и неизвестно, когда будет. Поэтому о половинке ничего не известно. Но это не важно. Ее великолепно можно изготовить здесь. Насчет стекол, тоже еще не выяснил, какой у меня номер, но сделаю это обязательно. Барнет едет 21-го, о чем будет тебе телеграфировать.

Маме твоей все передал.

Сейчас уезжаю на дня 3—4 в Ленинград.

Но прежде буду пытаться тебе позвонить по телефону (примерно 24-го, между 3 и 5 часами).

Из мелочей привези, если можно, ленту для машинки, клипсы³⁴², перышки и мягкую резинку (карандашную) для Джона Левина³⁴³. Еще, пожалуй, клей для бумаги.

Больше ничего не могу придумать.

Крепко-накрепко тебя целую.

После Ленинграда напишу еще.

Твой (Кэс — рис.)

Приближался день возвращения из Германии на родину. Пора было выполнять заказы родных и друзей, покупать им подарки.

Как всегда, возвращаясь из-за границы в Москву, где дефицитом было буквально все, она составила список необходимых покупок. Листок этот сохранился в ее архиве:

Л. Ю. Брик (1930-е гг.)

Скрепки
 папки со скоросшивателями
 конверты от больших до маленьких
 кнопки
 календарь настольный
 пленку для лейки
 маме конверты
 носки
 набор резиночек — вместо веревок
 туфли Осе по Виталиным московским
 Жене туфли черные на 3 № больше моих
 колбаса копченая, нежесткая
 сыр швейцарский
 шоколад с орехами
 печенье
 Marmelade
 соленое печенье
 мыло
 рукавичка
 лента к пиш. маш. Remington Portable
 мне ложку для заварки

В большинстве случаев за строчкой был поставлен чернилами крестик, означавший, видимо, то, что уже куплено [Катанян В. В., 2003. С. 105].

(160) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 27 июня 1933 г.)³⁴⁴

Милый мой, любимый, сладенький, Кислит,

Через час после того, как мы с тобой поговорили по телефону, разболелся Виталий, у него был страшнейший припадок почечных камней, так что пришлось его свезти в госпиталь и даже впрыснуть морфий!

Сейчас все уже прошло, но он сидит на диете, глотает пилюли и, вообще, нет гарантии, что это не повторится — ужасная гадость!

Кислит, когда получишь нашу телеграмму о дне выезда, позвони, пожалуйста, по телефону 3-77-21 тов. Марьямову. Это друг Виталия, который хочет встретить его на вокзале с машиной. Пока еще день нашего отъезда точно неизвестен — между 3-им и 6-ым июля.

Кэс, возьми к нашему приезду Булечку, а то у меня неприятное чувство, что она уже не наша собачка, а Ясенских!

Писать совсем не о чем — сплю и вижу, что я дома. Мне без тебя до того плохо и скучно, что представить себе невозможно.

Целую мою любименькую, родненькую мордочку, и лапки, и лысинку.

Женю целую. Всем кланяюсь.

Еще тебе целую 1000000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

(161) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 29 июня 1933 г.)³⁴⁵

LIUBLIU ZELUIU = LILI=

[Телеграмма]

(162) Л. Брик — О. Брику (Берлин — Москва; 30 июня 1933 г.)³⁴⁶

WIESJAIEM CHETWERTOGO PEREWEDI DENG I

SOKOLOWU BIAOSSOWO TELEGRAFIRUI ZELUIEM = LILI=

[Телеграмма]

В первые недели и даже месяцы после прихода Гитлера к власти Сталин, вероятно, полагал, что нацистский режим непрочен, и питал какие-то надежды, что с помощью рейхсвера удастся сместить фюрера, а затем образовать с немецкими «друзьями» блок против Англии и Франции.

Однако очень скоро стало ясно, что гитлеровский Третий рейх — если и не на тысячу лет, как мечтал Гитлер, то по крайней мере всерьез и надолго, хотя бы на ближайшую пятилетку. И воевать придется не вместе с рейхсвером, а против рейхсвера. Поэтому уже летом 1933-го Советский Союз отказался послать своих военных на учения рейхсвера. Германская сторона, в свою очередь, не стала направлять немецких офицеров на советские маневры. Ни СССР, ни Германия не хотели теперь усиливать потенциал друг друга, видя в недавнем партнере потенциального противника.

Учебная группа военного командования РККА, в которую входил Примаков, была последней из тех, что проходили обучение при Академии генерального штаба Германии.

Дом в Ростове-на-Дону (ул. Шаумяна, 33), где Л. Ю. Брик и В. М. Примаков жили в 1932–1934 гг. Фото 2004 г.

И уже осенью 1933 года было эвакуировано имущество немецких объектов — танковой школы под Казанью (объект «Кама»), авиационной школы в Липецке (объект «Липецк») и самого секретного предприятия по производству... боевых отравляющих веществ в Самарской области на Волге, недалеко от города Вольска (объект «Томка»).

Советско-германская дружба кончилась, чтобы ненадолго воскреснуть в 1939 году.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В первых числах июля Лиля Юрьевна и Примаков возвращаются в Москву, она — с подарками Осипу Максимовичу и всем друзьям, он — с велосипедом для сына Юры, которому исполнилось уже 6 лет.

Дома, в Спасопесковском, — стопка авторских экземпляров вышедшего в начале года очерка В. М. Примакова (под псевдонимом Витмар) «По Японии». Степан Репях в предисловии к книге [Примаков. С. 7] пишет:

Используя как сюжетный ход приключения советского моряка Андрея Соколова, якобы отставшего от парохода «Пролетарий», привозившего в Японию лес, автор показывает быт и нравы страны, знакомит с ее людьми, природой. Делает он это с глубоким знанием предмета, предельной точностью. Очерк «По Японии» читается легко, с неослабевающим интересом.

Однако как долго выходила эта книга! И как давно была Япония, и сколько воды утекло с тех пор.

Примаков недавно передал Брику семь рассказов из цикла «Червонцы» для включения в альманах «С Маяковским»³⁴⁷, а теперь надо подготовить

Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая. Фото 1930-х гг.

что-то к 15-й годовщине Червоного казачества, которую собираются широко отмечать в следующем году, и нельзя откладывать военную книжку по новым разработкам немецких военных теоретиков, с которыми он только что познакомился в академии.

После короткого пребывания в Москве Виталий Маркович отправился по месту службы — в Ростов, откуда он уехал более полугода назад, а Лиля Юрьевна осталась в столице, где у нее накопилось немало дел. Гослитиздат готовится начать заново выпуск Полного собрания сочинений В. Маяковского. Первым на этот раз пойдет V том — с единственной в нем поэмой «Про это» (написанной всего 10 лет назад!), под редакцией П. Незнамова³⁴⁸. Большую хорошую вступительную статью написал Н. Асеев, при ее написании он использовал все три черновика поэмы, которые сохранила Лиля Юрьевна. Помня ошибки, допущенные в прошлом году при подготовке злополучного VII тома, и все сто раз проверив и перепроверив, она подписала 27 августа V том в набор.

В начале сентября стало известно, что власти вроде бы вернулись к решению об организации Дома-музея В. Маяковского в Гендриковом, но пока что события развиваются вяло. По установившейся бюрократической традиции нужен документ, которому затем дадут ход. И, собравшись у Лили Юрьевны, друзья поэта составляют и подписывают такую бумагу:

В Замоскворецкий райсовет

В дополнение к личным переговорам предлагаем следующий план оборудования Библиотеки имени Маяковского в Гендриковом переулке:

Площадь двух нижних квартир использовать под библиотеку и читальню.

Квартиру, в которой жил Маяковский, восстановить в прежнем виде, перевезя туда сохранившуюся обстановку.

Во второй верхней квартире оборудовать комнаты для занятий литкружков.

Расчистить территорию двора от лишних построек и построить веранду для летней читальни.

В сквере установить мемориальный камень с цитатой из стихов Маяковского:

«Я всю свою звонкую силу поэта

Тебе отдаю,

атакующий класс».

Библиотека должна комплектоваться книгами по советской художественной литературе и служить культурным центром для литкружков района.

Л. Брик

О. Брик

Н. Асеев

В. Катанян

С. Кирсанов

П. Незнамов

14 сентября 1933 г.³⁴⁹

Лиля Юрьевна в сопровождении Осипа Максимовича, Николая Асеева и Галины Катанян — она позвала их с собой погостить — уезжает в Ростов. У Примакова незадолго до ее приезда побывал однополчанин по Червонному казачеству, а впоследствии писатель И. В. Дубинский, который так описал эту встречу:

Шел 1933 год. С версткой новой книги³⁵⁰ я полетел в Ростов, к Примакову.

Заглянув вместе со мной к командующему Дмитрию Каширину³⁵¹, одному из первых оренбургских казаков-большевиков, его заместитель Виталий Маркович привез меня к себе. За столом все интересовался житьем-бытьем наших ветеранов. Услышав о том, что боевой командир из шахтеров Домбровщины Иван Хвистецкий работает объездчиком в Жмеринском лесничестве, он весь потускнел и тут же стал соображать, как помочь товарищу.

После обеда с хозяином дома мы пошли в его огромный, казармоподобный, скромно обставленный кабинет. Прежде чем просмотреть привезенную мною верстку, Виталий, теперь уже выглядевший солиднее своих тридцати пяти лет, достал с полки книжку «Первая червонная».

Потом, взявшись за свою трубку, он заговорил о том, что надо готовить народ к новым испытаниям и к новым подвигам. ...И, ткнув трубкой в лежавшую на столе иностранную карту, сказал, что вот он готовит труд о том, чему немецкий генштаб учит своих генералов и офицеров. Пусть об этом узнают все наши товарищи, вся Красная Армия, чтобы потом нас не застигли врасплох [Дубинский. С. 154].

Лето 1933 года для солдат и командиров Северо-Кавказского военного округа не только «пора лагерей, учений, маневров», как пишет все тот же биограф Примакова. По установившемуся в советской стране порядку его регулярная армия была предназначена не только для борьбы с врагом внешним, но и... внутренним. Это были годы проведения в стране сплошной коллективизации, и проводилась она совсем не в духе частушки, процитированной О. Бриком в его письме от 4 января 1933 года:

*Буря мглою небо кроет,
Мужики колхозы строят...*

Порой они бросали строить колхозы и в отчаянии брались за оружие. Так, и этим летом кубанские казаки, сбившись в Гундоровский полк, пытались противостоять советской власти, решившей насильно изменить привычный уклад их хозяйствования, их жизни. На подавление этого вооруженного выступления «классового врага» были брошены воинские части округа под командованием Примакова. Приехавший в Ростов Н. Асеев, оказался в гуще политических событий и сверхоперативно откликнулся на актуальную тему, написав за короткий срок поэму «Гундоровский полк (Поэма последних битв)»³⁵². Вот предпоследняя глава этой поэмы:

РЕЙД

Военком был брит.
 Не отважный вид.
 Из рядов —
 не выделишь такого.
 Но Кубань и Дон
 Помнят свист
 и звон
 Занесенных сабель
 Примакова.
 Он вошел теперь,
 не погнувшись, в дверь.
 Сел,
 расставив в стороны колени.
 Круглая,
 точеная башка,
 Словно у китайского божка,
 Обвела,
 прищурившись, правленье.
 Голос — вежлив, тих,
 Видно — много книг
 Прочитал,
 ссутулившись на стуле.
 Не цветиста речь;
 только — вдруг у плеч
 Ветерки прохладные
 подули.

«Как же быть с зерном?
Если не взвернем,
Если государства
не обслужим, —
Значит — нашу власть
на лопатки класть?
Но боюсь —
для вас не вышло б хуже!
Знаю —
между вас
есть недобрый глаз,
Только —
зря он тянет
к прежней были.
Вспомнил бы про то, —
как, бывши без порток,
Мы его и то
вчистую били.
А теперь у нас
весь рабочий класс
Техникой снабжен
во всеоружьи,
И на белый флаг
не надейся, враг —
Как шепка затонешь
в грязной луже!»
Пластами слеглось молчанье.
И, — колкий, словно игла,
Гундоровцев однополчанина —
голос из-за угла:
«Что ж ты
из сил нас нудишь?
Что ж ты
стрелять нас будешь?
Ну, стреляйте,
стреляйте сегодня,
Мы вас
завтра будем стрелять!»
Военком:
«Это кто ж там заводит
Заводилку эту?
Ты не думай мне
глаз замазать, —
Я и ночью —
вижу врага!»
И рука,
как в гражданской,
сама уже
Без ошибки
к бедру, за наган.
«А ну, кто скорей!
Давай — начинаем,

Тебе видно — тоже не терпится — страх!
А ну выходи,
 объявляйся чинами,
Словца не сдержавший,
 открывшийся враг!»
Минута — и кажется,
 что сама уже
Рука врага
 поднимается вверх,
Схватившаяся
 цепко за маузер,
Несущая смерти
 ответный сверк.
Но нет.
 Протянуты руки по швам,
И с губ
 невнятные звуки...
Он чувствует:
 не за него братва, —
Конец твоим планам,
 Сюсюкин!
Он видит, что
 не игранье,
Не в шутку,
 не на испуг,
Одно только слово —
 и грянет
Выстрел на всю избу.
Назад бы втянуть слова;
 губам бы в ледышки смерзаться,
Но крики:
 «Арестовать!
Арестовать мерзавцев!»

И дальше все как было положено тогда, — «мерзавцы» арестованы и отправлены на Беломорстрой, это ведь еще не 1937-й.

А победитель-военком на белом коне возвращается в Ростов.

ПРЕМЬЕРА «КАМАРИНСКОГО»

Пока Осип Максимович живет в Ростове, в МАЛЕГОТе продолжают работы по подготовке премьеры «Камаринского мужика». Его зовут в театр, но уж очень не хочется покидать гостеприимный Ростов. А в это время Евгения Гавриловна со своим «законным мужем», В. Л. Жемчужным, едет в Ленинград, и О. М. поручает ей подробно ознакомиться с положением дел в МАЛЕГОТе.

И вот из Ленинграда в Ростов одно за другим идут ее письма-репортажи по событиям в театре³⁵³. Наконец она сообщает, что последние генеральные репетиции с 21-го сентября, а закрытый просмотр состоится 27-го,

Творческий коллектив МАЛЕГОТа работает над оперой «Комаринский мужик» (1933 г.). Справа налево: В. В. Желобинский (автор музыки), О. М. Брик (автор либретто), М. Э. Левин (художник), К. К. Тверской (постановщик), А. И. Пиотровский (зав. лит. частью), С. Н. Гисин (зам. директора), С. А. Самосуд (главный дирижер и зав. музыкальной частью)

и О. М. вместе с Л. Ю. выезжают из Ростова в Москву. Здесь она остается по своим московским делам, а О. М. отправляется в Ленинград. Но в планах театра опять что-то меняется, и О. М. телеграфирует в Москву:

(163) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Москва; 22 сентября 1933 г.)³⁵⁴

ПРОСМОТР ОТЛОЖЕН ВСЕ ТАКИ ПРИЕЗЖАЙ
ПОКАЖЕМ ОПЕРУ ПОЛНОСТЬЮ = ОСЯ =
[Телеграмма]

Но Лиля Юрьевна возвращается в Ростов. Виталий Маркович собирается в конце октября быть в Москве, она поедет с ним, и, освободившись от дел, они выберутся-таки в Ленинград на «Комаринского». О. М. живет «на два дома»: то в Москве, то в Ленинграде.

(164) Л. Брик — О. Брику (Ростов — Москва; 7 октября 1933 г.)³⁵⁵

Мой любименький Кислит,
в Ростове все по-старому, только в кабинете лежит ковер и стоит никуда не годное пианино. Я уже просила его убрать и достать другое — старое.

Мурка уже почти обросла новой шерстью, только пузо еще голое, а спинка опять тигровая. Она бешено веселая и страшно боисси берлинской собаки³⁵⁶, когда я ее ставлю на пол.

Витька еще потолстел, но стал еще симпатичнее, обязательно поедет после пленума смотреть «Комаринского».

Я переписываю дневники³⁵⁷.

Играем с Галей в Ма³⁵⁸ и по два раза в день ездим на военные скачки; это очень интересно и красиво.

Вчера, кроме скачек, был еще физкультурный парад. Погода солнечная, но холодно, на скачках сижу в шубе. Очень вчера было красиво — физкультурники в белом, с красивыми знаменами. И всадники, музыканты с трубами, в белом, на светло-серых лошадях, а ноги у лошадок внизу забинтованы красным.

Евдокия Яковлевна³⁵⁹ вкусно кормит.

Все-таки, очень хочется выехать 16-го; боисси, что пленум отложат до 1-го.

Сегодня Виталий отправил тебе корректуру³⁶⁰. Против «Белой дамы»³⁶¹ он категорически протестует, но ты, на всякий случай, пошли ему гранки; может быть, он передумает, тогда я дам тебе телеграмму.

Поцелуй Женю.

Я ужасно по тебе скучаю. Целую 10000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Пришли мне Эльзино письмо³⁶²

Еще целую (Киса — рис.)

(165) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 8 октября 1933 г.)³⁶³

Дорогая, очень любимая Киса!

Трудно писать письмо, когда часто говоришь по телефону, и когда ничего интересного не случается.

Усиленно работаем с Валей над «Мужиком», дело идет на лад³⁶⁴.

С Олег Л. пишем «Онегина»³⁶⁵. Уже «петли начали листать». Еще пишем с ним «Маню Вильбушевич»³⁶⁶. К 15 октября обязаны выслать в Белгоскино, что и будет исполнено. Получается хорошо.

Очень много читаю для Володиной биографии. Особенно интересно читать Блока. Оказывается, Володя примыкает к нему еще в гораздо большей степени, чем я думал. Если достанешь, прочти его драмы...

Вообще, Блок — замечательный писатель.

Меня отовсюду тормозят. Просят писать статьи и рецензии. Я обещал написать в «Лит. критик» о пьесе Светлова. Очень хорошая, веселая пьеса, называется «Глубокая провинция»³⁶⁷. Потом, в «Знамя» — об исторических романах. И еще в журнал «Худож. лит.» всякую мелочь³⁶⁸.

Очень думаю насчет 2-го альманаха «С Маяковским»³⁶⁹. Хочется дать в нем много матерьяла о Володиных «современниках», т. е. о футуристах и новаторах вроде Малевича, Елены Гуро³⁷⁰ и т. п.

Вообще, пора уже вспомнить о футуристах. Для начала о мертвых, а потом можно будет и о живых. На одних Бальзаках и Шекспирах не проживешь.

Я старался это доказать Розенталю, редактору «Литер. критика», но он схватился за голову и выбежал в другую комнату.

Сема уехал выступать.

Коля приедет 18-го.

Обложка театральной программы к премьере оперы «Комаринский мужик» в МАЛЕГОТе (1933 г.)

Когда съедутся, будем разговаривать об альманахе. А потом тебе — на окончательное решение.

Крепко тебя, очень крепко целую.

И Вит. Марк. целую.

И Женя вас целует.

И я еще раз очень целую.

Твой Ося.

(166) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 9 октября 1933 г.)³⁷¹

Любимая моя, родненькая Кисанька!

Собираюсь в Ленинград на премьеру. Слушай по радио, как я буду раскланиваться³⁷².

Посылаю тебе Эльзино письмо и письмо Нади Романько³⁷³ с фото, изображающим Адама и Еву.

Вчера видел у Фани Довголевского³⁷⁴. Поговорили насчет «Камаринского». Он советует послать весь материал (клавир, либретто, афиши) своему секретарю по культчасти. А тот уже обговорит, где следует. Я так и сделаю.

Новостей никаких.

Наши мальчики отличились. Семку премировали за стихотворение в «Комс. правде» «О полете в стратосферу». Заплатили ему двойной гонорар и сказали, что это лучшее стихотворение за много лет³⁷⁵.

А Кассиля страшно расхвалили за «Сказку о Беломорстрое», напечатанную в «Известиях» от 5 октября. Ее будут печатать отдельной книжкой тиражом в 500 000 экземпляров.

Я тебя очень, очень крепко целую и спешу укладываться на поезд.

Поцелуй В. М. Привет Гале³⁷⁶.

И не забывай меня ни за что.

Твой Ося.

Наконец, 10 октября — долгожданная премьера «Комаринского», она прошла с триумфом. В театре присутствовали Киров, Угаров и другие руководители города и области³⁷⁷. На следующий день ленинградские газеты сообщают о премьере на сцене МАЛЕГОТа «первой советской оперы», чествуют ее создателей.

Евгения Гавриловна отправляет в Ростов Лиле Юрьевне подробный «отчет» о премьере³⁷⁸, так что Осипу Максимовичу нечего и добавить к ее красочному описанию...

Работа над либретто этой оперы — одна из наиболее значимых в творческой биографии О. М. Брика.

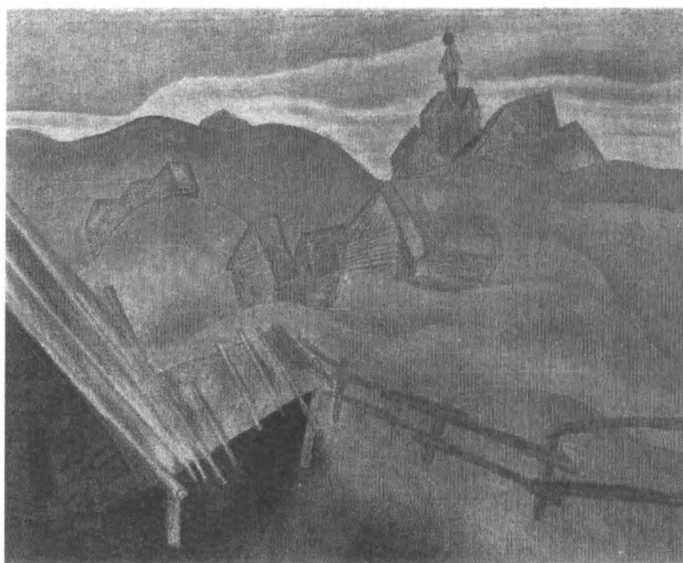
Что мы знаем об авторах оперных либретто? Как правило, они остаются в безвестности, иногда их даже не указывают на афишах и в программках спектаклей. И уж, во всяком случае, их не ставят в один ряд с композиторами (или даже — впереди них!). А если принять во внимание, что наиболее популярные оперы ставятся в разных странах и поются на разных языках, то над их постановками трудится еще целая армия анонимных переводчиков оперных либретто...

На моей памяти единственный оперный либреттист, который гордо заявил о своих правах считаться одним из основных создателей оперы, — Осип Максимович Брик. И театр охотно согласился с ним в этом вопросе.

В программе к спектаклю «Комаринский мужик», выпущенной МАЛЕГОТом, создатели спектакля перечислены в следующем порядке: «Текст — О. М. Брик, музыка — В. В. Желобинского. Постановка: К. К. Тверского. Художник — М. З. Левин. Дирижер — Засл. арт. С. А. Самосуд... Как видим, автор текста обозначен раньше, чем автор музыки, как будто это и не опера, а музыкальная инсценировка широко известного текста.

В программе (а в ней 16 страниц!) помещены статьи создателей оперы, и вот как отзываются они о тексте и его авторе:

Необходимо, чтобы актуальная и страстная политическая идея нашла свое существование в либретто, являющемся высоким произведением поэзии и драматургии, и, в полноценных музыкальных образах, дающих творческий материал и театру, и отдельным артистам. Достигнуто это может быть только при самой активной совместной работе с театром и композитора, и тесно с ним связанного драматурга.

Эскиз декораций к опере «Комаринский мужик» в МАЛЕГОТе (1933 г.)

Малый Оперный Театр ведет подобную работу с группой близких к нему художников, и премьера «Комаринского мужика» О. Брика и В. Желобинского, так же, как и предстоящая премьера «Лэди Макбет» Д. Шостаковича — вот первые итоги этой работы.

Привлекая к работе над либретто О. Брика, театр хотел получить от высококвалифицированного писателя произведение, которое давало бы полновесный литературный материал для работы композитора и режиссера (Передовая «За советскую оперу», без подписи, с. 1).

Новым словом в создании оперных либретто считаем мы работу О. Брика по всему подходу его к языку своей драмы. Русская историческая опера знает совершенно условный стилизованно-«былинный», стилизованно-«боярский» сказ, на котором, по воле либреттистов, говорят герои «Царской невесты», «Опричника». Язык «Комаринского мужика» далек от этой искусственной, фальшивой и необычайно бедной словесной бутафории. Этот язык прост, снижен, полнокровно-характерен для каждого отдельного персонажа.

Несомненно, верно то, что самый литературный стиль О. Брика предьявляет новые и очень сложные требования к исполнителям оперы. Играть Болотникова, Шуйского, Пашкова, в условной манере «боярских» опер нельзя, так же, как нельзя и петь стихи О. Брика, как привычные плоские и гладкие оперные стихи. От артиста-певца здесь требуется настоящая драматическая выразительность, настоящее умение петь характерно, разнообразно и в образе исполняемого персонажа.

Но ведь именно эти качества и нужны артисту советской оперы. Легкое — для зрителя, но сложное для исполнителей либретто О. Брика вовремя выдвигает перед певцами эти стилистические задачи.

Мы считаем работу О. Брика принципиально-новым шагом в оперной драматургии (А. И. Пиотровский, зав. лит. частью. «Комаринский мужик» — как оперное либретто», с. 5).

Оперу «Комаринский мужик» я начал писать со второй половины мая 1932 года. В качестве первого опыта создания музыкального произведения широкого плана, мне очень хотелось написать музыкальную драму на сюжет народного революционного движения. Счастливое сочетание обстоятельств мне в этом помогло: О. М. Брик написал либретто, содержанием которого явилось восстание Болотникова (В. В. Желобинский, композитор. «Мой первый опыт», с. 6).

«Комаринский мужик», написанный В. В. Желобинским по заданию Малого оперного театра по либретто О. М. Брика, представляет собою опыт современной, советской социально-героической музыкальной драмы, в которой музыка, действие и слово органически соподчинены друг другу.

«Комаринский мужик» строился в полном смысле слова коллективно. В процессе с начала предварительных бесед и консультаций, а потом и репетиций, изменялось либретто. Ряд сцен сделан автором заново, другие исправлены, а композитор буквально до последнего дня давал дополнения, изменения и т. д. Серьезную эволюцию претерпела и режиссерско-сценическая интерпретация пьесы.

Работа над «Комаринским» несомненно приобретает характер принципиально-ценного начинания. Она доказывает возможность настоящей работы театра с автором, работы в тесном контакте между дирижером, режиссером, художником и всем коллективом театра (К. К. Тверской, режиссер. «О постановке», с. 12).

Главной задачей, которую поставил перед собой театр, является создание высококачественной советской оперы.

Предстоящий сезон должен явиться сезоном активного выступления театра в области создания советской оперы.

«Комаринский мужик» Желобинского — Брика и «Лэди Макбет Мценского уезда» Шостаковича — вот две новых работы над советским спектаклем (Р. А. Шапиро, директор театра, с. 14).

В этой же программе-буклете статья самого О. М. Брика «Актуальность прошлого» (с. 4–5).

Кроме этой статьи, О. М. Брик опубликовал еще две статьи о «Комаринском» в московских журналах: «Писатель и театр» («Театр и драматургия», 1933, № 5) и «Мужик в опере» («30 дней», 1933, № 11/12); отрывки из либретто печатали «Литературная газета» и журнал «Огонек». МАЛЕГОТ издал (1933) клавираусцуг «Комаринского мужика» для фортепиано, а все либретто было включено в готовящийся к печати альманах «С Маяковским».

Премьера прошла успешно, опера понравилась публике и «имела большую прессу»³⁷⁹; в этой постановке она прошла на сцене Малого театра 31 раз.

А Осип Максимович вернулся к повседневным делам.

(167) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 19 октября 1933 г.)³⁸⁰

Дорогая моя, любимая Кисанька!

У меня очень много дел, которые я срочно стараюсь проделать. Самое главное, — это мама. Она пока что в больнице, но зрение ее не улучшается, и ее скоро оттуда выпишут. Мура³⁸¹ очистила комнату, и надо теперь перевезти туда мебель, а потом — маму. Но мама совершенно беспомощна и нервничает, поэтому ее нельзя оставлять одну. Надо кого-нибудь найти, а кого — неизвестно. Вера и Фрида заняты службой³⁸², и мне нужно все это делать.

Второе — наш сборник³⁸³. Начинают поступать корректуры, надо последить и торопить, а то он никогда не выйдет.

Третье — «Мистерия-Буфф», которую обязательно надо в этом месяце сдать.

Четвертое — надо немного работать с Олег. Леонид., а то не будет денег, а все очень дорого.

И еще кой-какие мелочи, которые набираются, и от которых не хочется отказываться: статья о «Камаринском мужике» для журнала «Театр и драматургия», статья для Кино-газеты, для «Лит. газеты»³⁸⁴ и т. п.

Я надеюсь к концу месяца все сделать и приехать за вами в Ростов.

О разных разностях расскажет тебе Катаньян, который страшно радуется, что едет к вам.

Желобинский хотел приехать 21-го в Москву, и я должен к его приезду дописать «Именины». Он будто бы написал 1-й акт, а к весне хочет кончить всю оперу с тем, чтобы она пошла в начале будущего сезона.

Ужасно крепко целую тебя, родненькая.

Жалко Вит. Марковича, что он хворает. Поцелуй его.

Твой — до гроба любящий

Ося.

(168) Л. Брик — О. Брику (Ростов — Москва; 25 октября 1933 г.)³⁸⁵

Любименький мой Кислит,

пошлю тебе: пятьсот шт. «Наша марка», стакан икры, 4 копч. рыбины (чехонь), сыр, 30 яблок, 8 электр. лампочек по 100 и 75 св., теплые перчатки (от Виталия), немножко муки белой, -- // -- // -- крупы гречневой, -- // -- // -- сахару, -- // -- // -- чаю.

Для мамы: кружку икры, 2 рыбины, 2 б. мясн. консервы.

Целую Полину Юрьевну и Женю.

Привет Наташе.

Целую двух Мурков.

Тебя целую 100000000 раз. Ужасно люблю.

(Киса — рис.)

(169) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 26 октября 1933 г.)³⁸⁶

Милый, дорогой, любимый, золотенький Кисик!

Получил твое письмо. Ты пишешь ужасные глупости. Помни раз и навсегда, что я тебя люблю больше всего на свете, и ничего такого, про что ты пишешь, никогда случиться не может. И больше ты про это не думай.

Посылаю тебе гранки³⁸⁷. Они такие толстые, что письмо не лезет, и я тебе посылаю его особо.

Здесь все благополучно. «Базаров» идет прилично³⁸⁸. Публике очень нравится.

Целую тебя очень, очень крепко.

Твой Ося.

(170) Л. Брик — О. Брику (Ростов — Москва; 29 октября 1933 г.)³⁸⁹

Кислит!

Прочти Эльзино письмо и отдай его маме.

Завтра вечером позвоню тебе.

Предлагают щенка — русская овчарка, совершенно мохнатая!

Просто не знаю, как быть!

Люблю тебя и страдаю

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка]

(171) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 31 октября 1933 г.)³⁹⁰

Дорогая, любимая, родненькая Киса!

Уж и не знаю, про что тебе писать. Мы так часто говорим по телефону и так мало здесь чего случается, что ты все про меня знаешь. Но все-таки хочется написать письмишко.

Дела у меня такие:

1. Мама живет пока у меня. С глазами у нее плохо. Читать не может совсем, работать, может быть, сумеет что-нибудь несложное. Комната у Хреновых для нее готова. Вещи перевезены. По рекомендации Лидии Дмитриевны³⁹¹ сговорились с одной женщиной, что она будет ходить за мамой и стирать. Это все будет стоить порядочно денег, но — ничего не поделаешь. Настроенье у мамы неплохое, она как-то примирилась и не жалуется.

2. Твоя мама очень расстроена. Но сейчас ничего сделать нельзя. Надо подождать, что будет дальше. Я воспользуюсь каждым случаем, чтобы что-нибудь сделать.

3. «Базаров» идет с большим успехом. Пока, каждый день почти все билеты проданы. Театр говорит, что это дело верное и надеется этой постановкой здорово поправить дела. Мы с О. Л. будем иметь, в среднем, по 75 р. с каждого представленья. Постановка средняя, но приличная. Публика реагирует очень хорошо: где надо, — смеется, где надо, — плачет и много хлопает. Состав публики: молодежь до 20 лет и пожилые: от 40 и старше. Вообще, — «кругом спектакль».

4. Насчет «Камаринского» ничего не слышно. Желобинский говорил, что, будто, его хотят ставить в Ташкенте. Еще интересовались

в Свердловске, в Харькове и в Минске. Но результатов я не знаю. В Москве пока разговоров нет, но думаю, что будут. Я, между прочим, сдаю «Камаринского» (пьесу) на конкурс, объявленный Совнаркомом. А вдруг дадут премию?!

5. Новую оперу «Именины» почти написал и дал Желобинскому. Ему нравится. Но никакого литературного интереса мой текст не представляет. Но либретто драматично, и слова для музыки очень удобны. Мы уже разговаривали с Желобинским о третьей опере и хотим попробовать сделать вещь на современную, советскую тему. Но не сплошь музыка, а с разговорами, как оперетка. Это может получиться очень интересно. Между прочим, «Именины» уже включены в репертуар Михайловского театра³⁹² и пойдут к открытию будущего сезона.

6. Сценарий «Мой друг» мы уже сдали на Киевскую фабрику и ждем окончательного утверждения и денег. Кажется, там все в порядке, но очень тянут.

7. Теперь делаем сценарий для «Восток-фильма» по повести некоего Гаруева (его в Ростове хорошо знают) — «Гача-аул», по Дагестану. Заказ срочный (к 15 ноября) и оплата хорошая. Вещь не плохая, даже интересная.

8. «Семперантэ» пристаёт, чтобы мы сделали еще какую-нибудь инсценировку вроде «Базарова». Но мы не знаем, что инсценировать. Хочу попробовать, не выйдет ли что-нибудь из «Героя нашего времени» Лермонтова, имея в виду, что вещь эта автобиографическая, и ее можно соединить с другими эпизодами из жизни Лермонтова. Материал очень привлекательный, но можно ли что-нибудь сделать, еще не знаю.

9. Кулешов сделал совершенно блистательную картину³⁹³. Все его поздравляют и жмут руки. Стецкий³⁹⁴ осыпал его комплиментами. Картина, действительно, сделана замечательно. Но абсолютно не трогает. На экране мучают, избивают людей, а все смотрят и думают: «ловко сделано». Бездушно до последней степени. Уж такой формализм, что больше невозможно. Все декорации и костюмы Кулешов делал сам и сделал с необыкновенным вкусом. Одним словом, все замечательно здорово, и — полная мертвечина. Ни одного клочка природы, ни одного реального фотоснимка — бутафория с начала до конца. По-моему, это все-таки очень устарело, и сейчас уже делать такие картины, даже очень замечательные, наивно. Слишком она игровая. А спектакль был много лучше. И я настаиваю, что Кулешов не кинематографист, а театральный режиссер. Не может быть кинематографиста с таким отвращением к натуре, к реальной жизни.

10. Когда здесь был Желобинский, я позвал Асеевых, Кирсановых, Надю с Колей³⁹⁵, Леву³⁹⁶, Таню³⁹⁷, чтобы они послушали, как Желобинский играет свои произведения. Все пришли, слушали, а Коля с Семой ушли ко мне в комнату и стали играть в «тышу». Я страшно рассердился и на следующий день сказал Семе, что мне надоел их хамеж, что мне с ними скучно, что они ничем не интересуются, что, когда мы собираемся, они или зубоскалят, или во что-нибудь играют, и что я буду искать себе другую компанию, с которой у меня будет больше общего, чем с ними. Семка огорчился и обещал исправиться. Посмотрим. Но я это говорил всерьез, потому что

мне действительно опротивели их манеры и их дурацкий образ жизни. Они стали такие же, как и все писатели. На кой они мне в таком случае нужны? Мне с Желобинским или с Самосудом, или с «Семперантэ» в тысячу раз интересней. Там я дело какое-то делаю, а с ними только языком треплю.

11. Женя живет у себя и приводит в порядок свое хозяйство. Ждет Виталия³⁹⁸. Здоровье ее неважное. У нее невроз сердца и надо серьезно лечиться, что она и делает.

Целую тебя, моя радость, ужасно много, много раз, и люблю тебя больше всех и изо всех сил. Поцелуй В. М.

Твой Ося.

(172) Л. Брик — О. Брику (Ростов — Москва; 31 октября 1933 г.)³⁹⁹

Кислит мой,

Очень обрадовалась твоему письмишку и сразу успокоилась.

Посылаю тебе гранки. Пришли непременно Витальевы⁴⁰⁰.

Если у тебя есть лишний экземпляр, пошли Эльзе журнальчик и текст «Камаринского»⁴⁰¹, им будет ужасно интересно.

Пожалуйста, пошли!

Вася все тебе про меня расскажет⁴⁰².

Боисси, что я все-таки возьму щенка.

Из-за Булечки я поревела⁴⁰³. Завтра поеду щенка смотреть и 2-го расскажу тебе по телефону.

Понемножку вожусь с книжкой.

Поцелуй Женю. Всем привет. Очень беспокоюсь из-за мамы.

*Воображаю, в каком она состоянии из-за Вити*⁴⁰⁴! [курсив мой. — А. В.]

Ужасно люблю. Целую

Твоя (Киса — рис.)

Жалко Булечку!

Кисит, по-моему, надо после слова «Воспоминания» написать «Первые главы» или «Глава первая», или не «Воспоминания», а «Из воспоминаний», чтобы было ясно, что это не все воспоминания, а «продолжение следует».

Сделай это в гранках так, как тебе кажется лучше.

Целую еще 100 раз.

(Киса — рис.)

Не очень понятна выделенная мной фраза в последнем письме Л. Ю. Что могло произойти с *Витей*, что вызвало большое беспокойство ее мамы в Москве? Об этом прямо не пишется, но *Вася* по приезде в Москву *все расскажет* (?).

Ряд исследователей полагают, что летом 1934 года В. М. Примакова в первый раз арестовали органы ОГПУ, но после недельного задержания под стражей он был выпущен по личному указанию наркома К. Е. Ворошилова.

Ясности во всей этой истории нет, и вполне вероятно, что этот первый арест на короткий срок произошел именно тогда, еще в октябре 1933 года.

Не исключено, что кто-то из руководителей ОГПУ на Северном Кавказе, для того чтобы выслужиться перед центром, распорядился по какому-то

нелепому обвинению арестовать «троцкиста» и «немецкого шпиона» Примакова, недавно вернувшегося из Германии.

Тогда все совпадает. И самая чуткая из всей «семьи», Елена Юльевна Каган, лишь недавно вернувшаяся в Советский Союз из Лондона, постоянно ожидала от советских властей каких-либо неприятностей (о которых она предостаточно поначиталась там). Узнав о происшедших в Ростове событиях с Виталием Марковичем по короткому телефонному сообщению Л. Ю. в Москву, она могла обеспокоиться его судьбой, хотя Большой террор еще не наступил.

Мы же оставляем наше предположение лишь как недостаточно обоснованную версию, не опротестовывая других исследователей, которые относят первый арест Примакова к середине 1934 года.

В начале ноября Лиля Юрьевна с Примаковым, как и планировали, приезжают в Москву. Немного освободившись от московских дел, они с Осипом Максимовичем съездили в Ленинград и наконец-то побывали все вместе на «Камаринском».

Уже в декабре Л. Ю. подписывает в набор том 3, а в печать том 5 Полного собрания сочинений В. Маяковского, а Виталий Маркович 10 декабря сдает в Военное издательство только что законченную им большую работу по материалам своей учебы в Германии.

В середине декабря они вместе с Бриком уезжают в Ростов, где Осип Максимович остается до февраля.

А Евгения Гавриловна снова оказывается в Ленинграде, откуда продолжает информировать Осипа Максимовича о МАЛЕГОТовских делах.

1934 ГОД

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ И ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

С 26 января по 10 февраля в Москве прошел XVII съезд ВКП(б), на котором Примаков присутствовал в качестве делегата с решающим голосом от Северокавказской партийной организации (регистрационный номер 843)¹.

Съезд назвали «съездом победителей», тем самым отразив его парадный характер. Этому определению, на долгие годы вошедшему в историко-партийную литературу, соответствовал крайне мажорный тон докладов и речей, в которых полностью замалчивались трагические события, произошедшие после предыдущего партийного съезда. Во всех выступлениях не было сказано ни единого слова о том, что страна только что вышла из полосы длительной Гражданской войны, что по ней прокатились тысячи жестоко подавленных крестьянских восстаний, что в 1933 году голод унес миллионы жизней. Если торжественные рапорты об успехах и перемежались упоминаниями о трудностях и упущениях, то последние неизменно объяснялись либо сопротивлением классового врага, либо просчетами местных партийных организаций.

С отчетным докладом выступил генеральный секретарь партии Сталин.

Многие показатели экономического состояния страны в докладе были преднамеренно искажены в сторону их парадного улучшения.

Существенной фальсификации в докладе подверглась и демографическая статистика. Сталин объявил, что население страны за 1931–1933 годы выросло на 7,5 млн человек. Между тем в его распоряжении имелись достоверные данные о демографической ситуации в СССР. По свидетельству А. Орлова², в докладе ОГПУ, составленном для Сталина, указывалось, что только в 1933 году от голода умерло 3,3–3,5 млн человек. Кроме того, 2 млн человек (в основном кочевники-скотоводы Казахстана) в результате массового голода покинули страну.

На XVII съезде культ Сталина был окончательно возведен в норму партийной жизни. Не было ни одного выступления, в котором не содержалось бы хвалебных слов о Сталине и которое не завершалось бы здравицей в его адрес или восторженными восклицаниями, подчеркивающими мудрость его руководства.

Восторженная оценка доклада Сталина, звучавшая во всех выступлениях, была закреплена в речи Кирова, озаглавленной «Доклад товарища

Сталина — программа всей нашей работы». Киров назвал сталинский доклад «самым ярким документом эпохи» и заявил, что съезду не следует *«напрасно ломать голову» над выработкой резолюции по отчетному докладу ЦК, которая принималась на всех предшествующих съездах. Вместо этого необходимо «принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина».*

После публично продемонстрированного триумфа Сталина ошеломляющими оказались итоги выборов в Центральный Комитет. Они показали, что даже после ликвидации всех оппозиционных групп в руководящем эшелоне партии нарастало резкое недовольство Сталиным.

Во время работы съезда на квартире Орджоникидзе³ состоялось тайное совещание группы партийных руководителей. В числе участников этого совещания, на котором обсуждался вопрос о замене Сталина на посту генсека Кировым, были Киров, Эйхе⁴, Шеболдаев⁵, Шарангович⁶, Микоян⁷, Косиор⁸, Петровский⁹, Орахелашвили¹⁰, Варейкис¹¹. От кого-то из них (по-видимому, от самого Кирова) Сталин немедленно узнал как о самом совещании, так и об отказе Кирова от сделанного ему предложения.

Согласно некоторым свидетельствам, полученным комиссией Президиума ЦК, работавшей в начале 1960-х годов, Сталин заявил Кирову, сообщившему ему об этом совещании (или совещаниях): *«Спасибо, я тебе этого не забуду!»* Как справедливо замечает Хрущев¹², подобное заявление характерно для Сталина: *«в этом “спасибо” нельзя понять, благодарит ли он Кирова за сообщение (об отказе стать генсеком) или же угрожает ему. Этот эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем мясорубка».*

Результаты тайного голосования делегатов съезда в состав ЦК по указанию Сталина были фальсифицированы, так как фактически против него голосовали почти четверть делегатов съезда с решающим голосом — 292. Хотя Сталин и в случае оглашения действительных результатов голосования был бы избран в ЦК, столь внушительная цифра голосовавших против была для него крайне тревожным сигналом. Она свидетельствовала, что даже среди делегатов съезда, тщательно отфильтрованных аппаратом, почти четверть составляли тайные противники Сталина.

Хрущев считал, что ставший известным Сталину факт тайного совещания и результаты голосования на съезде явились главным побудительным мотивом убийства Кирова и последующей массовой резни, учиненной в партии и в стране. Аналогично оценивал данные факты и Микоян, подчеркивавший, что они вызвали у Сталина *«враждебность и мстительность ко всему съезду и, конечно, к самому Кирову»*¹³.

На следующий день после открытия съезда, 27 января, Примаков подписал в Воениздате в печать свою книгу, и через месяц весь тираж был уже отпечатан.

И вот она перед нами, по многим причинам крайне редкая в наше время книга:

В. Примаков
ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ И ВОЕННЫЕ ИГРЫ,
предложенные для решения
офицерам германского рейхсвера в 1933 г.
Перевод с немецкого и обработка В. М. Примакова
Предисловие А. И. Седякина¹⁴
Государственное военное издательство
Москва — 1934

В предисловии (с. 5—6) Примаков пишет:

Характерным для подготовки германской армии являются единый метод и единая система подготовки, начиная от учебного батальона и кончая высшими военными школами. В этой системе подготовки армии единственным официальным учебным пособием являются Устав и лишь несколько наставлений по методике: все остальное делают практическая школа, практическая работа и тренировка.

Соответственно с этим и работа в высших военных школах построена на принципе подготовки и воспитания стандартного типа офицера, воспитанного в единой офицерской традиции, с одинаковыми тактическими и оперативными взглядами и с примерно одинаково высоким уровнем общеобразовательной и специальной военной подготовки.

Основной метод работы высших военных школ — метод практического решения тактических и оперативных задач и военных игр.

Особенностью этих задач и игр является сосредоточение в каждой игре внимания играющих на одной данной теме и на ограниченном круге вопросов, прорабатываемых в связи с этой темой. Ответ на каждый из этих вопросов находится в соответствующих статьях Устава, и разбор руководителя построен на уставных положениях. Иногда разбор превращается в небольшую лекцию, темой для которой служит тема игры.

Отдельно следует отметить, что германские задачи дают малое количество сведений о противнике, причем сведения эти неопределенны и разбросаны. Это мотивируется тем, что на войне только в редких случаях сведения о противнике будут более подробными, и опасно на играх приучать командный состав откладывать оперативное или тактическое решение до получения подробных сведений, — приученный к этому командир на войне упустит время для принятия необходимого решения, которое, быть может, определит судьбу боя.

Сборник составлен из задач и игр, выбранных мною из числа решенных офицерами рейхсвера в 1933 г.

Эти задачи и игры я обработал на наших картах и дополнил приложенными к каждой игре вопросами по ходу игры и основными пунктами принципиальной части разбора, сделанного германским руководством.

Работая над этим сборником, я ставил себе целью, во-первых, дать пособие для работы штабов и командования, облегчающее подготовку и проведение военных игр и задач в корпусах и дивизиях, и, во-вторых,

дать материал проведения игр и задач для изучения военной мысли Германии — это разбор германских задач и военных игр.

К сборнику приложен перевод чернового проекта поправок к германскому «Уставу для ведения боя», которыми разрешено пользоваться на военных играх; поправки эти интересны, потому что они отражают путь развития германской военной мысли.

И далее — подробный разбор 15 тем военных игр и тактических задач, например, «Обеспечение переправы через реку во встречном бою», «Использование дивизии для контрнаступления при прорыве противником укрепленной позиции», «Кризис операции принуждает командарма кончить одно сражение и начать другое» и другие. Но много среди них и кавалерийских задач: «Конный корпус на фланге армии препятствует сосредоточению новой армии противника», «Внезапное нападение конницы и танков на колонны пехоты», «Конный корпус и танковый полк на фланге противника» и другие.

Все «военные действия» разворачиваются на западных рубежах СССР, с использованием советских военных карт.

Представляя Управление боевой подготовки РККА, А. Седакин так характеризует новую книгу Примакова (с. 3—4):

Наши командиры и политработники должны в совершенстве владеть знаниями и навыками руководства боем на уровне высших современных требований. Каждый высший начальник должен отвечать этому требованию и в области оперативного искусства.

С этой неоспоримо важной точки зрения большое значение имеет знание тактики и оперативного искусства, а также тактической и оперативной подготовки командного состава иностранных армий.

Я с особым удовольствием рекомендую начальствующему составу Красной армии, в первую голову высшему и старшему, внимательно прочесть и не только прочесть, но и проработать книгу т. Примакова.

Тов. Примаков — большой знаток целого ряда передовых иностранных армий...

Недостатком всех задач является отсутствие разработки по службе тыла, которая в современных условиях не только операции, но и боя имеет решающее значение.

Недостаточно с нашей, усвоенной уже высшим и старшим начальствующим составом, точки зрения активна роль танков и боевой авиации. В этой части содержание задач является уже этапом нами пройденным.

В своей совокупности все 15 задач позволяют довольно ясно представить себе принципы и методы тактики и оперативного искусства одной из передовых буржуазных армий. В этом — главное достоинство предлагаемой книги.

Я рекомендую книгу т. Примакова как полезное пособие для занятий с высшим и старшим начальствующим составом.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга, конечно, явилась большим событием в Красной армии. Изданная тиражом 13 000 экземпляров, она легла на рабочие столы не только «высшего и старшего начальствующего состава», но и младших командиров и, несомненно, сыграла бы большую роль в их подготовке к предстоящей войне с Германией, если бы не предстоящая чистка всего командного состава Красной армии, которая последовала через 3—4 года.

Сослуживцы поздравляли Примакова с успехом и желали ему дальнейших успехов в военной науке — «науке побеждать».

Сразу по окончании съезда Примаков и Л. Ю. возвращаются из Москвы в Ростов.

(173) Л. Брик — О. Брику (Москва; 9 февраля 1934 г.)¹⁵

Мой любимый единственный Кислит!

Очень грустно, что ты не послал мне из Киева телеграммки¹⁶. Сегодня едем в 12 ч. ночи.

Вот какие есть дела:

Стецкий¹⁷ сказал Виталию, что спрашивал Цыпина о причинах задержки в печатании сборника¹⁸. «Это оттого, — сказал Стецкий, — что ты, оказывается, печатаешься в сборнике «С Маяковским». Что это означает, мы так и не поняли, оттого, что тут начался доклад Кагановича¹⁹, и как Виталий не старался два дня найти Стецкого или Цыпина, — ему это не удалось.

Я бы очень хотела дать сборнику другое название, — боюсь из-за заглавия у Виталия будет много неприятностей. Заглавие понимается не в том смысле, что мы напечатаны с Маяковским, а в том, что мы с Маяковским во всех отношениях, — причем тут Виталий!?

Кисик, если ты найдешь это хоть в какой-нибудь мере возможным, — придумай другое название.

Корректуру тома «Мистерии-буфф» я обещала не позднее 15-го, а то они обещали рассыпать набор!²⁰ — [зачеркнуто Л. Ю. — А. В.].

ГИХЛ требует сдачи очередного тома ак. издания, который обещан к 10-ому.

Пожалуйста, поправь в моих воспоминаниях²¹ то, что найдешь нужным, по замечаниям Тренина, Харджиева²².

Не забудь о декларациях²³!

Подпишись, пожалуйста, на ак. издание за меня, себя и Виталия.

Генде²⁴ обещал помочь мне выселить народ из квартиры в Гендриковом, но тот человек, к которому я должна была заехать по этому делу, сейчас болен. Позвони Генде (телефоны записаны в длинной книжке), спроси, не выздоровел ли этот товарищ и заезжай к нему. Генде говорит, что он поможет с большим удовольствием.

Шуляковский²⁵ [вписано синим карандашом. — А. В.].

Проверь выигрышные билеты.

Зайди с Васей²⁶ в ГИХЛ поговорить о гонораре.

Если будешь здесь 10-ого, можешь позвонить и пойти в гости к Мейерхольду, Райх пригласила, — Мейерхольду исполняется 60 лет²⁷.

Новостей никаких. Дала Полине Юрьевне еще 125 р. — Фрида звонила²⁸.

Кислит, прочти внимательно все дела и постарайся их выполнить, и пошли мне телеграмму, и напиши письмо. А я буду стараться звонить по телефону.

По моему чеку денег еще нет.

Получила в Модпике²⁹ по твоему и при сем прилагаю свой.

Тебе звонили из ГИХЛа — насчет переводов для книги Шиллера³⁰.

Мы обещали Генде книгу о Беломорстрое³¹. Отдай ему, не жалей, Виталий достанет тебе другую.

Петя³² просмотрел «Мистерию», и Вася завтра сдаст ее. Подробно исправить можно будет в гранках. А то грозились рассыпать набор.

Напиши мне, мой сладенький!

А, главное, приезжай поскорее.

Целую 100000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Предлагаю назвать сборник «Альманах с Маяковским»³³ — это вполне уточняет смысл.

[Приписка на конверте:]

Осику

Возьми у Свешниковой в Огоньке Володин том.

[Письмо, по-видимому, было написано Л. Ю. в Москве перед отъездом в Ростов, О. М. в это время должен был вернуться в Москву из Киева.]

(174) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 12 февраля 1934 г.)³⁴

Дорогая, золотенькая Киска!

Только сел писать тебе письма, как ты позвонила. Пишу теперь заново.

Напрасно и ты, и Вит. М. так разволновались по поводу разговора моего, чтобы не печатать рассказы в сборнике³⁵.

Никому никакой здесь обиды нет.

Просто-напросто, я понял из разговоров Вит. М. с Ст-м³⁶ и моего разговора с Цыпиным, что вокруг участия В. М. в определенной, принципиальной творческой группе будет много толков и кривотолков.

Пока я думал, что это дальше бабских сплетен не идет, я на это считал возможным плевать. А теперь я вижу, что это не только бабьи сплетни, или верней, что этими сплетнями занимаются не только бабы.

Но если Вит. Марк-у на это наплевать и он считает, что имеет право выступать в той литературной группировке, которая ему ближе всего, то все в порядке.

Тут все дело в том, что это не случайный сборник, а совместное выступление людей определенных литературных вкусов, принципов и оценок. Вит. Марковича мы принимаем на все 100%; и если Вит. Марк. и нас принимает на все 100%, тогда все замечательно. Будем воевать вместе. И плевать на все кривотолки и сплетни!

В Киев я съездил хорошо. Сценарий сдали. Как будто, все в порядке.

Здесь очень много дел, которые хочется поскорее закончить.

В Ленинград я, должно быть, не поеду. Делать там нечего. С оперой я спешить не хочу, а зря трепаться не хочется.

Пузо мое гораздо лучше. Надеюсь, что через несколько дней совсем установится.

Деньги по твоему чеку получил.

Все порученья твои выполнил.

Пока все.

Целую тебя очень, очень крепко.

Поцелуй Вит. Марк.

Привет Пете³⁷.

Твой Ося

По возвращении Примакова из Москвы в Ростов Северо-Кавказский крайком партии, в котором он состоял, направляет его в поездку по региональным партийным организациям, чтобы самолично довести до них «исторические решения съезда победителей». Для удобства передвижения по назначенному маршруту ему выделили персональный железнодорожный вагон-салон. Он взял с собой в эту поездку Лилию Юрьевну и гостившего у них в Ростове П. Незнамова.

(175) Л. Брик — О. Брику (Пятигорск — Москва; 18 февраля 1934 г.)³⁸

Мой любименький, сладенький Кислит,

Все утро гуляли по Пятигорску, сейчас поедем в Кисловодск.

Вагон у нас чудеснейший, но ужасно трясет, хотя — огромный, со всеми удобствами (кресла, умывальники и т. п.) и прицеплен впереди.

Петя смешно сказал: «Тот вагон был крошечный, а какой молодец, а этот — такой большой болван».

Здесь ужасный Лермонтов³⁹.

Гротик малюсенький, тк что бала там никак не устроить.

Колодцев много. Все расскажем подробно.

Около грота, чуть повыше, беседка «Эолова арфа». Обидно, что ты не здесь. Съезди, когда приедешь, — интересно все-таки.

Целую мою мордочку 1000000 раз.

Всем приветы и поцелуи

Твоя (Киса — рис.)

При сем 10 фотографий.

(176) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ростов; 19 февраля 1934 г.)⁴⁰

Дорогая, золотенькая Кисанька!

Писать решительно не о чем. Обо всем поговорили уже по телефону. А ничего нового не случается.

Я вожусь со своими делишками. Очень скучное занятие доделывать вещи. А надо. Надо сдать переводы стихов, сценарий «Гача-аул», какие-то обещанные статьи и пр.

Олег Леонидович⁴¹ болен, у него грипп.

Бегаю один по всяким Модпикам⁴².

Мама твоя выздоровела. Собирается на работу.

Наташа⁴³ тоже выздоровела.

Надя Штеренберг заболела гриппом.

И Фиалка⁴⁴ тоже. Фрида тоже. И Геня⁴⁵.

Стараюсь найти для Мити⁴⁶ работу (службу). Пока ничего не выходит. 22-го мамино рождение. Фрида звонила и сказала, что от моего имени заказан крендель. Они с Верой⁴⁷ все организуют, а я должен уплатить деньги. Ладно!

Здоровье мое хорошее. Все ем. Желудок действует правильно. Болей нет. Только много газиков, — но это, по-моему, не существенно.

Играем иногда в ма-джонг слевой, Семей и Васей. Больше никаких развлечений нет.

Вообще, тускло. Хочется поскорей развязаться с делами и заняться чем-нибудь очень интересным.

Я почти сговорился в ГИХЛе о двух своих книжках. Одна — мои «Звуковые повторы» и «Ритм и синтаксис»⁴⁸. Вторая — о Володе, листов на 10⁴⁹. С удовольствием уеду в Ростов⁵⁰, чтобы делать эти книжки.

Нужно, вообще, делать книжки, какие хочется, и предлагать к изданию, — отложат на позже, когда-нибудь обязательно издадут.

Целую тебя очень нежно и очень крепко.

Очень тебя люблю. И ты меня люби и не забывай.

Твой Ося.

(177) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 19 февраля 1934 г.)⁵¹

Осик,

утром послала тебе фотографии из Пятигорска, а сейчас целую тебя из Кисловодска. Здесь чудесно. Сидим сейчас с Петей в вагоне и обедаем, а Виталий в Пятигорске на заседании бюро.

После обеда будем играть в безиг.

Целую Женю. Тебя целую в хвост и гриву.

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка]

Наконец-то и в наркомате обороны обратили внимание на книгу Примакова «Тактические задачи и военные игры», ее популярность у командного состава, и решили ее автора перевести на военно-преподавательскую работу. По запросу наркомата, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Н. Д. Каширин отправляет в Москву такую аттестацию на своего помощника:

В должности состоит полтора года... Культурный, проверенный в боях гражданской войны, вполне сложившийся командир. Хорошо знает несколько передовых иностранных армий. За время пребывания в округе перевел с немецкого и обработал на наших картах тактические задачи и военные игры, проигранные в 1933 году офицерами германского рейхсвера. Этот труд напечатан как полезное пособие для начсостава РККА.

В боевой подготовке округа участвует активно. Умеет хорошо организовать и поучительно провести занятия с высшим и старшим начсоставом... Во всей работе проявляет широкую инициативу.

Каширин⁵².

А какие же еще события происходят в мире, кроме вышеописанных?

Год начался с челюскинской эпопеи, за которой с глубоким волнением следила вся страна. Еще в 1933 году на советском пароходе «Челюскин», только что сошедшем со стапелей в Дании, была снаряжена экспедиция под руководством О. Ю. Шмидта с целью прохода из Мурманска во Владивосток в одну навигацию. В Беринговом проливе пароход был затерт льдами, вынесен в Чукотское море и 13 февраля 1934 года, раздавленный льдами, затонул. Участники экспедиции в количестве 104 человек высадились на лед и в течение двух месяцев в труднейших метеорологических условиях героическими усилиями летчиков были эвакуированы на материк. Всего самолеты сделали 24 рейса в ледовый лагерь челюскинцев, последний — 13 апреля.

АЛЬМАНАХ С МАЯКОВСКИМ

Четырнадцатого апреля «Литературная газета» публикует статью О. Брика «Из литературного наследства В. Маяковского»:

После четырехлетней проволочки ГИХЛ как будто всерьез взялся за издание полного собрания сочинений Маяковского.

На днях выходит пятый том, включающий в себя поэму «Про это» со всеми черновиками и вариантами.

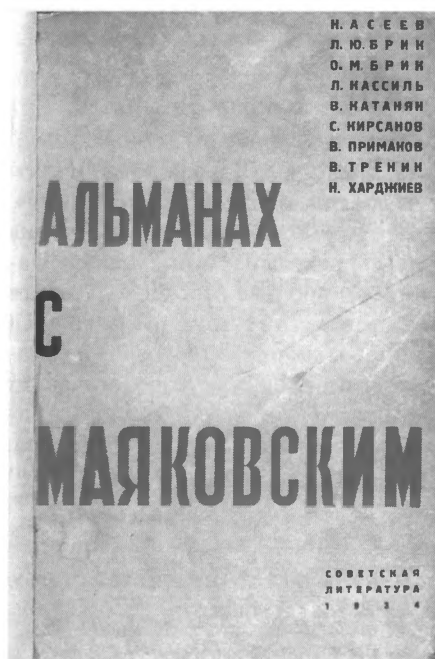
Основная задача первого полного собрания сочинений — дать с возможной полнотой все литературное наследство Маяковского. Задача эта не легкая.

Маяковский сам себя не коллекционировал, рукописей не хранил, а черновики рвал и выкидывал. Приходится разыскивать его произведения по журналам, газетам, сборникам, в недрах учрежденческих архивов и у частных лиц.

И вот он уже вышел — первенец желтого, как его впоследствии назовут книголюбы, первого Полного собрания сочинений В. Маяковского. Аккуратный, изящный томик, который, в отличие от его позапрошлого, старшего, мрачного синего брата, приятно взять в руки.

А еще через неделю появляется «Альманах с Маяковским». Правда, это название на обложке и титульном листе выглядело несколько диковато. В. А. Катанян в беседе со мной (20 марта 1979) вспоминал:

Название книги — «Альманах с Маяковским» — получилось неудачным. А поначалу мыслилось назвать ее так: мелкими буквами — «альманах», а крупными: «Н. Асеев, Л. Ю. Брик, О. М. Брик, Л. Кассиль, В. Катанян, С. Кирсанов, В. Примаков, В. Тренин, Н. Харджиев — С МАЯКОВСКИМ». Но издателям показалось неудобным связывать фамилии этой

Альманах с Маяковским. 1934 г.
Обложка

группы авторов с фамилией поэта, тогда их напечатали «по традиции» — сверху и помельче, как авторов помещаемого материала, слово «альманах» увеличили и опустили, — и получилась несуразица — «Альманах с Маяковским».

Но содержание альманаха было намного удачнее его названия. Книгу открывала вступительная статья Н. Асеева «Маяковский». Далее — несколько ранее не публиковавшихся работ самого Маяковского (в т. ч. «Любит, — не любит...», «Лиличке. Вместо письма» и др.), «Из воспоминаний» Л. Ю. Брик, «Камаринский мужик» О. М. Брика, из книги «Червонцы» В. М. Примакова, «Корни стихов» В. Катаняна и др.

Вот что пишет о нем Эльза Триоле в письме сестре⁵³:

Моя милая Лиличка, спасибо тебе за хлопоты и за альманах. Я с альманахом не расстаюсь, ношу его с собой, как носят любимую фотографию в сумке. И качество, и про Володю! Может быть, я пристрастна, я даже наверное пристрастна, тем лучше для меня — больше удовольствия!

Рассказы В. М. совсем первоклассные. Таким языком сейчас просто никто не пишет, один Горький. Все, что я читала о гражданской войне, всегда утопало в литературе, и я так и не выяснила, что это такое было, — в первый раз поняла из этих рассказов. Это написано прекрасно, как пишут люди, для которых это не главное занятие — есть у них дело, они про него пишут. Интересно, будет ли широкий успех или только у знатоков. Первое

поколение литературных снобов интересуется только Пильняками⁵⁴, а спокойная, человеческая речь их не задевает.

Очень хороши заметки Катаняна. Володя как живой!

Все остальное я уже читала.

«Альманах» стал заметным событием в жизни литературной Москвы, ему была посвящена передовица «Литературной газеты» от 6 мая 1934 года, в которой, в частности, говорилось:

Замысел сборника, видимо, — дать представление о существе борьбы и работы Маяковского и продолжить дело, им начатое.

Маяковский в сборнике — двойственен.

В воспоминаниях — он могучий, яростный, живой человек с ясной головой и отчетливо выраженными симпатиями и антипатиями.

В статьях о нем он неожиданно является служителем некоего культа «общественной установки» в противовес личной лирике (Асеев) и поэтом с явственно выраженной склонностью к формализму (Тренин и Харджиев).

Значение стихов Маяковского в формировании социалистической поэзии огромно. «Альманах с Маяковским» — первая попытка сказать об этом «во весь голос». Поэтому альманах, несмотря на все свои недочеты — большое событие в нашей литературе.

Но обратила на себя внимание и подчеркнутая «групповщина» авторов-лефовцев (в т. ч. и «примкнувшего к ним» Примакова). И это — накануне Учредительного съезда писателей, подготовка к которому шла полным ходом.

С 10 мая «Литературная газета» начинает публикацию материалов на встречу Съезду писателей, до него остается чуть более 40 дней:

10 мая. Начинается прием в Союз писателей. Постановление президиума Оргкомитета ССП СССР «О приеме в Союз»:

Утвердить комиссию по приему в члены Союза советских писателей в следующем составе: председатель — П. Юдин⁵⁵, члены комиссии Вс. Иванов, П. Павленко, К. Федин, Н. Асеев, Ф. Гладков, А. Афиногенов.

С 10 мая начать прием в члены Союза советских писателей.

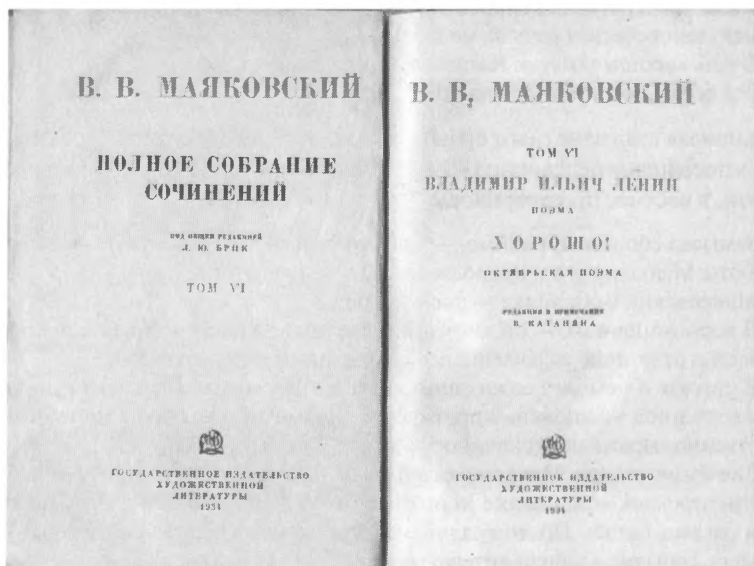
Писатели и критики, желающие вступить в члены Союза, должны подавать заявления в Оргкомитет ССП в комиссию по приему.

14 мая. Решение Президиума Оргкомитета.

Решением Президиума Оргкомитета ССП СССР членский билет Союза писателей № 1 будет выдан Алексею Максимовичу Горькому.

Кроме того, решением Президиума приняты в Союз писателей члены комиссии по приему тт. Юдин П. Ф. <...>

Тринадцатого мая состоялось первое заседание комиссии по приему в ССП СССР. Решением комиссии приняты в члены Союза советских писателей следующие товарищи: Безыменский А., Караваева А., Зелинский К., Ясенский Б., Петров Е., Ильф И. <...> (всего — 12 человек, не приняты — 20 человек).

В. Маяковский. Полное собрание сочинений, том VI (ГИХЛ, 1934 г.)

22 мая. На [пятом. — А. В.] заседании комиссии по приему в ССП СССР 21 мая приняты в Союз писателей следующие товарищи: Брик О., Платонов А., Селивановский А., Динамов С., Бабель И., Уткин И., Тренев К., <...> (всего — 22 человека, не приняты — 35 человек).

ДУХ ПРОСТОКВАШИ

Итак, Осип Максимович стал членом Союза писателей, получил членский билет и В. А. Катанян. Ни Л. Ю., ни Примаков, естественно, даже не подавали документы в приемную комиссию, так как не смогли бы представить достаточно убедительный «подробный перечень литературных произведений с указанием названия их и года издания», который по правилам следовало бы приложить к заявлению.

Одиннадцатого июня газета «Правда» опубликовала итоги конкурса на оперу, балет и симфонию:

В Москве закончило работу жюри Всесоюзного конкурса по созданию симфонии, музыки и либретто. Конкурс был объявлен в 1932 году Государственным академическим Большим театром СССР и редакцией «Комсомольской правды» в ознаменование 15-летия Октябрьской революции.

На конкурс было представлено 11 симфоний, 37 опер и 3 балета.

Срок для представления на конкурс опер и балетов окончился 1 января 1934 г.

В течение нескольких месяцев жюри конкурса под председательством тов. Боярского⁵⁶, прослушав поступившие оперы и балеты, установило,

что ни одно из представленных произведений не отвечает полностью объявленным требованиям конкурса.

В итоге — первая премия не присуждена никому.

Две вторые премии по 12 000 руб. присуждены за оперу «Именины» (из эпохи крепостного права), музыка В. Желобинского (Ленинград), либретто О. Брика и «У перевоза» (тема из эпохи Пугачевского восстания), музыка и либретто А. Ф. Гедике⁵⁷.

Новость, конечно, была очень приятной для Осипа Максимовича, но сам-то он не очень высоко ценил свое либретто к «Именинам» по сравнению с «Камаринским мужиком», а вот ведь как получилось. При вручении премии было сказано, что Большой театр будет ставить на своей сцене награжденные оперы и балеты, и это было не менее приятной новостью, чем сама премия.

Девятнадцатого июня вся Москва высыпала на улицы — на Белорусский вокзал прибыли герои года — челюскинцы. Кортёж машин с челюскинцами проследовал по улице Горького на Красную площадь. Улица была усыпана цветами, украшена знаменами и транспарантами, все тротуары и балконы домов были заполнены ликующими москвичами. На Красной площади состоялся митинг. Семь летчиков, участвовавших в спасении челюскинцев, были удостоены только что введенным в СССР званием Героя Советского Союза.

Однако в конце июня эти триумфальные события омрачились для Осипа Максимовича одной неприятностью, которая могла бы получить и дальнейшее развитие.

В руки Брика попала только что вышедшая из печати брошюра Осипа Бескина⁵⁸ «Формализм в живописи», в которой автор с резкой критикой обрушивается на советских художников: Тышлера, Барто, Филонова, Штеренберга, Шевченко, Древина, Удальцову, Лабаса, Истомина и других, обвиняя их в формализме, который всегда представлялся «чумой» для советского искусства.

Осип Максимович выступил в «Литературной газете» со статьей «Дух простокваши», которую заключает так: «...*Нельзя выдавать за критику, за дискуссию безграмотную пошлятину, которую позволил себе Бескин в своей брошюре. Талантливые советские художники заслужили лучшего*»⁵⁹.

Буквально через два дня, 28 июня, главная газета страны — «Правда», или, как ее еще называли тогда, «центральный орган» («Ц. О.»), — выражающая точку зрения руководства партии по всем актуальным вопросам, опубликовала статью партийного функционера С. Динамова⁶⁰ «Адвокат формализма», которой дала отпор и Брику, и «Литературной газете», выпустившей ранее его статью:

Напечатав 26 июня статью О. М. Брика «Дух простокваши», газета неожиданно выступила покровительницей формализма в живописи, этого проводника буржуазной идеологии.

Формалисты называют себя «левыми», очевидно, только потому, что питаются самыми гнилыми отбросами искусства капиталистического Запада. Они притихли за последнее время, но как они шумели.

К счастью, не существует больше печальной памяти коллегия отдела ИЗО Наркомпроса прежних времен, в которой заседала тройка: Д. Штеренберг, Н. Пунин⁶¹ и О. Брик. Нет коллегии, но зато есть формализм в живописи, закостеневший за эти годы, ставший жалко-яростным от своего полного бессилия. Прошедшие выставки Наркомпроса РСФСР и Реввоенсовета показали, что реализм в живописи победил по всему фронту, что формалисты не могли выставить ни одного интересного полотна.

Да и кому нужны их кривлянья, кому нужны их дешевые трюки, взятые напрокат у самых гнилых художников Запада?

Не приходится особенно удивляться тому, что лефовец О. Брик выступает в роли защитника формализма. Именно он был ближайшим соратником Д. Штеренберга по ИЗО Наркомпроса, проводившего вреднейшую левацкую политику.

Но «Литературная газета» совершила серьезную ошибку, напечатать статью, направленную против социалистического реализма и дезориентирующую весь фронт советского искусства.

Редакция «Литературной газеты»⁶² не на шутку испугалась окрика «Правды» и обвинения в поддержке формализма, да еще накануне Съезда писателей, и через два дня, в номере от 30 июня, опубликовала покаянное письмо.

От редакции.

Редакция считает ошибкой помещение статьи О. Брика «Дух простокваши» в «Литературной газете» от 26 июня. Как правильно указано в «Правде» («Адвокат формализма», № 176 от 28 июня с. г.) статья О. Брика замазывает реакционную сущность формализма, его чуждый нам буржуазный характер, его опасность для советской живописи. Задача развития советской живописи в духе социалистического реализма О. Бриком совершенно обойдена.

Исходя из неправильных теоретических установок, О. Брик, с одной стороны, дезориентирует фронт изобразительного искусства и затрудняет борьбу с формализмом, а с другой, искажает правильное и необходимое дело борьбы с вульгаризаторской критикой, примеры которой в частности содержатся в книге О. Бескина.

Вот так непоследователен был главный рупор партии: то вознес до небес, назвав лауреатом Всесоюзного конкурса (в номере от 11 июня), то обрушил с небес на грешную землю, назвав апологетом ненавистного всем формализма (в номере от 28 июня); как говорится, большое спасибо за «всегда справедливую партийную критику!».

И не высовываться! И забыть про задуманный 2-й выпуск «Альманаха»!..

В архиве О. М. Брика в РГАЛИ сохранились два интересных документа, относящихся к этому вопросу.

Н. Асеев, С. Кирсанов — О. Брику (Теберда — Москва, 2 июля 1934 г.)

«А надо бы доругаться!»

В. Маяковский

Дорогой Осинька!

Как чудно забраться в щель между гор и не видеть приросших к голове огромных глупостей Динамова или, если увидеть их, то через пять дней после появления в Ц. О. уже прокисшими и разложившимися.

Мы с Семей расстреляли его статью из мелкокалиберной винтовки. Кучность хорошая. После, помывшись в душе, мы стали думать и гадать, что делать в ответ на эти гадости, которые, конечно, продолжают рапповскую политику истребления всего, что не подходит под мерку чиновничьего полусогнутого преклонения перед иконами. Мы думаем, что необходимо с осени объединить всех мало-мальских талантливых искусников в одну компанию. Иначе, нас Динамовы будут бить по-одиночке, не боясь и не стыдясь своей бездарности. Вы видите, что (нрзб.) компания Динамов-Бескин-Ермиловых действует одной стаей, и если затронешь одного, сейчас же завоет другой шакал. Нам нужно противопоставлять им обязательно и Тышлера, и Мейерхольда, и музыкантов, чтобы люди эти не были козлами отпущения за размалеванный ренессанс пошлости и бездарности, выдаваемый за социалистический реализм. В общем, необходим фронт побоевее и пошире.

Мы толстеем и закаляем нервы для зимних схваток с сукиными детьми. Приедем к 10 августа, хорошо бы застать Вас в Москве. Подумайте, кого можно было бы привлечь?

Целуем Вас крепко и ждем Ваших сообщений насчет всего этого.

Лилечку обнимаем, целуем, и то же самое Женю.

Ваши рассвирепевшие друзья — Коля Асеев и Сема Кирсанов.

Курорт Теберда Карачаевской автон. республики, д/о КСУ.

2 июля 1934 г.

Н. Асеев, С. Кирсанов — О. Брику (3 июля 1934 г.)

«ДИНАМОВА ПРОЧЛИ ОМЕРЗЕНИЕМ ШЛЕМ ПИСЬМО ЦЕЛУЕМ КОЛЯ СЕМА»

[телеграмма]

Лиля Юрьевна в последние июньские дни была в Москве, но теперь собралась «домой», в Ростов, вместе с Надей Штеренберг, а Осип Максимович с Женей — в пароходное путешествие по Оке и Волге, чтобы выветрить «дух простокваши».

(178) Л. Брику, Н. Штеренберг — О. Брику (Скуратово — Москва; 27 июня 1934 г.)⁶³

Любименький Ослит,

мы едем очень хорошо — вдвоем в 4-х местном купе.

Вагон-ресторана нет, но у Нади масса колбасы, и на вокзалах продают булочки, яйца, огурцы, ягоды и т. п.

О. М. и Л. Ю. Брик (1930-е гг.)

Играем в рамс.
 Мене пока что зверски обыгрывают, но еще не утро!..
 Я по тебе ужасно скучаю.
 Целую 1000000 раз.
 Твоя (Киса — рис.)
 Поцелуй Женю и кошков.
 Целую. Надя.

(179) О. Брик — Л. Брик (Коломна — Ростов; 30 июня 1934 г.)⁶⁴

Дорогая, любименькая Кисанька!

Я уже здорово отдохнул. Настроение чудное. Погода замечательная. Кормят хорошо. Каюта пока одна, но обязательно дадут еще одну.

Выехали мы с опозданием: вместо 6 часов вечера 29-го, выехали в 5 ч. утра 30-го. Но нам наплевать. Мы уже были на пароходе и спали.

Фамилия пароходнику «Разведчик», каюта № 2, первого класса.

Если не лень, пиши и телеграфируй по такому расчету: 5-го мы должны быть в Казани, а 9-го в Уфе.

Адрес: Казань-пристань или Уфа-пристань и т. д.

Нас провожали: Лева, Вася и Олег Леонидович.

Лева должен был послать тебе телеграмму. Надеюсь, что он это сделал.

День провели чудно. Много спали, гуляли по палубе. Грелись на солнышке.

Читать пока не хочется.

Ели чудные сухари Аннушкины и варенье. Чай пили собственный и сахар свой.

Пока все.

Целую тебя крепко, очень крепко.
 Поцелуй В. М.
 Твой Ося.
 Женя целует вас.

(180) О. Брик — Л. Брик (Касимов — Ростов; 2 июля 1934 г.)⁶⁵

Любимый Кисик!
 Погода все время чудесная. Ехать очень приятно. Голова отдыхает
 вовсю. И нервы тоже.
 Как твои делишки? Очень интересно узнать.
 Может быть, ты напишешь в Уфу?
 Крепко тебя целую и В. М.
 Ося.
 Женя целует.
 [Открытка]

(181) О. Брик — Л. Брик (Казань — Ростов; 5 июля 1934 г.)⁶⁶

Любимая Киска!
 Погода все время чудная. Настроенье прекрасное. Поправляемся вовсю.
 Что делается на свете — неизвестно: ни писем, ни газет нету.
 Целую крепко миллион раз.
 Твой Ося.
 [Открытка]

(182) О. Брик — Л. Брик (Уфа — Ростов; 9 июля 1934 г.)⁶⁷

ПОЗДРАВЛЯЕМ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=
 [Телеграмма]

С чем же поздравляют Осип Максимович с Женей из Уфы Лилию Юрьевну (и, по-видимому, Примакова)? Можно предположить, что их ожидало в Уфе письмо от Л. Ю. (которое, возможно, увы! не сохранилось во время последующих чисток домашнего архива, а может быть, между нашими героями состоялся телефонный разговор) о назначении Виталия Марковича на должность заместителя инспектора высших учебных заведений Красной армии с переводом в наркомат обороны в Москву. Несмотря на то что это «повышение» было весьма условным, радовал (в первую очередь Лилию Юрьевну) предстоящий переезд из уже порядком поднадоевшего Ростова в столицу, в родную арбатскую квартиру, в круг московских друзей.

Английский исследователь Р. Конквест в своей работе «Большой террор» со ссылкой на другой источник⁶⁸ пишет, что «он [Примаков. — А. В.] уже находился в руках НКВД — по-видимому, в 1934 году — так что [впоследствии. — А. В.] был особенно уязвим».

Сын Примакова, Юрий, на мой вопрос по поводу этой публикации отвечал мне (в письме от 25 марта 1990 года): «О неприятностях у отца с НКВД ничего определенного сказать не могу, ...но думаю, что по поручению

Кисик! я ушел. Буду у
 Жени. Кривду домой в 3 часа.
 Обедать могу в любое время
 от 3 до 4.30.
 Кофе в каком порядке. Кисик ^{здоровье!}
 Вода на кухне не векишна.
 Газ, obviously падает.
 Целую крепко!
 Внеси мясо, ешь икру!
 Сит внеси!

Записка О. М. Брика к Л. Ю. Брик

Сталина слежку организовывали заранее... Вождь был предусмотрителен и люди, связанные с заграницей, представляли для него повышенную опасность».

А вот Аркадий Ваксберг в своей книге о Лиле Брик дает (не называя источник!) более подробную картину происшедшего (путая и факты, и даты):

Тут вдруг произошло нечто совершенно невероятное. Во второй половине 1934 года (за отсутствием документальных данных конкретную дату назвать невозможно) Примакова арестовали. Что в точности произошло, какие причины побудили Сталина прибегнуть к такой мере, не вполне ясно и по сей день. Арест длился всего неделю (по другим сведениям — около двух недель), и в результате вмешательства Ворошилова, который был тогда наркомом обороны, Примакова освободили. Эпоха Большого Террора еще не началась, так что для очень высокопоставленных товарищей добиться освобождения кого-то не составило труда.

Шок, испытанный Примаковым и Лилей, пришлось залечивать в Кисловодске. О случившемся предпочитали не вспоминать. Арест искренне воспринимался как случайная ошибка, которую чистейшие и справедливейшие лубяньские товарищи всегда, если есть основания, исправляют, не стараясь упорствовать в своей правоте...

В ходе декабрьской перетряски кадров, вызванной новой ситуацией, возникшей в стране, Сталин на короткое время нашел для Примакова местечко в Москве. Тот получил скорее символический, чем означавший что-то реальное пост заместителя инспектора высших учебных заведений Красной армии [Ваксберг, 1998. С. 289–293].

Климент!
 к уху в:
 1) Механический
 2) Лист - галстук
 3) Футболка
 4) Кошачья
 и домашняя
 Уху уху
 М. Брик

Записка О. М. Брика к Л. Ю. Брик

Что касается отношений в этот период Примакова с Ворошиловым, то официальный биограф и боевой товарищ Виталия Марковича пишет:

Виталий сказал, что недавно [1933. — А. В.] в Москве, в Центральном тире они встретились с наркомом. Климент Ефремович похвалил Примакова: «В очках, а как лупит... После стрельб они тепло побеседовали. И, видать, все старое забыто. Мне показалось, что все это радовало и окрыляло заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом... После той беседы в тире случилось чудо, — кто со мной не здоровался пять лет, за пять километров козырял.

Нельзя считать, что последняя книга Примакова — «Тактические задачи германского генштаба» — не сыграла никакой роли в его судьбе. Очевидно нарком учел не только ценность исследования, но и незаурядные данные самого автора. Знаменитого рейдиста позвали на работу в штаб РККА. Возложили на него руководство всеми высшими учебными заведениями Красной Армии, то есть военными академиями [Дубинский. С. 155, 163].

Однако такое хорошее отношение Ворошилова к Примакову не нашло подтверждения в 1936—1937 годах.

Итак, новую должность Примакова можно расценивать и как признание значения его книги «для занятий с высшим и старшим начальствующим составом» (а ему придется теперь проверять в военных академиях, как проходят эти занятия), и как компенсацию за «инцидент с ОГПУ».

В Москву они с Лилей Юрьевной перебираются из Ростова незамедлительно (вещи — потом!) и поселяются в арбатской квартире вместе с Осипом Максимовичем. Примакову, по его новой должности, выделяют дачу в военном городке подмосковного поселка Красково.

Г. Г. Ягода

Следом еще одно событие: 10 июля на базе действовавшего до этого ОГПУ образован Наркомат внутренних дел СССР, или НКВД, наркомом которого назначен Г. Г. Ягода (вместо бывшего председателя ОГПУ В. Р. Менжинского), а главное — первым заместителем этого наркома назначен Я. С. Агранов (или — «друг семьи Яня»)! Как говорится, *«Примите наши поздравления!»*

Лиля Брик и КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

В конце июля Лиля Юрьевна получила неожиданное письмо:

Лиля Юрьевна!

Пишут Вам друзья и ученики Казимира Севериновича Малевича. В течение 10 месяцев К. С. тяжело болен... Сейчас с очевидностью выяснено, что это — рак. Вопрос стоит о радикальных мерах лечения. В данный момент оба радиевых института закрыты на летнее время. Сроки процесса этой болезни заставляют нас думать об отправке К. С. в Париж, где, как нам стало известно, лечение рака предстательной железы дает очень большие результаты. Лечение потребует 1–2 месяца. Здесь мы начали действовать через Союз Советских Художников и Облпрофсовет, но все это очень трудно...

Все это заставляет обратиться к Вам и Осипу Максимовичу, знающим Казимира Севериновича и его значение в искусстве, с просьбой сделать все возможное, чтобы спасти его от скорой и мучительной смерти и помочь осуществить поездку за границу.

Вопрос о деньгах на лечение и жизнь, которые определяются суммой, примерно, в 1000 руб. золотом, может быть можно поставить так, что

К. С. разрешает вывести с собой часть картин и что, продав их там, он вернет деньги государству.

Состояние К. С. настолько тяжело психически, что приходится скрывать от него истинное положение, и о том, что у него рак, ему не известно. Поэтому и пишет не сам К. С., а его друзья, и просьба к Вам письма посылать по адресу: Ленинград, Главный почтамт, до востребования Наталье Андреевне Малевич.

20.07.34 г. Художник Н. Суетин⁶⁹.

Еще в 1918 году они вместе работали в Петрограде над постановкой «Мистерии-буфф» Маяковского к первой годовщине Октября.

«Главным режиссером являлся Вс. Мейерхольд, сорежиссерами — В. В. Маяковский, Л. Ю. Брик и В. Н. Соловьев⁷⁰ (в качестве сорежиссера был также намечен С. Э. Радлов, но он отказался от участия). Художником спектакля был К. Малевич»⁷¹.

С тех пор они, кажется, больше не встречались, но, конечно, помнили друг о друге. И вот теперь это письмо.

Впрочем, это письмо писали его друзья, которые могли и не знать об их первой встрече 15 лет назад. Скорее, они выбрали ее как адресата своей просьбы, видя в ней влиятельную особу, которая может проявить милосердие к известному умирающему художнику и походатайствовать где надо об отправке его на лечение за границу (за его же деньги!).

Ее ответная реакция на это письмо мне неизвестна, но мы еще вернемся к нему в следующей части (1935 год).

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД «ИНЖЕНЕРОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»

4 августа в Малом зале Консерватории состоялось общегородское собрание писателей, созданное Оргкомитетом ССП для проведения выборов делегатов на Всесоюзный съезд писателей.

Всего было подано в ССП свыше 1000 заявлений, принято в качестве членов Союза — 500 чел., в качестве кандидатов — 200 чел.

Партийный состав Союза: 146 членов партии и кандидатов, 5 комсомольцев, 350 беспартийных⁷²

Осипа Максимовича не выбрали делегатом съезда, но после публикации извещения: *«Члены Союза советских писателей, живущие в Москве, могут получить билеты на право посещения съезда в Оргкомитете»⁷³* — он и В. А. Катанян получили гостевые билеты.

На предстоящий съезд приехали Арагоны, хотя до самого последнего момента их приезд в Москву был под сомнением⁷⁴.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей прошел с 17 августа по 1 сентября под председательством вернувшегося из Италии в СССР А. М. Горького. О самом съезде, докладах А. М. Горького и Н. И. Бухарина⁷⁵, кроме стенографического отчета, опубликовано немало литературы

и не имеет смысла повторяться. Я же хочу процитировать лишь некоторые моменты съезда — выступлений его участников — по страницам «Литературной газеты».

«ЛГ» от 22 августа 1934 года; В. Б. Шкловский:

Мы, — в частности, бывшие левовцы — сеяли в жизни полезное, думая, что это эстетика. Мы, будучи конструктивистами, создали такую конструкцию, которая оказалась неконструктивной. Мы недооценили человечности и всечеловечности революции.

Маяковский, имя которого должно быть здесь произнесено, Маяковский, без упоминания о котором не может пройти Съезд советских писателей, виноват не тем, что он стрелял в себя, а тем, что он становился «на горло собственной песне». Он не понял, что революции нужны песни, что для них не требуется жертва.

«ЛГ» от 23 августа 1934 года; Л. А. Кассиль:

Говоря о будущем, нельзя не упомянуть о том, кто больше всех, может быть, в советской литературе, задумывался о нем: нельзя не упомянуть о Маяковском. Об огромной роли Маяковского в советской поэзии скажет, вероятно, Н. И. Бухарин в своем докладе. Я же хочу обратить внимание съезда на то, что недавно закрыта постоянная выставка Маяковского, последнее место, где можно было углубленно познакомиться с творчеством великого поэта революции.

«ЛГ» от 29 августа 1934 года:

Стихийно встает зал, когда тов. Бухарин произносит имя Маяковского. Бурными, долго не смолкающими овациями покрываются слова, которыми докладчик характеризует колоссальную мощь Маяковского, его исключительную роль в обновлении советской поэзии новыми ритмами, образами, метафорами, его мировое значение как поэта революционного.

«ЛГ» от 1 сентября 1934 года; Н. Н. Асеев:

И когда говорят о том, что мы, друзья Маяковского, пытаемся установить какой-то культ Маяковского, какую-то единственную правильность его формы, — это чепуха. Мы говорим о поведении Маяковского, о культуре его биографии, и вот к чему мы приковывали внимание поэтов всего мира, поэтов всей нашей страны, поэтов, которые должны рассматривать и ценить культуру биографии Маяковского. И правильно т. Харик⁷⁶ сказал, что весь зал вставал не в честь мертвого Маяковского, а в честь ощущения той жизни, которая продолжает биться с его страниц и еще долгие годы будет ориентиром и руководством для такого типа культуры биографии поэта. (Аплодисменты). И мы видим, товарищи, что это не случайное явление для нашей страны, что мы имеем фигуры товарищей, стоящих в общей связи с типом работы Маяковского при самых разнообразных формальных качествах, при самом разнообразном их облике, при самых разнообразных вкусах, симпатиях и т. д. Все эти люди активно участвовали в создании облика

Выступление А. М. Горького на Первом съезде советских писателей в Москве (17 августа 1934 г.)

советского поэта, они создали этот облик непререкаемой цельности и твердости, они создали ясное представление о правильности этого пути.

«ЛГ» от 1 сентября 1934 года; А. И. Безыменский:

Сказать о Маяковском, что это «рыкающий лев революции», значит, ничего не сказать. Сказать, что Маяковский стал «классиком», значит, опять-таки ничего не сказать. Десяткам поэтов, идущим и пришедшим к нам из чужого класса, важно показать, как стал он этим классиком, показать все сложные перипетии его пути, его трудной борьбы с чужими влияниями, которые родили «Про это» и которые заставили его героически вставать на горло собственной песне, когда она оказывается чужой. Показать его срывы, болезни и преодоление этих болезней — гораздо более актуальная задача, чем изящная монография о волосатости рук Маяковского. Не наступая на горло чужой песне, Маяковский не смог бы дать свою, новую, нашу песню. В оценке Маяковского мы стоим и бывшим левовцам, которые канонизируют его и даже его метрику (что недавно делал в докладе т. Асеев), бывшим левовцам и всем, забывающим ошибки Маяковского, и тем, кто приуменьшает его значение. Ошибки Маяковского в докладе вскрыты не были.

«ЛГ» от 1 сентября 1934 года:

С заключительным словом выступает Н. И. Бухарин... Касаясь всех упреков, которые были сделаны по его адресу в связи с его высказываниями о Маяковском, т. Бухарин заявляет, что он против фетишизации Маяковского,

против всякого идолопоклонства; нужно самым серьезным образом понять, что мы сейчас нуждаемся в более сложном виде политической поэзии, следовательно, и в более сложных формах этой поэзии.

С докладом на съезде выступил и Арагон.

Он говорит о необходимости сплочения писателей-антифашистов. Ассоциация революционных писателей — авангард французского искусства, опираясь на традиции национального фольклора, возрождая гуманистическое наследие Золя и Рембо, Курбе и Сезанна, «должна показать писателям и художникам ту дорогу, следуя по которой мы будем способствовать созданию культуры будущего, социалистической культуры». Социалистический реализм, подчеркнул Арагон, может развиваться «не только в масштабе национальностей СССР, но и в масштабе национальностей всего земного шара»⁷⁷.

Горький провозглашает на съезде социалистический реализм — новый метод, ставший обязательным во всех областях культуры, а Сталин дарит писателям громкий титул «инженеры человеческих душ».

Начиная с предпоследнего дня съезда и до его окончания Осип Максимович не посещает заседания и другие мероприятия «по семейным обстоятельствам»: заболела ангиной Женя. Они остаются на даче в Красково, а Л. Ю. — в Москве.

(183) Л. Брик — О. Брику (Москва; 31 августа 1934 г.)⁷⁸

Кислит!

Олег Леонидович денег пока не получил. Приехать к тебе он тоже пока не может, оттого что Мар. Ив.⁷⁹ попала в протезный институт, — на нее свалилась балка и расшибла ей бедро.

Съезд закрывается 1-ого, от 4—6 ч., после чего писатели идут на Красную пл. (МЮД⁸⁰). А в 10 ч. вечера банкет в Доме Союзов для делегатов с реш. и совещ. голосами, и для некоторых приглашенных. Сема говорит, что жен писателей решили не приглашать, «оттого, что они все неинтересные», а вместо них приглашают разных актрис!

Иностранные писатели приглашаются с женами!

От Вити пока телеграммы нет⁸¹.

Была вечером у Эльзы, — видела там Кирсановых, Ксану, Васю, Леву. Говорят, на съезде сегодня было очень скучно. Битый час разговаривал Юдин⁸², — я так и не добила толку — о чем.

Аросев⁸³ угощал сегодня французов изумительным завтраком, — был и Бухарин, но разговора никакого не вышло.

На месте Храма Спасителя пока решили ничего не строить. А архитекторов наших посылают за границу — поучиться.

Семка делает вид, что ему очень весело, но по-моему, он притворяется. «Правда» нарочно поместила Семкин портрет под докладом Бухарина за то, что он про Сему ничего не сказал. Сема говорит, что Бухарину попало за доклад от кого следует. Сурков и Безыменский пожаловались на Бухарина в Контрольную комиссию (за Заключение слово).

Лавут⁸⁴ ищет помещение для Вечера поэтов: Арагон, Альберти⁸⁵, Асеев, Кирсанов, Безыменский.

Арагон был у врача: у него воспаление почек. Посылают в Эссенуки.

1 сентября 1934 г.

Вася приедет сегодня вечером или завтра утром.

«Правду» от 31-ого⁸⁶ я взяла у Нины Владимировны⁸⁷, — она просила вернуть, тк что прочти и спрячь.

Сейчас бегу по своим делишкам.

Я ужасно боисси, что ты заразился ангиной!! Говорят, что сейчас свирепствует очень опасная, с последствиями.

Ингалятор я взяла в кремлевской лечебнице под залог, говорят, — очень хороший. Если он все-таки не будет действовать, то советуют сварить кастрюлю картошки в шелухе, слить воду и ингалировать пары этой картошки — над кастрюлей, накрывшись полотенцем.

Алекс. Гавриловна сказала, что обязательно придет⁸⁸.

Очень прошу вызвать врача, — Надя⁸⁹ знает в Малаховке⁹⁰ очень хорошего.

Крепко целую. Ужасно люблю.

Твоя (Киса — рис.)

[Письмо местное, отправлено с домработницей на дачу О. М.]

(184) О. Брик — Л. Брик (Москва; 1 сентября 1934 г.)⁹¹

Дорогая Кисанька!

Большое спасибо за «передачу». Все очень интересные вещи.

Ингалятор мы уже испробовали. Действует прекрасно.

Женя хворает, как полагается при ангине.

Но я все-таки решил вызвать врача. Съездил в Малаховскую поликлинику. И там обещали сегодня же прислать горловика. Он должен быть около 7 часов.

Я принимаю меры, чтобы не заразиться. Часто мою руки и полощу горло перекисью.

Кормит меня М. П.⁹² чудно. Я сам купил себе 10 яблок и попросил сварить себе компот, каковой уже и съел.

Погода хмурая, но тепло.

Больше происшествий не было.

Крепко целую. Люблю. Жду.

Ося.

Женя целует и благодарит.

[Письмо местное]

Съезд закончился избранием правления и других руководящих органов Союза советских писателей. Созданный почти одновременно с НКВД, ССП также стал своеобразным «Наркоматом советских писателей». Первым секретарем ССП СССР стал партийный функционер А. С. Щербаков⁹³. Хотя формально Союз возглавлял А. М. Горький, все административные, хозяйственные и политические вопросы в ССП решались Щербаковым.

ОСЕНЬ НА КАВКАЗЕ

Вскоре после окончания съезда О. М. Брик уезжает на отдых в Кисловодск. Однако новое писательское ведомство выделяет ему только одну санаторную путевку, поэтому Евгения Гавриловна остается в Москве.

(185) Л. Брик — О. Брику (Москва — Кисловодск; 16 сентября 1934 г.)⁹⁴

Любименький, золотенький, сладенький мой Кислит — Пислит — труляля,

как ты поживаешь?

Каким образом, отдельная комната? На все время⁹⁵?

У нас холодно и бывает дождь.

С 5-го октября у Вити отпуск и, инш-алла, мы десять дней будем с тобой в Кисловодске. Путевки уже заказаны, через пять дней получим ответ.

Олег Леонидович продал кому-то вашу пьесу про японцев и на-днях получит за нее 1000 р. — по 500 р. на каждого, — я их пока возьму. Полина Юрьевна⁹⁶ взяла у меня 300 р., и я отдала ей златоустинский распределитель⁹⁷ — она в восторге.

Олег Леонидович обещал сегодня написать тебе про все подробно.

Пишем с Кулешовым «Девушку из Киргизии»⁹⁸.

Отдала в «Знамя» твой перевод «Солдаты идут»⁹⁹.

Арагоны уехали¹⁰⁰.

Напиши мне, мой солник, как тебе живется, как тебе лечат, как кормят, с кем встречаешься, что делаешь. Все-все подробно.

Посылаю две вырезки, не очень интересные¹⁰¹.

Вася уехал с дачи — ему там скучно одному, — съездим с ним вместе денька на два.

Новостей никаких решительно.

Мы испугались, что у Жени начинается новая ангина, но все обошлось благополучно. Приехал сегодня Жемчужный, — он доволен отпуском, я его еще не видела.

Не забывай мне, пожалуйста.

Что тебе сказал врач?

Крепко целую.

Твоя (Киса — рис.)

(186) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Москва; 17 сентября 1934 г.)¹⁰²

Дорогая Киса!

Здесь скучно. Идет дождь и нечего делать, но я не унываю. Может быть, еще будет погода.

Знакомых много, о коих напишу.

Целую крепко.

Ося.

[Открытка. «Кавказ. Кисловодск. Водопад у подножья Эльбруса».]

(187) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Москва; 18 сентября 1934 г.)¹⁰³
Любимая Кисанька!

Погода очень солнечная, но холодно. Ночью мороз. Не топят. И я сплю под 2 одеялами.

Врач велел принимать нарзанные ванны. Одну я вчера принял. Очень приятно.

Вчера же ко мне приехали в гости Арагоны и Боря Свешников. Арагоны устроились хорошо.

Вообще, все в порядке, но только очень скучно.

Целую тебя крепко.

Ося.

[Открытка. «Кавказ. Кисловодск. Водопад у подножья Эльбруса».]

(188) Л. Брик — О. Брику (Москва — Кисловодск; 19 сентября 1934 г.)¹⁰⁴

Любименький мой Кисятник,
сегодня мильтошко теплее, а то я совсем замерзла, — не снимала меховую куртку и спала с грелкой!

Новостей никаких абсолютно — даже писем от тебя нет.

Сегодня пойдем с Кулешовым в «Восток-фильм» продавать либретто «Лейла и Сергей» («Девушка из Киргизии»). Инш-алла.

Котята до того наелись рыбы, что весь день спят, и стали такие тяжелые — ужас.

По вечерам играем в «ма». Вася слевой ушли вчера рано к каким-то девушкам.

Жемчужный рассказывает всякие смешные истории про дом отдыха. Ему до испуга понравился твой сценарий. Он говорит, что это то, о чем он всю жизнь мечтал. Ждет ответа из «Восток-фильма»¹⁰⁵.

Очень жду от тебя письмишка.

Как ты себя чувствуешь?

Ужасно рада, что увижу тебе 5-го, а не 15-го.

Крепко люблю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

(189) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Москва; 21 сентября 1934 г.)¹⁰⁶

Дорогой, любимый Кислит!

Получил твое письмо от 16-го и очень обрадовался. Очень будет здорово, если вы приедете в Кисловодск, но не рекомендую в санаторий СКВО. Это, все-таки, очень неблагоустроенный санаторий в сравнении с другими. Я думаю, что Вит. М. нетрудно достать путевки в один из хороших¹⁰⁷.

Доктор в СКВО нашел у меня некоторое расширение аорты, повышенное кровяное давление и что все это лечить нужно ваннами. Считается он здесь очень хорошим врачом, и я решил принимать ванны. Пока принял 2, сегодня собираюсь принять третью.

Так все ничего, но только нервы все никак не успокоятся, и я очень скучаю. Встречаться ни с кем не хочется. Хочется только гулять, но это утомительно.

Я думаю, что все обойдется, и я отдохну.

Здесь холодно по ночам. Мороз. За день все отогревается, но все-таки прохладно. Поэтому нужны теплые вещи. Я не мерзну, но по утрам холодно вставать и вечером ложиться.

Кормят здесь примитивно: очень много мяса, картошки, каши и печеных пирогов. Вполне сытно, но не очень вкусно.

Публика серая. Неинтересная.

Денег хватает вполне, но докупать почти не приходится. Пью иногда какао с печеньем «Пушкин».

Ездил к Арагонам. Он был болен животиком. Думаю, что уже выздоровел. Поеду его навестить сегодня или завтра.

Пока все.

Да! Делали мне анализ мочи — все в полном порядке.

Очень крепко тебя целую. Завтра напишу еще.

Поцелуй В. М.

Ося.

(190) Л. Брик — О. Брику (Москва — Кисловодск; 21 сентября 1934 г.)¹⁰⁸

Мой любимый, сладенький Кислит!

Это очень противно, что тебе скучно и холодно, но я все-таки не жалею, что ты поехал, оттого, что нарзанных ванн в Краскове¹⁰⁹ нет, а я в них очень верю.

Под двумя одеялами тоже холодно? Напиши подробно! По минутам весь день — что делал, что ел, кого видел — напиши в парке на скамеечке карандашом и отправь спешным с вокзальной почты.

Очень надеюсь, что мы выедем 3-его, уж очень было бы глупо разминуться!

У нас решительно ничего нового. Лева уехал в Гагры, Колька в Краматорск. Даже Надя и Вася поехали на 2 дня к нам на дачу. Погода сейчас ослепительная, а я каждый день сторожу деньги и пока не получила еще сей капитал. Получила часть лейковских денег¹¹⁰, на которые я живу.

Либретто «Киргизки», кажется» НЕ понравилось, но окончательного ответа мы еще не получили.

По вечерам играем с Жемчужными и Клавой в «ма» — на фишки.

Но я не унываю, только ухитрилась схватить ужасающий насморк и першит в горле, но жара нет. Я нюхаю ментол.

Целые дни шатаюсь, хожу по комиссионным магазинам — без денег. Это вполне безопасно. Читаю все газеты с начала до конца.

Хочется написать тебе какую-нибудь новость, но нет совсем никаких.

Ужасно тебя люблю (это тоже не новость).

Целую 1000000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

(191) Л. Брик — О. Брику (Москва — Кисловодск; 23 сентября 1934 г.)¹¹¹

Сладенький мой Кэс!

Ужасно тебя жалко, что ты мерзнешь! Напиши немедленно, что привезти тебе теплое. Если не напишешь немедленно, — привезу шерстяное белье, осеннее пальто, гетры, плед и шубу, которую сегодня отдала портному обновлять, и меховую шапку с наушниками.

Лучше уж напиши!

Только что курьерша принесла из Литгазеты на мое имя конверт и в нем 193 р. 40 к. — за что — неизвестно. Позвонила туда, — никто не отвечает. Загадочно. Я боисси.

Виталий в каждой открыточке спрашивает про тебя: «Что пишет Ося? Хорошо ему или нет?»¹¹²

Ты не Кэс, а Свин, оттого что неподробно пишешь.

Что тебе точно сказал врач?

Какая у тебя комната? Когда и чем кормят? Как купаешься? Лежишь ли после ванны? Ходишь ли на Храм Воздуха? Кто в Кисловодске? Как пузик?

Не попробовать ли мне с оказией выслать тебе теплые вещи?

Заходила сегодня к Жене, — она кормила меня обедом.

Сейчас придут Жемчужные и Семки играть в «ма».

Даже удивительно, до чего ничего нет нового. Литгазета и Сов. Искусство пишут исключительно о Фирдоуси.

Есть одна новость! У тебя в комнате сделали перила на балконе и там можно сидеть и чай пить. Очень приятно.

Я тебе ужасно люблю и страдаю, и целую.

Твоя (Киса — рис.)

(192) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Москва; 27 сентября 1934 г.)¹¹³

Дорогая моя Кисанька!

Я просто не знаю, про что тебе писать! Все до того однообразно, что невозможно ничего отметить.

Кормят хорошо, погода хорошая, здоровье хорошее, настроенье хорошее.

Вот и все.

Знакомых совсем не вижу. Никуда не езжу: ни в Эссентуки, ни в Железноводск. Лень!

Ничего решительно не делаю. Даже не читаю.

Встретил здесь в санатории СКВО двоюродную сестру жены Дани Глаз¹¹⁴ (как выяснилось в разговоре), но это тоже не находка.

Я очень прошу мне писать. А то скучно и одиноко.

Когда вы приезжаете? Что сценарий? Что деньги?

Пусть Вася мне что-нибудь напишет. А также Сема.

Вчера меня смотрел доктор и сказал, что лечение идет отлично.

Целую тебя очень крепко и люблю.

Ося.

(193) Л. Брик — О. Брику (Москва — Кисловодск; 28 сентября 1934 г.)¹¹⁵

Любимый мой Кислит,

мы получили путевки в санаторий «Карс» от 5-ого до 15 октября и в санаторий «Тургеневка» — от 15 окт. до 15 ноября. Выезжаем, инш-алла, 3-его, пошлем тебе телеграмму, кк только получим билеты. Я ужасно рада, что мы поживем там с тобой хоть 9 дней.

Сема что-то говорил мне про то, что ГИХЛ предложил ему заключить договор на книжку о поэзии — с тобой, Колей и Семой, но говорил так неотчетливо и столько он сейчас брешет, что я толком ничего не поняла. Говорит еще, что про все это написал тебе подробно.

Не помню, писала ли я тебе, что Жемчужный был с «Цыганкой»¹¹⁶ у Юкова¹¹⁷, и Юкову сценарий очень понравился, так что он — за, теперь надо подождать приезда Шумяцкого¹¹⁸, кот. сейчас нет в Москве.

Вчера смотрели «На дне». Сначала было интересно, а потом надоело. Во всяком случае, это лучше, чем «Интервенция»¹¹⁹.

Да, Кислит, придется на зиму нашу дачу отдать — она нужна военведу¹²⁰; весной обещают вернуть нам ее или дать другую. Ужасно жалко — там чудно топятся печки, и мы уж мечтали...

У Пол. Юрьевны все в порядке, денег я ей оставлю, сколько нужно.

Инш-алла, скоро тебе поцелую.

Ужасно тебе люблю и целую, и все время страдаю.

Твоя до гроба (Киса — рис.)

Виталий очень целует.

Наступивший разрыв в курортной переписке объясняется тем, что Л. Ю. с Примаковым приезжают в Кисловодск, в санаторий «Карс», здесь же, в санатории СКВО, отдыхает О. М. По окончании срока путевки он возвращается в Москву, и переписка продолжается.

Конец пребывания в Кисловодске Брика почти совпадает с приездом туда Л. Ю. и Примакова, а вскоре туда же приезжают «Яня и Валя» Аграновы, и Лиля Юрьевна в письмах в Москву ярко живописует их совместное, «семейное» времяпровождение на кавказском курорте.

(194) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск; 14 октября 1934 г.)¹²¹

ДОЕХАЛ ПРЕКРАСНО ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

[Телеграмма]

(195) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск; 16 октября 1934 г.)¹²²

Дорогая моя, любимая Кисанька!

Приехал я домой отлично. И здесь все в порядке. Но погода ужасная, — холодно и дождь. Я стараюсь поменьше выходить из дому, потому что, говорят, после Кисловодска легко простужаются. А мне болеть неохота!

Мама твоей звонил. У нее все в порядке.

Деньги обещали дать 20-го. Я сказал, что сам за ними пойду.

Сегодня или завтра я должен получить немножко денег через Олег Леонидовича, и тогда немедленно выполняю твои поручения.

Асеевых и Кирсановых нет в Москве, они в Крыму, — я не жалею.

Уже начал работать с Олег Леонидовичем над «Печориным».

Нигде еще не был и никого не видел, кроме Васи, Нади и Коли.

Вчера заезжал Валерий Михайлович¹²³. Он уезжает в отпуск в Ленинград. Сказал, что Яня с Валеи на-днях уехали в Кисловодск.

Новостей никаких. Маме своей звонил, у нее все в порядке.

Вертушка работает¹²⁴. Я по ней уже звонил Игошеву¹²⁵, благодарил за машину.

Пока — все! Очень, очень крепко целую и люблю.

Ося.

При сем пересылаю 2 письма.

(196) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск; 18 октября 1934 г.)¹²⁶

Дорогая моя, золотая Кисанька!

Получил твое письмецо и страшно рад, что у тебя нос в полном порядке, и что уже можно лечить руки.

Мои дела такие:

Я получил немножко денег в Мод(пике)¹²⁷ и тут же отправил 100 руб. в Хосту (телеграфно) и отдал Мусе (Левиной)¹²⁸ 100 р.

Купил 2 «Альманаха» и послал вам, присовокупив «Советскую музыку», где есть статья о «Камаринском»¹²⁹. Странно, что фамилия автора — «Глух»(?!), а пишет о музыке.

Погоды здесь плохие, и я мало вылезая из дома.

Наслаждаюсь своей комнатой, электричеством и книжатами.

Заходил к Семперантовцам. Опять идет «Базаров» и делает хорошие сборы. Во всяком случае, лучше всяких других ихних постановок. Ждут окончательного текста «Печорина» и ревнуют, зачем мы дали его в Ленинград. Просят дать советскую пьесу. Но это уже трудней, потому что «Базаров» и «Печорин» уже были написаны, а советскую пьесу надо писать самим.

Завтра хоронят Собинова¹³⁰, а сегодня колоссальная очередь стоит по всей Дмитровке, чтобы пройти в театр к его гробу.

Умер Женин дядя — профессор Розанов¹³¹, и Женя сейчас пошла его хоронить.

В Москве процветает зажиточная жизнь. Я осматривал «Елисеева» и новое кафе на Страстной, которое называли было «Пушкин», а теперь переименовали как-то, как не знаю. Очень пышно и богато¹³².

Ходил по книжным и купил кое-что интересное, например, «К истории цыганского пения в России».

Виталий очень занят и пока по сценарию цыганскому ничего не делает¹³³. На-днях мы садимся с ним писать большую докладную записку Шумяцкому о том, как мы собираемся эту картину ставить. Шумяцкий требует от Виталия, чтобы он официально отрекся от документализма, хотя бы на эту постановку. Будет сделано.

По сведениям, имеющимся у Васи, «Камаринский» и Володин одно-
томник утверждены в ГИХЛе¹³⁴. Но я там не был и с Беспаловым¹³⁵ не
говорил. Пойду завтра. А Эльзина книжка, кажется, не прошла¹³⁶. Она
будет огорчаться. Зато требуют с меня стихи Арагоновские для книжки
«Коммунисты правы». Придется доперевести.

Вот и все новости. Дома все в порядке. Я наладил себе санаторный
режим и дал соответствующие инструкции Наташе¹³⁷: в 9 ч. — чай и легкий
завтрак; в 12.30 — второй легкий завтрак, в 5 ч. — обед; в 8 ч. — чай и легкий
ужин. Посмотрим, что будет.

Киски очень милые, но приставучие. Я их все время гоняю.

Целую тебя очень, очень, очень крепко. Люблю очень и хочу, чтоб
приехала. Поцелуй Вит. Марк.

Ося

(197) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 19 октября 1934 г.)¹³⁸

Любимый мой Кисинкин,

погода сверхъестественная — жарко, лунные ночи.

Я хожу в одном платье, а Виталий без пиджака.

Третьего дня и сегодня были на Большом Седле — очень красиво, виден
весь хребет снежный и подъем нетрудный.

Каждый вечер бываем у Яни¹³⁹.

Виталий спустил уже 4 кило, а я только 2!

Мне очень обидно — мы ходим и едим совершенно одинаково.

Арагон оставил мне половину своего романа¹⁴⁰ — очень замечательно.

Получила две Женины открытки. Придется, значит, и ей покупаться
в нарзане. Я думаю, что это можно будет устроить в Москве. Я ее жалею
и целую.

Тепло ли у нас в квартире?

Мажет ли Наташа клопов? Надо мазать через каждые 3—4 дня, неза-
висимо от того, есть ли клопы.

Надеюсь, ты уже давно послал деньги Витальевой маме¹⁴¹.

Пиши мне, мой миленький, сладенький.

Целую тебя ужасно крепко.

Всем привет

Твоя (Киса — рис.)

(198) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Кисловодск — Москва; 21 ок-
тября 1934 г.)¹⁴²

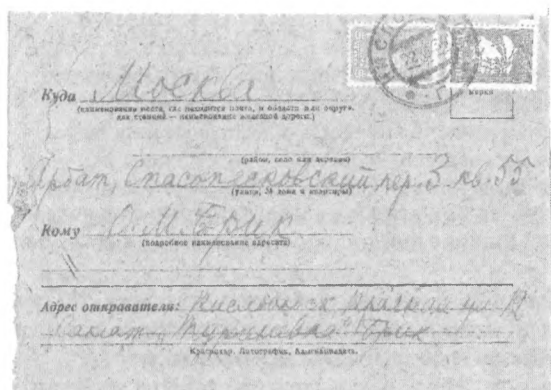
Родненький, любименький, сладенький светик Кислит,

сегодня день был пасмурный и холодноватый. Все-таки мы погуляли,
а сейчас (7 ч. вечера) я вымыла голову и сохну. Голова здесь вымывается
отвратительно — нет ни уксуса, ни лимонов, и я по этому поводу злюсь.

Вчера мы получили «Альманахи», — спасибо.

Вчера же Аграновы угощали нас изумительным грузинским обедом.

Все никак не можем попасть в оперетку, — то касса закрыта, то би-
летов нет.

Конверт от письма Л. Ю. к О. М. от 21 октября 1934 г.
(№ 198). Обратная сторона того же конверта

Ездили вчера в Ессентуки — гулять по ровным дорожкам. Была страшная жара и вечером была гроза! Это в октябре — то месяце!

Делали мне еще два раза анализ — почки абсолютно здоровые. Чудеса! Я думаю, что в первый раз «моча была не моя, а Иван Иванович».

Рядом в комнате уже выздоравливает дочка Подвойского¹⁴³, и у нее все время играет граммофон, очень хорошие пластинки — очень приятно.

Вот и все.

Кислит, напиши, пожалуйста, про свои делишки.

Что с «Цыганкой»?

Мы сценарий совсем пока не пишем — очень лень¹⁴⁴.

Целую тебе 1000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Женю, котят и Наташу целую.

Привет. Виталий.

(199) **О. Брик — Л. Брик** (Москва — Кисловодск; 22 октября 1934 г.)¹⁴⁵

Дорогая, любимая Киска!

Я тебе написал 2 письма и послал «Альманах». Надеюсь, что ты все это уже получила.

Новостей никаких.

Чувствую себя хорошо. Ложусь спать около часу. Никого не видел — и почти ничего не делаю. Читаю, хлопочу насчет денег, но еще пока нигде не платят. Только в Модпике получил немножко на прожитые. Этого достаточно.

Были с Женей у Фанни¹⁴⁶. Квартира стала очень красивая. Но сама Фаня, по-моему, выглядит неважно и, должно быть, здоровье ее неважное. Посидели, поиграли в «рамс», поболтали. Интересного ничего.

Вообще, мне почему-то сейчас совершенно не хочется встречаться с людьми. Хочется читать и думать. А потом написать про то, что читал, и про то, что думал. Мыслей очень много, и интересно бы уже начать писать роман, но — неизвестно, как это делать.

Скажи Вит. Марк., что сценарий надо писать. Его, безусловно, можно будет хорошо реализовать. Спрос на сценарии большой.

И на пьесы большой спрос. Очень бы хорошо было что-нибудь придумать для театра из современной жизни. А то уже от классики всем стало тошно. Но советских пьес нет почти совсем.

Дома все в порядке. Кошки очень симпатичные, дружные и веселые.

Наташа кормит меня по расписанию.

Женя работает, приводит в порядок книжки.

Олег Леонидович приходит по утрам, и мы с ним стряпаем пьесы — «Печорина», «Грозу самураев» и др. Под «др.» следует разуметь «Что делать?» Чернышевского, которое, кажется, тоже удастся отеатрить.

Говорил с Кулешовым. У него все в порядке. Очень тебе кланяется. Просит писать сценарии. Я ему пожаловался, что Межрабпом не платит. Он поговорил с Кауфманом¹⁴⁷, и 25-го, инш-алла, дадут 1000 рублей.

Очень без вас скучаю и хочется, чтобы вы поскорей уже приехали.

На сколько кило вы уже похудели? Пожалуйста, напиши.

Кланяйся Яне и Вале. Скажи, что я жалею, что не застал их в Кисловодске.

Целую тебя и Вит. М. очень крепко.

Люблю тебя очень и скучаю.

Ося.

(200) **Л. Брик — О. Брику** (Кисловодск — Москва; 24 октября 1934 г.)¹⁴⁸

Самый мой любименький Кислит!

За эти дни масса событий: третьего дня мы были на «Сильве» — зрелище довольно жалкое, у примадонны желудок и спина напуском, и вообще больше мы тут на оперетку не пойдем. Вчера ходили на Большое Седло, разводили костер, кипятили чай, жарили колбасу, пекли картошку и яблоки.

Вчера же, вечером, были в санатории НКВД, ели простоквашу, слушали джаз, даже потанцевали с Виталием, потом кинооператор Цейтлин (кот. привез Лева радио), он живет там, показывал нам замечательные фокусы.

А сегодня ночью у нас в «Тургеневке» был пожар. Рано утром пожарные велели всех разбудить. Мы кое-как оделись, и все стояли во дворе, смотрели, как горит и как тушат. Приехали все кисловодские пожарные части. Сгорел тот угол, где кухни, так что из подвала, через три этажа, можно смотреть на небо. Еда на несколько дней перенесена в «10-летие», и мы устроили себе голодный день (после Седла не сбавили ни одного грамма!!!), а завтра питаемся у Аграновых.

Сегодня днем смотрели в театре танцы народов Кавказа — приехали лучшие колхозные танцоры — очень здорово!

Завтра пойдем заказывать билеты на Москву, на 10-е.

Наташа мажет клопов?

Пожалуйста, следи, чтобы она об этом не забывала.

Как ты себя чувствуешь? Как твой санаторный режим? Кисик мой, ешь поменьше мяса.

Я очень мало похудела, но чувствую себя очень хорошо.

Люблю тебе и целую крепко

Твоя (Киса — рис.)

(201) Л. Брик, Я. Агранов, В. Примаков — О. Брику (Кисловодск — Москва; 25 октября 1934 г.)¹⁴⁹

Осенкин, после голодного дня мы «сыт и пьян, и нос в табаке».

Целую тебя изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

(зачеркнуто): Привет. Срочно обучаюсь в покер, чтобы зимой снять с тебя штаны. Целую Женю (зачеркнуто: Агранов)

(зачеркнуто): Намерением возмущен крайне, за сим приветствую (зачеркнуто: Виталий).

[Открытка]

(202) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 25 октября 1934 г.)¹⁵⁰

Любименький Кислит!

Виталий ходил сегодня с Яней на Седло, я забастовала и весь день играла на бильярде. Сегодня мне занесли Стендала и фотографии¹⁵¹, просили тебе очень кланяться.

Вчера в санатории СКВО показывали «Дон Диего и Пелагея»¹⁵², и все вдруг закричали: «Осип Максимович!»¹⁵³ Фотограф, забыла его имя-отчество, рассказывал, что впечатление было потрясающее.

Спасибо тебе за подробное письмишко.

Ужасно люблю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка. На лицевой стороне открытки: «Целую Жемчужных, Наташу, кисков. Всем привет» Киса — рис.]

(203) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 26 октября 1934 г.)¹⁵⁴

Светленькое мое солнышко, Кислит-Пислит!

Я все забываю спросить, понравились ли Жене куклы¹⁵⁵. Напиши мне об этом, пожалуйста. Я придумала, как их можно сохранить, — поставить их под тонкие стаканы, как под стеклянный колпак.

Я очень здорово стала играть на бильярде, — жаль, что в Москве негде будет играть.

Погода вполне приличная.

Билетов еще не заказали, закажем послезавтра, надо за 12 дней.

Витя пока спустил 5 кило, а я — 3.

Как дела с межрабпомовскими деньгами?

Что ты делаешь? Как здоровье Жени?

Что с «Цыганкой», «Именинами», «Печориным»?

Мы пишем сценарий по капле, очень лень, в особенности мне.

Санаторий почти оправился после пожара.

Кормят уже здесь и вчера вечером протопили.

Пожалуйста, пиши.

Целую крепко мою сладенькую мордочку и лапки.

Твоя (Киса — рис.)

Виталий тоже крепко целует.

(204) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 29 октября 1934 г.)¹⁵⁶

Мой Кислит, любимый, родненький, сладенький, заказали билеты на 9-ое, на поезд № 31.

Инш-алла, все будет в порядке.

Ходили сегодня на Седло, было отвратительно, оттого что страшный ветер. Вообще, уже очень здесь надоело. Листья все облетели, погода загадочная — то жарко, то холодно, то тихо, то ветер с ног валит — неизвестно, что надевать.

Послезавтра уезжают Аграновы — в Нальчик и в Сочи. Завтра обедаем у них и вечером идем с ними на «Роз-Мари»¹⁵⁷. Без них станет совсем скучно, — мы все вечера играли у них на бильярде. Только худеть будет легче, когда они уедут.

У нас в санатории все разъехались; может быть, 1-го придет кто-нибудь.

Вставили вторые рамы, хорошо топят, только по-прежнему темно и нет воды.

Ванны я принимаю, уже даже не сосновые, а просто гигиенические, и сижу в них сколько хочу и в любое время.

Одне приезда мы телеграфировать НЕ будем, тк что ты созвонись с Игошевым насчет машины. Телеграфируем только, если что-нибудь изменится.

Скажи Наташе, чтобы просмотрела и смазала ВСЁ, где могут оказаться клопы. Пусть мажет через каждые 3 дня. Только — обязательно!!

Ужасно люблю, целую, скучаю.

Твоя (Киса — рис.)

Витя целует крепко.

(205) О. Брик — Л. Брик (Москва — Кисловодск; 30 октября 1934 г.)¹⁵⁸

Дорогая, ужасно любимая Киска!

Сначала ответчу на вопросы:

Жене куклы очень понравились.

Межрабпом пока никаких денег не уплатил. Обещают немножко дать 5-го.

Делаю я массу: читаю, пишу статьи для «Лит. газеты» и для «Лит. критика»¹⁵⁹, гуляю, говорю по телефону.

В «ма» и в карты не играю. Надоело.

Женино здоровье так себе.

«Цыганку» Виталий¹⁶⁰ обдумывает и пишет докладную записку.

Для «Печорина» ищут режиссера. Мы предлагаем Кулешова. Вопрос должен решиться на-днях.

А вот с «Именинами» — сенсация! Руководство ГАБТа, т. е. Большого театра, в отмену своего прежнего решения, постановило ни одной из трех советских опер, принятых театром, не ставить. Ни «Леди Макбет»¹⁶¹, ни «Именины», ни «У перевоза» Гедике. Как я выяснил, это проделки Голованова¹⁶², который заявил, что не гоже Большому театру ставить такую дрянь. И ему на слово поверили. По этому поводу в музыкальных кругах страшный скандал. Готовятся протесты, выступления, статьи. Что из этого выйдет, — неизвестно, но шуму много. Пока в печати ничего не было. Я узнал об этом со стороны. И пошел к Кубацкому¹⁶³. Он мне подтвердил. Я об этом, конечно, тут же написал Вале¹⁶⁴ злорадное письмо. Жду ответа.

Оперу взял на просмотр Немирович-Данченко. Возможно, что у него пойдет.

В Ленинграде репетиции «Именин» идут полным ходом¹⁶⁵.

Кроме того, она пойдет еще в Тифлисе. Меня эта история, конечно, радует с той стороны, что есть повод нахамить Большому театру, и что я оказался перед Валей прав.

В остальном, у нас все благополучно.

Здесь Левкий Иванович¹⁶⁶. Он прочел твои «Воспоминания», которые ему страшно понравились. При сем прилагаю его к тебе письмецо.

Целую очень и очень.

Твой О.

Поцелуй В. М., а также Валу и Яню.

(206) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 1 ноября 1934 г.)¹⁶⁷

Любимый мой Кэс!

Вчера проводили Аграновых и пошли на большой базар — купили яблок и для Вити шерсть на чулки. Сегодня ходили в крольчатник — смотреть кроликов — их масса, и они очень миленькие. Есть совсем крошечные крольчата с огромными ушами — ужасно веселые, очень смешно дерутся.

В курзаловском парке кормили медведей яблоками, один серый медведь за это очень элегантно танцует.

После завтрака Вите обещали прислать из Пятигорска на несколько дней фордик¹⁶⁸ — хотим съездить на Медовый водопад и Джемал.

В Москву выезжаем, инш-алла, 9-ого, поездом № 31. Позвони Игошеву про машину.

Сейчас пообедаем и пойдем в кино на 1-ый сеанс смотреть «морской приключенческий фильм — «Бухта Смерти»^{169!}

У Аграновых видела Николая Тихонова, он читал переводы с грузинского, и они ни мне, ни Виталию не понравились.

От тебя давно нету писем, это очень скучно.

Я тебе люблю и страдаю.

Целую 1000000000 раз, и Виталий очень целует.

Твоя (Киса — рис.)

(207) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 3 ноября 1934 г.)¹⁷⁰

Любимый мой Кис,

Под этой скалой мы жгем костер, жарим шашлыки и печем картошку на берегу ручья. Здесь очень красиво.

Мне уже к отъезду преподнесли букет луку.

Я ужасно по тебе соскучилась. Поцелуй всех друзей и кошек.

Обнимаю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка «Кисловодск. Скала Лермонтова»]

(208) Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва; 5 ноября 1934 г.)¹⁷¹

Родненький мой Кислит,

Мы мечтаем о редьке со сметаной и о кофе со сливками. Пожалуйста, скажи Наташе, чтобы 11-ого было и то, и другое. Больше заказов у нас нет.

Почему ты мне перестал писать?! Очень это скучно! Интересно, получил ли ты в МежрабпOME какие-нибудь деньги.

Ужасно целую.

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка]

Год идет к завершению, и Осип Максимович в письмах к Л. Ю. подводит его предварительные итоги. «Базаров» продолжает идти на сценах «Семперанте» и в театре Вахтангова, «артель» начала работать над «Печориным», а ЦЕДРАМ издал для распространения по театрам «Евгения Базарова». Продолжается работа над оперой «Именины» для МАЛЕГОТА.

В начале декабря были намечены торжества по случаю 15-летия Червоного казачества. По этому поводу все та же «Правда» в номере за 19 ноября опубликовала статью бывшего командира дивизии Червоного казачества В. М. Примакова «Фронт прорван» и его фотографию. Виталий Маркович выехал один, без Л. Ю., на юбилейные торжества в Проскуров.

Начало Большого террора

1 декабря 1934 года в 16 часов 30 минут в коридоре третьего этажа в Смольном, где размещался Ленинградский обком партии, раздался негромкий выстрел из револьвера, и на ковровую дорожку упал смертельно раненый в затылок член Оргбюро ЦК и секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров.

Этот револьверный выстрел по его последствиям в полной мере можно сравнить с выстрелом крейсера «Аврора», прогремевшим в этом же городе семнадцатью годами раньше. Если выстрел «Авроры» привел к изменению государственного строя на территории 1/6 земной суши, а вслед за этим судеб свыше 150 миллионов людей, то выстрел в Смольном послужил сигналом к наступлению эпохи Большого террора в еще неокрепшей Советской стране. От своего правительства (!!) подверглись политическим репрессиям сотни тысяч (миллионы?) граждан, часть которых была расстреляна, а другая пущена в плавание по «архипелагу ГУЛАГ»...

На месте совершения преступления был задержан убийца — Л. В. Николаев¹⁷². А утром 2 декабря в Ленинград прибыли Сталин, Молотов¹⁷³, Ворошилов, Жданов¹⁷⁴, Ежов¹⁷⁵, Косарев¹⁷⁶, нарком внутренних дел Ягода с группой работников НКВД СССР для расследования убийства Кирова.

Мы не будем углубляться здесь в подробности расследования, тем более что существует довольно много литературы по этому вопросу, а кроме того, наблюдается интересная особенность — многократные и упорные попытки по-настоящему расследовать это дело ни к чему не приводят, и в течение семи десятилетий, прошедших с рокового для страны выстрела, остаются неразгаданными все те же вопросы. Время от времени (особенно по круглым датам, отсчитанным от того декабрьского дня) в обществе поднимается интерес к убийству Кирова, ставится задача «довести расследование до конца», но постепенно все сходит на нет, до следующей круглой даты. Не ставлю под сомнение добросовестность сегодняшних «расследователей», но создается впечатление, что каких-то главных, ключевых деталей у них не хватает...

Чем-то затянувшееся на десятилетия расследование убийства Кирова напоминает мне аналогичное расследование убийства-самоубийства Маяковского.

Я не сказал еще о том, что разбирательство по факту происшедшего 1 декабря 1934 года Сталин сразу же поручил Якову Сауловичу Агранову. Именно он допрашивал обвиняемых, собирал вещественные доказательства, регулярно информировал Сталина о результатах расследования, смещал руководящих работников УНКВД Ленинградской области, «не удержавших Кирова».

Интересную мысль проводит современный писатель В. Успенский в нашем шумевшем при первой публикации бестселлере «Тайный советник вождя»:

Агранов <...> вплоть до 1937 года занимал ответственные должности в системе ГПУ-НКВД. Оставаясь в глухой тени, готовил и проводил такие операции, которые не должны были получать никакой огласки. Он знал слишком много и догадывался, что рано или поздно его уберут те, для которых подобные знания опасны. Агранов прятал в тайниках материалы, которые, как он считал, помогли бы ему в нужный момент поторговаться за свою жизнь.

Когда Агранов стал лишним и опасным в сложной игре, его исключили из партии «за систематическое нарушение социалистической законности» — какая великолепная формулировка, не правда ли?! И, естественно, расстреляли.

Тайники Агранова были вскрыты агентами Берии¹⁷⁷. За исключением одного, самого важного — тайник с документами об убийстве Кирова так и не был обнаружен. Остались только вторичные бумаги. А где остальные? Этот вопрос постоянно мучил Берию, не давал покоя Сталину. Вдруг — всплывет нежелательное?! Этим частично и объясняется их постоянное, неослабевающее желание искоренить всех, кто хоть что-то знал о смерти Сергея Мироновича, стремление найти, разыскать исчезнувшие документы. Поторопились они с Аграновым. А бумаги так и не были найдены. Может, погибли во время войны, может, лежат себе полеживают до сих пор. Во всяком случае, тайна не раскрыта¹⁷⁸.

Откуда у него эта мысль о тайниках Агранова — авторский вымысел или какие-то определенные сведения? Я задал эти вопросы В. Успенскому, но в своем ответном письме (хранится в РГАЛИ) он уклонился от прямого ответа.

И остались без ответа вопросы: был ли Николаев убийцей-одиночкой или действовал по чьему-то заданию? Совершил ли он убийство по идейным соображениям или по «личным мотивам» (существует и такая, довольно достоверная, версия)? Какова роль Сталина в этом покушении на любимого им «Мироньча» — был ли он его организатором или только умело использовал позднее в своей политической игре? Кто знает...

Как можно видеть в начале главы «1934 год», по мнению ряда современников, мысль расправиться с Кировым, как своим потенциальным соперником, пришла Сталину в голову еще во время «съезда победителей».

На закрытом судебном заседании Военной коллегии, 28–29 декабря, 14 подсудимых, обвиненных в качестве непосредственных участников покушения, были приговорены к расстрелу. А дальше — расследования по делам «Ленинградского террористического зиновьевского центра», «Московского центра», «Анτισоветского троцкистско-зиновьевского центра». И пошло-поехало. У десятков, если не сотен, людей подручными Агранова были вырваны признания об их причастности к этому покушению.

Начавшиеся было в Проскурове юбилейные торжества по случаю празднования 15-летия Червоного казачества приостановились с получением из Ленинграда сообщения об убийстве Кирова. Уместно ли их празднество на фоне таких событий? Вопрос разрешила все та же газета «Правда», поместив в номере от 3 декабря юбилейные материалы под общей шапкой «15-я годовщина Первой Запорожской кавалерийской дивизии Червоного казачества» постановление ЦИК СССР «О награждении орденом Ленина 1-й Червоной казачьей дивизии», приказ с поздравлениями наркома обороны, статью В. М. Примакова «Путь неуязвимой славы».

1935 ГОД

Начало года «лилиного триумфа»

В январе НКВД продолжил расследование убийства Кирова, на этот раз речь об участии в нем так называемого «Московского центра»¹. По этому делу в декабре 1934 года были арестованы, а 16 января 1935 года уже осуждены на сроки от пяти до десяти лет 19 человек.

Сталин внимательно следил за следствием «Московского центра», ежедневно получал копии протоколов допроса арестованных и отчеты о показаниях подсудимых в судебном заседании, заслушивая доклады Н. И. Ежова, Я. С. Агранова, А. Я. Вышинского² и других работников, проводивших следствие по делу; с ним согласовывались тексты наиболее важных и ответственных документов.

Исходя из версии о принадлежности Л. В. Николаева к «зиновьевской» оппозиции, сотрудники НКВД, заместитель Прокурора СССР А. Я. Вышинский и следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР Л. Р. Шейнин³, принимавшие участие в расследовании этих дел, а затем и работники Верховного суда СССР, рассматривавшие их, стали на путь фальсификации, извращения действительных фактов и обстоятельств, искусственно увязали это трагическое событие с мнимой антисоветской деятельностью бывшей «зиновьевской» оппозиции, которая якобы действовала под руководством центра, находившегося в Москве.

Относительно применявшихся методов расследования Я. С. Агранов на оперативном совещании сотрудников НКВД 3 февраля 1935 г. заявил следующее⁴:

Наша тактика сокрушения врага заключалась в том, чтобы столкнуть лбами всех этих негодяев и их перессорить. А это задача была трудная. Перессорить их необходимо было потому, что все эти предатели были тесно спаяны между собой десятилетней борьбой с нашей партией. Мы имели дело с матерыми двурушниками, многоопытными очковтирателями. В ходе следствия нам удалось добиться того, что Зиновьев⁵, Каменев⁶, Евдокимов⁷ и другие действительно столкнулись лбами.

Это были первые публичные процессы 1930-х годов. И методы следствия, и меры наказания (5–10 лет заключения) были еще «детскими», но главные действующие лица на своих совещаниях обменивались опытом, и карательная машина уверенно набирала обороты.

Работа Агранова по организации и проведению процесса над участниками «Московского центра» была замечена и одобрена Сталиным, который и дальше давал Якову Сауловичу подобные поручения.

Во второй половине января в «Красной звезде» было опубликовано Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о введении В. М. Примакова в состав Военного Совета при народном комиссаре обороны (с пятью другими командирами)⁸. Через неделю в той же газете была напечатана его большая статья «Методика военной игры»⁹, а через месяц — большое групповое фото «Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР»¹⁰, на котором в первом ряду сидят: К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский, С. М. Буденный, В. М. Примаков¹¹...

У Лили Юрьевны налачился конвейер по подготовке к изданию очередных томов желтого 12-томного Полного собрания сочинений В. Маяковского: в набор — в печать. Правда, с начала этого года здесь произошло одно не очень приятное изменение: у нее появился соредaktor — им стал главный редактор Гослитиздата И. М. Беспалов, занявший этот пост в прошлом году, автор ряда статей о Маяковском. Теперь на желтых томиках собрания сочинений указывалось: «Под общей редакцией Л. Ю. Брик и И. Беспалова». Такую запись можно прочесть на вышедших с начала 1935 года 2-м, 4-м (две части), 7-м, 8-м, 9-м, 10-м, 11-м и 12-м томах.

Снова в МАЛЕГОТЕ

А у Осипа Максимовича приближалась премьера нелюбимого им детища — совместной с Желобинским оперы «Именины» в МАЛЕГОТе. Премьера намечалась на конец марта. Он поехал в Ленинград с Евгенией Гавриловной и нервно сообщал оттуда Лиле Юрьевне:

(209) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Москва, 17 марта 1935 г.)¹²

Дорогая, любимая Кисанька!

Посмотрел я вчера «Именины» и ужаснулся. Ничего не сделано, а что сделано, — сделано плохо. Бездарные костюмы, плохо играют, режиссерски — отвратительно, сплошная халтура!

Я наскандалил и решено: 21-го никакой премьеры не давать, а заняться исправлением дефектов. Будут репетиции еще 21-го и 24-го, а 26-го, если все будет более или менее в порядке, дать закрытый спектакль.

Все это очень грустно.

Во-первых, потому, что постановку все равно уже изгадили, как ее не подправляй. Во-вторых, совершенно неизвестно, сколько придется просидеть в Ленинграде. Особых дел у меня в Москве нет, но все-таки непорядок!

По получении сего письма ответь, пожалуйста, немедленно, получила ли ты его, и что ты обо всем этом думаешь. Тебе приезжать пока бессмысленно, так как сейчас будут идти самые рядовые, черновые репетиции.

Крепко тебя очень целую.

Твой несчастный либреттист

О.

Луи Арагон и Эльза Триоле в гостях у Анри Барбюса

Поцелуй Муру и Ваську¹³.
Женька тебя целует.

(210) Л. Брик — О. Брику (Москва — Ленинград; 18 марта 1935 г.)¹⁴

Любимый мой Кислит!

Не огорчайся, что «Именины» изгадили. Я была в этом уверена, — все оперы на свете плохо поставлены, и я думаю, никто этого не заметит.

Если 26-го будет закрытый спектакль, я все-таки приеду, — дай мне заранее телеграмму.

16-го вечером играли у Нади в «тридцать одно». Вася, Лева и Коля проводили меня домой. 17-го весь день гуляла с Зиной и Фаней и ела яблоки, а вечером — играли в «тридцать одно», опять же с Надей, Колей и Васей.

Столяр починил наши столы. Книги отвезли к переплетчику. Отдала шить ваши пижамы и перешить старые рубашки.

Самое интересное: вчера ночью Мурка родила одного котеночка, очаровательного, совершенно такого же цвета, как она сама и Васька. Утром мы увидели их на диване в столовой — все совершенно чисто и котеночек — пушистый и сухонький. Но посреди дня он Мурке надоел, она утащила его за книжные шкафы (в столовой), не хочет его кормить и весь день возится с Васькой, который ее поочередно сосет и контрапупит. Я возмущена, боюсь, что котенок умрет с голоду, насильно запикиваю Мурку за шкаф, чтобы она его кормила, а она — ни за что! Носится с Васькой, как угорелая, играет пробками. Я даже рада, что тебя нет, — ты бы с ними изнервничался! Васька пробовал поиграть с котеночком, но я так дала ему по морде, что он даже удивился. Не знаю, как мне с ними быть. Пробовала запереть Ваську в коридоре, — он орет, а Мурка не отходит от дверей.

Напиши мне подробно про «Именины». Как оркестр? Как поют? Это, все-таки, самое главное.

Заходила к Гале (Пашиной)¹⁵, она поправляется. Отнесла ей халу и ½ кило масла¹⁶.

Звонила только что к Пол. Юрьевне узнать, что ей вчера сказал врач, но она ушла гулять с Анной Юрьевной¹⁷ — очевидно, все в порядке. Женину шерсть я ей послала.

Сейчас придут ко мне Лева и Вася и (после мюзик-холла) Виталий Жемчужный — играть в «ма».

Вот и сейчас — Васька с Муркой мирно спят на тахте, а котенок одинокий — за шкафом! Ужас!

Целую тебя крепко.

Поцелуй Женичку.

Еще целую.

Твоя (Киса — рис.)

(211) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Москва; 22 марта 1935 г.)¹⁸

Дорогая, любимая Киса!

Премьера, по-видимому, состоится 26-го. Но спектакль настолько неинтересный, что мне неохота дожидаться премьеры, и тебе определенно не советую приезжать. Лучше посмотреть спектакль как-нибудь при случае, если будешь в Ленинграде, тем более, что с будущего сезона возобновляется «Камаринский мужик». А его посмотреть надо.

У меня тут завелись делишки с Белгоскино. Если я их скоро закончу, то уеду до премьеры. Надоело здесь болтаться. Денег уходит много, а толку мало.

Приезжать сюда надо обязательно с командировкой, потому что с пропиской очень строго.

Интересуюсь, что наши кошки?

Крепко тебя, миленькая, целую и обнимаю.

Твой О.

(212) О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Москва; 24 марта 1935 г.)¹⁹

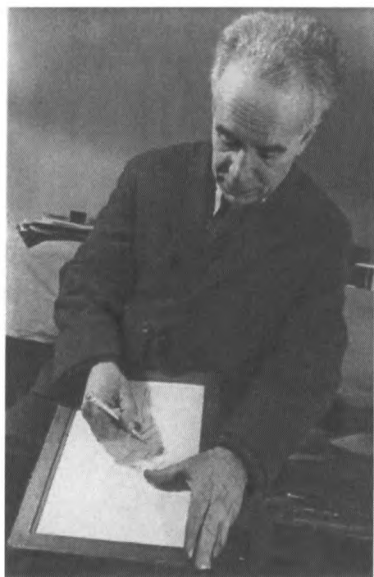
Дорогой, любимый светик!

Кое-как сладили спектакль, чтобы, по крайней мере, не стыдно было показать людям. Но, ерунда, конечно, получилась ужасная. Самый настоящий — пошлый, оперный спектакль. Только что с «немножко социологией».

Сначала ни черта не понял, что и как надо делать. А старался только, чтобы было все, как полагается. Самосуду вдруг разонравилась музыка, и он играет, как попало, без всякого интереса. Актеры демонстрируют голоса, совершенно не интересуясь тем, кто что поет.

Декорации и костюмы Дмитриева²⁰ похожи, будто взяты на прокат из бутафорской. Одним словом, — глухая провинция.

Но я уже не расстраиваюсь и делаю практические выводы, «учитываю опыт».

Д. П. Штеренберг (1930-е гг.)

Сидеть здесь надоело, но театр очень просит остаться на премьеру. Приходится остаться.

Знакомых вижу мало. Только Валу Желобинского, Нину, Канина и Каплана²¹. С Каниным играю в шахматы.

Ботвинника²² случайно видел на почте. Он худой, бледный. Едет в отпуск отдыхать.

Здесь гастролирует театр, быв. «Семперантэ». «Базаров» пользуется огромным успехом.

Ни в каких театрах, кроме Михайловского²³, не был. Неинтересно. Смотрели с Женей фильму Гендельштейна «Любовь и ненависть»²⁴. Дрянь страшная! Слушали в Филармонии симфонию Попова²⁵, того самого, который пишет «Медного всадника». Было до того оглушительно, что люди бросились бежать. К концу исполнения в зале осталось человек 50. Чепуха совершенная!

Я очень по тебе соскучился. И вообще здесь скучно. В Москве лучше. Ужасно, все-таки, провинциальный здесь город.

Я крепко, крепко тебя целую и очень хочу в Москву.

Твой Ося.

(213) Л. Брик — О. Брику (Москва — Ленинград; 24 марта 1935 г.)²⁶

Любименький Кислит,

очень рада, что поговорила с тобой. Очень жалела, когда ты меня не застал.

Хочется, конечно, поскорее посмотреть «Именины», но уж лучше поеду с Виталием. Неохота самой возиться с командировкой, билетом и т. п.

Портрет Л. Ю. Брик (1935 г.). Худ. Д. П. Штеренберг

У Полины Юрьевны все в порядке. Комната для нее на лето накладывается рядом с ее врачом, — она очень довольна.

Женина кофта вяжется.

Котенок очень миленький — сегодня начал смотреть. Весь день спит, свернувшись калачиком. А сладострастный Васька — невозможный! Вчера обписал Наташину постель и шляпы в передней.

Смотрела китайцев — чудесные актеры и костюмы, и вообще, после этого не хочется смотреть Егора Булычева²⁷.

Звонила О. Л., — он очень доволен, что ты скоро приедешь и что привезешь деньги.

Сейчас поеду к Яне²⁸ на дачу.

Спасибо Женичке за письмо. Поцелуй ее.

Галя²⁹ поправляется, — на-днях звонила мне и сообщила, что врач велел ей есть конфеты.

Обнимаю, целую, люблю крепко.

Твоя (Киса — рис.)

И вот, наконец, 26 марта — в МАЛЕГОТе премьера оперы «Именины». Афиша спектакля представляла:

«ИМЕНИНЫ»

Опера в 4 актах (6 картинах). Музыка В. В. Желобинского, либретто и текст по повести Н. Ф. Павлова — О. М. Брика. Постановка Н. В. Смолича. Художник В. В. Дмитриев. Дирижер засл. арт. С. А. Самосуд...

Похоже, что публике и критике новая опера понравилась больше, чем Брику. Она прошла 19 раз и тоже имела широкое отражение в прессе³⁰. Сам О. М. так писал об опере³¹:

Портрет Л. Ю. Брик (1935 г.).
Худ. Н. Ф. Денисовский

Ровно сто лет назад — в 1835 году вышли в свет «Три повести» Н. Павлова. Среди них повесть «Именины».

Повести рассказывали о тяжелой судьбе крепостных, особенно тяжелой для крепостных-интеллигентов.

В действительности же ничего крамольного в повестях Павлова не содержалось. Скромно и наивно доказывал Павлов, что крепостные не хуже дворян умеют любить, благородно чувствовать и героически поступать...

Воспользовавшись для своего либретто коллизией, рассказанной в повести Павлова, я по-новому перестроил сюжет, приблизив его к «правдоподобию», к реальной действительности николаевского крепостного времени.

В Советском Союзе есть только один театр, который всерьез работает над созданием советской оперы. Это Ленинградский Малый Оперный театр. Ему мы обязаны ростом наших молодых оперных композиторов — Шостаковича, Желобинского, Держинского³² и др. Ему же обязан я ценнейшими указаниями в ходе работы над либретто «Именин».

А руководство МАЛЕГОТа, воодушевленное успехом опер Желобинского — Брика, решило к предстоящему сезону 1935/36 года «улучшить» постановку «Комаринского мужика». Предлагалось несколько изменить постановочную часть, без переделки либретто. Осип Максимович отнесся к этому благосклонно, не возражал.

После премьеры «Именин» В. Желобинский уехал отдыхать на Кавказ, откуда пишет С. Самосуду:

Гагры, 28 апреля 1935 г.

Дорогой Самуил Абрамович!

Поехал на юг я не вовремя. Погода (в большинстве) скверная: дождь, холод. Одним словом — отдых плохой. Кроме того, одному очень скучно

жить. Очень скучаю по театру, хочется послушать: 1) «Именины», 2) балет, 3) «Тихий Дон». Все время сочиняю (в голове, а не на бумаге) финал симфонии, думаю о «Камаринском». На обратном пути заеду в Москву и поработаю с Бриком. Кое-что придумал и хочется скорее с Вами посоветоваться. Передавайте приветы С. Н. [Гисин, зам. директора МАЛЕГОТа. — А. В.], А. М. [Коган, дирижер МАЛЕГОТа. — А. В.] и всем главным исполнителям «Именин».

Скоро у меня «сольный» концерт в Гагрипше, на днях еду в Сухум играть. Цыганский танец стал популярным, его играют даже в Гаграх.

Думаю, что 13–15 Вас увижу.

Любящий Вас Валерий Желобинский [Самосуд. С. 174].

Наступил май.

Виталию Марковичу выделили на лето дачу в Красково, в дачном поселке военных. Там же они отдыхали и прошлым летом. Лиля Юрьевна стала готовиться к этому переезду. А пока что она позирует Давиду Штеренбергу, который пишет ее портрет, — она сидит на диване с газетой «Правда» в руках (рис. на с. 241). Над чем она задумалась и что в этой газете? Мне почему-то кажется, что художник имел в виду номер «Правды» от 26 июня 1934 года, в котором С. Динамов обрушивается на Брику за статью, в которой Осип Максимович отстаивает «*талантливых советских художников*», в том числе и его — Штеренберга³³...

ДАВИД ШТЕРЕНБЕРГ

Давид Петрович встретился с Лилей Юрьевной в январе 1935-го, когда получил письмо от смертельно больного, всеми забытого художника-супрематиста Казимира Малевича (мировая слава придет к нему уже после смерти).

Так уж получилось, что не встречались они с Л. Ю. давно, хотя были знакомы еще с 1918 года, когда Давид Петрович и Осип Максимович работали вместе в ИЗО Наркомпроса, а переехав в марте 1919-го в Москву, Маяковский и Брики поселились на квартире Давида Петровича и его жены Надежды Дмитриевны, с которыми они прожили вместе более года³⁴.

Но к началу 1930-х их встречи стали реже. Одна из причин в том, что Давид Петрович оставил к этому времени свою прежнюю семью — жену Надежду Дмитриевну с дочерью Фиалкой — и женился на художнице Марии Гранавцевой, которая в 1931 году родила ему сына Давида, в будущем тоже художника. Надежда Дмитриевна же все чаще стала появляться на людях с Николаем Федоровичем Денисовским, художником, близким Маяковскому и Брикам. А поскольку Надежда Дмитриевна оставалась близкой подругой Лили Юрьевны и часто бывала у Бриков, то встречи Бриков с Давидом Петровичем стали редкими. В прошлом, 1934-м, году Денисовский написал маслом портрет Л. Ю., который оставил у себя³⁵.

Москва. Площадь им. Свердлова (1935 г.)

Давид Петрович пришел к Лиле Юрьевне с письмом от Малевича:

11 января 1935 г., Ленинград.

(под диктовку Казимира Севериновича)³⁶

Многоуважаемый Давид Петрович!

Вы оказались единственным товарищем, который обращает внимание на мое весьма тяжелое положение сейчас. Прошел уже год и два месяца со дня моей тяжелой болезни. Четыре месяца не встаю с кровати, и совсем ноги перестают действовать вследствие острого ревматизма. Медицинская помощь оказалась не помощью, а сделала мою болезнь хронической. В настоящее время лежу без всякой медпомощи. Все это заставило меня написать письмо товарищу Бубнову³⁷ с просьбой об отправке меня за границу для лечения опухоли под мочевым пузырем (сейчас делают искусственное выпускание мочи).

Андрей Сергеевич (Бубнов) не замедлил запросить ЛОССХ³⁸ телеграммой и заключение врачей по поводу моей болезни. ЛОССХом был созван консилиум, который и дал свое заключение, в свое время отправленное в Наркомпрос. Не знаю, что написали врачи в своем заключении, ибо до сих пор не имею никакого ответа из Наркомпроса. Думаю, что они написали, что «на Шипке все спокойно», а фактически болезнь моя развивается все хуже и хуже³⁹.

Кроме всего этого, я нуждаюсь в материальной помощи, так как мне нужно усиленное питание и частные врачи, которые сейчас очень много стоят. Очень благодарен Вам, Давид Петрович, за заботу обо мне.

Вашу телеграмму я на днях получил, извещения из Лен-изо пока еще не имею.

Посылаю Вам сердечный привет.

К. Малевич.

P. S. От Казимира Севериновича усиленно скрываем тот страшный диагноз, который ему поставили врачи, чтобы не усугублять того и физически, и морально очень тяжелого состояния, в котором он сейчас находится.

Примите мой привет, Давид Петрович. Н. Малевич [Малевич. Т. 1. С. 251–252].

Ознакомившись с этим письмом, Лиля Юрьевна достала и показала Давиду Петровичу другое, полученное ею полгода назад⁴⁰. Она сказала, что по ее сведениям, аналогичное письмо получил от Малевича и Мейерхольд⁴¹.

Давид Петрович, конечно, не мог знать, что в письмах к художнику Л. М. Лисицкому, еще в 1920-х годах, Малевич презрительно называл его «Давидкой», который «*большая шишка*» (имея в виду тогдашнюю службу Штеренберга в Коллегии по делам искусств), «*все каверзы строит, ...и нашего брата не терпит*», «*самым главным гонителем*», «*самым главным врагом...*»⁴².

Хотя об этих характеристиках, данных ему Малевичем, Штеренберг и не знал, отношения между ними всегда оставались натянутыми. И вот теперь это письмо — кстати, последнее из известных писем Малевича. Впрочем, написано оно лишь «*под диктовку Казимира Севериновича*».

Лиля Юрьевна и Давид Петрович обсудили положение Малевича. Оно безнадежно, и, как уже наводила справки Л. Ю., те, кто должен решать этот вопрос, прежде всего Наркомпрос, уклоняются от его положительного решения. Бубнов, конечно, не Луначарский, которого он сменил, и не может в должной степени оценить настоящего Художника и сделать все, чтобы прийти ему на помощь. Да и поздно, наверное, начинать радикальное лечение: упущено время, и какие бы ни были успехи у французов в лечении рака, они не безграничны. Остается лишь написать бедному Малевичу утешительные письма с неопределенными обещаниями. На том и порешили.

Но незаметно их разговор перешел в другое русло. Давид Петрович сказал, что сейчас он свободен — нет заказов, а Лиля Юрьевна предложила ему заказ — написать ее портрет. Художник согласился. Работа над портретом началась через несколько дней.

Давид Петрович выбрал композицию — Лиля Юрьевна, полулежащая на диване с газетой в руках. Она только усмехнулась, вспомнив, что примерно такую же композицию для ее портретов выбирали художники, писавшие ее прежде: Гарри Блюменфельд и Борис Григорьев⁴³. Правда, их картины давно уже куда-то безвозвратно исчезли. К тому же на картине Блюменфельда она была совершенно обнаженной, а здесь — при полном параде и с газетой в руках!

Москва. Арбатская площадь (1935 г.)

И для Давида Петровича эта композиция не была новой. Еще в 1920 году он написал так же портрет своей первой жены, Надежды Дмитриевны, «Женщина на диване».

В ногах у Л. Ю. он поместил кошечку, свернувшуюся клубком, что должно было посвященным еще раз напомнить — это портрет Кисы...

Во время сеансов много разговаривали, им было что вспомнить. Вспоминали Володю... Давид Петрович сказал, что очень гордится стихотворением, которое Володя преподнес ему в качестве подарка еще в начале 1920-х годов:

Милый Давид!
 При Вашем имени
 обязательно вспоминаю Зимний.
 Еще хлестали пули-ливни —
 нас
 с самых низов
 прибой-революция вбросила в Зимний
 с кличкой странной — ИЗО.
 Влетели, сея смех и крик,
 вы,
 Пунин,
 я
 и Ося Брик...

Он продолжал читать стихотворение, размахивая в такт рифмам кистью, а Лиля Юрьевна вдруг насторожилась: что-то раньше она не слышала его;

такие яркие стихи личного плана она не могла бы забыть. Обратилась к Осипу Максимовичу и Васе Катаняну, но и они, недоуменно пожав плечами, подтвердили, что слышат эти стихи в первый раз.

Значит, они *неопубликованные ранее, при жизни поэта?!*

Здорово! Очень интересная находка!!

А Давид Петрович горячился: «*Я еще тогда же списал с Володиных листков, один к одному! Завтра принесу!*» И принес. Действительно, очень интересные стихи! И хотя это был не авторский экземпляр, но без сомнения — их написал Володя. Надо обязательно опубликовать.

Вася Катанян отнес стихи в журнал «Огонек», где у него были кое-какие связи, и их там после долгих мытарств напечатали⁴⁴.

А Лиля Юрьевна, как главный редактор выходившего Собрания сочинений В. Маяковского, дала указание В. Тренину и Н. Харджиеву, которые как раз готовили к печати второй том «Стихи и поэмы. 1917—1924», включить туда и это стихотворение.

И они поместили его самым последним (с. 388—389) — так как все остальные стихи были уже собраны — с примечанием (с. 483): «*Печатается впервые по списку, сохранившемуся в архиве Д. П. Штеренберга. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно. Время написания стихотворения точно установить не удалось, но во всяком случае оно определяется периодом 1923—1924 гг.*»⁴⁵.

Давид Петрович закончил портрет Лили Юрьевны⁴⁶. Оба остались довольны проделанной работой, и этой встречей, и общими воспоминаниями, и находкой «неизвестного стихотворения Маяковского». Лиля Юрьевна щедро расплатилась с Давидом Петровичем за выполненный заказ.

А 15 мая в Ленинградской больнице скончался Казимир Малевич. Он завещал похоронить его «в супрематическом стиле» в подмосковной Барвихе (Немчиновке), что и было педантично выполнено его ближайшими друзьями⁴⁷. Давид Петрович участвовал в этих похоронах, а Лиля Юрьевна была занята.

После портрета Л. Ю. Давид Штеренберг написал портрет Примакова. Он не сохранился, но остался в воспоминаниях другого художника — В. И. Курдова:

На стене висел портрет Примакова, написанный художником Давидом Штеренбергом. Портрет приковал мое внимание. Я с любопытством рассматривал холст, где Примаков был изображен в азиатском халате, стоящим у столика, на котором лежала карта, вероятно, военных походов, и сверху на ней лежал черный браунинг. Рядом на спинке стула был изображен мундир со многими боевыми орденами. Портрет производил большое впечатление остротой штеренбергской живописи. Мне к тому же было известно, что он не был принят на выставку юбилея Красной Армии, по договору для которой был написан [Курдов. С. 88—89].

Москва. Триумфальные ворота у Тверской заставы (1935 г.)

В Таджикикино

Первого мая Осип Максимович с Евгенией Гавриловной отправились в... Таджикистан. Вовлек Брика в эту среднеазиатскую экспедицию старый друг-приятель кинорежиссер Л. В. Кулешов, который задумал снять художественный фильм по роману Садриддина Айни «Дохунда»⁴⁸. Брика всегда привлекали Средняя Азия и Восток вообще. Еще до революции, вскоре после женитьбы, он объехал с Лилей Юрьевной Узбекистан, четыре года назад, уже с Евгенией Гавриловной, они хорошо отдохнули на Иссык-Куле в Киргизии. В 1929-м Всеволод Пудовкин снял по его сценарию «на восточную тематику» фильм «Потомок Чингис-хана»⁴⁹, получивший мировую известность. И вот теперь предложение Кулешова, да еще связанное с поездкой в Сталинабад, где можно будет и отдохнуть; и Осип Максимович согласился.

(214) О. Брик — Л. Брик (Самара — Москва; 1 мая 1935 г.)⁵⁰

Спасибо за поздравление.

Крепко целуем. Едем чудно.

Ося. Женя.

[Открытка]

(215) О. Брик — Л. Брик (Туркестан — Москва; 4 мая 1935 г.)⁵¹

Родненькая Киса!

Едем прекрасно. Уже здорово жарко. Играем в шахматы, в преферанс и в винт. Едим много и вкусно. Не толстеем.

У меня в купе висит на стенке твоя карточка работы Льва Кулешова.
Очень, очень тебя целую и Вит. Марк.

Твой Ося.

[Открытка]

(216) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Ташкент — Москва; 5 мая 1935 г.)⁵²

КРЕПКО ЦЕЛУЕМ =ОСЯ ЖЕНЯ=

[Телеграмма]

(217) О. Брик — Л. Брик (Самарканд — Москва; 5 мая 1935 г.)⁵³

Любимая Киса!

Здесь чудно. Женщины все открытые — даже старухи!

Ем лепешку. Жаль, нет винограда. Совсем не устал. Настроенье прекрасное. Поцелуй В. М. Целую тебя 1000000 раз.

Твой Ося.

[Открытка]

(218) О. Брик — Л. Брик (Самарканд — Москва; 9 мая 1935 г.)⁵⁴

Дорогая, любимая Киса!

Таджикистан — республика молодая, поэтому трудно достать почтовую бумагу и чернила. Пишу чем есть на чем есть.

Здесь замечательно! Погода чудная, но очень жарко. Городишко весь белый, стандартный. Люди симпатичные. Принимают нас прекрасно.

Мы много работаем. Шефствуем над здешними режиссерами, исправляем сценарии, беседуем с ЦК комсомола и планируем будущую Таджикскую кинематографию.

Средняя Азия совсем теперь другая. Прежде всего, почти все женщины ходят открытые. В паранджах очень мало видно. Это ужасно неожиданно.

Сам Сталинабад не очень интересен, почти все население — русские. Таджиков очень мало. Но по дороге было много занятного.

Но скажу, осенью здесь лучше. Все цветет, но это, похоже, как всегда, а вот фруктов нет, золотых и красных листьев нет, лепешек с виноградом нет.

Кулешов очень мил. Очень о нас заботится.

Пока мы никуда в окрестности не едем, но собираемся.

Крепко тебя, Кисик, целую и Вит. Марк.

Пожалуйста, люби меня и не забывай.

Твой Ося.

[Карандашом на листках в клетку из блокнота. — А. В.]

(219) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сталинабад; 12–13 мая 1935 г.)⁵⁵

Солнышко мое Кислит,

я очень по тебе скучаю.

В Москве собачий холод, в квартире не топят.

Васька старается обмочить все, главным образом, головные уборы. Виталий его лупит. На-днях, Васька свалил с полки Витину фуражку и уже

Москва. Комсомольская площадь (1935 г.)

на полу ее обписал. Виталий стал его бить, а Мурка заступилась, страшно распушила хвост и кинулась на Виталия, изобразив ему сквозь суконные брюки в кровь весь зад и ногу. Пришлось снять штаны и мазать йодом. Сегодня Вит. заявил, что ему надоело уже бить кошек, и что хорошо бы их отдать кому-нибудь.

Звонил мне Желобинский, но не зашел.

Статью Тренина и Харджиева, после твоей телеграммы нашла в бюро, а до телеграммы обыскала все и не могла найти, а им статья нужна была срочно.

Давид кончает мой портрет — не похоже, но очаровательно — это главное, а для сходства я снимусь в фотографии Кулищева⁵⁶.

Ужасно интересно, как вы ездите.

Жарко ли? Худеет ли Женя?

Как понравился сценарий?

Дачу Виталий получил в Краскове: стандартный дом на две квартиры в общем саду. Отдельная терраса, отдельная кухня и уборная, три комнаты, хорошая охрана, погреб, молоко, овощи, палатка с хлебом, сахаром и т. д., кровати, столы, стулья. В одном саду дач 20—30, так что садом пользоваться невозможно. Можно сидеть на террасе, если с двух сторон затянуть ее парусиной, а гулять — в лесу. Преимущество перед домом отдыха то, что мы можем жить вместе⁵⁷, так что мы от дачи не отказались.

Больше никаких новостей. Утром позирую Давиду (он хочет летом написать твой портрет⁵⁸), вечером играем в «31».

18-го идем слушать Яхонтова, — он читает в Политехническом «Облако», «Флейту» и отдельные стихи.

Пью хинин, газеты и десять плиток шоколада⁵⁹.

Может быть, в конце месяца поедем на неделю в Ленинград⁶⁰.

Замечательно интересные воспоминания Спасского⁶¹ — не помню, читал ли их, — посылаю на всякий случай.

Как Женичке нравится все? Напиши мне тоже подробное письмо. Жемчужный здоров, только котенок не дает ему житья.

Здесь сейчас Надя и Вася⁶². Вася пишет тебе, а Надя шлет привет.

Наташа в отпуску, к нам ходит Аннушка.

Больше никаких новостей.

Я тебе безумно люблю и целую 1000000 раз.

Целую крепко Женю. Всем привет.

Твоя (Киса — рис.)

(см. на обороте)

13 мая

Вспомнила еще новости: приехал как ни в чем не бывало Коля Асеев, кузлик-зузлик. Вместе с Ксаной возмущается: какая Света⁶³ приставучая! Куда Колечка, туда и она! Коля — билет в Харьков, и она — в Харьков! Коля — в Тифлис, и она — в Тифлис! Ужас, какая приставучая!!

А Сема собирается на нашем пароходе в Америку и обратно. Пока что еще ничего из этого не вышло, но он полон энергии, ходит, хлопочет и, вообще, волнуется. Всех их вижу очень редко. Колю, вообще, еще не видела.

Полина Юрьевна в порядке. Вожу ей деньги, Верочке⁶⁴ тоже дала 800 р. и Торгсин⁶⁵.

Олег Леонидович записал тебя на заем, на тысячу рублей.

Целую мордик, и лапки, и лысину.

Твоя (Киса — рис.)

Кислит! Я тебе сегодня люблю еще больше, чем вчера.

Сегодня на улице тепло. Я все утро гуляла и съела в кафе две порции кофе-гляссе.

Целую еще 10000000 раз.

(Киса — рис.)

(220) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сталинабад; 15 мая 1935 г.)⁶⁶

Мой сладенький Кислит, посылаю тебе три вырезки⁶⁷.

Спасибо тебе и Жене за письма. Сегодня получила твою телеграмму о том, что сценарий нравится.

Сегодня пускают метро⁶⁸.

День рождения Жемчужного⁶⁹ мы не справляли, оттого что он и Виталий в этот день были заняты. Но он сам себе подарил чудные ночные туфли, а я купила ему красивый заграничный галстук.

Ищу домработницу для дачи. Как только найду, отвезу туда занавески, посуду, одеяла, подушки и кошков⁷⁰.

Никаких новостей.

Телеграфируй, понравился ли Айни сценарий⁷¹.

1 мая 1935 г. в Москве. Парад танков на Красной площади. Вверху — самолет «Максим Горький»

Когда приедешь?
Крепко целую 1000000 раз.
Твоя (Киса — рис.)
Целую Женю. Всем привет.

(221) Л. Брик — О. Брику (Москва — Сталинабад; 16 мая 1935 г.)⁷²
ТЕЛЕГРАФИРУЙ ГДЕ ЛЕЖИТ СТАТЬЯ МАЯКОВСКИЙ
ЛЕВАЯ ЖИВОПИСЬ⁷³ ЧТО ПРИСЛАТЬ КУЗНЕЦОВЫМ⁷⁴
ЦЕЛЮЮ ЛЮБЛЮ =ЛИЛИЯ=
[Телеграмма]

(222) О. Брик — Л. Брик (Сталинабад — Москва; 21 мая 1935 г.)⁷⁵
СПАСИБО ПОСЫЛКУ ПИСЬМА АЙНИ БОЛЕН
НАДЕЮСЬ ВЫЕХАТЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО
ПИШИ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ЛЮБЛЮ =ОСЯ=
[Телеграмма]

(223) О. Брик — Л. Брик (Сталинабад — Москва; 22 мая 1935 г.)⁷⁶
ВЧЕРА ТЕЛЕГРАФИРОВАЛ ПОДРОБНО
ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО
НАДЕЮСЬ ВЫЕХАТЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО

ПОЗДРАВЛЯЮ ВИТАЛИЯ⁷⁷
 СКУЧАЮ ЦЕЛУЮ КРЕПКО =ОСЯ=
 [Телеграмма]

(224) О. Брик — Л. Брик (Сталинабад — Москва; 22 мая 1935 г.)⁷⁸

Дорогая, очень любимая Киса!

Получил посылку и ужасно обрадовался. Здесь живетса весьма однообразно. Никуда не ездим, потому что нет машины, а на осликах кататься не охота.

Сижу и жду, пока сценарий пройдет все инстанции. Мне это надоело, и я заявил, что с ближайшим поездом, т. е. 27-го я уезжаю. Надеюсь, что билеты достать удастся и тогда, числа 2-го, я буду в Москве.

Очень соскучился по тебе. Страшно рад назначению Вит. Марк. Я так понимаю, что это для него серьезное повышение⁷⁹.

Будем кататься из Москвы в Ленинград и обратно.

Погода здесь московская, Пушкинская — то солнце, то дождь, не холодно и не жарко, а по ночам даже прохладно. Никаких тропиков!

Женя чуть похворала чем-то вроде гриппа, а я пока — тьфу! тьфу! — здоров.

На кинофабрике обычный для кинофабрики бардак. Ни черта не делается, никто ничего не понимает, посылают друг к другу и друг на друга жалуются.

Кулешов ругается, кроет всех матом, и это, кажется, помогает.

Я держусь несколько в стороне от организационных дел, — не хочется вмешиваться. Я исправляю сценарии, консультирую и реанимирую «Дохунду», которая пользуется большим успехом.

Айни болен и приехать не может. Тем лучше, — пусть согласовывают с ним без меня.

За мной очень ухаживает Познанский⁸⁰. Требуется, чтобы я заключил новый договор на сценарий. Я согласен, но еще не подобрал тему.

Ходим на базар в надежде что-нибудь купить интересное. Но ничего нет. А что есть, не интересно, так что насчет подарков слабо. Все говорят, что в Бухаре и Самарканде много можно достать. Но туда мы не попадем, потому что уже поздно. Надо ехать прямо в Москву.

Питаемся мы здесь вполне прилично. Денег хватает. Вообще, все очень мило, но скучно сидеть на одном месте, ничего кругом не видеть.

Ужасно рад, что у тебя шейка поправляется.

Крепко, крепко тебя целую миллион раз.

Твой Ося.

Поцелуй В. М.

(225) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Сталинабад; 25 мая 1935 г.)⁸¹

ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЕВРОПЕЙСКУЮ ПРИМАКОВУ

ДЕНЬ ВЫЕЗДА ПРИЕДУ ВСТРЕЧАТЬ⁸²

КРЕПКО ЦЕЛУЮ =ЛИЛИЯ=

[Телеграмма]

В. М. Примаков. Газетное фото (1935 г.)

(226) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Сталинабад; 27 мая 1935 г.)⁸³

ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРИМАКОВУ
 ДЕНЬ ТВОЕГО ПРИЕЗДА МОСКВУ ПРИЕДУ ВСТРЕ(ЧА)ТЬ
 ЦЕЛУЮ =ЛИЛЯ=
 [Телеграмма]

Сохранились воспоминания Л. Кулешова и его жены А. Хохловой об этой поездке⁸⁴:

«Дохунда — по-таджикски бродяга, бедняк.

«Дохунда» — роман таджикского писателя-классика Садриддина Айни об установлении Советской власти в Таджикистане, об участии в революции бедняка с гор Едгора, всю жизнь отработывающего долги родителей, о любви Едгора к красавице Гюльнар.

По роману Айни литературный сценарий начал делать Осип Максимович Брик.

Пригласили нас работать в Таджиккино наш ученик режиссер Камиль Ярмагов⁸⁵ ...и директор Таджиккино В. Хабур. Мы должны были организовать и осуществить в Сталинабаде производство первого среднеазиатского звукового фильма. Это было чрезвычайно трудно, потому что в Сталинабаде студии, по существу, не было: был двор с садом и арками, пожарный сарайчик и несколько маленьких комнат под одной крышей. На студии даже не было съемочной камеры, которая могла бы работать от синхронного мотора.

Выпускала студия в основном только немую хронику. В одной из комнат была монтажная. Некоторые монтажницы приходили на работу в парандже и только здесь ее снимали.

В 1935 году мы приехали вместе с Осипом Максимовичем Бриком в Сталинабад. Мы постарались получше узнать Азию. Вокруг было удивительно: красота и величие природы, необычайность национальных

обычаев, смесь нового революционного со старым азиатским и своеобразие людских характеров, костюмов, обстановки. В Средней Азии мы ошутимо поняли некоторые библейские мотивы — омовение ног, осликов, чечевичную похлебку. Там все казалось органическим, «само собой разумеющимся».

В одну из поездок по Таджикистану и Узбекистану мы познакомились с автором «Дохунды» Садриддином Айни, которому сценарий Брика очень понравился. Ездили мы в Самарканд, Бухару, в Вахшскую долину, в Гиссар, в Курган-Тюбе, на Шахристанский перевал. Побывали на хлопковых полях, в диких зарослях тугая, в горных кишлаках — всюду. Присутствовали при темпераментной народной игре всадников — козлодрании и даже снимали ее на фото. Мое фото «Всадники» было напечатано в «Правде». Мы вообще много фотографировали, собирая материал для фильма...

Мы много путешествовали. Брик написал отличный сценарий, который потом, уже в Москве, режиссерски дорабатывался.

В Москве нам удалось достать редчайшие книги о Средней Азии, и мы с жадностью их изучали. Пришлось очень тщательно исследовать даже Коран...

Сделав сценарий и прорепетировав актерские сцены в снятом специальном помещении, мы приступили к работе над фильмом — сняли небольшую часть натуры в Средней Азии, а павильоны — в Москве.

А в то время, как Осип Максимович наслаждался красотами и гостеприимством Средней Азии, в Москве произошли значительные события.

Итак, в мае 1935 года В. М. Примакова назначили заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа. Командующий ЛВО в это время — И. П. Белов⁸⁶, а его заместитель, которого сменил Примаков, — И. И. Гарькавый⁸⁷. Это было, безусловно, престижное назначение. Сам ЛВО являлся вторым по значимости после Московского округом СССР.

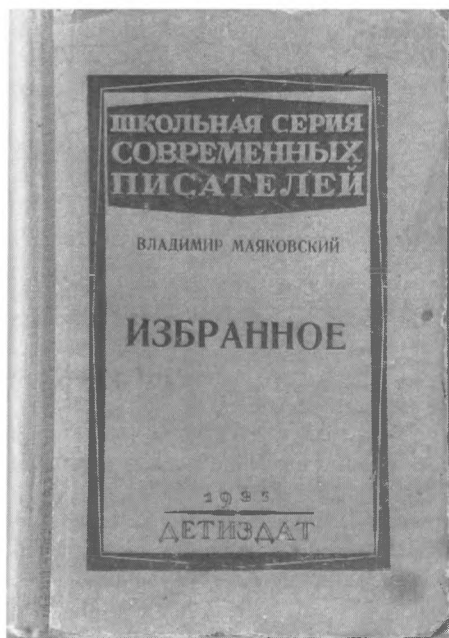
Квартиру в Ленинграде Примаков получил без промедления — на улице Рылеева, в доме № 11, буквально в пяти минутах ходьбы от дома на улице Жуковской, где когда-то жили Брики и куда ровно 20 лет назад (!!) к ним впервые пришел Маяковский...

Но перед въездом в квартиру необходимо было провести ее ремонт.

Заместителю командующего по должности сразу же была предоставлена и дача в загородном городке военных — Тарховке, пришлось перевозить туда дачные вещи из подмосковного Краскова.

Вскоре к ним же в ленинградскую квартиру на постоянное местожительство перебрались Осип Максимович с Евгенией Гавриловной. Им были выделены свои комнаты и здесь, и на даче.

Впрочем, они сохранили за собой и московскую квартиру на Арбате, так как жили все, в общем-то, на два дома, часто приезжая в столицу (ночь в комфортной «Красной стреле» туда или обратно — не проблема).

В. Маяковский. Избранное.
(Детиздат, 1935 г.)

Вот фрагменты из нескольких писем этого времени, которые Л. Ю. отправляла Катаньянам из Ленинграда в Москву:

Женя с Осей уже живут на даче, а я все никак не соберусь — плоховатый я дачник! Все время было холодно, сегодня третий день солнце.

Квартира еще не готова. Понемногу поступают гранки однотомника⁸⁸. Вожусь с таджикским сценарием (у Виталия совсем нет времени)⁸⁹. Читаю Лермонтова — и в восторге! (17 июня 1935 г.).

У нас уже есть хорошая квартира. Ее сейчас ремонтируют. На дачу ездим редко — у всех дела в Ленинграде. Все мы очень довольны жизнью, только Виталий принимал только что касторку!!!

Однотомник печатается медленно, но верно.

Город изумительный.

Ося покупает книги, ходит по библиотекам и к специалистам по разным векам. По утрам рассказывает нам последние новости из жизни Петра I (1 июля 1935 г.) [Брик. С. 244, 245].

О встречах с Бриками в 1935 году сохранился ряд воспоминаний, но все они происходят в Москве. И могли состояться как в первой, так и во второй половине года, ведь Брики (и Примаков) жили практически двумя домами: и в Москве, и в Ленинграде.

Варлам Шаламов рассказывал о посещении Бриков в московской квартире⁹⁰:

В тридцать пятом году написал я воспоминания о Маяковском, предложил в «Прожектор». Потребовалась виза. Визировали тогда материал такого рода или Л. Ю. Брик, или О. М. Брик. В Гендриковом был музей Маяковского⁹¹. Я нашел новый адрес Брика в Спасопесковском. Записал его новый телефон, позвонил... О. М. меня узнал, поблагодарил за написанное, обещал позвонить и визировать. В тот же час я отправился на Арбат в Спасопесковский. Жил Брик в новом каменном доме. На дверях его новой квартиры снова были две одинаковые медные дощечки. Сердце мое застучало. Я подошел ближе. Да, дощечка Брика была той же самой, а другая была новая, по формату дощечки Маяковского из Гендрикова. На ней была вырезана тем же шрифтом другая фамилия — «ПРИМАКОВ».

Лиля Юрьевна и Осип Максимович жили в квартире Примакова. Мне это не понравилось. Почему-то было больно, неприятно. Я больше в этой квартире не бывал.

Лидия Чуковская в своих «Записках об Анне Ахматовой», упоминая об одном разговоре с Анной Андреевной, коснувшемся Бриков и Примакова, вспоминает⁹²:

Разговор набрел на Маяковского и Бриков — я рассказала о детиздатовском однотомнике⁹³ и о поездке моей и Милона Левина⁹⁴ в Москву к Брикам. Общаться с ними мне было трудно: весь стиль дома — не по душе. Мне показалось к тому же, что Лили Юрьевна безо всякого интереса относится к стихам Маяковского. Не понравились мне и рябчики на столе, и анекдоты за столом... За столом сидели, кроме меня и Милона, приехавших по делу, Примаков, Осип Максимович и «наша Женичка». Более всех невзлюбила я Осипа Максимовича: оттопыренная нижняя губа, торчащие уши и главное тон не то литературного мэтра, не то пижона. Понравился мне за этим семейным столом один Примаков — молчаливый и какой-то чужой им.

Побывал в московской квартире и таджикский режиссер Камиль Ярматов. Его воспоминания связаны с неловкостью, которая охватывала «непосвященного»⁹⁵:

Наступил 1935 год. Мы на «Таджиккино» решили поставить картину по знаменитому роману таджикского классика Садриддина Айни «Дохунда»...

За литературный сценарий взялся известный кинодраматург, старый друг Льва Владимировича [Кулешова. — А. В.] и Александры Сергеевны [Хохловой. — А. В.], Осип Максимович Брик...

Еще заочно О. М. Брик вызывал у меня уважение, а узнав его лично, я проникся к нему большой симпатией. Мне было очень лестно, что этот талантливый, высокообразованный человек так дружески отнесся ко мне, молодому режиссеру. Как-то в Москве Осип Максимович пригласил меня к себе на обед. И все бы хорошо, да ситуация ввергла меня в неловкость.

Прихожу. Усаживают за стол, представляют сотрапезникам, а сотрапезников — мне. Оказывается, в этой дружной и связанной взаимными симпатиями компании рядышком сидят Осип Брик, его жена, Женя Брик,

Дом в Ленинграде (ул. Рылеева, 11), где Л. Ю. Брик и В. М. Примаков жили в 1935–1936 гг. Фото 2003 г.

бывшая жена Лиля Брик и ее нынешний муж командарм Виталий Примаков. Никак в моем понимании это не укладывалось! Я почувствовал себя безнадежно отставшим от новейших достижений на семейном фронте. Пытался вообразить себя на месте Осипа Максимовича, но тщетно. Фантазии не хватило? Сейчас я думаю, что не фантазии, а житейского опыта. Нынче бы — другое дело!

В то время как Брики празднуют свое новоселье в северной столице, получает новую квартиру — в Кремле! — и их старый знакомый Я. С. Агранов. Сталин предоставляет ему освободившуюся жилплощадь изгнанного с кремлевского олимпа Авеля Енукидзе⁹⁶. Это большое доверие, оказанное вождем Якову Сауловичу. Ведь даже его шеф, Г. Г. Ягода, не удостоился такой чести, проживая в городской квартире. Впрочем, и Яков Саулович, даже переехав в Кремль, благоразумно оставляет за собой прежнюю квартиру в том же доме.

В сентябре–октябре Осип Максимович чаще живет в Москве, а Лиля Юрьевна — в Ленинграде; сохранилось несколько писем этого периода.

(227) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ленинград; 3–4 сентября 1935 г.)⁹⁷
Дорогая, золотая, любимая Киса!

Пишу тебе подробное письмо.

1. Насчет Коли⁹⁸ толком ничего не узнал. Со слов Васи, Семы и Клары⁹⁹ выходит, что Коля буянил не столько по личным своим делам, а по вопросам общекультурным. Он возмущен безвкусицей, бюрократизмом, пошлятиной, наплевательством и т. п.; говорит, что никакой нет охоты писать хорошие стихи, раз они идут в одну кучу с плохими, без разбора; что на кой черт писать революционные стихи, если это никому не нужно, а нужны

Пастернак и Алексей Толстой. Все это он выложил Щербакову¹⁰⁰, который, по словам Коли, ничего не понял. А когда Коля заговорил о своем «нашем» журнале, закричал: «А! это все “вождизм”! Хотите быть маленьким вождем со своей группочкой?!» Тогда Колька рассердился, ушел и накатал письмо Щербакову, где все то же изложил письменно и в заключение написал, что ввиду расхождения его, Колькиной, точки зрения на задачи литературы, которая расходится с официальной точкой зрения, он считает правильным выйти из правления Союза, чтобы действовать свободно.

Письму этому ходу не дали, но решено было устроить Кольке разговор с одним из секретарей ЦК. Но Коля ничего этого не стал дожидаться и уехал с Ксаной в Гаспру, где сейчас и находится. Вот все, что я мог понять со слов, главным образом, Семки. Но, сама понимаешь, какой это «достоверный» источник.

Я думаю, что Колька таки да скандалил на общие темы, но скандалил-то он потому, что обиделся. Скандалил он правильно, и для этого можно и притвориться обиженным. Тогда все в порядке. Тогда это «прием». Но если он действительно обижен, тогда это гадость.

Так я и объяснил Семке. Он, конечно, немедленно сказал: «Ну да, конечно, так оно и есть. Колька нарочно так все сделал!». Но я Семке не верю и думаю, что Колька обиделся, но не хочет сказать это прямо.

Возможно, что из всей этой истории выйдет толк. Обида пройдет, а скандал как-то подействует.

Семка в весьма боевом настроении. Хочет писать статьи, ругаться, выступать. И меня на это подбивает! Но мне еще пока не хочется.

2. В день приезда, вечером, все пришли ко мне.

Клавка чувствует себя неважно. Кашляет. Семка увезет ее сегодня на 10 дней в Болшево.

Надя¹⁰¹ выглядит усталой, очень хочет приехать к тебе.

Нина Влад.¹⁰² постарела, замучилась с ремонтом.

Лева¹⁰³ дико занят и очень устал.

Кулешов все-таки едет на машине, без Шуры¹⁰⁴, но с Галаджевым¹⁰⁵. Они высчитали, что на поездку ему понадобится, в общем, 1 тонна бензина и очень этим гордится.

Вася все такой же. Много работает над Володиными темами. И говорит, что все идет хорошо. Между прочим, Главлит затрудняется пропустить «Пятый Интернационал»¹⁰⁶.

3. Подробности о смерти Зархи¹⁰⁷:

Пудовкин объезжал грузовик справа, так как ему не удавалось объехать его слева из-за встречных машин. А грузовик, не зная об этом маневре, тоже свернул направо. Тогда Пудовкин на полном ходу резко затормозил, и машина завертелась на месте и поехала под грузовик. Между прочим, Пудовкин не имел никакого свидетельства на право езды, и шофер не хотел давать ему править. По закону его надо отдать под суд, но дело замяли. Все злятся на Пудовкина, главным образом, потому, что он, чтобы не «расстраиваться», не зашел к Зархи в больницу и до сих пор не был у жены Зархи, а вместо этого живет в «Узком» и развлекается.

Комендант Кремля, комдив
П. П. Ткалун (1935 г.)

4. Олег Леонидович очень мне обрадовался. И тут же вручил мне небольшую сумму денег в качестве аванса за сценарий «Евгений Онегин». Как сделать сценарий, он представления не имеет, но вполне верит в мою изобретательность.

С Белгоскино дело, может быть, уладится и не придется возвращать деньги за «Вильбушевич»¹⁰⁸. Нам обещали выхлопотать отсрочку. Никаких особо интересных новостей О. Л. не рассказал. Галина Антоновна¹⁰⁹, по-видимому, не очень понравилась на фабрике, и снимать ее не очень хотят. Говорят, Барнет сделал замечательную картину о рыбаках на Каспийском море¹¹⁰.

4 сентября

Вчера В. М. не уехал, и я пишу еще¹¹¹:

5. Заходил Валерий Мих. Собирается в отпуск. Хочет писать новую работу о Чехове. Ищет форму. Говорит, что уже почти нашел. Отзывы об его «Франсе» хорошие¹¹². Многие интересуются, кто он такой.

6. Звонила Женя Серебровская¹¹³, которая привезла тебе пудру и жаждет лично тебе ее передать и все рассказать. Она была 3½ мес. за границей: в Лондоне, в Париже, в Италии и так далее.

7. Звонила Людмила Владимировна¹¹⁴. Грозилась сегодня вечером придти.

8. Я рассказывал Валерию Мих. про Алексея Михайловича¹¹⁵, и он сказал, что это замечательно. И нужно немедленно писать острую полемическую, против всех историков, статью.

Вот, Кошка, сколько я тебе написал.

Целую тебя миллион и трильон раз. Все тебя тоже целуют и любят.

Ося.

В начале сентября в руководстве Ленинградским военным округом происходят перемещения. Вместо И. П. Белова командующим войсками округа назначают Бориса Михайловича Шапошникова, хорошо знакомого Примакову еще по совместной службе в Приволжском военном округе в 1931—1932 годах.

С 12 по 17 сентября проводились ставшие впоследствии легендарными учения Киевского военного округа, которыми командовал И. Э. Якир. На учениях присутствовали высшие командиры РККА (и Примаков — в их числе), иностранные гости. Здесь был показан массовый воздушный десант войск, другие новые решения тактических задач.

На подведении итогов учений нарком К. Е. Ворошилов проинформировал присутствовавших, что сейчас готовится постановление ЦИК и СНК СССР «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА» и вскоре все они будут удостоены этих званий.

Действительно, 22 сентября 1935 года это постановление было принято.

Тем временем О. Брика с О. Леонидовым в сентябре вводят в состав только что созданного Кинобюро при Союзе советских писателей. К новому театральному сезону в театре «Семперантэ» готовится к постановке их пьеса «Печорин» по роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

(228) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Москва; 11 октября 1935 г.)¹¹⁶

Солнышко мое любименькое, Кислит!

Пишу тебе письмо.

Сейчас начинается наводнение, — вода поднялась уже больше, чем на метр, ждут, что поднимется еще на столько же. Очень сильный ветер, солнце и «мчатся тучи, — выютя тучи».

Ты, конечно, сам понимаешь, как мне надоели! гости! но это — абсолютный секрет. Я страшно любезная и гостеприимная и надеюсь не сорваться до их отъезда. Но твердо решила, что это в последний раз!

Я очень огорчилась, что ты приезжаешь к премьере «Тихого Дона»¹¹⁷, а не ко мне. Повезло мне, что в Михайловском премьеры¹¹⁸!

Я взялась худеть. В 3 дня похудела на 3 кило. Во мне было уже 62 кг. 500 гр., а сейчас 59 кг. 500 гр. Хочу спустить еще пять. Кажется, на этот раз удастся.

Спасибо за конфеты, — Витька¹¹⁹ был ужасно рад. Сегодня ему приснилось, что «новый танк плывет по очень мелкому озеру и страшно торчит». И за письмецо спасибо. Ты мне все-таки пиши, хоть и говорим по телефону.

Я часто хожу на репетиции «Тихого Дона» и уже могу петь оттуда всякие песни.

Как ты отнесся к тому, что Валя хочет писать оперу про Чапаева¹²⁰? Витя говорит, что лучше про Щорса¹²¹.

Ленинград сейчас удивительно красивый. Сады все желтые. Под вечер сильный туман над Невой; все серое — крепость, Биржа — серыми

силуэтами, и солнце совершенно круглое и красное, а когда небо остается розовым, то с другой стороны вылезает луна. Во как!

Сегодня Витя начал принимать углекислые ванны. В 9 утра за ним приходит машина, в 10 он — дома, лежит минут сорок, завтракает и в 11 ч. уезжает на работу.

Я очень по тебе соскучилась.

Очень тебя люблю и, конечно, страдаю.

В квартире ничего нового, кроме радио и маленьких столиков. Очень хорошо, когда топятся печи.

Целую мою сладенькую мордочку.

Больше писать не о чем.

Твоя (Киса — рис.)

(229) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Москва; 12 октября 1935 г.)¹²²

Кислит! Как это я раньше не догадалась послать тебе чек на Модпик и доверенность в ГИХЛ!?

Целую 100000000 раз

Твоя (Киса — рис.)

[Открытка]

По-видимому, к этому же времени относятся красочные воспоминания художника Курдова:

Однажды меня вызвал к себе директор Детгиза в Ленинграде.

Войдя к нему, я увидел нарядно одетую рыжеволосую даму. Нас знакомят, и я узнаю имя просительницы. Это оказалась Лиля Юрьевна Брик. Нетрудно понять мое любопытство к человеку, чье имя романтически связано с Маяковским. Лицо этой женщины, с большими выразительными глазами, мне давно известно по фотографии на обложке поэмы Маяковского «Про это». Только теперь я вижу лицо стареющей женщины с теми же красивыми серыми глазами.

Деловое свидание у директора имело две цели. Во-первых, по предложению Брик издательство намеревалось издать сборник стихов с условным названием «Художники — Маяковскому» и поручало мне возглавить бригаду художников предполагаемого издания. Во-вторых, Детгиз собирался издать мою книжку-картинку «Красная Армия», и консультантом директор просил быть заместителя командующего Ленинградского военного округа В. М. Примакова, в то время мужа Л. Ю. Брик.

Взаимные интересы совпадали, и было решено, что Лиля Юрьевна познакомит меня с командующим сама, для чего просила меня прийти к ним домой на чашку чая, при этом приветливо добавила про Примакова: «Он ведь тоже левый»...

Через день я явился по адресу. По случайному стечению обстоятельств в этот день Примаков вернулся с охоты, и на квартиру к ним привезли шкуру убитого им лося. Примакова я застал за чисткой ружья, и наше знакомство сразу обозначилось охотничьими интересами. Он подвел меня

к стеклянному шкафу, где стояли великолепные охотничьи ружья разных систем и калибров, и любезно разрешил брать их в руки. Рассматривая ружья, я одновременно рассматривал и их владельца. Я знал военную биографию времени гражданской войны легендарного «Примака», командира червонного казачества.

Я с любопытством оглядывал человека, стоявшего передо мной с засученными рукавами, в белой с тоненькой красной полоской сорочке с невысоким стоячим крахмальным воротничком, какие носили офицеры царской армии. На нем были кавалерийские бриджи и короткие сапожки на низком каблуке с маленькими привинченными шпорами.

Мне запомнилось бритое округлое лицо в очках с тоненькой золотой оправой, с широким лбом, с твердыми сжатыми губами военного человека. Он мало говорил и был глуховат.

После короткой беседы о деле Примаков обратился ко мне с предложением поехать как-нибудь с ним на охоту, полагая в этом простой акт вежливости хозяина.

Нас позвали к чаю...

...Прошло много недель, как вдруг по телефону мне позвонил Примаков и предложил поехать на утиную охоту в Грузино на Волхов. Машина должна была заехать за мной в четыре часа дня. Я быстро собрался, захватив по обыкновению с собой еду. Когда я укладывал в машину свои вещи, в том числе и рюкзак с продуктами, то получил замечание от сидящего в машине адъютанта, что я еду с командующим и что мои продукты лишние.

Подъезжая к деревушке на месте охоты, мы увидели встречавших нас егерей. Здесь находилась известная семья — отец с сыновьями, — прославившаяся своим искусством губами манить селезней не хуже, чем сами натуральные подсадные утки.

Охота должна была быть на утренней заре, а вечером в натопленной просторной избе нас угощали мясом дикого козла. На вопрос командующего, откуда взялся козел, егеря уверяли, что он сломал ногу в ручье, и его пришлось застрелить, на что Примаков, с усмешкой скривив рот, сказал мне: «Ну, теперь вы знаете, как ездить на охоту с начальством».

Скоро в избу набилось много простого люда, всяческих просителей в заступничестве и жалобщиков. Примаков выслушивал молча. Меня почему-то приняли за прокурора и, несмотря на мои отчаянные разубеждения, не верили и выкладывали свои горемычные истории, прося «пересуда» или отмены решения суда. Поистине, положение мое было хуже губернаторского.

Еще в темноте нас развезли по заранее установленным шалашикам. Едва успели выбросить чучела и подсадную, как начался лет. Сидевший со мной в челне паренек, помогая подсадным, артистически манил ртом, осаживая красавцев селезней. Начались выстрелы. Охота кончилась, когда солнышко стояло уже высоко. После мне никогда не приходилось бывать на такой добычливой охоте. Она запомнилась мне и потому, что поздние обернулась печальной стороной, став поводом для исключения меня из Союза художников [Курдов. С. 86–88].

МАЯКОВСКИЙ БЫЛ И ОСТАЕТСЯ...

Многие годы ключевой в маяковедении была широко распространенная фраза, приписывавшаяся И. В. Сталину: *«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»*. Ее знали все: от школьников, которые украшали ею свои сочинения, до академиков из Института мировой литературы, вставлявших цитату эпиграфами к своим монографиям. Но при этом большинство из них не смогло бы сказать, где, когда и по какому поводу вождь сказал эти слова. Правда, наиболее вездельные могли бы, наверное, найти ссылку в каких-то примечаниях на первоисточник — главную газету страны «Правда» от 5 декабря 1935 года. И даже разыскав в книгохранилище крупной библиотеки пыльную подшивку газеты за далекий 1935 год, немного откроешь нового. На последней, четвертой, странице газеты была помещена без подписи редакционная статья «Владимир Маяковский», в которой говорилось о неудовлетворительном, бюрократическом отношении чиновников от Госиздата, Наркомпроса и других руководящих инстанций к литературному наследству Маяковского и к его памяти.

Статья заканчивалась словами:

Когда до товарища Сталина дошли все эти сведения, он так охарактеризовал творчество Маяковского:

— Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление.

Но эта статья не давала ответа на вопросы, которые возникали при ее чтении.

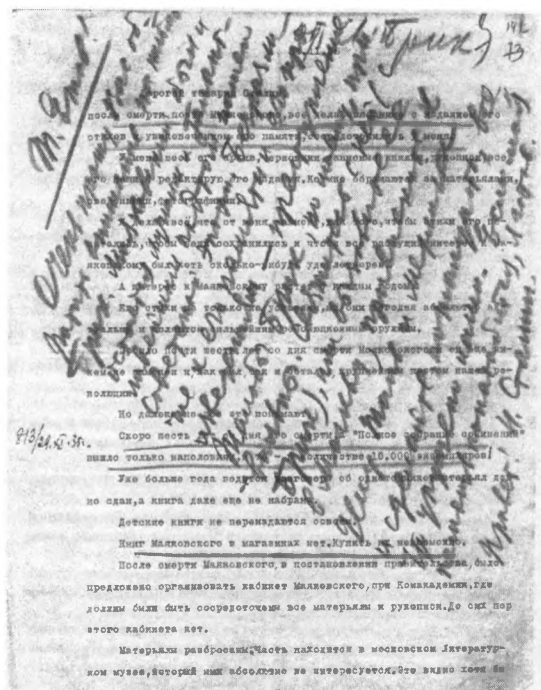
И только в 1978 году в вышедших в Москве воспоминаниях чилийского поэта Пабло Неруды «Признаюсь: я жил»¹²³ впервые можно было прочитать:

После смерти Маяковского его злобствующие враги, люди реакционных взглядов, всячески пытались очернить его память, стереть имя поэта с карты советской литературы. Но произошло событие, разбившее их планы.

Лиля Брик, женщина, которую любил Маяковский, направила Сталину письмо, в котором говорилось о позорных нападках на поэта и со всей страстью защищалось его творчество. Противники поэта — посредственные литераторы — думали, что они неуязвимые, потому что действуют сообща. Но они просчитались. Сталин написал на письме: «Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи».

Со временем возникли музеи Маяковского, появились его памятники и многочисленные издания его замечательных стихов. Недруги поэта были повергнуты.

Здесь необходимо сказать, что Пабло Неруда был близким знакомым Лили Юрьевны, неоднократно с ней встречался, посвятил ей стихи¹²⁴.

Резолюция И. В. Сталина на письме к нему Л. Ю. Брик от 24 ноября 1935 г.

В 1989 году были посмертно опубликованы воспоминания самой Л. Ю., и, казалось бы, их надо принять как свидетельство главного действующего лица этой истории, отвечающего на все вопросы исследователей и читателей, но в жизни все оказалось не совсем так.

Журналист Ар. Кузьмин, якобы хорошо знавший Л. Ю., в журнале «Слово» в 1989 году приводит расшифровку своей беседы с Л. Ю., записанной на магнитофон в марте 1968 года, о ее письме Сталину¹²⁵. Лиля Юрьевна рассказывает:

По совету Примакова, который очень сочувствовал моим переживаниям и считал, что, кроме Сталина, этих вопросов никто не решит, я написала письмо. Он выразил готовность через Малькова¹²⁶ помочь, чтобы письмо попало в руки самого Сталина. Только посоветовал мне писать коротко, не больше странички машинописного текста, иначе, мол, Сталин не прочтет... Я сказала: «Напишу то, что я считаю нужным. А не прочтет, ну и пусть не прочтет, что же поделаешь! Других-то помощников все равно нет...

<...> Мне не составило большого труда составить очень конкретное письмо, указав на вопиющие факты невнимания к памяти Маяковского...

Мы прочитали его с друзьями, что-то уточнили, что-то поправили, и уже готовый текст я передала Примакову, словом, все обошлось хорошо. Как оказалось, Сталин в тот же день получил мое письмо... А утром мне позвонили из ЦК и попросили немедленно приехать в Москву. Назвали номер московского телефона, по которому я должна позвонить, и предупредили, что сразу же примут по поводу моего письма.

Меня принял секретарь ЦК Ежов...

<...> Из ЦК я поехала в редакцию «Правды», там готовилась полоса с крупным аншлагом: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. И. Сталин». Она вышла на следующее утро...

В этом рассказе есть несколько ошибок памяти 77-летней Л. Ю., которые подрывают к нему доверие в целом.

Что же это за ошибки? Прежде всего, в датировке событий. Письмо датировано 24-м ноября, «на следующий день» (т. е. 25-го?) оно попадает Сталину и он пишет на нем историческую резолюцию. «Утром» (26-го?) ей «позвонили из ЦК», она выезжает в Москву, и на следующий день (27-го?) ее принимает «секретарь ЦК Ежов», а «на следующее утро» (28-го?) выходит «Правда» с известной цитатой Сталина. В действительности эти материалы появились в «Правде» только 5 декабря — явная неувязка событий с недельным разрывом.

И те, кто видел этот номер «Правды», помнят, что указанные материалы были скромно напечатаны на 4-й (последней) странице газеты, безо всякого аншлага, а историческая цитата Сталина прозвучала в редакционной статье «Владимир Маяковский», да и то с грубой опечаткой (вместо «талантливейшим» ошибочно — «талантливым»), и Лиле Юрьевне пришлось мчаться в редакцию, чтобы исправить эту досадную ошибку, о чем она через 33 года напрочь забыла.

И, наконец, Мальков в 1935 году давно уже не был комендантом Кремля.

Некоторые серьезные исследователи (Дядичев¹²⁷ и др.) склонны усмотреть в этих огрехах памяти старой женщины некую преднамеренность, желание что-то утаить от потомков и представить события в искаженном свете.

Однако я бы хотел обратить внимание читателей на то, что эта история была просто *рассказана* Лилей Юрьевной на магнитофон, по-видимому, без предварительной подготовки к вопросу. А ответ был записан без последующей правки текста, как это делается при официальной публикации магнитофонной записи.

Я бы предложил принять как истинные несколько основных фактов, изложенных в рассказе Лили Юрьевны, и проанализировать, как они согласуются с другими фактами, которые вполне можно принять за достоверные, а именно: «*написала письмо — я*», «*мы прочитали письмо с друзьями*,

что-то уточнили, что-то поправили, и уже готовый текст я передала Примакову», «Примаков привез письмо из Ленинграда в Москву и передал его через коменданта Кремля», «мне позвонили из ЦК и попросили немедленно приехать в Москву», «по приезде меня принял секретарь ЦК Ежов».

Согласитесь, что эта выборка не противоречит в целом самому рассказу Лили Юрьевны.

Рассмотрим несколько документов, которые относятся к описываемым событиям; сочтем, что время еще не успело наложить на них свою печать, и не будем подвергать сомнению причастность авторов этих документов к тому, о чем они говорят.

Передо мной — письмо О. М. Брику от его матери, Полины Юрьевны, от 24 ноября 1935 года¹²⁸:

Была у меня Елена Юльевна¹²⁹ по приезде из Ленинграда. Рассказывала про вашу квартиру и как вы хорошо живете, чем мне, конечно, доставила большое удовольствие.

Теперь нужно начать кланяться. Впрочем, Лиля и Виталий Марк. будут завтра в Москве, им кланяться не нужно, ну а Женю и тебя крепко-крепко целую.

Письмо Л. Ю. Сталину датировано этим же числом, 24 ноября. Значит, окончательно оно было оформлено в Ленинграде и уже на следующий день привезено ими или одним Виталием Марковичем, если поездка Л. Ю. по каким-то причинам не состоялась, в Москву.

А вот сама Л. Ю. Брик пишет Эльзе Триоле 1 января 1936 года: «*Случилось все так: я написала письмо хозяину...*»¹³⁰.

К. И. Чуковский 17 января 1937 года записывает в дневнике о своей встрече с Л. Ю. Брик 14 января в поезде Ленинград — Москва:

Лили Брик рассказывает подробно, как она написала Сталину письмо о трусливом отношении Госиздата к Маяковскому. Написав это письмо, она отложила его на 3 недели. Но чуть она передала письмо, через два дня ей позвонил по телеф. т. Ежов (в Ленинград): не может ли она приехать в Москву. — «4-го буду в Москве». — «Нельзя ли раньше?» Я взяла билет и приехала 3-го. Меня тотчас же принял Е... [Чуковский. С. 132].

Уже в этих трех фрагментах, датированных близко к описываемым событиям, мы замечаем экспрессию Л. Ю., восприятие происходящего в ускоренном темпе. В записи Чуковского любопытен один нюанс: «*Написав это письмо, она отложила его на 3 недели*». Видимо, какая-то задержка в отправке письма действительно была, наверное, вызванная задержкой командировки Примакова в Москву. Эта поездка в наркомат по случаю присвоения «персонального воинского звания» ожидалась уже сразу после Октябрьских праздников, но Ворошилов все откладывал подписание приказа.

Кстати, промедление в отправке письма еще раз доказывает, что его должен был доставить в Москву и передать по назначению Примаков. Ведь если бы эта роль отводилась Агранову, достаточно было созвониться с ним и, не откладывая, отвезти письмо в Москву.

И вот 21 ноября приказ подписан, и всех удвоенных высоких «генеральских» званий приглашают в Москву на понедельник, 25 ноября. Перед самым выездом Лиля Юрьевна еще раз перепечатывает письмо и подписывает его, проставив свежую дату — 24 ноября.

Первые четыре дня: 25, 26, 27 и 28 ноября — Примаков занимается своими служебными делами в наркомате, а в пятницу, 29 ноября, отправляется... в Кремль на встречу с его комендантом, своим давнишним хорошим знакомым и сослуживцем еще по Гражданской войне на Украине и Червонному казачеству, комдиву Петру Пахомовичу Ткалуну. Вспомним письмо Лили Юрьевны Осипу Максимовичу от 20 июня 1931 года, с которым она пересылала в Москву несколько писем Виталия Марковича с протестами против «захвата» их новой квартиры на Арбате Г. Чичериным, в том числе одно — Ткалуну, тогда коменданту Москвы.

Кстати, ошибке Л. Ю. в беседе с А. Кузьминым в марте 1968 года есть свое логическое объяснение. Она помнила, что Примаков передавал письмо через коменданта Кремля, а его фамилию запомнила. Но совсем недавно она прочитала только что вышедшую из печати книгу Малькова «Записки коменданта Кремля»¹³¹, и в памяти всплыла эта фамилия.

Итак, именно П. П. Ткалун, а не П. Д. Мальков, как его «вспомнила» Л. Ю. Брик, и не К. В. Паукер¹³², как считает В. Н. Дядичев, был в ноябре 1935 года комендантом Кремля, и именно Ткалун взялся помочь своему другу Примакову.

Люди из окружения Сталина хорошо знали, что вождь не терпит, когда кто-то из них передает ему какие-нибудь письма-ходатайства. Его любимая дочь Светлана так, например, пишет об этом в своих воспоминаниях¹³³:

Он сердился и требовал, чтобы я не смела обращаться к нему с просьбами за других... Требовал он также, чтобы я не носила к нему ничьих писем, — мне иногда давали их в школе, — и не служила «почтовым ящиком».

Сталин признавал единственный, раз и навсегда установленный им же, порядок поступления писем к нему через общую часть комендатуры Кремля, со специальной регистрацией как входящей корреспонденции, и в нужное время письма вносились в его кабинет верным Поскребышевым¹³⁴. Конечно, на пути этой «входящей корреспонденции» существовало много бюрократических фильтров: она прочитывалась чиновниками аппарата, в большинстве своем признавалась недостойной личного внимания вождя и... откладывалась в сторону, отправлялась в другие инстанции, а чаще — просто выбрасывалась в корзину. Сталин хорошо знал об этом, но все это и называлось «порядком», который он уважал.

И. В. Сталин с помощником А. Поскребышевым

И Ткалун решил направить письмо Л. Ю. в кабинет Сталина «установленным порядком», но не выпуская прохождение письма по инстанциям из своего внимания, чтобы оно никуда не отклонилось со своего пути.

В РГАЛИ, в фонде Л. Ю. Брик, находится расписка начальника общей части комендатуры Кремля в получении письма:

29 ноября 1935 г.

Пакет б/№ на имя т. Сталина принял

Начальник общей части

УКМК [нрзб. подпись]¹³⁵

Неразборчивая подпись под распиской о приеме «пакета б/№» может быть прочитана как «комдив Ткалун», но, скорее всего, это был все-таки не он (не царское это дело — принимать «пакеты б/№»). Логичнее предположить, что письмо было принято тем, кому положено по должности, но по прямому указанию Ткалуна: он, хорошо представляя бюрократический путь, по которому должен был двинуться «пакет б/№», адресованный «т. Сталину», сделал так, что письмо не отсеялось, а, получив по дороге «входящий № 813/29.XI.35 г.», вскоре попало непосредственно в руки вождю.

Эта версия представляется мне более логичной, чем версия Дядичева, по которой Агранов, пришедший вместе со своими высокопоставленными коллегами из НКВД на прием к «т. Сталину» по случаю получения ими высоких званий, улыбаясь, достает из кармана «пакет б/№» и подает его вождю со словами: «Тут, Иосиф Виссарионович, одна интересная дама,

вдова поэта Маяковского, написала вам письмо в его защиту от бюрократов и просила меня передать его... Извольте...» Сталин, отложив неизменную трубку, берет письмо и читает его вслух, а высшие чины НКВД внимательно слушают, после чего общими (опять общими!) усилиями составляется знаменитая резолюция, которую вождь аккуратно записывает на письме.

Рассмотрим воспоминания двух людей из ближайшего окружения Л. Ю. Брик: Василия Абгаровича и Галины Дмитриевны Катанян (кстати, написанные независимо друг от друга, поскольку их авторы к этому времени уже разошлись).

Ноябрь 1935 года.

Я живу в санатории «Узкое». Это совсем близко, под Москвой...

— Вас просят к телефону...

Галя говорит, что звонила Лиля Юрьевна из Ленинграда, завтра утром приедет, просит в десять часов быть у нее. По важному делу...

Утром... я вовремя был на Арбате. Лиля Юрьевна рассказала, что несколько дней назад она написала письмо Сталину по поводу всех дел Маяковского, что вчера ей позвонили из ЦК и сейчас, через полчаса она едет к Ежову — это секретарь ЦК... Пропуск заказан.

Письмо помечено 24.11.35 года...

Все, о чем говорилось в этом письме, мне, конечно, известно. Я был не только свидетелем, но непосредственным участником всех начинаний в области издания книг Маяковского в эти годы...

Когда Лиля Юрьевна переехала в Ленинград, в 1934 году [? — А. В.], Ленинградское отделение Гослитиздата согласилось на однотомник. Там приняли подготовленную Л. Ю. рукопись и даже набрали, а потом, после трех корректур... рассыпали набор. Это была последняя капля, переполнившая чашу... Она села писать письмо...

Когда писалось это письмо, никакой уверенности в успехе, разумеется, не было. Но где искать помощи? В организации писателей? И выходило, что самый высокий адрес — единственный, куда надо писать...

Лиля в тот же день позвонила в Ленинград и все рассказала Осипу Максимовичу, который не мог отлучиться из Малого оперного, где шли в то время репетиции «Камаринского мужика».

Потом звонила Александре Алексеевне и сестрам¹³⁶, с которыми подерживались нормальные отношения.

Потом Николаю Асееву и Семе Кирсанову. Они вскоре прибыли прочесть все своими глазами. Радовались.

Вечером мы с Л. Ю. поехали в «Правду». Я сидел у И. Г. Лежнева¹³⁷, пока Мехлис¹³⁸ беседовал с Лилей Юрьевной. Лежневу все это «до лампочки», но он — интеллигентный человек, заведующий отделом искусства «Правды» по назначению самого Сталина — проявляет вежливую заинтересованность.

Мехлис тоже не выказал особого восторга и просил разрешения к Л. Ю. скопировать резолюцию, но сделал это неаккуратно (или, может

быть, решил чуть подредактировать текст?!)¹³⁹. В появившейся через несколько дней литературной странице «Правды», посвященной Маяковскому (5 декабря), две фразы из этой резолюции, получившие вскоре мировую известность, были напечатаны с ошибкой. Вместо «лучшим, талантливейшим» — «лучшим, талантливым»... Пришлось потом поправлять — в передовой «Правды» 17 декабря 1935 года [Катанян В. А., 1989. С. 224–225].

В. А. Катанян пишет, что ему было, конечно, известно все «о чем говорилось в письме». Но это не означает, что он был соавтором письма, он лишь хорошо понимал его «причинность». Он же уверенно вспоминает о звонке Л. Ю. в Ленинград — Осипу Максимовичу, который в эти дни оставался там.

И в 1955 году Галина Дмитриевна Катанян пишет:

Мы все, то есть все друзья, знали об этом письме.

Написать письмо было нетрудно, — трудно было доставить его адресату. Миллионы писем посылались в те годы Сталину. Прочитывались им единицы.

Надеялись на помощь Виталия Марковича Примакова, мужа Л. Брик. Он командовал тогда Ленинградским военным округом¹⁴⁰ и был непосредственно связан с секретариатом Сталина.

Примаков был крупной фигурой. С ним считались. Усилия его увенчались успехом, — Сталин прочел письмо и написал свою резолюцию прямо на письме. В тот же день письмо было доставлено Ежову, который тогда работал в ЦК.

Лиля Юрьевна и Примаков жили в Ленинграде. Ей позвонили из ЦК, чтобы она немедленно выехала в Москву, но Лиля в тот вечер была в театре, вернулась поздно, все поезда уже ушли, и она выехала на следующий день.

В день приезда утром она позвонила нам и сказала, чтобы мы ехали на Арбат, где она тогда жила, что есть новости. Мы поняли, что речь шла о письме.

Примчавшись на Арбат, мы застали там Жемчужных, Осю, Наташу (Брюханенко. — А. В.), Леву Гринкруга¹⁴¹.

Лиля была у Ежова. Ждали мы довольно долго. Волновались ужасно.

Лиля приехала на машине ЦК. Взволнованная, розовая, запыхавшаяся, она влетела в переднюю. Мы окружили ее. Тут же в передней, не раздеваясь, она прочитала резолюцию Сталина, которую ей дали списать...

Мы были просто потрясены. Такого полного свершения наших надежд и желаний мы не ждали. Мы орали, обнимали Лилю, бесновались [Катанян В. А., Катанян Г. Д., 1999. С. 268].

И в заключение приведем свидетельства людей из дальнего окружения. Художник Курдов пишет:

Нас позвали к чаю. В столовой на столе кипел никелированный самовар. Кроме хозяина, было еще два гостя: хорошо известные мне по фамилии критики по журналу «ЛЕФ» Осип Брик и В. А. Катанян.

За столом я оказался свидетелем чрезвычайно возбужденного и нервного разговора. Ничуть не смущаясь меня, в сущности постороннего человека в доме, шумно обсуждалась литературная судьба Маяковского. Дело заключалось в том, что в ту пору положение с изданием стихов Маяковского было кризисным, набранное Собрание сочинений поэта было рассыпано, и в школьных программах имя Маяковского исключалось.

Осип Брик требовал от Лили Юрьевны написания письма к правительству. В этой обстановке я чувствовал себя совершенно лишним, и хотя мне было интересно, однако я понимал свое глупое положение постороннего, попавшего на семейный скандал. От неловкости я стал смотреть на висевший на стене коврик с изображением стилизованной кошки. Заметив это, Лиля Юрьевна пояснила, что этот коврик Володя Маяковский привез ей в подарок из Мексики.

К этому времени окончился спор о письме, его решили направить работнику ЦК ВКП(б), от которого исходили вышеупомянутые запрещающие распоряжения. Но тут молчавший долгое время Примаков веско заключил шумную беседу следующим. Он сказал, что надо писать только И. В. Сталину и что только он один может изменить создавшееся положение с Маяковским, а передаст письмо он сам лично в руки Сталину.

Хоть я и не из трусливого десятка, однако, поспешил распрощаться с гостеприимным домом. Выйдя на улицу, я долго не мог привести свои чувства в порядок от всего виденного и слышанного в тот памятный для меня вечер [Курдов. С. 87].

В этом «воспоминании», сконструированном ко времени его написания на основе уже опубликованных материалов, откровенно выражена надежда автора остаться в истории в качестве свидетеля (и соучастника) знакового историко-литературного события (*«На моих глазах все это делалось!»*).

А вот одна из последних публикаций подобных «свидетельств». В основу своей статьи «Возвращаясь к напечатанному (О письме Л. Ю. Брик к И. В. Сталину)» директор Государственного Музея В. Маяковского в Москве С. Е. Стрижнева положила хранящуюся в фондах Музея стенограмму беседы с Бертой Яковлевной Горожаниной, вдовой хорошего знакомого Маяковского Валерия Михайловича Горожанина. Беседа с ним была записана сотрудником музея Н. М. Жебровской 25 декабря 1947 года.

Вот что сообщает, в частности, Б. Я. Горожанина:

Это письмо Сталину написано в квартире Агранова в Кремле (бывшая квартира Енукидзе). В этот день в этой квартире собрались Я. С. Агранов с женой Валей, были Мейерхольд с З. Райх, В. М. Горожанин с Бертой Яковлевной и Примаков В. М. с Лилей Брик. Собрались по случаю, обсудить вопрос, как увековечить память Маяковского.

Маяковского перестали печатать, преподавать в школах, изымали книги Маяковского из детских библиотек.

Валерий Михайлович Горожанин предложил написать письмо Сталину. Это письмо было написано тут же. При написании письма присутствовали

названные товарищи. Все они принимали участие в обсуждении этого письма. Валерий Михайлович предложил передать письмо Сталину Л. Ю. Брик. Для этого она была пропущена на прием к Сталину через Кремлевскую комендатуру, но Сталин ее не принял¹⁴² и переправил ее с письмом к Ежову Николаю Ивановичу, который в то время не работал в органах ОГПУ, а возглавлял работу советского контроля. (Это было в декабре 1935 года).

Письмо было представлено Сталину на рассмотрение, который наложил резолюцию, обязывающую тов. Ежова принять все меры по устранению недостатков в пропаганде творчества Маяковского в связи с тем, что Маяковский является лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Это письмо находится в частном архиве Л. Ю. Брик.

Тут же все газеты перепечатали резолюцию Сталина о Маяковском, последовал ряд публикаций в центральной и периферийной прессе.

До меня дошли слухи, что Брик считает себя инициатором этого письма. Я бы хотела, чтобы при жизни была восстановлена правда, что переживал эту трагедию Горожанин, и письмо было написано по его инициативе. Он искренне любил Маяковского, и все огорчения очень переживал. Горожанин помогал ему жить...

Агранов не мог написать этого письма, стилистически не был подкован. Мейерхольд не писал письма [зачеркнуто: не мог написать этого письма, так как он не знал ни... — С. С.].

Л. Ю. фигурировала тогда, как женщина, она считала себя интересной, она 100% женщина, она не была очень эрудирована... [Стрижнева. С. 10–11]

С. Е. Стрижнева заключает свою публикацию следующим выводом: *«Поскольку никого из участников описанного разговора нет в живых [в 2003-м году. — А. В.], это единственное [?! — А. В.] свидетельство не может быть ни оспорено, ни принято. Однако полагаю, что исследователи творчества Маяковского вправе иметь его в качестве версии. Возможно, другие косвенные документы когда-нибудь сумеют опровергнуть или утвердить эти факты»* [Стрижнева. С. 11].

Не знаю, зачем надо было вводить «в научный оборот» эти «воспоминания» Б. Я. Горожаниной, которые совершенно не стыкуются с другими, уже известными в наше время, более авторитетными источниками. При этом более понятна даже позиция автора «воспоминаний» — Б. Я. Горожаниной, которая, вернувшись сама из мест заключения, пыталась обелить запятнанное незаслуженными обвинениями имя мужа, расстрелянного как «враг народа». Ведь до начала реабилитации оставалось еще десять лет.

Итак, повторим установленные нами события в той последовательности, как они происходили.

Л. Ю. пишет письмо Сталину примерно в середине ноября, но ожидает, когда Примаков отправится в командировку в Москву. С письмом, разумеется, знакомятся и В. М. Примаков, и О. М. Брик, которые, естественно, дают советы Л. Ю., как лучше его отправить. Наконец, во-

прос командировки Примакова решается окончательно. Лиля Юрьевна (а скорее, Женя) в воскресенье, 24 ноября, печатает последнюю редакцию, и Л. Ю. ставит под ним свою подпись. Утром в понедельник, 25 ноября, Примаков приезжает в Москву, а в пятницу, 29 ноября, он передает письмо коменданту Кремля П. П. Ткалуну. Письмо официально принимается начальником общей части комендатуры Кремля (который выдает расписку о его получении). Установленным порядком письмо регистрируется (входящий № 813/29.XI.35 г.) и в этот же день, 29-го, или на следующий, 30-го, попадает на стол И. В. Сталину. Вождь читает его, пишет свою резолюцию, и не позже субботы, 30 ноября, оно направляется для исполнения в секретариат Н. И. Ежова. Оттуда в воскресенье, 1 декабря, звонят Лиле Юрьевне в Ленинград и приглашают ее прибыть в ЦК. Она выезжает «Красной стрелой» в понедельник, 2 декабря, и во вторник, 3 декабря, встречается с Ежовым, Талем¹⁴³, Мехлисом, которых вождь назначает исполнителями его указаний. Утром 5 декабря выходит номер «Правды» с материалами о Маяковском (по ее письму) и резолюцией Сталина.

Но вернемся в 29-го (или 30-го, не позже) ноября.

Из папки с входящими документами, внесенной в его кабинет Поскребышевым, И. В. Сталин достает письмо Л. Ю. Брик, внимательно читает его и подчеркивает красным карандашом наиболее значимые, по его мнению, места¹⁴⁴:

Л. Брик — И. В. Сталину (24 ноября 1934 г.)

Дорогой товарищ Сталин,

после смерти поэта Маяковского все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня.

У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи. Я редактирую его издания. Ко мне обращаются за материалами, сведениями, фотографиями.

Я делаю все, что от меня зависит, для того, чтобы стихи его печатались, чтобы вещи сохранились и чтобы все растущий интерес к Маяковскому был хоть сколько-нибудь удовлетворен.

А интерес к Маяковскому растет с каждым годом.

Его стихи не только не устарели, но они сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием.

Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского, и он еще никем не заменен и как был, так и остался крупнейшим поэтом нашей революции.

Но далеко не все это понимают.

Скоро шесть лет со дня его смерти, а «Полное собрание сочинений» вышло только наполовину, и то — в количестве 10.000 экземпляров [подчеркнуто Сталиным дважды. — А. В.]

Уже больше года ведутся разговоры об одномнике. Матерьял давно сдан, а книга даже еще не набрана.

Детские книги не переиздаются совсем.

Книг Маяковского в магазинах нет. Купить их невозможно [подчеркнуто Сталиным дважды. — А. В.].

После смерти Маяковского в постановлении правительства было предложено организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все матерьялы и рукописи. До сих пор этого нет.

Матерьялы разбросаны. Часть находится в московском литературном музее, который ими абсолютно не интересуется. Это видно хотя бы из того, что в бюллетени музея о Маяковском даже не упоминается.

Года три тому назад райсовет Пролетарского района предложил мне восстановить последнюю квартиру Маяковского и при ней организовать районную библиотеку имени Маяковского.

Через некоторое время мне сообщили, что Московский Совет отказал в деньгах, а деньги требовались очень небольшие.

Домик маленький, деревянный, из четырех квартир /Таганка, Гендриков пер., 15/. Одна квартира — Маяковского. В остальных должна была разместиться библиотека. Немногочисленных жильцов райсовет брался переселить.

Квартира очень характерная для быта Маяковского — простая, скромная, чистая.

Каждый день домик может оказаться снесенным. Вместо того, чтобы через 50 лет жалеть об этом и по кусочкам собирать предметы из быта и обстановки великого поэта революции — не лучше ли восстановить все это, пока мы живы [этот абзац отчеркнут Сталиным на полях. — А. В.].

Благодарны же мы сейчас за ту чернильницу, за тот стол и стул, которые нам показывают в домике Лермонтова в Пятигорске.

Неоднократно поднимался разговор о переименовании Триумфальной площади в Москве и Надеждинской улицы в Ленинграде — в площадь и улицу имени Маяковского. Но и это не осуществлено.

Это — основное. Не говорю о ряде мелких фактов. Как например: по распоряжению Наркомпроса из учебника современной литературы на 1935-ый год выкинули поэмы «Ленин» и «Хорошо». О них и не упоминается [этот абзац отчеркнут Сталиным на полях. — А. В.].

Все это, вместе взятое, указывает на то, что наши учреждения не понимают огромного значения Маяковского — его агитационной роли, его революционной актуальности. Недоценивают тот исключительный интерес, который имеется к нему у комсомольской и советской молодежи.

Поэтому его так мало и медленно печатают, вместо того, чтобы печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземпляров.

Поэтому не заботятся о том, чтобы, пока они не затеряны, собрать все относящиеся к нему матерьялы.

Не думают о том, чтобы сохранить память о нем для подрастающих поколений.

Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованность и сопротивление — и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследство Маяковского [этот абзац отчеркнут вождем на полях. — А. В.].

Л. Брик

Мой адрес: Ленинград, ул. Рылеева 11, кв. 3.

Телефоны: коммутатор Смольного, 25-99
и Некрасовская АТС, 2-90-69.

Вождь любимым красным карандашом пишет прямо по первой странице письма четко наискось свою резолюцию-распоряжение:

Тов. Ежов!

Очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление.

Жалобы Брик, по моему, правильны. Свяжитесь с ней (с Брик) или вызовите ее в Москву, привлечите к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов.

Привет! И. Сталин¹⁴⁵

Вот что пишет Лиля Юрьевна в уже цитированном выше письме к сестре о событиях, последовавших за передачей ее письма Сталину:

Через два дня меня вызвал в Москву из Ленинграда (по телефону) один из его ближайших помощников. Я выехала в тот же вечер, и назавтра утром помощник этот меня принял. Мы замечательно поговорили полчаса. Я рассказала ему про все наши мытарства. Он был абсолютно возмущен, сказал, что он очень любит Володю, что часто его читает; спросил, почему я им давно не написала. Показал мне длинную надпись хозяина (совершенно замечательную!!) на моем письме, в которой он просит сделать все, что упущено, и предлагает свою помощь. Когда мы про все поговорили, пришел Таль, с которым я просидела ровно час, и мы записали все, что нужно сделать и издать [Лиля Брик — Эльза Триоле. С. 55].

После встречи с Ежовым и Талем в ЦК Лиля Юрьевна побывала в редакции газеты «Правда» у Мехлиса. А потом собравшиеся на арбатской квартире друзья встретили ее, обессиленную от бурных событий дня, с ликованием...

Итак, все, кому было положено по службе, и все ближайшее окружение Бриков ознакомились с «исторической резолюцией» вождя, а как же она была доведена до остального населения страны?

Перед нами номер «Правды» за 5 декабря. На 4-й странице — подборка материалов, посвященных В. В. Маяковскому.

Здесь — его портрет и стихи:

...Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов

от Политбюро
чтобы делал
доклады Сталин...

Здесь же справка:

Книги Вл. Маяковского: За 15 лет (годы 1921—1935) выпущено нашими издательствами 102 названия книг Маяковского с общим тиражом 1.791 тыс. экземпляров... Собрание сочинений Вл. Маяковского, выпускаемое Гослитиздатом тиражом в 10.000 экз., выходит очень медленно (до сих пор вышло 10 томов) и не может удовлетворить растущего спроса. Дешевое издание не переиздавалось с 1930 г. (два издания, выпущенные в 1930 г. тиражом в 200.000 экз., разошлись в несколько дней).

Информация о Музее-библиотеке имени В. Маяковского: Московский совет постановил создать в доме, где жил Маяковский (Гендриков пер., д. 13/15), библиотеку-музей имени В. Маяковского. В течение ближайших трех дней будет составлена смета расходов по переоборудованию дома. Решено также переименовать Гендриков переулок в переулок Маяковского.

Но на самом главном месте этой подборки — редакционная статья «Владимир Маяковский». Дав политическую оценку творчеству Маяковского, редакция завершает статью так:

К сожалению, есть еще у нас товарищи, не понимающие этого. Люди, прямой обязанностью которых была забота о произведениях и памяти поэта, отнеслись к своему делу более чем халатно. Еще в начале 1933 года президиум районного совета вынес решение превратить дом, в котором жил Маяковский, в библиотеку его имени, а в квартире, которую он занимал, организовать музей. В этих целях была создана специальная комиссия. Но прошло уже больше двух лет, а дело не двинулось вперед ни на шаг.

В Наркомпросе нашлись даже такие мудрецы, которые из'яли из программ по литературе (для десятого класса) поэму Маяковского «Ленин», а из программы педтехникумов — одно из его лучших произведений — «Хорошо».

Произведений Маяковского издается у нас недостаточно. Правда, после его смерти выходит уже второе собрание сочинений, вышли и отдельные сборники. Но все же в книжных магазинах редко удастся достать книгу Маяковского.

Безразличие бюрократов к литературному наследству Маяковского и к его памяти идет еще дальше. Можно было бы привести ряд фактов. Ограничимся одним.

После смерти поэта предполагалось организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все его рукописи и материалы. Но этого кабинета и по сей день нет.

Когда до товарища Сталина дошли все эти сведения, он так охарактеризовал творчество Маяковского:

— Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление.

Надо популяризировать лучшие произведения Маяковского. Пора покончить с безразличием к памяти лучшего талантливого поэта нашей советской эпохи.

Лиля Юрьевна дождалась выхода «Правды» с этими материалами, что обещали ей Ежов и Мехлис, и с жадностью пробежала глазами номер за 5 декабря: все правильно, все на месте... Но что это? Почему Маяковский назван здесь всего лишь «талантливым», а не «талантливейшим», как в резолюции Сталина, поэтом. Это же большая разница! «Талантливейший» — это значит «лучший», «первый» из остальных. И она помчалась в редакцию «Правды» к Мехлису. Выслушав ее, редактор побледнел, он ведь сам готовил к печати эту редакционную статью. И вот — ошибка в цитате самого Сталина! Надо как-то выходить из сложившейся ситуации. Но не давать же поправку «...вкралась неточность...», как это пришлось печатать неделю назад при поправке званий высших чинов НКВД. И оставлять без правки нельзя — эта разъяренная Л. Брик опять доберется до Ежова и тогда ему несдобровать. После нескольких бессонных ночей Мехлис нашел-таки выход.

В 1937 году должно было широко отмечаться 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, и «Правде» уместно было подвести некоторые итоги этой подготовки. В номере «Правды» от 17 декабря появляется на первой странице редакционная передовица «Великий русский поэт», посвященная «пушкинскому вопросу» (и снова написанная Мехлисом). В ее середине есть такая не очень заметная вставка:

От Пушкина ведут свою родословную лучшие наши поэты. А о значении лучшего поэта нашей советской эпохи, о значении Маяковского, сказал недавно товарищ Сталин: *«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление»*. Эти слова о Маяковском на высочайшую ступень подняли вопрос о значении нашей поэзии, и постановление ЦИК СССР о Пушкинском комитете продолжает линию, указанную в словах товарища Сталина.

Так «Правда» незаметно подправила саму себя. На этот раз все эпитеты Маяковского выдержаны в самой превосходной форме, а советские исследователи давно привыкли доверять последней публикации (тем более в одном и том же органе печати).

Слова Сталина о Маяковском были восприняты как божественное откровение. В запротokolированной сентенции была заключена привычная для партийных резолюций и столь ценная для ритуала эпохи цепочка причины, следствия, констатации факта и программы действия, а вслед за тем и кары за неприятие вердикта. Сам вождь давал понять, что какое бы то ни было обсуждение высказывания расценивалось как преступление.

Советские литераторы немедленно начали марафон дифирамбов гениальности фразы. Четыре советских поэта (Александр Безыменский, Семен Кирсанов, Владимир Луговской и Илья Сельвинский) в начале декабря 1935 года были в рабочей поездке в Париже. Там, в полпредстве СССР, они увидели московские газеты со словами Сталина. Девятого декабря «Литературная газета» напечатала их коллективное послание в Москву. В нем самым эмоциональным оказался следующий абзац с откликом на слова вождя: *«Слова Сталина о Маяковском прозвучат во всем мире как прекраснейшая из поэм. В тот час, когда Гейне изгнан со своей родины, а Гюго поносится Французской академией, они ясно показывают всему человечеству, где и с каким классом настоящая поэзия».*

Вокруг этого сообщения едва не вспыхнул крупный скандал в стане международного писательского сообщества попутчиков Коминтерна. Дело в том, что автором проникновенных строк был Луи Арагон, а не четыре советских поэта, командированных в Париж. Когда «вождю» сюрреализма перевели заметку из московской газеты, он написал возмущенное официальное письмо-протест секретарю ССП Александру Щербакову и политическому обозревателю «Правды» Михаилу Кольцову.

Луи Арагон докладывал своим коллегам в Москву:

...этот параграф просто списан с сообщения, составленного мною для «Правды» и переданного Безыменскому вечером седьмого декабря. Восьмого утром Безыменский попросил у меня разрешения подписать его вместе со своими товарищами рядом со мной, под странным предлогом, что они не способны написать лучшего комментария к словам Сталина. Я формально отказал ему в согласии. Тогда Безыменский просто счел себя вправе снять мою подпись с текста, написанного мною, и подписать его именем четырех советских авторов... [Максименков, 1977. С. 18]

Сохранилось до наших дней дело, в котором находится само письмо Л. Ю. Брик Сталину, с его пометами и резолюцией, а также с проектом постановления ЦК ВКП(б) об издании произведений В. В. Маяковского с приложением (машинопись на девяти страницах).

Сопроводительная записка «Тов. СТАЛИНУ» и три машинописных страницы проекта постановления с авторизованной правкой Б. Таля. Правка, подпись и дата 11.XII.35 сделаны синими чернилами.

Далее на двух страницах два экземпляра (первый и копия) «Памятки о реализации литературного наследия В. В. Маяковского», содержащей семь пунктов плана по увековечению памяти поэта: ускорить процесс и улучшить качество изданий, организовать кабинет Маяковского при Комакадемии или при Институте Русской литературы АН, организовать библиотеку-музей Маяковского, переименовать улицу или площадь в Москве и Ленинграде, урегулировать вопрос о преподавании Маяковского в школе, дать в печати ряд руководящих статей о значении Маяковского

и его литературного наследства и даже выпустить многотиражными изданиями портреты Маяковского. На полях копии «Памятки» простым карандашом сделаны пометы:

Собр. сочин.
Однотомник
Тематическ. однотомн.
ИРЛИ
Каб.
Библиот. им. Маяковского

Пометы, вероятно, сделаны Б. Талем или Мехлисом, которым Сталин дал поручение подготовить проект.

Перед двумя последними страницами, содержащими проект «Плана изданий произведений В. В. Маяковского», есть короткая сопроводительная рукописная записка:

Николай Иванович!

Прилагаю в дополнение к проекту постановления об издании произведений Маяковского проект записки тов. Сталину. Б. Таль.

На самом же проекте «Плана издания произведений В. В. Маяковского», на первой странице зеленым карандашом сделана виза Н. И. Ежова: «*Потребовать от Талья — отчет реализации. Ежов*».

Проект плана издания определяет в качестве редакторов Л. Ю. Брик, О. М. Брика и И. М. Беспалова.

План предусматривает не только завершение в 1936 году издания академического собрания сочинений Маяковского, но и в 1936—1937 годах выпустить новое академическое собрание сочинений тиражом не в 10 000 экземпляров, как первое, а в 25 000 экземпляров. Кроме того, Гослитиздат должен был выпустить пьесы со вступительной статьей Вс. Мейерхольда тиражом 15 000 экземпляров, а также иллюстрированные издания «150 000 000», «Про это», «Хорошо», «Ленин», «Облако в штанах», «Люблю». К иллюстрированию должны были быть привлечены художники Н. Альтман, Д. Штеренберг, Эль Лисицкий, А. Тышлер, Н. Денисовский, В. Лебедев и другие.

Кроме сочинений самого Маяковского, планировалось издать в «Советском писателе» сборник воспоминаний о Маяковском, а также материалы к изучению творчества Маяковского; в «Детгизе» — стихи для детей; а в «Изогизе» — рисунки и плакаты Маяковского, монографию «Маяковский — художник» и «Портрет Маяковского»¹⁴⁶.

В том же письме к сестре от 1 января 1936 года Л. Ю. продолжает:

Ты, вероятно, знаешь из газет, что Триумфальная площадь — теперь пл. Маяковского; Гендриков пер. — пер. Маяковского; Моссовет утвердил уже смету (340 000 р.) на домик в пер. Маяковского, где будет восстановлена

наша квартира и организована библиотека им. Маяковского. На книги будут даны отдельные деньги. Во дворе будет разбит цветничок, выстроена летняя терраса-читальня, поставлен мемориальный камень с надписью: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс».

Печатать будут абсолютно все Володино и о Володе. Однотомники; отдельные тематические сборники; отдельно — иллюстрированные поэмы. Например: «Про это» иллюстрирует — Тышлер, «Ленина» — Альтман, «Облако в штанах» — Мария Синякова, «Люблю» — Штеренберг.

Во всех газетах были статьи и будут еще.

Ося сделал несколько докладов [Лиля Брик — Эльзе Триоле. С. 55].

Так, с резолюции «вождя всех народов», началось посмертное признание Маяковского. Все стали любить Маяковского, писать о Маяковском, защищать диссертации по его творчеству, потому что не любить его — «преступление», а подошло время, когда эта формулировка понималась органами буквально.

Злопыхатели, правда, стали нашептывать на ухо новую остроту, называя «Поэта Революции» Маяковского «поэтом — одной резолюции...», «хи-хи!».

Много позднее Борис Пастернак с горькой иронией писал:

Были две знаменитые фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее¹⁴⁷ и что Маяковский был и остался лучшим и талантливейшим поэтом эпохи. За вторую фразу я личным письмом благодарил автора этих слов, потому что они избавляли меня от раздувания моего значения, которому я стал подвергаться в середине тридцатых годов, к поре Съезда писателей. Я люблю свою жизнь и доволен ей. Я не нуждаюсь в ее дополнительной позолоте. Жизни вне тайны и незаметности, жизни в зеркальном блеске выставочной витрины я не мыслю.

Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен¹⁴⁸.

Пастернак, конечно, излишне категоричен. К «второй смерти» Маяковского эта формула Сталина, конечно, не привела. Среди бума, поднявшегося вокруг его имени, остались люди, по-настоящему ценившие Маяковского-поэта, независимо от этой формулы. Более того, когда началась перестройка в России, рухнули авторитеты вождей прежнего, тоталитарного режима, Маяковскому стала грозить и «третья смерть»: опьяненные свободой и вседозволенностью сограждане попытались сбросить Маяковского с парохода современности, утверждая, что он лишь «поэт одной резолюции».

На этой волне площади Маяковского было возвращено ее прежнее название — Триумфальная площадь... Но памятник В. Маяковскому по-прежнему стоит здесь, и работает станция метро «Маяковская», открыт

музей поэта, а главное, поэт востребован: его стихи читают, о нем спорят, его любят — уже без чьей-либо директивы.

Мне хотелось бы — для того чтобы заострить проблему признания поэтического дара Маяковского в новое время, когда неактуальна его роль «поэта тоталитарного режима», — процитировать два доклада, прозвучавших в Варшаве, на конференции, посвященной 100-летию поэта¹⁴⁹, в ответ на попытки других ораторов развенчать его:

Вопрос о том, насколько возможен Маяковский сегодня, это вопрос, который стоит только в бывших коммунистических странах. Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь задал себе такой вопрос в Швеции, во Франции или в Германии.

Маяковский всегда был и остается возможен, потому что никто его не воспринимал там так, как это было здесь.

Я помню, когда я сам начинал изучать русскую литературу и стал заниматься Маяковским, Мандельштамом и другими поэтами, в Швеции был огромный интерес к Маяковскому. Начинаясь волна 1968 года¹⁵⁰. И я думал, что это уникальный интерес. Оказалось, что интерес к Маяковскому продолжается. Для примера я могу сказать, что том переводов Маяковского, который я готовил, такой маленький pocket-book, вышел тиражом почти 40 тысяч экземпляров. Это объясняется только тем, что Маяковский хороший поэт. Не тем, что он занимал какие-то политические позиции.

Я понимаю, что обсуждать Маяковского в бывших странах-сателлитах еще трудно, потому что вмешиваются в обсуждение другие, далеко не научные соображения. Это не укор, а просто констатация. Его подтверждают мои наблюдения из ряда конференций, в которых я участвовал, и в Москве, и в Париже (Бенгт Янгфельдт¹⁵¹).

14 апреля 1930 года выстрелом в сердце поэт оборвал свою жизнь. Этот выстрел, как теперь очевидно, обозначил конец литературной эпохи, которая большинством из его современников отождествлялась с именем Маяковского. Вторая смерть поэта наступила, по слову Пастернака, после его канонизации, возникшей как результат непосредственной реакции на известные слова Сталина о нем. Сейчас, по утверждению некоторых исследователей, наступила третья смерть Маяковского, связанная с развалом Страны советов и крушением социализма, который он прославлял. Нынешние два-три поколения полностью перечеркнули автора поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо», или просто забыли о нем. И это, возможно, предвидел сам поэт, когда писал, правда, по другому поводу: «смерть не умеет извиняться»...

Маяковский не виноват в том, что революция (его революция) ему изменила. Не мы («товарищи-потомки») должны прощать поэту его «непоправимые ошибки», как писал недавно один критик, а скорее он должен простить нас. Мы обвиняем его за наши же ошибки, за иллюзии и романтизм, за социалистический мир и утопию, в которые он вместе с нами поверил. Мы забыли, что «все сто томов моих партийных книжек» — это всего

лишь метафора, которую поэт пытался реализовать, а мы ответили на это декларативное заявление поэта сотнями и тысячами идеологизированных статей, книг и докторских диссертаций, посвященных ему, главным образом, как певцу революции и «построенного в боях социализма». Мы сейчас, через шестьдесят с лишним лет, отвергаем Маяковского за то, что мы отрезвели, а он не успел отрезветь, не дожил (А. Парнис¹⁵²).

СТАЛИНСКИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ

Но мы далеко ушли от ноября 1935 года, а там произошли еще некоторые важные события, и необходимо обратить на них внимание.

Мы помним, что в понедельник 25 ноября В. М. Примаков по вызову наркомата прибыл в Москву. За пять дней до этого, 20 ноября Народный комиссар обороны Союза Советских Социалистических Республик К. Ворошилов подписал приказ № 2395 «По личному составу армии»:

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА» присвоить военные звания:

1. КОМКОРА

1. АЛАФУЗО Михаил Иванович¹⁵³

<...>

37. ПРИМАКОВ Виталий Маркович

<...>

39. ПУТНА Витовт Казимирович¹⁵⁴

<...>

44. ТИМОШЕНКО Семен Константинович¹⁵⁵

<...>

46. ТУРОВСКИЙ Семен Абрамович¹⁵⁶

47. УРИЦКИЙ Семен Петрович¹⁵⁷

48. ФЕЛЬДМАН Борис Миронович¹⁵⁸

<...>

52. ЭЙДЕМАН Роберт Петрович¹⁵⁹

(Всего — 52 человека)

2. ФЛАГМАНА 1-го РАНГА

(5 человек)

3. КОРПУСНОГО КОМИССАРА

(9 человек)

4. КОМДИВА

(26 человек)

5. ФЛАГМАНА 2-го РАНГА

(1 человек)

6. ДИВИЗИОННОГО КОМИССАРА

(2 человека)

Это, казалось бы, приятное событие, присвоение столь высоких званий, не всеми было воспринято одинаково радостно.

Звание «комкор» («командир корпуса»), которое эквивалентно званию «генерал-лейтенант» (при изменении наименований званий с 7 мая

1940 года), разочаровало Виталия Марковича Примакова: он рассчитывал на большее.

В годы Гражданской войны его по боевым заслугам считали равным с Буденным, впоследствии Примаков побывал на военно-дипломатической работе в разных странах, изучил структуру и опыт их армий, прошел обучение в Германии, написал несколько военно-теоретических работ и газетно-журнальных статей; Семен Михайлович в это время только и занимался, что отращиванием собственных усов да инспектированием армейских конюшен. И вот теперь Буденному дали маршала (среди 5 маршалов), а ему — Примакову — на три ступеньки ниже, только комкора (среди 52 комкоров).

И он был не одинок в числе «обиженных». Выступая через полтора года на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937-го, Ворошилов, в частности, говорил:

Я имею письма... от Туровского и Примакова. Все они пишут примерно в том же духе...Самое большее, в чем они сознаются, это то, что они не любили Ворошилова и Буденного... Примаков говорит, что он видел в нас конкурентов... Ему, Примакову, видите ли, не давали хода вследствие того, что Буденный и его конармейцы заняли все видные посты в армии и пр., вследствие чего он был недоволен и фрондировал [Черушев, 2003. С. 487].

По-видимому, эту фразу из выступления Ворошилова «художественно обработал» известный зарубежный историк В. Суворов¹⁶⁰:

В 1935 году комкор Примаков назначен на должность заместителя командующего Ленинградским военным округом. Отношение к себе считал несправедливым. В знак протеста носил не три присвоенные ему ромба, а четыре — знаки различия командарма 2 ранга. С четырьмя ромбами демонстративно появлялся перед Сталиным. Представим ситуацию: некий генерал-полковник смастерил маршальскую звезду, отшлифовал до сверкания, повесил на шею и в таком виде появился перед высшим руководством страны, демонстрируя неудовлетворенность своим положением. Или представим, что полковник пришел себе на штаны генеральские лампасы и явился к вышестоящему командиру: меня обидели, я заслужил большего. Именно так действовал комкор Примаков.

Товарищ Сталин к этим выходкам относился снисходительно. Даже не журил: чем бы дитя ни тешилось [Суворов. С. 147–148].

Не верится, что высокоинтеллигентный и дисциплинированный комкор Примаков «фрондировал» перед Сталиным таким примитивно-демонстративным способом, он бы нашел более тонкий способ выражения своего недовольства новым званием, а недовольство он, конечно, испытывал. Откуда Суворов взял сегодня, что Примаков ходил в форме с четырьмя ромбами, полагающимися командарму 2-го ранга, а не с тремя комкоровскими? Следует сказать, что, несмотря на то что звание комкора ему было присвоено в конце ноября, знаки различия военнослужащих

среднего, старшего и высшего командного и начальствующего состава были установлены только в декабре, а новую форму, с новыми знаками различия, специализированные швейные мастерские стали шить только в конце января. Для звания «комкор» теперь предусматривались «3 ромба, покрытых темно-красной эмалью на петлицах, пришиваемых на воротниках гимнастерки и шинели, и 3 шеврона из золотого галуна, нашиваемые на оба рукава выше обшлага на все виды обмундирования». Именно в такой форме помещена фотография комкора В. М. Примакова в альбоме фотографий Военного Совета 1936 года¹⁶¹. Какие еще фотографии Примакова в форме «с четырьмя ромбами», сделанные с февраля по август 1936 года, мог видеть В. Суворов?

А как же, по Суворову, должен был держаться в 1936 году Примаков, с четырьмя ромбами в петлицах, не только демонстративно, перед Сталиным, а перед своими сослуживцами, как старшими, так и младшими по званию? Ведь они должны были бы обращаться к нему по знакам различия на форме: «Товарищ командарм 2-го ранга», когда все знали, что он комкор. Или В. Суворов полагает, что у Примакова были две формы: одна — комкоровская, с тремя ромбами, для повседневной жизни, а другая — маскарадная, командармовская, для встреч со Сталиным, чтобы показать ему свое несогласие с присвоенным званием? Чушь какая-то.

Перекосы в присвоении персональных воинских званий, допущенные в 1935 году, вызвали у обойденных ветеранов Гражданской войны, имевших боевые награды, чувства обиды и несправедливости, ущемления своих прав и предвзятого отношения к себе со стороны руководства наркомата обороны и лично Ворошилова.

Например, все заместители командующих войсками округов оказались в равном положении, получив свои три ромба, и это независимо от разряда округа. Исключение составил лишь заместитель командующего ЗаБВО Я. Л. Давыдовский, которому оставили от его прежних четырех ромбов только два (комдив). Почему это произошло, в силу каких обстоятельств и причин, сейчас трудно выяснить. Некоторые же детали подобных вещей изложил в разговоре с И. В. Дубинским¹⁶² летом 1936 года комкор С. А. Туровский — заместитель командующего Харьковским военным округом. Приведем часть этого диалога, где Туровский делится своими мыслями:

Удивляетесь — три ромба вместо четырех? После девальвации я получил прочное звание комкора... Я что? Потерял ромб, а иным вместо четырех ромбов дали три шпалы — полковника. Ворошилов говорит: «Чересчур много у нас развелось генералов». Вот и режут. Обиженные сунулись к наркому, а он им: «Вы знаете, какой чин Бека? Чин полковника. А он премьер-министр Польши! Так что не жалуйтесь [Черушев, 2003. С. 490–491].

Но тогда не все были обижены новыми званиями.

7 октября 1935 года вышло Постановление СНК СССР № 2250 «О военных званиях, форме и знаках различия по Пограничной и Внутренней охране НКВД СССР». Этим постановлением для командного, начальствующего и рядового состава Пограничной и Внутренней охраны НКВД устанавливались командные и специальные военные звания, утверждались форма и знаки различия.

В их разработке приняли личное участие нарком НКВД Г. Г. Ягода и его первый заместитель Я. С. Агранов. В переписке с И. В. Сталиным и Л. М. Кагановичем они настаивали на том, чтобы сделать форму одежды войск НКВД отличающейся от красноармейской, обосновывая свое предложение тем, что перед структурами НКВД стоит решение особых задач.

Наконец, «Правда» от 27 ноября публикует постановления ЦИК и СНК СССР «О присвоении т. Ягоде Г. Г. звания Генерального комиссара» и «Об утверждении лиц руководящего состава Главного управления Государственной безопасности НКВД Союза ССР в специальных званиях», и первым (среди шести) назван Я. С. Агранов, которому (единственному!) присваивается звание «комиссар 1-го ранга». Здесь же под шапкой «Верные стражи государственной безопасности советской страны» — биографические справки новоиспеченных комиссаров, их фотографии. Биографическая справка Я. С. Агранова заканчивается так:

В 1930 году под руководством тов. Агранова были ликвидированы контрреволюционная «Промпартия» и ее боевые террористические организации и контрреволюционная «Трудовая крестьянская партия».

Тов. Агранов принимал деятельное участие в разгроме контрреволюционных антипартийных организаций, анархических федераций и группировок. Под его руководством был ликвидирован «Ленинградский террористический центр» контрреволюционной зинovieвской организации, совершившей злодейское убийство тов. Кирова.

Тов. Агранов награжден двумя орденами Красного Знамени, состоит членом МК ВКП(б), ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) и членом ЦИК СССР.

Через два дня, в номере от 29 ноября, «Правда» публикует поправку:

От редакции.

В связи с вкравшимися неточностями при опубликовании постановлений ЦИК и СНК СССР о присвоении специальных званий руководящим работникам НКВД (см. «Правду» от 27 ноября с. г.) ниже печатается точный текст этих постановлений...

Оказывается, Ягоде Г. Г. присвоили звание Генерального комиссара государственной безопасности, а Агранову Я. С. — комиссара государственной безопасности 1-го ранга.

Кто был виновен во «вкравшейся неточности» в постановление о званиях высших чинов этого страшного ведомства и понес за это «заслуженное наказание», неизвестно.

Однако вернемся в декабрь 1935 года.

Лиля Юрьевна могла быть вполне удовлетворена тем результатом, который возымело ее письмо Сталину, если бы не одна небольшая деталь. По каким-то неведомым идеологическим соображениям ее личная роль в этом повороте всего советского общества в сторону Маяковского нигде и никак не была указана. А ведь порой ей, как гаршинской лягушке-путешественнице, хотелось открыто сказать всем: «Это я придумала!», но она хорошо помнила о последствиях этого громкого заявления. Властям же, по-видимому, представлялось неудобным представлять дело так, будто это она открыла глаза «хозяину» на то, что творится в литературных закромах его «хозяйства», а ему осталось лишь согласиться с ее доводами и оставить на ее письме распорядительную резолюцию.

На фоне этих событий отошло далеко в сторону еще одно «семейное» событие: 25 декабря в МАЛЕГОТе состоялась премьера второй редакции «Камаринского мужика». Оперу немного укоротили (6 картин вместо прежних 8), повысили в некоторых частях темп действия и выпустили на сцену. Но, как это часто бывает, все эти улучшения и обновление не пошли опере на пользу, и она показывалась зрителям только 8 раз, имея скудное отражение в прессе.

«Именины» в театральном сезоне 1935/36 года прошли 7 раз.

Обе оперы МАЛЕГОТ готовил к своему гастрольному выезду в Москву, где они должны были идти на сцене Большого театра.

(230) Л. Брик — О. Брику (Москва — Ленинград; 15 декабря 1935 г.)¹⁶³

Самый мой любименький КЭС,
я невыразимо по тебе соскучилась!

Особенных новостей нет. Все тебе расскажет Витя¹⁶⁴.

Очень обидно, что меня вчера не было дома, когда ты звонил!

Архитекторы и Страздин представили огромную смету¹⁶⁵! боисси, кк бы они этим не напортили: один миллион и сто тысяч рублей!!!

На 5-ое, с моего разрешения, тебя включили в программу Володиного вечера в Лектории.

Сегодня подписала договор на 2-х томник, который уже превратился в 3-х томник. Тираж двести тысяч¹⁶⁶. Оформлять будет Лисицкий. Новое ак. издание — тоже Лисицкий¹⁶⁷. Это предложила графическая часть Гослитиздата. Договора будем заключать постепенно.

Из “Academia” прислали письмо и на днях пришлют договор. В Мол. Гвардии подписала договор на комс. стихи¹⁶⁸ — 8000 строк.

Вася поступил на службу в Комсомолку.

Послала П. Юр. все, что она просила. У нее все в порядке, позвони ей как-нибудь. Посылаю Жене в подарок 3 пары чулок. А тебе ничего! Нечего!

Завтра в 1 ч. иду к Платон Михайловичу¹⁶⁹.

Был у меня Яхонтов, — очень хочет сделать монтаж: Маяковский, Некрасов, Блок, — ждет тебя.

Все меня ругают, что я мало наседаю на людей, что все слишком медленно делается. Но я по-другому не умею.

Завтра начну подбирать однотомику для «Академии». Они уже разослали приглашения художникам.

Есть уже ордер на квартиру — (нрзб.) она, кажется, нравится. Инш-алла! Лева нашел кусочек кино-хроники: Володя в Известиях. Завтра хочет нам показать.

Ужас до чего я по тебе соскучилась! Когда же ты приедешь?! Когда премьеры в Михайловском? Когда — в Москве¹⁷⁰?

Попроси Витю рассказать вам, кто и как были у Егоровых¹⁷¹.

Оказывается, в ГИХЛе с меня уже год не вычитают налог! Я боисси фининспектора!!

Очень крепко тебя люблю и страдаю.

Поцелуй крепко Женю.

Всем привет.

Целую 1000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

(231) Л. Брик — О. Брику (Москва — Ленинград; конец декабря 1935 г.)¹⁷²

Кэс! Любименький!

Делов очень много, но я ужасно по тебе скучаю!

Хоть бы «Камаринский» хорошо получился!

Сейчас составляю том для «Академии»¹⁷³. Это не очень легко, оттого что 11000 строк. Легко — 5000, оттого что можно выбрать лучшие, и легко 35000, оттого что можно выкинуть худшие, а так — ничего неизвестно!

Всем привет.

Женечку целую.

Обцеловываю твою и Витину¹⁷⁴ мордочки и лапки.

Ваша Лиля (Киса)

В канун Нового года Л. Ю. еще в Москве. Издательство «Academia» первым проявило ретивость в выполнении указания вождя и поручило ей срочно готовить к изданию в своей престижной серии классиков-академиков самой высшей пробы произведения «лучшего и талантливейшего», и Лиле Юрьевне пришлось срочно отбирать 11 000 строк Маяковского.

Но на Новый год она все-таки успела вернуться в Ленинград. «Новый год встречали здесь на даче, с шампанским и елкой. Вчетвером¹⁷⁵...» — пишет Л. Ю. сестре 1 января 1936 года.

В одной из книг В. В. Катаняна о Лиле Брик есть такое описание встречи нового, 1936-го, года:

В доме на Арбате к старым друзьям прибавились новые приятели Примакова — Якир, Тухачевский, Уборевич, Егоров... Под Новый злосчастный

1936 год Лиля устроила маскарад, она любила подобные затеи. Это была одна из черт ее дионисейского характера. Все были одеты неузнаваемо: Тухачевский — бродячим музыкантом со скрипкой, на которой он играл, Якир — королем треш. Л. Ю. была русалкой — в длинной ночной рубашке цвета морской волны, с пришитыми к ней целлулоидными красными рыбками, рыжие волосы были распущены и перевиты жемчугами. Это была веселая ночь. Я помню фотографии, вскоре исчезнувшие в недрах НКВД, — все радостно улыбаются с бокалами шампанского, встречая Новый год, который для многих окажется последним [Катанян В. В., 2002. С. 106]

Нисколько не сомневаюсь, что такой феерический праздник, запечатленный на фотографиях, был, но, по-видимому, в другой раз и по другому поводу.

1936 ГОД

Очень приятное начало года

Год начался хлопотными, но очень приятными, радостными событиями, и ничто не предвещало, что он станет переломным в судьбах наших героев.

Перед нами январские письма, в которых «члены семьи» сообщают друг другу о разворачивающейся кампании по проведению в жизнь резолюции вождя, определившего месяц назад Маяковского как лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи.

И Брики в этой кампании — главные действующие лица.

(232) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ленинград, 3 января 1936 г.)¹

Дорогая, любимая, родная Киса!

Не успел войти в помещенье, как мне стали звонить без конца по телефону. И я второй день в сплошных бегах.

Фурер² потребовал, чтобы Володин вечер был немедленно организован. И меня срочно умолили придти в МОНО³, чтобы помочь им составить программу. Я там уже был, и мы, как будто, сговорились. Вечер намечен на 19 янв. В Колонном зале. Председательствовать будем просить Мейерхольда. Затем о Володе будем говорить я и Асеев. Беспалов⁴ скажет об изданиях Володи. Будем еще приглашать Керженцева⁵. Потом — «концертное отделение»: Яхонтов и отрывки из «Клопа» и «Бани» в постановке Мейерхольда. В заключение Лева обещает приготовить хронику о Володе и «Кем быть?» Жемчужного. Если все удастся, будет интересно и разнообразно.

Кроме того, это же МОНО умоляет помочь им организовать клубные вечера о Маяковском — «Жизнь и творчество». Спрос огромный, а никто не знает, что делать и как делать. Я обещал помочь составить программу и проинструктировать докладчиков и чтецов.

Был с Жемчужным в радио. Там затевается грандиозная программа радиопередач, посвященная Володе. Мне поручили составить «генеральный» план передач на полгода вперед. В него (в план) должны войти: 2 больших, открытых вечера, часа на 2; 2 вечера по 1 часу; около 15 передач по 25 минут; 15 передач по 13 минут и несколько больших передач на 55 минут. Кроме того, должны быть включены в план несколько бесед о Маяковском по 25 минут.

Насчет «Клопа» дело осложняется тем, что его хочет ставить Мейерхольд. Если он действительно поставит, будет очень хорошо. В таком случае Жемчужный поставит «Баню».

Для всех этих передач надо будет подготовить чтецов. Для этого предполагается устроить конкурс для выявления свежих кадров.

Затем предполагается обратиться к композиторам, чтобы писали музыку на слова Володиной и к Володиным вещам. И видно, что люди этим интересуются и хотят все сделать.

Том в “Academia” сдан⁶. Расписка получена.

Зелинскому⁷ я позвонил. Завтра с ним увижусь.

С Беспаловым еще не говорил. Завтра буду его ловить.

В квартире у нас все в порядке. Регина⁸ увезла рояль, и в столовой стало чудно просторно.

Михайловцы⁹ все уже здесь и репетируют вовсю. Завтра будут репетировать «Камаринского мужика». Билетов достать невозможно, и я не знаю, что мне делать. Думаю, что билеты еще окажутся. Их временно, должно быть, попридерживают.

С Еленой Юльевной¹⁰ говорил по телефону. Она возится со своим носом. Даже сделала себе маленькую операцию, — вырезала полип. И еще будет резать.

Спасо-Песковский табор еще не собирался¹¹. Соберутся завтра вечером. Тогда узнаю все подробности, кто, что и как.

Вот тебе отчет за первых 2 дня.

Очень крепко тебя целую, а также Вит. Марк.

И имей в виду, Кисик, что тебе обязательно надо будет поскорей приехать в Москву, потому что никто ничего не хочет решать без тебя — и Беспалов, и Малкин, и в “Academia”

Еще тебя целую крепко, крепко.

Твой Ося.

В эти же дни у Осипа Максимовича — собственный триумф.

На сцене Большого театра начались гастроли МАЛЕГОТА. Ленинградский театр привез в Москву четыре своих лучших спектакля: «Тихий Дон» Дзержинского, «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича, «Камаринский мужик» и «Именины» Желобинского. Последние два — по либретто О. М. Брика, чье имя красовалось на гастрольных афишах, которыми была оклеена вся Москва, и он был очень горд этим успехом.

Шестого января Осип Максимович с друзьями присутствует на спектакле «Камаринского» в Большом. После восторженно встреченного публикой спектакля и театрального фуршета с шампанским они пишут «рапорт» Лиле Юрьевне на обороте фотографий двух «главных героев» и отправляют их в одном конверте в Ленинград.

(233) О. Брик, В. Желобинский и др. — Л. Брик, В. Примакову (Москва — Ленинград, 6 января 1936 г. 23 ч. 55 мин.)¹²

(карандашом на обороте фотографии В. Желобинского)

Товарищу командующему Л. Ю. Брик
и товарищу комкору В. М. Примакову
Рапорт

«Камаринский» прошел большим успехом.

Присутствовали: Яня¹³, Валя¹⁴, Егоров¹⁵, Галина Ант.¹⁶ и мн. др.

Крепко целуем

Ося, Женя¹⁷, Валя¹⁸, Нина¹⁹, Зотов²⁰.

(здесь же, карандашом на обороте фотографии О. Брика)

Дополнение к рапорту.

Ужасно жалко, что вас не было. Всем очень понравился «Камаринский», особенно текст — и особенно последняя картина²¹.

Целую тебя, котик, ужасно крепко.

Жду твоего звонка.

Ося.

(234) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Москва, 7 января 1936 г.)²²

Кислит, любименький мой!

У меня давно уже заказан сверхсрочный разговор с тобой, но все что-то не дают!

Маша²³ идет сейчас на почту. Посылаю тебе Беспаловский план и страницу здешней «Красной Звезды»²⁴.

Скажи Васе²⁵, что 20-ого надо сдать Беспалову сборничек «Сатира»²⁶. Пусть подберет. Рисунки я от него получила.

Завтра, после разговора с Цыпиным²⁷, напишу тебе подробно.

Целую Женю и всех.

Очень мне интересно, как «Камаринский», «Именины» и вообще Мих. театр²⁸.

Ужасно люблю, скучаю, целую.

Твоя (Киса — рис.)

Витя очень целует

(235) О. Брик — Л. Брик (Москва — Ленинград, 9 января 1936 г.)²⁹

Дорогой, золотой Кисик!

Посылаю тебе 2 обложки ЛЕФа³⁰ (одна в репродукции из невышедшего томика «Ленин»), 2 автографа и «Володя-гимназист». Если тебе нужно еще, то я дам все переснять, что у меня есть, потому что мне нужны все фото для диапозитивов.

Напиши мне точней, что и сколько нужно для однотомника, и я подберу.

Целую тебя крепко и нежно.

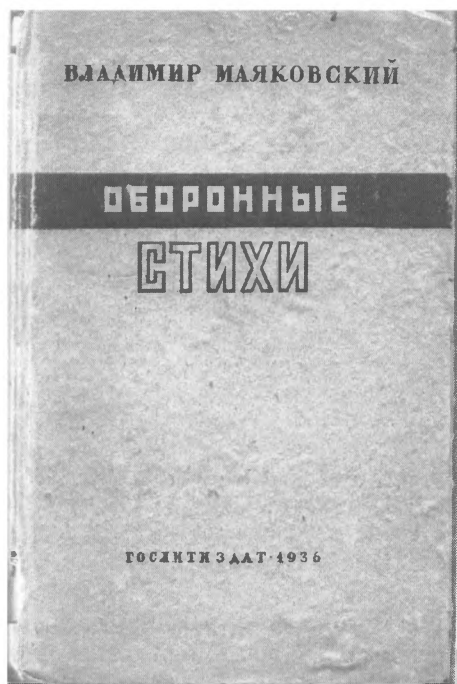
Хочу, чтобы ты скорей приехала.

Сегодня жду твоего звонка.

Твой Ося (Кэт — рис.)

Автографы у меня в единственном экземпляре. Их надо получить обратно.

Десятого января главная газета страны, «Правда», опубликовала передовицей статью соредатора Лили Юрьевны по Полному собранию сочинений И. Беспалова «Поэзия Маяковского»:

В. Маяковский. Оборонные стихи (1936 г.) с предисловием В. М. Примакова

Сестра В. Маяковского, Людмила Владимировна, рассказала о детских годах поэта, прошедших в обстановке трудовой, демократически настроенной семьи.

Вот зачитанное сестрой поэта письмо. Оно написано десятилетним Маяковским. В нем Маяковский говорит о событиях 1905 года...

О. М. Брик вспоминает следующий за этим период, характеризующийся уже сознательным участием В. Маяковского в революционном движении. Маяковский неоднократно арестовывался и последний раз просидел в тюрьме 11 месяцев.

Октябрь, захвативший поэта целиком, решил его творческую судьбу. Крайне любопытен здесь факт, показывающий, какую ответственность ощущал Маяковский, видя внимание нового читателя. Его пригласили читать стихи балтийским морякам. Но что читать им? И специально к выступлению он пишет «Левый марш».

В РОСТА Маяковский сделал более 2000 плакатов, каждый из которых размножался в 200 экземплярах. Эта работа, к которой с величайшей серьезностью относился поэт, имела значительное влияние на стиль поэта.

В своем выступлении Н. Асеев резко обрушился на тех, кто пытался искусственно противопоставить творчество Маяковского другим значительным явлениям советской, а также классической поэзии...

С. Кирсанов вспоминает о встречах с поэтом, о том внимании и чуткости, с которыми растил он своих молодых товарищей...

С чтением Маяковского выступил артист В. Н. Яхонтов. Почти час не отпускала его аудитория.

Артистами театра Мейерхольты были исполнены отрывки из «Мистерии-буфф», «Бани» и «Клопа». Интерес к исполнению их еще более повысился благодаря сделанному В. Э. Мейерхольдом сообщению. Мастер возобновляет в ближайшее время «Клопа», и вторую редакцию театр посвящает И. В. Сталину³².

В заключение была продемонстрирована кинохроника о Маяковском³³.

Кампания по утверждению «лучшего и талантливейшего» уверенно набирала свои обороты.

СУМБУР В МУЗЫКЕ И В ОСТАЛЬНОМ

28 января в главной газете страны «Правда» была опубликована редакционная статья без подписи — «Сумбур вместо музыки». Она подводила обвинительную черту под революционным искусством авангарда, которое было заклеено ярлыками формализма и натурализма [Максименков, 1997. С. 12].

Л. В. Максименков в своей монографии о «сталинской культурной революции 1936—1938 гг.» [Максименков, 1997] предысторию этой пропагандистской акции относит к обнародованию крылатых слов Сталина о Маяковском шесть неделями раньше.

Мишенью для нападки на чуждый социалистическому реализму формализм была выбрана опера Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

Эта опера уже имела свою историю. Первая редакция под названием «Катерина Измайлова» была принята к постановке в МАЛЕГОТе еще в мае 1933 года. В январе 1934 года благодарные создатели постановки «Катерины Измайловой» посвятили свою работу XVII съезду ВКП(б). Премьеру приурочили к открытию «съезда победителей», и 24 января этот спектакль был показан ленинградским делегатам съезда. Публичных нареканий в «сумбуре» он не вызвал [Максименков, 1997. С. 45]. Опера оставалась в репертуаре театра следующие два года.

Историк-музыковед С. М. Хентова в своей монографии о Шостаковиче указывает, что в январе 1935 года состоялся 50-й спектакль «Леди Макбет» в МАЛЕГОТе, опера широко ставится и за рубежом: в Кливленде и Нью-Йорке (США), Аргентине, Чехословакии, Швеции.

Здесь следует вспомнить, что с начала января 1936 года на сцене Большого театра проходили гастроли МАЛЕГОТа, и «Леди Макбет» была в числе четырех привезенных в столицу спектаклей.

11 января 1936 года начальник Культпроса Щербаков³⁴ направил письмо И. В. Сталину, А. А. Андрееву (секретарю ЦК, ответственному

8

5 ИЮЛ 1974

Государственная
библиотека СССР
имени В. И. Ленина

БО

56074 номер заказа

дата

1874 диспетчер. номер

Автор Маяковский ВВ

Заглавие Оборонные стихи.

1936

Том 1

Место и год издания М. Драновский

Ш И Ф Р

T $\frac{94}{39}$ и $\frac{245}{440}$ и $\frac{473}{42}$

18/74

ПРИЧИНА ОТКАЗА

Заявка

ПРОСЬБА
ОБЪЯСНИТЬ

ДЛЯ КОПИРОВАНИЯ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

Бланк заказа книги: В. Маяковский.
Оборонные стихи (1936 г.) в ГБЛ

за текущую идеологическую работу) и А. А. Жданову (руководителю ленинградских большевиков). В нем речь шла о МАЛЕГОТе и давались предложения по перестройке музыкального фронта в Ленинграде:

Ленинградский Академический Малый Оперный театр около 4-х лет работает над созданием советской оперы и над воспитанием кадров советских композиторов.

Показом спектаклей «Тихий Дон» — Держинского, «Леди Макбет» — Шостаковича, «Камаринского мужика» и «Именин» — Желобинского театр демонстрирует сейчас в Москве результаты своей работы.

По существу, это единственный театр, который упорно и систематически разрабатывает чрезвычайно важную проблему советского театра — создание современного музыкального спектакля.

От положительного разрешения этой задачи зависит целиком и полностью дальнейший рост оперного искусства в стране.

Оценка театральных критиков и московской общественности всей работы театра самая положительная.

Театр создал ряд спектаклей, являющихся ценным вкладом в дело советской музыкальной культуры, доказал правильность творческой линии своего театра, показал большое художественное мастерство и сплоченность творческого коллектива театра и огромную работу по созданию советской оперы и выращиванию кадров советских композиторов... [Максименков, 1997. С. 77–78].

Одно из пяти предложений Щербакова, которые заключало этот документ, — переименовать ЛАМОТ (или МАЛЕГОТ) в Государственный Новый Академический Театр.

17 января Сталин, Молотов, Акулов³⁵ и Бубнов³⁶ посетили последний гастрольный спектакль МАЛЕГОТа в Москве: оперу «Тихий Дон» Дзержинского. ТАСС распространило коммюнике о беседе Сталина и Молотова с Самосудом³⁷ и режиссером Терешковичем. Руководители *«отметили значительную идейно-политическую ценность постановки оперы «Тихий Дон»*; сообщалось также о *«положительной оценке работы театра в области создания советской оперы»*. Создание советской оперы было отождествлено с ее идейно-политической ценностью... Замечания к опере свелись к *«устранению отдельных недочетов в оформлении спектакля»*. По-видимому, речь шла о декорациях. Сталин и Молотов восприняли музыкальный текст как письменный проект решения Политбюро. Внесли незначительные изменения стилистического характера, — как бы расставили запятые, — и утвердили его как резолюцию и апробированный эталон [Максименков, 1997. С. 83–84].

26 января Сталин посетил филиал Большого театра, где шла «Леди Макбет», поставленная здесь месяц назад (Хентова ошибочно указывает дату посещения — 26 декабря 1935 года).

Вместе со Сталиным в театре были Молотов, Жданов и Микоян (их увидел в ложе Шостакович). Опера им очень не понравилась. Четверка из Политбюро во главе с Генеральным секретарем на месте принимает незапротоколированное решение типа *«осудить оперу!»*. Немедленно отдается приказ написать статью. Она готовится 27-го и на следующий день публикуется в «Правде» [Максименков, 1997. С. 97].

В день посещения Сталиным «Леди Макбет» 26 января «Литературная газета» опубликовала редакционную статью «Пути развития советской оперы» об одноименном диспуте, состоявшемся накануне в Клубе мастеров искусств в Москве. Председательствовал В. М. Городинский³⁸. В свете выполнения указаний Сталина о «советской классической опере», наступательный тон обсуждению на дискуссии задали ленинградцы: музыковеды К. А. Корчмарев³⁹, Е. М. Браудо⁴⁰ и либреттист О. М. Брик. Весь диспут был наступлением ленинградцев (*«ленинградский музфронт»*) на москвичей (*«московский музфронт»*). Казалось, что в главном штабе произошел переворот, и сейчас ему придавали законности. Ораторы указали, что практика МАЛЕГОТа — *«живой укор руководителям московских оперных театров, не сумевших проявить достаточную смелость и настойчивость в борьбе за советскую оперу»*... Было указано, что *«на путях борьбы за советскую оперу Москва отстает от Ленинграда»* [Максименков, 1997. С. 83–84].

Статья «Сумбур вместо музыки» появилась в «Правде» 28 января 1936 года. Она содержала уничижающую критику оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет». В ней, в частности, говорилось: *«...Вместе с общим культурным ростом в нашей стране выросла и потребность в хорошей музыке. Никогда и нигде композиторы не имели перед собой такой благодарной аудитории»*.

В. М. Примаков (1936 г.)

Народные массы ждут хороших песен, но также и хороших инструментальных произведений, хороших опер...».

«Леди Макбет» не вписывалась в нужное дело устройства народных праздников и детских площадок с примитивными аттракционами (качелями, каруселями и песочницами).

Исследователи до сих пор спорят о том, кто мог быть автором «редакционной» статьи, рассматривая разных кандидатов на эту роль, но бесспорным остается одно — написана она была по личному указанию и под надзором Сталина.

«Сумбур...» был воспринят как божественное откровение, избавляющее от хаоса и стихийности в руководстве культурным фронтом... [Максименков, 1997. С. 68–69].

Д. Шостакович тяжело переживал обрушившуюся на него несправедливую критику.

Есть воспоминание, что в конце января или в начале февраля⁴¹ 1936 года «подавленный и растерянный после появления в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки»» Д. Шостакович побывал у своего близкого и давнего знакомого — маршала М. Н. Тухачевского.

И надо было видеть, с каким сочувствием отнесся к нему Михаил Николаевич. Они надолго удалились вдвоем в кабинет. Не знаю, о чем они разговаривали, но из кабинета Шостакович вышел обновленным человеком. Решительно шагнул к роялю и начал импровизировать. Михаил Николаевич весь обратился в слух. Он не отрывал восхищенного взгляда от друга, в которого верил и которому сумел внушить веру в себя [Соколов, 2003. С. 266].

М. Н. Тухачевский

ТРИУМФ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Если М. Н. Тухачевский, музицировавший сам и даже известный как изготовитель скрипок, водил дружбу с композитором, то В. М. Примакова привлекала литературная среда, и не только дружба с литераторами-профессионалами, но и встречи с юнкорами.

Сохранились воспоминания бывших юнкоров из ленинградского Дома детской литературы Г. Капралова и А. Гольдберга:

Оглядываясь назад, поражаешься обширностью программы и преподавательским составом, подобранным для ДДЛ («Дом детской литературы») Маршаком⁴². Для нас устраивались встречи с самыми интересными, самыми знаменитыми людьми различных профессий и биографий, с теми, кто в те годы чем-нибудь ярко проявил себя, прославил в труде, науке, в творчестве...

У меня до сих пор каким-то чудом сохранились тетрадки с записями этих интереснейших встреч...

Мы слушали воспоминания о гражданской войне одного из прославленных ее героев, комкора, заместителя командующего Ленинградским военным округом В. Примакова... (Г. Капралов)

Комкор Виталий Маркович Примаков был в то время заместителем командующего войсками Ленинградского округа, проводил маневры, много писал и тем не менее несколько месяцев подряд регулярно бывал в ДДЛ. Этот изящный и аккуратный человек в пенсне совсем не походил на того командира червонных казаков, каким он представлялся нам из книг.

Л. Ю. и О. М. Брик (1930-е гг.)

Но умение обрисовать несколькими штрихами ход военной кампании помогало нам догадаться, каким решительным полководцем был этот прославленный человек...

Всех этих гостей приглашал в ДДЛ Маршак... (А. Гольдберг)

В эти же дни кроме многочисленных газетных статей о Маяковском Осип Максимович пишет вступительные статьи: «Народный поэт» к сборнику «Урожайный марш»⁴³, а также «Любимое оружие» к сатирическому сборнику «Маяковский улыбается. Маяковский смеется. Маяковский издевается»⁴⁴.

Загружена «маяковскими делами» и Лиля Юрьевна. Кроме ставшей уже привычной работы по подготовке к печати очередных томов Полного собрания сочинений В. Маяковского, она готовит еще несколько изданий.

Во-первых, это толстенный том «Избранные стихи» В. Маяковского в издательстве «Academia» (под редакцией Л. Ю. Брик, сдан в набор 19 февраля 1936 г.), с иллюстрациями М. Синяковой, Д. Штеренберга, А. Каневского, Р. Барто, Н. Альтмана, А. Дейнеки, Кукрыниксов и самого Маяковского. Предисловие — все та же, апробированная в «Правде» статья И. Беспалова «Поэзия Маяковского». Своим большим форматом этот том резко отличался от изящных малоформатных томиков «Academia», можно было истолковать это и так, что наш «лучший и талантливейший» Маяковский не ровня прочим «академикам». В неавторизованном вступлении к тому — «От редактора» — Л. Ю. пишет:

В. Маяковский. Избранные стихи ("Academia", 1936 г.). Под ред. Л. Ю. Брик

При составлении сборника произведений В. Маяковского мы ставили перед собой задачу показать творчество поэта в лучших и наиболее известных его образцах. Маяковского знают главным образом со стороны его политической лирики. Эта лирика занимает центральное место в издаваемом "Academia" сборнике. Но для всестороннего понимания творчества Маяковского необходимо знать и те произведения, в которых он с огромной поэтической силой подходил к темам человеческих взаимоотношений, любви, дружбы. Поэтому включены в настоящий сборник такие произведения, как поэмы «Флейта-позвоночник», «Люблю», «Про это». Размеры сборника заставили нас дать некоторые наиболее крупные произведения Маяковского в отрывках — так, например, мы даем полностью поэму «Ленин», но лишь в отрывках помещаем «Хорошо». Расположение произведений в сборнике в основном хронологическое, за исключением отдельных стихотворений, тематически или циклически тесно связанных между собою.

Во-вторых, издательство «Художественная литература», не дожидаясь окончания выпуска Полного собрания сочинений В. Маяковского, решает ускоренными темпами, в течение года, издать его Собрание сочинений в четырех томах, под редакцией Л. Ю. Брик и И. К. Луппола⁴⁵ (редактор В. А. Катанян), массовым тиражом 75 000 экз. Не откладывая в долгий ящик, они приступили к работе, и 1-й том с предисловием И. К. Луппола был подписан к печати уже 15 апреля. До конца года все четыре изящных синих томика (переплет Н. Ф. Денисовского) поступают к читателям.

Не остается в стороне и Виталий Маркович Примаков. Издательство «Гослитиздат» готовится выпустить в свет сборник В. Маяковского «Оборонные стихи», объединяющий цикл стихов военной тематики, и ему (как члену «бригады Маяковского», так заявившего себя в «Альманахе с Маяковским») предлагают написать вступительную статью. Дальше все происходит очень быстро. Примаков (по-видимому, не без участия Л. Ю.) пишет статью «Поэт революционной обороны» (см. приложение, с. 441–444).

Редактор В. Катанян 11 февраля сдает сборник в набор, а 14 февраля — уже в печать. Еще через 10 дней «Литературная газета» анонсирует: *«К 18-летию Красной армии Гослитиздат выпускает массовым тиражом сборник оборонных стихов Вл. Маяковского. Книга открывается статьей В. Примакова "Поэт революционной обороны". В сборнике помещены лучшие стихи поэта о гражданской войне, Красной армии и обороне Советского союза — "Левый марш", "Сказка о дезертире", "Долой", "Стихи о советском паспорте", отрывок из поэмы "Хорошо" и др.»*⁴⁶.

Словом, «семейная бригада (или артель?) им. В. Маяковского» заработала в полную силу.

Пятого марта Л. Ю. устроила на ленинградской квартире большой прием, на который были приглашены сорок человек! Формально поводом для него можно было бы считать Международный женский день 8 Марта, который она вообще-то никогда не признавала как настоящий праздник, хотя он и пользовался большой популярностью в Советском Союзе. А фактически это был день празднования ее триумфа — после прошлогоднего письма И. В. Сталину. Ведь 5 марта исполнялось ровно три месяца со дня публикации в «Правде» исторической резолюции вождя о Маяковском! А сколько уже проделано за это время!

Вот что она пишет накануне сестре в Париж:

Дорогой мой золотой Элик,
как только получила вещи, послала тебе телеграмму. Надеюсь, ты ее получила.

Я в восторге.

Я абсолютно и надолго и очень хорошо одета. Спасибо тебе, Элик! А как тебе понравились мои подарки?

Ося очень много работает. Замечательно интересно пишет Володину биографию⁴⁷

Иншалла, увидимся с вами в апреле⁴⁸.

У меня очень много дела. Квартира наша окончательно превратилась в контору. 6-ого присоединяем к своей квартире соседнюю двухкомнатную. Сама понимаешь, как мы все рады: у Оси будет 2 маленькие комнаты, у Наташи отдельная комната⁴⁹, Виталий въедет в теперешнюю Осину, я остаюсь в своей и общая столовая. Нельзя рассказать как у нас сейчас тесно! — Ося диктует. Женя стучит на машинке, я правлю корректуру, фотограф фотографирует Володин архив со специальными осветительными приборами,

еще один товарищ работает над Володиными письмами. Непрерывно звонят два телефона...

Завтра все таки устраиваем у себя бал-маскарад! Сорок человек! Костюмы для нас еще не придуманы — некогда. Но меню уже составлено. Вот оно:

1. Усилъ нажим
На водку — Джин	8. Не курочки не рябочки —
Окотлетенные рябчики!
2. Республиканские селедки
Незаменимые к пирогам и водке	Огорошенные
И вареньем прихорошенные.
3. Нател!	9. Если хочешь быть щастлив
Налегай на чернослив.
Грибы в маринаде.	10. Ай-яй-яй!
4. И вот он —	Какой яблочный пай!
Паштет — Арагон.	11. Увлекательный спорт:
Кто скорее съест торт?
5. Скажем без трюкачества —
Салат лучшего качества.	12. Ух ты!
6. Парад — алле!	Глазированные фрукты!
Кулебяка Триоле.	13. Наконец и оно —
Всяческое вино!
7. Покричали пошумели
И за рыбу под бешамелью.	

Как видишь, — мы даром времени не теряем.

Как здоровье?

Напиши про все подробно. Как с деньгами?!

Обнимаю, целую люблю ужасно крепко.

Лиля⁵⁰

На праздник к Примакову и Л. Ю. собралась большая компания.

Сейчас уже трудно установить, кто именно был среди приглашенных на этот «бал-маскарад». Но мне представляется, что именно на нем были сделаны те фотоснимки, которые В. В. Катанян соотносил с празднованием Нового года (см. воспоминания Катаняна на с. 290 настоящего издания).

Катанян-старший привез из Москвы стопку книжечек в скромном картонном переплете: Владимир Маяковский «Оборонные стихи», где выступал редактором. Подготовлена книга была в рекордно короткий срок: сдана в набор — 11 февраля, а подписана к печати уже — 14 февраля и тут же запущена в производство в 1-й типографии Трансжелдориздата. Она вышла тиражом 50 000 экземпляров и была рассчитана на массовую аудиторию, стоила всего 1 рубль, и предполагалось, что тираж в основном уйдет в армию, а книжечки небольшого формата легко поместятся в полевых сумках командиров и вещмешках красноармейцев.

Безусловной изюминкой этого издания было предисловие «Поэт революционной обороны», подписанное — В. Примаков⁵¹.

Виталий Маркович с удовольствием надписывал эту книжку своим гостям. На некоторых экземплярах и Лиля Юрьевна ставила свою подпись, как бы давая понять, что и она причастна к этому изданию.

Впрочем, в этом мало кто и сомневался.

Словом, праздник удался на славу! Как говорится, королева была в восхищении.

10 марта 1936 года в Комитете по делам искусств состоялось еще одно расширенное совещание по вопросам советской оперы под председательством Керженцева. К тому времени кампания борьбы с формализмом затронула все искусства. Прошли правления ССП в Минске, совещания партгруппы ССП, диспут о формализме в кино. Наконец, новые директивные статьи в «Правде» о живописи.

Заместитель директора МАЛЕГОТа С. Н. Гисин доложил участникам совещания о мерах воспитательного порядка, принятых по отношению к Шостаковичу: *«Мы рекомендовали Шостаковичу работать с О. М. Бриком над очень значительной темой. О. М. Брик дал согласие работать с Шостаковичем над либретто и Шостакович заинтересовался этой темой и дал свое согласие».*

По словам Л. Максименкова, *«Брик был проверенным либреттистом и литературным работником, лояльным по отношению к партии и НКВД. Тема либретто была о “революционном” Балтийском флоте в сентябре 1917 года. Фактически это означало, что к композитору был приставлен комиссар невидимого фронта»* [Максименков, 1997. С. 116].

В «Литературной газете» от 10 марта — подборка материалов под рубрикой «Против формализма и натурализма», ей предшествует редакционное предисловие: *«Сегодня созывается общемосковское собрание писателей, которое обсудит вопросы борьбы с формализмом, левацким уродством и натурализмом в литературе. В порядке подготовки к этому собранию мы провели ряд бесед с писателями. Часть этих бесед печатается в сегодняшнем номере газеты».*

Далее, среди других статей под этой рубрикой — статья О. М. Брика «Сделать все выводы»:

Резкая критика, которой подверглись на страницах «Правды» конкретные уродства нашей литературной и художественной жизни, — событие исключительной значимости. Прежде всего оно свидетельствует о том огромном внимании, которое уделяют партия и ее центральный орган вопросам литературы и искусства.

Мы, работники литературы и искусства, должны до конца осознать огромную ответственность, которая тем самым на нас возлагается...

...Следует вспомнить, что кроме формализма «Правда» указала еще на ряд других уродливых явлений нашей литературной жизни — на грубый натурализм, на чванство, на халтуру. Со всеми этими явлениями надо бороться с неменьшей энергией, опять-таки памятуя, что задача наша — помочь и перевоспитать!

Что ж, за два года, прошедших после публикации в «ЛГ» «Духа протокваши», за которую «Правда» окрестила его «Адвокатом формализма»,

Осип Максимович полностью «перековался» и оказался в первых рядах борцов с ненавистным советскому обществу формализмом.

Через две недели после совещания в Москве С. А. Самосуд и С. Н. Гисин, только что назначенный директором МАЛЕГОТа⁵², представили список из девяти (!) ненаписанных советских классических опер, готовившихся для ударной постановки на сцене Ленинградского Малого оперного: «Поднятая целина» по роману Шолохова (композитор И. Держинский, либреттист Л. Держинский⁵³); оперы В. В. Волошинова — о разгроме японской интервенции на Дальнем Востоке в 1920—1921 годах, В. Я. Шебалина — о Бетале Калмыкове, первом секретаре Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б)⁵⁴, А. С. Животова — о Европе и Америке в годы первой мировой войны (либретто В. Стенича по роману Дос Пассоса «1919»), Д. К. Френкеля — о революционном подполье конца прошлого века (либретто Ольги Форш), Пустыльника — «Семейство Гриншман» о нацистской Германии, «Железный поток» В. В. Желобинского по роману А. Серафимовича; опера по роману Островского «Как закалялась сталь» и, наконец, опера Шостаковича (либретто О. М. Брика). Гипертрофия парадного отчета о творческих планах была, по сути, пародией на бюрократический журнально-газетный рапорт театра о выполнении плана. Казалось, что говорилось о публицистических статьях или о политических плакатах, однако речь шла об операх [Максименков, 1997. С. 124].

Интересно отметить, что в монографии Хентовой о Д. Шостаковиче совершенно ничего не говорится о какой бы то ни было работе композитора в содружестве с Бриком над оперой «о “революционном” Балтийском флоте в сентябре 1917 года» (!!).

Главным следствием скандала с «Леди Макбет» стало ужесточение цензуры. Было принято эпохальное решение: ужесточить, освятить и законодательно закрепить цензуру оперных либретто.

Осторожный Осип Максимович вышел сухим из воды в яростной атаке последних месяцев на творцов «сумбура», когда был вскрыт «очаг формализма» в МАЛЕГОТе, с которым он тесно сотрудничал несколько последних лет, и счел за благо для себя сойти с оперной сцены — заняться только литературной работой, этому способствовала развернувшаяся общегосударственная программа по укреплению присвоенного вождем Маяковскому статуса «лучшего и талантливейшего».

14 апреля 1936 года, в шестую годовщину смерти В. Маяковского, стало очередной «контрольной датой» проверки развернувшейся кампании по выражению всенародного внимания и любви к главному поэту советской эпохи. Газеты запестрели информационными сообщениями о проделанной в этом направлении работе и планами на будущее:

— «К 6-й годовщине смерти Маяковского будет закончена реставрация дома, где жил поэт (переулок Маяковского, дом №13) и реконструкция всей территории этого дома...

В реконструированном доме будут находиться музей и библиотека им. Маяковского. Библиотека, книгохранилище и читальные залы займут весь первый этаж. Кроме того, со стороны двора к дому будет пристроено новое здание. Направляясь в библиотеку или читальный зал, посетитель пройдет мимо остекленного ограждения, за которым видна маленькая лестница. По этой лестнице Маяковский поднимался на второй этаж, в свою квартиру.

При помощи друзей и родных великого поэта архитекторы восстановят весь внешний облик квартиры Маяковского. Мелкие строения, прилегающие к дому, сносятся, на их месте разбивается сад. В центре двора, покрытого гранитными плитками, будет сооружен огромный фонтан...»⁵⁵

— «Секретариат правления ССП СССР поручил бюро секции поэтов проведение всех мероприятий, которыми будет отмечена шестая годовщина со дня смерти В. Маяковского. Бюро секции поэтов избрало комиссию в составе Н. Асеева (председатель), П. Антокольского и А. Суркова. Траурное заседание памяти В. Маяковского состоится 14 апреля в Колонном зале Дома союзов...»⁵⁶

— «Гослитиздат выпускает том писем В. В. Маяковского. Просьба ко всем лицам, имеющим письма поэта, прислать копии таковых с датами и комментариями по адресу: Москва, Б. Никитская, д. 4, кв. 4, Т. С. Грицу⁵⁷,⁵⁸.

— «Детгиз выпускает для детей старшего возраста однотомник избранных вещей В. Маяковского под редакцией В. Катаньян, О. М. Брик и Л. Ю. Брик. Сборник будет иллюстрирован рисунками Маяковского — его «Окнами РОСТА» и др. Выйдет он в мае»⁵⁹.

— Новые сборники Маяковского...

— Выставки В. В. Маяковского...

— На родине Маяковского...

— Плакат о Маяковском...⁶⁰

Номер «Литературной газеты» от 14 апреля (6 полос) посвящен материалам о В. В. Маяковском:

Ленинград. Многолюдным торжественным собранием отметил Дом писателя шестую годовщину смерти В. Маяковского. Вечер открыл С. Спасский. Доклад сделал О. Брик. С речами и воспоминаниями выступили Н. Асеев, В. Шкловский, режиссеры В. Соловьев и С. Юткевич. Поэты прочли стихи, посвященные Маяковскому. Вечер закончился демонстрацией хроникального фильма о великом поэте.

Вечер Маяковского. Союз советских писателей устраивает сегодня в Колонном зале Дома союзов большой торжественный вечер, посвященный памяти Маяковского.

После вступительного слова т. И. К. Луппола с воспоминаниями о Маяковском выступят: сестра поэта Л. Маяковская, поэты А. Безыменский, С. Кирсанов, писатели Л. Кассиль, О. Брик и художник Д. Моор⁶¹.

На вечере будет продемонстрирована кинохроника «Владимир Маяковский»⁶².

В следующем номере «Литературной газеты» подробный отчет Я. Рощина «На вечере в Колонном зале Дома союзов».

Но материалы, посвященные В. Маяковскому, были опубликованы не только на страницах «Литературной газеты». Не остались в стороне и другие центральные и местные периодические издания, также откликнулись на знаменательную дату...

Известный литературовед Лидия Гинзбург так вспоминает о встрече с Л. Ю. Брик в 1936 году:

Лиля Брик уже почти откровенно стареющая, полнеющая женщина. Сейчас она кажется спокойнее и добрее, чем тогда в Гендриковом. Она сохранила исторические волосы и глаза. Свою жизнь, со всеми ее переменами, она прожила в сознании собственной избранности и избранности своих близких, а это дает уверенность, которая не дается ничем другим. Она значительна не блеском ума или красоты (в общепринятом смысле), но истраченными на нее страстями, поэтическим даром, отчаянием.

По радио передавали концерт Бандровской⁶³, и после каждого номера слышался непонятный, похожий на тарахтенье телег, шум аплодисментов, восторга.

— Слышите? Вам хотелось бы иметь такой успех? — вдруг сказала Л. Ю.

Проблема такого успеха настолько не моя, что я даже сразу не догадалась, что не хотела бы... И ответила только:

— Не знаю... Никогда об этом не думала.

Но есть род женщин, которых всегда касается проблема актерского успеха, и потому Л. Ю. сказала:

— А мне бы не хотелось. Мне все равно.

В сущности, ей может быть все равно. Бандровская попоет свое время и забудется, а Лиля Брик незабываема⁶⁴.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Еще с февраля Осип Максимович практически переселился к Лиле Юрьевне и Примакову в их просторную ленинградскую квартиру, бывая в Москве только наездами, в основном по издательским делам. Вместе с Женей они занимали отдельную комнату. Частыми гостями в доме были приезжавшие в Ленинград московские друзья и в первую очередь Вася Катанян-старший, который вел редактирование многочисленных изданий Маяковского.

Но наступил май, и пора было подумать о летнем отдыхе и укреплении здоровья после нелегкой зимы.

Осип Максимович, договорившись по телефону с Литфондом о путевках, отправился за ними в Москву, а Лиля Юрьевна, оставшись в Ленинграде, с нетерпением стала ожидать отпуску Виталия Марковича.

(236) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Москва, 14 мая 1936 г.)⁶⁵

Кислит!

Краски еще не высохли.

Я ужасно соскучилась и беспокоюсь насчет ваших путевок.

Надо скорее ехать отдыхать и лечиться.

А то я боисси, — ты заболеешь и раньше времени помрешь!

Я тебе обожаю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

И вот Осип Максимович с Женей уже на Кавказских Минеральных водах, и налаживается переписка Кисловодск — Ленинград.

(237) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Ленинград, 3 июня 1936 г.)⁶⁶

[Открытка с видами Кисловодска и кустарной надписью золотом: «Привет из Кисловодска Лиличке».]

(238) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Ленинград, 4 июня 1936 г.)⁶⁷

Дорогой любимый Кисик!

Пишу тебе подробное письмо.

В поезде все было замечательно. Спали хорошо. Ели в вагон-ресторане.

Пили чай в купе с сухариками.

Приехав в Минводы, пересели, как полагается, в игрушечный поезд и покатали в Кисловодск. Погода была чудная. Жарко и маленький прохладный ветерок.

В Кисловодске нас встретил агент из санатория и вместе с еще несколькими «больными» повез на автобусе в «КСУ».

«КСУ» — замечательная санатория. Совершенно европейского вида. Просторные помещения, широкие лестницы, вся в окнах, — поэтому везде очень светло, кожаные кресла, ковры. Одним словом, совсем как Фанина⁶⁸ квартира.

Комнату нам дали прекрасную. Состоит из двух половинок: спальня и кабинет. Разделяются половинки раздвигающейся занавеской. Одна стена — сплошное окно со стеклянной дверью на балкончик. Вид из окна замечательный. Санатория стоит очень высоко, поэтому виден весь Кисловодск и кругом горы.

В спальне имеются: две кровати низкие из металлических труб и дерева, с сеткой и очень удобным матрацем и подушками. Между кроватями ночной столик. Затем, большой шкаф для платья и белья. Стиль очень модерн. Настолько, что дверцы без ручек и неизвестно, как их открывать. Приходится подковыривать их ножиком. Затем — умывальник с проведенной водой и стеклянной полочкой.

О. М. Брик и В. М. Примаков на военных маневрах (1936 г.)

В кабинетике: письменный столик, диван и круглый стол с кувшином кипяченой воды. Коврик перед диваном. Между кроватями тоже коврик. На всех окнах длинные желтоватенькие задергивающиеся занавески. Все очень чисто и доброкачественно.

Клавка не наврала — гостиных, действительно, очень много и они прекрасно обставлены⁶⁹. В дождик здесь не страшно. Можно сидеть в удобнейшем кресле и что-нибудь делать. Столовая огромная, столики друг от друга на очень большом расстоянии.

Сада никакого пока нет. Но что-то работают, разбивают клумбы, сеют газон — очевидно, к сезону что-нибудь вроде сада будет.

Режим очень свободный. Никаких табль-д'отов⁷⁰. Утренний завтрак от 8—10, обед от 1—3, чай от 4—5, ужин от 7—8, и еще на ночь в комнате протокваша с булочкой.

Каждое утро каждый пишет на специальной бумажке, что он хочет завтра есть. Много зелени, вроде цветной капусты и шпината. Кормят вкусно и не очень обильно.

Смотрел меня доктор и, кроме переутомления и небольшого склероза, ничего не нашел. Прописал нарзанные ванны через день и «веерный душ» (!?) тоже через день. Ванну я уже сегодня принимал. Очень приятно. А душ буду пробовать завтра. Велел все исследовать: кровь, мочу и, извиняюсь за выражение, к-л. Результаты анализов еще неизвестны.

У Жени тоже все в порядке. Ей прописали нарзанные ванны. Но сейчас ей нужно с ними еще подождать несколько дней по женским причинам.

Гуляли пока немножко. Сообщение очень удобное. К Красным камням выходишь прямо из санатория, не спускаясь вниз. Ходьбы 8 минут. На «пяточок» ведет прямая лестница, очень удобная и не утомительная.

В парке и на «пяточке» все, как будто, по-старому. Никаких нововведений не видно.

Публика у нас в санатории — профессорская. Очень толстые женщины в очках, мужчины с усами и бородами, в пенсне. Подробней еще не разглядел. Все очень интеллигентно, вежливо и не шумно, — что очень приятно.

Вот тебе, Киска, пока первые подробности. Дальнейшие последуют.

Напиши мне, пожалуйста, подробно про себя и про Вит. Марк., и вообще — все новости. Очень скучаю, что нельзя разговаривать по телефону.

Крепко тебя, миленький, любименький, целую и люблю.

Твой (Кэт — рис.)

(239) Л. Брик, В. Примаков — О. Брику (Ленинград — Кисловодск, 7 июня 1936 г.)⁷¹

Любименький мой Кэс!

Получил ли ты мою телеграмму из Москвы и почему ты не пишешь?

В Москве я ничего не успела — ни радио перенести, ни кровать тебе достать. Зато купила тебе два книжных шкафа (такие, как в коридоре) и поставила их в передней, там, где была вешалка. А себе купила шкаф для платьев.

Кроме того, успела прибавить 1–2 кило!

Отпуск Виталий получил на шесть недель — с 15-го сентября до 1-го ноября. Поедем в Кисловодск⁷².

Эльза приезжает 11-го пароходом⁷³.

Была два раза в Тарховке. Славины⁷⁴ уехали и наверху замечательно! Особенно вечером на террасе. Вчера Виталий весь день там работал, таскал вещи, ловил котов и т. п. Внизу будут — наша спальня, Витин кабинет и столовая, а наверху — твоя комната, Женина комната и твой кабинет. Ты согласен?

Вместо крохотной площадки теперь большая круглая клумба, а цветы на ней посажены в виде красноармейской звезды.

Были в Мих. театре на «Свадьбе Фигаро» — очень мило. Завтра пойду на генеральную «Фадетты».

В Москве видели Валю и Яню⁷⁵ — они немножко похудели, но выглядят хорошо. Привезли нам, как я просила, присыпку и лезвия, а мне, кроме того, миленькую материйку.

В тот день, когда мы уехали в Ленинград, Вася и Людм. Вл.⁷⁶(!!) поехали выступать в Горький. Я его предупредила, чтобы он был сдержаннее с Л. Вл. оттого, что сейчас очень большие алименты. Он обещал. Сегодня позвоню ему.

Сейчас поедем в тир — стрелять⁷⁷.

Завтра собираемся к знаменитому профессору-гомеопату — из-за Витиных ушей и моей фибромы.

Погода изумительная. Не очень жарко. Я не хочу переезжать на дачу, оттого, что там нет ни тебя, ни громоотвода. Скучно и боимся.

Сегодня была на собачьей выставке. Лучше всего сеттера! Но и лайки симпатичные, и эрдели, и бульдожки, и пуделя.

Делать всё, включая Виталия по ПУ была очень интересная и
 разнообразная работа. В смысле мне сказать что
 работа интересна или наоборот? Сейчас сюда приезжает Мих. Ник. продолжит
 свою работу. — Хорошо ли вы отдыхаете? Если хорошо, то надо беречься и
 выехать, так как это очень важно. Л. Б. Б.
 Любимейший мой Кис!

Получил ли ты мою телеграмму
 из Москвы? и поспею ли не писать?
 В Москве я ничего не успела.
 — ни радио переписать, ни кровать
 тебе достать. Зато купила ^{тебе} два
 шерстяных шара (такие как в
 коридоре) и поставила их в пе-
 редней, там, где была вешалка.
 А себе купила шар для шарфа.
 Кроме того хотела прибавить $\frac{1}{2}$
 кино!

Отпуск Виталий получил на
 шесть недель — с 15-го сентября

Первая страница письма Л. Ю. Брик О. М. Брику
 от 7 июня 1936 г. с припиской В. М. Примакова

Напиши подробно про вашу жизнь. Подробно про санаторий, лечение,
 кормежку, прогулки, самочувствие, погоду. Купили ли чувяки? Есть ли
 знакомые? Хорошо ли отдыхаешь? Как чувствует себя Женя? Поцелуй ее.

Я тебе обожаю и люблю. Отдыхай, пожалуйста. Пиши мне.

Целую 1000000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Дорогой Ося, работа в Москве по ПУ⁷⁸ была очень интересная и про-
 должается здесь на опытных ученьях. В Генштабе мне сказали, что наиболее
 интересны мой вариант и вариант Туровского. Сейчас сюда приезжает Мих.
 Ник. продолжать здесь опытную работу.

Хорошо ли вы отдыхаете? Очень хорошо сейчас на даче; когда вернетесь
 из Кисловодска, там надо всем пожить. Крепко целую Вас и Женю.

Виталий.

(240) О. Брик — Л. Брик (Кисловодск — Ленинград, 8 июня 1936 г.)⁷⁹

Очень любименький, очень родненький Кисик!

Мое письмо ты, должно быть, уже получила, а я твоего еще никакого не получил, что мне обидно.

Писать про Кисловодск решительно нечего. Все время идет дождь, и мы уже несколько раз промокали. Но настроенье хорошее. Я играю в шахматы. Здесь много хороших шахматистов и очень удобные кресла. Других развлечений нет. Да и не надо.

Ванны принимаю регулярно. И чувствую себя после них отлично.

Сезон еще по-настоящему не начался, поэтому везде ремонт и стройка, и не все лавочки и киоски открыты. Публики не очень много, а порядочных кавалеров и дам совсем нет.

Ягод тоже еще нет, а розы будут, говорят, дня через три.

Я ничего не делаю, как обещал, — читаю Леонова «Дорога на океан». Книга скучная и бессмысленная. Газеты приходят регулярно, и газетчик приносит их в КСУ. Понемножку знакомимся со всеми «больными». Ничего особо примечательного. Типичное — ЦеКуБу⁸⁰.

Затеваются всякие экскурсии, но по случаю плохой погоды отменяются.

Купили Жене чуваки — красивые, очень симпатичные. Хочу себе заказать такие ночные туфли.

Если тебя будут мучить Чуковская и Желдин, — скажи им, пожалуйста, что врач запретил мне сейчас работать, и я не могу закончить комментариев. Как поправлюсь, так сделаю и вышлю или привезу⁸¹.

Напиши мне, Кисик, обязательно. Очень хочется знать, что у вас делается. А то скучно и неуютно.

Целую тебя, моя радость, сотню тысяч раз, и, пожалуйста, меня не забывай.

Твой (Кэт — рис.)

Поцелуй Вит. Марк.

Женя очень вас целует.

Художник В. Курдов, который еще с прошлого года по договору с ленинградским «Детгизом» работает над книжкой-картинкой «Красная Армия», встретился с Примаковым.

Настало время показа моих эскизов книжки о Красной Армии. Я должен был ехать на дачу к Примакову в Тарховку. Там меня ожидали непредвиденные огорчения. Не помню, по каким причинам, на этот раз Примаков, ничего мне не разъясняя, выразил резкое безразличие к моему делу и просто отослал меня к военным уставам, где, по его словам, все изложено коротко и ясно. Я был ошеломлен и не мог понять его резкой перемены.

Недоумевая, я твердо решил больше ни за какими консультациями к Примакову не обращаться, не зная, что это было мое последнее с ним свидание.

Через некоторое время я узнал, что Примаков арестован как враг народа [Курдов. С. 88].

(241) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Кисловодск, 15 июня 1936 г.)⁸²

Любименький, сладенький Кэс!

Арагоны вчера вечером уехали. Они все такие же — мильон терзаний, подозрений, интриг. Я рада была, что они приехали, но еще больше, что уехали. Привезли тебе галстук, а Жене беленькую блузку, Виталию чернила, а мне две шляпы и перчатки. Рассказывали интересные вещи про французские дела. Арагон кончил толстенный роман, Эльза будет его переводить⁸³.

На-днях приезжает Лева.

Вася работает, — никаких новостей у него нет.

Виталий уезжает в 8 ч. утра и возвращается в 12 ч. ночи. Он ужасно переутомлен. Здесь сейчас Михаил Николаевич⁸⁴. В выходной день с ним и с Виталием, и с Арагонами были на даче. Сегодня вечером М. Н. и Луэлла с Алей, и Зина с Борей(!) у нас ужинают⁸⁵.

Я написала тебе длинное письмо, — неужели не получил?!

Спасибо за открыточки и маленькие письмишки — напиши, пожалуйста, еще. И Жене спасибо за открыточку. Я очень рада, что вы хорошо отдыхаете и ужасно обидно, что дожди.

Здесь очень жарко. Я немного похудела. Без тебя очень скучно.

На-днях хочу съездить в Москву — посмотреть стенку, проверить ремонт⁸⁶, съездить на Таганку⁸⁷.

Вышел 8-ой том⁸⁸.

Поцелуй Женю.

Я тебе нежно обнимаю и целую.

Твоя (Киса — рис.)

(242) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Москва, 17 июня 1936 г.)⁸⁹

Кислит-Пислит!

Ужасно по тебе соскучилась!

Твоя 10-ти рублевая облигация выиграла 25 р. Осипов⁹⁰ поехал получать.

Посылаю Ардовскую смешноватую книжонку⁹¹.

Сегодня приехал Лева. Ездили с ним и с Виталием смотреть прыжок на мотоциклетке. Потом стреляли: Виталий сдал зачет на Ворошиловского стрелка, а я не сумела! Очень обидно! Это оттого, что «мартышка к старости слаба глазами стала».

Сейчас 2 часа, а в 6 ч. мы поедem до послезавтра на дачу. Вечером к нам придет Толстой советоваться с Витей насчет своей книги о Царицыне⁹².

Сегодня очень прохладно и дождичек. Интересно, какая у вас погода.

Поцелуй Женю. Пишите мне!!!

Обнимаю, целую, ужасно люблю.

Твоя (Киса — рис.)

Из письма № 241 становится ясно, что Арагоны приехали в Москву еще 15 июня, Лиля Юрьевна не задерживала их у себя. Они пробыли в Ленинграде всего три дня: с 11 по 14 июня, а не 8—10-го, как впоследствии предположит Аркадий Ваксберг⁹³. Дело в том, что они «спешили»

в Москву по многократным приглашениям Горького, передаваемым им еще начиная с марта, но... не успели⁹⁴.

Позднее, в 1965 году, в автобиографическом романе (?) «Умерщвление» (в русском переводе — «Гибель всерез») Арагон так опишет свою поездку к умирающему Горькому:

16 или 17 июня, когда мы прибыли из Ленинграда в Москву, было уже поздно. Состояние здоровья Алексея Максимовича резко ухудшилось. И все же Мишель [Михаил Кольцов. — *А. В.*] хотел, чтобы мы встретились с ним. Непременно... Так просил Горький... он просил, чтобы нас потоприли, ему нужно было что-то сказать нам... Что? — Откуда мне знать... он сам вам скажет. Утром, на собственный страх и риск, Мишель заехал за нами в автомобиле.

Вот мы и подъехали к особняку... У входа — охранник. За оградой тенистый парк. Мишель вышел первым, долго объяснялся, показывая свои документы, удостоверение «Правды», но нас все равно не пустили. С минуты на минуту ожидали врача. Только ему было дозволено войти. Мишель поставил машину напротив входа, под деревьями. Он был раздосадован: ведь он звонил, ему обещали... Раздосадован или встревожен? «Он ждет вас... еще вчера сказал мне... приведи их, как только приедут...» А тут какая-то тупость, не велено и все. Мишель был возмущен...

Вдруг подъехала машина. Шофер переговорил с охранником, и цепь в воротах опустилась. Это был доктор. Может быть, после него разрешат и нам. Мишель метался между нами и охранником. Мы прождали еще час с лишним. Когда машина выехала из ворот, Мишель подошел к ней. Он был знаком с врачом. Они стали разговаривать. Мы не могли слышать слов, а глядя на Мишеля, трудно было что-нибудь понять. Когда захочет, он бывает непроницаем. Знал бы я тогда, что передо мной убийца, который только что довел до конца свое черное дело, — именно так будет объявлено, и целых двадцать лет все будут в это верить... Я не присматривался, врач как врач.

Горький скончался. Оставалось только уехать. Мишель плакал навзрыд. И все повторял, что Старик очень хотел нас видеть, так и говорил, что хотел перед смертью... Мишелю всегда удавалось все устроить. И вдруг он не смог выполнить желание Максима Горького. Шутка ли, самого Горького...

19 июня, на обратном пути в город, мы увидели машину, в которой сидел Жид. Его узнал Мишель. И остановился. Жид ехал к Алексею Максимовичу. «Ну, раз он умер, — сказал он, — можно заехать в пионерский лагерь, я тут видел один по дороге...»

За долгую жизнь мне не раз случалось быть очевидцем событий, которые поначалу не казались чем-то особенно значительным. И когда позднее я постигал их смысл, то чувствовал себя простофилей: ведь видеть и не понять — все равно, что не видеть вовсе [Арагон. С. 39–40].

Известный горьковед Вадим Баранов⁹⁵, исследуя этот эпизод, который якобы читает уже в 1960-е годы «железная женщина», возлюбленная Максима Горького, баронесса Мария Будберг⁹⁶, которую считает убийцей

писателя (по указанию Сталина), полагает: «*Мура отлично понимала, почему гостя не пускали: было решено, что встреча состояться не должна ни в коем случае*» [Беззаконная комета. С. 213].

И все-таки мне представляется более важным выяснить не то, почему Арагонов не пропустили в усадьбу Горького в последние часы его жизни, а почему они три дня, находясь уже в Москве, не выбрались к нему в Горки. На это обращают внимание и другие исследователи. Так, Вадим Баранов пишет:

Уже спустя годы, в 1977 году, Арагон писал, что он прибыл в Москву якобы 18 июня, т. е. в день смерти Горького. Между тем отмечено, что уже 16 числа в «Правде» появилось его интервью и, следовательно, он должен был уже находиться в столице днем или двумя раньше.

Вряд ли Арагона подвела память. Комментатор и переводчик публикации «Возвращения»⁹⁷ в «Звезде» (1989, № 8) А. Лапченко резонно пишет: «Остается неясным, почему Л. Арагон не встретился с Горьким и почему он умолчал об этом. Все это дает основание думать, что Сталин мог принять свои меры, чтобы предотвратить встречу Горького с Л. Арагоном и А. Жидом [Горький без грима. С. 398].

Никак не проясняют этот вопрос ни российское, ни французское издания переписки Л. Брик и Э. Триоле, где письма этого периода просто отсутствуют.

(243) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Кисловодск, 21 июня 1936 г.)⁹⁸

Родненький мой, любименький Кэсит,
ты мне совсем перестал писать! Это очень беспокоит и обидно!

Под выходной день у нас на даче был Толстой с новой женой⁹⁹ и секретаршей. Все очень противные. Виталий ему массу понарасказал. Толстой остался очень доволен.

19-го, как сознательные граждане, в 7 ч. утра (!) смотрели с вышки солнечное затмение. Это совсем не интересно, и очень хотелось спать.

Ездили на дачу: Самосудовская Таня¹⁰⁰, Лева¹⁰¹, Виталий и я. Погода была чудная.

Слушала по радио похороны Горького, но в самый патетический момент (передавал Третьяков¹⁰²) радио испортилось, — так я его и не дохоронила¹⁰³.

Завтра еду на несколько дней в Москву.

Не знаю, дождусь ли вас там, — надо 1-го отвезти маму в Сестрорецкий санаторий. Путевка уже есть, и она обидится, если меня не будет в Ленинграде.

Виталий уехал вчера на две недели.

Лева живет у нас.

Здесь скучно, а в Москве есть делишки.

Как отдыхаете? С кем водитесь? Какая погода? Как нервочки? Ужасно хочется, чтобы ты, как следует, отдохнул. Я чего-то тоже очень устала и не дождусь, когда мы вместе поживем в Тарховке.

Похороны А. М. Горького 20 июня 1936 г. В процессии: И. Сталин, В. Молотов, С. Орджоникидзе, Г. Ягода и др.

Здесь очень жарко. Сейчас в тени 30°
 Целую Женю.
 Тебя целую в лысинку и в мордочку 100000 раз.
 Твоя (Киса — рис.)

(244) Л. Брик — О. Брику (Ленинград — Кисловодск, 23 июня 1936 г.)¹⁰⁴
 СКУЧАЮ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ЛЮБЛЮ =ЛИЛЯ=
 [Телеграмма]

(245) Л. Брик — О. Брику (Москва — Кисловодск, 27 июня 1936 г.)¹⁰⁵
 ЖДУ МОСКВЕ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ТОЧНО ДЕНЬ ПРИЕЗДА НОМЕР
 ПОЕЗДА ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=
 [Телеграмма]

КАТАСТРОФА

И вот мы подошли к самому трудному, самому трагичному и самому загадочному периоду в жизни наших героев, который начался в середине августа 1936 года. Имеется немало печатных источников, которые так или иначе описывают его, но они не всегда четко аргументированы, а потому не могут считаться вполне достоверными; более того, ряд из них носят

заведомо предвзятый характер, шиты белыми нитками. Но в большинстве своем достоверность этих источников трудно установить, поэтому я постараюсь показать и проанализировать здесь их все (или почти все), либо давая им свою оценку, либо оставляя на суд читателя. Я не ставил себе задачей полностью описать и подвергнуть анализу политические процессы, заседания и совещания 1936—1937 годов, а лишь старался проследить причастность к ним наших героев.

В то время как наши герои еще живут своей обыденной жизнью, незримо для них разворачиваются события, которые вскоре совсем переиначат их судьбы, направят в другие русла.

Еще в июле 1936 года Ежов вызвал Агранова на свою дачу на встречу, носившую конспиративный — от Ягоды и Молчанова¹⁰⁶ — характер («Я вызвал Агранова к себе на дачу в выходной день под видом того, чтобы погулять»). Ежов передал Агранову указания товарища Сталина на ошибки, допущенные следствием по делу троцкистов, и поручил принять меры к тому, чтобы вскрыть подлинный троцкистский центр, выявить до конца еще не вскрытую террористическую банду и личную роль Троцкого во всем этом деле. Ежов назвал Агранову имена «*прямых кадровиков Троцкого*», прежде всего Дрейцера¹⁰⁷.

Впервые «военный след» троцкистского заговора обнаружился еще во время первого открытого процесса (Зиновьев — Каменев)¹⁰⁸. Тогда, не выдержав напряжения, внезапно застрелился Томский¹⁰⁹. НКВД немедленно взял под стражу его секретаря, М. В. Станкина¹¹⁰.

Перепуганный Станкин назвал множество фамилий. На даче Томского в Болшеве часто собирались самые разнообразные компании. Насторожило имя комбрига Д. Шмидта¹¹¹. Эту же фамилию синим карандашом тотчас подчеркнул и Сталин.

Дмитрий Шмидт, сын еврея-сапожника, воевал в Гражданскую в корпусе Червоного казачества у Примакова. Сейчас он командовал бригадой тяжелых танков, первым таким соединением в РККА. Как все конники, он отличался крайней невоздержанностью. Узнав об исключении Троцкого из партии, он стал бегать по знакомым: «Наших бьют!» Его пытались урезонить, он не унимался. Во время торжеств на Красной площади он вдруг загородил Сталину дорогу к Мавзолею и развязно пригрозил: «Смотри, я тебе уши отрежу!» От таких в серьезных заговорах один вред.

Станкин также назвал директора челябинского завода «Магnezит» Дрейцера и начальника строительства железной дороги Караганда — Балхаш Рейнгольда¹¹².

Последовала череда арестов. Из военных помимо Шмидта вскоре на Лубянке оказались Примаков и Путьна¹¹³.

Итак, август 1936 года...

Лиля Юрьевна с Виталием Марковичем еще не успели отправиться на летний отдых, о котором они мечтали с начала лета. А Осип Максимович

В. М. Примаков (1936 г.)

с Евгенией Гавриловной уже вернулись с курорта, Брик отправился к Лиле в Ленинград, а Женя осталась в Москве. В Ленинграде же, в гостеприимном доме Лили, оказался и Василий Абгарович Катанян («Васька противный»).

Перед нами два письма Евгении Гавриловны, отосланные Осипу Максимовичу в Ленинград¹¹⁴. Вот фрагменты из них:

11 августа 1936 г.

Котя! Напиши, когда приедешь. Очень жду тебя. Поцелуй за меня Кису, Вит. Мар. и «Ваську противного». Тебя обнимаю и нежно целую.

Женя

12 августа 1936 г.

Дорогой, родной Осик мой!

Ты меня расстроил своим письмом. Ничего не пишешь, когда приедешь, а Елена Юльевна сказала, что вы все приедете 15-го. Я уж так и настроилась, что скоро увижу тебя. Сейчас получила твое письмо от 11-го. И очень огорчилась. Приезжай скорей! Я очень скучаю без тебя. А то я начну курить!..

...С выселением еще ничего не слышно¹¹⁵. Кругом волнения¹¹⁶...

...Обидно будет, если ты 15-го не приедешь.

Целую всех.

Женя

P. S. Очень хочется пообедать с тобой в «Национале».

Это, по-видимому, последнее спокойное, бытовое письмо в жизни наших героев этого периода. И хотелось бы надеяться, что Виталий Маркович успел получить через Осипа Брика «Женичкин» поцелуй — последний поцелуй в своей жизни...

В ночь на 15 августа 1936 года заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа комкора Примакова Виталия Марковича органы арестовали на его загородной даче. Как происходил сам арест, воспоминаний не сохранилось. Хотя и на этот счет есть красочная «легенда», но, скорее всего, это вымысел:

Командующих округами брали вагонным методом, впервые примененном на Примакове. Тот, правда, выбил чекистов и с личной охраной забаррикадировался в вагоне до получения гарантий от Ворошилова: ведь однажды Ворошилов уже велел его освободить¹¹⁷. Только вдуматься в то, как подло, умно и коварно все готовилось.

Примаков был подлинно живой легендой Гражданской войны. Он даже среди командармов был героем. Его взяли самым первым и — отпустили под ворошиловскую гарантию, после чего он занял свою должность зам. командующего войсками ЛВО. И теперь всякий арестованный надеялся, что это не конец, и нарком одной своей властью способен освободить его и даже вернуть на пост [Межирицкий].

По заведенному в НКВД порядку, в присутствии домашних был проведен обыск как на даче, так и на городской квартире, изъяты «вещдоки» (опись изъятых документов и вещей не сохранилась, но, кажется, здесь и исчез в недрах НКВД часто упоминаемый в последующих воспоминаниях золотой портсигар с загадочной надписью «*Николаша*»), были опечатаны «лишние» комнаты.

Как только этот ужас закончился и представители органов увезли арестованного, домашние спешно засобирались домой — в Москву (и уже 16–17 августа Евгения Гавриловна встречала их).

Не задержали в Ленинграде и Примакова, его срочно доставили на Лубянку в Москву (скорее всего, как это было в других подобных случаях, на автомашинах под усиленной охраной).

«Правда» от 15 августа сообщает:

Враги народа пойманы с поличным

Мы публикуем сообщение Прокуратуры СССР о передаче на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР дела Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Смирнова И. Н.¹¹⁸, Бакаева¹¹⁹, Мрачковского¹²⁰, Тер-Ваганяна¹²¹, Гольцмана¹²², Рейнгольда, Пикеля¹²³ и других по обвинению в организации ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства.

В ПРОКУРАТУРЕ СССР

Следствием установлено, что троцкистско-зиновьевский блок организовался в 1932 году по указанию Л. Троцкого и Зиновьева в составе: Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Смирнова И. Н., Мрачковского, Тер-Ваганяна и других и что совершенное 1 декабря 1934 года злодейское убийство т. С. М. Кирова было подготовлено и осуществлено

также по непосредственному указанию Л. Троцкого и Зиновьева и этого объединенного центра.

Примаков в этих газетных сообщениях не упоминается, но те, кто уже знал о его аресте, мог догадываться, что это — звенья одной и той же цепи. Примакова поместили в Лефортовскую тюрьму.

Прежде чем попасть на тюремные нары, предстояло пройти через несколько последовательных этапов, каждый из которых безжалостно отрезал дороги назад.

Спорили пуговицы, отняли ремни, даже резинку из трусов вытянули, забрали очки. И, как венец всего, холодное надругательство над неостывшим телом:

— Раскройте рот, раздвиньте ягодицы и прочее.

— Думаешь, ты человек? — скажет на первом допросе следователь. — Ты — дерьмо. Так и запомни на будущее: дерьмо.

И будет по-своему прав.

Примакову на первом этапе повезло, если это можно назвать везением. Ему достался обходительный следователь. Точнее — он достался такому следователю. Комкора допрашивал сам Слуцкий, начальник иностранного отдела¹²⁴. Возможно, тут сыграли свою роль подробности биографии (Примаков был военным советником в Китае, военным атташе в Японии и Афганистане), но скорее всего сработали иные причины. Прежде всего процесс, на который денно и ношно работал весь наркомат.

— В чем меня обвиняют? — спросил Примаков после того, как Слуцкий занес в протокол обязательные ответы: фамилия, звание, последняя должность и прочее.

— Куда вы так спешите, Виталий Маркович? — будто сочувственно улыбнулся Слуцкий. — Впрочем, я вас понимаю, хотя, к сожалению, не могу ничем обрадовать... Вам, Виталий Маркович, инкриминируется участие в боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации... Вас это устраивает?

Арест и все, что за ним последовало, многому научили Примакова. Он не возмущался, не спорил, хотя голос так и срывался на крик, но как можно спокойнее — даже сам удивлялся себе, точно наблюдал за кем-то посторонним извне, — отвел обвинение.

— Значит, не признаете? — Слуцкий дал ему выговориться. — Отрицаете?

— Целиком и полностью.

— Что ж, дело ваше, так и отразим в протоколе... О существовании военной троцкистской организации тоже не знали?

— Впервые слышу от вас.

— А с этим как быть? — Слуцкий словно в совете нуждался, ознакомил с показаниями Рейнгольда и Мрачковского. — Помогите нам разобраться, Виталий Маркович.

Примаков с готовностью соглашался, но многословная эквилибристика постоянно сбивала с толку, и он терял стержневую нить. Слуцкий

тут же задавал два-три уточняющих внешне невинных вопроса и давал прочитать протокол.

— Правильно записано? Правильно? — скрупулезно беспокоился он. — Если что не так, вы скажите...

В записи как будто отражено было верно, но на следующем допросе обнаруживался какой-то упущенный нюанс, который нежданно обретал самостоятельную значимость, затемняя вчера еще совершенно прозрачную картину.

Это вызывало ненужные оправдания и, как следствие, чувство вины, хоть на то и не было оснований. Примаков впадал в тихое отчаяние, ощущая грудную слабость и жжение, отдававшее тупой болью в спине, чуть пониже лопатки.

— Какие у вас отношения с Путной? — спрашивал следователь. — Вы передавали инструкции Шмидту?

Так продолжалось из ночи в ночь две долгих недели.

Ласковый, обходительный следователь приглашал к совместному размышлению, рекомендовал полностью разоружиться и помочь партии. Выпадали дни, когда Виталий Маркович чувствовал себя настолько плохо, что готов был согласиться на все, только бы кончилось это тихое истязание. Но даже на грани беспамятства он продолжал сопротивляться с ожесточением обреченного.

— Отрицаю! — упрямо твердил, не вдумываясь в суть вопросов, или просил вызвать врача.

Врач щупал пульс, давал успокоительные капли. Слуцкий, не теряя терпенья, повторял вопрос.

— Да, состоял в оппозиции, но полностью отмежевался. К деятельности контрреволюционной организации никакого отношения не имею, — стоял на своем Виталий Маркович, не желая вдаваться в подробности, которые засасывали, как болотная жижа [Парнов. С. 317–319].

Это отрывок из романа Е. Парнова «Заговор против маршалов»¹²⁵, имеющего обширную документальную основу. Там же [Парнов. С. 320–321] опубликован ряд цитируемых далее документов, которые циркулировали между инстанциями, когда шли первые допросы Примакова и еще «ничего не было доказано».

Совершенно секретно
тов. Шкирятову¹²⁶

Направляю Вам справки на арестованных участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской антисоветской организации в СССР
Серебрякова Л. П.¹²⁷

Примакова В. М.

Зюк М. О.¹²⁸

Путна В. К.

Жаренова В. А.¹²⁹

Тивель-Левит А. Ю.¹³⁰

Начальник секретного Политического отдела ГУГБ.
Комиссар государственной безопасности 2-го ранга
Г. Молчанов
от 21.08.36
№ 110281

СПРАВКА

Примаков Виталий Маркович, 1897 г. рождения. Член ВКП(б) с 1914, партбилет № 0471519. До ареста зам. командующего войсками Ленинградского Военного Округа. Является участником военной контрреволюционной троцкистской организации, входящей в качестве составной части Всесоюзной террористической контрреволюционной организации (прим.: так в подлиннике).

Принимал непосредственное участие в подготовке террористического акта против тов. Ворошилова.

Зам. начальника 1-го отделения СПО ГУГБ,
Капитан государственной безопасности
Григорьев
26.08.36.

Строго секретно¹³¹

Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)
Москва, Центр, ул. Куйбышева, 14
СПО НКВД т. Молчанову
(для ознакомления Примакова В. М.)
ЦК ВКП(б) т. Власову, в дело (3)

27.08.36

Заседание Партколлегии КПК № 146/2

Слушали: дело Примакова В. М.

Примаков Виталий Маркович, г. р. 97, член ВКП(б) с 1914 (партбилет изъят НКВД), последнее время комкор, заместитель командующего войсками Ленинградского Военного Округа.

Обвиняется в контрреволюционной троцкистской деятельности.

(Доклад т. Семенова, заочно)

Постановили: исключить Примакова В. М. из рядов ВКП(б) как контрреволюционера.

Секретарь Парткомиссии Шкирятов

— Что же делать? — размышлял долгими часами Примаков в тесной одиночной камере. — К кому обратиться? Кто может помочь? Наверное, Агранов. Ведь у нас сложились неплохие, можно сказать, дружеские отношения. Он не может мне отказать.

29 августа Примаков пишет письмо Агранову:

Очень прошу Вас лично вызвать меня на допрос по делу троцкистской организации.

Меня все больше запутывают, и я некоторых вещей вообще не могу понять сам и разъяснить следователю. Очень прошу вызвать меня, так как я совершенно в этих обвинениях не виновен.

У меня ежедневно бывают сердечные приступы¹³².

Ответа на свое письмо он так и не получил, и было даже неясно, попало ли оно в руки Агранову.

А в руках у следствия оказывалось все больше признательных материалов других арестованных, и все чаще в них мелькала фамилия Примакова.

Особенно убийственную роль сыграли материалы, связанные с комдивом Д. Шмидтом, близким другом Примакова и подчиненным Якира. Шмидт, арестованный 9 июля 1936 года вместе с тремя своими коллегами, попал под воистину страшные обвинения. По утверждению следствия, была создана тщательно законспирированная троцкистская боевая группировка, состоявшая из четырех человек. Входили в нее следующие лица:

Голубенко Н. В., бывший член РВС 3-й Украинской армии, председатель повстанческого комитета в Одессе (1918), политический комиссар 45-й стрелковой дивизии, большой друг Якира, который называл его в обиходе просто Коля;

второй — сам Шмидт;

третий — майор Б. Кузьмичев¹³³, игравший роль личного адъютанта Примакова. У него, как легко догадаться, была весьма респектабельная биография. Он участник Октябрьской революции в Москве. В Гражданскую войну командовал в войсках Примакова (Червонные казаки). Последняя его должность — начальник штаба авиационной бригады;

четвертый — комкор, латыш А. Лапин, помощник командующего Белорусским военным округом и ОКДВ по ВВС.

Всю четверку следствие обвиняло в том, что они готовили покушение на К. Ворошилова, своего наркома, во время Киевских военных маневров — в местном Театре оперы и балета или в кабинете самого Якира...

Этих первых арестованных военных из червонных казаков по обвинению в создании троцкистского террористического центра в армии потом иронично стали называть троцкистами-кавалеристами.

Здесь следует сделать еще маленькое замечание о Примакове. Хотя он и вступил в партию в 1914 году, видимо, с самого начала имел сильную предрасположенность к идеям Троцкого. Удивляться не следует. На Украине троцкизм был особенно силен. Троцкий и сам родом с Украины, сын сахарозаводчика... Примаков в свое время являлся открытым и яростным троцкистом, ведущим агитацию в пользу Троцкого не только в своей дивизии, но и в целом ряде волостей. Думать, что «грехопадение» Примакова случайно, нет оснований. Один из видных оппозиционеров, Ломинадзе¹³⁴, на XVII съезде партии говорил: «Случайно на оппортунистический путь люди не становятся. Случайных оппозиционеров партии не бывает и не может быть». Эти слова, безусловно, относятся к Примакову.

С 19 по 24 августа в Москве прошел так называемый процесс шестнадцати. Его подсудимые составляли две ничем не связанные между собой группы. Первая — одиннадцать известных большевиков, участвовавших в 1926—1927 годах в «объединенном оппозиционном блоке». Пятеро остальных — вторая группа — молодые члены германской компартии, эмигрировавшие в СССР.

Уже арестованные «троцкисты-кавалеристы» к этому процессу не привлекались, следствие по их делу еще только разворачивалось.

На следующий день, 25 августа, после окончания процесса все 16 подсудимых были расстреляны.

— Будем разбираться дальше, — сказал Слуцкий на следующей ночной встрече.

— В чем разбираться? В чем?.. Вся моя жизнь перед вами. Она отдана революции. Зачем вы меня запутываете? Я честный большевик, вы понимаете это?

— Не совсем так, гражданин Примаков, — Слуцкий заговорил с официальной сухостью. — Постановлением Парткомиссии КПК от 27 августа вы исключены из партии, как контрреволюционер-троцкист... Вот как в действительности обстоят ваши дела, Виталий Маркович, — голос его слегка потеплел. — Мне искренне жаль вас, но вы сами во всем виноваты.

— Думаете, это конец? — превозмогая удушье, прохрипел Примаков. — Нет, это еще не конец! Я буду бороться.

— С кем бороться, Виталий Маркович? — Слуцкий изумленно втянул голову в плечи. — С партией? С КПК — совестью партии?

— Я подам апелляцию.

— И вы всерьез надеетесь, что может что-нибудь дать? — следовательно с интересом взгляделся в сумрачно-собранное лицо комкора. Неужели он и впрямь рассчитывает чего-то добиться? Небывалый случай! Не желает смириться? Не может понять, что машина, которая втянула его, не имеет обратного хода? Начальник секретного Политического отдела Молчанов крест-накрест перечеркнул его партийный билет, когда пришла выписка из решения Партколлегии. Таков порядок, и никто не протестует. Снявши голову, как говорится, по волосам не плачут. Тоже мне Дон Кихот!

— Будь по-вашему, — поколебавшись, решил Слуцкий. — Пишите... [Парнов. С. 319—320]

31 августа Примаков пишет заявление-апелляцию в комиссию партконтроля и передает его своему следователю. Он не знает, что заявление прямоком попадет к тому же Агранову, который, до поры и времени оставаясь в тени, тщательно следит за всеми следственными действиями, проводимыми с его «другом».

Совершенно секретно

Комиссия Партийного контроля при ЦК ВКП(б)

тов. Шкирятову
 Направляю Вам заявление Виталия Примакова.
 Зам. Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР
 Агранов
 3 сент. 1936
 № 57554

Заявление

Постановлением Партколлегии КПК от 27.08.1936 я исключен из партии как контрреволюционер-троцкист. Постановление это объявлено мне через Следователя НКВД т. Слуцкого.

Я не контрреволюционер и не троцкист, я большевик.

В 1928 году я признал свои троцкистские ошибки и порвал с троцкистами, причем для того, чтобы троцкистское прошлое не тянуло меня назад, порвал не только принципиально, но перестал встречаться с троцкистами, даже с теми из них, с кем был наиболее близок (Пятаков¹³⁵, Радек¹³⁶)...

...Уверен, что моя невиновность будет доказана и следствием НКВД.

Прошу о пересмотре по моему делу и восстановлении меня в партии.

Виталий Примаков

31 августа 1936 г.

Москва

Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)

Москва, Центр, ул. Куйбышева, 14

СПО НКВД т. Молчанову

(для ознакомления Примакова В. М.)

ЦК ВКП(б) т. Власову, в дело (3)

Выписка из протокола Партколлегии КПК

№ 155 пункт 8 от 05.10.1936.

Слушали:

8. Дело Примакова В. М.

Примаков Виталий Маркович, г. р. 1897, член ВКП(б) с 1914 (партбилет № 0471519 — изъят НКВД), последняя работа — Зам. командующего войсками Ленинградского Военного Округа — обвиняется в контрреволюционной троцкистской деятельности.

Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) 27 августа 1936 г. постановила исключить Примакова В. М. из рядов ВКП(б) как контрреволюционера.

В настоящее время арестован НКВД.

Просит о пересмотре дела

(докладчик т. Анискин, заочно).

Постановили:

В пересмотре дела Примакову В. М. отказать.

Секретарь Партколлегии Шкирятов [Парнов. С. 321–322].

По некоторым данным, нарком внутренних дел Г. Г. Ягода частично разделял взгляды Бухарина и Рыкова¹³⁷, был близок к ним.

Сталину стало ясно, что нужен человек, который бы более рьяно проводил его линию, в том числе и по организации массовых репрессий.

Он принимает решение о замене Ягоды и, находясь на отдыхе в Сочи, 25 сентября 1936 года вместе с Ждановым посылает членам Политбюро телеграмму следующего содержания:

Москва, ЦК ВКП(б), т. т. Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро.

Первое. Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД. Заместителем Ежова в наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаю необходимым и срочным делом снять Рыкова с НКсвязи и назначить на пост НКсвязи Ягода. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно...

Четвертое. Что касается Комиссии Партконтроля, то Ежова можно оставить по совместительству председателем Комиссии Партконтроля с тем, чтобы он 9/10 своего времени отдавал НКВД, а первым заместителем Ежова по комиссии можно было бы выдвинуть Яковлева Якова Аркадьевича¹³⁸.

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Шестое. Само собой разумеется, что Ежов остается секретарем ЦК.

Сталин, Жданов [Наумов. С. 28].

На следующий день, 26 сентября, Г. Г. Ягоду освобождают от должности наркома внутренних дел СССР, на которую в этот же день назначается Н. И. Ежов. Я. С. Агранов, которому Сталин явно благоволит, остается первым заместителем нового наркома.

В этот же день комкоры Примаков и Туровский выведены из состава Военного совета при народном комиссаре обороны СССР как «враги народа».

Что же Лиля Юрьевна? Как она переносит арест любимого мужа?

Вспоминаются прозвучавшие оглушительно при первых публикациях в СССР произведения «Софья Петровна» Лидии Чуковской и «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, где ярко описаны предутренние очереди перед окошечками тюрем и «присутственных мест» обезумевших от горя жен и матерей, которые пришли сюда, чтобы передать узелок с вещами, деньги, а главное, попытаться хоть что-то узнать о своих мужьях и сыновьях (нередко и дочерях!), томящихся за тюремными стенами.

Они покорно выстаивались в «очередь усталых людей, с пяти часов утра стоявших на улице, вдоль высокой, длинной и холодной тюремной стены».

Они стояли в длинных очередях, и каждая боялась, что та доля сострадания, которая еще, быть может, теплится за глухими дверьми, достанется не ей, а той, кто пройдет в эту дверь...

Г. Г. Ягода на вершине могущества. Вместе с М. Горьким (1935 г.)

Ночью она не спала, — на чем спит он? Не могла есть, — что ест он, сгорбившись над тюремной миской, он, живое и дорогое ей существо?..

Окоченевшая, угнетенная сознанием своего бессилия, она возвращалась домой, в пустую комнату, и там, одинокая и страдающая, возносила молитвы Богу, которого давно покинула, а сейчас молила, чтобы дух добра и милосердия, вездесущий и всепроникающий, смягчил сердца тех, кто будет решать его судьбу...» [Рыбаков. Гл. 18].

Нет, Лиля Юрьевна не томила в этих очередях.

А информацию о своем арестованном муже она (при желании!) могла получать, позвонив другу Яне, который, как никто другой, был в курсе дела, разворачивающегося за тюремными стенами.

Вот что вспоминает художник В. И. Курдов, которого мы уже неоднократно цитировали:

В комнате, кроме нас двоих никого не было, и я решил спросить о судьбе В. М. Примакова и поинтересовался, носит ли она ему передачи. Не спуская глаз с портрета мужа [портрет Примакова работы Д. Штеренберга. — А. В.], Лиля Юрьевна спокойно ответила: «Нет, ему мои курицы не нужны, он ведь солдат». И добавила: «Что бы он ни говорил, ему все равно не верят». Прошли минуты молчаливого обозрения всего, чего не стало и ушло безвозвратно [Курдов. С. 89].

Л. Ю. не ходила в тюрьму и не передавала передачи Примакову не потому, что была не способна на это или не знала, как это делается. Нет, еще в 1923–1924 годах она не однажды навещала в тюрьме Александра

Михайловича Краснощекова¹³⁹, одна или с его дочерью Луэллой, которую на время ареста отца девочки даже взяла в свою семью.

Но там была большая любовь, а здесь — крайняя обида на Виталия Марковича за то, что «по его вине» она может лишиться привилегий вдовы «лучшего и талантливейшего». Когда о его аресте станет широко известно, все начнут пенять ей за связь с опальным комкором.

Ах, как нелепо все получилось...

Что сохранилось в письмах?

Переписка Лили Юрьевны и Осипа Максимовича этого периода, естественно, отсутствует, ведь они, почти не расставаясь, жили в это время в Москве.

А о чем сообщали друг другу сестры — Лиля Брик и Эльза Триоле, находившиеся всю жизнь (кроме тех лет, когда Франция была оккупирована фашистской Германией) в постоянной корреспонденции? Передо мной — два солидных тома переписки сестер на протяжении 1921–1970 годов (русское и французское издание), охватывающей, естественно, и 1936–1937 годы. Но, странное дело, здесь сразу обнаруживается лакуна: за письмом Л. Ю. Брик сестре от 1 января 1936 года (во французском издании от 4 марта 1936 года) следующее ее письмо сестре датировано только 21 апреля 1938 года, хотя в этом промежутке размещены 25 писем Эльзы Триоле сестре в русском и 30 во французском изданиях. При этом в письмах Эльзы есть постоянные ссылки на получаемые ею письма от Лили, ответы на ее вопросы и т. д. Непонятно, как получилось, что письма Эльзы из-за границы сохранились в охваченной Большим террором Москве, а письма Лили, проскочившие через цензурные барьеры за железный занавес, потерялись потом во вполне благополучном Париже.

Конечно, жаль потерявшихся писем, но, может быть, они еще обнаружатся?

О чем же пишет Эльза в Москву сестре, у которой недавно арестовали мужа. Ну, «естественно», о моде — какие же письма из Парижа без новостей парижской моды?

«Я хожу во всем старом и не смотрю на себя в зеркало, противно» (11.11.36).

«Арагоше придется шить себе фрак и смокинг!» (24.05.37).

«Арагоше сшили фрак!! Портной приходит в 8 часов утра — мерить. Портниха одолжила мне платье, длинное, но с рукавами и не достаточно бальное. Я слишком маленькая, и мне платья с манекенов велики. И накидка из перьев, как на Марлен Дитрих! Форменный маскарад» (02.06.37).

«Платье у меня было до пят, и накидка из голубых петушиных перьев. Я умирала от стыда! хотя платье и накидка страшно красивые (портниха одолжила), но у меня в жизни не было длинного платья, и я чувствовала себя индейцем среди нормальных людей...

(Подпись к рисунку): Это мое платье, вязанное крупной сеткой, черное, на черном блестящем чехле, а это петушиные голубые перья с серым» (08.06.37).

Празднование 19-й годовщины Октябрьской революции в Москве (7 ноября 1936 г.)

И, конечно, много о парижских и московских литературных и издательских делах.

Но две темы меня просто потрясают.

В письме от 11 ноября 1936 года, отвечая на вопрос (заданный, по-видимому, через Л. Ю.!) Нины Владимировны Уборевич — она работала в это время в Наркомате пищевой промышленности — о том, как составить меню ресторана в Советском павильоне на Всемирной выставке в Париже, которая должна была открыться в следующем году, Эльза пишет:

Относительно ресторана на выставке: я спрошу французов, потому что мне все нравится! Но вот Жид, например, пишет, что его плохо кормили! Это значит, что ему, как всякому французу, нравятся только бифштексы и зелень. Теоретически, если ресторан дорогой, то из закусок лучше всего икра и копченая рыба: лососина, семга и прочая... Шашлыки. Жареные цыплята на вертеле. Главное — первоклассный повар. Но я опрошу народ и тогда напишу Нине Владимировне лично. Постараюсь сделать это поскорее...

Ну, конечно, супруги Уборевичи еще на свободе (им осталось полгода!), но должна же Нина Владимировна проявить к Л. Ю. сочувствие в постигшей ее беде и не обременять своими «мирскими заботами». Но, похоже, этот вопрос никого не тяготит, и предложенное меню ими внимательно рассматривается и обсуждается.

Наконец, в письме от 21 сентября 1936 года. Эльза передает сестре такую просьбу: «Лиличка, если это тебе не слишком некстати, попроси Валю,

Женя и Фия отнести экземпляры пьесы (пьеса Андре Жиде «Общее благо» в переводе Эльзы Триоле): Вахтангову, Малый, МХАТ 1-ый. В последнюю очередь Таирову¹⁴⁰».

Ясно, что речь идет о поручении близким общим знакомым. *Женя* и *Фия* — это Е. Г. Соколова и В. Д. Штеренберг (Фиалка). А вот *Валя* — это Валентина Александровна Агранова (!!!), жена всемогущего «Яни». Получается, что, в то время как Агранов и Примаков жестко «разговаривают» за тюремными стенами, их жены-подружки стараются выполнить Эльзины поручения (!!)...

Сам Примаков ни в одном из опубликованных писем прямо не называется. Лишь в одном письме Эльзы (от 24 мая 1937 года) проскальзывает ее тревога: «*Пиши немного чаще. А то я вдруг пугаюсь. Целую тебя, Лиличка, изо всех сил, скучаю по тебе очень, а ты, должно быть, совсем не скучаешь — меня иной раз одолевает прямо-таки невозможная тоска вообще и в частности*». И в письме от 12 июня 1937 года, опубликованном почему-то только во французском издании, она пишет об «ужасной новости», о которой она прочитала во вчерашней газете...

Понятно, что сестры не только догадывались, но были совершенно уверены, что их письма перлюстрируются, и старались не засветиться, но не до такой же степени! Кажется, самый жестокосердный цензор не усмотрел бы в словах сестринского сочувствия семейному горю какую-то политическую крамолу.

А может быть, это еще хорошо, что нам не дано ознакомиться с исчезнувшими письмами Л. Ю.? И вдруг они все-таки найдутся?!

В это время в Донбассе рассматривается сфабрикованное по навету «Дело Хренова¹⁴¹».

Среди других сохранившихся в деле Иульяна (Яна) Петровича Хренова документов остановимся здесь на двух.

Из решения Сталинского обкома КП(б)У от 7 октября 1936 года:

За время работы с апреля 1935 года по август 1936 года Хренов несколько раз ездил в Москву и Ленинград. Во время этих поездок он встречался с контрреволюционером Примаковым.

Вот ведь как: следствие в Москве еще только начинается, а в украинском обкоме уже уверены, что Примаков — «контрреволюционер», и преследуют своего коммуниста за связь с ним.

Из объяснительной записки И. П. Хренова:

В декабре 1935 года ездил на фарфоровые заводы Ломоносовский и Пролетарий, где находился в порядке обмена опытом — был три дня.

В то же время был на квартире у Примакова, вернее у Бриков, которые живут вместе с Примаковым. Семью Бриков я знаю свыше десяти лет, и с Примаковым познакомился в 1931 году у Бриков в Москве.

Будучи в Ленинграде, я пришел к ним. Также бываю у них в Москве, когда они там живут¹⁴².

И. П. Уборевич с женой Ниной Владимировной
(не позднее 1934 г.)

16 октября Примаков отправил письмо на имя И. В. Сталина:

Я не троцкист и не знал о существовании военной контрреволюционной организации троцкистов. Но я виновен в том, что, отойдя от троцкизма в 1928 г., я не до конца порвал личные связи с троцкистами — бывшими моими товарищами по гражданской войне, и при встречах с ними (с Кузьмичевым, Дрейцером, Шмидтом, Зюком) вплоть до 1932 г. враждебно высказывался о гг. Буденном и Ворошилове... Личные отношения с бывшими троцкистами после моего отхода от троцкистской оппозиции прервались, и со многими я совершенно перестал встречаться... Заявление об отходе от троцкизма я написал в 1928 г. в Кабуле, в полной изоляции от троцкистов — написал честно, без двурушничества, без обмана. Когда осенью 1930 г. вернулся я из Японии и виделся с Пятаковым, меня поразила одна фраза в нашем разговоре. Говоря о линии партии, Пятаков сказал: «Делается то, что надо, но мы, вероятно, сделали бы это лучше». Я ответил на это: «Как можно делить на мы и не мы, раз делается то, что надо?»... Раньше я часто бывал у Пятакова, с этого времени перестал бывать — не было доверия к его честности... После возвращения из Японии я очень активно работал в партии и армии... Я не троцкист и не контрреволюционер, я преданный боец и буду счастлив, если мне дадут возможность на деле, работой доказать это [Изв. ЦК КПСС. № 4. С. 44].

Письмо было прочитано и сохранено, в будущем оно могло иметь значение как улика: Пятакова вместе с Серебряковым¹⁴³, Сокольниковым¹⁴⁴, Мураловым¹⁴⁵ и другими готовили к процессу «параллельного центра».

Одиннадцатого ноября Лиле Юрьевне исполнилось 45 лет. Возраст для женщины очень серьезный, пора подводить какие-то итоги. Ведь как хорошо начинался год: все — и Виталий, и Ося, и она — были победителями, все складывалось как нельзя лучше, а что же теперь? Всему этому пришел конец? Нет, мы еще повоюем!

По указанию вождя годичной давности, Музей В. Маяковского, готовясь к открытию, продолжал комплектацию своих фондов. Его первый директор, Агния Семенова Езерская, пригласила Бриков на беседу, поделиться своими воспоминаниями о поэте, которые будут застенографированы. Эта встреча состоялась 26 ноября.

Из воспоминаний Л.Ю.:

Сильно повлияло то, что сидел в одиночке. Впоследствии, видимо, остался страх перед тюрьмой. Уже позднее в Петербурге дал сильную реакцию, когда речь зашла о тюрьме.

Смесь сильной задиристости и в то же время «нервной трусости»: влезал во все уличные скандалы.

Роль в организации побега из Новинской тюрьмы — подсобная: «Был на побегушках».

Очень настойчив во всем, добивался во что бы то ни стало своей цели... [Стрижнева, 2005. С. 465–466].

А вот запись воспоминаний О. М.:

Гиперболизм во всем сказывался.

Его личность и творчество совпадают почти на сто процентов. Его творчество — это его портрет. Отличительная особенность его поэзии — это есть в конечном счете зарифмованная исповедь. Преобладающее значение личности самого Маяковского в его творчестве. Этим объясняется то, что его никто не может читать перед аудиторией так, как он. Вся его поэзия — высказывание от первого лица [Стрижнева, 2005. С. 471].

Агния Семеновна сердечно поблагодарила Лилию Юрьевну и Осипа Максимовича за столь содержательные воспоминания и осторожно предложила передать в музей какие-то рукописи, книги, вещи Маяковского, оставшиеся у них. Брики обещали тесно сотрудничать с музеем и в дальнейшем. Уже 15 декабря Л. Ю. передала по списку первую партию вещей поэта в количестве 66 наименований, в том числе:

1. Фотографии Л. Ю. Брик — 2
2. Словарь Даля — 4 тома
3. Графинов хрустальных — 2
4. Серебр. подстаканников со стаканами — 2

20. Тарелок синих — 13
21. Чашек чайных — 13

- 36. Кастрюли алюминиевые — 5
- 37. Мыльница — 1

- 44. Маджонг — 1
- 45. Рулетка — 1

- 48. Ручки с золотыми перьями — 2

- 53. Пальто — 1
- 54. Шляпа мягкая — 1
- 55. Шапка барашковая — 1
- 56. Свитер — 1
- 57. Галстуки — 3

- 65. Трость — 1¹⁴⁶

«На Пленуме ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 года в докладе секретаря ЦК Н. И. Ежова “О троцкистских и правых антисоветских организациях” была сделана попытка доказать, что “правые” не сложили оружия, что они имеют “подпольную организацию”, которой руководят Н. И. Бухарин и А. И. Рыков. Их стали обвинять в стремлении к захвату власти, смещению И. В. Сталина, выдвигению на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) М. П. Томского, передаче аппарата ЦК в руки учеников Н. И. Бухарина. Осуществление этих планов будто бы возлагалось на “военную организацию”, во главе которой стояли В. М. Примаков и В. К. Путна...» [Изв. ЦК КПСС. № 1. С. 123].

В конце ноября — начале декабря 1936 года состоялся Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, на котором была одобрена и утверждена новая Конституция СССР, получившая название Сталинской.

Делегатом этого съезда был Я. С. Агранов.

Сталинская Конституция «в интересах укрепления социалистического общества — гарантирует свободу слова, печати, собраний и митингов, право объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки, право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или за научную деятельность, или за национально-освободительную борьбу»¹⁴⁷.

Но конституция — конституцией, а жизнь — жизнью: никто и не думал всерьез руководствоваться этими гарантиями. Поднимая руку «за» конституцию, Агранов был уверен, что она никак не ущемит в чем-то деятельность представляемого им ведомства.

29 декабря Агранова еще повысили в должности, его назначили начальником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), при сохранении поста первого заместителя наркома внутренних дел.

Он принимал поздравления, и не исключено, что среди поздравлявших Якова Сауловича были его давняя знакомая, Лиля Юрьевна, и люди из ее окружения.

30 декабря по новому стилю Виталию Марковичу исполнилось 39 лет. О чем он вспоминал в этот день? О своей, в общем-то, еще недолгой, но насыщенной событиями жизни? О своих женах, друзьях и подругах? О своем сыне, которому через месяц исполнится 10 лет?

Кто знает, предчувствовал ли он, что это его последний день рождения и 40 ему уже не исполнится.

Этот новый, 1937-й, год впервые после долгого перерыва советским гражданам было разрешено встречать с наряженной елкой! Как сказал вождь: *«Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей!»*

Интересно, устраивали ли Ежов и Агранов новогодние елки для своих подопечных на Лубянке и в Лефортово?!

1937 ГОД

СУРОВАЯ ЗИМА

К своему дню рождения — 16 января, — который обычно отмечался 17-го, Осип Максимович загодя раздал своим близким традиционный вуншцеттель (*нем.* Wunschzettel). Этот распространенный немецкий обычай предварительного заказа подарков, которые хотелось бы получить к какому-то празднику, был принят в семье Бриков, и несколько вуншцеттелей дошли до нас¹.

Что же содержит список пожеланий Осипа Максимовича к 17 января 1937 года?

1. Толстая переплетенная тетрадь писчей бумаги, формат примерно 20×25 .
2. 2 сине-красных карандаша.
3. 6 штук подштанников (трико).
4. 6 пар носков.
5. Новая куртка.

Подарок Лили Юрьевны — «толстая переплетенная тетрадь писчей бумаги» — тоже сохранился и находится в собрании автора. Это сделанная переплетчиком по заказу толстая тетрадь-альбом заданного заказчиком размера, в светлом матерчатом переплете с тиснением золотом на обложке владельческих инициалов: «О. Б.» и с шутливым рисунком-надписью на титульном листе: «[КЭТ]’у от [КИС]’ы. 17.01.1937 г.»

Кто был на дне рождения на этот раз? Были ли, например, Аграновы и что они подарили? Может быть, желанные «подштанники (трико)»?

Отозвался ли как-то из Лефортово Виталий Маркович? Может быть, ему удалось передать хотя бы один, заимствованный у следователя, «сине-красный карандаш»?

В январе из печати вышла книга «Боевые подруги: Книга о женах командиров РККА»², в которой Лиле Юрьевне места, по ее нынешнему положению, конечно, не нашлось, а вот о жене командарма Якира со-общалось, например, следующее:

Будничной и незаметной кажется работа шифровальщицы штаба.

А сколько замечательных людей самоотверженно, не щадя сил, работали ночи напролет за расшифровкой оперативных донесений.

Сотни жен командиров умели скромно и самоотверженно нести эту работу и беречь военную тайну, как зеницу ока.

Об этом не мало может рассказать Сарра Лазаревна Якир, которую хорошо знает Осоавиахим Украины, как старейшего организатора оборонной работы.

Впрочем, книгу эту мало кто и видел — вскоре она из-за многочисленных упоминаний в ней имен «жен изменников родины» (выявившихся уже в 1937 году) была изъята, уничтожена или упрятана в спецхраны библиотек...

23–30 января 1937 года в Москве военная коллегия Верховного суда СССР в составе В. В. Ульриха³, И. О. Матулевича⁴, И. М. Рычкова⁵ с участием прокурора СССР А. Я. Вышинского⁶ в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра». По этому делу были арестованы и преданы суду 17 человек (Ю. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков и др.).

В. М. Примаков и В. К. Путна, арестованные еще в августе 1936 года за участие в «антигосударственной, контрреволюционной троцкистской организации» и «уличенные» в связях с членами «параллельного антисоветского троцкистского центра» к этому процессу тем не менее не привлекались, их оставляли на будущие процессы.

Как отмечалось в приговоре, «Параллельный центр» в качестве основной своей задачи ставил свержение советской власти в СССР. Для достижения этой цели участники центра якобы развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность...

Материалы, собранные в ходе проведенной в 1960-е годы проверки дела, показывают, что массовые репрессии против бывших троцкистов и зиновьевцев, начались сразу же после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года⁷.

К пику массовых политических репрессий, которому предстояло развернуться в наступившем году, страна подходила постепенно, но неуклонно.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года в Москве был проведен пленум ЦК ВКП(б), который вошел в историю как официально закрепивший политический курс на развертывание широкомасштабной кампании по борьбе с «врагами народа» — «троцкистами», «правыми», «шпионами-диверсантами» и «вредителями». На пленуме с основными докладами выступили члены ЦК В. М. Молотов и Л. М. Каганович. Второго марта была принята резолюция: «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких троцкистских агентов», в которой отмечалось, что их деятельность «нанесла немалый ущерб делу развития и укрепления тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта».

С обстоятельными докладами о положении с кадрами в армии и на флоте на пленуме выступили К. Е. Ворошилов и Я. Б. Гамарник, начальник

Политического Управления РККА⁸. По их единодушной оценке, уровень политико-морального состояния личного состава Красной Армии не вызывал у них серьезной тревоги, хотя были отмечены и некоторые недостатки.

Фрагменты выступления наркома Ворошилова приведены в книге Н. С. Черушева «1937 год...» [Черушев, 2003. С. 9–12]:

В этот последний раз, когда Троцкий вместе со своими новыми подручными Зиновьевым и Каменевым был не только побит, но и выброшен из наших рядов, как открытый враг, он оставил и в стране, и в армии кое-какие кадры своих единомышленников. Правда, количественно эти кадры мизерны, но качественно они представляли известное значение. Вот к этим кадрам относятся и те господа, которые ныне себя снова проявили в армии уже по-новому, как открытые, подлые враги, как наемные убийцы. Что представляют собой эти изменники и предатели персонально, кто они такие? Это, во-первых, Примаков и Путна — оба видные представители старых троцкистских кадров. Это, во-вторых, комкор Туровский, который, не будучи в прошлом троцкистом, тем не менее, невзирая на отрицание пока своей виновности, очевидно в скрытом виде, тоже является сочленом троцкистской банды.

Далее идут комдивы Шмидт и Саблин⁹, комбриг Зюк, полковник Карпель¹⁰ и майор Кузьмичев¹¹.

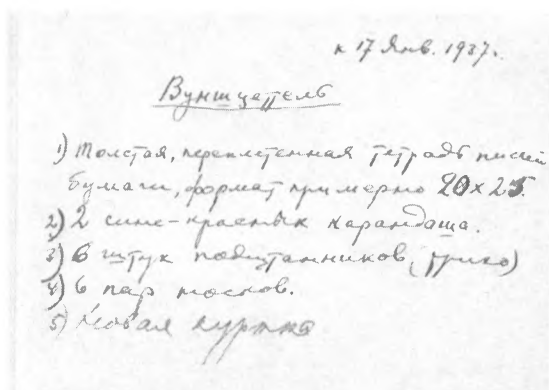
Следовательно, к настоящему времени в армии арестовано 6 человек комсостава в «генеральских чинах»: Примаков, Путна, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюк и, кроме того, полковник Карпель и майор Кузьмичев. Помимо этой группы командиров, арестовано несколько человек инженеров, преподавателей и других лиц начальствующего состава «рангом и калибром» пониже.

План этих предателей столь же прост, сколь и мерзок. С одной стороны — готовить террористические акты над членами ЦК и правительства и, если представится случай, приводить их в исполнение, с другой стороны — ждать войны, ждать наиболее острого момента для государства, чтобы потом путем измены, подлого предательства и провокации помогать врагу против своей Родины и партии.

Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции.

Частенько бывают у меня разговоры с органами тов. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной Армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист. Но, невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему, правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить.

Так, впервые через полгода после ареста было вслух произнесено обвинение в адрес комкора Примакова как «врага народа» и объявлено о самом аресте.

Вуншцеттель О. М. Брика к 17 января 1937 г.

Значительное внимание пленум уделил работе органов госбезопасности по борьбе с «врагами народа». По этим вопросам выступил нарком внутренних дел СССР Ежов. Он построил свой доклад на тезисе Сталина о том, что органы наркомата с «раскрытием антисоветского троцкистско-зиновьевского заговора запоздали, по крайней мере, на четыре года».

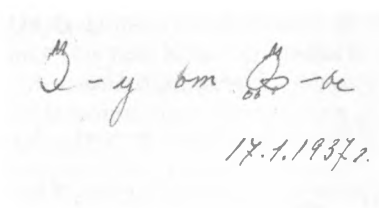
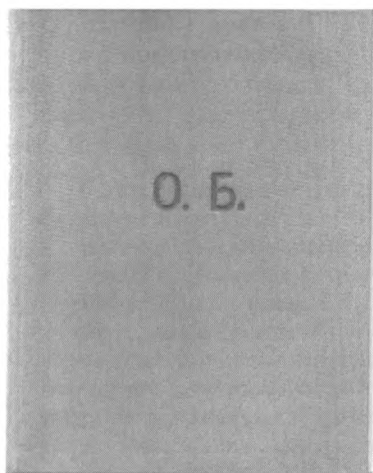
Ежов подверг критике всю агентурно-оперативную, следственную и кадровую деятельность ОГПУ — НКВД СССР за 1933—1936 годы, а также режим политзаключенных в тюрьмах ГУГБ НКВД — «санаторный». Особенно жестко критиковалось бывшее руководство наркомата — Г. Г. Ягода и Г. А. Молчанов.

Выступая в прениях, Ягода признал правильным анализ причин, приведших к «позорному провалу работы органов государственной безопасности», и заявил, что именно он является «виновником того состояния, которое нашел т. Ежов в органах НКВД». К критике в адрес бывшего наркома внутренних дел СССР подключились руководящие сотрудники наркомата, принимавшие участие в работе пленума, — Я. С. Агранов, В. А. Балицкий¹², Л. М. Заковский¹³, С. Ф. Реденс¹⁴ и другие¹⁵.

С докладом «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» и с заключительным словом на пленуме выступил Сталин. Фактически в его речах прозвучали те формулировки о «контрреволюционной» деятельности «врагов народа», которые надолго будут вписаны в документы партийных организаций в качестве руководящих и направляющих установок при проведении массовых политических репрессий в 1937—1938 годах. В частности, он сказал:

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии.

Обложка и титульный лист общей тетради с дарственной надписью Л. Ю. Брик — О. М. Брику (17 января 1937 г.). Из собрания автора

Далее идут 30—40 тысяч высших руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров — вот задача¹⁶.

Пленум одобрил мероприятия по борьбе с «врагами народа» и обязал руководство НКВД СССР «довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма до конца, с тем чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности». Предлагалось провести организационно-кадровую перестройку аппарата ГУГБ, укрепить его новыми партийными кадрами и большевистски проверенными чекистами и одновременно «очистить» органы от «разложившихся бюрократов, потерявших всякую большевистскую остроту и бдительность в борьбе с классовым врагом и позорящих славное имя чекистов».

Таким образом, пленум ЦК партии закрепил проведение политической «чистки» в самом НКВД СССР и прежде всего в системе органов госбезопасности. Начало этому положило решение пленума об аресте и предании суду «одного из главных виновников позорного провала» бывшего начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Г. А. Молчанова. Его арестовали 3 марта 1937 года. Через месяц взяли под стражу и Г. Г. Ягоду¹⁷.

В своем выступлении Агранов рассказал, как возникли и создавались дела так называемых центров — «объединенного троцкистско-зиновьевского» и «параллельного». Он подчеркнул, что еще летом 1936 года Н. И. Ежов передал ему указание И. В. Сталина «вскрыть подлинный

Н. И. Ежов и Я. С. Агранов
в группе руководства НКВД
(1937 г.)

троцкистский центр». Его выступление в своем заключительном слове на Пленуме ЦК Ежов прокомментировал следующим образом: *«Я чувствую, что в аппарате что-то пружинят с Троцким, а т. Сталину яснее ясного было. Из выступления т. Сталина прямо был поставлен вопрос, что тут рука Троцкого, надо его ловить за руку»*¹⁸.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

За всеми этими политическими событиями чуть было не забылась очень знаменательная дата — 25-летие семейной жизни Лили Юрьевны и Осипа Максимовича! Об этом сегодня нам напоминает самодельная поздравительная карточка, изготовленная и врученная на семейном празднике ближайшей подружкой обоих юбиляров — Евгенией Гавриловной: здесь — рисунок сидящих рядом «Коти» и «Кисы», держащих в лапках по одной цифре «2» и «5», образующих счастливое юбилейное число и надпись:

ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГИХ, ЛЮБИМЫХ КИСУ И КОТЮ!!!
Женя. 10 марта 1937¹⁹

Кто еще побывал на этом празднике, прислал или принес свои поздравления и подарки счастливым юбилярам на серебряную свадьбу, сведений об этом у меня нет...

Чем внимательнее читаешь эту поздравительную строку, тем больше возникает вопросов.

С чем же все-таки поздравляет Евгения Гавриловна «Кису и Котю»? Ведь серебряные и золотые годовщины распавшихся браков отмечать не принято. Значит, она считает, что их брак продолжается, особенно если учесть уход из семьи Примакова, по-видимому, навсегда.

В какой же роли по отношению к юбилейной паре сама «Женя», которая вот уже 12 лет «приходящая жена» Осипа Максимовича (и его «эскорт-жена» при выездах на отдых)? А, может быть, с этой поздравительной карточкой она возвращает Осипа Максимовича его «законной супруге», оставаясь сама на правах «друга семьи»?

Нет, нам не дано до конца понять «высоких отношений».

Но настроение у Лили Юрьевны было совсем не праздничным. Ведь еще год назад она была в зените славы и устраивала тот надолго запомнившийся триумфальный бал-маскарад. И вот теперь всему этому пришел конец.

После публикации в газетах выступления Ворошилова на февральско-мартовском пленуме, в котором он впервые публично назвал Примакова первым в ряду «б человек комсостава в генеральских чинах», изменилось и отношение к ней, Лиле Юрьевне Брик, «жене комкора Примакова». Люди внимательно (ох, слишком внимательно!) читали в то время газеты. К тому же они научились читать между строк и, вероятно, ожидали в отношении ее «развития событий».

Вот и недавно она позвонила директрисе Музея Маяковского Езерской, чтобы поговорить с ней о музейных делах, и та в разговоре держалась довольно сухо. В издательствах застопорилась подготовка очередных книг Маяковского, к которым Лиля Юрьевна была особенно причастна и где должна была бы стоять ее фамилия. Даже близкие ей люди стали реже бывать у нее, реже звонить.

От отчаяния и безысходности Лиля Юрьевна начала пить. Ее биограф Аркадий Ваксберг пишет: «Теперь все рухнуло — предстояло начать жизнь сначала. Но, перечеркнув прошлое, жить она бы уже не могла. Спасение от охватившего ее безумия Лиля нашла в алкоголе — средство давнее и испытанное, в котором раньше у нее не было ни малейшей нужды» [Ваксберг, 1998. С. 309].

Ему, правда, возражает В. В. Катанян: «В своей книге А. Ваксберг совершенно верно говорит, как тогда Л. Ю. (впервые в жизни) потянулась к бутылке в надежде заглушить ужас от ареста Виталия Марковича и ожидании собственной репрессии. Она пила ежевечерне, но запоев не было — это вещи разные» [Катанян В. В., 1988. С. 103].

Но что было, то было.

Седьмая годовщина со дня смерти В. Маяковского вызвала, как было и в предшествующие годы, череду мероприятий.

«Литературная газета» поместила воспоминания о поэте Н. Денисовского²⁰. Не остался в стороне и О. М. Он опубликовал целый ряд статей о Маяковском как в центральных: «Вечерняя Москва», «Советское искусство», «Пионерская правда», «За коммунистическое просвещение»,

Я. С. Агранов (1937 г.)

«Лесная промышленность», так и заштатных газетах: «За ударные темпы» (Щелково), «Каменский рабочий» (г. Каменск-Уральский, Свердловская обл.), «Коммуна» (Воронеж), «Рабочая Балахна» (Балахна), «Рабочий путь» (Смоленск), «Сталиногорский пролетарий» (Сталиногорск).

В «Литературной газете» за 10 апреля 1937 года был также помещен редакторский репортаж «Дом Маяковского»:

Дом Маяковского должен был открыться еще к шестой годовщине смерти поэта. Он не откроется и к седьмой.

Предполагается, что музей и библиотека будут открыты ко дню рождения Маяковского — 7 июля. Но дирекция Дома Маяковского в состоянии будет выполнить это лишь в том случае, если Наркомпрос поторопится, наконец, с отпуском средств на комплектование книг...

Библиотеке предстоит собрать все издания произведений Маяковского. Это едва ли не самая сложная из задач в комплектовании, так как каждая книжка поэта стала библиографической редкостью. Труднее всего найти издания, вышедшие до 1922—23 гг.

Потребовалось немало усилий, чтобы воссоздать квартиру в том виде, в каком она была при В. Маяковском. Начиная с передней и кончая ванной и кухонькой, восстановлена в квартире обстановка, окружавшая поэта.

В небольшой столовой — изразцовая печь, посреди комнаты — стол, покрытый скатертью, у стен — две банкетки. За стеклянными створками шкафа — чашки, расписная чайная посуда.

Смежная со столовой комната — кабинет Владимира Владимировича. Большую часть его занимает широкий полосатый диван, на котором лежало безжизненное тело поэта, привезенное из его рабочей комнаты на Лубянской улице, 3.

Москва. «Дом на набережной» (1930-е гг.)

На большом открытом бюро — четыре тома словаря Даля. В углу, за шкафом — большой кожаный чемодан, с которым поэт путешествовал по советской стране и за ее границами.

В одной из комнат, в платяном шкафу, — осеннее пальто, ботинки, фетровая шляпа и широкий клетчатый джемпер, — сразу видно, — с большого широкоплечевого человека.

Ничего особо примечательного, никаких музейных раритетов нет. Но сознание, что все эти вещи окружали «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», внушает чувство любовного внимания к каждой детали.

В ряде других городов страны прошли ставшие уже традиционными «апрельские вечера Маяковского», состоялись они и в МГУ 13 апреля, и в Доме Союза писателей 14-го. Осип Максимович присутствовал и выступал, естественно, на обоих вечерах.

На вечере в МГУ он подробно остановился на задаче создания биографии Маяковского, указав на основные трудности, которые возникают при этом.

Во-первых, Маяковский еще не превратился в классика, то есть не отошел в историю; во-вторых, Маяковский — не Пастернак: 1912–1930 годы он прожил не календарно, он прошел колоссальный творческий путь вместе с революцией, которая его формировала и с которой вместе он рос; в-третьих, Маяковский сам несколько не беспокоился о своей биографии, он беспощадно уничтожал все материалы для будущего биографа,

К. Ворошилов, В. Молотов, И. Сталин и Н. Ежов на открытии канала Москва — Волга (май 1937 г.)

время от времени выгребая из ящика своего стола всякую «грязную бумагу»; в-четвертых, в своей автобиографии Маяковский искажил многие даты, например обозначил начало своей поэтической работы с 1909, а не с 1912 года; в-пятых, Маяковский писал обычно на чем попало — на клочках, на коробках, на бумажках от конфет и пр.²¹.

В марте состоялось собрание актива Главного управления Государственной Безопасности НКВД СССР.

Выступивший на нем начальник ГУГБ Агранов заявил, что секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов еще в середине 1936 года сказал ему, что *«по его сведениям и по мнению Центрального Комитета нашей партии, существует нераскрытый центр троцкистов, который надо разыскать и ликвидировать»*. *«Тов. Ежов, — подчеркнул Я. С. Агранов, — дал мне санкцию на производство массовой операции по троцкистам в Москве»*.

Руководство НКВД требовало от оперативного состава вскрытия любыми средствами вражеской работы троцкистов и других арестованных бывших оппортунистов и обязывало относиться к ним как к врагам народа.

Несмотря на «правильность понимания линии ЦК в борьбе с врагами народа», Агранов продолжал считаться человеком Ягоды, который был арестован 29 марта, и, по мнению руководства, он уже не соответствовал тем новым задачам, которые ЦК ставил перед НКВД. К тому же полугодовой период адаптации Ежова на посту наркома внутренних дел закончился, и ему больше не нужна была поддержка ветеранов НКВД. Пятнадцатого апреля Ежов понизил в должности Агранова (разумеется, не без ведома Сталина, который ранее ему протезировал), переведя

Плакаты на тему политических процессов 1930-х гг. с портретами Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского

на должность начальника 4-го (секретно-политического) отдел ГУГБ. Так началось низвержение Агранова.

Не менее неприятным для Якова Сауловича событием стало его выселение в связи с понижением в должности из кремлевской квартиры; хорошо еще, что городская была им предусмотрительно сохранена.

В тот же день сняли с поста начальника отдела охраны руководителей партии и правительства, входившего в структуру ГУГБ, К. В. Паукера²² и через день его арестовали.

26 апреля был арестован бывший заместитель Паукера — Волович²³. Уже на следующий день Волович показал, что Тухачевский был участником антиправительственного заговора правых и должен был обеспечить поддержку заговорщиков армией. Так, следствие напало на след «военного заговора» и начало его разработку.

Сегодня уже имеются убедительные доказательства о заговоре, начавшем формироваться в начале 1930-х годов, в который входили некоторые государственные деятели, представители командного состава РККА и НКВД. Его целью была организация «кремлевского переворота», и прежде всего смещение со своих постов (и ликвидация!) Сталина, Ворошилова и других членов советского правительства. Во главе этого заговора, готовившего «дворцовый переворот», сегодня называют: Енукидзе,

Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путну, Ягоду, Агранова, Петерсона²⁴, Паукера, Воловича... Этот клубок нескольких нитей заговора начал распутываться «ежовцами» с конца апреля и вскоре дал толчок к такому небывалому по своим масштабам развертыванию репрессий на всех ступенях советского общества, что 1937 год на долгое время оставил зловещую память о себе.

28 апреля в «семейном кругу» отмечалась еще одна круглая дата — Василию Абгаровичу Катаняну исполнилось 35 лет. Несмотря на этот, еще не очень солидный, возраст его именовали Вася-старший, так как подрастал его сын, Вася-младший, которому в феврале стукнуло 13.

ЗАГАДОЧНЫЙ МАЙ

Как считают, государственный переворот первоначально планировался заговорщиками на декабрь 1934 года. Но его пришлось отложить, потому что произошло покушение на Кирова, в этой связи возникла волна негодования у населения, и эта реакция вызвала опасения заговорщиков (по-видимому, сказалось и то, что была усилена охрана руководителей государства).

Молотов позднее утверждал, что попытки произвести государственный переворот (покушение на Сталина?) предпринимались и в 1935, и в 1936 годах.

Есть версия о попытке переворота 1 мая 1937 года. Во всяком случае, в тот день отмечали, что на поясе наркома обороны Ворошилова, находившегося во время Первомайского парада вместе с другими руководителями страны на трибуне Мавзолея, был револьвер в кобуре, чего не наблюдалось ни раньше, ни позже.

Первого мая над колоннами демонстрантов, двигавшихся по улицам Москвы к Красной площади, из репродукторов впервые грянула новая жизнеутверждающая песня:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.
Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!..²⁵

Через открытые по-весеннему окна она врвалась в квартиры москвичей. Песня была слышна и в кабинетах следователей в сером угрюмом здании, фасад которого выходил на площадь Дзержинского. Но эти люди продолжали свою «работу» несмотря на праздничное утро...

И мало кто знал тогда, что празднование 1 Мая в Москве для посвященных в суть дела прошло в обстановке тревожного ожидания, так как не было уверенности в том, что все не пойдет по первоначальному

сценарию... Тухачевского! По свидетельству очевидцев, во время парада среди собравшихся на трибунах людей пошел слух, что вот-вот начнется стрельба по Мавзолею, и Сталин будет убит. Сейчас трудно сказать, насколько этот слух имел под собой основания. Однако Павел Мешик²⁶, впоследствии ставший руководителем СМЕРШа, а затем расстрелянный вместе с Л. П. Берией и другими в декабре 1953 года, в частных разговорах утверждал, что свой первый орден он получил за успешную поимку террориста, который уже был готов открыть огонь по трибуне Мавзолея, во время первомайских торжеств 1937 года.

Если от ареста до примерно второй половины апреля 1937 года на Примакова в основном оказывалось психологическое воздействие, то теперь следователи, выполняя прямые указания Ежова и его новых ставленников в наркомате, стали применять к арестованным жесткие, изощренные методы физического воздействия.

О том, как «работали» с Примаковым, следователи-палачи, высоко поднявшиеся потом по служебной лестнице, при расследовании «дела военных» в 1950–1960-х годах дали письменные показания-воспоминания.

Бывший сотрудник НКВД, а впоследствии заместитель министра государственной безопасности Селивановский 10 декабря 1962 года сообщал в ЦК:

В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана... Работа Авсеевича руководством особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными. По свидетельству бывшего сотрудника особого отдела Бударева, Авсеевич, возглавлявший одно из отделений этого отдела, заставлял своих сотрудников постоянно находиться рядом с Примаковым, не давать ему спать и вынудить дать признательные показания. На сон подследственному отводилось лишь 2–3 часа в сутки, да и то в кабинете, где проходил допрос и куда даже доставляли пищу.

Подобное непрерывное давление, в конце концов, сломило волю арестованного [Соколов, 2003. С. 324].

Бывший начальник отделения НКВД СССР, впоследствии генерал-лейтенант в запасе Авсеевич А. А. на допросе в прокуратуре 5 июля 1956 года показал:

Примерно в марте 1937 года я вызвал на допрос Примакова и увидел, что Примаков изнурен, истощен, оборван. У него был болезненный вид...

Примаков и Путна на первых допросах категорически отказывались признать свое участие в контрреволюционной троцкистской организации. Я вызывал их 10–20 раз. Они при этих вызовах сообщили мне, что помимо вызовов на допросы ко мне Примаков и Путна неоднократно вызывались на допросы к Ежову и Фриновскому²⁷

На одном из допросов Примаков заявил, что накануне он вызывался к Ежову и там был серьезно предупрежден о последствиях, если он будет запереться. Он, Примаков, обещал Ежову подумать, и сейчас он будет давать показания о своей контрреволюционной деятельности [Изв. ЦК КПСС № 4. С. 66].

Авсеевич в своем объяснении в ЦК КПСС уже во времена Хрущева написал, что *«арестованные Примаков и Путна морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, где в течение многих месяцев получали скудное тюремное питание»*, а также не в последнюю очередь тем, казалось бы, не очень существенным обстоятельством, что *«вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили...»*. Что ж, для военных внешний вид, форменная одежда всегда играли особо важную роль. И заключенных деморализовывало уже одно то, что вместо привычных суконных френчей с петлицами, на которых красовалось не менее трех ромбов, и хромовых сапог, они теперь вынуждены довольствоваться красноармейскими обносками и лаптями. В итоге, как отмечал Авсеевич, перевод в Лефортовскую тюрьму (где узники нещадно били, о чем следователь предпочел прямо не говорить) и вызовы к Ежову сломили Примакова и Путну окончательно, и оба комкора начали давать показания [Соколов, 2003. С. 325–326].

Эти свидетельства дополняются показаниями бывшего работника НКВД Бударева В. И. на допросах в прокуратуре 3 июня 1955 года:

Дело Примакова я лично не расследовал, но в процессе следствия мне поручалось часами сидеть с ним, пока он писал сам свои показания. Зам. начальника отделения Карелин и начальник отделения Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации... Таким образом его не оставляли одного. В период расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избития их в Лефортовской тюрьме. Эти дела характерны тем, что в связи с ними начались аресты среди основной части руководящего состава РККА [Изв. ЦК КПСС № 4. С. 66].

Что руководило следователями в их «изнурительной работе» по выбиванию, казалось бы, совершенно абсурдных «признаний»?

Привлеченный в 1950-е годы к ответственности, бывший следователь НКВД Шнейдемман дал такие пояснения:

Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности лица еще до его

допроса и потому на допросе стремился любым путем добиться от этого лица признательных показаний [Викторов].

Трудно усомниться в достоверности показаний следователей-палачей из НКВД, но немудрено, что через два десятилетия после событий несколько сместились даты в их памяти. В материалах следствия сохранились протоколы допросов Примакова, из которых видно, что первое признательное показание Примаков дал только 8 мая.

Историк А. В. Шубин в своей монографии «Вожди и заговорщики», анализируя ход событий по раскрытию «военного заговора», пишет:

Но конкретные обстоятельства признаний не дают оснований для однозначного вывода о безотказном действии избиений. Следователь Авсеевич, допрашивавший Примакова, признает: «Я стал добиваться от него показаний о заговоре. Он не давал. Тогда его лично допросил Ежов, и Примаков дал развернутые показания о себе и о других организаторах заговора».

Очевидно, что признание Примакова объясняется не «физическими методами воздействия» — избиения Ежов поручал своим пособникам. Случилось нечто, что заставило Примакова принять решение и дать показания. Решающие аргументы Примакову предъявил Сталин [Шубин. С. 316].

Что же стало той последней каплей, которая поколебала железную волю комкора Примакова, заставила его сломаться и дать признательные показания?

Некоторые сегодняшние исследователи выдвигают версию, что причиной этого стало «разоблачение» его... Лилей Брик. Вот что пишет, например, Николай Кузьмин в своем журналистском расследовании «Что произошло перед отлетом Чкалова в Америку»:

Наконец ему устроили очную ставку с Лилей Брик, его очередной женой. После Маяковского, знаменитого, богатого, Лиля со своим вечным Осей лихорадочно искала нового покровителя. Ей повезло, — на нее клюнул прославленный герой гражданской войны. Устроившись под одеялом Примакова, постельная искусница покорила предводителя Червоного казачества. Примаков не знал, что Лиля и Ося являются давними и надежными агентами Лубянки. На очной ставке он сам в этом убедился. Лиля своими обличениями повергла его в настоящий шок. Эта «парижская штучка» имела острый глаз и чуткий слух.

Долгое одиночное заключение не действовало на Примакова. Его сломали показания Лили Брик. Ей удалось узнать слишком много. Он понял, что упорствовать дальше глупо. Не мальчик же он, который, разбив мячом стекло, испуганно твердит: «Это не я!»

Примаков попросил бумагу и принялся писать [Кузьмин. С. 210].

Еще более определенно высказался на эту тему историк Федор Бармин:

Многое говорит о Виталии Марковиче тот факт, что после смерти Маяковского он заменил выбывшее звено в любовном треугольнике с Осипом

Л. Ю. Брик (1930-е гг.)

и Лилей Брик. Позднее Лиля Брик вспоминала, что в 1936 году «по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там. Может быть, они действительно хотели свалить тирана?»

По данным последних публикаций, появившихся в конце 1990-х годов, Лиля Брик с 1920-х годов работала осведомителем ОГПУ. Как раз по ее наводке Примакова в августе 1936 года отправили на Лубянку [Бармин].

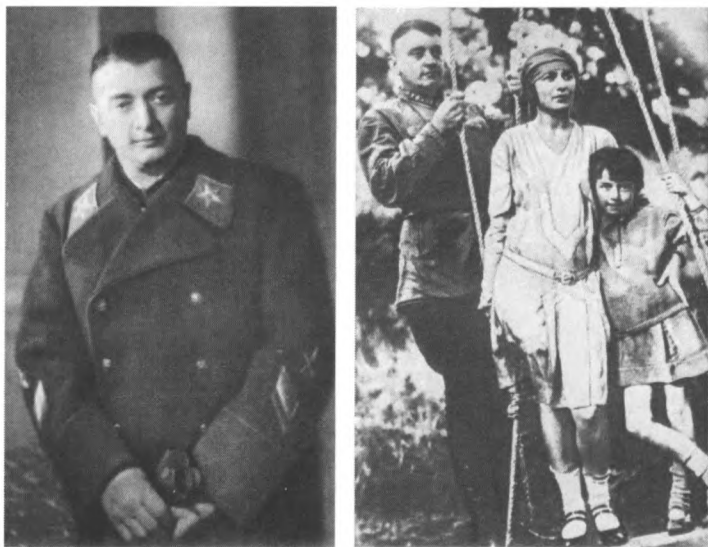
А. Колпакиди, один из авторов нашумевшей книги «Двойной заговор», прямо говорит в интервью корреспонденту московской газеты «Версия»:

Вообще же о заговоре знали или подозревали очень многие. Например, жена Примакова — известная Лиля Брик — вспоминает, что в 1936 году «по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там допоздна. Может быть, они действительно хотели свалить тирана?» По данным последних публикаций, Лиля Брик с 1920-х годов работала осведомительницей ОГПУ. Возможно, как раз по ее доносу Примакова отправили на Лубянку в августе 1936 года, за много месяцев до ареста Тухачевского, Уборевича и других [Панченко].

Все эти обвинения в адрес Л. Ю. Брик не имеют под собой никакой документальной основы и аргументации, кроме причастности ее к органам.

В последнее время появились и другие столь же сенсационные «открытия» о пагубном влиянии на подследственных командиров показаний их собственных жен. Вот что пишет историк В. А. Лесков:

Что побудило Якира²⁸ к откровенным признаниям? пытки? Да нет, в них не было никакой необходимости. Сбивали с позиции захваченные

М. Н. Тухачевский в 1936 г. На фото справа: с женой Ниной Евгеньевной и дочерью Светланой

документы, которые говорили о заговоре, свидетельские показания коллег и... показания собственной жены (!) — 37-летней Сарры Лазаревны Якир. Она прошла вместе со своим мужем Гражданскую войну, была шифровальщицей в штабе 45-й дивизии, вошедшей потом в состав 1-й Конной армии. Затем работала в Осоавиахиме, рядом с Эйдеманом²⁹. Наконец, занимала пост начальника шифровального отдела в штабе Киевского военного округа. И, разумеется, работала в Киевском управлении НКВД, имея чин капитана.

Именно она находится под наибольшим подозрением, что через нее шла секретная переписка с Троцким, находившемся в Мексике³⁰. Шифрованные письма шли в советское посольство в Германии и через советника посольства, сторонника Троцкого, пересылались в военный отдел ЦК КП(б)У в Киев. Оттуда специальный курьер, тоже сторонник оппозиции(!), переправлял их в руки жены Якира, а она передавала собственному мужу. Такая сложная система пересылки писем должна была гарантировать максимальное сохранение незапятнанными политические ряды Якира, который будто бы являлся, согласно официальным выступлениям, непрерывным противником Троцкого [Лесков. С. 144].

Он же называет в качестве свидетельниц, давших показания против Тухачевского и его товарищей, «жену и любовницу маршала», «жену Путны».

Нет, мне думается, что здесь все было не так просто, и не надо представлять Лилию Юрьевну осведомительницей-стукачкой, сдавшей Примакова органам в августе 1936-го. Если она и состояла в ОГПУ (что, в общем-то,

подтверждается наличием у нее с 1920-х годов соответствующего удостоверения, ссылку на которое обнаружил в ее выездных документах журналист В. Скорятин), то могла играть, скорее, роль «агента влияния» и, возможно, выполнять некоторые деликатные поручения ГРУ при выездах за границу, одна или вместе со своей сестрой Эльзой. Может быть, эта сторона ее деятельности еще выявится, когда откроются соответствующие архивы органов. И уж, конечно, ей не было никакого смысла доносить на Примакова в 1936 году, так как его арест разрушил то благоденствие, которое пришло в их «семью» с назначением Маяковского «лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи», а Лиля Юрьевна умела заранее просчитывать ситуацию и, несомненно, предвидела этот, неблагоприятный для нее, исход.

Нет, события мая 1937 года могли развиваться несколько по иному сценарию. И здесь следует вспомнить, что Ежов был мастером не только изощренных жестоких мер физического воздействия на подсудимых, но и иезуитски тонко построенных психологических воздействий на них и свидетелей.

Попробуем смоделировать вполне вероятную ситуацию.

В начале мая 1937-го Н. И. Ежов пригласил на беседу командующего войсками Ленинградского военного округа, командарма 1-го ранга Бориса Михайловича Шапошникова, и жену его бывшего заместителя — Примакова, Лилю Юрьевну Брик.

Что касается Шапошникова, здесь я полностью согласен с версией, выдвинутой А. И. Колпакиди и Е. А. Прудниковой в книге «Двойной разговор...» [М., 2000. С. 543–544]:

Мы думаем, что дело могло быть так...

Шапошников не принадлежал к группе Тухачевского. Он был из кадровых царских офицеров старой выучки. Уже в силу этого он должен был недолюбливать «поручиков-командармов». Возможно, он представлял в верхушке заговора третью, гипотетическую группу, бывших царских офицеров, н., может быть, присутствовал там и сам по себе. У Шапошникова не было оснований любить Сталина, возможно, он надеялся на реставрацию «России, которую мы потеряли». И скорее всего, как и положено офицеру старой выучки, он был государственным.

Итак, предположим, он, следуя принципу наименьшего зла, примкнул к заговорщикам. Но в самом начале 1937 года произошло еще одно событие. На втором московском процессе были озвучены планы заговорщиков о поражении в войне, создании марионеточного правительства и расчленении СССР в обмен на западную помощь. При этом даже не важно, были ли такие договоренности на самом деле, или только в голове Троцкого, или же в инструкциях следователей. Ибо никаких оснований не верить тому, что говорилось на процессах, не было. Ведь его в эти планы могли и не посвящать! И он, «взвесив» все «за» и «против», снова из двух зол выбирает меньшее. Но на сей раз меньшим злом оказывается другая сторона баррикады.

Могло такое быть? А почему нет?

Как бы то ни было, это разом объясняет и осведомленность Сталина, и возвышение Шапошникова, и то, почему арестованные военные «ломались» сразу же после ареста, узнав, что против них сам, по доброй воле, свидетельствует один из них.

Это, кстати, могло сломать и молчавшего девять месяцев Примакова.

Я тоже вполне допускаю, что так могло быть. Но когда, где и как Б. М. Шапошников «сам, по доброй воле» свидетельствовал о заговоре в высшем эшелоне командования РККА? вполне вероятно, что это произошло в доверительной беседе с наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым. *«Спасибо, Борис Михайлович, Вы нам очень помогли! Я обязательно доложу о нашем разговоре Иосифу Виссарионовичу!»*

Лиля Юрьевна была на приеме у Ежова полтора года назад. Как недавно и как давно! И сколько воды с тех пор утекло! Какое счастье она тогда испытала, впервые прочитав резолюцию Сталина на своем письме! Какие крупномасштабные мероприятия по возвеличиванию Маяковского начались после этого и какие горизонты ждали ее впереди! Но не прошло и года с той встречи, как арестовали Примакова, и все покатило в тартарары.

Вы абсолютно правы, уважаемая Лиля Юрьевна! Как во многом Примаков навредил Маяковскому и Вам!.. Но все это надо как-то поправить, восстановить... Маяковский и Вы, его жена (его! а не Примакова!) не должны пострадать от этого «врага народа»... А не скажете ли Вы, уважаемая Лиля Юрьевна, кто из высшего состава бывал у вас дома, встречался с Примаковым дома или где-то еще, какие разговоры «враждебного характера» они вели? Мы никак не можем докопаться до истины, а Виталий Маркович все запирается и не хочет разоружиться перед партией, перед Сталиным.

Наблюдательная и проницательная Лиля Юрьевна, несомненно, замечала в поведении Примакова и его сослуживцев что-то необычное и скрытное, о чем она ненароком рассказала «в конце пятидесятых» своему соседу по даче на Николиной Горе, писателю Юлиану Семенову:

Весь тридцать шестой год я прожила в Ленинграде... Я тогда была замужем за Виталием Примаковым, командиром «Червоного казачества» во время гражданской... И все это время я — чем дальше, тем больше — замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там допоздна... Может быть, они действительно хотели свалить тирана? Или тот играл с ними, организовав провокацию? [Семенов, 1989].

Необходимо сказать, что в то время подобные «закрытые» встречи партийцев во внеслужебной обстановке властями строжайше не рекомендовались и воспринимались как фракционные.

А может быть, она знала об этих встречах и беседах военных что-то еще, о чем предпочла умолчать даже через 20 лет в светской беседе.

Очень может быть, что эта или другая беседа на ту же тему подтолкнула Юлиана Семенова к последующему написанию эссе «Научный комментарий» в серии политических романов, названной «Версии». Этот — о трогательной дружбе Маяковского («Влодика») с Аграновым («Яней») — стал четвертой версией, завершающей цикл.

Ведь и сама Л. Ю. с большой симпатией и уважением относилась к этим «гвардейцам железного Феликса, с чистыми руками и благородными помыслами». Много позднее, когда люди узнали о кошмаре ГУЛАГа и их бесчеловечных деяниях, она с недоумением и сожалением скажет: «*Боже мой! А ведь для нас чекисты были — святые люди!*»³¹.

Под пронизательным взглядом «кровавого карлика» Лиля Юрьевна, как на допросе, могла рассказать «святому» Николаю Ивановичу все, что знала, по задаваемым им вопросам, называя фамилии: Тухачевский, Уборевич, Якир, Агранов.

Спасибо, уважаемая Лия Юрьевна, Вы нам очень помогли! И, конечно же, Вас совсем не следует считать женой этого, увязшего в троцкизме комкора Примакова. Вы — настоящая жена командора советской поэзии — Маяковского, и мы всегда будем считать Вас таковой!

Как фиксировались эти доверительные беседы с наркомом Ежовым и в какой форме преподнес он их Сталину, неизвестно. Вождь был доволен свидетельскими показаниями Шапошникова и Лили Брик — и приказал доставить Примакова из Лефортово на заседание Политбюро. Там же должен быть и Борис Михайлович. «*А Лия Юрьевна? Ее тоже приглашать?*» «*Нет, не надо, мы сами доведем до Примакова ее показания на него.*»

Материалы этой очной ставки пока не обнародованы, и неизвестно, существуют ли они вообще, но то, что она состоялась, сомнений не вызывает. Парнов в своем романе так представляет ее:

Составленный... акт Сталин дал прочитать Примакову, привезенному прямо из Лефортово в Кремль.

— Вот в какое болото затянули вас троцкистские связи. Нет большой храбрости в том, чтобы выгораживать заговорщиков, фашистских агентов. Это, напротив, очевидное проявление трусости. Не хочется думать, что герой революции Примаков — жалкий трус. Если все, что вы мне писали, правда, вам следует окончательно и бесповоротно разоружиться перед партией. Другой возможности заслужить снисхождение партии у вас не будет.

Примаков молчал. Для того, что он носил в себе все двести семьдесят шесть потонувших в одной нескончаемой ночи дней, что с болью рвалось наружу, не подбиралось слов. С ним работал начальник отделения Авсеевич. Путну, которого немного подлечили в больнице Бутырской тюрьмы и после вновь вернули в Лефортово, он довел до нервного истощения.

С первых дней апреля его и Примакова почти ежедневно таскали на допрос, несколько раз водили к Ежову.

— Я серьезно предупреждаю вас о последствиях дальнейшего заpiresательства, — он не далее как вчера пригрозил Виталию Марковичу, — в последний раз.

Примаков ожидал еще более мучительной пытки и, чувствуя, что не выдержит, обещал подумать.

Однако вместо следовательского попал в сталинский кабинет. Сталин подавал ему руку помощи. Значит, он читал его письма, выделял из переполнившей тюрьмы безликой массы, может, даже хотел спасти.

У него потекли слезы, началась истерика. Ничего вразумительного он так и не сказал.

— Я ни в чем не виноват! — это было единственное, что он запомнил. И еще свой жалкий отчаянный крик...

Будете давать показания о своей контрреволюционной деятельности? — спросил на следующую ночь Авсеевич.

— Буду. Я хочу написать заявление.

— На чье имя?

— Ежова.

Авсеевич вызвал Карелина и Бударева — они обычно заменяли его на конвейере, — и велел не возвращать заключенного в камеру, пока тот не подпишет как следует.

— Помогите ему.

«В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираяться и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что “Примаков — трус, запираяться в таком деле — это трусость”. Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания».

Карелин, заместитель начальника отделения, охотно помог бывшему комкору, подсунув парадную заготовку на Якира. Осталось только переписать:

«Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом, и допускали, что он, Якир, лично связан с Троцким. И, возможно, он выполняет совершенно секретные, нам не известные самостоятельные задачи».

Потом его заставили написать, что во главе заговора стоял Тухачевский, тоже секретным образом связанный с Л. Д. Троцким, и еще сорок человек (Шапошников, Каменев С. С.³³, Гамарник, Дыбенко, Фельдман, Урицкий и т. д.) составляли руководящее ядро [Парнов. С. 525–526].

Должен еще раз напомнить читателям, что, работая над этой книгой, я вычленил из совокупности фактов и событий только те, что непосредственно относятся к «моим» героям. В результате у неискущенного читателя может создаться впечатление, что только один Примаков давал на следствии «признательные показания» и «изобличал» в заговоре своих коллег. Нет, подобные же показания давали под пытками следователей все арестованные военачальники. Скорее всего, они просто подтверждали своими вымученными подписями заранее составленные «показания» и списки, которые клали перед ними палачи-следователи.

Лед тронулся... Маховик, закрученный НКВД, по раскрытию «заговора военных» начал набирать обороты. Сталин был доволен таким началом и не оставил без внимания тех, кто оказал следствию по этому делу неоценимую помощь.

Шестого мая командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова перевели из Ленинграда в Москву и назначили начальником Генерального штаба РККА (!)

Лиле Юрьевне была выдана Сталиным такая охранная грамота (я о ней расскажу далее), которая надежно защитила и ее саму, и ее близких во время Большого террора.

Не остался в долгу и сам Николай Иванович.

Ознакомимся с отрывком из журналистского расследования доктора социологических наук Эдуарда Макаревича «Оазисы чувственности под оком спецслужб»³⁴:

Вот что странным мне показалось, когда я знакомился с делом о «военно-фашистском заговоре» группы маршала М. Тухачевского. Факт постоянного посещения этими людьми салона Брик... остается в густой тени. Следователи почему-то этот факт не разматывали.

Автор ошибочно считает, что причина этого в том, что «*куруря* “заведение” Лили Юрьевны, именно Яков Саулович [Агранов. — А. В.] и мог заглушить интерес следователей-волкодавов, выбивавших в мае-июне 1937 года показания у Тухачевского и других, к очень эффективному, казалось бы, сходбищу “врагов народа” в нескольких сотнях метров от Кремля».

Э. Макаревич упускает из виду, что в мае-июне 1937 года Агранов, по своему тогдашнему положению, уже не смог бы повлиять на «*следователей-волкодавов*». Несомненно, это дело рук самого Николая Ивановича Ежова.

Каждый должен заниматься своим делом. И в то время как в казематах Лефортово и Лубянки из подследственных выбивают показания, которые вскоре создадут основу «Дела о заговоре военных», а следствием этого станут широкомасштабные репрессии командного состава Красной Армии, в Доме-музее В. Маяковского в Гендриковом проводится совещание, на которое теперь (!), разумеется (!!), приглашаются и Брики.

Протокол совещания в Библиотеке-музее Маяковского от 14.05.1937 г. Присутствовали: тт. О. М. Брик, Л. Ю. Брик, Страздин, Реформатская, Езерская³⁵.

Повестка совещания: Выставка о жизни и творчестве В. Маяковского.

Решили:

«...Исходя из наличия материалов, которыми Библиотека-музей сможет располагать к июлю с. г.,³⁶ — считать возможным сделать выставку материалов о жизни и творчестве Маяковского по следующим темам, закрепив за отдельными товарищами подготовку и собирание материалов по каждой теме:

<...>

*РОСТА, агитреклама, плакат — за т. Брик Л. Ю.*³⁷.

У меня нет данных о том, как Лиля Юрьевна справилась с этим общественным поручением, но это и не так важно, а важно то, что КТО-ТО вовремя дал руководству музея необходимые разъяснения и указания...

Арестовывали военачальников, которые потом сядут на общую судебную скамью (кроме Примакова и Путны, арестованных еще в августе 1936 года), в следующем порядке: Корка³⁸ — 14 мая 1937 года, Фельдмана — 15 мая, Тухачевского и Эйдемана — 22 мая, Якира — 28 мая, Убуревича — 29 мая.

Из этих восьми человек Примаков не был первым по званию, по своим военным талантам и боевым заслугам, но он — единственный, кто вступил в партию в 1914 году, то есть до Февральской революции. Иначе говоря, за исключением Примакова, все они, как говорил Ленин, «мартовские большевики» — присоединившиеся к партии в условиях ее успехов и легальности, когда тюрьма за такую партийность не угрожала, и он им никогда не верил [Лесков. С. 14–15].

Впрочем, на судебной скамье все они были уже беспартийными, и их прежний партийный стаж не имел никакого значения.

Есть предположения, что девятым в числе арестованных должен был быть начальник Политуправления РККА, армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник, но в предчувствии ареста он 31 мая застрелился. Раздосадованный этим непредвиденным обстоятельством, нарком Ворошилов включил было девятым в список комкора М. В. Сангурского, начальника штаба ОКДВА³⁹, протеже Гамарника (сохранилась соответствующая запись в настольном блокноте Ворошилова)⁴⁰, но Сталин не одобрил эту кандидатуру, ибо Сангурского мало знали в армейских кругах, и он из этого зловещего списка был исключен.

17 мая Ежов удалил Агранова из центрального аппарата НКВД, назначив начальником Управления НКВД по Саратовской области.

Кто сегодня может объяснить, почему это головокружительное падение Агранова приходится именно на разгар допросов и признательных показаний военных? Можно предположить, что кто-то сообщил о его близких отношениях с ними и о его причастности к «военному заговору». А механизм ареста «московской шишки» был уже разработан: сначала перевести на рядовую работу на периферии, а потом уже и брать. По этой схеме был взят и М. Тухачевский: не как заместитель наркома, а как командующий Приволжским военным округом, в должности которого он пробыл всего несколько дней. Агранову наверняка был хорошо знаком этот механизм, но по отношению к самому себе он его, по-видимому, не предвидел. Появившись в Саратове, он развил бурную деятельность по выявлению там «врагов народа», может быть, думая этим восстановить к себе доверие высоких московских начальников.

На допросе 21 мая, отвечая на вопрос, кто возглавлял заговор, Примаков сказал:

Якир и Тухачевский... От Якира я слышал отрицательные отзывы о коллективизации. И всегда под видом шуток...

Осенью 1934 года я лично наблюдал прямую порочную связь (?) Тухачевского с участниками заговора Фельдманом, Ефимовым⁴¹, Корком, Геккером⁴², Гарькавым, Аппогой⁴³, Розынко⁴⁴, Казанским⁴⁵, Ольшанским⁴⁶, Туровским. Это группа и есть основной актив заговора [Хорев].

Называя многочисленных заговорщиков, Примаков упорно подчеркивает почему-то главным образом их неверие в коллективизацию. Вот, например, о командире корпуса в Краснодаре — Ковалеве⁴⁷:

Разговор у нас был у него в квартире. Он был навеселе. Говорил, что никогда им не возродить такое хозяйство, как было у казаков. Хлеба будет много, на Кубани земля сама родит, а вот садов, баштанов, виноградников, пчеловодства — этого не будет; все это требует хозяйского глаза, а в колхозе его нет [Хорев].

А вот о командире зенитной дивизии в Ленинграде — Рыбкине⁴⁸:

Показав мне деревню, возле которой расположен лагерь дивизии, сказал: при НЭПе деревня весь лагерь кормила, а сейчас сама хлеб из Ленинграда везет [Там же].

Не потому ли Примаков подчеркивал эти мысли, что в военный заговор они явно не вписывались, а самому ему импонировали?

М. Н. Тухачевский, будучи арестован в Куйбышеве 22 мая, признал свое участие в антисоветском заговоре уже через четверо суток⁴⁹. В его следственном деле находится исключительно важный документ:

Народному Комиссару Внутренних Дел
Н. И. Ежову

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые допрошен 25-го и сегодня, 26-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно...

...Первоначально в этой организации троцкистского влияния не было, но в дальнейшем оно было привнесено Путна и Примаковым, которые бывали за границей, где поддерживали связь с Троцким...

(Подпись Тухачевского)

26.05.37.

Это заявление взято у арестованного маршала во внутренней тюрьме НКВД помощником начальника 5-го (Особого) отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) капитаном госбезопасности Зиновием Марковичем Ушаковым (Ушамирским), большим мастером в подобных делах [Черушев, 2003. С. 48].

ЖАРКОЕ ЛЕТО

С 1 по 4 июня происходило заседание Военного совета при наркомате обороны, посвященное «военно-фашистскому заговору».

Чрезвычайные события, связанные с опасным заговором, раскрытым НКВД, разворошили весь Наркомат обороны, словно муравейник. К открытию заседания было уже арестовано около 400 военачальников, 20 человек из 108, входивших в Военный совет.

В связи со сложностью ситуации заседание было объявлено расширенным, и на него пригласили дополнительно 116 военных работников — с мест и из центрального аппарата. До начала работы всем участникам раздали копии протоколов с показаниями Тухачевского, Якира, Уборевича и их арестованных единомышленников. Показания были таковы, что волосы на голове становились дыбом⁵⁰.

Все 42 выступивших военачальника послушно клеймили тех, с кем еще вчера вместе служили. Позднее 34 оратора сами стали жертвами репрессий.

На Военном совете Ворошилов притворно каялся:

Я, как народный комиссар, ... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже, когда некоторых из них (Горбачева⁵¹, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовишные преступления. Моя вина в этом огромна.

И тут же предупредил членов Военного совета, которые наверняка почувствовали в этих словах нешуточную угрозу:

Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы [Соколов, 2003. С. 330–331].

Сталин в своей речи постарался накрепко увязать Тухачевского и других арестованных военачальников с осужденными на процессах 1936-го и начала 1937 года, а также с опальными и ждущими расправы деятелями партии — Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и другими «правыми». Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране был военно-политический заговор против советской власти, инспирированный и финансирувавшийся германскими фашистами. По его утверждению, руководителями этого заговора были Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, Я. Э. Рудзутак⁵², Л. М. Карахан⁵³, А. С. Енукидзе, Г. Г. Ягода, а по военной линии — М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман и Я. Б. Гамарник.

Сталин говорил:

Это — ядро военно-политического заговора. Ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов [Черушев, 2003. С. 21].

Как видим, Примакова, Путны и Фельдмана среди названных военных нет, вождь еще не принял в отношении них окончательного решения.

Сейчас доподлинно известно, что весь май и первую половину июня 1937 года Сталин вплотную занимался делом «о военном заговоре в РККА», он даже не поехал на родину на похороны скончавшейся 4 июня матери, поручив исполнение своего сыновнего долга своему заместителю в Грузии — Л. П. Берию.

Впрочем, этому есть и другое объяснение. Вот что вспоминает уже в наши дни о Сталине легендарный художник-долгожитель Борис Ефимов:

Я припоминаю один случай. Как-то Орджоникидзе решил сделать ЕМУ подарок. Возвращаясь с Кавказа, он привез с собой мать Сталина. Открыл дверь в кабинет и говорит: «Смотри, Коба, кого я тебе привез!» — и пропустил ее к сыну. Сталин процедил сквозь зубы, едва сдерживая гнев: «Уберите эту женщину и не мешайте мне работать». Мать генсека обхватила лицо руками и выскочила в приемную. «Серго, если бы я знала, что он будет такой, задушила бы собственными руками», — прошептала ошеломленная женщина. Этот человек не был способен кого-либо жалеть, даже собственную мать⁵⁴...

Первые четыре дня июня пристальное внимание вождя было приковано к работе Военного совета при наркомате обороны. Пятого июня, сразу после окончания этой работы, Сталин обсуждает вопрос о заговоре с Молотовым, Кагановичем и Ежовым. Тогда же было решено из большой группы высшего комначсостава, арестованной в мае 1937 года, отобрать несколько лиц для судебного процесса, объединив их в одно групповое дело. Выбор пал на наиболее именитых — Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана. Но здесь оказалось мало «троцкистского душка», и тогда к ним решили добавить Путну и Примакова⁵⁵.

Видя из приведенного выше, что включение Примакова в «группу Тухачевского» носило, в общем-то, случайный характер, можно ошибочно предположить, что если бы этого не произошло, то жизнь комкора была бы спасена. Нет, с полной уверенностью можно сказать — судьба его была предопределена еще во время ареста. Органы никого из уже арестованных не выпускали из своих цепких лап, тем более в следственном деле Примакова за десять месяцев пребывания в тюрьме накопилось немало «компромата». Правда, можно предположить, что если бы он не попал в «группу Тухачевского», то был бы расстрелян немного позднее, и ему бы еще добавились допросы, физические пытки и унижения. Нет, судьба комкора Примакова оказалась гуманнее.

6 июня 1937 года в газетах появились выдержки из выступления главы столичных коммунистов Н. С. Хрущева на московской областной партконференции. Рассказывая коммунистам области о том, что происходило на городской конференции, он с возмущением сообщил, что, хотя в горком *«были избраны проверенные, преданные делу партии большевики... в состав ГК попал также троцкистский предатель, изменник Родины, враг народа Гамарник. Этот факт еще раз говорит о том, что враг подло маскируется»*.

Слова Хрущева стали первым упоминанием в печати о том, что вскоре станут именовать «военно-фашистским заговором». Всем стало ясно: в верхушке армии что-то происходит [Соколов, 2003. С. 281–282].

В самый канун суда, 10 июня, Примаков дал показания, компрометирующие трех из восьми членов Специального судебного присутствия: командармов Н. Д. Каширина, П. Е. Дыбенко и Б. М. Шапошникова. Правда, как рассказывал потом следователь Авсеевич, эти показания явились плодом совместного творчества бывшего предводителя Червоного казачества и действующего «железного наркома»:

На последнем этапе следствия Леплевский, вызвав к себе Примакова, дал ему целый список крупных командиров Красной Армии, которые ранее не фигурировали в показаниях Примакова, и от имени Ежова предложил по каждому из них написать.

Так возникли показания Примакова на Каширина, Дыбенко, Гамарника (очевидно, Виталий Маркович не знал, что того уже нет в живых), Куйбышева⁵⁶, Грязнова⁵⁷, Урицкого⁵⁸, Ковалева⁵⁹, Васильева⁶⁰ и других [Соколов, 2003. С. 330].

Как было установлено проверкой дела, подтверждение обвиняемыми в суде вымышленных показаний, данных ими на предварительном следствии, было обусловлено тем, что они продолжали находиться под контролем следователей до конца судебного процесса.

По этому поводу названный выше Авсеевич на допросе 5 июля 1956 года показал:

После того, как следствие было закончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии.

Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал в суде подтвердить свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть с ними вместе в комнате ожидания. В день суда я находился с Примаковым, согласно указанию руководства отдела.

Перед началом судебного заседания все следователи были, и, как только привели арестованных, я, как и другие работники, пошел в комнату, где был Примаков. Все арестованные находились в отдельных комнатах, и с каждым находился следователь. Среди них, я помню, были Ушаков и Эстрин.

Я спрашивал Примакова, как он думает вести себя в суде, последний сказал, что подтвердит свои показания. Причем по указанию руководства я еще раз напомнил Примакову, что признание его в суде смягчит его участь. Так говорить было дано указание и другим сотрудникам отдела, выделенным для сопровождения арестованных на суд. Перед самым судебным заседанием, по указанию Леплевского, я знакомил Примакова с копиями его же показаний [Изв. ЦК КПСС № 4].

Десятого июня состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия, которое постановляет: дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия защиты и обвинения и без вызова свидетелей. На следующий день, 11 июня, состоялось судебное заседание.

Описание хода судебного заседания разными исследователями отрывочны и противоречивы, ибо до сих пор не опубликованы ни его стенограмма, ни другие документы, рассматривавшиеся на нем.

Я же, как и ранее, не ставлю себе целью исследовать все происходившие на нем события, а лишь обращаю здесь внимание на те из них, которые касаются непосредственно Примакова.

Николай Кузьмин в своем очерке «Что произошло перед отлетом Чкалова в Америку» так описывает этот суд:

На бывшей Никольской улице, в центре Москвы, испокон веков сохранялась старинная аптека Феррейна⁶¹. Ее не коснулись никакие ветры перемен. В соседних же зданиях хозяева сменились. Чижовское подворье заняло общежитие Реввоенсовета, а в трехэтажном особняке с другой стороны аптеки разместилась Главная Военная прокуратура⁶².

11 июня 1937 года в небольшом зале прокуратуры в 10 часов утра началось закрытое заседание Специального судебного присутствия Военной коллегии Верховного суда СССР.

В тесном, не слишком светлом помещении судьи и подсудимые сидели почти лицом к лицу. Те и другие были в военной форме. Только одни блистали орденами и скрипели тугими ремнями, другие же были без ремней, со споротыми петлицами и с расстегнутыми воротниками добротных командирских гимнастерок.

Как за судейским столом, так и на скамье подсудимых сидело по восемь человек, — словно выступали одна команда против другой: две команды, две «стенки». Расстояние между ними составляло всего несколько метров.

В обоих «стенках» выступали военные самых высших рангов.

Подсудимые: М. Тухачевский — командующий войсками Приволжского военного округа (месяц назад снят с поста заместителя наркома обороны), А. Корк — начальник Академии им. Фрунзе, В. Примаков — заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, В. Путьна — военный атташе в Великобритании, И. Уборевич — командующий войсками Белорусского военного округа, Б. Фельдман — начальник Главного управления РККА, Р. Эйдеман — председатель Осовиахима, И. Якир — командующий войсками Киевского военного округа.

Судьи: Я. Алкснис — заместитель наркома обороны и командующий ВВС, И. Белов — командующий войсками Московского военного округа, В. Блюхер — командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, С. Буденный — инспектор кавалерии РККА, Е. Горячев — командир 6-го кавалерийского корпуса им. Сталина, П. Дыбенко — командующий войсками Ленинградского военного округа, И. Каширин — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, Б. Шапошников — начальник Генерального штаба РККА.

Во главе судейского стола сидел В. Ульрих, армвоенюрист 1-го ранга, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР.

Главным обвинителем выступал А. Вышинский...

Ответственность за охрану здания и за порядок в помещении суда несли маршал А. Егоров и комендант Москвы М. Лукин.

Блестели штыки конвоя. Бесстрастные красноармейцы замерли по стойке «смирно».

Подсудимые сидели с опущенными головами. В своей неряшливой одежде они походили на изловленных дезертиров... [Кузьмин. С. 197–198].

Кто еще мог присутствовать на суде?

Н. С. Черушев называет Члена Военной коллегии бригадвоенюриста И. Загоронова, назначенного секретарем этого суда⁶³.

В некоторых исследованиях упоминаются стенограммы судебного заседания, значит, присутствовали и стенографистки.

В докладной о процессе И. П. Белов впоследствии писал К. Е. Ворошилову: «...Примаков выглядел сильно похудевшим, показывал глухоту, которой раньше у него не было. Держался на ногах вполне уверенно...» [Черушев, 2003. С. 51].

Судьба подсудимых была предreshена еще до суда. И. М. Загorenов, назначенный секретарем данного суда, впоследствии сообщил: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих. Он говорил, что имеются указания Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела».

Тухачевский и другие заговорщики на суде признались, что хотели добиться смещения Ворошилова с поста наркома обороны. В преемники ему прочли Тухачевского, хотя на следствии Примаков говорил о Якире в качестве кандидата в наркомы, поскольку тот якобы был близок с Троцким...

Намерение сместить Ворошилова Специальное судебное присутствие расценило ни больше, ни меньше как умысел теракта. Хотя еще на следствии Примаков показал, что вел со своими друзьями разговоры, «носящие характер троцкистской клеветы на Ворошилова, но никаких террористических разговоров не было. Были разговоры о том, что ЦК сам увидит непригодность Ворошилова».

В дальнейшем, правда, со ссылкой на Н. В. Куйбышева, Виталий Маркович выразился еще резче:

Комкор Куйбышев говорил мне, что Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему нужны холуи вроде Хмельницкого⁶⁴ (многолетнего ворошиловского адъютанта в генеральском звании), либо дураки вроде Кулика⁶⁵, либо на все согласные старики вроде Шапошников⁶⁶. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения техники [Соколов, 2003. С. 301–302].

Теперь о последнем слове подсудимых. Все они, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину. Просили о снисхождении. Раскаивались, если в чем-то и были виноваты.

Последнее слово Примакова оказалось по сути обвинительной речью в адрес всех остальных подсудимых:

Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу. Ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно

место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора...

Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной [Викторов].

В своей статье «“Заговор” в Красной Армии» Борис Викторов замечает:

Откровенно говоря, в ГВП были поражены. Что мы знали о Примакове? Родился в бедной крестьянской семье на Украине. В юношеском возрасте включился в борьбу с самодержавием. Испытал пытки в царских застенках, прошел несправедливое судилище, все тяготы ссылки. Отважный кавалерист, командовал славным кавкорпусом Червонных казаков, о котором были сложены песни, как о коннице Буденного. Примаков и Буденный соперничали в славе... Немаловажное обстоятельство — Примакова арестовали на год раньше Тухачевского. Все это время с ним «работали». Что же, выходит, подавили за год волю? Стал человек послушным?.. На все эти пока неясные вопросы нужны были точные ответы.

Говорят, что за это выступление комкор удостоился посмертной похвалы от Буденного: «*Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех...*» Но эта речь, отдельные пассажи которой могли бы очень пригодиться во времена борьбы с «безродными космополитами», в конце 1940-х — начале 1950-х поставила в тупик работников Главной военной прокуратуры, готовивших реабилитацию осужденных в дни оттепели. Стоит ли Примакова реабилитировать, раз он столь истово помогал Ульриху, Ежову и Вышинскому? В конце концов, решили (не в прокуратуре, конечно, а в ЦК): надо реабилитировать. И поведение Примакова легко объяснили: за девять месяцев заключения с ним основательно «поработали», подавили волю к сопротивлению. Но дело не только в этом. Просто Виталий Маркович хорошо заучил продиктованную чекистами речь (фраза о Фельдмане, например, почти дословно совпадает с показаниями Ушакова) и уверовал: если все скажет как надо, непременно помилуют⁶⁷

Сразу же после первой публикации этой речи Примакова в газете «Правда» от 29 апреля 1988 года главному редактору этой газеты было направлено письмо от ветерана Червонного казачества, генерал-майора

юстиции Б. И. Алексеева и бывшего зам. начальника Украинского штаба партизанского движения, участника четырех войн, полковника И. Г. Старинова. В письме, в частности, говорилось:

Одна из наиболее трагических фигур этого процесса — комкор Примаков В. М... Как и все арестованные, он сначала верил в то, что это — ошибка, недоразумение, однако, когда его начал допрашивать сам Н. И. Ежов, нарком внутренних дел, человек, приближенный к Сталину, Примакову стало ясно, что это — не ошибка. Он, — один из участников процесса, понял страшную истину, — Сталин начал истребление Красной Армии. И поэтому он не калялся в последнем слове в верности Сталину, в верности партии, Красной Армии.

Сталина он презирал и ненавидел, а партию и Красную Армию нужно было предупредить — дать хоть какой-нибудь знак перед смертью.

И он сделал это в своей последней, предсмертной речи. Он исполнил обещание, данное Ежову и следователю — повторил на суде заданный А. Я. Вышинским текст, но внес в него небольшие исправления, доведя все до абсурда, показав присутствовавшим на суде нелепость, фальшь того, что происходит. И уже уходя с суда, сказал свое действительно последнее слово своим судьям, товарищам по службе в родной Красной Армии: «Неужели вы не понимаете, что происходит? Сегодня вы судите нас, а завтра так же будут судить вас!..» (см. раздел «Приложения», с. 469—471).

Может быть, так действительно было задумано, ибо, как и многое другое, якобы имевшее место в «процессе генералов», «последнее слово» Примакова не находит объяснения. Или оно (написанное самим подсудимым или следователем) «выбито» бесчеловечными методами, или сфальсифицировано потом, или содержит такой зашифрованный подтекст.

Председательствующий Ульрих явно стремится закончить процесс в тот же день. По ходу дела он не раз призывал обвиняемых говорить короче. В стенограмме заседания зафиксировано всего два перерыва: на 1 час и на 10 минут.

В 21 час 15 минут суд удаляется на совещание, в 23 часа 35 минут оглашает приговор.

А уже утренняя «Правда» от 12 июня 1937 года сообщала:

Сегодня мы публикуем извещение Прокуратуры СССР о предании суду восьми пойманных с поличным шпионов.

В Верховном Суде СССР

Вчера, 11 июня с. г., в зале Верховного Суда Союза ССР Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в составе: председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюриста тов. Ульриха В. В. и членов Присутствия — Зам. Народного Комиссара Обороны СССР, Нач. Воздушных Сил РККА Командарма 2-го ранга тов. Алксниса Я. И., Маршала Советского Союза тов. Буденного С. М., Маршала Советского Союза тов. Блюхера В. К.,

Начальника Генерального штаба РККА Командарма 1-го ранга тов. Шапошников Б. М., Командующего войсками Белорусского военного округа Командарма 1-го ранга тов. Белова И. П., Командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 2-го ранга Дыбенко П. Е., Командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2-го ранга тов. Каширина Н. Д. и командира 6-го Кавалерийского Казачьего Корпуса им. т. Сталина комдива тов. Горячева Е. И. в закрытом судебном заседании рассмотрело в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, дело Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путны В. К. по обвинению в преступлениях, предусмотренных по ст. ст. 58.16, 58.8 и 58.14 УК РСФСР.

По оглашении обвинительного заключения на вопрос председательствующего тов. Ульриха, признают ли подсудимые себя виновными в предъявленных им обвинениях, все подсудимые признали себя в указанных выше преступлениях виновными полностью.

Судом установлено, что указанные выше обвиняемые, находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Армии, готовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда Союза ССР всех подсудимых — Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путну В. К. признало виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского М. Н. — звания Маршала Советского Союза и приговорить всех к высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

В 23 часа 35 минут 11 июня Ульрих огласил суровый и несправедливый приговор. Всех восьмерых присудили к расстрелу, лишению всех воинских званий и наград и конфискации всего принадлежащего им имущества.

Расстреляли тут же, в ночь на 12-е. Ульрих предписал провести казнь коменданту Военной коллегии Верховного суда Игнатьеву.

Хотя в приговоре было указано «привести в исполнение немедленно», какое-то время на его подготовку «расстрельной командой», разумеется, было. Поскольку расстреливали их здесь же, в подвале здания, в котором проходил суд, то ни по каким камерам (их просто не могло быть) приговоренных не разводили, а держали, по-видимому, в общем помещении, откуда вводили в подвал поодиночке.

В каком порядке их вводили на смерть? Кто оставался последним?

Как вели себя приговоренные к расстрелу? Прощались ли друг с другом? Высказали ли Примакову свое отношение по поводу его последней речи? Да и какое это имело значение, когда все было предрешено в Кремле?

Думали ли они в эти последние минуты о своей прошедшей жизни? О своих близких?

Вспоминали ли о тех человеческих жертвах, виновниками которых были они сами? Например, Тухачевский — о кровавом подавлении Кронштадтского мятежа, применении отравляющего газа для подавления крестьянского восстания на Тамбовщине, из-за чего он заслужил у потомков посмертное звание «кровавый маршал»... Остальные? Было и им что вспомнить — отягощавшее их совесть и душу.

А судьбы? О чем думали в ту ночь они? Верили ли они в виновность своих товарищей? Могли ли предположить, что и их, кроме Буденного и Шапошникова, ждет та же участь? Отправились ли лично проконтролировать исполнение вынесенного при их участии приговора или спешно разбежались по домам, чтобы заглушить там водкой и коньяком тяжелые мысли о содеянном?

Кто ответит сегодня на эти вопросы? Предлагаю читателям сделать это самим.

Акт о приведении приговора в исполнение подписали Вышинский, Ульрих, Цесарский⁶⁹, Игнатъев и комендант НКВД Блохин⁷⁰. Очевидно, непосредственно расстреливали Тухачевского, Уборевича, Примакова и остальных Игнатъев и Блохин⁷¹.

На XXII съезде партии Хрущев сказал, что *«в момент расстрела Якир воскликнул: «Да здравствует Партия! Да здравствует Сталин!»* Когда Сталину рассказали, как вел себя перед смертью Якир, Сталин выругался в его адрес⁷².

Тела расстрелянных в ту же ночь кремировали в московском крематории.

Лубянская площадь надолго стала роковым местом для Лили Юрьевны. 14 апреля 1930 года выстрел из револьвера на третьем этаже дома в Лубянском проезде, на его северо-восточной стороне, унес жизнь Маяковского. И вот теперь, через семь с лишним лет, 12 июня 1937 года, глухой выстрел в подвале дома на Никольской улице, в ее юго-западной части, унес жизнь Примакова.

В следующем номере «Правды», за 13 июня, было напечатано официальное сообщение:

Вчера, 12 сего июня, приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу: Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путны В. К.

Газеты откликнулись гневными стихами «придворных поэтов», чутко и оперативно прореагировавших на политические события последних дней:

Как безобразен вид врагов, средь нас ходивших!
За матерей нам стыдно, породивших
Столь небывало-гнусных псов!

Гнездо шпионское раскрыто!
Шпионы преданы суду!
Все эти Фельдманы, Якиры, Примаковы,
Все Тухачевские и Путны — подлый сброд!

Демьян Бедный [Парнов. С. 556]

Шпионы и предатели страны
Заслуживают одного: расстрела.
Таков у нас незаблемый закон,
Закон борьбы, закон простой и властный.
Как дважды два, он в кодекс был внесен
И утвержден единогласно.

Беспутных Путн фашистская орда,
Гнусь Тухачевских, Корков и Якиров.

В огромный зал Советского суда
Приведена без масок и мундиров.

И видит мир, что это подлещы
Стариннейшие «ваши благородья»,

Дворянчики, убийцы и лжецы,
Буржуйских свор отвратное отродье.

А. Безыменский [Парнов. С. 558]

Как было принято, судебный процесс над военачальниками получил «единодушное одобрение рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции».

Среди одобрявших были артисты Художественного театра Леонид Леонидов и Николай Хмелев, братья-академики С. И. и Н. И. Вавиловы (одному из них через несколько лет суждена была смерть в тюрьме, а другому — президентство в Академии), писатели, «инженеры человеческих душ», — Александр Фадеев и Всеволод Вишневский, Алексей Толстой и Николай Тихонов, Михаил Шолохов и Леонид Леонов, Александр Се- рафимович и Антон Макаренко.

Коллективное письмо мастеров культуры требовало «расстрела шпионов»: *«Мы вместе с народом в едином порыве говорим, — не дадим жизнь врагам Советского Союза!..»* Правда, авторы писем и телеграмм еще не знали приговора, не знали, что опальные военачальники уже мертвы, но в приговоре не ошиблись [Соколов, 2003. С. 283].

Спустя еще день после сообщения об исполнении приговора был опубликован приказ Ворошилова по армии, в котором говорилось: *«Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и тухачевские, якиры и уборовичи и прочая предательская падаль, лакейски служившая капитализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта»* [Роговин, 1996. С. 402].

Через несколько дней после получения сообщений о процессе Троцкий написал статью «Обезглавление Красной Армии», в которой отмечал, что большинство подсудимых никогда не были связаны с левой оппозицией: в ее рядах до 1928 года были только Примаков и Путна. Он обращал внимание на то, что до процесса советские газеты именовали «троцкистами» только Примакова, Путну и Гамарника, «остальных никто не называл этим страшным именем. От превращения Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана и пр. в троцкистов удерживало не только отсутствие каких бы то ни было внешних зацепок, но и нежелание слишком раздувать силу троцкизма в армии». Лишь в приказе Ворошилова, изданном на следующий день после казни генералов, все они были объявлены троцкистами. «Подлог, как видим, тоже имеет свою логику, — комментировал эти факты Троцкий. — Если генералы, как и троцкисты, служили Германии в целях “восстановления капитализма”, то Германия не могла не объединить их в своих интересах. К тому же “троцкизм” давно уже стал собирательным понятием, которое охватывает все, что подлежит истреблению».

Нелепое и постыдное обвинение генералов в служении гитлеровской Германии, подчеркивал Троцкий, понадобилось Сталину для того, чтобы «оправдать сильно действующими доводами убийство даровитых и самостоятельных людей перед лицом русских рабочих и крестьян. Он рассчитывает на гипнотическое действие тоталитарной прессы и не менее тоталитарного радио». Что же касается сталинского новшества — включения в состав суда крупных военачальников, то это был «дьявольский экзамен на верность. Оставшиеся в живых военачальники отныне закабалены Сталину тем позором, которым он намеренно покрыв их» [Роговин, 1996. С. 403].

В то время как смелый анекдот шепталось на ушко запуганными обывателями четверостишие:

Погиб под пулей
красный конник.
Его убил...
«чекист-дальтоник»

В его героях легко угадывались Примаков и Ежов...

Лиля Юрьевна прочла в газете о расстреле Примакова и других военачальников.

Что же делать? Неужели это конец?

Надо всячески отделить себя от него. Она ведь здесь совсем ни при чем... И, конечно же, прав Николай Иванович: разумеется, она — жена (а теперь — вдова) Маяковского, а не Примакова.

Сохранилось воспоминание двоюродного брата Осипа Максимовича — переводчика и полиглота Осипа Борисовича Румера, который рассказывал в семейном кругу, что он «в Союзе писателей наблюдал, как

в день, когда было объявлено о расстреле Тухачевского, Примакова и других, она (Л. Ю. Брик) танцевала с Васей Катаняном»⁷³. Это должно было выглядеть как демонстративный «танец непричастности» ее к последним событиям и газетным сообщениям.

Что ж, в это можно поверить...

С минуты на минуту за ней могут прийти, учинят обыск, могут найти что-то компрометирующее. Ведь тогда, в августе прошлого года, обыск в московской квартире Бриков и Примакова по каким-то причинам не проводили. Надо срочно почистить весь домашний архив, ликвидировать записи, письма, фотографии, переписать дневники последних лет... И они с Осипом Максимовичем начинают «ревизию и чистку».

Ей попадаетея на глаза «военное имущество» Примакова. Что с ним делать? Тоже уничтожить? А вдруг оно где-то «у них» на учете, либо Примаков упоминал его на допросе? Тогда ее могут обвинить в умышленном уничтожении этого «имущества».

И она лихорадочно пишет заявление наиболее знакомому ей (из оставшихся!) военачальнику:

Начальнику Генерального штаба РККА

Товарищу Б. М. Шапошникову

Прошу прислать доверенное лицо для получения оставшегося у меня военного имущества (карты, книги, патроны) В. М. Примакова.

О дне и часе прошу позвонить мне по телефону Г-1-39-10.

Л. Брик

Москва. 14.06.37⁷⁴

Через несколько дней ей звонят из Генерального штаба, появляется «доверенное лицо» и забирает злополучное имущество. Все спокойно, вежливо... Как это понять?

Осип Максимович, удрученный ее смятением, дарит Лиле Юрьевне симпатичный альбом-дневник с дарственной надписью:

Помни и люби, —

Киса моя! —

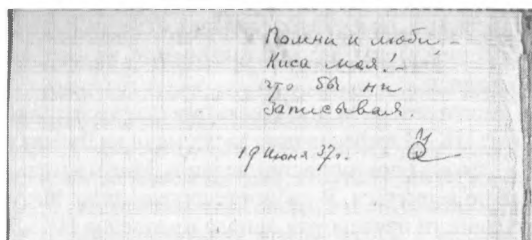
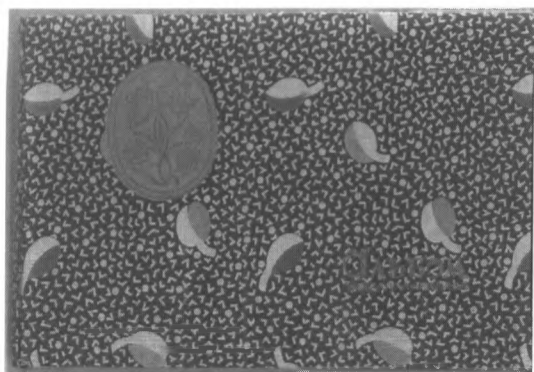
что бы ни

записывая.

19 июня 37 г. (Кэт)⁷⁵

Что же имел в виду «мудрый Ося»? К каким записям призывал? Может быть, это должен был быть «путевой дневник» при отправке Лили Юрьевны в ссылку в Астрахань или в Акмолинский лагерь жен изменников родины (АЛЖИР), куда отправлялись остальные опальные жены? Нет, Боже упаси! Он имел в виду только то, что со смертью Примакова закончился еще один из периодов ее жизни и неизбежно наступит другой, и не надо унывать — жизнь (их жизнь!) продолжится.

И Ося, как всегда, оказался прав.

Обложка и титульный лист альбома с дарственной надписью О. М. Брика — Л. Ю. Брик (19 июня 1937 г.). Из собрания автора

ЛЕТО В ЗЕНИТЕ

Итак, восемь крупнейших и талантливейших военачальников пали под выстрелами (в затылок?!) палачей из НКВД.

А как же сложилась судьба их жен и детей?

На эту тему имеется ряд материалов, но, пожалуй, наиболее яркий из них — воспоминания вдовы «врага народа» Н. И. Бухарина — Анны Михайловны Лариной, которую судьба свела летом 1937 года с семьями расстрелянных военачальников. Ее воспоминания выстроены хронологически и представляют собой своеобразный дневник.

Лиля Брик осталась на свободе⁷⁶, и мы проследим ее судьбу по сохранившимся письмам второй половины 1937 года, наложив их на дневник А. М. Лариной-Бухариной. Ведь если бы не удивительный поворот в жизни Л. Ю., на котором мы еще остановимся, она тоже была бы «там» — вместе с остальными.

Из воспоминаний А. М. Лариной-Бухариной:

Мы жили в Доме правительства у Каменного моста... Нас переселили туда из Кремля спустя два месяца после ареста Н. И. в очередную освободившуюся все по той же причине квартиру... В июне 1937 года, то есть через три месяца после ареста Н. И., однажды ...раздался звонок в дверь... Вошел человек в форме НКВД, с кожаной сумкой в руке... У меня тряслись от волнения руки, когда я протянула паспорт. Он положил мой документ

в сумку (больше я его не видела) и вытащил небольшую бумажку — первое постановление обо мне, подписанное Ежовым.

Мне предложено было выехать в один из пяти городов — по моему выбору: Актюбинск, Акмолинск, Астрахань, Семипалатинск, Оренбург. Срок оговорен не был (решение о пятилетней ссылке было прислано потом).

Поезжайте в Астрахань, — посоветовал мне сотрудник НКВД, — там Волга, там рыба, фрукты, арбузы — великолепный город.

— Никуда не поеду, — заявила я уверенным тоном, — ни в Семипалатинск, ни в Астрахань. Дело Бухарина еще не решено, и вы не имеете права применять ко мне репрессивные меры...

...Мне было предложено расписаться в том, что я ознакомилась с решением о моей ссылке. Я это сделала, а на обороте документа написала, что в ссылку ехать отказываюсь и изложила причины.

Два дня меня никто не тревожил, но я уже готовилась к отъезду, правда, скорее психологически, ибо вещей у меня было настолько мало, что особого времени на сборы не требовалось...

...Дня через два около десяти вечера за мной была прислана шикарная черная машина, и сотрудник НКВД любезно пригласил меня на Лубянку. «Ненадолго, ненадолго», — дважды повторил пришедший. Мне и в голову не приходило, что я могла не вернуться. В кабинете сидели двое: Матусов (кажется, он был в должности начальника одного из отделов НКВД) и Фриновский — заместитель Ежова.

— Что вы бунтуете, Анна Михайловна, разве вы не понимаете, что с нами шутки плохи, — сказал Матусов. — В ссылке вам будет обеспечена забота, работа и квартира. По отношению к вам эта мера кратковременна, и вы будете скоро возвращены.

— Ну, а если вы хотите избежать ссылки, — добавил Фриновский, — надо «сжечь все мосты».

— Что вы этим хотите сказать? — насторожилась я.

— Это означает, — пояснил Фриновский, — отречение от Бухарина как от врага народа, опубликованное в печати.

— Вы сделали мне подлое предложение, вы оскорбили меня, — вскрикнула я, — лучше Астрахань!

И возмущившее меня предложение Фриновского больше не обсуждалось. Я просила дать мне перед отъездом свидание с Н. И. Я знала, что больше никогда его не увижу, и мне хотелось проститься с ним. Но, ссылаясь на то, что Н. И. подследственный, мои собеседники мне в этом отказали.

— Но раз подследственный, — заметила я, — то никто до окончания следствия и суда не имеет права называть его врагом народа.

Оба промолчали, но пообещали, что после окончания следствия меня вызовут из ссылки для свидания с Н. И. Я, конечно, понимала, что они лгут.

Через несколько дней приехал сотрудник НКВД, чтобы отправить меня в Астрахань. Была прислана не только легковая машина, но и грузовая, как мне объяснили, для перевозки имущества... [Ларина. С. 152–154].

...Я встретилась с семьей Тухачевского в самые трагические для нее дни, в поезде Москва — Астрахань, 11 июня 1937 года по пути в ссылку. Меня

довез на машине до вокзала и посадил в вагон (бесплатный, зато бесплатный) сотрудник НКВД, нарочито вежливо распрощавшийся со мной и как будто в насмешку пожелавший всего хорошего. По дороге на станциях выходили из вагонов пассажиры и хватали газеты с сенсационными известиями. В них сообщалось, что «Военная Коллегия Верховного Суда СССР на закрытом судебном заседании рассмотрела...», что «все обвиняемые признали себя виновными» и «приговор приведен в исполнение». В тот день погибли крупнейшие военачальники — Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Путна, Примаков. Начальник Политуправления Красной Армии Я. Б. Гамарник 31 мая 1937 года покончил жизнь самоубийством... [Ларина. С. 25].

В заговоре против Советского государства, в связь с Гитлером поверить я никак не могла. Но так как репрессии достигли таких масштабов, что превращались уже во всенародное бедствие, я приписала расстрелянным военным благородную миссию: они, подумала я, решили убрать Сталина, чтобы прекратить репрессии. И провалились. И позже, в сентябре 1939 года, во внутренней тюрьме на Лубянке один из следственных работников Матусов сказал мне:

— Вы же думали, что Якир и Тухачевский спасли бы вашего Бухарина? А мы работаем хорошо. Поэтому это не удалось!

И хотя такого заговора, то есть против Сталина, по-видимому, не было, Сталин его боялся, в этом и есть, с моей точки зрения, причина гибели наших военных руководителей... [Там же. С. 27–28].

Из прошедших по военному процессу я была знакома с Тухачевским, Якиром, Корком и Уборевичем. От этого было еще больней. А поезд мчал меня в незнакомую Астрахань, с каждой минутой отдаляя от родной Москвы, от годовалого сына. Я чувствовала себя одинокой среди посторонних людей, не понимавших моей трагедии. И вдруг у противоположного окна я заметила старуху и женщину лет тридцати пяти, а с ними девочку-подростка... Так я познакомилась с семьей Тухачевского: его матерью Маврой Петровной, женой Ниной Евгеньевной и дочерью Светланой⁷⁷.

Но видела я Мавру Петровну и плачущей. Она пришла ко мне уже в Астрахани, после ареста жены Тухачевского — Нины Евгеньевны. Я и жена Якира почему-то были арестованы двумя неделями позже...

Тогда она еще не знала, да, может, никогда и не узнала, что еще два сына — Александр и Николай⁷⁸ — тоже расстреляны только потому, что родила их та же Мавра, что и Михаила. Тогда она еще не знала, что и дочери ее были арестованы и осуждены на восемь лет лагерей. С двумя, Ольгой Николаевной и Марией Николаевной, я была в томском лагере. Третья сестра Михаила Николаевича, Софья Николаевна, тоже была репрессирована, выслана из Москвы и бесследно исчезла. Да и четвертой сестре, Елизавете Николаевне, пришлось пережить не меньше⁷⁹. Умерла Мавра Петровна в ссылке... [Там же. С. 30–31].

Жена и четырнадцатилетний сын И. Э. Якира были травмированы вдвойне: мало того, что между арестом и расстрелом Якира прошли лишь считанные дни, — срок, за который человеческий разум не в состоянии

осмыслить случившееся, у Якиров к этой трагедии добавилась еще и вторая. Незадолго до их приезда в Астрахань в газете «Правда» было опубликовано отречение жены Якира от него как от врага народа, к которому, по ее словам, она отношения не имела, и это причиняло и матери, и сыну невыносимую боль⁸⁰. Со мной такой злой шутки не сыграли. Но то, что мне предложено было так поступить по отношению к Н. И., говорит о том, что в органах НКВД такая форма отречения жен от видных и ранее популярных деятелей была продумана. Полагаю, тот же Фриновский, если не по собственной инициативе, то по указанию Сталина, это мог сделать без разрешения жены Якира. Возможно же, отречением она пыталась спасти сына. Но в то же время я, видевшая переживания Сарры Лазаревны, ни на минуту не усомнилась, что ее «отречение» было фальшивкой.

...Мне вспомнился еще один оскорбительный для Сарры Лазаревны эпизод, после которого она долго не могла прийти в себя. Уже во время войны, зимой 1942 года, нас этапом отправляли из Яйского лагеря в каторжный лагерь Искитим... Один из конвоиров, украинец, подошел к жене Якира и сказал: «Что, Якир, не помогло тебе отречение, все равно сидишь, сука ты, а не жена!».

Возможно, уважение к Ионе Эммануиловичу внушил конвоиру его отец, воевавший под командованием Якира, или тот конвойный сам помнил прежнее отношение к Якиру и не очень верил в его причастность к преступлениям, а может быть, по своим нравственным принципам отречение от мужа в любом случае он счел поступком неблагоприятным — разгадать было невозможно [Ларина. С. 158—159].

Петя [Якир. — А. В.] был красивым мальчиком. Его темные, совсем еще детские глаза выражали страдание. Он оглядывался по сторонам, старался найти знакомых ему детей той же судьбы и примерно такого же возраста. Он увидел дочерей Уборевича, Гамарника, Тухачевского; затем сел на свободную койку и громко сказал:

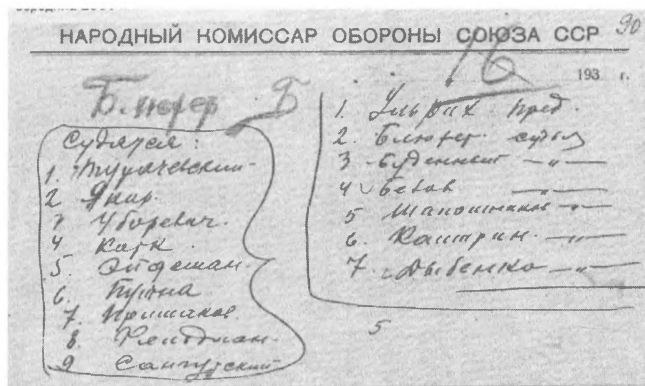
— А мой папа ни в чем не виновен, и вообще все это выдумки, ерунда, вздор!

— Петя, перестань, молчи! — испуганно оборвала его мать.

Он бросил испытующий взгляд на окружающих, царило безмолвие, только у сидящей рядом со мной Нины Владимировны Уборевич (жены командарма) загорелись глаза, и она произнесла: «Молодец, мальчонка!» Свою дочку Мирочку мать щадила и не говорила, что отец расстрелян. Об этом сообщил ей тот же Петя; от этого мальчика скрыть ничего нельзя было. Петя был единственным ребенком, который громко заявил о непричастности своего отца к преступлениям, и, я думаю, единственным из детей, который это до конца понимал и был убежден в невинности остальных обвиняемых, и не только военных.

И если действительно верно, что Иона Эммануилович перед расстрелом крикнул: «Да здравствует Сталин!», то его четырнадцатилетний сын уже тогда Сталина считал Главным убийцей⁸¹ [Там же. С. 158—159].

Затем — Астрахань. Как отчетливо предстала она перед моими глазами! Я попала туда буквально через день после окончания суда над высшим

Листок из блокнота К. Ворошилова (начало июня 1937 г.)

командным составом армии: Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком и другими.

Город оживленный и удивленный, потрясенный и безразличный ко всему происходящему; душный, пыльный, весь в цветении белой акации. Мы — местная сенсация, на нас показывали пальцами. Слухи о том, что прибыли семьи ранее прославленных полководцев, в те дни заклеянных изменниками Родины, шли от самих сотрудников НКВД и их жен, от местных жителей, у которых мы поселились... Газеты расхватывали ранним утром с молниеносной быстротой, их не хватало, ибо круг читателей в те дни стал много шире. Бухарин не был тогда «гвоздем программы», я еще ждала. Склоняли имена военных, осужденных по закрытому процессу. Их жены и дети, подавленные и полубезумные, ходили по центральной улице (там же, на улице Ленина, находилось здание астраханского НКВД), похожие на погорельцев, жадно прислушиваясь к тому, что вещал бездушный громкоговоритель («Стерты с лица земли шпионы, предатели, изменники, хотевшие...» и т. д.; репродукторы периодически повторяли одно и то же, около них собирались толпы народа...) и старались увести детей подальше от людской толчеи.

В Астрахани не оказалось ни работы, ни квартиры, обещанных в Москве. Всех нас свела судьба под одной крышей в «заезжей», где мы жили первые дни ссылки в двух смежных комнатах, густо заставленных койками... [Ларина. С. 155–156].

В Астрахани я жила довольно уединенно, лишь два раза забегала к Нине Владимировне Уборевич. Она настойчиво приглашала меня к себе, нас связывали воспоминания об Иерониме Петровиче, с которым я была знакома. Благодаря своей неукротимой энергии Нина Владимировна добилась получения казенной квартиры — двух комнат в старом полуразрушенном деревянном доме — и сумела эту квартиру отремонтировать. Нина Владимировна привезла с собой кое-какую обстановку, и у нее было по-домашнему уютно.

Б. М. Шапошников с женой Марией Александровной и сыном Игорем (1936 г.)

С остальными ссыльными я встречалась от случая к случаю, раз в десять дней, когда мы приходили отмечать свой документ, выданный взамен паспорта [Ларина. С. 159].

А в Москве обе семьи Примакова с ужасом ощущали нависшую над ними опасность, ожидая, казалось бы, неизбежного ареста и высылки.

Мария Ароновна с сыном Юрой решила укрыться от органов, сменив местожительство: из благоустроенной квартиры на Таганке они с помощью друзей спешно перебрались в барак на окраине. И не то чтобы они надеялись затеряться в Москве (при всеобщей и обязательной прописке на это нечего было и рассчитывать), но хотелось в первую очередь укрыться от бдительности прежних соседей, знавших об их родстве с «врагом народа» Примаковым, а новые соседи не должны были связывать с ним фамилию подселившейся соседки — Довжик.

Но органы их почему-то не разыскивали. Может быть, оставленные «врагом народа» семьи репрессиям не подлежали? Нет же. Известно, например, что все три жены маршала В. Блюхера, в том числе две бывшие, также подверглись аресту и были расстреляны.

Нервничала и не находила себе места и Лиля Юрьевна. У нее информации, конечно, было больше, чем у Марии Ароновны. «Брали» многих, круг сужался. Успокаивали ее, как могли, и Осип Максимович и Василий Абгарович. Это сопереживание и постоянное присутствие

Б. М. Шапошников на докладе у И. В. Сталина. С. М. Буденный и Б. М. Шапошников, «последние из могикан»

Василия Абгаровича сблизило их (и, похоже, не только духовно), что дало ему повод написать уже после смерти Лили Юрьевны их близкому знакомому Гарегину Владимировичу Бебутову: *«Мы прожили вместе сорок один год и двадцать пять дней — с 9 июля 1937 года»*⁸². Но территориально это событие до поры до времени никаких последствий не имело: Василий Абгарович продолжал жить с женой и сыном, а Лилия Юрьевна с Осипом Максимовичем.

Аресты продолжались. Из Ленинграда позвонила Луэлла и плача рассказала, что 16 июля в Москве арестовали ее отца, Александра Михайловича Краснощекова... 26 июля арестовали находившегося на обследовании в кремлевской больнице Сергея Михайловича Третьякова. В необъятных жутких недрах Лубянки растворились Бруно Ясенский, Борис Кушнер, Иван Михайлович Беспалов.

Арестовали даже Яню, всемогущего Якова Сауловича Агранова, и его жену — Валентину Александровну! А их единственную дочку Элю увезли в детский дом.

Об этом Лиле Юрьевне рассказала по телефону плачущая домработница Аграновых, которую уже выселили из опечатанной после ареста хозяев и обыска квартиры № 2 в доме № 9 на улице Мархлевского на Лубянке.

В отличие от Тухачевского, Агранову отпустили больший срок «провинциальной деятельности», целых два месяца. Может быть, московские

органы просто находились «в запарке» от развернувшейся кампании арестов в самой Москве и просто некого было послать в далекий Саратов для ареста Якова Сауловича.

Он же, появившись в Саратове, развил бурную деятельность и проявил завидное усердие по массовому выявлению в глухой провинции «врагов народа» «среди руководящих партийных и советских работников и других советских граждан», может быть, думая этим восстановить к себе доверие высоких московских начальников?

И вот его вызвали «по мелкому делу» в наркомат, в Москву, куда он приехал 16 июля. Спустя четыре дня его вместе с женой арестовали в квартире, где в апреле был взят под стражу его сосед Г. Ягода.

Арестовали и Валерия Михайловича Горожанина!

Как же так? Яня и Валерий Михайлович — и вдруг «враги народа»? — неотступная мысль сверлила мозг Лили Юрьевны. Что же будет дальше?

А через месяц, 14 августа, в подвалах Лубянки будет расстрелян еще один близкий знакомый Лили Юрьевны, чекист Заря Волович⁸³, и уж совсем бесследно исчезнет где-то там же его жена и коллега — красавица Фанни.

В те же дни, 15 августа, были арестованы мать Виталия Марковича, Вера Николаевна Примакова, и его брат — Григорий Маркович.

По Москве поползли слухи об аресте жены маршала Буденного — оперной певицы Большого театра Ольги Стефановны Михайловой-Буденной⁸⁴, с которой Лиля Юрьевна была знакома. Подумать только! Жenu самого Семена Михайловича, который входил в состав Судебной коллегии, когда судили Примакова и других «врагов народа». Сталин тогда же проявил к нему благосклонность, только в июне назначив командующим войсками Московского военного округа. А вот жену его взяли...

Что делать?!

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Нервничал всегда спокойный и уравновешенный Осип Максимович.

Приходил и всячески утешал и приободрял Вася-старший.

Что делать? Куда укрыться?

Но, кажется, мудрый Ося нашел-таки выход: надо им всем уехать из Москвы, хотя бы на месяц, а за это время, может быть, как-то все утрясется.

На «семейном совете» решили традиционно ехать на отдых на море — как раз бархатный сезон.

Ося достал в Литфонде путевки (но только две!) в Дом творчества — в Коктебель, и они с Женей засобирались в путь⁸⁵.

Васе Катаняну обещали путевку (но, может быть, — тоже две!) туда же или в Ялту, и, как только он получит их, они с Лилей Юрьевной тоже тут же уедут из Москвы. Вася в роли «нештатного литсекретаря», что ли.

Договорились чуть не ежедневно писать друг другу — не важно о чем, о чем угодно, но чтобы информировать, что пока все в порядке.

И вот они, эти письма-телеграммы, обжигающие руки, как фронтовые донесения.

(246) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Москва, 1 сентября 1937 г.)⁸⁶
УСТРОИЛИСЬ ХОРОШО ОЧЕНЬ ЖАРКО КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=
[Телеграмма]

(247) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Коктебель — Москва, 1 сентября 1937 г.)⁸⁷

УСТРОИЛИСЬ ПРЕКРАСНО КРЕПКО ЦЕЛУЕМ =ОСЯ ЖЕНЯ=
[Срочная телеграмма]

(248) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Москва, 2 сентября 1937 г.)⁸⁸

Дорогая любимая Киска!

Устроились мы вполне прилично. Хорошенькая комнатка с видом на море. Кормят здесь обильно. Есть из чего выбирать. Я ем мало и мне, поэтому, вполне хватает. Но, вообще говоря, хозяйка жалуется, что овощей нет совсем и фруктов очень мало. Покупаем виноград на рынке, — но его что-то очень мало, а поэтому даже очереди.

Народу здесь много и ждут еще больше. Из знакомых: Буров⁸⁹ с женой, Всеволод Иванов с женой и детьми⁹⁰, Уткин, Евгений Тагер с женой⁹¹, «Леля» Поволоцкая⁹², поэты Сергей Васильев, Сергей Островой, потом — Бродский с женой⁹³, Шпанов⁹⁴ с женой и т. д., и т. п. Ожидаются Адельгеймы⁹⁵, Павленко⁹⁶, Борис Левин⁹⁷ и еще разные.

Стало сложнее с автобусами из Феодосии. Приходится дожидаться. Мы приехали в 6 час. утра (поезд опоздал на час) и ждали до 1 часа 30 мин. Взяли номер в гостинице «Астория» и там приводили себя слегка в порядок.

При автобусах имеется 1 такси. Если оно свободно, имеет полный смысл его взять. Вообще, нужно запастись терпением и не спешить. Насчет комнаты для вас ничего сказать нельзя, потому что неизвестно, что будет свободно к вашему приезду, но комнаты здесь все симпатичные.

Ждем вас⁹⁸. Крепко целую.

Ося.

(249) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Москва, 2 сентября 1937 г.)⁹⁹
ПОГОДА ПРЕКРАСНАЯ ЕДА ХОРОШАЯ КОМНАТЫ ПРИЛИЧНЫЕ
ПРИЕЗЖАЙТЕ ПРИВЕЗИТЕ ЧАЙ ШОКОЛАД
ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=
[Телеграмма]

(250) Л. Брик — О. Брику (Москва — Коктебель, 2 сентября 1937 г.)¹⁰⁰
ПУТЕВКИ БИЛЕТЫ ПОЛУЧЕНЫ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=
[Телеграмма]

В. А. Катанян (1930-е гг.)

(251) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 3 сентября 1937 г.)¹⁰¹

ОТЛИЧНО ДОЕХАЛА ЧУДЕСНАЯ КОМНАТА ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ
НАСТРОЕНИЕ МОЙ АДРЕС ГОСТИНИЦА ЛЕНИНГРАД ИНТУРИСТ
УЛИЦА ЛЕНИНА 8 ЖДУ ПОДРОБНОГО ПИСЬМА КРЕПКО ЛЮБЛЮ
ЦЕЛЮЮ =ЛИЛИЯ=

[Телеграмма]

(252) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик, В. Катаняну (Коктебель — Ялта,
3 сентября 1937 г.)¹⁰²

Ау!! Ждем новостей! Как вы? Что вы? Где вы? Целуем. Ося, Женя.

[Открытка]

(253) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 3 сентября 1937 г.)¹⁰³

Дорогая, любимая, золотая Киска!

Твоя телеграмма ужасно меня обрадовала, — особенно, что у тебя настроенье замечательное. Напиши про все подробно.

У нас здесь чудно, — не первоклассно, но вполне прилично. Комната хорошая, с чудным видом на море и на горы. Постели удобные. Мебелишка достаточная. Плохо, что уборные не в доме, а на дворе и грязноватые. Но это, в общем, пустяк.

Кормят хорошо — вкусно.

Публики очень мало, но среди них много знакомых: Женя Пастернак¹⁰⁴, поэт Фефер¹⁰⁵, философ Асмус¹⁰⁶, киевляне — Адельгейм и Каминская, с которыми я познакомился этим летом, и еще кое-кто. Но нас это не касается, — мы гуляем сами по себе.

Природа здесь замечательная. Похожа на Азию. Голые горы, по которым очень приятно гулять, потому что абсолютная тишина и изумительные виды во все стороны.

Распорядок дня примерно таков: встаем в 8 часов, идем на базар покупать виноград. Уже ели «мускат» и «изабеллу». Ужасно вкусно. В 9 часов завтрак (чай или какао). Потом Женя идет на пляж лежать и купаться. А я хожу в трусиках и еще купаться не решаюсь. В 2 часа обед. После обеда — спать. В 5 часов чай. После чая гуляем до ужина. В 8 часов ужин. После ужина — то-се и немножко гулять. В 11 часов спать.

Еда обыкновенная, вкусная. Очень вкусна рыба жареная.

Вот все, что могу пока сообщить. Настроенье прекрасное — сонное. Хочется есть, гулять и спать — больше ничего.

Погода все время замечательная. Солнце, но ветер, — потому не жарко.

Целую тебя, Кисик, очень крепко и жду подробного письма.

Женя тебя очень крепко целует.

И я еще раз.

Твой (Кэт — рис.)

(254) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 5 сентября 1937 г.)¹⁰⁷

От Оси и Жени

[Открытка «Привет из Крыма»]

Что происходило в это время «снаружи», узнаем из воспоминаний А. М. Лариной-Бухариной:

5 сентября — зловещая дата в жизни астраханских ссыльных. О том, что все ссыльные жены арестованы, рассказал мне пришедший с работы хозяин квартиры. Он сразу же предложил мне подыскать другую комнату. Ему не очень-то хотелось, чтобы эти, как он выразился, «энкавэдэшники» вторгались к нему в дом и производили обыск.

Я была взволнована его страшным сообщением и тотчас же побежала к Нине Владимировне Уборевич, чтобы проверить, не ложные ли эти слухи, ее адрес был единственный, который я знала.

Дверь открыл незнакомый молодой человек. Это оказался брат Нины Владимировны Слава, приехавший в Астрахань, чтобы помочь сестре. Слухи подтвердились, жена Уборевича была арестована. И действительно, кроме меня, из ссыльных жен оставалась на свободе только жена Якира.

Слава с горечью рассказывал, что дочку Уборевичей, двенадцатилетнюю Мирочку, не оставили ему, несмотря на настоятельную просьбу. Ее, как и остальных детей арестованных, отправили в астраханский детский приемник. В дальнейшем они находились в детском доме, кажется, где-то на Урале. Затем, когда подросли, были арестованы и они [Ларина. С. 160].

(255) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 6 сентября 1937 г.)¹⁰⁸

ОЧЕНЬ БЕСПОКОЮСЬ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЦЕЛУЮ =ЛИЛЯ=

[Телеграмма]

(256) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 7 сентября 1937 г.)¹⁰⁹
 НАПИСАЛ ВСЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=
 [Телеграмма]

(257) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 7 сентября 1937 г.)¹¹⁰
 Дорогая, золотая Киса!

Получил твою телеграмму от 6-го о том, что ты беспокоишься, — и тут же ответил тебе телеграфно.

Напрасно ты беспокоишься.

Мы живем тихо, мирно. И если что случится, немедленно дадим тебе знать.

Почта работает здесь отвратительно. Твою телеграмму, например, я получил 7-го вечером, т. е. через сутки. Письма идут и того дольше, разумеется. По всему, по этому не беспокойся, если новости будут запаздывать.

А, между прочим, сама ты ничего еще мне не написала, и я очень жду твоего письма.

Новостей, сама понимаешь, здесь никаких нет и быть не может.

Мы много спим, но, кажется, не толстеем. Я, наоборот, ощущаю какую-то легкость в теле, как бы от похуденья.

Погоды чудные. Лежим голые на пляже и собираем камешки. Собиранье камешек здесь местная мания. И действительно, камешки очень красивые и их интересно собирать, как ягоды или как грибы.

Ездили на катере к скалам вулкана Карадаг. Это очень красиво. Особенно хороши бухты — Львиная, Сердоликовая, Разбойная и др.

Львиная бухта названа так потому, что у входа лежит скала, очень похожая на льва. Тут же, в воде, арка каменная, именуемая «Золотые ворота». Все это, действительно, очень красиво и «причудливо», как сказано в путеводителе.

Один день был дождливый, но не очень. «Дождь покапал и прошел»¹¹¹, а теперь опять солнце.

Кисик, напиши подробно про Ялту. Очень хочется знать, как ты там живешь.

Целую тебя и люблю тебя очень крепко.

Твой (Кэт — рис.)

Женя целует тебя. И Васю.

И я Васю тоже.

Вот уже «Васе» передают поцелуи, как раньше «Володе», а потом «Вит. Марк.», значит, его приняли в «семью».

(258) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 7 сентября 1937 г.)¹¹²

Мой самый любименький, сладенький солнышкин Кислит!

Не писала тебе все эти дни, оттого что ждала твоего письма, а письмо от тебя, оказывается, доходит на 4-ый день!! Безобразие!

В поезде доехали очень хорошо и незаметно. В Севастополе взяли за 150 р. «Линкольн» и чудесно доехали до Ялты — шоссе идеальное, пыли никакой, два раза останавливались отдохнуть.

О. М. Брик и Е. Г. Соколова (1930-е гг.)

Здесь сразу получила большую чистую комнату (за 32 р. в сутки) с ванной и уборной с белой какальной бумагой, и балконом на самое море. Море так близко, что в тихую погоду видны камушки на дне.

В день приезда мне показалось, что я в раю, так все это хорошо и так не похоже на Москву.

Распорядка у меня пока никакого. Ем исключительно шашлыки и чебуреки; кроме того, пожираю виноград и инжир, за которым утром хожу на базар. Сегодня первый раз купалась в море: пляж крошечный и усеян людьми, тк что утром купаться немислимо, решила купаться в 5 ч. дня. Сегодня было приятно, хотя дно все в камнях и сразу очень глубоко, тк что приходится плескаться на самом бережку, но все-таки хорошо!

Знакомые — только в писательском доме: был Алымов, уехал сегодня, Швейцер (пессимист), Мунблит, Голодный, Бескин (Манон), Джевеле-лов; из незнакомых — Глоба, Алперс¹¹³ и т. п. Видела на улице братьев Васильевых¹¹⁴.

В Доме писателей мне, было, предложили питаться, и я там один раз вчера обедала, но сегодня заведующий сказал Васе, что пришло распоряжение из Москвы, чтобы посторонних в Доме отдыха не кормить. Брежня, конечно! Это кто-нибудь проявил бдительность по отношению ко мне, и заведующий испугался. Я себя выругала, — *не надо было соваться!* [выделено мной. — А. В.].

Вася абсолютно внимательный — у себя только завтракает утром, а все остальное время со мной, и роз у меня уйма. Мы с ним веселимся, как умеем. Сегодня смотрели кукольный театр Образцова, вчера не достали, слава Богу, билетов на оперетку «Любовь моряка».

Играем на балконе в кункен¹¹⁵. Я его ужасно обыграла. Сегодня работали такой распорядок: утром я медленно одеваюсь, пью кофе и иду гулять одна — куда придется; к часу приходит Вася, и в половине второго мы с ним обедаем; после обеда играем на балконе в кункен или спим; в 4 ч. идем купаться; в 6 ч. возвращаемся в гостиницу; от 7–8 ч. ужинаем, в 11 ч. Вася уходит.

На большие прогулки, а тем более, на автомобильные экскурсии, совсем нет пока энергии.

Как вы доехали до Коктебеля? Удобно ли? Что вы ели? Петр Петрович¹¹⁶ звонил мне, что вы поехали без вагон-ресторана.

Как ты себя чувствуешь, мое Солнышко? Как Женя? Как ваши животы-кишки и изжоги? Как Женины нервы?

Я купила себе в здешнем комиссионном магазине очень красивенькую бархатную кацавейку за сто рублей.

Москиты кусаются очень больно, но их не очень много. А у вас?

Тебе бы здесь очень понравилось. Ты не уходил бы с балкона: внизу народ гуляет, а на море непрерывное движение: то пароход большой, то совсем невиданные бензи¹¹⁷ с пропеллерами, которые невозможно шумят.

Кислит, мой единственный! Очень длинное получилось письмо.

На моем ночном столике стоит твоя фотографийка в рамочке.

Я тебе ужасно люблю!

Целую тебя, мой родненький. Поцелуй Женю

Твоя (Киса — рис.)

(259) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 8 сентября 1937 г.)¹¹⁸
(окончание письма, начало не сохранилось)

Проснулась не по программе — в 10 ч. Сейчас только половина одиннадцатого, а я только успела выпить кофе (замечательное) в постели, на раскладном столике, который взяла с собой из Москвы, и прочесть «Правду» за 5-е число. Сейчас буду мыться в ванне; сидеть в ней нельзя, потому что вода идет не очень теплая, а lauwarm¹¹⁹.

Только что отошел огромный пароходище; очень слепило солнце, и я не могла прочесть, кк его зовут. Думаю, что «Грузия».

Вчера получила твою телеграмму.

В Москве выиграла 30 р. по осовиахимовскому займу.

Сказала соседям¹²⁰, что мы уезжаем, они очень любезно сказали, чтобы мы не беспокоились, что будут посматривать.

Целую, целую, целую. (Кис — рис.)

(260) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 10 сентября 1937 г.)¹²¹

Любимый Кисик!

В эти ворота* мы въезжали. Я тебе про них писал¹²². Завтра напишу большое письмо. Твое большое получил¹²³. Очень тебя целую.

Твой (Кэт — рис.)

[*Открытка «Золотые ворота в Коктебеле»]

(261) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 11 сентября 1937 г.)¹²⁴

Дорогая, золотенькая Киска!

Собирался писать тебе большое письмо, а писать-то нечего. День за днем такие одинакие, что ничего не запоминается.

Распорядок дня все тот же. Гуляем не очень много, — и поэтому не худеем, а даже, наоборот, чуть-чуть прибавили. Женя — 650 гр., а я — 500 гр. Но мы еще спустим!

Всякие животы, кишки и изжоги понемногу налаживаются, но не совсем, потому что уборные плохие и нельзя покакать в полную силу.

Погоды все время очень хорошие, и настроения, поэтому, тоже хорошие, — и вообще нервы отдыхают.

Знакомства самые поверхностные, хотя есть милые люди — Адельгеймы из Киева, о которых я тебе писал и фото коих посылаю совместно с нашим фото¹²⁵. Она — Нина Каминская, чтица Володиных стихов в Киеве.

Занятно, как все, просто наизусть, знают Володиных стихи. На пляже лежишь и ежеминутно, по тому или иному поводу, слышишь цитату из Володи. И не только из популярных его стихов, а из всяких, даже из до-революционных.

Мы ездили целой экскурсией в Судак. Это очень интересно. Красивая дорога. А в Судак есть Генуэзская крепость (развалины) с 1380-х годов.

Еда здесь — так себе. Но дают много разного, — так что можно выбирать. Виноград мы еще едим, но он уже слегка надоел.

Начали, было, собирать камушки, но бросили — скучно.

Здесь очень много собак всевозможных дворняжьих пород и разного возраста. Зовут их Тота, Мота, Кандибобер и пр. Также много мелких, сухих, длинных кошек. Ходят еще свиньи и поросята! Все это зверье очень ласковое и дико попрошайничает, извиваясь и ластетсяя.

Я тебе, Кисик, очень нежно и крепко целую.

Не забывай меня и пиши.

Твой (Кэт — рис.)

Васю поцелуй.

(262) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 12 сентября 1937 г.)¹²⁶

Мой единственный Кэс!

Я твое второе письмо получила, а ты мое первое?

У вас никаких событий, а у меня — масса!

Во-первых, кончилось мое счастье с ванной и уборной, которые, оказывается, — Лух! Приехали интуристы и меня перевели в такую же комнату, но без ванны.

Во-вторых, *в Дом отдыха писателей пришла из Москвы телеграмма о том, чтобы меня кормили и поили, так что заведующий смущен и посрамлен, но я гордая — и от всего отказалась* [выделено мной. — А. В.], тем более, что кормят там дорого, ходить туда и высоко, и далеко, и не дают чебуреков, к которым я уже привыкла и которых полюбила от души.

В-третьих, третьего дня на крыльях ревности сюда прилетела (буквально) Галя¹²⁷!! Делается все для того, чтобы ее успокоить, и завтра или

послезавтра она уезжает. Подробностей еще не знаю, тк кк не видела Васю одного. Вчера все вместе очень веселились — ели шашлыки, пирожные и смотрели Розу-Марию¹²⁸.

Со мной, слава те Господи, никаких разговоров, но у Васьки вид измученный, а у Гали — предприимчивый. Видно, был ба-а-альшой между собойчик!

Третьего дня смотрела в одиночестве «Любовь моряка»¹²⁹ — кошмар! Два раза прибежал Вася, весь в мыле, — он встречал Галю.

Так вот, детки, какая картина...

Увлекаюсь купаньем. Вчера был очень сильный прибой и на пляже надпись «Шторм! Купаться запрещается. Опасно для жизни». Я пошла на женский пляж и, все-таки, выкупалась на самом бережку. Одна волна меня потащила, и я ободрала бок в кровь об камушки.

Вот и вся моя бурная, полная приключений, жизнь.

На-днях, здесь была воздушная тревога, и всю ночь не горел свет¹³⁰, и Вася боялся идти домой в темноте и просился ко мне ночевать, но мне очень не хотелось, и его проводил до дому дворник. Все это было ужасно смешно, что, когда они ушли, я лежала одна в темноте, и у меня за ушами болело от смеха. Купаться Вася тоже немножко боится, — дно неровное, и он боится упасть, — стоит, качается, и я держу его за ручку.

А я читаю Джека Лондона о сильных, бесстрашных мужчинах.

Прячусь от солнца, хожу под зонтиком, но немножко загорела и прибавилась на одно кило.

Люблю тебя, мое солнышко.

Крепко целую тебя и Женю.

Твоя (Киса — рис.)

Это письмо очень примечательно!

Не успел заведующий ялтинским Домом отдыха писателей 7 сентября отказать Лиле Юрьевне столоваться у него (см. письмо № 258), как уже к 12 сентября (см. письмо № 262) он получил из Москвы телеграмму, чтобы ее там «кормили и поили»! Что же могло произойти за эти 4–5 дней?

Очевидно, Л. Ю. известила об этом отказе (телеграммой? по телефону?) какого-то своего могущественного покровителя в Москве, и его реакция проявилась незамедлительно. Но кто это мог быть? Кто-то из руководителей Союза писателей (Фадеев? Вишневский или др.), опекающие писательские дома отдыха? Сомневаюсь. Время было столь тревожное, а политическая репутация Л. Ю. (жены только что расстрелянного «врага народа») была столь сомнительная, что вряд ли кто-либо из литвождей взялся бы публично защищать ее, тем более что отношения с ними у нее всегда были натянутыми...

В воспоминаниях В. В. Катаняна читаем:

В 1977 году я с большими осторожностями принес ей «Континент», где она прочитала у Роя Медведева: «Просматривая подготовленные Ежовым списки для ареста тех или иных деятелей партии или деятелей культуры, Сталин

иногда вычеркивал те или иные фамилии, вовсе не интересуясь — какие обвинения выдвинуты против данных лиц. Так из списка литераторов, подготовленного на предмет ареста, он вычеркнул Л. Брик. «Не будем трогать жену Маяковского». Л. Ю. была потрясена» [Катанян В. В., 1997. С. 101].

Здесь — маленькая ошибка памяти. Работа Р. Медведева НЕ печаталась в парижском журнале «Континент» — я просмотрел все номера за соответствующий период.

В журнальном варианте воспоминаний Катаняна-младшего¹³¹ называется другой источник: *Рой Медведев. «Сталин: Некоторые страницы из политической биографии» // XX век: Общественно-политический и литературно-художественный альманах (Лондон) 1977. № 2. Действительно, Р. А. Медведев в 1976–1977 годах был редактором и составителем журнала «XX век». Но, в конце концов, это не столь важно: указанная работа Роя Медведева печаталась во многих изданиях.*

Что ж, можно поверить, что Л. Ю. сорок лет не знала о существовании этой спасительной резолюции Сталина, надежно защитившей ее и близких людей из ее окружения в годы Большого террора.

Но на какое-то покровительственное отношение к себе со стороны высших руководителей она, по-видимому, рассчитывала уже тогда, в 1937-м, и хорошо знала, куда (по какому адресу, телефону) ей следует обращаться в случае необходимости.

Но — к кому? Старые влиятельные друзья из НКВД: Агранов, Волович и другие сами уже сгнули в казематах этого ведомства. Кто-то из нового клана в НКВД — «ежовцев»? А может быть, сам Николай Иванович? Или Борис Михайлович Шапошников из Генштаба?

И все-таки: от кого и за что?! Многое бы я отдал, чтобы увидеть ту московскую телеграмму и получить ответ на свой вопрос.

Примечательно также то, что это письмо Л. Ю. не вызвало вопросы у О. М., он-то, по-видимому, хорошо знал *ОТ КОГО и ЗА ЧТО*.

В журнальном варианте воспоминаний Катаняна-старшего эта история с резолюцией вождя имеет небольшое (но существенное!) продолжение.

...Так из списка литераторов, подготовленного на предмет ареста, Сталин вычеркнул Л. Брик. “Не будем трогать жену Маяковского” — сказал он при этом Ежову. И правильно указано издание, где резолюция впервые была напечатана — альманах «XX век».

В получившей с тех пор широкую известность пересказанной Роем Медведевым истории меня в свое время заинтересовала фраза: *сказал при этом Сталин Ежову*. Как эти слова дошли до Роя Медведева? Остались ли какие-то письменные воспоминания Н. И. Ежова об этом?

Я разыскал Роя Александровича и задал ему эти вопросы. Вот что он ответил мне в письме от 20 октября 2000 года:

Когда я писал книгу «К суду истории» в 1960-е годы, я записывал сотни устных свидетельств разных людей, в том числе и бывших следователей,

работников контрольных органов, разных комиссий и т. д. Данное свидетельство я записал со слов Алексея Владимировича Снегова, который участвовал в проведении реабилитации по линии КПК при ЦК КПСС и по линии МВД. Он просматривал все большие расстрельные списки и видел пометки на них, которые оставляли Сталин, Молотов, Ворошилов и другие. Все эти документы и свидетельства и до сих пор еще не поступили в распоряжение официальных открытых групп историков. Так что надо просто доверять или не доверять тем или иным устным свидетельствам. У нас большая часть истории проходит без всяких документальных подтверждений.

Так что не «сказал», а «написал» Сталин на «расстрельном списке» — распоряжение Ежову (а через него — и всему его ведомству!) относительно Лили Юрьевны.

Этой резолюцией Сталин сполна отблагодарил Л. Ю. Брик за ту небольшую услугу, которую она оказала органам в начале мая при распутывании клубка с военно-фашистским заговором.

Табу вождя довели до следователей, которые, услышав имя Брик на очередном допросе очередного подсудимого, не давали развития теме участия Л. Ю. в чем бы то ни было.

Больше того, табу по наследству было передано «ежовцами» «бериевцам» при смене первых руководителей НКВД в 1938 году и распространялось не только на Лилию Юрьевну, но и на ее ближайшее окружение.

Вот как вспоминает об этом позднее Рита Райт:

Вообще, мое поколение многое вынесло. Потом реабилитировали многих, но людей-то не вернешь. Потом как-то все улеглось и затихло. Я была в окружении Маяковского, а Сталин не велел трогать Лилию и других. Когда ему дали список жен, которых собирались репрессировать, он ее вычеркнул.

Что-то невероятное творилось в те годы. Иногда мне сейчас что-то снится, — вот-вот постучат, вот-вот придут, — и я просыпаюсь в холодном поту! Я об этом и думать не люблю и говорить не хочу¹³².

(263) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 15 сентября 1937 г.)¹³³

Милая, любимая Киса!

Очень ты смешно написала про Васю, и мы с Женей обхохотались. Напиши, пожалуйста, еще.

У нас все так же. Чудная погода, никаких штормов, — купаемся каждый день. Массу спим! Должно быть, от купанья.

Публика немножко разъезжается, новые не приезжают, и мы скоро останемся почти одни. Не возражаем!

Как тебе понравились карточки? Особенно «хороша» Женя.

Посылаю тебе вырезку из «Комс. правды», которую прислал Олег Леонидович¹³⁴. Я очень рад, что Барта прохватили. Он думал, что «нашел дураков».

Ну, просто, никаких, даже малюсеньких событий! Писать не об чем.

Целую тебя крепко-прекрепко. И ужасно тебя люблю. И очень уже хочется тебя видеть.

Еще целую.

Твой (Кэт — рис.)

Женя целует.

Васе привет-привет!

К письму приложена газетная вырезка с пометкой чернилами на полях: «КП» 9.09.37: «А. Ильичев. Химеры издательства “Советский писатель”».

В статье критикуются иллюстрации художника В. С. Барта к вышедшей в издательстве «Советский писатель» книге с двумя поэмами В. Маяковского «Облако в штанах» и «Хорошо». *«Его рисунки — смесь отвратительной мистики с нелепейшей вычурностью. Многие из них просто недопустимы в книге, выпущенной советским издательством. Что это — сознательное вредительство или беспечность?»*

(264) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 17 сентября 1937 г.)¹³⁵

Любимый Кислит!

Я читала твое письмецо с фотографиями по дороге на пляж и потеряла его на улице. А когда вернулась с купанья, оказалось, какие-то две дамочки (так сказал портье) нашли письмо и принесли его ко мне в гостиницу. Я очень обрадовалась. Но даже от всего этого фотографии ваши не стали лучше, — очень плохие! Ужасно плохие!

Галя давно уехала, всем довольная, успокоенная, и не причинив особого вреда.

В Доме отдыха все теперь уверены, что Вася велосипедист-гонщик: вчера, за утренним завтраком, Котляр¹³⁶, через всю столовую, тоскливо спросила: «Василий Абгарович, вас совсем не видно. Где это вы весь день пропадаете?» Вася ответил, что с утра до поздней ночи катается на велосипеде. Мунблит шепнул Васе, что проще было бы ответить: «Идите к е... м...!» Но он был не прав. Сегодня утром Гольцев¹³⁷ (этот «титан мысли», по меткому определению Швейцера) долго расспрашивал Васю, по каким маршрутам он катается, ездил ли в Алушту, и они долго и оживленно беседовали на эту тему. Недооценимый Мунблит!

Слушали Першиха¹³⁸. Он очень хорошо читал «Казначейшу»¹³⁹ и Каменского, очень плохо «Евгения Онегина» и средне — Володю.

Шашлык, чебуреки, виноград — надоели. Едим перепелок и инжир. Пьем виски — ежедневную «Белую Лошадь», оказался здесь в ресторане.

Я почти не хожу. Сажу на балконе, смотрю на море, на пароходики, на луну. Играю в кункен. Мне совсем не скучно.

Больше всего хочется, чтобы отдохнули твои нервочки, чтобы прошла изжога, чтобы ты похудел.

Думаю, что в Ялту вам приезжать бессмысленно¹⁴⁰. Канитель! Гостиницы переполнены, — получить комнату почти нет надежды. Билеты в Москву надо заказывать за 12 дней! И вообще вам это будет беспокойно, да и не очень интересно.

Посылаю вырезку из маминого письма.
 Поцелуй Женю.
 Я тебя обожаю и целую миллион раз.
 Твоя (Киса — рис.)

(265) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 20 сентября 1937 г.)¹⁴¹

БЕСПОКОЮСЬ ПОЧЕМУ НЕ ПИШЕШЬ
 ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЗДОРОВЬЕ НАСТРОЕНИЕ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=
 [Телеграмма]

(266) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 20 сентября 1937 г.)¹⁴²

ЗДОРОВА НАСТРОЕНИЕ ХОРОШЕЕ ПИСАЛА
 КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ЛЮБЛЮ =ЛИЛЯ=
 [Телеграмма]

Из воспоминаний А. М. Лариной-Бухариной:

После 5 сентября я ежедневно бывала у Якиров. Там собралась большая семья. К Сарре Лазаревне из Свердловска приехала родная сестра Миля с двумя мальчиками-подростками. Ее муж, командующий Уральским военным округом Гарькавый, был арестован в начале 1937 года и покончил жизнь самоубийством в тюрьме (он разбил голову о стенку камеры)¹⁴³. Жена Гарькавого не была ссыльной, но впоследствии и она оказалась в тюрьме¹⁴⁴. Из Одессы приехал и их отец — чудесный, добрый, умный скрипач Лазарь Ортенберг, ему тогда было уже за семьдесят...

Каждый день он (Петя Якир) бегал в детский приемник, чтобы поглядеть дочерей Уборевича, Гамарника, Тухачевского и других, старался принести им что-нибудь вкусное. Сарра Лазаревна рассказывала, что он перетаскал туда все варенье, привезенное бабушкой из Одессы. К детям Петю не пускали, и он переговаривался с ними через окно. Его сверстников лишили не только отцов, но и матерей, содержали в детприемнике взаперти, как в тюрьме. Несправедливость мальчик усматривал не только в этой жестокости, но и в том, что сам он оставался жить в семье, со своей матерью, и свободно бегал по Астрахани, в то время как остальные дети были и этого лишены.

20 сентября жена Якира и их четырнадцатилетний сын были арестованы в Астрахани, где они находились в ссылке. Сарра Лазаревна Якир и без того была еле живая. Я была арестована там же в один день с ними

В коридоре Астраханской тюрьмы я столкнулась с женой Якира, — нас арестовали одновременно. Обе мы попали в камеру, где с 5 сентября 1937 года сидели жены Гамарника, Тухачевского, Уборевича, старушка латышка — домработница Я. Э. Рудзутака¹⁴⁵, опухшая от слез, и еще две женщины, жены сотрудников НКВД, работавших при Ягоде.

Петю увели сразу же после ее (матери) ареста: сначала в детский приемник (так мальчик достиг «справедливости»), затем, через три-четыре дня, — в тюрьму [Ларина. С. 160–165].

(267) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 23 сентября 1937 г.)¹⁴⁶

Дорогой Кисятник!

Я забеспокоился, что ты не пишешь, и послал тебе телеграмму, и тут же получил твоё письмецо. Очень обрадовался.

Жара здесь дикая. Даже захотелось дождичка. Отдыхаем чудно. В Ялту ехать, конечно, не стоит. Вообще, осталось уже пустяки. На 30-е уже заказаны билеты. Целую тебя крепко-крепко. Ося.

[Открытка]

(268) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 23 сентября 1937 г.)¹⁴⁷

Миленький, любименький Кэс!

Стало жарко, море спокойное, а я не могу купаться, — заболели почки! У-у-у-у...

Больно писать и ничего нельзя — ни купаться, ни ходить, ни пить вино, ни есть виноград, перепелок и вообще ничего на свете! Можно пить молоко, есть уротропин, полулежать на балконе и играть в кункен. Сами понимаете!

Это уже несколько дней — сегодня 5-ый день! А я только вчера добилась врача, и сейчас Вася понес отдавать *analys mochi*. Мне его жалко (не *analys*, а Ваську).

Смотрели танцы Веры Майя¹⁴⁸ — ужас!

Вася интересуется, получили ли вы его письмо, написанное сейчас же по приезде в Ялту¹⁴⁹.

Вы получаете газету «Курортные известия»?

Гостиницы переполнены. Вчера спрашивала о комнате для вас, хоть на 2–3 дня. Говорят, — и надеяться нечего! Некуда девать интуристов.

Когда кончается ваша путевка?

Я думаю выехать отсюда 3-его.

Эльза уже в Париже. Она здорова, Арагоша отдохнул.

Сколько я наляксила! Это вылилось из бутылочки*

Посылаю письмо Езерской.

Поцелуй Женю.

Целую, люблю изо всех сил.

Твоя (Киса — рис.)

[*На письме несколько чернильных клякс.]

Обратим внимание: в разгар Большого террора «опальная» Лиля Брик получает парижские новости. Наверное, на ее московский адрес приходят письма от Эльзы, а мать сообщает их содержание Лиле в Ялту.

Кому тогда это было позволено?

Один только вопрос «У вас есть родственники за границей?» мог привести к самым нежелательным последствиям, а здесь — открытая переписка с парижской сестрой!

(269) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 24 сентября 1937 г.)¹⁵⁰

Мой нежно любимый Кислит!

Из анализа выяснилось, что у меня воспаление почечных лоханок. Вчера вечером опять был врач, — он думает, что лежать придется не больше недели. Лечение — полный покой, уротропин, мочегонные и тепло. Это не больно, и я не очень огорчаюсь. Лежу весь день на диванчике на балконе. Вася изо всех сил за мной ухаживает, — забегался! Не желает ни купаться, ни пить, ни есть, и предлагает сделать себе тоже анализ.

Вчера был у меня репортер из «Курортных известий». Мы ему рассказали о библиотеке и изданиях¹⁵¹. Репортер — ужасный идиот!

Здесь Левидовы. Бела Влад. не нашла комнаты, и ее приютили на кровати Левидова в Доме отдыха, но вчера выселили из-за ее туберкулеза: она все время кашляет и плюет в баночку¹⁵². Вообще, оба они очень неаппетитные.

Напиши подробно, как вы загорали, сколько кило прибавили, что едите, читаете ли что-нибудь, читал ли Gada¹⁵³, большой ли прибор, какой у вас пляж, сразу ли глубоко, есть ли медузы, кусают ли москиты.

Женик! Если не очень лень — напиши мне. Где Виталий¹⁵⁴, отдохнул ли? Мама пишет, что Аннушка и Вильям¹⁵⁵ здоровы. Аннушка сварила варенье из слив. Надя с Колей уехали на несколько дней в Суханово¹⁵⁶. Галя говорила, что Валя с мужем и Вал. Мих. живут в одном и том же санатории.

Целую крепко-крепко 1000000000 раз.

(Киса — рис.)

Стоп! Обратим внимание на последние строчки этого письма. В них Лиля Юрьевна прозрачно зашифровала, по-видимому, такую крамольную информацию: *Надя (Штеренберг) с Колей (Денисовским), съездив на несколько дней в Суханово (может быть в Дом отдыха, который там в то время был), сообщают через Галю, что Аграновы («Валя с мужем») и Горожанин («Вал. Мих.») находятся в Сухановской тюрьме НКВД (известной самым жестоким режимом содержания заключенных).*

(270) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 25 сентября 1937 г.)¹⁵⁷

Дорогое, любимое солнышко!

Что же такое с твоими почками?! Я очень забеспокоился. И почему ты не позвала сразу врача? Неужели в Ялте это так трудно? Пожалуйста, напиши мне, что показал анализ.

Пиши уже в Москву, потому что мы 30-го уезжаем отсюда. Уже взяты билеты. Поезд № 16 из Феодосии проходит в 6. 40 вечера.

В Москву не очень хочется, — но к тебе очень хочется. Как у вас с билетами?

Скажи Васе, что письмо его получено, но ничего ему не отвечаю, потому что все пишется тебе, а больше писать нечего.

Были ли у тебя Адельгеймы¹⁵⁸? и как они тебе показались? Напиши про это.

Вообще, напиши так, чтобы, приехав 2-го в Москву, я застал бы на столе твое письмо.

~ «Курортные новости» мы получаем, но они скучные.

Если бы Вася мог достать у них номер с моей статьей о Хлебникове¹⁵⁹, было бы чудно. Это примерно в конце июня или в начале июля. Кстати, хорошо бы спросить, почему они денег за статью не заплатили.

Целую тебя, Кисик мой, крепко-крепко и очень тебя прошу не хворать.

Твой Ося.

(271) Л. Брик — Е. Соколовой, О. Брику (Ялта — Коктебель, 25 сентября 1937 г.)¹⁶⁰

Миленькие Женичка и Кислит!

На моем балконе крестик.

Вечером над голубым морем, на розовом небе — розовая призрачная луна, а потом становится обыкновенной, и смотреть на нее скучно.

Люблю. Целую.

(Киса — рис.)

{Открытка}

(272) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 25–26 сентября 1937 г.)¹⁶¹

Мой Котишта!

Сегодняшний анализ был чуть-чуть получше. Инш-алла¹⁶², послезавтра будет еще лучше.

Послезавтра закажем билеты в Москву — либо на 3-ье число, если анализ будет много лучше, либо на ближайшее число, если улучшения не будет. Все-таки, болеть лучше дома.

26 сентября 1937 г.

Кислит! Ты мне совсем не пишешь!

Ты мне, значит, забыл?

Я не написала тебе, что мы были как-то в цирке, и там коверный — вылитый Вася. Но вы представить себе не можете — в какой степени!

Вася дрожал, как бы он этого не заметил, а за ним и весь цирк.

Вчера здесь опять была воздушная тревога, и я не могла дописать письмо, оттого, что надо было потушить свет¹⁶³.

Вася храбро пошел домой — ночью! Один! Без дворника! При полном освещении.

У меня изумительно красивый букет — вот такой:

(Рисунок букета):

— темно-красные бархатные цветы;

— светло-зеленые листья;

— красные розы;

— белый глиняный горшок.

А красные бархатные цветы (собственно, не цветы, а цветков) такие:

(Рисунок цветка): — вся ширина — один стебель!
 Абсолютная экзотика!
 Поцелуй Женю.
 Целую и люблю изо всех сил
 Твоя (Киса — рис.)

(273) О. Брик — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 27 сентября 1937 г.)¹⁶⁴

Кисик, дорогой, любимый!

Очень неприятно, что у тебя воспаление. Отчего это случилось? Скорей всего, от вина¹⁶⁵. Тут тоже некого об этом спросить, — и я очень беспокоюсь.

Что это: острое заболевание или хроническое? Как нужно от него уберечься? и все такое. Пожалуйста, напиши мне подробней, что сказал тебе врач.

Мы уже собираемся ехать. Билеты взяты, белье выстирано, понемножку прощаемся, складываем вещи. Отдохнули мы, по-моему, хорошо. Очень загорели. Особенно, Женя, я — меньше. Ездили мало. Мясо есть избегали. Но едим каши. Вообще, питание здесь неважное.

Читаем мало. Но я прочел Арагона “Les beaux quartiers”¹⁶⁶. Это совершенно блестяще написанная вещь, — но стопроцентная беллетристика — “men lacht” и только. А идеология такая допотопная, «социаль-демократическая», а не наша, коммунистическая. Но читается книга, конечно, с громадным интересом, — целый том изумительно рассказанных сплетен!

Пляж здесь хороший — песчаный, с маленькими камушками. Есть места совершенно замечательные, с тонким песком и без всяких камней. Есть места, где сразу глубоко, и места, где далеко не глубоко. Медуз мало. Москитов тоже немного. Прибой маленький. Погода изумительная: ни одного дня не было без солнца.

Солнышко! Поправляйся скорей. Очень грустно, что ты больная.
 Целую тебя миллион раз.
 Твой Ося.

(274) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Коктебель, 28 сентября 1937 г.)¹⁶⁷

ПОПРАВЛЯЮСЬ БИЛЕТЫ ЗАКАЗАНЫ МЕЖДУ ПЕРВЫМ И ТРЕТЬИМ. КРЕПКО ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ЛИЛИЯ=
 [Телеграмма]

(275) О. Брик, Е. Соколова — Л. Брик (Коктебель — Ялта, 29 сентября 1937 г.)¹⁶⁸

РАДЫ ЧТО ПОПРАВЛЯЕШЬСЯ
 ЖДЕМ ПИСЕМ ТЕЛЕГРАММЫ ВЫЕЗДЕ МОСКВУ
 ЛЮБИМ ОЧЕНЬ ЦЕЛУЕМ =ОСЯ=
 [Телеграмма]

(276) Л. Брик — О. Брику (Ялта — Москва, 30 сентября 1937 г.)¹⁶⁹

Солник мой, Кэс!
 Буду в Москве 4-ого, поездом № 10.

Последний анализ много, много лучше, и врач сказал, что можно ехать.
Я не похудела, а даже потолстела от того, что лежу и ужасно много пью.
Как хочется посмотреть на тебя, черненького с белой лысинкой!

Поцелуй Женю!

Всем привет.

Твоя (Киса — рис.)

Из воспоминаний А. М. Лариной-Бухариной:

Образовалось уже стадное чувство: всех нас выслали из Москвы, все мы получили приговор о пятилетней ссылке, одновременно отправили на этап и в конце концов расстреляли сидевших со мной жен Гамарника, Тухачевского и Уборевича... [Ларина. С. 166]

Лиля Юрьевна сидела в шезлонге на ялтинском пляже и, сощурившись, смотрела, как огненный шар раскаленного солнца медленно погружался в спокойную морскую гладь.

У ее ног — с газетой в руках — расположился Вася.

Кажется, и на этот раз все обошлось... Теперь можно возвращаться в Москву и начинать новую жизнь.

Откуда-то: из пляжного репродуктора или чьего-то окна — донеслась модная в этом сезоне курортная мелодия:

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наши герои вернулись из Крыма в заметно опустевшую, настороженную Москву.

Было не принято расспрашивать у родных и друзей, куда подевался тот или другой человек, которого, казалось, совсем недавно встречали. Опасно было публично хвалить кого-то из давно отсутствующих писателей или их произведения. Внимательно просматривались свежие газеты; в них, как на переключке в воинской части, назывались только те, кто оставался еще на плаву. Главреды имели на этот счет самую актуальную информацию от органов...

Брики понемногу успокоились. Похоже, что органы ими не интересуются, на них нет «там» никаких компрометирующих материалов. Что было, то прошло, ни в каких порочащих их доброе имя связях они не уличены.

Но не знали Лиля Юрьевна и Осип Максимович, что их имена продолжают называться в кабинетах следователей, вписываться в протоколы допросов, а личные досье пухнут от нового «компромата», припасенного до поры до времени...

Их близкий знакомый, журналист Михаил Кольцов, показывал на допросах:

Оговаривать я никого не намерен и говорить буду только правду.

Начну с Лили Юрьевны Брик, которая с 1918 года являлась фактической женой Маяковского и руководительницей литературной группы «Леф». Состоящий при ней формальный муж Осип Брик — лицо политически сомнительное, в прошлом, кажется, буржуазный адвокат, ныне занимается мелкими литературными работами. Брики влияли на Маяковского и других литераторов в сторону обособления от остальной литературной среды усиления элемента формализма в их творчестве. Дом Бриков являлся ряд лет центром формализма в искусстве (живописи, театра, кино, литературы). После смерти Маяковского группа лефовцев, уже ранее расколовшаяся, окончательно распалась. Супруги Брики приложили большие усилия к тому, чтобы закрепить за собой редакторство сочинений Маяковского и удерживали его в течение восьми лет. Хотя выпуск сочинений затормозился, но Брики предпочитали не привлекать посторонней помощи, так как это повредило бы их материальным интересам и литературному влиянию. Брики крайне презрительно относились к современной советской литературе и всегда яростно ее критиковали. В отношении Маяковского Брики

около двадцати лет (при жизни и после смерти его) являлись паразитами, полностью базируя на нем свое материальное и социальное положение...

Далее — Эльза Юрьевна Триоле, сестра Л. Ю. Брик. Она — человек аполитичный, занятый своей лично-семейной жизнью. Лет двадцать пять тому назад переселилась с матерью за границу. Последние лет 10 — замужем за французским поэтом Арагоном, коммунистом. Ведет чисто домашний образ жизни, изредка занимается переводами...

Записано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и расписуюсь. М. Кольцов¹.

Старший следователь Следчасти ГУГБ, лейт. гос. без. Кузьминов, аккуратно подшил протокол допроса в дело № 21620 М. Е. Кольцова.

И все. Никаких расследований по названным в допросе Брикам не проводилось. На них наложено табу Самого!..

Продолжали находиться в тюремных застенках Сухановской тюрьмы НКВД супруги Аграновы. Расстреляют их в августе 1938 года. Яков Саулович, хорошо зная механизм выколачивания нужных показаний его бывшими коллегами и подчиненными, почти и не запирился, показывал то, что ему подсказывали следователи. Однако у тех, кто его хорошо знал, было ощущение, что он имел тайник или тайники, где спрятал наиболее важные документы по делу об убийстве Кирова, делам по политическим процессам, в подготовке которых он участвовал. В трудную минуту с помощью этих документов Агранов надеялся поторговаться за свою жизнь, но такого случая не представилось, и тайники остались нераскрытыми².

Об Агранове существуют разные воспоминания:

При Дзержинском состоял, а у Сталина дошел до высших чекистских постов кровавейший следователь ВЧК Яков Агранов, эпилептик с бабьим лицом, не связанный с Россией выходец из Царства Польского, ставший палачом русской интеллигенции. Он убил многих известных общественных деятелей и замечательных русских ученых... Профессора В. Н. Таганцева³, не желавшего давать показания, он пытал, заключив его в пробковую камеру, и держал там 45 дней, пока путем пытки и провокации не добился нужных показаний. Это же кровавое ничтожество является фактическим убийцей замечательного русского поэта Н. С. Гумилева⁴.

Агранов уничтожил цвет русской науки и общественности, посылая людей на расстрел за такие вины, как «по убеждениям сторонник демократического строя» или «враг рабочих и крестьян» (с точки зрения убийцы Агранова)⁵.

А вот борец со сталинским культом личности — Н. С. Хрущев — вспоминает об Агранове совсем по-иному:

Действительно, пошли новые аресты чекистов... Многих я знал как честных, хороших и уважаемых людей. Был арестован Реденс... <...> Арестовали

и других. Яков Агранов, замечательный человек, твердый чекист. Раньше работал в Секретариате у Ленина. Честный, спокойный, умный человек. Мне он очень нравился. Потом он был особоуполномоченным по следствию, занимался делом Промпартии. Это, действительно, был следователь! Он и голоса не повышал при разговорах, не то чтобы применять пытки. Арестовали и его и тоже казнили⁶.

Расстреляли А. С. Агранова 1 августа 1938 года.

Реабилитировали... А вот здесь у меня полной ясности нет.

Рассказывая об Агранове, В. А. Катанян в своих мемуарах «Не только воспоминания» говорит об этом так: «В 1957 году он был посмертно реабилитирован» [Катанян В. А., 1999. С. 78].

В свое время, полемизируя с В. И. Скорятиным, проводившим журналистское расследование обстоятельств гибели Маяковского, я привел эту фразу о реабилитации Агранова в 1957 году из мемуаров В. А. Катаняна⁷. Отвечая в том же номере «Журналиста» на мою статью, В. И. Скорятин пишет:

И о «посмертной реабилитации» Я. Агранова. Вот передо мной объемистая папка — так называемое надзорное производство. Узнаю: с просьбой реабилитировать Я. С. Агранова обращалась (в 1950-х годах) его дочь Элеонора Яковлевна. Писала об этом не раз — Хрущеву, Булганину, Кагановичу, Ворошилову, Семичастному. По их указаниям дело изучалось снова и снова. И каждый раз разные юристы неизменно приходили к выводу: «Оснований для пересмотра приговора не найдено». Жenu Агранова Валентину Александровну (до замужества Кухареву) реабилитировали полностью. Но приговор по делу Я. С. Агранова оставлен без изменений (Архив Главной военной прокуратуры СССР. НП № 54480-54)⁸.

Что ж, Валентин Иванович, как всегда, очень аргументированно осветил этот вопрос, и мне осталось только принять его доводы, тем более что и ряд источников (в том числе и новых) информировал так же:

В 1955 г. Главная военная прокуратура отказала в пересмотре дела Агранова как замешанного в организации массовых репрессий [Залесский. С. 16].

В 1955 дочь Агранова возбудила ходатайство о реабилитации отца. Прокурорская проверка установила, что Агранов в антисоветской деятельности обвинялся необоснованно. Но в реабилитации Агранова было отказано «за грубые нарушения социалистической законности» [Ильинский. С. 739].

Но вот передо мной интернет-версия узкоспециализированного издания: «Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб» (автор-сост. А. Диенко; М.: Русский мир, 2002; указано: «Книга подготовлена при участии Клуба ветеранов госбезопасности!»), где биографический очерк об Агранове Я. С. заканчивается скупой фразой: «Реабилитирован посмертно».

Что это? Элементарная опечатка? Или все-таки недавно состоялась эта «долгожданная» (кем-то!) реабилитация «по вновь открывшимся обстоятельствам», о чем пока что знают только в Клубе ветеранов госбезопасности?

Как выяснилось, действительно, в начале 2013 года Я. С. Агранов был реабилитирован, но в связи с поднявшейся волной возмущения общественности решение было пересмотрено и Военной коллегией Верховного суда РФ от 27.08.2013 аннулировано.

Взяли Исаака Бабеля. Всеволода Мейерхольда. «Казаха Юсупа» — Юсупа Абдрахманова. Соредатора Л. Ю. по нескольким томам Собрания сочинений Маяковского — Луппола.

И многих других...

Мне кажется, что и в их следственных делах должна встречаться фамилия Бриков.

Палачи и их жертвы... Как причудливо переплелись судьбы... Порой, до какого-то момента, они находились в приятельских отношениях, вместе отдыхали, ходили друг к другу в гости (как, например, Примаков и Агранов), потом на мучительных допросах становились непримиримыми врагами. Но последующая судьба их была почти одинакова: с небольшим разрывом во времени они объявлялись «врагами народа», а дальше — пуля в затылок в расстрельных казематах НКВД (может быть, из одного и того же револьвера). Дальше — крематорий и общага, «братская», могила...

Их уцелевшие жены и дети как «члены семей изменников родины» (ЧСИР) томились в одних и тех же тюрьмах и лагерях.

По большому счету и те и другие из расстрелянных почти в равной мере не безгрешны, их руки обгажены кровью соотечественников. Последующие поколения, уже через полвека после Большого террора, практически перестали их различать. От имени тех и других сегодня одинаково можно сказать известными словами поэта Семена Гурзенко:

Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого б не жалели...

Но «взяли» не всех. Остались на свободе Николай Асеев, Семен Кирсанов, Николай Денисовский, Давид и Надежда Штеренберги. Каждому из них надлежало пройти через какие-то испытания, но все они умерли в своих постелях.

Луи Арагон и Эльза Триоле в годы войны участвовали во французском Соппротивлении, стали известными писателями. Она получила Гонкуровскую премию. Он, кроме литературной деятельности, выполнял большую общественную работу, участвовал в международном движении. В 1950–1960-е годы они часто приезжали в Москву, а Лиля Брик с Василием Катаньяном-старшим — в Париж.

Эльза Триоле умерла в Париже в 1970 году, а Луи Арагон — в 1982-м, оба похоронены в общей могиле в их загородном поместье под Парижем.

Однако в конце жизни оба они прозрели, что, увлеченные коммунистическими идеями и воспевая их, а также прогрессивную роль СССР в своих произведениях, они прожили жизнь не так, как следовало бы.

Не исключено, что Международное бюро революционной литературы, с которым тесно сотрудничал Арагон, действовало рука об руку с III Интернационалом. Список их знакомых пестрит именами сотрудников — поочередно ЧК, ГПУ, НКВД. Скорее всего, и Арагон, и Эльза Триоле были «агентами влияния», агитировавшими мировую интеллигенцию за советскую власть.

За два года до смерти Эльзы, за четырнадцать лет до смерти Арагона они решились на душераздирающие признания. И как сегодня не воздать должное их интеллектуальному мужеству, откровенности их самокритики, с которыми они беспощадно выставили себя на суд потомков? Каким величием души надо обладать, чтобы решиться на удивительное признание, прозвучавшее из уст героини Триоле: *«Муж у меня коммунист, коммунист по моей вине; я орудие в руках советских правителей, а еще я люблю драгоценности, люблю драгоценности, люблю выходить в свет, в общем, я дрянь»*.

Откровение Луи Арагона еще более жестко:

Навеки прошлое со мной,
Кем я был — никуда не уйдет.
В словах, произнесенных иль
Только мелькнувших,
Навсегда затаился шантаж⁹.

Незадолго до своей смерти он сделал печальное признание: *«Я не тот, кем вы хотите меня представить. Я исковеркал свою жизнь и все»*. Но несмотря на то что это обвинение относится прежде всего к Эльзе Триоле, которая была не только его любимой женой и музой, но и *«кардинально развернула его творчество: из бунтаря и сюрреалиста превратила его в уравновешенного писателя и коммуниста...»*¹⁰, он завещал похоронить его в одной могиле с ней в пригороде Парижа, на их любимой Мельнице.

В 1996 году, 15 октября, в московской газете «Известия» появилось сообщение собкора в Париже Юрия Коваленко *«Жена Луи Арагона — чекистка?»* об открытии для журналистов архивов тайной полиции, в которых насчитывается около 1 миллиона дел, заведенных на французов, включая многих знаменитостей.

Что же касается писательницы Эльзы Триоле, которая была сестрой Лили Брик и женой Луи Арагона, то она, согласно полицейскому рапорту, «поддерживала тесные контакты с советским посольством», что объясняется ее происхождением и политическими симпатиями. В 1920 году она, по всей видимости, состояла в ЧК, по поручению которой следила за литературными кругами¹¹.

Лиля Юрьевна прожила долгую, сложную, но интересную жизнь.

В ее квартирах на Арбате и на Кутузовском проспекте действовал не имевший аналогов в советское время литературно-художественный салон, где бывали писатели, поэты, художники, композиторы, артисты, режиссеры и другие деятели литературы и искусства, как советские, так и зарубежные. Об этих встречах многие вспоминали в своих мемуарах.

Но мало кто знает, что она была знакома, переписывалась, встречалась с бывшими узниками ГУЛАГа: А. И. Солженицыным¹², Ю. Н. Флаксерманом¹³, Т. И. Лещенко-Сухомлиной¹⁴.

У нее в гостях бывали и дети репрессированных военачальников: Петр Якир, Владимира Уборевич (в замужестве — Боровская). С Владимирой Иеронимовной она переписывалась в 1960–1970-е годы. Для нее Лиля Юрьевна написала свои воспоминания о ее родителях (см. приложение, с. 438–441).

Лиля Юрьевна прожила после описываемых здесь событий еще более 40 лет. Она больше никогда не называла себя женой (вдовой) комкора Примакова, а только — женой (вдовой) командора поэтов Маяковского¹⁵.

Но, видимо, память часто возвращала Л. Ю. к событиям 1937 года. Ее пасынок, Василий Васильевич Катанян (Вася-младший), весьма благоволивший к ней, оставил такое воспоминание:

В 1957 году я пришел к Л. Ю. и застал ее с грелкой и с лекарством под языком, только что уехала «неотложка».

— Я недавно вернулась *оттуда*. Очень вежливый следователь вручил мне это. Посмотри.

СПРАВКА

Дело по обвинению Примакова Виталия Марковича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 31 января 1957 года.

Приговор специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении Примакова В. М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Примаков В. М. реабилитирован посмертно.

Подписи. Печати [Катанян В. В., 1997. С. 101].

Это не согласуется с воспоминаниями другого ее пасынка — Юрия Витальевича Примакова:

Нужно особо подчеркнуть и то обстоятельство, что именно Л. Ю. была единственным человеком из тех, кто хорошо знал Виталия Марковича и кто пальцем не пошевелил, чтобы помочь его реабилитации, восстановлению исторической правды о нем и пр. Для «жены с 1931 по 1937 гг.» такая позиция совершенно уникальна в период после XX съезда партии, но для сотрудника органов совершенно естественна.

<...> После XX съезда вдова Примакова Мария Ароновна Довжик и я подали заявление в Военную прокуратуру и ЦК с просьбой пересмотреть дело Примакова. Мы ходили вдвоем с матерью по всем инстанциям, пока не получили все документы о реабилитации отца в советском и в партийном отношениях.

После того, как вся работа по реабилитации Примакова была закончена, мне в 1956 г. позвонила Л. Ю. Брик и пожелала, чтобы я отвез ей документы о реабилитации. Я ответил, что копии всех документов уже разосланы мной во все музеи и в советы ветеранов Червоного казачества, которые были созданы по нашей инициативе и с нашей помощью (30 лет я был секретарем Московского совета). После этого она позвонила мне еще раз в 1957 г. За мной приехала ее машина с шофером и отвезла меня к ней на квартиру. Там были Плучек, Б. Слуцкий, В. Катанян [по-видимому, «Вася-старший». — А. В.]. Л. Ю. Брик передала мне афганский нож отца, и больше мы не виделись никогда, она мне не звонила¹⁶.

В другой книге Василий Васильевич Катанян вспоминает:

Лиля Юрьевна как-то сказала: ужасно то, что я одно время верила, что заговор действительно был, что была какая-то высокая интрига, и Виталий к этому причастен. Ведь я постоянно слышала «Этот безграмотный Ворошилов» или «Этот дурак Буденный ничего не понимает!» До меня доходили разговоры о Сталине и Кирове, о том, насколько Киров выше, и я подумала, вдруг и вправду что-то затевается, но в разговор не вмешивалась. Я была в обиде на Виталия, что он скрыл это от меня — ведь никто из моих мужчин ничего от меня никогда не скрывал. И я часто потом плакала, что была несправедлива и могла его в чем-то подозревать...¹⁷ [Катанян В. В., 1998. С. 102]

Собственно, о том же пишут двумя десятилетиями раньше ее французские друзья в некрологах, посвященных ей:

Она рассказывала мне о человеке, которого когда-то любила и разделила с ним какой-то отрезок своей жизни. Это был генерал Примаков, как мне думается, причастный к штабу Тухачевского, он был расстрелян, как «предатель» в разгар московских процессов.

В наступившем за столом молчании она крепко взяла меня за руку своей еще прекрасной рукой и, устремив на меня сверкающий слезами взгляд, сказала: «Видишь ли, Жан, я не могу простить, самой себе не могу простить, что были моменты, когда и я склонна была поверить в его виновность (Жан Марсенак)¹⁸».

Пощаженная во время арестов, без сомнения благодаря уважению, которое проявлял Сталин по отношению к Маяковскому, Лиля Брик ощутила дуновение вихря репрессий. Это было незадолго перед процессами в Москве, когда ее спутник тех лет, генерал Примаков, был арестован и казнен за «предательство».

Она позже часто плакала, вспоминая, что были мгновения, когда она сомневалась в его невинности (Николь Занд)¹⁹.

Отчего эта скорбь и слезы? По безвинно убиенному мужу? От разочарования в собственной оценке давно минувших событий? Нет, скорее, это раскаяние в личной причастности к ним...

Как знать, может быть, еще всплывут из архивов неопровержимые доказательства того, какую роль в раскрытии «заговора военных» сыграла Лиля Брик — жена командира.

ПРЕДЫСТОРИЯ (ДОПОЛНЕНИЕ К ТОМУ 1)

Пока настоящая дилогия готовилась к публикации, ее автору удалось собрать некоторые новые материалы в отношении В. М. Примакова и Л. Ю. Брик. Материалы эти вполне любопытны и в рассказанной истории занимают, пожалуй, важное место, хотя пока еще не могут составить полноценного тома, чтобы дилогия стала трилогией. Тогда бы эти дополнения в соответствии с хронологией должны были открывать книгу. Но поскольку «Предыстория» появилась, когда книга была уже сверстана, мы размещаем ее в конце первого тома.

ЛЕЙТЕНАНТ АЛЛЕН, или Товарищ Копытко

В феврале 1926 года Виталий Маркович Примаков возвращается из почти годичной командировки в Китай. Его назначают командиром 1-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа, расквартированного в Новгороде. Он поселился здесь с молодой женой Марией Ароновной Довжик, которая недавно окончила Первый медицинский институт в Москве. Среди родственников Марии Ароновны, с которыми знакомится Примаков, семья ее брата — Георгия Ароновича Довжика, женатого на некоей Раисе Натансон¹. Родственница последней, Муся (Мария Яковлевна) Натансон, привлекает внимание Примакова своими связями и знакомствами в литературных кругах, а он тянется к ним, так как усиленно работает над «Записками волонтера», посвященными гражданской войне в Китае. Муся вводит его в круг литераторов, собиравшихся у писательской четы Л. Сейфуллиной и В. Правдухина: это прозаики И. Бабель, Вс. Иванов, Л. Леонов, литературный критик и редактор А. Воронский, журналист Карл Радек.

Писательница и журналистка Галина Серебрякова дает такой портрет Примакова тех лет:

Примаков был хорош собой и очень представительен, широк в плечах и статен. Редко встречала я лучшего кавалериста и знатока военного дела. Он зачитывался в те годы статьями Энгельса по военным вопросам, хорошо, со студенческой скамьи, знал Маркса, проштудировав первый том «Капитала». Его знание литературы было неожиданно велико, и он не скрывал

своего влечения к творчеству и писал публицистические книги. Одна из них, «Записки волонтера», под псевдонимом Генри Аллен, читались с неослабным интересом. В юности Примаков писал стихи, но никогда не показывал мне их. Поэзию же Тютчева, Блока, Маяковского любил страстно. Не раз бывали мы с ним на концертах, в опере, и тогда снова дивилась я многообразию его интересов, живому восприятию и обширным познаниям в музыке и вокальном искусстве.

...Чтение (им) наизусть незнакомых мне ранее стихов и пересказы книг запомнились навсегда. Он познакомил нас с поэзией Киплинга, его сказками, которых до того я не знала... Фантазия Виталия была неисчерпаемой. Он рассказывал нам сочиненные им сказки, часто зловещие и страшные, наподобие «Вия»...

Но самыми интересными были его повествования о недавних боях и однополчанах.

Многогранен был этот большевик старой гвардии, легендарно бесстрашный в боях и самоотверженный в отношениях с сотрудниками.

...Небольшого роста, коренастый, Виталий отличался редкой физической силой. В двадцатые годы он регулярно занимался не только гимнастикой, но и боксом, который считал спортом мужественных, школой ловкости и сметливости. Меня он уговаривал ездить верхом. Я начала посещать манеж на Гранатном переулке, где училась джигитовке. Виталий подарил мне костюм, сапоги и шпоры. Он, его друзья конники и я мечтали о серьезных соревнованиях².

В конце 1926 года в ленинградском издательстве «Прибой» вышла книга «Записки волонтера (Гражданская война в Китае)», автор на ней обозначен как «лейтенант Аллен» — псевдоним, за которым укрылся В. Примаков. Книгу заметили, она пользовалась успехом у читателей.

В 1927 году у В. Примакова и М. Довжик родился сын Юрий, очень болезненный мальчик, поглотивший все внимание матери, а Виталий Примаков все больше внимания стал уделять Мусе Натансон. Их отношения перешли во взаимную любовь...

Можно предположить, что Муся познакомила Примакова с Маяковским в сентябре 1927 года, когда поэт практически одновременно написал статью «Только не воспоминания...» (для очередного номера «Нового ЛЕФа»), в которой он рассказывает о сотрудничестве с М. Натансон в редакции «Искусство коммуны», и киносценарий «Товарищ Копытко» («Долой жир»), с главным героем — кавалеристом. По этому признаку последнего можно было ассоциировать с Примаковым³. В биографических материалах о В. Маяковском Примаков не упоминается по той причине, что на комюре лежит клеймо «врага народа».

Тогда же, в сентябре 1927 года, В. М. Примакова назначили военным атташе в Афганистан, и он уехал в Кабул.

МАЯКОВСКИЙ О МУСЕ НАТАНСОН

В скучных официальных документах имя ее пишут полностью: Мария Яковлевна Натансон, но друзья называли ее Муся, а иногда — Муха, потому что она и была такой: миниатюрной, непоседливой, юркой, приставучей.

В личном деле запись: «*Натансон Мария Яковлевна, 1901 г. р., уроженка Курляндской губ. (Латвия), еврейка*»⁴. Кроме того, о ней известно следующее: «*Член партии с 1917 года. В 1917—1928 годах на партийной работе в Ленинграде. Была секретарем группы коммунистов-футуристов («комфуты»), возникшей в 1919 году в Выборгском районе Петрограда*»⁵.

Владимир Маяковский, вспоминая о группе литераторов, сплотившихся вокруг редакции газеты «Искусство коммуны» и называвших себя «коммунистами-футуристами» («комфутами»), пишет о Мусе Натансон, которая ревностно исполняла обязанности секретаря группы: «...*С первых дней семнадцатилетняя коммунистка Выборгского района Муся Натансон стала водить нас через пустыри, мосты и груды железного лома по клубам, заводам Выборгского и Василеостровского районов.*

*Я читал все, что у меня было; главным образом — “Поэтохронику”, “Левый”, “Войну и мир” и сатирические вещи...»*⁶.

Хроника событий тех дней свидетельствует⁷:

1919 год, 13, 19 и 28 января, Петроград.

Организационные собрания коллектива коммунистов-футуристов «Комфут» при Выборгском РК РКП(б) (Ломанский пер., 17); пред. Б. Кушнер⁸, секр. М. Натансон.

Выработаны программная декларация, устав и «Организационная схема» объединения; на этих и последующих заседаниях также создано бюро (во главе с А. Муштаковым). Своей задачей комфуты считают формирование нового «коммунистического сознания»; для ее выполнения предполагается создать широкую сеть образовательных и культурно-просветительных организаций (в частности, «Школу культурной коммунистической идеологии» под рук. О. Брика), развернуть издательскую деятельность и «устную пропаганду и агитацию».

28 янв. — заседание Выборгского РК РКП(б) с участием Б. Кушнера: рассмотрев заявление Комфута о регистрации его как «партийного коллектива», райком заявление отклоняет, мотивируя это тем, что «уставом нашей партии не предусмотрены подобного рода коллективы» и «утверждением подобного коллектива мы можем создать нежелательный прецедент в будущем».

Комфуты решают обратиться в ЦК РКП(б) «с докладной запиской о полной нереволуционности всего направления деятельности советских органов в культурно-идеологической области и о назревшей необходимости включить и эту сторону общественности в сферу партийного внимания» (была ли отправлена эта записка не установлено).

Информация о деятельности бюро Комфута печатается в газете «Искусство коммуны» до середины апреля.

Последний (№ 19) номер газеты «Искусство коммуны» вышел 13 апреля 1919 года, попытки комфутов легализоваться остановились.

В начале 1921 года была сделана еще одна попытка возобновить деятельность комфутов, уже в Москве, и состоялось несколько организационных совещаний активистов-комфутов, но в сохранившихся протоколах имя М. Натансон не упоминается: по-видимому, она находилась в это время в Петрограде и присутствовать на них не могла. Функции секретаря на этих заседаниях выполняла Л. Брик⁹.

Еще раз В. Маяковский упоминает М. Натансон в своем письме (от 6 ноября 1921 года из Москвы в Ригу) к своей музе, Лиле Юрьевне Брик: *...Новостей у меня никаких. Живу тихо, люблю тебя и жду. Жил все время с Оськой, а последние несколько дней у себя, т. к. приехала Муха, и ей пришлось дать переночевать, чтоб не выгонять из комнаты Леву. Теперь Муха уехала, и я переселяюсь обратно...*¹⁰

«Оська» — это Осип Брик, муж Л. Ю. Брик; «Лева» — Л. А. Гринкруг, друг их семьи. Они вместе с В. Маяковским живут в квартире Гринбергов в Водопьяном переулке, куда вселились недавно «по уплотнению». В. Маяковский фактически живет здесь же, но на время приезда Мухи из Петрограда переселяется «к себе» — в свою рабочую комнатенку-лодочку в Лубянском проезде.

С большой долей вероятности можно предположить, что встречи Муси Натансон с Маяковским, Бриками и их окружением продолжались и в последующие годы, как в Москве, так и в Ленинграде — и на выступлениях Маяковского, и в домашней обстановке.

Валькирии Революции

А чем же занимается Муся Натансон в Петрограде-Ленинграде? Она учится в Электротехническом институте и готовится стать инженером-экономистом в электроэнергетической отрасли, которая интенсивно развивается в соответствии с ленинским планом ГОЭЛРО. Ну и, конечно, бурная общественная жизнь.

Мусю по праву можно причислить к кругу легендарных участниц революционного движения в России — позднее их стали называть «валькирии Революции», образно связывая с девами-богинями скандинавской мифологии, которые помогали героям в битвах и уносили души убитых воинов в небесные чертоги, где прислуживали им на пирах. Такими валькириями были Александра Коллонтай¹¹, Лариса Рейснер¹², Евгения Бош¹³...

Историки, изучая биографии этих женщин, безуспешно пытаются разгадать, что заставило их на каком-то этапе своей жизни бросить вызов судьбе, пойти наперекор мнению света, бежать из теплых, обжитых спален

с тяжелыми шторами и уютными каминами... И писать в дневниках, как Елена Стасова¹⁴: «Я целую спящего сына в лобик... и иду читать Ленина».

Они отвергли обеспеченную, спокойную семейную жизнь с ее мелкими домашними заботами, хотели вместе с мужчинами (а может быть, и активнее их) строить новую жизнь, создавать новые отношения в обществе между мужчинами и женщинами. В результате: изломанные женские судьбы, ущербное материнство — вот удел этих валькирий Революции.

С большой долей уверенности можно предположить, что Муся Натансон была хорошо знакома с ними и, как младшая, брала с каждой пример. И пусть нам до сих пор неизвестны подробности ее биографии этого периода, мы можем легко представить на примере ее кумиров, женщин, оставивших более глубокий след в истории, какой была жизнь Муси в 1920–1930-е годы.

Имя М. Натансон появлялось в печати при ее жизни по крайней мере еще раз: в газетных отчетах о проходившем в Москве с 2 по 19 декабря 1927 года Пятнадцатом съезде ВКП(б), на котором была принята резолюция «Об оппозиции», в ней, в частности, говорилось:

...XV съезд считает, что ЦК и ЦКК поступили правильно, исключив Троцкого и Зиновьева 14 ноября 1927 г. из рядов ВКП(б), а других оппозиционных членов ЦК и ЦКК — из состава этих последних и поставив вопрос об оппозиции в целом на обсуждение съезда...

Исходя из вышесказанного и принимая во внимание двукратное нарушение оппозицией ее торжественных обещаний об отказе от фракционности, съезд постановляет:

1. Исключить из партии следующих активных деятелей троцкистской оппозиции:

<...>

43. Натансона М. Я....

И хотя фамилия здесь склоняется как мужская, речь идет именно о Марии Яковлевне Натансон, которая в составе 75 виднейших деятелей троцкистской оппозиции была наказана исключением из партии одновременно с лидером оппозиции — Л. Д. Троцким.

Из решений съезда:

— Поручить ЦК и ЦКК принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции.

— Поручить ЦК и ЦКК принимать заявления исключенных из партии деятелей бывшей оппозиции лишь в индивидуальном порядке и принимать решения по заявлениям, лишь спустя шесть месяцев после подачи заявлений при условии, что:

а) поведение подавших заявления соответствует обязательствам, взятым на себя авторами заявлений...

Как М. Натансон прожила эти годы, после участия в несостоявшемся «комфуте», нам неизвестно, но не вызывает сомнения, что это была политически активная жизнь, которая и поставила молодую женщину в ряды наиболее активных оппозиционеров страны.

Впрочем, анализ политических событий, предшествующих XV съезду, позволяет сделать некоторые вполне вероятные предположения. Когда Октябрьский пленум ВКП(б) 1926 года вывел Л. Троцкого из числа членов, а Каменева¹⁶ из кандидатов перевел в члены Политбюро, пошла гулять пушенная Карлом Радеком хохма: *«Чем отличается Сталин от Моисея? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро».*

Сталин, конечно, счел нужным пояснить: *«Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры».* Троцкий счел такое заявление двусмысленным, оно вроде было направлено против «эксцессов» антисемитизма и в то же время совершенно преднамеренно питало его. *«Не забывайте, что вожди оппозиции — евреи»*, — таков был смысл заявления Сталина в трактовке Троцкого.

Так называемую левую оппозицию 1920-х годов с полным правом можно назвать еврейской. Неслучайно больше всего сторонников она завоевала в вузах, где процент евреев тогда был огромен. Во время дискуссии 1923 года оппозиция собрала большинство только в вузах, где за нее голосовало 40 ячеек (6 594 человека) против 32 — за ЦК (2 790 человек).

Для еврейского образа мышления космополитические лозунги мировой революции были привлекательней, чем идея строительства социализма в одной стране (тем более в России). В день десятилетия Октябрьской революции оппозиция пыталась поднять массы, но подняла лишь хилое еврейское студенчество. Захватить власть в стране такой «армией» было, конечно, невозможно.

К какой группе принадлежала М. Натансон, студентка-еврейка, которая училась в ленинградском вузе, догадаться нетрудно, как ясно и то, что при ее активности и темпераменте она была в первых рядах студенческой оппозиции.

Да! Еще одна деталь ее биографии. К этому времени Муся родила сынишку Левушку, названного так в честь ее политического кумира, Льва Троцкого. Кто отец ребенка, нам неизвестно. Но мальчик не слишком обременял свою мать ни в учебных делах, ни в общественной работе — она отослала его на воспитание в семью родственника по имени Наум, в Пензу.

Отъезд Муси в Киргизию

Получив от XV съезда мандат на расправу с левой оппозицией, сталинский аппарат сразу же после съезда начал осуществлять против нее санкции, далеко выходящие за пределы, предоставленные этим мандатом.

Большая часть исключенных съездом из партии была направлена в административную ссылку в дальние районы страны. Поскольку

ссылным предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах. Они обязаны были регулярно являться для регистрации в местные органы КПУ. Им назначалось месячное пособие в 30 рублей, которое в 1929 году уменьшили вдвое. Обеспечение ссылкой работой возлагалось на партийные органы в местах ссылки.

В феврале 1928 года отправляется по месту высылки и Муся Натансон.

Лидия Сейфуллина в телеграмме от 11 февраля 1928 года из Ленинграда в Тобольск Карлу Радеку, который был туда сослан, среди других новостей сообщает: «...МУСЯ ЕДЕТ СЛУЖБУ ПИШПЕК...»¹⁷ (Неверно, с 1926 года — город Фрунзе.), а в письме от 21 февраля тому же адресату уточняет:

*Проводили Мусю. Это очень для меня большая утрата, я ее люблю...»*¹⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что Сейфуллина подробно информирует Радека о М. Натансон, понимая, по-видимому, что тот проявляет к ней особый интерес (?).

Но, как оказалось, Муся выехала не во Фрунзе, а в Ташкент. Впрочем, можно было добираться до места назначения и таким маршрутом, не вызывая большого недоумения (подозрения) окружающих. Она выбрала этот путь, потому что договорилась (по телефону? телеграфу?), что тогда же в Ташкент приедет из Кабула Виталий Примаков, и они встретятся. Действительно, встреча Муси и Виталия Марковича состоялась в ташкентской гостинице «Регина».

Судьба распорядилась по-своему: в той же гостинице остановился и находившийся в командировке в Ташкенте 26-летний предсовнаркома Киргизской АССР Юсуп Абдрахманов. Они встретились, познакомились. Юсуп с первого взгляда без памяти влюбился в Мусю, она ответила ему взаимностью (не порывая отношений с Примаковым). Образовался классический любовный треугольник.

Как развивались любовные отношения между молодой женщиной и любящими ее мужчинами, нам неизвестно, и мы можем только догадываться об этом. Известно только, что Виталий Примаков вернулся в Кабул, а Муся Натансон и Юсуп Абдрахманов отправились во Фрунзе (который зачастую по-старинке продолжали называть Бишкеком), куда, собственно, изначально Муся и держала свой путь.

ЮСУП АБДРАХМАНОВ

Познакомимся поближе с ее спутником.

Юсуп (Жусуп) Абдрахманович Абдрахманов родился 28 декабря 1901 года в селе Чиркей Кунгей-Аксуйской волости (ныне Иссык-Кульской области) в семье манапа (бия и волостного управителя). Окончил трехклассную русско-туземную школу в селе Сазоновка (ныне село Ананьево Иссык-Кульского района). С 1914 года продолжил учебу в Каракольском городском высшем начальном училище, которое из-за восстания

Юсуп Абдрахманов. Конец 1920-х — начало 1930-х гг.

1916 года не окончил. Высокий уровень общей культуры и общественно-политические знания Юсупа Абдрахманова — результат упорного самообразования, к которому побуждали время от времени и различные краткосрочные курсы.

Отец, мать и другие близкие родственники (всего семь человек) погибли в 1916 году, не вынеся тягот пути на чужбину, на перевале Иныльчек. По возвращении из Китая в 1917 году юноша добывал средства на жизнь, работая конюхом, дворником у офицеров Каракольского гарнизона. Подполковник Бычков увел юношу с собой в город Верный. Здесь после установления советской власти в марте 1918 года Ю. Абдрахманов, проработавший к тому времени несколько месяцев регистратором в областном статистическом управлении, вступил в красногвардейский отряд. Затем в должности помощника командира эскадрона участвовал в боях против белоказаков на Семиреченском фронте.

В начале 1919 года, когда ему еще не исполнилось и 18 лет, юный красногвардеец Семиреченского фронта был откомандирован в Верный на командные курсы, а после их закрытия переведен в военную школу в Ташкенте. Из-за болезни его военная карьера вскоре оборвалась, он был возвращен в Верненский гарнизон, где прослужил недолго в должности помощника командира роты. Гарнизонной партийной конференцией в 1919 году только что вступивший в партию Ю. Абдрахманов был избран членом райкома гарнизона, а в декабре этого же года по болезни уволен из армии.

До образования комсомольской организации в Верном он входил в состав городского совета Красной Социалистической Молодежи. В 1919 году был избран членом Президиума Туркестанского бюро РКСМ и членом Семиреченского организационного областного бюро. Созданная при активном участии Ю. Абдрахманова Семиреченская областная организация

комсомола в 1920 году делегирует его на первый краевой съезд РКСМ Туркестана. В том же году он был делегатом III съезда РКСМ в Москве.

В речи на VI пленуме Киргизского обкома партии в 1927 году, когда обсуждался вопрос о ходе коренизации аппарата, Абдрахманов рассказал следующее:

По воле съезда я оказался избранным в Президиум. По окончании своего доклада в перерыве как-то неожиданно Владимир Ильич обратился ко мне... Спросил откуда я. Я рассказал, но сразу растерялся, не скрою. Я тогда еще ленинских трудов не читал. Одним из вопросов был: «Сколько у вас процентов русского населения?» Я ответил: около пяти. Остальные кто? Казахи и киргизы. Сколько у вас процентов грамотного населения? Около 2%. Остальные что же, неграмотные? На каком языке работает ваш аппарат? Я ответил — на русском. Мне казалось, что это естественно, не может быть, чтобы аппарат работал на каком-нибудь коренном языке. Владимир Ильич даже изменился в лице и сказал: «Товарищи, вы совершаете преступление перед социалистической революцией. Аппарат, который работает на чужом языке для большинства населения, аппарат, который непонятен для большинства населения, аппарат, который не может чутко прислушиваться к повседневным вопросам большинства населения, не может быть связан с массами... поэтому наша задача учиться, учиться и работать так, чтобы в ближайший период наш советский аппарат стал близким и родным для большинства населения края...»¹⁹

В те годы острейшего классового противоборства и перехода от Гражданской войны к мирному строительству партийные и советские кадры передвигались часто. В полной мере это коснулось и Ю. Абдрахманова. Он постепенно, но последовательно поднимался по служебной лестнице, занимая все более ответственные должности.

С марта 1927 года он — председатель Совета Народных Комиссаров Киргизской АССР, член ВЦИК РСФСР, кандидат в члены Президиума ЦИК СССР и кандидат в члены Средазбюро ЦК ВКП(б)²⁰.

Такой высокий государственный пост занимает Ю. Абдрахманов во время первой встречи с М. Натансон. Он часто ездит в служебные командировки «по делам своей республики» в Москву, встречается там с руководителями партии и правительства, деятелями культуры. Он много читает, в Москве посещает театры.

Он женат, его жена — Гульбахрам Ахметовна, урожденная Ханбалинова. В то время у них уже двое сыновей: Анвар и Алибек (1920 и 1923 г. р.), позднее родятся три дочери — Аида, Раиса и Ленина (1927, 1928, 1936 г. р.).

Муся в Киргизии

Муся полгода прожила во Фрунзе под опекой Юсупа.

С 3 марта по 26 сентября она работала экономистом промышленной секции Госплана Киргизской АССР — была принята во внимание ее учеба

в Ленинградском электротехническом институте, то есть незаконченное высшее образование.

Подробности этого периода жизни Муси и Юсупа не сохранились, нет даже ее фотографий. В своем дневнике, который он начал вести позже, Юсуп называет это время счастливейшим в своей жизни. Их отношения: крупного местного руководителя и миниатюрной, золотоволосой ссыльной — не превратились в заурядную пошлую интрижку, а стали началом большой любви. По крайней мере, с его стороны к ней, как видно из дневника.

Но Муся не утратила своих чувств к Виталию Примакову и не порвала с ним свои отношения. Ездил ли она еще в Ташкент встречаться с ним, или их связь ограничивалась только перепиской, неизвестно. Также неизвестно, предпринимала ли она попытки встретиться со своим политическим кумиром, Л. Д. Троцким, который проживал с семьей неподалеку, в Алматы, куда был сослан в январе 1928 года. А может быть, он сам навещался во Фрунзе, о чем подруга предсовнаркома республики не могла не знать...

Между тем в Москве руководящие партийные органы рассматривали вопрос о политической реабилитации своих деятелей, которые были наказаны на XV съезде, «раскаялись в своей приверженности к троцкизму», «осознали свои ошибки» и подписали обращение в ЦК ВКП(б) с просьбой об отмене партийного решения. Подписала такое обращение и «видная троцкистка» М. Я. Натансон.

И вот в июле 1928 года Муся получает из Москвы решение, что ее просьба рассмотрена, все политические обвинения с нее сняты, и она может возвращаться по месту постоянного проживания, в Ленинград, захав перед этим в Москву, в ЦКК, — за необходимыми документами. Не мешкая она стала собираться.

Но еще до ее отъезда отправился в служебную командировку в Москву Юсуп. Он выехал из Ташкента 18 августа 1928 года. Муся провожала его на вокзале — для этого она приехала из Фрунзе, но встретила здесь (случайно ли?) Виталия Примакова.

О ДНЕВНИКЕ ЮСУПА

18 августа 1928 года — с этой даты он начинает вести свой дневник.

По воле «судеб» я оказался свидетелем событий величайшей исторической эпохи. Поэтому исторически не безынтересно, фиксация того, что ты видел, пережил, перечувствовал за каждый день. Это можно сделать при помощи дневника и я постараюсь сделать. Правда, я это делаю с большим опозданием, но «лучше поздно, чем никогда».

Моему дневнику... Ты отныне мой единственный, верный и молчаливый друг. Верный до поры и до времени. Ты верный мне до тех пор, пока в моих руках, а можешь стать предателем, когда перейдешь в чужие руки. Последняя возможность не исключена, но все же я от тебя не буду скрывать

ничего. Я расскажу тебе не только мысли и переживания политического деятеля, но и просто смертного человека.

Жаль, только одно — ты будешь слушать, но не отвечать. Что ж, мне суждено всегда быть одиноким и находить себе дорогу, как ни тяжело и трудно, но с «этакой» судьбой приходится мириться.

Мой друг! Все то, что тебе рассказываю, ты не должен рассказывать никому. Этого я требую до тех пор, пока я живу, а когда меня не станет, рассказывай кому хочешь, как хочешь. Итак слушай мои мысли, рассказы, о том, что было и будет (18.08.1928)²¹.

Дневник Юсупа Абдрахманова, к сожалению, сохранился лишь фрагментарно, но даже и сохранившаяся его часть опубликована не полностью — время еще не пришло. Сегодня с отдельными записями Ю. Абдрахманова можно ознакомиться в книгах, посвященных ему, или в Интернете, в соответствующей статье — «Дневники (Абдрахманов)» — на «Викитеке». Я же имел возможность прочесть все дошедшие до нас записи из этого дневника.

В тетрадях Юсупа много внимания уделено хозяйственным вопросам, которыми он занимался и которые мы здесь опускаем, но значительную часть составляют и лирические размышления.

Первая часть дневника охватывает период с 18 августа по 6 ноября 1928 года, после чего записи перерываются на два с лишним года. Вторая часть содержит записи с 10 ноября 1930 года по 11 ноября 1932 года, со значительными пропусками дат, особенно в конце этого периода.

Известные из других источников биографические материалы героев я вписываю в соответствующие места дневниковых записей, чтобы картина вышла более целостной.

Из дневника Юсупа Абдрахманова (Часть 1 — 1928 г.)

Хотя первая часть дневника охватывает менее трех месяцев жизни Юсупа в конце 1928 года, она очень информативна: здесь нашли отражения как общественно-политические и народно-хозяйственные события, происходившие в СССР и Киргизии, их анализ и размышления о них автора, так и глубокие личные переживания.

Он много времени проводит в Москве, выезжая в командировки как председатель Совнаркома небольшой азиатской республики — для решения насущных вопросов с центром. Например, он занимается вопросом сооружения Токмакской железнодорожной ветки, включением ее в план строительства, финансирования; ходатайствует в соответствующих организациях о направлении в Киргизию квалифицированных специалистов.

В Москве он неизменно встречается и проводит много времени со своими друзьями — Борисом Кушнером и его женой Раисой²².

Но главным образом его встречи проходят в разных учреждениях — как со средним звеном, так и с руководством. Среди них: нарком путей сообщения

СССР Я. Э. Рудзутак, нарком просвещения СССР А. В. Луначарский, нарком внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян, секретарь ЦК ВКП(б) и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК Л. М. Каганович. О последнем в дневнике такая запись: *«Был там еще Каганович, этот законченный бюрократ, беспринципный держиморда. Еврейский народ дал немало талантов революции, но дал еще такого»* (12.09).

Он с горечью отзываясь о складывающейся политической ситуации:

Внутрипартийное положение в стране и международное — не сулят ничего хорошего (24.08).

Страна накануне большого хозяйственного кризиса. Как выйти из этого положения, — никто не знает (02.09).

Увиливание от ответственной работы, нежелание быть ответственным за дело стало законом для среднего партактива. От Москвы у меня самое скверное настроение. Бюрократизм Госаппарата, безнадежный пессимизм среди актива — вот, что бросается в глаза провинциалам. А это только ослабляет тех, которые недостаточно крепко сидят на седле, не совсем уверены в том деле, за которое боремся (09.09).

Эти отставные партийные генералы долгое время будут злиться на партию, на ЦК. Они будут злиться до тех пор, пока не займут свое прежнее положение в партии... Тяжело сознавать, что и ЦК делает глупости, но это так... (10.09).

Нынешним вождям партии не хватает не только ленинского ума, гениальной прозорливости, но и ленинской политической честности даже в борьбе с идейными противниками. Этот недостаток вождей — немаловажный источник внутрипартийных неладов (01.11).

Наша система работы ни к черту. Бесконечные заседания и нет работы. Занялся подсчетом того, в скольких комиссиях я участвую. Оказалось, в восьми, и все они такие, что обязательно нужно участвовать... Куда это годится? Одни завалены, другие ничего почти не делают (05.11).

Юсуп много читает, особенно в поезде на пути в Москву, а будучи в столице, нередко ходит в театры и музеи. В списке прочитанных им в этот период книг: «Макар Чудра» и «О первой любви» М. Горького, «Железный поток» А. Серафимовича, «Коммивояжеры» С. Шолома-Алейхема, «Антихрист» Д. Мережковского, «Демон» Г. Гауптмана и другие. Он побывал в Большом театре на опере «Хованщина» (по рекомендации Муси, но не выдержал и ушел после первого действия), на балете «Конек-горбунок», во МХАТе на премьерном спектакле «Квадратура круга» (*«Бессодержательная, но смешная вещь»*).

Значительную часть дневника занимают его размышления о любви к «М.», «М. Н.», «Мусе», «Мусеньке», записи о встречах с ней. Эти трогательные, глубоко прочувствованные записи невозможно читать и сегодня без волнения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МУСИ ИЗ КИРГИЗИИ

О возвращении М. Натансон из Киргизии в Ленинград пишет Л. Сейфуллина в письме Карлу Радеку 6 ноября 1928 года:

...Очень хотелось бы повидаться с Вами, побеседовать, получить порцию Вашей брани и разъяснений. В письмах это сделать трудно. И хоть нет у меня никакого тайного рассуждения, которого я не могла бы вести где угодно, неприятно все таки, что письма читают. Содержание моего письма к Муське Натансон о делах глубоко личных, о наших с Валеи [Валерианом Правдухиным. — А. В.] временных тяжелых переживаниях мне сообщили со стороны. Но это — ерунда. В конце концов, революция обязывает к неудобствам житейским. По необходимости, можно поспать и в открытой спальне, претерпеть и разглашение моих личных злоключений.

Муська была в Ленинграде во время моего отсутствия, теперь ее отправили куда-то на курорт, и она еще не вернулась оттуда... <...>

По приезде домой я нашла на столе письмо от Примакова. Он писал из Ташкента, что скоро будет в Москве, оттуда думает приехать повидаться. Он лечился от бешенства, его укусила лошадь. Письмо какое-то вялое и грустное, может быть от нездоровья... [Фрезинский. С. 141—143, 145].

Приезжал ли Примаков на родину в конце 1928 — начале 1929 года, неизвестно.

«МУСЯ-ИНЖЕНЕРИЦА»

16 июля 1929 года Маяковский отправляет письмо в Париж своей возлюбленной, Татьяне Яковлевой, и, в частности, пишет:

...Таник! Ты способнейшая девушка. Стань инженером. Ты право можешь. Не траться целиком на шляпья²³.

Прости за несвойственную мне педагогику.

Но так бы этого хотелось!

Танька-инженерица где-нибудь на Алтае!

Давай, а!?...²⁴

Можно предположить, что это несвойственное для манеры Маяковского пожелание родилось после его встречи с Мусей во время недавней поездки в Ленинград: она рассказывала ему о своем восстановлении после возвращения из Киргизии в Ленинградском электротехническом институте и перспективе инженерной работы по его окончании «где-нибудь на Алтае».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИМАКОВА ИЗ АФГАНИСТАНА

В апреле-мае 1929 года В. Примаков — под именами Витмар и Рагиб-бей — командовал отрядом специального назначения в борьбе с мятежными войсками Бачаи-Сокао в Афганистане.

Во время этой спецоперации Красной Армии он возглавил советско-афганский отряд в две тысячи сабель при орудиях и пулеметах.

15 апреля 1929 года отряд Примакова, бойцы и командиры которого были одеты в афганскую форму, при поддержке авиации атаковал афганский пограничный пост. Советские войска действовали на территории Афганистана полтора месяца. За это время они взяли города Мазари-Шариф, Балх, Ташкурган и более мелкие населенные пункты. Примаков, по легенде, действовал под именем Рагиб-бея. В зарубежной литературе его окрестили Красным Лоуренсом²⁵. Когда стало известно, что Аманулла-хан решил прекратить вооруженную борьбу и бежал в Индию, а продолжение экспедиции выглядело бы как агрессия против суверенной страны, Сталин приказал отозвать советские войска из Афганистана.

Примаков вернулся на родину и был награжден третьим орденом Красного Знамени «за разгром басмаческих банд в Средней Азии», а уже в мае 1929 года получил новое назначение на должность военного атташе в Японии и выехал по месту службы.

В том же 1929 году в Ленинграде отдельной книгой вышел его очерк «Афганистан в огне»²⁶.

ДРУЖЕСКИЙ ВЕЧЕР В ДОМЕ МАЯКОВСКОГО

Сохранились воспоминания Галины Дмитриевны Катанян о домашнем праздничном вечере на квартире Маяковского и Бриков (в Гендриковом переулке) в конце 1929 года, на котором присутствовал «казах Юсуп»; они в свое время побудили меня к поиску сведений об этой незаурядной, в общем-то, личности.

Двадцатилетний юбилей

30 декабря 1929 г.

Афиши выступления Маяковского за двадцать лет расклеены на потолке в столовой — не поместились на стенах комнат. Обеденный стол куда-то вытасчен.

Друзья празднуют двадцатилетний юбилей [работы] Владимира Маяковского...

Вот список гостей, которые были на вечере...

Л. и О. Брик, Брюханенко, Г. и В. Катанян, Н. и О. Асеевы, С. и К. Кирсановы, Мейерхольд и Зинаида Райх, Давид, Надя и Фиалка Штеренберг, Л. Гринкруг, П. Незнамов, Е. и В. Жемчужные, Степанова и Родченко, Юсуп, В. Полонская, Яншин, З. и Б. Свешниковы, В. Каменский, С. и О. Третьяковы, Назым Хикмет, Кассиль, Л. Краснощекова, Л. Кулешов, А. Хохлова, Горожанин, Я. и В. Аграновы, Н. Денисовский, А. Крученых, Лавут с женой, Малкин.

Под утро приехали Пастернак и Шкловский...

...Юбиляра вводят в столовую и усаживают посреди комнаты. Он медленно переворачивает стул спинкой к себе и садится верхом. Лицо у него насмешливо-выжидающее.

Хор исполняет кантату с припевом:

Владимир Маяковский,
Тебя воспеть пора,
От всех друзей московских
Ура! Ура! Ура!

Произносится несколько торжественно-шутливых речей. Под аккомпанемент баяна, на котором играет Вася Каменский, я пою специально сочиненные Кирсановым частушки:

Кантаты нашей строен крик,
Кантаты нашей строен крик.
Наш запевала Ося Брик,
Наш запевала Ося Брик!

Рефрен:
Владимир Маяковский,
Тебя воспеть пора,
От всех друзей московских
Ура! Ура! Ура!

И Лиля Юрьевна у нас,
И Лиля Юрьевна у нас
Одновременно альт и бас,
Одновременно альт и бас!

Рефрен:

Затем Фиалка Штеренберг в коротеньком платьице, с бантом в волосах, подносит свиток поздравительных стихов, перевязанных ленточкой, — от подрастающего поколения. Разыгрываются шарады из Володиных стихов.

Выходят Асеев с Ксаной и усаживаются рядом.

«Маленькая, но семья».

Наташа вносит из передней ботики и делает вид, что снимает с них что-то. Никто не может догадаться. Оказывается:

«Ботики снял и пылинки с ботков».

— Ну, это что-то глубоко личное, — говорит Лиля.

Она сидит на банкеточке рядом с человеком, который всем чужой в этой толпе друзей. Это Юсуп — казах с красивым, но неприятным лицом, какой-то крупный партийный работник из Казахстана. Он курит маленькую трубочку, и Лиля изредка вынимает трубочку у него изо рта, обтерев черенок платочком, делает несколько затяжек. Юсуп принес в подарок Володе деревянную игрушку — овцу, на шее которой висит записочка с просьбой писать об овцах, на которых зиждется благополучие его республики.

Маяковский берет ее не глядя и кладет отдельно от кучи подарков, которыми завален маленький стол в углу комнаты.

Очень пестро, шумно, весело. Толкаясь, мы танцуем во всех комнатах и даже на лестничной площадке.

Веселятся все, кроме самого юбиляра. Маяковский мрачен, очень мрачен. Лиля говорит вполголоса:

— У Володи сегодня *le vin triste*.

Лицо его мрачно даже когда он танцует с ослепительной Полонской в красном платье. С Наташей, со мною... Видно, что ему не по себе.

Невесел и Яншин. Он как стал с самого начала вечера спиной к печи, так и стоит все время угрюмо, не двигаясь, с бокалом в руках.

Уже много выпито шампанского, веселье достигает апогея. Володя сидит один около стола с подарками и молчаливо пьет вино. На минуту у меня возникает ощущение, что он какой-то очень одинокий, отдельный от всех, что все мы ему чужие.

Кто-то просит его прочесть стихи, мы все присоединяемся к этой просьбе. Он встает нехотя, задумывается. Читает «Хорошее отношение к лошадям». Потом начинает «Историю про бублики», но на половине стихотворения бросает.

И больше ничего не хочет читать...

В именном указателе издания, по которому приведены воспоминания Г. Д. Катанян, такое пояснение: «*Юсуп — казахский поэт*». Так представляли его и автор мемуаров, и их публикатор И. И. Аброскина. Лишь получив из Целинограда уточнения о личности Юсупа, спешно сделали поправку в самом тексте — «*какой-то крупный партийный работник из Казахстана*» (не раскрывая, тем не менее, его официального титула), а в уже подготовленный именной указатель исправлений вносить не стали.

Юсуп и Лиля Брик

Позднее сын Галины Дмитриевны, Василий Васильевич Катанян, готовя к печати свою последнюю прижизненную книгу воспоминаний о Лиле Брик, так опишет со слов матери (и дополнит) этот эпизод:

...Кончался 1929 год. Лиля решила отметить выставку Маяковского, двадцатилетний творческий юбилей поэта, дома в Гендриковом. Было приглашено много гостей, вечер этот неоднократно описан во многих мемуарах — не буду повторяться. Юбиляра весело чествовали, гости танцевали и переодевались в костюмы, которые привезли Мейерхольд и его жена актриса Зинаида Райх, но виновник торжества был мрачен, и причин для этого было множество.

Незадолго до того ЛЮ увлеклась красивым киргизом с экзотической внешностью Юсупом Абдрахмановым. Это был выдающийся политический и государственный деятель Киргизии, приехавший в командировку в Москву. Он имел какие-то дела с левовцем Борисом Кушнером,

который и привел его в Гендриков. Ни у кого, кроме Лили Юрьевны, он интереса не вызвал.

Не снимая расшитой бисером тюбитейки, он ездил с нею в Ленинград, они ходили в музеи, гуляли в Павловске... Он дарил ей сюзаны, которые она очень любила.

Она и пригласила его на юбилей в Гендриков, и он был там единственным чужим среди своих. Он подарил Маяковскому деревянного барашка — символ процветания республики и попросил поэта не забыть о нем в стихах. Владимир Владимирович мрачно взял подарок и засунул его куда-то подальше.

Юсуп же не сводил восхищенных глаз с Лили, которая была в том самом полуголом платье, которое поэт привез ей из Парижа по ее списку. Маяковский явно ревновал, хотя среди гостей была Нора Полонская, в которую он был теперь влюблен. Она смушалась, что была в ярко-красном шелковом платье с причудливыми воланами, в котором она приехала с какого-то торжества. «Так и должно быть, — сказала Лиля, — сегодня Володин праздник, и вам полагается быть очень красивой». Лиля вела себя так, как будто все нормально, Маяковский старался не видеть, что Лиля сидела с Юсупом на банкетке и, взяв его трубку, тщательно вытерла черенок и затянулась... [Катанян В. В., 1998. С. 91–92].

По-видимому, это описание В. В. Катаняна праздничного вечера в доме Маяковского (правда, без указания на его авторство) было взято за основу главки «1929 год подходил к концу» недавно вышедшей в московском издательстве АСТ книги «Я — Лиля Брик»²⁸.

Вызывает сожаление, что в «Пристрастных рассказах» Лили Юрьевны (изд. 2003, 2011 гг.) нет ничего об этом вечере, как и о поездке с Юсупом в Ленинград, и лишь мимоходом упоминается В. М. Примаков, за которым она была замужем в 1930–1937 годах. Говорят, она неоднократно чистила свои дневники, вымарывая из них имена тех, кто со временем приобретал славу «врага народа» — не хотела оставлять документальные свидетельства своих близких отношений с ними.

В дневниках Ю. Абдрахманова также отсутствуют записи о дружеском вечере в доме Маяковского, как и другие записи этого периода. Но в семье Юсупа до сих пор вспоминают подарки, преподнесенные ему Маяковским: мраморный настольный письменный набор и привезенный из Америки бритвенный набор фирмы Gillette, невиданная по тем временам роскошь.

Сегодняшние журналисты, со слов потомков Ю. Абдрахманова, пишут еще, что *«сам Маяковский однажды презентовал для его Гульбахрам шикарные золотые женские часики. При аресте и обыске в 1937-м подарок поэта чекисты изъяли. Куда дели, неизвестно. Явно присвоил кто-нибудь, дело житейское...»*²⁹.

Прощание с Маяковским. 17 апреля 1930 г. Юсуп Абдрахманов стоит справа. Кадр из кинохроники

ПОХОРОНЫ МАЯКОВСКОГО

А еще через три с половиной месяца, 14 апреля 1930 года, Маяковский выстрелил из револьвера себе в сердце.

В эти дни в очередной служебной командировке снова оказывается в Москве Юсуп Абдрахманов. Естественно, 17-го с утра он в писательском клубе на прощании с Маяковским. Здесь же он встречается с только что вернувшейся из Лондона Лилей. Кинохроника, запечатлевшая церемонию прощания с поэтом, сохранилась до наших дней, и мы можем рассмотреть в кадре и Л. Ю., и Юсупа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИМАКОВА ИЗ ЯПОНИИ

Лишь недавно стали известны обстоятельства, объясняющие, почему пребывание Виталия Примакова в Японии оказалось столь кратковременным.

19 апреля 1930 года начальник 4-го (разведывательного) Управления штаба РККА Я. К. Берзин, который контролировал рассылку и деятельность военных представителей СССР в зарубежные страны, отправляет наркому К. Е. Ворошилову следующее донесение:

Совершенно секретно. Срочно.

В течение ряда лет т. Примаков, находясь на зарубежной военной работе (Китай, Афганистан, Япония), проявил себя работником, небрежно и неэкономно относящимся к народным деньгам... Здесь же необходимо отметить, что наш аппарат в Японии до т. Примакова [К. Ю. Янель, С. М. Серышев, В. К. Путьна]³⁰ при меньших денежных затратах добывал больше ценных материалов, чем в период руководства этой работой т. Примакова. Назначение т. Примакова военным атташе и руководителем агентурной работы в Японии не внесло существенных улучшений ни в руководство нашего военного аппарата в Японии, ни по линии добычи агентурных материалов. Наоборот, за последние истекшие шесть месяцев отмечается ослабление в поступлении нужных материалов из Японии. Как руководитель

агентурной работы т. Примаков проявляет большую склонность к добыче и сбору сведений по линии дорогостоящих представительств и академического изучения экономических вопросов, явно недооценивая значение агентурной работы... Докладывая о вышеизложенном, прошу Вашего распоряжения об отозвании т. Примакова В. М. с должности нашего военного атташе в Японии и назначении на эту должность другого, более соответствующего командира РККА³¹.

Резолюция Ворошилова от 23 апреля 1930 года: «*Не возражаю, подыскать заместителя*».

Виталий Примаков получил предписание сдать дела прибывшему преемнику и вернуться в СССР. Может быть, этот «японский инцидент» сказался в 1935 году, когда К. Е. Ворошилов «недооценил» В. М. Примакова, присвоив ему всего лишь звание комкора.

ЛЮБОВНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ В ГЕОМЕТРИИ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ

Итак, легендарный герой Гражданской войны, о котором в народе славились песни, и не просто кавалерист-рубака, а образованный военный-дипломат и публицист, только что вернувшийся из Японии, молодой (всего 33 года), красивый, физически крепкий, — таким он появился в Москве в конце лета 1930-го.

В таком герое, можно предположить, Лиля Юрьевна и нуждалась в не легкий для нее период. Несмотря на заработки О. М. и пенсию, которую она начала получать как «вдова поэта», материальное положение Бриков оставляло желать лучшего: Маяковский много писал и печатался, ездил с выступлениями, — все это приносило постоянный доход «семье». А главное, со смертью Маяковского в доме стало пусто — перестали появляться интересные люди, именитые гости. И она, Л. Ю., как женщина, нуждалась в привычном для нее мужском обожании.

Официальный брак с Осипом Максимовичем давно уже перестал быть союзом супругов в полном смысле этого слова, а потому ничего не мешало Л. Ю. заводить новые романы и даже вступить в новый брак. Не помешало ей и то, что Примаков был женат и у него рос сынишка. И уж, конечно, не имели значения для Л. Ю. отношения между Виталием Примаковым и Мусей Натансон, о которых ей было хорошо известно...

Словом, встреча состоялась, решение обоими принято — и Примаков въезжает в квартиру в Гендриковом переулке, на дверях которой еще красуется табличка «МАЯКОВСКИЙ. БРИК».

В августе 1930 года Виталий Маркович получил новое назначение — командиром и комиссаром 13-го стрелкового корпуса, расквартированного в Свердловске.

В ноябре, незадолго до отъезда Л. Ю. с ее новым мужем на Урал, в гостях в Гендриковом побывали Юсуп с Мусей. Об этом времени сохранились более подробные дневниковые записи Юсупа Абдрахманова, и мы приводим их здесь.

Из дневника Юсупа Абдрахманова (Часть 2 — 1930—1932)

10.XI.1930

Я однажды пробовал вести дневник, а потом забросил. Непосредственной причиной тому, что я начал вести дневник, было желание сохранить свидетельство об одном эпизоде личной жизни.

Забросил потому, что в этом дневнике оказалось написано многое, очень многое непродуманное, под впечатлением непосредственных переживаний, подчас до физической боли тяжелых.

Со временем, когда я прочитал свой дневник, пропустил через цензуру сознания борца все, что было там написано, мне стало стыдно за самого себя. Стыдно потому, что, оказалось, были минуты, когда я забывал свой долг солдата революции, забывал, что не имею права распоряжаться собою, что мною может распоряжаться партия, класс. Только за это было стыдно тому, кто вздумает меня упрекнуть за это, я отвечу: попробуй пережить то, что я пережил, а потом будем разговаривать.

Снова возобновляю фиксацию пережитого за день по совету друга...

25.XI.1930

Поезд опоздал. Приехал в Москву 25-го вместо нормального 24-го.

Вечером был у Кушнеров, и там же была моя родная. Мне безумно хорошо в обществе друзей. Это, очевидно, потому, что она умеет выбирать друзей, достойных ей.

Между прочим, позвонил Лилечке. Она была поражена тем, что я в Москве и, очевидно, не совсем довольна моим отношением с родненькой в том его виде, как ей я сказал: «статус кво». М. б., и не так. Во всяком случае, в ее голосе прозвучал тон огорчения, когда я ей сказал, что я с М. в больших друзьях и более ничего.

Сегодня начался процесс контр-революц. вредителей из «Промпартии». Шагаем вперед, несмотря ни на что, — к намеченной цели, к социалистическому обществу. Какое счастье жить в такое время, бороться за дело социализма и любить лучшего из лучших солдат Революции.

26.XI.30

...Вечером был с М. у Лили. Там же встретил В. П. Странное впечатление произвел на меня В. В нем не чувствуется облика партийца, бойца, каковым я его знал два года назад. Родненькая считает, что Л. и В. замечательная пара, а я боюсь, что их связь может привести к тому, что Вит. застрянет в болоте обывательского благополучия и будет потерян для партии и Революции.

Приятно сознавать, что мы (т. е. М. и я) совсем не похожи на эту пару, мы — солдаты Революции и ими останемся до конца нашей жизни.

Разве есть еще большее счастье, чем быть солдатом Революции?

Нет. Разве не самое большое счастье то, что ты любишь лучшего солдата революции, у которого крепкая рука, рука, которая всегда придет тебе на помощь? Да, это самое большое счастье. Русский язык богат, многогранен,

художествен, совершенен, но совершенно недостаточен, когда хочется словами передать М., как я ее люблю.

Она знает, что я ее люблю, но никогда не будет знать, как я ее люблю. Чтоб знать это, нужно было бы ей, хоть на одну секунду превратиться в Юсупа.

27.XI.1930

С Краснощековым договорился о созыве совещания по «Чуйстрою» на 29-ое [см. следующую главу. — А. В.].

Был у Наумчика³². Хороший парень, но, по-моему, он не растет. Мешанка с партбилетом может его погубить.

Родненькая спит у меня. Как невыразимо хорошо чувствовать близость родной, любимой.

28.XI.1930

...После обеда проспал свидание с М. и знакомство с сестрой Лили³³. Обидно. Поехал к Брикам. Лиля рассказала мне, что Виталий очень ревнив и особенно ко мне. Чудак. Ревность к прошлому глупо, а в настоящем, между мной и Л. нет ничего, кроме светской дружбы. Л. — неплохой человек и достаточно умна, но Комкор, водящий собачонку Л. во двор, производит гнетущее впечатление. Незавидная роль. Не останется ли навсегда в этой роли? Жаль бойца и неплохого.

Любовь и ревность — вещи довольно несовместимые. Ревность — недоверие. Любить и не доверять любимому человеку — глупо. Однако, многие из нас находятся во власти этой глупости. Я — не исключение. И Мусинька права, когда меня кроет за это, называя «азиатский деспот, сволочь и т. д.». Любовь вовсе не предполагает того, что любящие по временам не должны принадлежать самим себе. Наоборот, любовь требует свободы. И только такая любовь долговечна, которая не ограничивает свободы действия любящих.

Между прочим, я от Л. скрыл сегодня факт физиологического сближения с родненькой. (Откуда это я научился врать?) Она хотела узнать — не было ли попытки со стороны М. к физическому сближению и каково мое отношение к ней. На первую часть вопроса ответил, — что-то не заметно, а о своем отношении к М. сказал, примерно, следующее: — Ты знаешь мое отношение к ней. Я ее любил и сейчас, пожалуй, люблю крепче прежнего как друга, товарища, который мне нужен и в котором я нуждался всегда.

И, это, пожалуй, действительно так.

29.XI.30

...Начал писать свои тезисы о животноводческом хозяйстве. Конспект тезиса был составлен два дня назад, и мне очень хотелось согласовать его с родненькой и потом начать писать тезисы, но ее два дня я не вижу, а сегодня она отдала предпочтение разговору с какой-то О., чем помочь составить ответственный документ, определяющий линию работы целой организации на продолжительный период времени.

Писание тезисов продвигается медленно. Очевидно, я разучился писать или это от того, что недостаточно, видимо, изучен предмет.

Сказывается, видимо, еще усталость. В 10 час. вечера поехал к Брикам. Повидал Аграновых, познакомился с Златой³⁴. У нее много общего с Лилей.

Вит., как и вчера, ухаживает за собачкой Л. — отвратительно. Лиля убеждена, что Вит. ее очень глубоко любит, и она тоже его любит, но не очень, не так, как Вит. Более того, она считает возможным без боли для себя разрыв с Витом, если он не перестанет ревновать ее к прошлому и не поймет ее отношение к Оське. В общем, отзывается о Вите сдержанно лестно, но не совсем похвально. Л. почему-то не хочет, чтоб я об этих вещах рассказал родненькой. Она, видимо, не знает, что у меня нет и не будет никакого секрета от Мусеньки.

4.XII.1930

Закончил одну главу тезиса о животноводстве. М. просмотрела тезисы и внесла несколько поправок. Обедали у Брик.

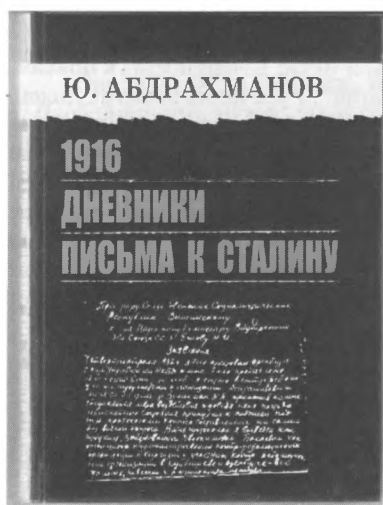
Мусинька уехала в Л.-д. Проводил. Она была нервна.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА ЮСУПА С БЫВШИМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ ЛИЛИ БРИК

В дневниковой записи Юсупа за 26 ноября 1930 года среди хозяйственных дел прошедшего дня упоминается следующее: «...*Говорил с Краснощековым о проблеме новых лубяных культур в Чуйской долине Киргизии... Он предлагает создать “Чуйстрой”, в ведении которого будут переданы все вопросы, связанные с орошением и электрификацией Чуйской долины. Идея мне очень понравилась, и я дал согласие обсудить этот вопрос вместе с заинтересованными организациями...*».

Эта запись в книге, выпущенной в 2012 году бишкекским издательством «Турар» — «Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину», — никак не комментируется, имя и отчество ходатая за развитие в Чуйской долине лубяного хозяйства не раскрываются, и похоже, что Юсупу (и редакции) он неизвестен. А между тем это Краснощеков Александр Михайлович (1880—1937), видный большевик, экономист и юрист. В годы Гражданской войны был председателем Дальсовнаркома и правительства Дальневосточной Республики (ДВР). Его высоко ценил В. И. Ленин. С 1922 года он — председатель Промбанка и заместитель наркомфина.

А. Краснощеков был близко знаком с Маяковским и Бриками. В августе 1922 года Александр Михайлович привлекает юриста О. Брика для составления Устава только что организованного им Торгово-промышленного банка. Осип Максимович часто бывает на «Биржевке», имеет возможность вблизи наблюдать жизнь высокопоставленных советских чиновников («красных банкиров») в эпоху НЭПа. Эти наблюдения были использованы им при написании повести «Не попутчица», над которой он начал работать тогда же, а опубликовал в журнале «ЛЕФ» (№ 1, 1923)³⁵.

Обложка книги, выпущенной издательством «Турар» (Бишкек, 2012 г.)

Лето 1923 года Маяковский и Брики проводили на даче в Пушкино, их соседом по даче был все тот же А. М. Краснощеков, с которым у Л. Ю. завязался бурный роман. В сентябре Краснощеков был арестован, а в марте 1924 года обвинен в служебных злоупотреблениях в Промбанке, в «разгульной безобразной жизни», растратах на женщин — и приговорен к тюремному заключению. Но в конце 1924 года его неожиданно и необъяснимо для окружающих из тюрьмы освободили.

Лишь недавно была найдена в архиве³⁶ и опубликована [Фрезинский. С. 32] записка Л. Ю. Брик Л. Б. Каменеву, проливающая некоторый свет на эту историю.

9 XI 24

Лев Борисович, звонила Вам по телефону три дня — так и не дозволилась. Если можете найти для меня час времени — очень прошу Вас позвонить мне 67-10, чтоб условиться, когда и куда придти к Вам (может быть, удобнее Вам — ко мне?)

То, о чем хочу говорить с Вами, касается лично меня — хотелось бы, чтобы никто не знал об этом.

Жму руку

Лиля Юрьевна Брик

Б. Я. Фрезинский в своей книге «Писатели и советские вожди» пишет, что в 1924 году Л. Б. Каменев являлся самой крупной государственной фигурой в СССР, едва ли не главным наследником Ленина (его должности — председательствующий на заседаниях Политбюро, заместитель председателя Совнаркома, председатель Совета труда и обороны, директор Института Ленина), и обладал достаточным влиянием, чтобы ослабить

давление Куйбышева, несомненно входившего в сталинский круг в аппарате ЦК. Судя же по тону записки, Л. Ю. была достаточно хорошо знакома со Львом Борисовичем (недаром она предлагает встретиться у нее дома!), и Фрезинский настаивает, что речь в записке могла идти *только* о Краснощекове, которого Л. Ю. тогда бросилась выручать.

Состоялась ли встреча Лили Брик с Каменевым, неизвестно; но уже 20 ноября 1924 года Краснощеков, страдавший наследственной бронхоэктазией, был переведен из Лефортовской тюрьмы в тюремную больницу, а 27 декабря, выписав из больницы, его освободили совсем.

История грехопадения А. М. Краснощекова вскоре всплыла на сцене московского Театра Революции. По заказу театра, политруком которого была жена Л. Б. Каменева³⁷, на эту тему молодой драматург Б. Ромашов написал пьесу «Воздушный пирог». Прототипом главного героя, Коромыслова, стал Краснощеков, а его возлюбленной, Риты Керн, — Лиля Брик, о чем говорила «вся Москва». Пьеса была поставлена в 1925 году и с успехом шла на сцене Театра Революции.

А что же А. М. Краснощеков? После курса лечения в июле 1926 года он направлен на работу в Главный хлопковый комитет Наркомзема СССР экономистом-консультантом по финансовым вопросам; в августе 1930 года назначен председателем правления Новлубтреста и директором НИИ новых лубяных культур³⁸.

Именно эти организации он и представлял на встрече с Юсупом. Но если бы тот знал историю своего визитера и ходатая, то их беседа могла бы выйти далеко за рамки лубяных проблем и, несомненно, нашла бы свое отражение в дневнике Юсупа.

Кстати говоря, дочь Краснощекова, Луэлла, которая одно время жила в «семье» Маяковского — Бриков, присутствовала на домашнем вечере Владимира Владимировича 30 декабря 1929 года.

Но Л. Ю. не смогла навсегда отвести беду от А. М. Краснощекова — он был арестован вторично 16 июля 1937 года, ложно обвинен по статьям 58/4, 58/6, 58/8, 58/11 и постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор (расстрел) приведен в исполнение 26 ноября 1937 года.

Окончание истории: Юсуп Абдрахманов

В 1930 году волна истории подхватила наших героев и понесла прочь друг от друга. Муся и Виталий Маркович, так же как Лилия Юрьевна и Юсуп, насколько сегодня известно, больше не встречались. И хотя роман Л. Ю. и Юсупа закончился, можно сказать, не начавшись, да и отношения Виталия Примакова с Мусей исчерпали себя довольно скоро, стоит уделить внимание этим второстепенным персонажам настоящей дилогии. Может быть, на этих страницах их роль и невелика, но в летописи огромной страны, которой больше нет — СССР, — в горькое время тридцатых и Мария Натансон, и особенно Юсуп Абдрахманов совсем не последние лица.

На посту председателя Совнаркома Киргизии Юсуп Абдрахманов сделал многое для развития народного хозяйства и культуры только что образованной Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики, которая в органическом единстве со всей страной решала проблемы социалистического строительства.

Личный дневник, этот сокровенный документ, лучше всего открывающий подноготную пишущего, свидетельствует о том, что председатель Совнаркома Киргизской АССР видел недостатки линии партии. И как когда-то поведал своему «другу» Юсуп: *«Ты верный мне до тех пор, пока в моих руках, а можешь стать предателем, когда перейдешь в чужие руки»* — дневник, содержащий крамольные мысли, в самом деле попал в чужие руки, а точнее, в лапы ЦК ВКП(б). И в сентябре 1933 года Центральный Комитет, рассмотрев вопрос о Киргизской парторганизации, освободил Ю. Абдрахманова от должности председателя Совнаркома Киргизской Республики, дело о его партийности передали в Центральную контрольную комиссию ВКП(б).

В своем объяснении партийным органам о невыполнении распоряжений партии — срыве плана хлебозаготовок — Ю. Абдрахманов писал:

Весной 1932 г. казахи массами прикочевали в Киргизию. Среди них началась смертность на почве голода. Это напугало многих руководителей, в т. ч. и меня.

По плану хлебозаготовок были разногласия в Средазбюро ЦК ВКП(б), так как мы считали, что нашу республику перегружают. В связи с казахскими откочевниками у нас — руководящих работников, появились сомнения насчет реальности плана. Это демобилизовало нас и мы в начале хлебозаготовок допустили по некоторым районам юга (Джалал-Абад, Араван-Бура, Наукат) торговлю хлебом. Беседуя с Шахраем и Исакеевым о том, что план трудно выполнить, я сказал: «Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана». Оба с этим согласились [Абдрахманов, 2012. С. 61].

Голод в Казахстане, отголоски которого ощущались в соседней Киргизии, — одна из наиболее трагических страниц в истории казахского народа. Впоследствии историки назовут его Голодомором, или Великим Джутом.

Как бы там ни было, 14 октября 1933 года ЦК ВКП(б) исключила Ю. Абдрахманова из партии за извращение решений партии. Но, принимая во внимание его прежнюю работу и активное участие в Гражданской войне, ЦКК сочла возможным вернуться к вопросу о партийности бывшего председателя Совнаркома Республики не ранее чем через год, на основании отзыва парторганизации.

Абдрахманов был направлен на должность заместителя заведующего управлением животноводства Средневожского краевого земельного отдела в Самару, а с 1935 года работал на этой должности в Оренбургском облисполкоме.

В 1934—1937 годах он четырежды писал на имя Сталина и дважды обращался в КПК при ЦК ВКП(б) с просьбой о восстановлении в партии, на три своих заявления получил ответы, и последний обнадеживал: заявление его передано на рассмотрение Оренбургского горкома партии.

Вопрос о восстановлении в партии Ю. Абдрахманова в самом деле был поднят, однако вскоре секретарь Оренбургского горкома партии сообщает в КПК при ЦК ВКП(б), что «Ю. Абдрахманов арестован как активный участник контрреволюционной Алаш-Ординской организации. В отношении дачи ему положительной партахарактеристики — привлекаем к партответственности виновных в этом»³⁹. Это происходило в начале июня 1937 года.

Арестован Юсуп был еще 4 апреля 1937 года: ему предъявили обычное в таких случаях обвинение — антисоветская деятельность. Из Оренбурга его перевезли во Фрунзе.

А 27 октября того же года из тюрьмы НКВД Киргизской ССР Ю. Абдрахманов написал на имя прокурора СССР Вышинского и наркома внутренних дел Ежова заявление, в котором рассказывал о деталях следствия по его делу:

...Допрашивавший меня следователь гр. Зеликман Н. П., применив ко мне специальные меры воздействия и доведя меня почти до невменяемого состояния, принудил к подписи под т. н. протоколами допроса, составленными им самим, без всякого допроса. В этих протоколах я выведен как троцкист... как организатор националистических контрреволюционных организаций в Киргизии и участник контрреволюционных организаций в Куйбышеве и Оренбурге. Но это ложь, ни в каких контрреволюционных организациях я не состоял.

Кроме того, в этих протоколах многие лица, которых как будто бы я знал как участников контрреволюционных организаций, а, между тем, многих из этих лиц я совершенно не знаю и о них впервые узнал со слов Зеликмана. В силу вышеизложенного я отказываюсь от своих подписей под протоколами допросов, составленных Оренбургским Управлением НКВД и прошу, что, если будет суд над лицами, указанными в протоколах допроса с моими подписями, то мою подпись не считать как доказательство их виновности. Кроме того, прошу ознакомиться с моим собственноручным заявлением от апреля с/г на имя начальника УНКВД по Оренбургской области, где изложено все, что я считал контрреволюционным в своей работе и за что готов нести любую ответственность.

Арестованный Абдрахманов Юсуп (быв. предс. СНК Киргизии) [Абдрахманов, 2012. С. 114—115].

В ночь с 5 на 6 ноября 1938 года состоялось закрытое судебное заседание Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Ю. Абдрахманову было предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской террористической диверсионно-предательской организации, которая «ставила своей целью свержение советской власти, отторжение Киргизии

от СССР и создание буржуазно-националистического государства с ориентацией на Англию». Он был приговорен к высшей мере наказания.

Юсуп Абдрахманов был расстрелян накануне всенародного празднования 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, служению которой он посвятил свою жизнь.

Окончание истории: Муся Натансон

В архивах Ленинградского мартиролога (1937–1938) и органов безопасности Казахстана сохранились скупые канцелярские строчки о последних годах жизни М. Натансон, которые при их сложении образуют такую справку:

Натансон Мария Яковлевна, 1901 г. р., уроженка Курляндской губ. (Латвия), еврейка, арестована 5 февраля 1933 года. Осуждена в феврале 1933 года за «контрреволюционную деятельность» на 3 года высылки в Минусинск. Отбывала наказание в Алма-Ате, где работала инженером (по другим данным, экономистом промышленной секции Госплана Киргизской АССР). Вновь арестована 21 декабря 1934 года (по другим данным, 26 декабря 1934 года) в Москве. Осуждена 16 января 1935 года на 5 лет концлагеря. Отбывала наказание в Севвостлаге (Колыма). Тройкой УНКВД по Дальстрою 8 сентября 1937 года приговорена по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстреляна 25 сентября 1937 года⁴⁰.

Эти строки вызывают больше вопросов о судьбе Муси, чем ответов на них — и некого спросить о событиях почти вековой давности.

Но сохранились достоверные воспоминания о самых последних днях ее жизни⁴¹:

...Через некоторое время после моего приезда на прииск⁴² за стеной у меня поселили Евгения Островского⁴³ и Мусю Натансон. Наши одноклассники из «мариинцев». «Мариинцы» — это группа заключенных, переведенных сюда из Мариинских лагерей. Попав на Колыму, они сразу поставили ряд условий: работа по специальности, совместное проживание мужей и жен и т. д. Объявили голодовку. Голодали 80 дней — самая продолжительная из всех колымских голодовок. Кормили их насильно. Муся уже через несколько дней не в силах была сопротивляться, а Евгений — здоровый мужчина, его до последнего дня кормили связанным. Голодовку они выиграли. Во всяком случае, им обещали, что их требования будут удовлетворены. Они сняли голодовку и их сразу разогнали по разным приискам. Евгений и Муся попали сюда. Жили мы с ними дружно — и я, и особенно Павел [муж М. Иоффе. — А. В.]. Для него они, помимо всего прочего, еще — ленинградцы.

Как-то в конце апреля, ночью, Павла не было, а мы уже давно спали, раздался стук в дверь. Пришел «кум», уполномоченный НКВД, и с ним охранник. Сделали обыск. Ничего, конечно, не нашли. Потом уполномоченный сказал Евгению и Мусе, чтобы они собирались. С вещами.

Сакраментальная тюремная формула — «с вещами». Она всегда сулит перемену в жизни. И редко — к лучшему. Потом их увели. <...>

Евгения и Мусю я никогда больше не встречала. Потом стало известно, что все участники мариинской голодовки были расстреляны...

Добавлю, что следы сына Марии Яковлевны, Левы, затерялись, и о нем мне ничего неизвестно. Впрочем, я не теряю надежды, что внимательные и отзывчивые читатели, ознакомившись с этим очерком, смогут дополнить его какими-то чудом сохранившимися фактами, документами, фотографиями и воспоминаниями о жизни моих героев.

Так, злосчастным образом в одной участи соединились судьбы трех незаурядных людей (Виталия Примакова, Юсупа Абдрахманова, Марии Натансон), веривших беззаветно в светлые идеалы Революции, в дело Советов и партии. Удачливей своих друзей и возлюбленных оказалась Лиля Брик, которая благополучно миновала страшные годы Большого террора и Великой Отечественной войны, чтобы дожить до глубокой старости, не переставая блистать в обществе и быть любимой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО, ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. М. и Л. Ю. БРИК
С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМИ ДАТАМИ ОТПРАВЛЕНИЯ

Доп. № 1

Л. Брик — О. Брику

Кэс!

Виталий принес мне пятьсот таких больших конвертов, в котором я посылаю это письмо. Боисси, что они все-таки малы. Попробуй вложить самый большой лист из Володиных рукописей и напиши — годятся ли, а то можно заказать побольше. Попробуй вложить рукопись «Про это».

Кислит!

Мы с тобой все время разговариваем по телефону, поэтому писать не о чем.

Целую тебя 10000000 раз.

Вася хорошо написал в «Литературной» о том, как издавать Маяковского!

Целую тебя еще 100000 раз.

Твоя (Киса — рис.)

Доп. № 2

Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва, Таганка)

**ОЧЕНЬ СОСКУЧИЛАСЬ ПОЗВОНИ ПОСЛЕ ШЕСТИ ЧАСОВ
КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ТВОЯ ЛИЛЯ=**

Доп. № 3

Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Ленинград)

Срочно. Ленинград. Европейская гостиница. Брику.

УЖАСНО СОСКУЧИЛАСЬ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ТВОЯ ЛИЛЯ=

Доп. № 4

Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва)

Срочно. Москва. Арбат. Спасопесковский пер., 3, кв. 55, Брику

ВСТРЕЧАЙ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО КУРЬЕРСКИМ ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=

Доп. № 5

Л. Брик — О. Брику (Свердловск — Москва)

Срочно. Москва. Арбат. Спасопесковский пер., 3, кв. 55, Брику

ПОЕЗД ОПАЗДЫВАЕТ НА СУТКИ ЧАСОВ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=

Доп. № 6

Л. Брик — О. Брику, В. Примакову (Свердловск — Москва)

Срочно. Москва. Арбат. Спасопесковский пер., 3, кв. 55, Брику, Примакову

**НЕВЫНОСИМО БЕСПОКОЮСЬ МОЛНИРУЙТЕ НЕМЕДЛЕННО
=ЛИЛЯ=**

Доп. № 7

Л. Брик — О. Брику (Кисловодск — Москва)

Москва. Арбат. Спасопесковский пер., 3, кв. 55, Брику

БЕСПОКОЮСЬ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ЛИЛЯ=

Доп. № 8

О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Свердловск)

Свердловск, ул. Ленина, 36, кв. 19. Брик

АСТОРИЯ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

Доп. № 9

О. Брик — Л. Брик (Ленинград — Свердловск)

Свердловск, ул. Ленина, 36, кв. 19. Брик

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

Доп. № 10

О. Брик — Л. Брик (Москва — Свердловск)

Свердловск, ул. Ленина, 36, кв. 19. Брик

**СЕГОДНЯ ВОСТОКФИЛЬМ ПЕРЕЧИСЛЯЕТ ИМЯ ВИТАЛИЯ ТЕЛЕ-
ГРАФНО ГОСБАНК ТЫСЯЧУ ОСТАТОК ПРИВЕЗИ МОСКВУ =ОСЯ=**

Доп. № 11

О. Брик — Л. Брик (Москва — Ленинград)

Ленинград, Воскресенский, 17, кв. 28, Райт для Брик

**ВЫЕЗЖАЮ ЧЕТВЕРГ ПРИГОТОВЬ ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ НА ПЯТНИ-
ЦУ ВЕЧЕРОМ ОЧЕНЬ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=**

Доп. № 12

О. Брик — Л. Брик (Ниж. Новгород — Ленинград)

Ленинград, Воскресенский, 17, кв. 28, Райт для Брик

ВСЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=

Доп. № 13

О. Брик — Л. Брик (Саратов — Москва)

**ЕДУ ПРЕКРАСНО ПОЧЕМУ НЕ ПИШЕШЬ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЗДО-
РОВЬЕ ДЕЛА САМАРА ПРИСТАНЬ ПАРОХОД ТОМСКИЙ КАЮТА
ШЕСТНАДЦАТЬ КРЕПКО ЛЮБЛЮ ЦЕЛЮЮ =ОСЯ=**

Л. Ю. Брик. Из воспоминаний о Владимире Маяковском

Публикуемые отрывки из воспоминаний, рисуя облик живого Маяковского в годы воинствующего футуризма, дают интересный материал для биографии «агитатора, горлопана, главаря», каким стал поэт, пройдя путь от «желтой кофты» до РАППа. В борьбе с бальмонтовщиной, с трусливыми издателями, боявшимися поместить «Облако в штанах», зарождалась революционная линия поэзии Маяковского.

С Володей познакомила меня моя сестра Эльза в Малаховке в 1915 году. Мы сидели вечером на лавочке около дачи. Пришел Маяковский, поздоровался и ушел с Элей гулять.

До этой встречи мы с Бриком только один раз видели Маяковского в Литературно-художественном кружке в Москве, в вечер какого-то летнего юбилея Бальмонта. Не помню, кто произносил и какие речи, помню только, что все они были восторженно юбилейные, и один только Маяковский сказал блестящую речь «от наших врагов».

Он говорил убедительно и смело в том роде, что это хорошо было раньше дрожать ступеням под ногами, а сейчас он предпочитает подниматься в лифте.

Потом мы слышали, как Брюсов отчитывал Володю в одной из гостиных кружка: «в день юбилея разве можно». Но явно был рад, что Бальмонту досталось.

Брюсов вел чествование, но нам было ясно, что он раздражен и завидует Бальмонту.

Бальмонт принимал почести без малейшей иронии. Он передвигался по комнатам, как больной, поддерживаемый с обеих сторон поклонниками. И когда какая-то барышня подлетела к нему и не то всхлипнула, не то пропела «поцеловаться», он серьезно и торжественно протянул губы.

Тогда же в тот же вечер, Володя стоял перед портретом Репина — «Толстой» и говорил окружавшей его кучке джентльменов: «Надо быть хамом, чтобы так написать!»

Все это нам понравилось, но по наслышке мы продолжали возмущаться, я в особенности, скандалистами, у которых ни одно выступление не обходится без городского и сломанных стульев, и Брику так и не удалось ни разу вытащить меня проверить, в чем дело.

Прошло около месяца после нашего знакомства. Мы жили в Питере. Брик был болен инфлуэнцей и лежал на диване. А я растянула колено и тоже лежала на двух креслах. Вдруг совершенно неожиданно входит Маяковский. Приехал из Куокала загорелый, очень здоровый и сразу стал хвастаться, что стихи у него самые лучшие, что нам их не понять, а что кроме его стихов хороши еще стихи Ахматовой.

Меня с детства учили, что хвастаться стыдно, и я была возмущена и сказала ему, стараясь быть вежливой, что его стихов я, к сожалению, не читала, но судя по тому, что ему нравятся стихи Ахматовой, вкус у него плохой и стихи, вероятно, плохие. А прочесть я их попробую правильно, если они у него с собой. «Есть. — Мама и убитый немцами вечер». Я прочла все как надо. Володя этому удивился очень и спросил: «Не нравится?». Меня продолжило возмущать Володино нахальство, и я ответила: «Не особенно».

Приехала из Москвы Эльза, опять приехал Володя из Финляндии. Мы умоляюще шепнули Эльзе: «Не проси его читать». Но Эльза подвела, и Володя прочел нам «Облако в штанах».

Читал он потрясающе. Мы обалдели.

Последнее время мы ничего не могли читать. Вся поэзия казалась ужасно никчемной. Писали не так и не про то. А тут вдруг и так и про то.

Брик взял у Володи тетрадку и не отдавал весь вечер — все читал.

А Володя так и не вернулся больше в Куокала, оставил там и даму сердца, и белье у прачки, и вообще все свои вещи, и в тот же вечер посвятил мне «Облако».

Никто не хотел печатать «Облако», хотя Володя тогда уже печатался в «Сатириконе», и «Сатирикон» даже купил у него книжку стихов.

Брик достал денег на «Облако». Принцип оформления был — ничего лишнего, упразднили даже знаки препинания. Вместо последней части о боге, запрещенной цензурой, поставили точки.

Мы знали «Облако» наизусть, корректуры ждали, как свидания, места, запрещенные цензурой, вписывали от руки. Я была влюблена в оранжевую обложку, в шрифт, в посвящение и переплела свой экземпляр в самый красивый переплет у самого лучшего переплетчика.

Володя стал знакомить нас со своими, начали поговаривать об издании журнала. Он зашел к Шкловскому, не застал его дома и оставил записку, чтобы пришел вечером на Жуковскую, 7, кв. 42, к Брику. Шкловский служил с каким-то вольноопределяющимся Бриком и пришел в полной уверенности, что идет к нему, а попал к нам. От неожиданности и смущения он весь вечер закинул диванные подушки в щель между спинкой дивана и сидением и сделал это так добросовестно, что мы их потом целый день вытаскивали — дедка за репку.

Изредка бывал у нас Чуковский, он жил в Куокале и теперь был счастлив тем, что Володя оттуда уехал. Он говорил, что не может спокойно работать, когда знает, что Володя в одном с ним городе, хотя относился к нему восторженно, и «Облако» ему очень нравилось. Как-то раз, когда

мы сидели все вместе и обсуждали возможности журнала, он вдруг сказал: «Вот так, дома, за чаем, и возникают литературные течения»¹. Мы ему тогда не поверили.

Постепенно стали ходить к нам Василий Каменский, Давид Бурлюк, Пастернак, Хлебников.

Стали собирать первый номер журнала. Имя ему дали сразу: «Взял». Володя давно уже жаждал что-нибудь назвать этим именем — сына или собаку — назвали журнал. В журнал вошли: Хлебников, Пастернак, Асеев, Шкловский. Первый раз выступил в печати Брик. Пришел к нам как-то Философов² и изрек: «Единственный опытный журналист у вас, повидимому, Брик». Это было очень неверно, но Брик был очень горд. Оформлял журнал тоже Брик, и до сих пор левые оформители недалеко ушли от «Взял». Обложку сделали из очень грубой оберточной бумаги, а слово «Взял» напечатали аршинными буквами. При печатании деревянные буквы цеплялись о кусочки дерева в бумаге и чуть ли не на сотом уже экземпляре буквы стали получаться пестрые и серые, а под конец совсем еле заметные. Пришлось от руки, кисточкой, всем семейством, закрашивать весь тираж.

Володя дал во «Взял» первое стихотворение из «Флейты». Писалась «Флейта» медленно, каждое стихотворение читалось мне, потом мне и Брику и наконец всем остальным. Так было всю жизнь, со всем что Володя писал.

Л. Ю. Брик. Воспоминания о семье УБОРЕВИЧ

Мирочка, дорогая, постараюсь написать для Вас то, что помню о Вашей, милой моему сердцу, семье.

После смерти В. В. Маяковского я получала много писем. Одно из них я прочла более внимательно; жаль, что я его не сохранила; тогда мне было не до писем... Обратный адрес на конверте ничего не сказал мне: «отправительница — Н. В. Уборевич»(?). Помню, что письмо было подробное, но этих подробностей не помню. Был упрек, что за В. В. не доглядели. Когда я познакомилась с Ниной Владимировной, она сказала мне, что это письмо написала она.

Она была страстно влюблена в поэзию Маяковского. В ранней молодости на Дальнем Востоке она играла в спектакле «Мистерия-Буфф» в постановке молодого Охлопкова. Потом, уже в Москве, бегала на выступления М-го. Не помню, была ли она знакома с ним. Творчество его она страстно пропагандировала, много говорила о нем Иерониму Петровичу, читала ему стихи М-го.

С И. П-чем я познакомилась раньше, чем с Ниной Владимировной. В 1931 году мы с Виталием Марковичем Примаковым жили в Свердловске,

когда туда приехал И. П-вич. Виталий Маркович пригласил его к нам обедать. На двери квартиры, в которой мы жили, были две медные дощечки: «БРИК» и «ПРИМАКОВ». На звонок я открыла дверь. На площадке стоял молодой, стройный, элегантный, красивый военный, очень смущенный, все больше и больше краснеющий. Я сказала что-то вроде: «Что же Вы? Входите», а тут и В. М. вышел в переднюю. И. П-вич все смотрел на меня и, наконец, произнес: «Вы — Лиля Брик?!» Он был очень поражен, что мы с В. М. живем вместе, он этого не знал и очень обрадовался этому. Ему казалось, что именно я была нужна Виталию. Мы втроем тогда долго просидели и хорошо поговорили. Уборевич рассказывал, что о Маяковском многое знает от своей жены, что она неотступно пропагандирует его стихи, и сам он никак не ожидал, что таким образом «встретится» с ним в Свердловске! Насколько помню, обедали мы втроем. Больше никого у нас в тот день не было. Разговаривали о литературе, о стихах, о жизни...

Назавтра Уборевич пригласил нас обедать к себе в вагон. Было симпатично, не казенно, но кроме нас было много военных, и я не помню, о чем шла речь. Помню только, что почти ничего не пили, а на Урале, когда собирались, пили отвратительно, безобразно много, и всегда «без жен». Виталий Маркович ненавидел это, боролся, как мог, не давал гостям водки, притворялся, что не видит их недоумения, и почти на все приглашения отвечал, что придет со мной.

Не помню, как началась наша дружба в Москве. Встречались мы часто. И почти ежедневно подолгу разговаривали. Когда мы вернулись в Москву, Уборевичи сразу пригласили нас к себе. У них была небольшая, совсем не казенная, интеллигентная квартира: кабинет, спальня и детская их дочери, маленькой красавицы, Мирочки. Позднее Н. Вл. рассказывала, что она ждала мальчика и решила назвать его Владимиром, в честь Маяковского. Но родилась девочка, и она назвала ее «Владимира», сокращенно — «Мира», «Мирочка».

Нина Владимировна была небольшого роста, хорошенькая, очень живая женщина с пушистыми ресницами и бровями, отчего пушистыми казались глаза. Личико круглое с очень гладкими, веселыми, розовыми щечками и двумя горькими морщинами в углах рта. Н. Вл. была образована, начитана, прилежна, трудолюбива, глубоко принципиальна, интересовалась искусством и любила его. Ни к чему она не умела относиться равнодушно, все делала с увлечением. Даже еда на столе была какая-то не банальная; все стряпалось с умом, фантазией и душой. Н. Вл-не не лень было возиться: стереть творог с тмином, индейку начинить каштанами, а рыбу сделать фаршированную.

На следующее утро после нашего первого посещения Н. Вл. позволила мне, что я забыла у них носовой платок с вышитой буквой «Л», и что Мирочкина белая крыса выгрызла на нем то место, на котором был след от духов. Может ли Н. Вл. оставить этот платочек у себя на память?

«О, господи, — конечно!» После этого мы виделись часто, а по телефону Н. Вл. говорила со мной подолгу почти ежедневно. Она много рассказывала мне о себе, о первом знакомстве с И. П. Из всего этого что-то помнится, но слишком смутно и неточно для того, чтобы я могла записать это.

И. П., в отличие от В. М., был франтом. Вернее, франтами были оба, но франтовство у них было разное. И. П. презирал портянки, в любой мороз носил шелковые носки, и я никогда не видела его в штатском, хотя он меньше всего был солдафоном.

В. М. необыкновенно ловко, с шиком, заворачивал ноги в портянки, а снявши сапоги, вешал абсолютно сухие портянки «сушиться» на батарею. Но пользовался любой возможностью надевать штатский костюм.

И. П. и В. М. очень любили друг друга, хотя никогда не было у них панибратства, и они не выкладывали друг другу свои личные дела. Но И. П.-вич много и восторженно рассказывал мне о Примакове, а В. М. так же восторженно об Уборевиче.

Когда после ареста Примакова Осип Максимович пошел к Уборевичу, и в ужасе и недоумении от случившегося сказал, что В. М. был образованнейшим военным, талантливым писателем, принципиальнейшим человеком, но меньше всего политиком, И. П. сказал, что это неверно, что Примаков был и настоящим политиком и что в абсолютной честности Примакова он уверен.

Но не это — тема моих воспоминаний.

И. П.-вич часто и подолгу бывал в отъезде. Н. Вл. не могла ездить с ним. Она работала, инспектировала что-то. Мирочка училась в школе, увлекалась уроками музыки и, кажется, ее учили какому-то языку. Семья была тесная, дружная. Все любили друг друга, верили друг другу. Любили, как родную, и няню, бывшую монашенку Машу, добрую, чистоплотную, всегда в белом платочке. Маша вкусно готовила и всегда была рада гостям.

Н. Вл. и И. П.-вич не стеснялись при нас быть нежными друг с другом. Помню, все мы сидели в крошечном кабинете И. П.-вича. Он сидел в кресле, а Н. Вл. примостилась на ковре у его ног, они держали друг друга за руки, и Н. Вл. прижималась к его руке то щекой, то губами.

Женственность — интенсивная краска в портрете Н. Вл. При полном отсутствии стяжательства, жажды накопления, как любила она безделушки: колечки, брошки, сумочки и духи, духи... А шубой и коврами питалась моль, и плевать она на них хотела. Она ненавидела карьеристов, подхалимов, антисемитов. В Сибири она жила по соседству с какой-то еврейской семьей, дружила с ней и научилась говорить по-еврейски. Ей нравился жаргонный юмор, и с Тышлером, с которым она дружила, она часто перебрасывалась еврейскими словечками или хохмами.

Веселая она была и умница, но, несмотря на ум, ошибалась во многих своих друзьях, которые по отношению к ней оказались, — чтобы не искать новых слов, — просто жуликами.

Кстати, о жуликах. Кто-то из предков Н. Вл. (кажется, дед) был знаменитый «Червонный Валет», по фамилии или кличке «Шпайер», тот самый, который продал Дом московского генерал-губернатора, сейчас — здание Моссовета. Н. Вл-ну это очень забавляло, она почти гордилась своим предком.

Через нас Уборевичи познакомились с Асеевыми и Кирсановыми. Н. Вл. очень беспокоилась о Клаве Кирсановой во время ее болезни, каждый день звонила, спрашивала о ней. На похоронах она приехала с И. П. к Кирсановым домой на Лаврушинский. Клава лежала в гробу, как Спящая Красавица, сказочная царевна, с золотой косой вокруг головы, вся покрытая одеялом из цветов.

Проигрыватель играл музыку Эйслера. И. П. не спускал глаз с Клавы. Потом все поехали в крематорий. Там я отчетливо помню И. П-ча. Он стоял, вытянувшись, в военной форме, и все смотрел на Клаву, и вдруг громко сказал Семе: «Как Вы можете ее похоронить?!»

Он был так прост, так не похож на «генерала». Правда, если б он был иным, мы бы не любили его...

День рождения Мирочки всегда справляли. Мы старались подарить ей что-нибудь интересное. Один раз она с подругой пришла за подарком к нам домой. Личико у нее было умильное и очень заинтересованное. Я редко видела таких красивых детей.

Уборевичи жили близко от нас; мы — в Спасопесковском пер., они — в Большом Ржевском. Встретаться было просто. Н. Вл. никогда не пользовалась казенной машиной без И. П-ча, так же как и я без В. М.

Когда я узнала о гибели Виталия, в числе других его вещей отдала в НКВД золотой портсигар — подарок Уборевича Примакову в 19-м году¹. На внутренней стороне крышки портсигара была выгравирована надпись: «Самому дорогому существу. *Николаша*». Видно, Кшесинской от Николая Второго. А наверху крышки, под изумрудным желудем впоследствии было выгравировано почерком Уборевича: «*Бессмертному рейдисту Виталию Примакову от командарма Уборевича*».

В. М. любил и хранил этот подарок. Сейчас он бесследно исчез.

В. М. Примаков. ПОЭТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОБОРОНЫ

В самом начале 1918 года, вскоре после великих октябрьских дней, моряки-балтфлотцы пригласили В. В. Маяковского прочесть у них свои стихи. Маяковский с радостью согласился. Но нельзя же читать им старые, дореволюционные стихи, стихи на уже существующую тему, на тему, чуждую героическим революционным матросам и ставшую чуждой самому Маяковскому!

И Маяковский написал знаменитый «Левый марш» и посвятил его балтфлотцам.

Этот эпизод очень характерен для Маяковского, для основных принципов его поэтической работы. Маяковский никогда не писал стихов бесцельно; каждый его стих — это поэтическая взволнованная речь, обращенная к определенному слушателю. В своих стихах Маяковский всегда на трибуне, всегда оратор. А в лирических своих стихах он никогда не расплывается в поэтической чувствительности, но ясно и определенно ведет с человеком разговор с глазу на глаз.

С первых же дней Октябрьской Социалистической революции и до самой смерти Маяковский неустанно работал как поэт-революционер, и стих его, как «агитатора, горлана-главаря», единственной целью имеет:

построенный
в боях
социализм.

Маяковский понимал, что в разгар гражданской войны поэт пролетарской революции должен быть с теми, кто борется на фронтах, и должен помогать им в борьбе. И когда читаешь сегодня стихи и поэмы Маяковского, все, написанное им в послеоктябрьский период (1917–1930 гг.), — кажется, что читаешь стихотворную летопись этих боевых, героических лет. Большие поэмы («150 000 000», «Ленин», «Хорошо») и стихи на революционную злобу дня, марши и песни, боевые лозунги плакатов Роста и военные стихи-лозунги — это сверкающее оружие, направленное против врагов революции, сделанное и отточенное великим поэтом для защиты революции.

Среди стихов Маяковского десятки произведений посвящены Красной Армии, обороне Советского Союза и советскому патриотизму.

Можно ли сказать, что стихи Маяковского, при всех их высоких качествах, уже устарели, потому что отошли в прошлое факты и события, о которых писал Маяковский? Разве все враги уже побиты, разве все то, против чего боролся своим стихом Маяковский, уже навсегда вышло из советской действительности?

Раскрыл я
с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
порохом
от всех границ.

Стихи Маяковского живы для всех, кто помнит и любит боевое революционное прошлое, кто всем существом ощущает связь этого вчерашнего прошлого с настоящим и будущим, кто твердо помнит и ясно понимает, что, несмотря на все наши грандиозные успехи и победы, не все еще враги побиты, не все еще бои отгремели.

Стихи Маяковского остались грозным оружием атакующего класса, и место этому оружию не в исторических музеях, а на руках у бойцов — в красноармейских клубах и в ленинских уголках боевых кораблей.

Не век
 стоять
 у залива в болотце.
 Крепите
 советский флот,
 краснофлотцы!

Будь горд,
 будь рад
 стать
 красноармейцем
 в ряд.

Враг наготове.
 Битвы грядут.
 Учись
 шагать
 в боевом ряду.

Эти и другие стихотворные лозунги сохранили весь свой смысл и свежесть.

Должны получить широкое распространение песни Маяковского, — песни, которые знает наизусть молодежь и для которых до сих пор, к сожалению, не написана музыка. Эти песни — «Десятилетняя», «Возьмем винтовки новые» — и марши Маяковского должны греметь над боевыми колоннами и должны вытеснять отсталый репертуар песенников.

Молодежь Красной армии, молодежь комсомольского возраста и комсомол РККА — самая боевая организация комсомола. Это наша молодежь многонациональной страны должна быть воспитана в интернациональном духе, чтобы каждый знал, что:

наше оружие —
 солидарность людей,
 разных языком,
 но
 одинаковых классом,

чтобы каждый помнил:

Помни,
 услышав канонадный отзвук,
 наступающей
 буржуазии
 видя натиск:

наше
лучшее оружие —
о осуществленный лозунг:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ряд стихотворений написан на эту тему, и стихи эти должны стать широко известны молодежи для воспитания в духе интернационализма.

Точно так же не только устарели, но нужны, актуальны и сохранили все свое значение стихи, воспитывающие советский патриотизм, — как «Советский паспорт», «Товарищ Нетте», — стихи, воспитывающие чувство ответственности и долга и воспевающие боевую героиню.

Готовность к грядущим битвам, в сознании нашего революционного долга и гордые выкованной нашими руками мощью нашей страны, мы подыдем это, оставленное нам оружие и запоем предупреждение и призыв «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» (Сталин):

При встрече с нами
заграничный туз
улыбкой вежливой
приподымает ус,
но случай
поборются
он не проворонит.
Рабочие,
крестьяне,
весь Союз —
и день и ночь
готовьтесь к обороне.

В. М. Примаков. Фокус. (Из цикла «Червонцы»)

В первых числах сентября, форсировав реку Свирж, червонные казаки повели наступление от Княгиница на село Вержбица, которое занимали около восемнадцати эскадронов улан.

Как и всегда, уланы дрались пешком, окопавшись на подступах к селу Вержбица. Сквозь косую сетку дождя плохо просматривались подступы к селу, а за селом была замечена четырехорудийная батарея противника, которая была по второй бригаде. Вторая бригада в пешем строю наступала на Вержбицу. Второй полк первой бригады цепями двигался по обеим сторонам шоссе. Но цепи наши залегли под артиллерийским огнем. Противник стал закапываться в землю. Местами перешли к обороне. Даже просто ходить по размокшей холодной земле, под дождем, было неприятно, а бежать по ней перебежками под стонущим свистом пуль, зарываться в землю, прятать голову в мокрые ямки — было совсем противно.

Наступление шло все более и более вяло.

Пулеметный и артиллерийский огонь противника все учащались. Цепь продвигалась все медленнее.

Командир второго полка, старый политкаторжанин, участник Горловского восстания, Потапенко ходил по цепи спокойно, покручивал седеющий ус, покрикивал на пулеметчиков, чтобы не отставали от цепи.

Он был похож на человека, который занят делом по хозяйству у себя на дворе. Весь вид у него был хозяйственный. Бой для него, казалось, был таким же делом, каким для крестьянина в страдную пору бывает уборка сена, каким рабочему в гуле, в грохоте, в свисте машин казалось его дело у скрежещущего, ноющего и визжащего станка.

И эта простая деловитость, это полное спокойствие под огнем действовали на казаков не только ободряюще, но заражали их той же деловитостью.

При взгляде на Потапенко казалось, что все дело в том, чтобы споро и ладно сделать порученное тебе дело, дотащить пулемет до пригорка, удобно его окопать, укрыться шинелькой от дождя, заложить ленту, спокойно навести, поправить позицию пулеметных номеров, заставить и их настроиться по-деловому, — и потом уже, не торопясь, стараясь действовать спокойно, выбрать подходящую цель и огнем нападениям срезать эту цель.

И когда это удавалось, когда рассыпались от взятого под огонь пулемета противника польские уланы, когда тыкались лицом в землю и не поднимались больше фигуры пулеметчиков, у пулеметной команды второго полка, слышавшей спокойный голос Потапенко — «вот это молодцы, хлопцы, вот это попали», — возникало такое же ощущение, какое обычно возникает у человека, если он правильно, толково сделает порученное ему дело.

Частые удары гранат ложились среди цепи второго полка. Уланская батарея перенесла огонь со второй бригады по цепям казаков Потапенко. Гранаты ложились в цепь, с грохотом выкидывали вверх густые, тяжелые в дожде, но быстро тающие в столбах черного дыма осколки и фонтаны мокрой земли. В цепи стонали раненые.

И так же деловито Потапенко покрикивал:

— Эй, хлопцы, там во втором взводе у вас кого-то, кажись, зацепило. Донесите на бурках до тачанки да отдайте хвершалу!

Все это входило в систему дела, и было частью деловой работы.

Хлопцы брали раненого и доносили его на перевязку. Это мало действовало на психику. Это было необходимой частью в большом, сложном деле, которое развертывалось на поле.

Потапенко шел вместе с цепью, изредка ругался, иногда во весь голос матерился, но матерился он на тех пулеметчиков, которые не быстро и не расторопно таскали ленты, которые были плохими работниками в этом большом и сложном боевом хозяйстве полка. И второй полк быстрее других частей продвигался к селу и, наконец, взял под пулеметный огонь вишневые сады, на опушке которых группировались уланы.

В это время на бугре, сзади Потапенко, появился штаб дивизии и командир первого конного полка. Оглядев конную группу, которая выехала к дорожному кресту, а затем спешила и отправила лошадей назад за бугор, Потапенко почувствовал еще более отчетливое ощущение хозяйственности: старший хозяин приехал поглядеть, все ли в порядке и как идет дело.

На бугре, у креста, в штабе дивизии произошел короткий разговор, как решить бой. До батареи противника по шоссе было около трех километров. Батарея была довольно хорошо видна. И штаб дивизии приказал первой батарее, бывшей в первом полку, стать на позицию и подготовиться открыть огонь по артиллерии противника. Первому полку было приказано идти по лошадке справа, в обхват, и ударить по батарее, а взводу второй батареи одновременно с первой батареей открыть огонь по коноводам уланов, которые с большой массой лошадей были замечены недалеко от батареи.

С батареей, для того чтобы ее нельзя было увести, намечено было сыграть фокус. Из первого полка был вызван пулеметчик, известный всему полку своей лихостью, командир полка, в присутствии командира дивизии, приказал ему сделать вид, что он со своим пулеметом перебегает на сторону поляков. Его тачанка должна была карьером пройти на батарею по шоссе. Вслед ей полувзвод первого полка должен был открыть в воздух огонь, а, подойдя к батарее, тачанка должна была повернуться и взять под пулеметный огонь батарейную прислугу.

Дело было рискованное. Но скуластый, сероглазый пулеметчик, с веселым и задорным лицом, ухмыльнулся, сказал не по-служебному:

Ладно, товарищ командир, я их нагрее.

В тачанку к нему был еще дан пулеметчик с ручным пулеметом Льюиса. И, когда полк вышел к батарее и был от нее примерно в двух километрах, тачанка сорвалась с холма и карьером понеслась по шоссе к противнику.

Вслед ей затрещали беспорядочные выстрелы. В погоню кинулось несколько всадников. Но пулеметчик нахлестывал лошадей, всадники не догнали, и поляки, которые сначала встретили тачанку выстрелами, прекратили стрельбу и стали ждать, что же будет дальше.

Им казалось, что одна повозка, которая летела к ним во весь опор, во всяком случае, не может быть опасна для целой батареи, стоящей на позиции.

Тачанка подлетела к батарее на четыреста шагов, пулеметчик придержал коня, заорал ездовому не своим голосом:

Поворачивай, Дмитро, тачанку, — повернись на скаку!

Взмыленные кони остановились. Льюисист на ходу выскочил из тачанки и лег на землю, и два пулемета взяли в работу батарею.

Прислуга на батарее заметалась, часть кинулась за щиты, укрываясь от пуль, несколько человек из прикрытия бросились прочь от батареи за бугор, ошеломленные внезапным огненным шквалом.

А из ложбины с гиком и ревом уже шел в атаку первый полк. Мокрая земля летела из-под копыт черными брызгами. И через минуту на остановившуюся батарею ворвались атакующие всадники. После короткой рубки с батареей было кончено. Батарея замолкла, и полк рассыпался по полю, повернул частью на коноводов уланского полка, частью в угон артиллерийским лошадям, на которых ездовые уходили в карьер от батареи на запад.

По всему полю поднялся рев. Второй полк и вторая бригада вскочили, без толку бежали по полю к спешенным частям противника, кричали:

Коноводы, коней!

Бешенство атаки передалось всем наступающим. Труба вызывала коноводов. И через несколько минут диким табуном к спешенным всадникам подлетели их кони. Полки вскочили на коней. Общая конная атака кончила бой далеким преследованием. За день было захвачено до трехсот пятидесяти коней и пятнадцати пулеметов.

В. М. Примаков. Полувзвод

Три брата в армию пошли.
Все трое смерть в бою нашли.
Прекрасна была гибель их —
Пример геройский для живых.

Их в бой послал один завод:
Идите защищать народ.
...В разъезд назначен полувзвод.
В разведке враг их окружил,
Ружейный залп коней свалил
И одного из трех убил.

Легли за конями — глядят:
Кругом враги, нельзя назад.
Смерть или плен — один исход:
— Готовься к бою, полувзвод.

Трах-тах-тах-тах... Накалены
Винтовок темные стволы.
Жгут руки. Вмиг в плечо приклад:
Кругом враги, нельзя назад!..

Патронов больше нет у них...
Один из двух наган поднял.
Сначала брата — наповал,
Поднялся — темный, грозный — встал.

Бой стих — стрелять враг перестал.
Поднял наган, курок спустил
И пулю в лоб себе всадил.

Их в армию послал завод.
Они погибли за народ.

О. М. Брик. Дух простокваши

Кто такие Тышлер, Штеренберг, Шевченко, Древин, Удальцова, Лабас, Истомин и иже с ними? Наивный человек скажет: талантливые советские художники, члены союза советских художников, много и с успехом работающие в театре, в станковой живописи, в графике, в декоративном искусстве.

Ничего подобного. Это ошибка! Это:

«Остатки формалистского течения (количественно довольно изрядные), которые окопались (?), тихой сапой продолжая растлевать (?) в порядке домашней мануфактуры (?) художественную молодежь».

Картина ясная: перед нами активные классовые враги, окопавшиеся в союзе советских художников и тихой сапой растлевающие нашу молодежь.

Казалось бы, разговаривать больше не о чем. Но существуют еще сенсационные подробности, которые заинтересованный читатель может найти в брошюре Осипа Бескина «Формализм в живописи». Бескин неожиданно обнаруживает «гнилой либерализм».

Оказывается, не все формалисты безнадежны:

«Повседневно граждански некоторые (?) из формалистов являются нашими советскими людьми». «К этим лучшим могут быть переадресованы замечательные слова Горького: “Вы живете в атмосфере, которая перевоспитывает вредителей, врагов пролетариата, закоренелых собственников, социально опасных”».

Вот об этих-то «лучших», — о вредителях, о врагах пролетариата, о закоренелых собственниках, о социально опасных среди формалистов и заботится Бескин. Из-за них он от лица художественной общественности «городит огород» и «врезывается в толщу формалистского фронта с жестоким анализом».

Задача большая и нелегкая. Формалисты упорно держатся за свои ошибочные творческие принципы. Их надо резко критиковать, с ними надо бороться. Но по-товарищески, умело, со знанием дела. Тогда даже самый жестокий анализ будет уместен и плодотворен.

Но такие анализы, как анализ Осипа Бескина, не только не плодотворны, но дают прямо противоположный эффект.

Такой анализ может даже у «лучших» отбить охоту подставлять свои холсты под «врезывание».

Вот образцы этого анализа.

Тышлер. По терминологии Бескина — романтик-интуитивист.

«Основной тон картин Тышлера — нежный, зеленовато-голубой. Вводимые им в свои полотна другие краски (обязательно бледных тонов) поглощаются этой основой... Такая же схематичность (?) имеет место и по линии композиции большинства его картин, по линии разработки места действия. Обычно это беспредельный (?) луч или просто зеленоватая земля... Возьмем его картину “Ждут” Параллельно нижней раме нечто

вроде деревенского плетня, около которого две взрослые фигуры и на котором — три детских. Смотрят вдаль. Чего ждут? Почему?»

И вывод: «Творчество Тышлера силится перескочить через сегодняшнюю эпоху и раствориться в каком-то иллюзорном, пантеистическом (?) будущем. Такой скачок реакционен».

Ясно. Следующий!

Древин. «Древин является своеобразным выразителем воронщины в живописи... Он рисует не натуру, а только образы своей памяти, специфически очищенные от наносного, по его мнению, второстепенного... К примеру, картина “Козуля”. Она выполнена в нарочито примитивных, детских или первобытных приемах. Наивный сгиб ног, беспомощный корпус и т. д. Художник ищет раскрытия козулиной души, козулиной трепетности (?) не в реальном познании ее животности, а в фиксации “воспоминания в своем детском ощущении”».

Ясно. Следующий!

Шевченко. «В полотнах Шевченко мир как бы обрушивается на художника гипертрофированными объемами, они душат и заслоняют живую связь вещей и человека. Они довлеют сами себе (?). Мир не движется (?), а застыл в них... Это отсутствие ощущений взаимосвязанности вещей и людей, проистекающее от отсутствия социальной связи (слушайте! слушайте!) с нашей действительностью, естественно приводит к пессимистичности, ярко выраженной как в цветной гамме, так и в условном облике предметов. Колорит мрачен, большинство полотен зачернены, и эту черноту с трудом пробивают борющиеся с ней светлые тона».

Наличие «борющихся светлых тонов» вынуждает Бескина несколько смягчить приговор: «Еще бессильный передать взаимосвязь людей и вещей окружающего мира, Шевченко все же зорко их видит. В этом большой залог». Чего залог, Бескин не досказывает, но и без того все ясно.

Следующий!

Барто. «Много хуже обстоит дело с молодым последователем Шевченко — художником Барто. Если бы Барто был по-настоящему думающим (пусть, по-своему) художником, мы бы имели полное основание отнести его к категории субъективных идеалистов».

Действительно положение затруднительное: куда отнести «недумающего художника»? Но Бескину удастся изловить его обходным движением.

«Одна из картин Барто называется “Лампочка Ильича в ауле” Забудьте: не просто “аул” или “электричество в ауле”, а именно “лампочка Ильича”. Лампочка Ильича — это не какая-нибудь фабричная марка, это символ огромной идеи электрификации, поднятия экономики и сознания на высшую ступень. И вот эта лампочка Ильича интерпретирована Барто в следующем виде: театрально-декоративная черно-синяя кавказская ночь. Сакля. Из сакли ложится на землю локально ограниченное ярко-желтое пятно. На переднем плане спины нескольких человек. Это все...»

Так Барто выхолащивает идею, так политическое содержание приносится в жертву чисто зрительному, формальному отношению к вещи, к нашей действительности».

Все ясно. Субъективный идеалист, и никакого даже «залога». Следующий!

Штеренберг. «Штеренберг зорко видит вещи, видит предметы и уж во всяком случае умеет сделать вещь красивой... Его вещи и предметы очень хорошо воспитаны (?), обладают хорошим тоном (?), умеют себя держать в обществе (?). Но взгляните внимательно в композицию. Вещь Штеренберга всегда является вещью не раскрытой. Она не вступает ни в какое взаимодействие с окружающим миром, она равна только себе самой, не познана. Эта вещь в себе. Как бы подчеркивая это обстоятельство, вещь предстает у Штеренберга в своей абсолютной изолированности на гладком фоне картины. Нити, связывающие ее с миром, оборваны (??). “Простокваша” на мраморном столике композиционно разрешается так, что превращается в какой-то самодовлеющий дух (!) простокваши».

Бескин говорит: «Многие из формалистов и из их неудачливых защитников наивно обижаются, зачем, мол, вы превращаете вопрос собственно творческий в политический».

Бескин ошибается: не на это обижаются, а недоумевают, неужели же не нашлось среди советских искусствоведов человека, который мог бы грамотно разобраться в их творчестве?

Ведь слова, сказанные Бескиным о художнике Филонове: «Чудовищная помесь метафизики с вульгарным материализмом, прикрытая псевдонаучностью», в первую очередь относится к бескинской брошюре «Формализм в живописи».

О растлителях, о классовых врагах, о вредителях — монографий не пишут. Советские же художники вправе протестовать против тех антисоветских аттестаций, которые им раздает не в меру ретивый Бескин.

С Тышлером, с Штеренбергом, с Древиным и др. надо спорить, дискутировать. Их надо критиковать. Но разве не надо критиковать тех художников, которых Бескин не отнес в группу формалистов? Разве не надо спорить и дискутировать с Богородским, с Кацманом, с Перельманом?

Но нельзя выдавать за критику, за дискуссию безграмотную пошлятину, которую позволил себе Бескин в своей брошюре.

Талантливые советские художники заслужили лучшего.

О. М. Брик. Камаринский мужик (отрывок)

Эпизод второй

Действуют:

Иван Болотников
Воевода

Боярин
Стрельцы
Пушкари
Кузнецы
Плотники
Камаринцы
Бабы
Люди Болотникова

*Севск. Камаринская волость. Июнь 1606 года. Звон полошного колокола.
В ворота вваливается группа пушкарей.*

Сбор

Пушкари. По беде какой ли,
по праздничному делу ли
нас побеспокоили,
отобедать не дали?
Стрельцы. Пушкари, здорово!
Нацельте уши!
Царское слово
будете слушать.

Вваливается группа кузнецов.

Кузнецы. По нужде какой ли,
по спешному делу ли
нас побеспокоили,
прогуляться не дали?
Стрельцы. Кузнецы, здорово!
Раздуйте уши!
Царское слово
будете слушать.

Вваливается группа плотников.

Плотники. По грозе какой ли,
по важному делу ли
нас побеспокоили,
отоспаться не дали?
Стрельцы. Плотники, здорово!
Навострите уши!
Царское слово
будете слушать.
Все. Для случая такого
потерпим и с ужином.
Царское слово
Выслушать нужно.

На крыльцо государевой избы выходят воевода и боярин.

Воевода. Камаринцы!
 Боярин
 из Москвы.
 Он царскую
 нам грамоту прочтет.

Все. Боярину почет!
 Боярин. Вот грамота.
 Вот царская печать.

Протягивает грамоту воеводе. Тот не берет. Заминка, кому читать.

Все. Мы ждем!
 Читай!

Боярин (*решительно разворачивает грамоту*).
 Люди
 Камаринской земли!
 Сказать велел вам
 великий государь,
 царь
 и самодержец
 всея Руси,
 великий князь
 Василий Ива...

Все. Какой Василий?
 Димитрий!

Боярин. Василий...

Все. Димитрий!

Боярин. Василий...

Все. Димитрий!
 Димитрий!
 Димитрий!

Шум.

Воевода. Камаринцы,
 иль слушать,
 иль кричать.

Все. Читай!

Боярин. Известный вор,
 богоотступник,
 расстрига
 Отрепьев Гришка
 себя назвал
 царевичем Димитрием.
 И множество людей
 в Московском государстве
 прельстил

Все. и обманул.
Брехня!
Слыхали!
Басни Годунова!

Шум.

Воевода. Камаринцы!
Коль слушать,
так молчать!

Все. Читай!
Боярин. И мы
того вора
и самозванца
Отрепьева Гришку
изловили
и казни предали
за злодеянья.

Все. Измена!
Заговор боярский!
Палачи!

Шум.

Воевода. Камаринцы!
Первопрестольная Москва
поставила в цари
боярина
Василия Шуйского...

Все. Боярский царь!
Гостинодворец!
Шубник толстопузый!

Воевода. ...и нам велит
крест
ему
на верность
целовать.

Все. Не будем!
Не хотим!
Москве не верим!

Воевода. Так как же?
Грамоту
царю Василию
вернуть?
И в верности,
и в службе
отказать?

Камаринцы мнутя, молчат.

Бабы. Ой, крестьяне!
 Ой, люди, люди!
 Что с нами станется,
 что с нами будет?
 Царские кони
 вытопчут пашню.
 Где схоронимся?
 Где не страшно?
 Всех передавят,
 и родных, и присных.
 Ой, как давече!
 Ой, при Борисе!

Камаринцы. Бабы, не войте!
 И так тошно.
 Царское воинство
 помним дотошно!

Воевода. Камаринцы!
 Боярин
 ждет
 ответа!

Камаринцы молчат. Совсем далеко, потом все ближе звучит камаринская песня. В ворота входит Болотников с группой своих людей. Никем не остановленный, проходит до середины площади.

Воевода. Стой!

Болотников останавливается.

 Ты кто?
Болотников. Иван Болотников.
Воевода. Откуда?
Болотников. Из Путивля,
 от князя Шаховского
 и всех путивльцев.
Воевода. По делу
 по какому?

Болотников обращается к камаринцам.

Болотников. Разбабахал
 полошный колокол
 по всей московской земле:
 Димитрия
 царя
 укокали.

Василий
сел в Кремле.

Вчерашний ближний,
главный
сегодня,
на плахе пляши!
И делят вотчины
наново
царевы
палачи.

А завтра
те,
опальные,
стакнутся
свое отобрать.
И пойдут
холопы кабальные
из-за барского
драться
добра.

Боярин. Камаринцы!
Он — басурман.
Он
На бояр
Вас подымает!
Смуту сеет!

Камаринцы. Боярский хлыщ,
молчи!

Он
правду говорит.

Воевода. Камаринцы!
Он говорит
незнамо что.
Кто царь ему?
Василий?
Дмитрий?
Или кто?

Камаринцы. А что нам царь?
Прокормит
царь нас,
что ли?
Царь
за помещиками
всех нас
заневолит.

Боярин, воевода. Камаринцы!

Камаринцы. Довольно!
Слышали!
Пускай Болотников доскажет.

Болотников. Ни литовский набег,
ни татарский полон
не наделали бед,
как боярский сполох.

Стоит трава не кошена.
Лежат поля не ораны.
Над ними кружат вороны.
Над ними реют коршуны.

Горят селений остовы.
Дым от пожара стелется.
И воет ночь-метелица
над мертвыми погостами.

А терпеть доколь
будет черная голь,

чтоб метил в лоб
холопу холоп,

чтобы шла умирать
мужицкая рать,

за боярскую власть
голову класть?

Встань
грозен и лют,
крестьянский люд!

Волю свою
топором завоюй!

Камаринцы. Волю свою
топором завоюй!

Боярин. Камаринцы!
Он вас погубит.
С царем законным
вам тягаться
не под силу!

Болотников. Мы не одни.
Крамольные дворяне
с нами.

Камаринцы. К чертям дворян!
Помещиков
не надо!

Болотников. Они нам
Шуйского свалить

помогут.
 А там
 самих
 возьмем под ногу!
 Камаринцы. Хитро!
 Боярин. Мошенник!
 Пес поганый!
 Вор!

(Бросается с мечом на Болотникова)

Болотников. Схватить его!

Стрельцы бросаются на боярина и на воеводу. Вяжут их.

Болотников. А теперь
 за топор!

Камаринцы высоко поднимают топоры.

Болотников. Чтобы землю взять свою...

Камаринцы. ...на царя! на бояр! на Москву!

Болотников. Чтобы волю добыть в боях...

Камаринцы. ...на Москву! на царя! на бояр!

Болотников. Чтобы кровь не лилась за зря...

Камаринцы. ...на бояр! на Москву! на царя!

Конец второго эпизода

Е. Г. Соколова. ПРЕМЬЕРА «КАМАРИНСКОГО МУЖИКА»

В МАЛЕГОТе приближалась премьера оперы В. Желобинского на либретто О. Брика «Камаринский мужик» на тему крестьянского восстания Болотникова.

Осип Максимович Брик жил в это время в Ростове у Лили Юрьевны и Виталия Марковича Примакова. А его литературный секретарь и гражданская жена Евгения Гавриловна Соколова вместе со своим первым мужем кинорежиссером Виталием Жемчужным отправилась в Ленинград, где он снимал документальный фильм об Автodore.

Осип Максимович попросил Евгению Гавриловну почаще бывать в МАЛЕГОТе, узнавать там все новости по подготовке «Камаринского» к премьере и информировать его, чтобы вовремя приехать на премьеру.

Ниже публикуются в сокращении несколько писем Е. Г. Соколовой с подробными и красочными «репортажами» с места событий.

О. М. Брику (Ленинград — Ростов; 13 сентября 1933 г.)

Милый мой, родной, золотой Осик!

Сегодня была в театре. Приняли меня очень любезно. Гисин¹ дал мне постоянный пропуск на все репетиции.

Сегодня слышала конец третьей картины, четвертую, седьмую и восьмую. Репетиции были без костюмов и декораций. Сидели все актеры на стульях и пели.

Монтировочные репетиции начнутся с 16-го. Гисин сказал, что тебе до 20-го приезжать не стоит, т. к. премьеру отложили до 27 сентября. Очень просят, чтобы ты написал в 2 дня статью. Сделай это обязательно.

Сегодня утром позвонила Желобинскому², мы с ним встретились, и он провел меня в театр. Его все совсем захвалили, а он важничает и говорит, что ему уже «это» (т. е. «Камаринский») надоело. Он занят «Именинами».

Самосуда я поздравила с получением «заслуженного»³. Он тоже делает вид, что это для него пустяки. Однако, ходит веселый и довольный. Со мной даже Тверской⁴ был очень любезен и звал на репетиции.

Относительно 4-х вопросов, которые ты мне задал:

Между 1-й и 2-й картинами будут делать пляски, они еще не готовы.

Относительно 3-й картины ничего не могу сказать, не видела начала.

В 7-й картине князя не поют, а по-прежнему поет хор «Бежит враг...

Костюмы и декорации буду смотреть завтра, говорят, очень хороши.

Все (Гисин, Самуил Абр.⁵, Тверской) меня заверили, что «Камаринский» пройдет хорошо. По-моему, сегодня была репетиция для Литовского⁶ (я его в лицо не знаю, но, как будто, это был он), и ему очень понравилось. Он говорит, что это очень «талантливо».

По некоторым беглым разговорам заметила, что театр без денег. О том, чтобы тебе приготовили деньги, скажу на-днях. Сразу было неудобно. Завтра пойду на репетиции с Зеленским⁷.

Это все о «Камаринском»...

О. М. Брику (Ленинград — Ростов; 16 сентября 1933 г.)

Котя!

Очень обидно, что ты меня вчера не слышал.

Ну, постараюсь написать тебе подробней.

Разговаривала с Пиотровским⁸. Он умоляет тебя о статье для либретто и для газеты.

Самосуд, Желобинский, Пиотровский настаивают, чтобы ты приехал 20—21. С 21-го начинаются генеральные репетиции. 27-го будет закрытый просмотр, потом, кажется, два проданных спектакля и 5-го октября настоящая премьера с афишами, посторонней публикой и т. д.

Видела я костюмы и декорации 4-й и 6-й картин. Еще не в окончательном виде.

Хорош Шуйский, когда одевается. У него ярко-желтая рубаха шелковая и шуба бархатная с золотом на ярко-красной подкладке. Очень плохи костюмы у мужиков, которые его одевают. Они — белые и сапоги — белые, много суетятся, все время на сцене, и все решили их убрать, будут перделывать эту сцену.

По-моему, ужасно в 6-й картине, когда Иринка поет: «Достойный царь московского престола... Пашков Истома...», Болотников два раза во весь голос кричит: «Замолчи!».

Болотников в картине одет плохо, — мне кажется, костюм надо переделывать. Вообще, я очень волнуюсь. Мне хочется, чтобы ты сам скорее посмотрел и заставил переделать. Шатер похож на карусель и ничего «иностранного» пока не видно. Левина⁹ нет в Ленинграде, а мне хотелось с ним об этом поговорить.

Были на «Арлекиаде»¹⁰ и не в восторге.

По-моему, слабо. Пиотровский говорил, что сборы на всех спектаклях битковые.

В фойе выставили анонс:

= КАМАРИНСКИЙ МУЖИК =

--	--	--	--	--

БРИК — ЖЕЛОБИНСКИЙ — ТВЕРСКОЙ — ЛЕВИН — САМОСУД
(здесь приблизительно так)

[Прямоугольники схематично изображают портреты авторов постановки. — А. В.]

Автор — Брик

Композитор — Желобинский

Режиссер — Тверской

Художник — Левин

Дирижер — Самосуд

«Герой оперы — не один человек, а все комаринские мужики, восставшие (в 1602–1606 гг.) против бояр и дворян, передравшихся между собой».

Здесь ваша группа, очевидно, за работой
--

На портретах все вы очень красивые.

Сегодня иду в 1 час на репетицию 1-го акта.

Его считают все самым слабым.

У Лушки¹¹ не были, так как жалко пропускать репетиции, а вечером Виталий дома, и к нам приходят всякие друзья.

Все шлют привет. Желобинский без тебя соскучился. Интересуется «Именинами». Я сказала, что ты ничего не написал...

Целую еще раз тебя и Кису...

Люблю очень тебя и «Камаринского мужика», — это самое интересное в жизни.

Р. С. Сейчас смотрела репетицию 1-го акта и говорила с Левиным. Больше из всей монтажной части не готово. Декорации мне не нравятся. Левин возмущен театром, а театр, по-видимому, им. Он пишет какие-то заявления дирекции и пожимает плечами.

Самосуд бьется из-за каждого луча света на сцене, из-за каждой мизансцены. Желобинский нервничает.

Все же, 1-й акт идет много лучше, чем в июне.

Пляску перед 2-й картиной видела, ничего особенного, ни плохо, ни хорошо.

О. М. Брику (Ленинград — Ростов; 18 сентября 1933 г.)

Родной мой, золотой Осик!

Гисин волнуется из-за статьи и говорит, что Пиотровский понятия не имеет о сроках. Вообще, он ходит сумрачный. Канин¹² рассказывал, что труппа страшно недовольна Тверским и Левиным (они правы!), и что поэтому у Гисина большие неприятности.

Жду тебя с большим нетерпением. Я очень волнуюсь из-за «Камаринского», т. к. мне многое не нравится и нужно скорее переделывать.

27-го будет просмотр днем для избранной публики, а премьера будет 10 октября. Гисин говорит, что ты сможешь 27–28 уехать, а потом приехать на премьеру.

Жаль, что тебя сейчас здесь нет. Они подбирают иллюстрации к либретто и к газете, и мне кажется, тебе нужно бы было посмотреть самому. Все они мало в этом понимают...

Осип Максимович приехал в Ленинград и участвовал в окончательной подготовке премьеры, а Лиля Юрьевна приехать из Ростова не смогла.

Ей и шлет Евгения Гавриловна свой «отчет» о премьеры «Камаринского мужика».

Л. Ю. Брик (Ленинград — Ростов; 15 октября 1933 г.)

Милая, родная моя Киса!

До сих пор мы еще в Ленинграде. Театр задержал Осю, и мы только сегодня поедem в Москву.

Хочу тебе написать о премьеры, т. к. знаю, что тебе это интересно. Прошла премьеры хорошо. Было все очень торжественно. Много народу, народ оживленный и заинтересованный. Настоящая «премьерная» публика. Продавали журнал и либретто, кстати сказать, чудесно изданные. Выставка удалась на славу.

На премьеру приехало все ленинградское начальство, что было в первый раз. До сих пор никогда они все вместе ни на какие премьеры не приезжали.

Был т. Киров, т. Угаров¹³ и другие.

Начался спектакль.

Каждую декорацию встречали громкими аплодисментами.

После скоморошьего пляса минут 5–10 не давали продолжать, аплодировали и кричали bis!¹⁴ Много аплодировали 2-й картине «На Москву, на бояр, на царя!»

Аплодировали увертюре (она теперь перенесена и ее играют между третьей и четвертой картинами).

Авторы наши выходили раскланиваться. Желобинский потом спрашивал, хорошо ли он раскланивался?!

Единодушный отзыв, что это настоящая, первая советская опера.

Начальство говорило о тексте, очень хвалило.

т. Угаров даже просил собрать на-днях всех участников спектакля и поговорить о «Камаринском мужике».

Второй спектакль 13-го прошел вяло. Публика почти не аплодировала. Спектакль опять был с приглашенными. На этот раз были все больше всякие секретари, которые еще не знают, как нужно отнестись к спектаклю.

Дмитриев (художник) уверяет, что это таков театральный закон. Второй спектакль всегда проходит вяло.

Много до сих пор всяких разговоров о спектакле.

Опять решили кое-что переделать. Пятая картина («Коломенский лагерь») теперь будет кончаться иначе. Вместо вялого хора «Солнце скрылось за горами...» комаринцы будут собираться в поход и петь походную песню:

«Комаринцы — комары
Дождались своей поры,
Наточили топоры.
В путь-дорогу
Давай, трогай!
Бояре, господа,
Отворяйте ворота,
Отдавайте города.
В путь-дорогу
Давай, трогай!
Кто не сдастся добром,
Того двинем топором...
(не помню)
В путь-дорогу
Давай, трогай!»

Немного переставят сценически четвертую картину у Шуйского. Выкинут совсем гонца, а арию Шуйского «От океанских вод застуженных» Ося немного изменил, и ее Шуйский будет петь в конце картины, с письмом Болотникова в руках, как бы обращаясь к Болотникову.

Из-за этих переделок Осю и задержали здесь.

На премьере из знакомых были: Лушка, Зотов, Вера Георгиевна, Коля Брик¹⁵.

13-го была Пасинька¹⁶.

17-го пойдут Варшавские и Лушкина мама¹⁷.

На Зотова «Камаринский» произвел такое впечатление, что он всю ночь не спал.

Ося здесь очень много работает. Написал 2-й и 3-й акты «Именин». Всем очень нравится.

После премьеры никаких банкетов не было. 11-го Желобинский пришел к нам в номер обедать и потребовал водки. Выпили втроем. Желобинский после этого весь вечер ходил с Болотниковым и Шуйским по кабачкам

и напился до того, что весь следующий день был болен. Самосуд, узнав это, страшно его ругал, а Желобинский говорил: «Я больше не буду».

Ну вот, в общих чертах, все!

Да, теперь спектакль идет с 8 вечера до 12. А в первый раз, 5 октября, кончился в 1 час ночи.

Подписались на вырезки. В Ленинградской «Красной газете» было две статьи. Первая очень глупая и нелепая, на которую Гефт (Истома Пашков)¹⁸ написал умный и толковый ответ.

Вторая статья была хорошая.

19-го должен выйти № журнала «Рабочий и театр», посвященный «Камаринскому».

Вот и все о «Камаринском»...

В декабре Евгения Гавриловна с В. Жемчужным снова в Ленинграде, ходит в МАЛЕГОТ, встречается с людьми, связанными с постановкой «Камаринского», и продолжает информировать обо всем Осипа Максимовича, который вернулся в Ростов.

О. М. Брику (Ленинград — Ростов; 14 декабря 1933 г.)

...Были только на «Камаринском». Встретила там Желобинского, хотела одолжить у него 30 руб., но у него не оказалось. Тогда я попросила его одолжить у Шапиро¹⁹, и тот сейчас же дал мне 50 руб. в счет твоего авторского гонорара.

Насчет Всероскомдрама дела плохи. Валя говорит, что он узнавал, и на какие-нибудь деньги можно рассчитывать только после 13-го спектакля.

«Камаринский» идет очень хорошо. Очень мне понравился финал 5-ой картины. «Комаринцы-комары» замечательны...

С Валеи мы очень дружны.

После «Камаринского» он пришел к нам пить чай. Вытащил из портфеля бутылку «Бенедиктина». Я, конечно, не стала пить, терпеть не могу ликеров, а он пил залпом, как водку, зажмурившись...

Он все такой же милый. Мечтает о поездке в Ростов. Выглядит он очень плохо... 24-го и 27-го декабря здесь будут Валины концерты. Пойдем обязательно. В Ростове он тоже хочет дать концерт. Если можно, подготовь почву...

«Камаринский» теперь пойдет 28-го. Это будет 12-й спектакль...

О. М. Брику (Ленинград — Ростов; 20 декабря 1933 г.)

...18-го с Желобинским ходила в капеллу на «Орестею» Танеева²⁰. Слушала с удовольствием, а Валя был просто не в себе. Заявил, что он не будет писать про гражданскую войну, а обязательно «про греков» или «хотя бы, про римлян», «про Спартака какого-нибудь».

Говорит: «Евгения Гавриловна, а ведь раньше лучше писали, чем мы». Я его утешила тем, что Танеев свою «Орестею» писал 10 лет, а она шла всего 10 раз, а «Камаринского» он писал 1 год, а он прошел уже 10 раз...

О. Брик и В. Желобинский работают над новой оперой для МАЛЕГОТа — «Именины»; впереди еще переработка «Камаринского», который пойдет на этой же сцене во второй редакции, показ его на сцене Большого театра во время гастролей МАЛЕГОТа в Москву, но такого триумфа, какой был при премьере «Камаринского» в октябре 1933 года, уже не будет.

Юрий Примаков о своем отце (*из писем Ю. В. Примакова А. В. Валюженичу*)

О герое гражданской войны, легендарном командире Червоного казачества, выдающемся советском военачальнике, расстрелянном вместе с М. Н. Тухачевским 12 июня 1937 года, — Виталии Марковиче Примакове — написано после его реабилитации немало книг и статей. Среди них основным биографическим источником считается книга И. В. Дубинского «Примаков» (М.: Молодая гвардия, 1968. 176 с. Серия ЖЗЛ). Но и в ней, как и в других, ничего не говорится о личной жизни Примакова после смерти в 1920 году его первой жены, Оксаны Коцюбинской. В маяковсковедении и бриковедении есть скупые упоминания лишь о том, что в 1930–1937 годах В. М. Примаков был мужем Л. Ю. Брик.

Однако, по-моему, нигде не упоминалось, что в 1923 году В. М. Примаков, который в это время учился в Москве на Высших военно-академических курсах РККА, встретил свою землячку из Чернигова — Марию Ароновну Довжик (она заканчивала Первый медицинский институт), и женился на ней. От этого брака 8 февраля 1927 года у них родился сын Юрий. С самого рождения Юрий тяжело болел, и его мать вынуждена была безотлучно быть с ним, не имела возможности сопровождать мужа в его постоянных поездках по СССР и за рубеж. По-видимому, это послужило одной из основных причин, почему В. М. Примаков оставил Марию Ароновну с сыном и его сблизился с Л. Ю. Брик.

При работе над своей книгой «О. М. Брик. Материалы к биографии» мне довелось вступить в переписку с Юрием Витальевичем Примаковым и даже однажды (1994 г.) встретиться с ним в Москве.

Ю. В. Примаков и его мать чудом избежали репрессий как «семья изменника родины». Ю. В. в 1948 году окончил Московский автомеханический институт, где получил специальность инженера-механика по кузнечно-прессовому оборудованию, и был направлен на работу в казахстанский город Кокчетав, где два года проработал механиком кузнечно-прессового цеха Кокчетавского механического завода. В конце 1950 года Ю. В. вернулся в Москву, где продолжал трудиться по инженерной специальности до выхода на пенсию.

После XX съезда КПСС (1956 г.), на котором впервые был публично осужден культ личности Сталина и подтверждена незаконность массовых репрессий, Ю. В. вместе с матерью приложили много усилий по реабилитации В. М. Примакова, восстановлению его доброго имени, увековечиванию

памяти. В течение 30 лет Ю. В. был секретарем Московского совета ветеранов Червоного казачества. За это время он глубоко изучил все военно-теоретические и литературные работы отца, которые еще долгое время после реабилитации оставались в «спецхранах» библиотек и музеев, подробно ознакомился в архиве ФСБ с делом В. М. Примакова 1936—1937 годов, встречался с его друзьями и соратниками, пережившими время массовых репрессий.

Письма Ю. В. Примакова ко мне не только приоткрывают малоизвестные страницы биографии его отца, но и дают квалифицированную современную оценку «заговора военных», фальсифицированного Сталиным, и его значения для последующей истории страны.

В какой-то мере можно сравнивать биографии Ю. В. Примакова и В. В. Катаняна и их отношение к Л. Ю. Брик, которая «увела» их отцов из семей; у В. В. Катаняна это отношение выразилось в его многочисленных публикациях своих воспоминаний и материалов из архива Л. Ю., душеприказчиком которых он стал после смерти своего отца, а у Ю. В. Примакова — в его отзывах о ней в предлагаемых читателю письмах.

Из всей нашей с Ю. В. Примаковым обширной переписки я отобрал для публикации лишь несколько полных писем и отрывков, близких тематически к данному тому. Они здесь расположены не по датам отправления, а по связанности затрагиваемых тем.

Ю. В. Примаков живет с семьей в Москве. Пишет стихи.

Письма Ю. В. Примакова ко мне публикуются впервые, в настоящее время они переданы мной в РГАЛИ.

№ 1 (21 февраля 1996 г.)

Здравствуйте, Анатолий Васильевич!

Простите за задержку с ответом, виноваты мой день рождения (8 февраля исполнилось 69 лет) и всякие болячки, мешавшие сесть за машинку.

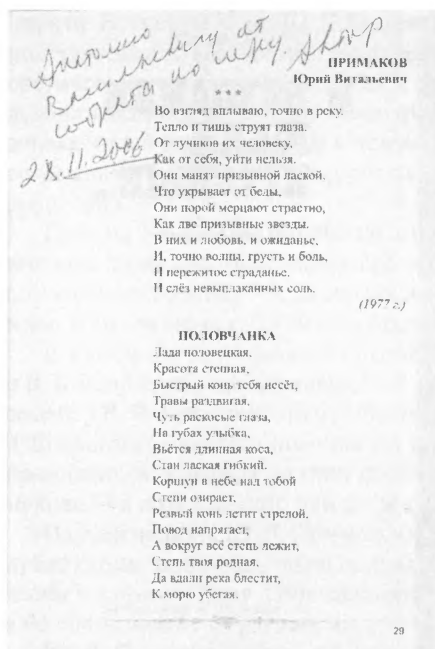
Рад тому, что Вы сохраняете интерес к любимой теме в наше забавное время. Судя по тому, что Вы написали, Еремей Парнов напрасно изменил своей занудной фантастике и поискам НЛО¹. Претенциозное название книги предполагает какой-то заговор именно маршалов против Сталина и страны. Заговор был. Это был заговор Сталина и его окружения против армии и против безопасности страны. Наиболее известна волна арестов 1937 г., однако, еще в 1930 г. было арестовано около 300 командиров РККА, в прошлом офицеров старой русской армии и репрессировано (в живых осталось очень немного), потом был арестован и казнен комкор Гай².

В 1936 г. были арестованы люди из ближайшего окружения отца и те, кто его хорошо знал — Путна, адъютант отца Б. И. Кузьмичев, С. Дрейцер. В августе арестовали Примакова. Всем были предъявлены обвинения в партийных преступлениях — связь с троцкистами, троцкизм, контакты и связь с Л. Д. Троцким. В допросах 1936 г. никакие маршалы не упоминались. Г. Ягода, который сначала вел дело, действовал осторожно, заключенных не пытали, не били, обвиняли лишь Кузьмичева в попытке убить Ворошилова

Обложка и титульный лист книги В. М. Примакова «И всходили маки красные...» (Киев: Молодь, 1987 г.)

в связи с оппозицией. Только в 1937 г., когда за дело взялся нарком Ежов, в ход пошли обвинения в военном заговоре, избиения, пытки, провокации на заседании ЦК, куда возили одного Примакова и пр. Тогда, в мае были арестованы Тухачевский, Уборевич, Якир, Фельдман, Корк, Эйдеман. За месяц следователи сочинили сказку о заговоре и во главе заговорщиков поставили маршала Тухачевского. Маршал Тухачевский и командарм Уборевич признались в том, что хотели устроить крушение на железной дороге, но не нашли инструмент, чтобы рельсы развинтить, хотели убить Сталина, но не получили из Германии специальное оружие (очевидно, советское не брало). Примаков признался в том, что по приказу Троцкого, который должен был возглавить германский штаб из Мексики, собирался поставить во главе бронетанковой бригады Д. А. Шмидта, чтобы тот открыл эстонскую границу и позволил немцам под руководством Троцкого захватить Ленинград и восстановить капитализм. Кроме Тухачевского, в этом процессе других маршалов не было. Других военных казнили и ссылали по приговору «тройки» или на закрытых процессах — всего около 50 тыс. человек. Удивительные заговорщики не контактировали друг с другом, не сопротивлялись при аресте и не бежали за рубеж. Подобных заговоров никогда не было в истории и наверняка не будет.

Стихи Ю. В. Примакова в сборнике с дарственной надписью: «Анатолию Васильевичу от собрата по перу. Автор. 28.11.2006».

На родных сестрах были женаты комкор Туровский С. А. и комдив Шмидт Д. А. О жене Примакова — Марии Ароновне Довжик я даю краткую справку.

Я понимаю Ваш интерес к семье Бриков, — с ними были связаны многие интересные люди, среди них был и военный — комкор Примаков, которого условия жизни и судьба трепали достаточно жестоко, и он иногда отдыхал у чужого огня.

Ваш Ю. Примаков. 21 февраля 1996 г.

Мария Ароновна ДОВЖИК (1898—1990) — жена В. М. Примакова (краткая биографическая справка)

Мария Ароновна Довжик родилась 21 декабря 1898 г. в г. Чернигове в семье мелкого еврейского служащего.

Отец — Арон Маркович Довжик, мать — Мэра Зеликовна Батурина (из деревни Батурино, еврейское местечко). В семье было пятеро детей, мать была старшая, и с детства ей пришлось зарабатывать на жизнь, помогать семье. Она была репетитором еще с младших классов.

В гимназии она училась в одном классе с Оксаной Коцюбинской, дружила с ней и с ее братьями — Юрием и Романом, бывала в их доме, знала Михаила Михайловича и его жену Веру Иустиновну. Коцюбинские жили под гласным надзором полиции, — крупнейший украинский писатель был активным членом просветительской организации «Просвита». В соседней мужской гимназии учились Виталий Примаков и его братья. Молодежь из

этих семей (Коцюбинские, Примаковы, Довжик) вступили в подпольные молодежные кружки, — старшие дети дружили между собой. Чернигов был одним из крупных центров революционной работы. Не случайно на Аллее Героев стоят рядом: Примаков, Коцюбинский, Антонов-Овсенко, Подвойский, Е. Соколовская. Кружки были хорошо законспирированы. Матери запомнился доклад, который делал молодой Примаков в 1915 г. о Циммервальдской конференции.

Мать окончила гимназию с золотой медалью и поступила в Петербурге на Высшие женские Бестужевские курсы, сначала на мехмат, потом перешла на биофак. В Петербурге было много выходцев из Чернигова (Стецкий, Соколовская и др.), черниговское землячество помогало друг другу. Во время февральской революции Мария Довжик вместе со студенческими отрядами продвигалась по льду Невы, подбирала раненых. Потом работала в Зимнем, видела Керенского, встречала Плеханова и Ленина, вернувшихся из эмиграции.

В 1918 году она вернулась в Чернигов. М. А. Довжик вступила в партию, куда ее рекомендовали друзья по подпольной работе.

Она проводила в Москву первую жену Примакова — Оксану Коцюбинскую, свою подругу. Оксана была беременна, тяжело переносила беременность (эклампсия).

Это было уже в июне 1919 г. Чернигов не мог долго обороняться. Армия Деникина шла на север, бригада Примакова обороняла город, но когда ее перебросили на Южный фронт, город пал.

М. А. Довжик, проводив свою подругу в Москву, отправилась на фронт. Была начальником политотдела, затем, проработав в политотделе, которым руководил Поспелов, 8 месяцев, пошла на передовую медработником, участвовала во взятии Лисок и Воронежа. Потом она была начальником санитарного эшелона Богучанского полка. На польском фронте погиб ее старший брат Наум, он был комиссаром полка в дивизии Щорса. В конце гражданской войны она заболела сыпным тифом.

Вернулась в Москву, работала в МК, встретила в 1923 г. Примакова и вышла за него замуж. В апреле 1925 г. она провожала мужа в Китай.

После возвращения из Китая Примаков был назначен в Ленинградский военный округ. Семья переехала в Новгород, где был расположен штаб 12-го стрелкового корпуса.

В 1927 г. у них родился сын, которого они в память о друге детства Юрии Коцюбинском назвали Юрием.

Родителям не повезло с сыном. В роддоме он умудрился получить заражение крови (началось с нарыва на мизинце правой ноги). Опытных врачей в Новгороде в то время не было. Армейские врачи сделали 21 операцию на ноге, и, когда гной поднялся выше колена, предложили ампутировать ногу или завести другого ребенка. Примакову удалось найти в Ленинграде очень хорошего хирурга. Он приехал в Новгород, сделал два больших надреза вдоль бедра и велел полоскать младенца в ванне с марганцовкой. Все операции были без наркоза, младенец наорал себе грыжу, но выжил. К сожалению, сохранилась на всю жизнь повышенная чувствительность

к стафилококкам, нарывы и гнойники требовали постоянного ухода, и мать не могла его оставить без постоянного наблюдения. Часто болезни не позволяли выезжать за рубеж или резко менять климат.

Возможно, эти обстоятельства оказали какое-то влияние на поведение В. М. Примакова, и он сошелся с Л. Ю. Брик.

Арест отца заставил нас менять местожительство, помогали друзья, помогло и то, что у матери сохранилась девичья фамилия.

Мать была хорошим врачом (окончила в 1924 г. Первый мед. институт), в годы войны она была зав. приемным покоем Боткинской больницы, которая была развернута в госпиталь.

Ее сын 15 лет работал в этой больнице санитаром. Сильная близорукость делала его непригодным для военной службы. После окончания института (МАМИ) сын был сослан в Кокчетав.

Мы жили тогда в бараке на окраине Москвы.

После речи Хрущева на XX съезде М. А. Довжик и ее сын подали заявление о реабилитации Примакова. После этого были вызовы в военную прокуратуру, в ЦК и т. д. В феврале 1957 г. В. М. Примаков был реабилитирован в советском и партийном отношении. Очень помогали друзья отца, ветераны революции, гражданской войны, которые хорошо знали М. А. Довжик по революционному подполью и по гражданской войне. Мешало то, что мать вышла из партии в 1924 г. — не приняла НЭП, — а сын Примакова никогда не был членом партии.

Десятки лет продолжалась тяжелая работа по сбору материалов о Примакове и о Червонном казачестве. Эти материалы М. А. Довжик переписывала от руки в спецхране Ленинской библиотеки (в том числе, статьи Примакова), тратила зарплату на фотокопии, на машинисток. В результате этой работы появились десятки книг о Червонном казачестве, кинофильмы, диссертации, возникли школьные музеи. Огромную помощь оказывали ветераны с Украины, Сибири, Чехословакии, Кавказа, помогали члены семьи Коцюбинского, старые уцелевшие друзья.

Единственную помощь, которую оказала за эти годы Л. Ю. Брик, была передача мне кинжала отца, который он привез из Афганистана. Этот кинжал был передан мною в музей Советской Армии в конце 1950-х, а в начале 1970-х этот кинжал из музея украли.

Мария Ароновна умерла в возрасте 91 года; перед смертью (15 лет) она ослепла и была членом общества слепых.

20 февраля 1996 г. Примаков Ю. В.

№ 2 (3 мая 1988 г.)

Здравствуйтесь, дорогой Анатолий Васильевич!

Это чертовски хорошо, что люди, знакомые только по переписке, могут болеть одними заботами и делать общее дело. Спасибо за заботу, за вырезки³ и поздравления, — я успел, благодаря Вам, хоть с опозданием, поблагодарить Илью Григорьевича Старинава за добрые слова об отце. Желаю Вам и Вашим близким хорошо встретить майские праздники.

С семьей Тухачевского я знаком, и в ближайшее время передам Ваше письмо дочери Николая Николаевича — Марии Николаевне⁴. Я знаю, что и она, и ее брат Андрей будут рады каждому воспоминанию о судьбе отца. Вы, наверное, читали в «Огоньке» статью о семье Тухачевских, ряды которых и редеют — уходит из жизни старшее поколение, и обновляются — у Андрея Николаевича пятеро сыновей, у Марии Николаевны — один.

Сейчас вырос интерес к истории, к событиям 1930-х годов, не только потому, что многие наши сегодняшние беды тянутся оттуда. Сталинисты — не секта замшелых бюрократов, это постепенно группирующееся объединение косных философов и недоумков экономистов, любителей советского варианта самодержавия и черносотенных шовинистов. И так как их активизация происходит среди запуганного прежними репрессиями народа, придавленного, к тому же, сегодняшней бедностью, нельзя полностью исключить возможность их успеха и временного возврата к тюремно-фанфарному режиму.

В связи с этим меня насторожила публикация в «Правде» 29 апреля статьи «Заговор» в Красной Армии». Несмотря на кавычки, статья оставляет неприятный осадок. Сведя все к сенсационным рассказам о пытках, о последних словах подсудимых (хотя, если было сфальсифицировано все, то почему речи были переданы полностью и абсолютно точно?), она умолчала о том главным, что до сих пор волнует людей — кому все это было нужно? Кто дал команду об истреблении почти всех командных кадров в канун войны? Широкие круги читателей практически не знают с кем, когда воевали осужденные полководцы, какие победы одержали, чем были прославлены.

Они не могут оценить речь Примакова, ибо не знают его слога, его манеры выражать свои мысли и не знают своеобразного красноречия А. Я. Вышинского, почерк которого был одинаков во всех сталинских процессах. Посылаю Вам копию письма, которое будет направлено в «Правду».

Думаю, что Вы и Ваши товарищи тоже смогут высказать свое мнение по поводу этой неудачной публикации, которая в канун Дня Победы явилась скверным подарком для многих, хотя, конечно, — это первый «блин», раньше в «Правде» об этих людях практически не писали.

С наилучшими пожеланиями

3 мая 1988 г. Ю. Примаков

Приложение

Главному редактору газеты «Правда»

тов. Афанасьеву В. Г.

по поводу статьи «Заговор» в Красной Армии»

29 апреля 1988 г.

Эта статья — одна из попыток разобраться в трагических событиях 1930-х годов, когда началась серия сталинских ударов по Красной Армии, по обороноспособности страны, ударов, которые начались перед 2-й мировой войной и которые продолжались после ее завершения.

Авторы статьи впервые опубликовали некоторые материалы следствия и, очевидно, прорделали большую работу, пытаясь установить истину среди тех нагромождений подтасовок, фальсификаций и лжи, которыми изобилует этот процесс, точно так же, как и другие процессы, проходившие по прямому указанию И. В. Сталина.

Трагедия этого процесса не только в том, что прославленные народные герои, создатели и гордость Красной Армии, предстали перед всем народом в жалкой роли предателей и марионеток, исполнявших предписанную истязателями-следователями роль, но и в том, что их судьбы — такие же, как их жертвы, народные герои, были заранее обречены на смерть еще до начала этого кровавого фарса. Последствиями же этих процессов была гибель миллионов наших сограждан в войне, за которую другие народы заплатили куда меньшей кровью.

Одна из наиболее трагических фигур этого процесса — комкор Примаков В. М., единственный из всех осужденных — большевик с дореволюционным стажем, делегат 2-го съезда Советов, создатель первого соединения регулярной конницы в Красной Армии, над дивизиями которой шефствовали компартии Франции и Германии, создатель тактики подвижных соединений, нашедшей широкое применение в годы ВОВ, автор многих книг и военно-теоретических работ. Он был арестован в июне 1936 г. — почти за год до казни и, несмотря на пытки, не сломался, не дал «нужных» показаний. Как и все арестованные, он сначала верил в то, что это — ошибка, недоразумение, однако, когда его начал допрашивать сам Н. И. Ежов, нарком внутренних дел, человек, приближенный к Сталину, Примакову стало ясно, что это — не ошибка. Он — один из участников процесса понял страшную истину — Сталин начал истребление Красной Армии. И поэтому он не клаясь в последнем слове в верности Сталину, в верности партии, Красной Армии. Сталина он презирал и ненавидел, а партию и Красную Армию нужно было предупредить — дать хоть какой-нибудь знак перед смертью.

И он это сделал в своей последней предсмертной речи. Он исполнил обещание, данное Ежову и следователю — повторил на суде заданный А. Я. Вышинским текст, но внес в него небольшие исправления, доведя все до абсурда, показав присутствовавшим на суде нелепость, фальшь того, что происходит. И уже уходя с суда, сказал свое действительно последнее слово своим судьям, товарищам по службе в родной Красной Армии: «Неужели вы не понимаете, что происходит? Сегодня вы судите нас, а завтра так же будут судить вас!»

К сожалению, авторы статьи не сочли возможным проанализировать то, что происходило в суде, как не сочли возможным ответить на главный вопрос, который до сих пор мучает наших сограждан, — кому было нужно планомерное истребление лучших кадров Красной Армии накануне войны? Почему в стране, где бдительность была едва ли не главной добродетелью, К. Е. Ворошилов, нарком обороны, не получил даже партвзыскание за то, что почти все командиры РККА оказались предателями?

Каким образом, десятки человек, оговоренных под пытками в начале 1937 г., превратились в десятки тысяч уничтоженных и сосланных к концу 1938 г.?

И, наконец, как же в действительности складывались взаимоотношения у Сталина с Красной Армией — так, как это было описано в известной книге К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» или иначе?

Генерал-майор юстиции Алексеев Б. И.,
ветеран Червоного казачества.

Бывший зам. начальника Украинского штаба партизанского движения,
полковник, участник 4 войн Старинов И. Г.

№ 3 (15 июля 1994 г.)

Несколько слов о Вашей книге⁶.

Вы посвятили свой труд очень сложной и трудной теме — жизни в СССР в первой половине 20 века. Противоречивость советской эпохи, скрытость и неполнота архивов, неизбежная внутренняя самоизоляция людей в эпоху кровавых и непредсказуемых перемен, их традиции никогда и никому не открываться, воспитанные и закреплённые сталинской системой, делают чрезвычайно трудным изучение человеческой природы, проникновение во внутренний мир людей, тем более, сложный мир творческих натур. В то же время именно при социализме, именно советская власть в отдельных случаях при определенных обстоятельствах представляла большие возможности для реализации творческих планов. Тем более, что плата за успех была весьма символична и казну не обременяла.

Это постоянное противоречие, увеличенное и искаженное непредсказуемым поведением Сталина, верховного и высшего авторитета во всех вопросах жизни страны, его болезненной властью, чрезвычайно усложняет задачу исследователей эпохи тридцатых годов и людей, которые ей принадлежали.

Многие из них старались в новых условиях сохранить старые привычки, традиции, старый образ жизни. Судя по Вашей книге, Брикам это временами удавалось. Думаю, что они многое понимали, о многом догадывались и, не испытывая особой привязанности к идеям социализма, не имея сантиментальных, романтических воспоминаний о революции и гражданской войне, легче переносили те изменения и трансформации в жизни общества, которые нельзя было не заметить.

Я лишь один раз видел Л. Ю. Брик и не мог не заметить ее ума, ее быстрой реакции на события и ее цинизма. Она не сделала в жизни ни одного ошибочного хода и, думаю, что это привлекало к ней мужчин. Она, конечно, ярко выделялась на советском фоне (именно умом, а не красотой), и близость с ней Маяковского и моего отца говорит о ее незаурядности.

Л. Ю. до самой смерти О. М. Брика оставалась его женой, подчеркивая свою связь с Виталием Марковичем. Думаю, что тут был расчет у обоих. Она подчеркивала свою советскость, он отводил от гнезда, как мог.

После убийства Кирова ни у кого из старых партийцев не могло быть сомнений в том, что начинается эпоха большого террора. К сожалению, никто не мог предвидеть размах и продолжительность этой работы по ликвидации опасных свидетелей недостаточно героического прошлого отца всех советских побед. За Примаковым и его друзьями-червонцами

свели давно — симпатии Примакова к Троцкому, неспособность наподобие Ворошилову выплясывать и ногами, и пером («Сталин и Красная Армия»), популярность на Украине и близость к думающему, реформаторскому крылу командования РККА преопределили судьбу командира Червоного казачества.

Я читал дело военных. Когда Агранова и его методов оказалось недостаточно, пришел Ежов. Примакова подвергали моральным пыткам и политическому давлению, вызывали на заседания Политбюро. Одновременно с этим, — обычные пытки и избиения больного человека.

На судьбе Бриков, я думаю, более сказалась не ее любовь с Маяковским, а то, что сестра Лили Юрьевны Эльза Триоле была женой Арагона. Ссориться с границей, скандалить с французской компартией из-за еще одной женщины было невыгодно. Поэтому, их место в подмосковных рвах заняли другие.

Я уверен, что Ваша документальная книга поможет исследователям и историкам будущего лучше понять наше время, тот период советской истории, который многими рассматривается только как набор сюжетов для детективов или триллеров. В советской литературе и искусстве О. М. Брик оставил добрый след, его семья создавала часть той ауры, без которой не было бы Маяковского, Маршака и многих других. Или они прожили бы жизнь немного по-другому, а мы читали бы другие книги.

Ни я, ни мои друзья не выписываем «ЛГ», и я, к сожалению, Вам не могу помочь⁷. Уверен, что независимо от мнения критиков и литературоведов, Ваш труд завоеует уважение и интерес читателей, ибо в нем есть тщательная добросовестность, уважение и любовь к изучаемому предмету, нет следов конъюнктурности.

От всей души желаю Вам счастья и новых литературных успехов.

С уважением

15 июля 1994 г. Ю. В. Примаков

№ 4 (26 августа 1998 г.)

Здравствуйте, уважаемый Анатолий Васильевич!

С интересом прочел Ваше письмо и цитату из статьи в «Молодой Гвардии»⁸.

Вы знаете, что это далеко не первое обвинение в адрес Л. Ю. Брик в том, что она сотрудничала с НКВД. Были публикации о том, что она, не желая близости В. В. Маяковского с Полонской⁹, действовала через знакомых в органах и помогла сорвать его поездку во Францию к Полонской, а это повергло его в состояние депрессии (начались политические процессы и сигнал был серьезный о возможной угрозе со стороны органов), последовал выстрел.

Сестры В. В., с которыми я познакомился в 1956 г., очень резко отзывались о Л. Ю.¹⁰ Ее близость с Аграновым, который был принят в ее семье настолько, что превратился в «Яню» тоже наводит на размышления. Именно Агранов был тем следователем, который еще в 1936 г. посадил отца в карцер (это было еще при наркоме Ягоде, когда с заключенными обращались относительно мягко, не били, не пытали). Если не считать

Л. Ю. патологической идиоткой, то непонятно, почему в самый разгар политических процессов и репрессий в ее семью, как близкий человек, вошел один из старших работников НКВД.

Вы писали о том, что в 1931—37 годах она была женой Примакова, но в это же самое время она была вдовой Маяковского, женой О. Брика и близким другом Агранова. Ее связь с Примаковым была, как сейчас говорят, «престижна», но не основывалась на глубоких чувствах. Об этом хорошо знал Агранов и потому смог подготовить соответствующую резолюцию Сталина.

Мог ли Агранов или его помощники использовать Л. Ю. во время допросов Примакова? Думаю, что нет. К тому времени, когда он начал давать признательные показания (конец апреля 1937 г.), он был уже так измучен побоями, сердечными приступами, бессонницей (ему специально не давали спать сутками), что не соблазнился бы и царицей Савской. Однако, версия о том, что именно Лилию Юрьевну можно было бы использовать в качестве «подсадной утки» интересна тем, что это единственная женщина, связанная с процессом военных, в отношении которой было выдвинуто подобное предположение.

Нужно особо подчеркнуть и то обстоятельство, что именно Л. Ю. была *единственным* человеком из тех, кто хорошо знал Виталия Марковича и кто пальцем не пошевелил, чтобы помочь его реабилитации, восстановлению исторической правды о нем и пр. Для «жены с 1931 по 1937 гг.» такая позиция совершенно уникальна в период после XX съезда партии, но для сотрудника органов совершенно естественна.

Не думаю, что она была постоянным агентом, но личный комфорт и безопасность она ставила превыше всего. Она была умная, хорошо образованная женщина, знавшая цену и славе, и почету, но идеи революции и социальной справедливости были ей чужды, и взгляды отца на жизнь тоже. Она родилась слишком рано. Сегодня она бесспорно стала бы героиней, достойной подражания, а тогда она была «примкнувшая» к советской власти, как и много других, поверивших в то, что постепенно все наладится, и жизнь со временем войдет в привычное для нее русло.

Несколько слов о том, как проходила работа по восстановлению доброго имени В. М. Примакова и его товарищей.

После XX съезда партии вдова Примакова Мария Ароновна Довжик и я подали заявление в Военную прокуратуру и в ЦК с просьбой пересмотреть дело Примакова. Мы ходили вдвоем с матерью по всем инстанциям, пока не получили все документы о реабилитации отца в советском и в партийном отношениях.

В этой работе нам помогала и семья Довжиков, и семья Примаковых. Молодежь этих семей дружила еще со времен Черниговских подпольных кружков. Мария Довжик училась в одном классе с Оксаной Коцюбинской, с братом Оксаны Юрием дружил Виталий, младшие братья Виталия Владимир и Борис дружили с младшими братьями Марии — Наумом (погиб на польском фронте в гражданскую войну, был комиссаром 535 пех. полка), Самуилом (впоследствии — д. т. н., лауреат Госпремии), Гиршей (стал после революции архитектором).

В этой работе нам очень помогали старые большевики Черниговщины — Коцюбинские, Бош, Стецкие, — хорошо знавшие мать по подпольным молодежным кружкам, по фронту (мать была на фронте с 1919 по 1921 г.), очень помогали ветераны Червоного казачества (в том числе и из Чехословакии и Венгрии).

После того, как вся работа по реабилитации Примакова была закончена, мне в 1956 г. позвонила Л. Ю. Брик и пожелала, чтобы я отвез ей документы о реабилитации. Я ответил, что копии всех документов уже разосланы мной во все музеи и в советы ветеранов Червоного казачества, которые были созданы по нашей инициативе и с нашей помощью (30 лет я был секретарем Московского совета). После этого она позвонила мне еще один раз в 1957 г. За мной приехала ее машина с ее шофером и отвезла меня к ней на квартиру. Там были Плучек¹¹, Б. Слуцкий, В. Катаня. Л. Ю. Брик передала мне афганский нож отца, и больше мы не виделись никогда, она мне не звонила.

Мать и я проводили все свободное время в библиотеках, архивах, спецхране. Мать и я переписывали от руки статьи и книги Примакова, историю Червоного казачества, перепечатывали дома эти материалы и рассылали их в музеи, в советы ветеранов, в издательства. В работу по восстановлению исторической правды включились за эти годы сотни человек со всех уголков СССР, помогали все те, кто знал Примакова или хотя бы слышал о нем. Так продолжалось до конца перестройки. Теперь я один должен бороться против лжи и клеветы (вроде книги В. Суворова «Очищение»).

С 1956 по 90-е годы были выпущены десятки книг и статей о Примакове, были переизданы книги отца, созданы кинофильмы, названы улицы, теплоходы и пр., однако, за все эти годы Л. Ю. Брик никакого участия в этой работе не принимала. Она издавала только книги о Маяковском, сохраняя миф о том, что именно она была его единственной музой и любовью великого пролетарского писателя.

В архивах, говорят, происходит одновременно два процесса — открытие новых фондов и ужесточение допусков. Российская неразбериха принимает перманентный характер.

К сожалению, ни я, ни мои друзья и родные не смогут быть Вам полезным в устройстве с жильем¹². Пишу об этом с искренним сожалением, ибо высоко ценю Ваше стремление вернуть народу забытые имена, в том числе имя О. Брика.

Судя по сообщениям СМИ, жизнь в Казахстане стабильнее и быстрее налаживается, чем в России. Я этому рад.

Желаю Вам всего наилучшего.

26 августа 1998 г. Москва. Ю. Примаков.

№ 5 (16 мая 1996 г.)

Здравствуйте, уважаемый Анатолий Васильевич!

К сожалению, все материалы, даже косвенно связанные с историей в нашей стране несут отпечаток своего времени и, прежде всего, политической конъюнктуры.

Книги Дубинского не являются исключением. К сожалению, многое он в Примакове не понял, а многое опустил до уровня предполагаемых читателей из народа (или из органов).

Нет, я не собираюсь писать о своих встречах с интересными людьми, с которыми меня свели превратности судьбы. О большинстве из них уже написаны хорошие книги; многие хорошо писали и сами. Детские воспоминания об отце могут вызвать умиление, но не дополнить образ этого человека. Игрушки из Японии быстро погибли в моих умелых руках, а велосипед из Германии жил долго, но был продан — нам были нужны деньги, после ареста особенно.

Попытаюсь ответить на вопросы:

Разумеется, связь с Л. Ю. отнюдь не означала отказа отца от семьи, от заботы и помощи, до последнего момента. Л. Б. проявляла достаточно такта и уважения к этой стороне их взаимоотношений, и я благодарен ей за это. Уменя нет к ней ни любви, ни уважения — она много причинила горя моей матери, и многое непонятно в той роли, которую она сыграла в судьбах Маяковского и Примакова, оставаясь официально женой своего мужа и будучи неприкасаема для органов. Я не собираюсь осуждать отца за его поведение, ибо и сегодня не в состоянии полностью оценить обстановку, в которой он жил последние годы и ту степень опасности, которую он мог чувствовать, ибо репрессии против троцкистов в армии начались не в 36 г.

Определяющим в жизни Примакова были не те яркие и очень интересные женщины, с которыми его свела судьба, а он сам, то, что он сделал. То же самое можно сказать и о многих полководцах РККА, которые в то зыбкое и неустойчивое время не всегда соблюдали все библейские заповеди. Впрочем, это относится и к Пушкину, и к Екатерине II, и к десяткам других.

В Кокчетав я попал в 1948 после честного заполнения анкеты, работал на КМЗ до 1951 г., потом вернулся в Москву с переводом на другой завод. Вероятно, помогло то, что я успел сделать хорошего на заводе.

Мать оставалась в Москве, жила в том же бараке и чудом избежала ареста в связи с делом врачей.

О том, что она и я успели сделать после XX съезда, я уже писал.

16 мая 1996 г. Ю. Примаков

№ 6 (9 июля 1997 г.)

Здравствуйте, Анатолий Васильевич!

Спасибо за внимание и за подробное письмо. У нас в России все по-другому. О событиях 1937 г. вспоминают от случая к случаю...¹³

В начале февраля мне позвонили из музея Революции и попросили вещи и документы для экспозиции. Я все это им передал, с тех пор они ни меня, ни кого из семей репрессированных не беспокоили.

Летом прошел телефильм «Россия в войне» («Кровь на снегу»), снятый по заказу англичан два года назад. Там есть и мое короткое выступление о процессе над военными и о последствиях этого процесса для нашей страны и ее соседей.

В августе должны показывать серию передач по телевизору (канал «Россия») «Старая квартира 1957 г.». Выходит эта передача обычно по воскресеньям. Там тоже снимали В. И. Уборевич и меня.

Я сказал о том, что на могиле казненных командиров на территории старого крематория, возле стены Донского монастыря нет до сих пор памятника. Со времени казни прошло 60 лет. Под плитой, установленной членами общества «Мемориал» прах 216 человек, кроме тех, кто погиб по процессу Тухачевского, прах маршала Блюхера, Мейерхольда, наркомов, коминтерновцев. Однако, на плите только надпись о том, что здесь похоронены жертвы незаконных политических репрессий. На этой могиле 12 июня мы были вдесятером — Уборевич, дочь Рыкова¹⁴, моя жена и я, учительница с детьми из школы, где есть музей, посвященный Червонному казачеству, еще несколько человек. Никого больше. Ни от прессы, ни от правительства, ни от общества «Мемориал». Вечером того же дня Киселев¹⁵ провел в конце передачи интервью с историком, который сказал добрые слова о погибших командирах. В. З. Роговин²⁶, историк, д. ф. н. издает серию книг, посвященных репрессиям и борьбе троцкистской оппозиции со сталинщиной. К сожалению, в стране с твердыми монархическими традициями и с тотальной пропагандой эффективность такого сопротивления была невелика. Сейчас в России маятник колеблется между сталинским величавым социализмом и романовским величавым самодержавием. У страны, которая даже пенсию и зарплату может платить, только используя иностранные займы, имперские амбиции выглядят особенно трогательно.

Я передаю свои архивы в Гос. Военно-исторический архив (ул. Адмирала Макарова), надеюсь, там они уцелеют лучше, чем у меня дома. Правда, весь мой опыт говорит о том, что и в архивах многое пропадает, многое уничтожают (архив фото- и кинодокументов, архивы музеев, архив МО, архивы киностудий...).

Надеюсь, мне повезет, и материалы, которые я передал, не пропадут. Суть в том, что сейчас в моде не только белое движение, но и все, кто сражался против большевиков. Поэтому генерал Краснов, который был одним из руководителей казачьего кавкорпуса во второй мировой войне (на стороне фашистских оккупантов)¹⁷, признан одним из мучеников сталинской тирании, ибо был казнен за измену Родине, как и многие власовцы, полиция и пр. И архивные работники, и тележурналисты мне в разное время говорили одно и то же: «Сейчас красные не в моде». То, что именно ученики Тухачевского, Уборевича, Примакова, Якира и других реформаторов армии отстояли нашу страну в ВОВ, не имеет никакого значения. Вообще, в нашей стране история по-прежнему легко деформируема.

Теперь о публикации С. Рыкова¹⁸.

Я не знаю подробностей ареста отца. В деле нет подробностей об этом, в письме Сталину, написанном позднее (1937 г.) ничего нет о сопротивлении в поезде. Возможно, так оно и было. Судя по листкам допроса, с августа по ноябрь 1936 г. Примакова спрашивали о его троцкистских связях, основываясь на показаниях ранее арестованных людей (Корк¹⁹, Мрачковский, Кузмичев, Дрейцер и др.). До замены Ягоды Ежовым отца не избивали,

Дети «врагов народа». Слева направо: В. Я. Гамарник, М. Н. Тухачевская (дочь Н. Н. Тухачевского), С. М. Тухачевская, В. И. Уборевич, Ю. В. Примаков. Начало 1960-х гг.

но мучили бессонницей, не давали лекарств во время сердечных приступов, проводили многодневные непрерывные допросы. После вызова в Кремль на заседание Политбюро с участием Сталина, начались избиения и пытки. Оговаривали себя все в разной степени, но столько времени, сколько возлились с Примаковым, не «работали» ни с кем, не говоря уже о большом политическом давлении.

Арестованные за два месяца до казни²⁰, командармы и маршал Тухачевский быстрее поняли, что происходит в действительности. Они, как и отец, написали подробные письма, в которых описали все последствия ликвидации комсостава, заговора в случае военных действий, однако, ничего уже нельзя было изменить.

Ни в одной публикации за последние годы нет главного: Вторая мировая война была предreshена тогда, когда Сталин привлек в середине 1930-х годов (после убийства Кирова) Гитлера к фабрикованию фальшивок для того, чтобы через Бенеша скомпрометировать высший комсостав РККА, этим он дал знать, что намерен обезглавить всю армию²¹. С 1939 по июнь 1941 г. СССР был союзником Гитлеровской Германии во Второй мировой войне, поставлял стратегическое сырье, выдавал антифашистов, обеспечивал безопасность восточных границ третьего рейха. Единственная европейская армия, которая участвовала в совместном параде с немецкими войсками после начала войны, была Красная Армия (Брест-Литовск, 22 сентября 1939 г.).

Уничтожение оборонительных рубежей на западной границе, ликвидация партизанских баз, заложенных Якиром и Уборевичем на Украине и в Белоруссии, арест и расстрел большинства специалистов, подготовленных в спецшколах перед войной для ведения партизанской войны, одновременно с фактическим разрешением немцам беспрепятственно вести разведку, начиная с 1941 года, предопределили тяжелые поражения в 1941–42 гг. Именно это было одним из самых важных и тяжелых последствий процессов над военными. Они коснулись всего советского народа.

Если б не предательская политика Сталина, не было бы таких потерь ни среди русских, ни среди казахов, ни среди остальных народов, вынужденно

воевавших на два фронта. Прошло несколько лет, прежде чем исчезло недоверие к комсоставу, которое старательно насаждалось во время и в результате репрессий. К сожалению, не было ни суда над Сталиным, ни попыток честно разобраться в нашей истории, выяснить, где проходила граница между недомыслием, безответственностью и предательством. Победа списала все...

Спасибо за конверт²², я его сберегу. Казахи действительно были добры к тем, кого судьба занесла на их землю, и никогда не злословили.

Благодарю Вас за внимание, за память, за интерес к проблемам, которые меня никак не отпускают.

Ваш Ю. Примаков

9 июля 1997 г.

№ 7 (28 августа 2002 г.)

Дорогой Анатолий Васильевич!

Получил сегодня Ваше большое письмо и обрадовался тому, что Вы живы-здоровы, что у Вас есть работа, и не угас интерес к историческим сюжетам.

По правде говоря, я так и не понял, чем Вас привлек образ Л. Ю. Ее роль в судьбе многих людей вызывает ряд вопросов, а сама она не внесла никакого вклада в искусство и культуру 20 века. Она не создала салон, как мадам Рекамье²³ или госпожа де Сталь²⁴, не написала «Франкенштейн», как Мэри Шелли, не принимала участия в работе своего мужа, не говоря уж о своих любовниках.

Что касается ее связи с моим отцом, то могу отметить, что никто из моих родных Примаковых или знакомых военных не отзывались о ней хорошо.

Моя мать познакомилась с отцом в 1911 году на собрании подпольного кружка, вместе они были на похоронах М. М. Коцюбинского, в 1919 году они были вместе во время боев за Чернигов (Марию Довжик назначили комиссаром по делам почт и телеграфа), у них был общий друг Ксения Листопад, и они вместе ухаживали за ее больной матерью в 1923 году. У них были общие цели и общие идеалы. Связь Примакова с Л. Ю. Брик была случайна и то, что она после смерти отца не интересовалась судьбой его сына, а после реабилитации Примакова не принимала участия в большой и сложной работе по восстановлению исторической правды.

После Новгорода семья переехала в Москву в 1927 году (перед тем, как отец отправился в командировку в Афганистан), жили на Коммунистической улице возле Таганки. Рядом жил Вольпе²⁵.

После реабилитации Министерство Обороны назначило пенсию вдове Примакова — Марии Ароновне Довжик. Именно она работала в библиотеках и архиве, принимала участие в заседаниях и советах ветеранов Червонного казачества. Для ветеранов Червонного казачества она всегда была «Маня Довжик» — та девчонка, которая ушла на фронт в 18 лет в 1919 году.

Псылаю Вам копию статьи о процессе военных (была опубликована в журнале) и несколько своих стихотворений. У меня нет талантов отца, но есть любовь к поэзии, и я надеюсь, что это Вас развлечет²⁶...

Понимаю, что литературные планы и сюжеты внушаются свыше, но все же рискну высказать свои предложения.

Казахстан был не только местом ссылки. Это было место, где очень многие народы, многие люди общались друг с другом, узнавали друг друга. Казахи быстро стали национальным меньшинством в своей стране, но именно благодаря контактам с иноплеменными, возникло и оформилось современное казахское театральное и кино искусство, появились свои ученые, врачи, инженеры, писатели. Националистический угар, который, как смог, затянул сейчас всю территорию СССР, когда-нибудь исчезнет, и тогда можно будет очистить от лжи и эмоциональных вывертов все хорошее, что было на казахской земле в 20 веке.

Мне кажется, что для такого человека, как Вы, это огромное поле деятельности. Кто-то должен начать восстанавливать связи между народами-соседями.

Я навсегда запомнил вкус кумыса и тепло дружеских рук казахов...

С наилучшими пожеланиями Ваш Ю. Примаков

Р. S. 26 августа у моего сына Виталия родилась девочка. Теперь у меня две внучки и внук. Именно доктор Довжик Мария Ароновна помогла моей первой жене Марии Николаевне Тухачевской родить сына, которого мы назвали Виталием в память о деде. Сейчас Мария Николаевна умирят трехлетнего Петьку, пока Настя в роддоме.

И при чем здесь Л. Ю. Брик?...

Отрывки из писем Ю. В. Примакова

Надеюсь, что Ваша оценка книги Виталия Марковича²⁷ совпадет с мнением большинства читателей. К сожалению, нехватка бумаги в издательствах Украины и конъюнктурные соображения не позволили расширить рамки книги и сделать ее более полной. Издательству предлагались и рассказы о Гражданской войне, частично переизданные в 1960-е годы и, главное, некоторые статьи на военно-исторические темы, которые, по моему, представляют интерес для все более расширяющегося круга людей, интересующихся историей, образом мышления и подходом к решению различных задач советских военных деятелей 1930-х годов (05.12.87).

Должен Вас огорчить — ни о судьбе портрета²⁸, ни о неприятностях у отца с НКВД ничего определенного сказать не могу. Знаю, что все портреты и бюсты в музеях были своевременно уничтожены. Мне об этом рассказывали работники музея Сов. Армии. Что касается НКВД, то думаю, что по поручению Сталина слежку организовывали заранее. Товарищи отца мне рассказывали определенно, что в Ленинграде за отцом была установлена постоянная слежка с момента его переезда. Думаю, что это была часть мероприятий, входившая в план Сталина, связанный с убийством Кирова. Вождь был предусмотрителен и люди, связанные с заграницей, представляли для него повышенную опасность. Не случайно, по процессу Тухачевского прошло так много людей, связанных с иностранной работой. Отец, который, бывая за границей, установил личные контакты с крупными политическими деятелями (Фын-Юйсян²⁹, Аманулла-хан³⁰, семья императора Японии³¹), автор книг и лектор по зарубежью (в том числе, перед

работниками Коминтерна), был обречен на уничтожение. Не случайно, Сталин и его подручные из Политбюро были на его допросах и оказывали на него давление (25.03.90).

Отвечаю на Ваши вопросы:

Я не знаю, был ли отец лично знаком с В. В. Маяковским.

Полагаю, что нет.

Точного адреса не помню, где-то в центре³².

Книгу эту читал, предисловие тоже³³. Виталий Маркович действительно придавал большое значение литературе, которую можно было бы использовать в политработе.

Он высоко ценил стихи Д. Бедного, Асеева, Н. Тихонова, В. В. Маяковского (10.04.83).

Отец, как и его братья, увлекался охотой, а красный монгольский халат, в котором его нарисовали для портрета в музее РККА, лежит у меня в чемодане. Мать потом пыталась его переделать для себя, но наш образ жизни не предполагал ношение халата из красной парчи. Отец в нем тоже не часто шеголял.

У отца были разные адъютанты в разное время, с некоторыми я был знаком. Плау — не помню³⁴.

Портрет Примакова, как и многие другие произведения искусства, посвященные «врагам народа», был уничтожен в 1938 г. (об этом мне рассказывали работники музея).

Я попытался проанализировать для себя то, что я знаю о процессе военных, чтобы понять неизбежность и естественность того, что случилось. Получилось 20 стр. на машинке. На этом я решил поставить точку — нельзя все время терзать себя прошлым, тем более, что настоящее время дает понять, что прошлое не кончилось, что вирусы рабства, фашизма, предательства, лизоблюдства и конформизма не исчезли.

Не унывайте, Вашим любимым литературным героям было несладко всю жизнь, и было бы еще хуже, если бы они могли узнать, как пойдут дела дальше. Неведение — большое благо при определенных условиях (10.04.95).

Судьба моя и моей матери сложились относительно благополучно. Ее брак с отцом не был зарегистрирован, в 1936 г. мы сменили квартиру и нас не разыскивали, да и люди помогли.

Лиля Юрьевна была весьма заметной фигурой, но и она никак не пострадала, а в многочисленные заграничные поездки отец меня не брал.

В детстве я был болезненный мальчишка, и это влияло на места, где мы могли жить.

После окончания института был направлен в Коччетав (это севернее Ваших краев), больше никаких серьезных неприятностей у меня не было (22.05.88).

Благодаря Вашим усилиям, был у В. В. Катаняна, поговорили о разных делах³⁵. Он мне передал веер отца и книгу об Афганистане³⁶ (03.01.96).

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нумерация примечаний самостоятельна для каждой части. При необходимости сослаться на данное выше примечание указывается:

— его порядковый номер (например, «157»), если примечание находится в этой же части;

— название (т. е. год) части и порядковый номер примечания (например, «1932 — 118»), если оно находится в одной из предыдущих частей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Катанян Василий Васильевич (1924–1999) — кинорежиссер-документалист. Сын Василия Абгаровича Катаняна (1908–1980), литератора, редактора, и Галины Дмитриевны Катанян (1904–1991). Написал ряд мемуарных книг о Л. Ю. Брик, С. И. Параджанове, М. М. Плисецкой и др.

² Обнаруженный в РГАЛИ фрагмент письма Л. Ю. Брик к В. В. Маяковскому и О. М. Брику, датированного предположительно 23 февраля 1924 г., впервые опубликован в статье: *Валюженич А.* Автор книги — Лиля Брик // *Русская мысль*. 2003. 15 окт. № 4473.

³ Обнаруженное в РГАЛИ письмо Л. Ю. Брик к Э. Ю. Триоле от 21 марта 1933 г. впервые опубликовано в статье: *Валюженич А.* Черная кошка в темной комнате // *Независимая газета* (НГ—Ex libris). 2004. 27 мая. № 105.

⁴ Впервые: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930 / сост., подгот. текста, введ. и коммент. Бенгта Янгфельдта. Стокгольм, 1982. 300 с.: ил. (на рус. яз.). Переведена на ряд языков и издана в ряде стран, в том числе в СССР: *Янгфельдт Б.* Любовь — это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991. 288 с.: ил.

⁵ Лиля Брик — Эльза Триоле: Неизданная переписка (1921–1970) / сост., вступ. ст. В. В. Катаняна. М.: Эллис Лак, 2000. 688 с.; также: Lili Brik — Elsa Triolet: Correspondance (1921–1970) / preface et notes de Leon Robel. Paris: Gallimard, 2000. 1630 p.

⁶ Lilja Brik: Schreib Verse für mich: Erinnerungen an Majakowski und Briefe / herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von Wassili Katanjan. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1991. 258.

⁷ *Брик Л. Ю.* Теперь об Осипе Максимовиче... // *Валюженич А.* О. М. Брик. Материалы к биографии*. С. 140–141.

* Полные ссылки на источники содержатся в библиографии.

1930 год

¹ Брики должны были вернуться из Берлина в Москву 22 апреля (письмо Е. Г. Соколовой к О. М. Брику, Москва — Берлин, 11 апреля 1930 г. РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 260).

² Брики всегда останавливались в этом берлинском отеле, и об этом, так же как о маршруте и времени их возвращения, было хорошо известно их близким. Напрасно В. Скрягин усматривает какую-то особую осведомленность органов в этом (*В. Скрягин. Послесловие к смерти // Журналист. 1990. № 5. С. 56, 61*).

³ Цит. по: [Валуженич, 1993. С. 145].

⁴ Факсимиле телеграммы см. в нем. изд.: [Lilja Brik: Schreib Verse für mich... S. 139].

⁵ Гринкрут Лев Александрович (1889—1987) — друг Бриков, Маяковского, Эльзы Триоле. Родился в Смоленске. Его отец был директором смоленского отделения Московского Международного Банка. После окончания гимназии Лев переехал в Москву, в 1911 г. окончил юридический факультет Московского университета одновременно с О. М. Бриком, которого знал по учебе. До революции работал служащим банка в Петрограде, где в 1914 г. познакомился с Л. Ю. Брик, после того как она с мужем переехала туда с началом войны. Знакомство с Маяковским, по-видимому, состоялось в мае 1915 г. в Малаховке, в тот день, когда Л. Ю. Брик впервые встретила там же с поэтом. В 1918 г. Гринкрут вместе с В. Маяковским, Д. Бурлюком и В. Каменским снимался в фильме «Не для денег родившийся» (в роли брата возлюбленной героя). Вместе с Маяковским вел организационную, хозяйственную и финансовую работу в РОСТА. Позже длительное время работал в советской кинематографии редактором, администратором. Не был женат, не имел своей семьи, много времени проводил в «семье» Маяковского — Бриков.

⁶ Агранов Яков Саулович (наст. имя и фамилия — Янкель Шмаевич Соренсон) (1893—1938) — один из руководителей органов госбезопасности. Родился в местечке Чечерская Рогачевского уезда Гомельской губернии. Образование получил в 4-классном городском училище. В 1912 г. вступил в Партию социалистов-революционеров, в 1915 г. — в РКП(б). В 1914 г. освобожден от военной службы по состоянию здоровья, работал бухгалтером, конторщиком. В апреле 1915 г. арестован и в мае 1915 г. выслан в Енисейскую губернию. В 1917 г. — секретарь Полесского обкома РСДРП(б). С февраля 1918 г. — секретарь Совета Народных Комиссаров, работал под руководством В. И. Ленина. В мае 1919 г. назначен особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. Агранов был одним из влиятельнейших сотрудников ЧК; специализировался на работе с представителями интеллигенции и старыми большевиками. В 1920—1921 гг. — зам. начальника управления Особых отделов ВЧК, начальник спецотделения. Руководил расследованием обстоятельств Кронштадтского восстания (1921). Лично курировал работу следствия по делу Тактического центра, по делу Таганцева (несет непосредственную ответственность за расстрел 87 человек, которые проходили по этому делу, в т. ч. поэта Н. С. Гумилева), по делу участников крестьянского восстания Антонова. Лично руководил допросами. Агранов готовил такие фальсифицированные процессы 1920-х — начала 1930-х гг., как процесс правых эсеров, процессы Промпартии и Трудовой крестьянской партии, по которым были арестованы многие представители интеллигенции. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский поручили ему составить списки представителей старой интеллигенции, подлежащих высылке из РСФСР в 1922 г. (среди них Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, М. А. Осоргин и др.). С 02.11.1922 по 01.02.1923 — начальник Особого бюро по делам административной высылки

антисоветских элементов интеллигенции. В феврале — октябре 1923 г. — особоуполномоченный по важным делам Секретно-политического отдела ВЧК. С 24 мая 1923 г. — заместитель начальника, а с 26 октября 1929 г. — начальник Секретного отдела ОГПУ СССР. Активно участвовал в художественной жизни Москвы, близко общался с членами РАППа и ЛЕФа, был в дружеских отношениях с Л. Л. Авербахом, Бриками, О. Э. Мандельштамом, В. В. Маяковским, Б. А. Пильняком и др. Ряд исследователей полагают, что именно Агранов по просьбе Л. Ю. Брик воспрепятствовал выдаче В. В. Маяковскому визы на поездку в 1929 г. в Париж для женитьбы на Татьяне Яковлевой, а впоследствии организовал его «самоубийство», но это не нашло документального подтверждения даже в глубоком и пристрастном журналистском исследовании В. И. Скорятина в 1989—1994 гг.

⁷ Катанян (Катаньян) Василий Абгарович (1902—1980) — известный литератор, редактор и издатель книг Маяковского. Родился в Москве, но свой литературный путь, как поэт и критик, начал в Тифлисе (1919—1921 гг. — газета «Искусство»; 1921—1923 гг. — КавРОСТА; 1923—1927 гг. — изд-во «Заккнига»). Познакомился с Маяковским в 1923 г., подготовил и издал в 1926—1928 гг. в «Заккнига» четыре книги Маяковского: «Сергею Есенину», «Разговоры с фининспектором о поэзии», «Сифилис», «Что ни страница, то слон, то львица». Переехав в Москву, Катанян вошел в литературную группу ЛЕФ, возглавляемую Маяковским; был секретарем журнала «Новый ЛЕФ» (с июля 1927 г.), затем состоял в группе РЕФ (1929—1930). Работая в тесном контакте с Маяковским, он сблизился с ним и его окружением. В 1921 г. женился на Галине Дмитриевне Клепацкой (Катанян) (1904—1991), в 1924 г. у них родился сын Василий.

⁸ Цит. по: [Валюженич, 1993. С. 145].

⁹ См.: Катанян В. А., Катанян Г. Д. Распечатанная бутылка / сост. Яков Гройсман. Н. Новгород: Деком, 1999. 352 с.

¹⁰ Маяковская Александра Алексеевна (1867—1954), мать поэта и его сестер Людмила и Ольги, оставила воспоминания о сыне (Детство и юность Маяковского: Из воспоминаний матери. М.: Детская литература, 1955).

¹¹ Маяковская Людмила Владимировна (1884—1972) — художница, заслуженный работник культуры РСФСР. Автор воспоминаний (О Владимире Маяковском: Из воспоминаний сестры. М.: Детская литература, 1965). Входила в состав редколлегии Полного собрания сочинений В. Маяковского (1939—1949) и др.

¹² Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), нарком просвещения РСФСР в 1917—1929 гг., был близко знаком с Маяковским, расположен к нему, неоднократно бывал в гостях у Маяковского — Бриков.

¹³ Авербах Леопольд Леонидович (1903—1938) — литературный критик, один из руководителей РАППа.

¹⁴ Федин Константин Александрович (1892—1977) — советский писатель, с 1921 г. участник литгруппы «Серапионовы братья».

¹⁵ Кон Феликс Яковлевич (1864—1941) — российский и международный революционный деятель, один из инициаторов создания МОПР (Международной организации помощи борцам революции). В 1925—1928 гг. — редактор газеты «Красная звезда», с 1928 г. — «Рабочей газеты».

¹⁶ Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт. Родился в Одессе в семье портного. Во время революции писал авангардистские агитационные стихи в стиле В. Маяковского. Побывав в Одессе в 1924 г., Маяковский напечатал эти стихи Кирсанова в журнале «ЛЕФ». После окончания филологического факультета Одесского института народного просвещения Кирсанов в 1925 г. переехал в Москву,

²¹ Шестой том Собрания сочинений В. Маяковского (М.-Л.: Госиздат, 1930) вышел в свет в двадцатых числах января 1930 г.

²² Родченко Александр Михайлович (1891—1956) — художник-конструктивист, выдающийся мастер фотографии, лефовец, один из ближайших друзей Маяковского и Бриков. В 1920—1930-х гг. вышло много книг Маяковского и писателей из его окружения в своеобразных ярких обложках А. М. Родченко; он же оформлял все номера журналов «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ», редактором которых был Маяковский.

²³ Б. Арватов. Об агит- и проз-искусстве. М.: Федерация, 1930. 224 с. Обложка А. М. Родченко. (Собрание А. Валюженича). Арватов Борис Игнатьевич (1896—1940) — критик, искусствовед, один из теоретиков ЛЕФа. В 1928 г. вышла в свет его книга «Социологическая поэтика» с предисловием О. М. Брика.

²⁴ Эльберт Лев Гилярович (1898—1946) (дружеское имя — Сноб) — кадровый работник ОГПУ, журналист, киносценарист. В 1918—1919 гг. работал начальником угрозыска в Минске; в 1919 г. — Западный фронт — пом. Губвоенкома Гродн. губ.; особый отдел Белоруссии, начальник; 1920 г. — Губ. военкомат г. Свердловска — нач. губполитотдела; с 1921 г. — ВЧК — зам. нач. инф. отдела, особоуполномоченный ИНО. Осенью 1921 г. одновременно с Л. Ю. Брик поехал «по служебным делам» в Ригу и за 4 месяца, которые она пробыла в Латвии, несколько раз приезжал в Москву и вновь возвращался в Прибалтику. Вероятно, вояж Эльберта в Ригу в 1921 г. окончился неудачно, и его удалили из органов. Но в декабре 1923 г. Сталин лично (!) предложил «откомандировать тов. Эльберта Л. Г. в распоряжение ГПУ согласно просьбы последнего». В 1-й пол. 1926 г. он кратковременно выезжает от Наркоминдел через Грецию в Италию для выполнения некоей спецоперации по заданию ГПУ.

В январе 1930 г. принимал непосредственное активное участие в похищении и убийстве в Париже председателя русского общевойска Союза генерала А. П. Кутепова, что не составляло тайны в кругу Маяковского — Бриков. О провале парижской полиции, возглавляемой Кияппом, при расследовании «исчезновения» генерала А. П. Кутепова он написал очерк «Париж под Кияппом», который был напечатан в журнале «Огонек» № 7 (10 марта 1930 г.) и опубликован отдельной книжечкой в библиотечке журнала «Огонек» (№ 542, 1930 г.).

С отъездом 18 февраля 1930 г. Бриков за границу Л. Эльберт поселился к Маяковскому в его квартире на Гендриковом; он был одним из тех немногих, кто тесно общался с поэтом в последние недели его жизни. Его подпись под некрологом Маяковского — на последнем месте, она как бы замкнула земное существование поэта.

Уже в № 12 (1930 г.) журнала «Огонек» появляется очерк Эльберта «Краткие данные» о его совместном проживании с поэтом в доме на Гендриковом.

После «засветок» при похищении генерала Кутепова (а может, и в операции по «самоубийству» Маяковского) Л. Эльберта вновь убрали из органов, а он рвался к новым подвигам.

11 апреля 1931 г. Л. Эльберт был утвержден завсектором информации Мосгорисполкома. В его личном деле № 15790 появился документ: «*Постановлением ЦКК ВКП(б) от 05.05.1933 г., прот. № 126 § 71 тов. Эльберту Л. Г. указать на совершенно недопустимое с его стороны поведение, выразившееся в том, что он подал заявление в ЦК ВКП(б) с требованием указать ему причину отказа ему в выезде за границу, аналогично подал заявление в другие органы.*»

Позднее (31 мая 1939 г.), будучи арестованным органами НКВД, М. Е. Кольцов дает ему такую характеристику:

Эльберт Лев Гилярович, литературный работник, член ВКП(б). До 1930 г. работал за границей. Затем в Москве, в «Правде», в ТАССе, в «Огоньке». (В прошлом — работник ЧК.) Человек ленивый и бездеятельный и из-за своего лодырничества постоянно увольняемый из разных учреждений. Любитель всякого рода слухов, сплетен, которые иногда сам создает и распускает. Отличается крайней лживостью, из-за чего имел столкновения на работе. Был дружен с Маяковским и сохранил связи с семьей Бриков. Был также дружен с Фанни Волович.

²⁵ Лавинский Антон Михайлович (1893—1968) — художник, скульптор, лфовец. Например, он был художником обложки отдельного издания повести О. М. Брика «Непопутчица» (М., 1923).

Его жена, Лавинская Елизавета (Лиля) Александровна (1901—1949), — художница, лфовка.

²⁶ Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — поэт. Родился в городе Льгове Курской губернии. После окончания Курского реального училища в 1909 г. учился в Москве — в Коммерческом институте и университете. Первая публикация стихов — в 1909 г., с тех пор регулярно публиковал стихи, рассказы, статьи и рецензии. С 1914 г. вместе с С. Бобровым и Б. Пастернаком являлся одним из ведущих представителей кружка «Лирика», затем группы «Центрифуга», исповедовавшей футуризм. После революции ненадолго попал на Дальний Восток, где вместе с С. Третьяковым, Д. Бурлюком и Н. Чужаком занимался культурно-политической деятельностью. В 1922 г. — возвращение в Москву, вступление в ЛЕФ, дружба и тесное сотрудничество с Маяковским и Бриками.

Правда,
 есть
 у нас
 Асеев
 Колька.
 Этот может.
 Хватка у него
 моя.
 Маяковский. «Юбилейное» (1924)

Когда в начале 1930 г. произошла известная размолвка между Н. Асеевым и С. Кирсановым, с одной стороны, и Маяковским — с другой (см. примеч. 16), Л. Гринкруг приложил все усилия для примирения Маяковского и Асеева. Одиннадцатого апреля он организовал их встречу за карточным столом; играли в покер впятером: Маяковский, Асеев, Полонская, Яншин и сам Гринкруг, по словам которого «Маяковский играл небрежно, нервничал, был тихий, непохожий на себя».

«Коля помирился с Володей на почве карточной игры. То, что не смогла сделать долготелняя дружба и совместная работа, сделал покер. Гадость ужасная» (из письма Е. Г. Соколовой к О. М. Брику, Москва — Берлин, 11 апреля 1930 г. РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 260).

²⁷ Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — литературовед, критик, прозаик, киносценарист, эссеист, один из создателей и теоретиков формальной школы. Входил в ЛЕФ, был членом редколлегии «Нового ЛЕФа».

²⁸ По-видимому, здесь ошибка: кинорежиссер Михаил Ильич Ромм (1901—1971) не входил в окружение Маяковского, и речь, скорее всего, идет о другом кинорежиссере — Абраме Матвеевиче Рооме (1894—1976), с которым Маяковский и Л. Брик сотрудничали при съемке фильма «Евреи на земле» (1926).

²⁹ Штеренберг Давид Петрович (1881—1948) — художник, заведовал в 1920-х гг. Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата просвещения, в который входил и О. М. Брик. Первое время после возвращения из Петрограда в Москву Маяковский и Брики жили у него в Полуэктовом переулке. Не позднее начала 1923 г. Маяковский написал стихотворение «Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский», которое при жизни поэта не публиковалось, впервые напечатано в журнале «Огонек» (1935, № 36).

³⁰ «Москва горит» — пьеса для цирка («героическая мелодрама»), написанная Маяковским в соавторстве с О. М. Бриком в связи с 25-летием революции 1905 г. Премьера состоялась 21 апреля 1930 г. в Первом московском гос. цирке. Общий план постановки принадлежал С. Э. Радлову; художники — В. М. Ходасевич, Е. А. Лавинская. В представлении было занято около 500 человек.

³¹ Брюханенко Наталья Александровна (1905—1984) — журналист, кинематографист; окончила филологический факультет МГУ и, будучи редактором в Госиздате, в 1925 г. близко познакомилась с Маяковским. Оставила воспоминания о нем.

³² Лавинская Е. А. Воспоминания о встречах с Маяковским (1948). Цит. по: Маяковский в воспоминаниях родных и друзей / под ред. Л. В. Маяковской, А. И. Колоскова. М.: Моск. рабочий, 1968.

³³ Неожиданно фамилия Лавинских всплыла еще раз в середине 1990-х гг., когда в печати появились несколько сенсационных интервью молодой художницы-скульптора Елизаветы (!) Лавинской (род. 1970), которая объявила себя внучкой Маяковского! Она объяснила это родство так: ее отец, Никита Антонович Лавинский (1921—1986), тоже скульптор, родился у Е. А. Лавинской от Маяковского во время двухгодичного отъезда ее мужа — Антона. Про опубликованные воспоминания бабушки она говорит, что это только часть написанного ею, а полностью она разрешила опубликовать свои воспоминания «через 60 лет после того, как уйдет из жизни последний упоминаемый ею человек». Сама молодая Лиза Лавинская возглавила созданную ею же российскую «Партию девственниц» (правда, после неудачного брака с тайцем). Однако это «родство» Лавинских с поэтом не признается ни Музеем Маяковского в Москве, ни биографами поэта как недоказанное.

³⁴ Райт-Ковалева Рита Яковлевна (1898—1988) — переводчица, литератор. Была близко знакома с Маяковским и Бриками с 1920-х гг., оставила воспоминания.

³⁵ Письмо В. А. Катаняна к Р. Я. Райт (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 821, машинописная копия отправленного письма):

Рита!

Я прочитал книгу Анн и Самуела Чартерс.

Осенью этого года здесь был Роман Якобсон, который уже читал эту книгу, и первый его вопрос ко мне был: «Кто такая Рита Райт?»

Я объяснил ему, кто вы такая, на что он мне сказал:

«Проверь это! Проверь еще раз! У меня такое впечатление, что она из их компании».

Теперь, когда я прочел книгу, мне стало ясно, какая мелкая и подлая душонка жила в действительности в том человеке, которого Лиля неосторожно приблизила к себе и которого мы якобы знали.

Лиля просила вас помочь в работе над этой книгой. На протяжении многих страниц вы беззастенчиво предавали Лилю, и у меня ничего, кроме слов презрения и отвращения для вас нет.

То, что вы всегда были врунишкой, известно. Я не забуду, как часто Лиля оставалась нависла над вами: «Рита, не врите!» Но тут, я думаю, дело слишком серьезное, и вы

сами отлично понимаете разницу между враньем и предательством, но останавливать вас теперь в ваших баснях было некому. Заручившись ярлыком «верный друг Маяковского и Бриков», вы почувствовали себя свободной плести любые сплетни.

Известно, что в самом начале 1920-х годов О. М. Брик некоторое время работал в юридическом бюро МЧК. Это ни от кого не скрывалось, об этом были упоминания в печати. Теперь вы нашли нужным, и не один раз, подчеркнуть, что свои связи с «секретной полицией» Брик сохранил до конца жизни. Откуда вы это знаете? Откуда вы можете это знать? Секретная полиция, видимо, потому и секретная, что связи с ней осуществлялись скрытно. Или, может быть, вы хотите сказать, что связи эти осуществлялись так неловко, что вам, человеку, в сущности, со стороны, долгие годы даже живущему в других городах, легко было за ними следить? И потом, общеизвестно, что кадры этого учреждения все время менялись. не говоря уже о периоде больших чисток середины 1930-х годов, когда над всеми нами навис дамоклов меч.

А что это за рассказанная вами на стр. 295—296 история, где Лиля якобы пытается вербовать вас в секретные сотрудники?!

Кто мог присутствовать при этом разговоре, кроме вас?! И почему вы сочли нужным придумать и рассказать эту басню американской писательнице? Видимо вы стараетесь угодить не тем, кого вы называете «верными друзьями», а самым низкопробным вкусом широкого американского читателя.

Проведя больше пятидесяти лет в этом доме, с этими людьми, я считаю своим долгом и правом одергивать вас Лилиными словами: «Рита, не врите!».

В то же время я надеюсь, что мне никогда больше не доведется с вами встретиться.

В. Катанян

Москва, 29 декабря 1979 года.

³⁶ Из самой подачи материала можно предположить, что Бенгт Янгфельдт, будучи у Л. Ю. Брик, держал в руках это удостоверение О. М. Брика, находившееся в ее личном архиве (дальнейшее местопребывание этого удостоверения неизвестно). Совсем недавно эта тема приобрела еще один неожиданный оборот. В интервью, данном 11 сентября 2001 г. корреспонденту радио «Свобода» Н. Казимировской, Бенгт Янгфельдт говорит: *«Я же ученый человек, я же хотел видеть какие-то доказательства, и я это доказательство обнаружил сам. Я печатал это. Я держал в своей руке членский билет Лили Брик в ГПУ. Но до сих пор не совсем известно, чем она занималась»* (URL: <http://www.svoboda.org/programs/OTB/2001/OBT.110901.asp>).

³⁷ См.: *Валюженич А.* Зачем нужна эта неправда? // Журналист. 1991. № 6. С. 80—81; *Янгфельдт Б.* «Когда откроются архивы КГБ...» // Там же. С. 82—83.

³⁸ Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971) — поэт.

³⁹ Примечательно, что в посмертно изданной «друзьями поэта» книге [Скорятин] эти сведения об увольнении О. М. Брика из ГПУ «за дезертирство» не вошли.

⁴⁰ Агранов Яков Саулович и его вторая жена Агранова (Чернявская, урожд. Кухарева) Валентина Александровна (1900—1938). Она была арестована одновременно с мужем, так же, как и он, расстреляна.

⁴¹ Волович (по легенде ГПУ — Янович Владимир Борисович, Вилянский) Захар Ильич (1900—1937) — кадровый работник ОГПУ. В 1930-х гг. — зам. нач. ОПЕРОДа НКВД. Вернувшись из Парижа, он опять стал Воловичем. Был вторым (после Паукера) человеком в личной охране Сталина. Получил повышение, стал старшим майором госбезопасности (генеральский чин!). В середине 1930-х постановлением ЦИК СССР «за организацию и проведение образцового порядка в день Первомайского парада и демонстрации» награжден орденом Красной Звезды. 22 марта

1937 г. по обвинению в «контрреволюционном заговоре и шпионаже» арестован и 14 августа того же года расстрелян.

Волович Фаина (по легенде ГПУ — Янович Александра Осиповна, урожд. Волинская) (1904–1937) — жена З. И. Воловича, кадровая сотрудница ГПУ. Репрессирована, расстреляна.

⁴²Горожанин Валерий Михайлович (1889–1939) — сотрудник Украинской ВЧК, с 1930 г. в Москве, служил в ОГПУ. Был в дружеских отношениях с Маяковским, они в соавторстве написали киносценарий «Инженер д’Арси» (1927), который тогда же сдали в ВУФКУ, но сценарий реализован не был. В том же году Маяковский посвятил Горожанину свое стихотворение «Солдаты Дзержинского». Автор книги об А. Франсе. Говорят, что когда он узнал о смерти Маяковского, то упал в обморок. Приехал из Харькова в Москву для прощания с поэтом. Репрессирован, расстрелян.

Горожанина Берта Михайловна (1889–1976) — жена В. М. Горожанина. Репрессирована. Оставила воспоминания (Рукопись 1947 г., ГММ).

⁴³Горб Михаил (Моисей) Савельевич (1894–1937) — штатный сотрудник ОГПУ. Бывал у Маяковского и Бриков в гостях в 1929 г. Подписал некролог Маяковскому. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁴Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940) — штатный сотрудник ОГПУ. После Гражданской войны на руководящих постах в ГПУ-ОГПУ. В 1928 г. явился главным организатором сфальсифицированного публичного судебного процесса — «Шахтинское дело». С 1929 по 1931 г. — начальник секретно-оперативного управления и член коллегии ОГПУ СССР.

⁴⁵Мессинг Станислав Адамович (1890–1938) — штатный сотрудник ОГПУ. С ноября 1921 г. — председатель Петроградской ЧК. В 1929–1931 гг. — начальник ИНО ОГПУ-НКВД. С 1932 г. — член коллегии Наркомата внешней торговли. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁶Ягода (Иегода) Генрих Григорьевич (Енон Гершонович) (1891–1938) — штатный сотрудник ОГПУ. Отец его — двоюродный брат Я. М. Свердлова; впоследствии Ягода был женат на племяннице Свердлова. В 1924–1934 гг. — зам. председателя ОГПУ; в 1934–1936 гг. — нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности в 1935 г. В 1936–1937 гг. — нарком связи СССР. Входил в окружение А. М. Горького. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁷Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (Москвин) (1883–1940) — штатный сотрудник ОГПУ. С мая 1922 по 1929 г. — начальник ИНО, зам. председателя ОГПУ. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁸Том с дарственной надписью находится в домашней библиотеке Моисея Акимовича Кальмановича (1920–2008?) — известного московского библиофила, любезно предоставившего мне эту информацию и саму копию автографа.

⁴⁹Цит. по: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 1: 1938–1941. С. 118.

⁵⁰См. примеч. 32.

⁵¹Семенова Е. Воспоминания. ГММ, инв. № 13757, В-337.

⁵²Ваксберг Аркадий Иосифович (1927–2011) родился в Новосибирске, окончил юридический факультет МГУ, в течение 20 лет состоял в московской адвокатуре. С 1973 г. — обозреватель «Литературной газеты», ныне — собственный корреспондент этой газеты в Париже. Автор около 30 книг документальной прозы и публицистики.

* ГММ (здесь и далее сокр.) — Государственный музей В. В. Маяковского.

Его книги переведены на многие языки и изданы в США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Швеции.

⁵³ Лиля Брик: дьявол без копыт или ангел без крыльев? (ведуший Л. Ройтман) // Радио «Свобода». 21.07.2001. URL: www.svoboda.org/programs/RT/2001/RT.072101 (дата обращения: 15.11.2011).

⁵⁴ Урна с прахом Маяковского простояла в колумбарии крематория до 1952 г., когда по просьбе его матери была захоронена на Новодевичьем кладбище.

⁵⁵ *Скорятин В. И.* Момент лжи // Журналист. 1992. № 5–6. С. 89.

⁵⁶ Там же. С. 85.

⁵⁷ Там же. С. 90. Лиле Юрьевне напомнил об этих ценностях через 42 года (!) ретивый директор Музея В. В. Маяковского, только что перенесенного в новое здание (пр-д Серова — ныне Лубянский, — 3/6), — В. Макаров. В документах Л. Ю. (РГАЛИ. Ф. 2577) сохранились два его письма:

Государственный Музей В. В. Маяковского.
Москва, 101001, проезд Серова, 3/6, тел. 221-93-96.
№ 5 дир. 11 октября 1972 г.

Москва, Кутузовский проспект, д. 4/2, кв. 431

Л. Ю. Брик

Уважаемая Лиля Юрьевна!

Вы, конечно, знаете, что в настоящее время создается новая экспозиция в Государственном Музее В. В. Маяковского, и нам хотелось бы представить в ней автографы, личные вещи и другие предметы великого советского поэта.

Мы располагаем сведениями о том, что 23 апреля 1930 года Вы получили от представителя следственных органов деньги, оставшиеся после смерти В. В. Маяковского, в сумме 2113 руб. 82 коп., в том числе и деньги, предназначенные сестре поэта (в пакете с надписью «Ольге Владимировне Маяковской»), а также два золотых кольца, принадлежавших В. В. Маяковскому: одно с бриллиантами и синего цвета камнем, второе — большое золотое с инициалами поэта.

Что касается денег, то мы напоминаем о них лишь потому, что, по-видимому, часть указанной суммы — 2000 руб. — была внесена Вами в налог в соответствии с письмом поэта от 12 апреля 1930 г., а другая — в пакете с надписью «Ольге Владимировне Маяковской» — была отдана Вами сестре поэта.

В связи с этим — не сохранились ли у Вас документы о внесении 2000 руб. в налог и пакет с автографом поэта? Нам они необходимы как дополнение к тем документам Маяковского, которые уже хранятся в фондах музея.

Разумеется, было бы желательно получить от Вас два золотых кольца, принадлежащих лично Маяковскому и не завешанных им кому-либо из родных — матери, сестрам — или знакомым.

Одновременно с этим убедительно просим Вас передать Государственному Музею В. В. Маяковского:

1. Из рукописей:

Оригиналы стихотворения «Лиличка! Вместо письма», поэм «Люблю» и «Про это», а также письмо-комментарий Маяковского к названной поэме.

2. Из рисунков:

Оригиналы рисунков Маяковского: «Л. Ю. Брик», «В. В. Хлебников», «В. П. Лонский», «Б. Фриденсон», «Г. Б. Якулов», «В. Л. Жемчужный» и «В. А. Катанян» и другие неучтенные работы В. В. Маяковского, а также собрание работ А. Г. Тышлера и др. художников.

3. Прижизненные издания В. В. Маяковского с дарственными надписями и правками поэта, а также сборники стихов, подаренные Маяковскому советскими и иностранными поэтами.

4. Письма современников В. В. Маяковскому.

5. Оригиналы фотографий В. В. Маяковского и его современников и другие документы, не указанные в «Описании документальных материалов В. В. Маяковского. Вып. 2», М., 1965.

6. Личные вещи и предметы поэта, в том числе и из квартиры В. В. Маяковского в б. Лубянском проезде.

С уважением

Директор В. Макаров

Лиля Юрьевна никак не ответила на это письмо. Через месяц пришло второе, на этот раз на простом листе бумаги, не на бланке.

Лиля Юрьевна!

11 октября 1972 года я направил Вам письмо с просьбой передать на взаимоприемлемых условиях мемориальные вещи, рукописи и рисунки Владимира Владимировича Маяковского.

Удалось ли Вам рассмотреть эту просьбу?

Мне стало известно, что письмо вызвало у Вас чувство обиды. Снова перечитывая свое письмо, я не нашел в нем ничего предосудительного, кроме недостаточно четко отредактированной его первой части. Если эта часть письма показалась Вам обидной, приношу свои извинения.

Смею Вас заверить, что весь характер письма и причины его написания преследовали лишь единственную цель — собрать в фондах музея все, что относится к жизни и творчеству великого советского поэта. И меня крайне удивляет, что содержание письма получило широкую огласку и ненужные кривотолки, которые бросают тень отнюдь не на дирекцию музея. Полагаю, что Вы так же заинтересованы в том, чтобы в Музее В. В. Маяковского было собрано все, что имеет отношение к поэту.

Поэтому снова и снова прошу Вас принять активное участие в пополнении фондов музея материалами, имеющимися в Вашем распоряжении.

Не будете ли Вы так добры ответить на нашу просьбу?

С уважением

В. Макаров

9.11.1972 г.

Письмо пришло к Лиле Юрьевне в дни, когда ей исполнился 81 год. Она не ответила и на него.

⁵⁸ Яковлева Татьяна Алексеевна (1906–1991) — возлюбленная Маяковского, с которой он познакомился в Париже в 1928 г., лирическая героиня двух его стихотворений-писем.

⁵⁹ Полонская Вероника Витольдовна (1908–1994) — актриса. Дочь «короля экрана» Витольда Полонского, она, окончив Школу-студию МХАТ, с 1927 г. играла на сцене МХАТ. Была замужем (1926–1933) за актером этого же театра Михаилом Яншиным. В 1929 г. Л. Ю. Брик пригласила ее на главную роль в фильме «Стекланный глаз», который она снимала на студии «Межрабпомфильм». Тогда же Полонская познакомилась с Маяковским, и вскоре их отношения перешли в близкие. Воспоминания о Маяковском «Последний год» были написаны ею в 1938 г., впервые опубликованы (без согласования с ней) в 1983 г. в Нью-Йорке [Черток], в СССР — в журнале «Вопросы литературы» (1987. № 5. С. 144–197), после чего неоднократно переиздавались.

⁶⁰ Элли Джонс (Elly Jones) — урожденная Елизавета Зиберт (1904–1985), русская эмигрантка. Маяковский близко познакомился с ней в 1925 г. во время поездки

по Америке. В июне 1926 г. родилась дочь Элли и Маяковского — Хелен Патриция. Однако юридически отцом девочки стал муж Элли — Джордж Джонс, с которым они вскоре развелись.

В настоящее время Патриция Томпсон (Patricia Thompson) — профессор Нью-Йоркского университета, с 1990-х гг. часто приезжает в Россию. В Нью-Йорке (1993) и Москве (2003) издала воспоминания своей матери о Маяковском — см.: [Томпсон].

⁶¹ На самом деле Патриции на этом снимке около двух с половиной лет (он сделан осенью 1928 г., когда Маяковский встречался с Элли и дочерью в Ницце), она была крупной девочкой. Эта фотография вместе с его перепиской с Элли Джонс (из архива Л. Ю. Брик в ЦГАЛИ) впервые опубликованы: *Бабич С. Патриция Томпсон — дочь Маяковского (с комментариями В. В. Катаняна) // Эхо планеты. 1990. № 18.*

⁶² Воспоминания Н. А. Брюханенко (ГММ. Стенограмма, инв. N 13387).

⁶³ Галина Дмитриевна Катанян, жена В. А. Катаняна, написала воспоминания о Маяковском «Азорские острова», которые неоднократно публиковались. Катаняны дружили и часто встречались с Маяковским и Бриками.

⁶⁴ В этот же день Л. Ю. отправляет письмо аналогичного содержания в Париж сестре — см. письмо № 6 от 29 апреля 1930 г. в книге [Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921—1970)].

⁶⁵ Брик и Маяковский регулярно посылали деньги Эльзе Триоле. Приведенная фраза означает, что материальная помощь будет осуществляться и впредь (комментарий И. И. Аброскиной и И. Ю. Генс к письму, упомянутому в примеч. 64).

⁶⁶ Неустановленное лицо.

⁶⁷ Дядя Л. Ю., владелец чулочной фабрики в Лондоне.

⁶⁸ Неустановленное лицо.

⁶⁹ Неустановленное лицо.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 64.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 600.

⁷² В то время так писалась фамилия Катаняна.

⁷³ Факсимиле записки В. Маяковского впервые опубликовано: [Валуженич, 1993. С. 31].

⁷⁴ Копию документа любезно предоставил мне в 2002 г. зам. директора ГММ А. П. Аксенкин.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

⁷⁶ Соколова (Жемчужная) Евгения Гавриловна (1900—1982), в первом браке — жена кинорежиссера В. Л. Жемчужного, с 1925 г. — в гражданском браке с О. М. Бриком, до его смерти в 1945 г. Оставила воспоминания «Двадцать лет рядом», впервые опубликованные: [Валуженич, 1993. С. 186—188].

⁷⁷ Публикуется впервые.

⁷⁸ Название парохода по имени Раскольникова (Ильина) Федора Федоровича (1892—1939), партийного и военного деятеля, дипломата. В 1919—1920 гг. он командовал Волжско-Каспийской военной флотилией. В 1924—1930 гг. — редактор журнала «Молодая гвардия», главный редактор издательства «Московский рабочий». В 1930—1938 гг. — полпред в Эстонии, Дании, Болгарии. В 1939 г. заочно исключен из партии, объявлен врагом народа и лишен советского гражданства. Широкую известность получило его «Открытое письмо Сталину», опубликованное в 1939 г. во Франции.

⁷⁹ Публикуется впервые.

⁸⁰ Публикуется впервые.

⁸¹ Публикуется впервые.

⁸² Публикуется впервые.

⁸³ Булька — кличка собаки в доме Маяковского и Брик.

⁸⁴ Публикуется впервые.

⁸⁵ Публикуется впервые.

⁸⁶ Жемчужный Виталий Леонидович (1898–1966) — кинорежиссер, сценарист. Учился на юридическом факультете Московского университета, на режиссерском отделении Государственных высших режиссерских мастерских. Режиссер и актер театра Мастерфор и театра В. Э. Мейерхольда (1921–1923), педагог Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской и Высших политико-просветительских курсов (1924–1927), зав. редакцией журнала «Советское кино» (1926–1928), режиссер различных киностудий (1927–1937), худ. руководитель Театра одноактной пьесы концертной бригады (1937–1947), педагог ВГИКа, руководитель режиссерской мастерской (1934–1937, 1962–1966). Автор сценариев научно-популярных фильмов. В 1928 г. совместно с Л. Ю. Брик снял фильм «Стеклозавод».

⁸⁷ Марка малоформатного фотоаппарата.

⁸⁸ Возможно, Михаил Горб.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 455. Публикуется впервые.

⁹⁰ Публикуется впервые.

⁹¹ Запись от 4 июня 1930 г. См.: Дневник 1929–1932 // Л. Ю. Брик. Пристрастные рассказы: воспоминания, дневники, первые публикации и др. Н. Новгород: Деком, 2003. С. 210.

⁹² Судьбы братьев В. М. Примакова — Владимира, Бориса, Григория, — как и его собственная, сложились трагически. Владимир Маркович Примаков (1899–1941) командовал Первым полком Червоных казаков, был награжден орденом Красного Знамени и Почетной грамотой ВЦИК, погиб на фронте в Великой Отечественной войне. Борис Маркович Примаков (1901–1944?), почвовед земельной группы зерносовхозов Наркомата совхозов РСФСР, репрессирован в 1938 г., сослан в Онеглаг, по отбытии срока был освобожден и призван в армию, погиб на фронте. Григорий Маркович Примаков (1903–?), агроном, репрессирован в 1937 г., наказание отбывал в Ухтижемлаге. В том же 1937 г. была репрессирована и мать, Варвара Николаевна Примакова (1879–1940?), она скончалась в ссылке. Удачливее остальных оказался самый младший в семье, Евгений Маркович Примаков (1910–1975). Окончил Московский институт цветных металлов и золота, инженер-обогачитель по профессии, он работал на Карабашском медеплавильном заводе (1932–1937), затем на Средне-Уральском медеплавильном заводе (1937–1972). Принимал участие в разработке и внедрении технологических схем, позволивших повысить комплексность использования сырья при обогащении руд цветных металлов. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1966, 1971), медалями.

⁹³ Коцюбинский Юрий Михайлович (1896–1937) — с 1932 г. председатель СНК и председатель Госплана УССР, занимал квартиру № 298 в Доме правительства («Доме на набережной») в Москве; был обвинен в руководстве контрреволюционной троцкистской организацией, приговорен к смертной казни и расстрелян. Коцюбинский Роман Михайлович (1900–1937) в 1921 г. вступил в Червоное казачество, впоследствии репрессирован.

⁹⁴ Существует легенда, что это был золотой дамский портсигар с еще одной, более ранней надписью: «Самому дорогому существу. Николаша», который якобы наследник престола цесаревич Николай II подарил своей возлюбленной — балерине

Матильде Кшесинской. Однако об этом подарке наследника ничего не говорится в очень подробных воспоминаниях самой балерины, хотя она перечисляет все подарки, полученные ею от Ники: так она называет цесаревича, и так он подписывает свои письма к ней (см.: *Кшесинская М. Ф.* Воспоминания. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. 414 с.: ил.). Позже этот портсигар В. М. Примаков подарил Л. Ю. Брик, и она пользовалась им до 1936 г., пока драгоценная вещь не была реквизирована НКВД. Портсигар фигурирует в статье историков О. Васильевой и П. Кнышевского «Джентльмены удачи» (Российская газета, 20.08.94), где они сообщают, что В. М. Примаков «с гордостью показывал друзьям и именитым партийным гостям награду от ВЦИКа за “польский поход”: золотой дамский портсигар ювелирной работы Фаберже с сокровенной надписью заказчика — подарок Николая II Кшесинской. Красный командир рассчитался за подарок кровью пролетариев и их “классовых врагов”».

⁹⁵ *Колпакиди А. И., Прудникова Е. А.* Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М.: Олма-пресс, 2000. С. 255.

⁹⁶ О знакомстве и встречах Маяковского с В. М. Примаковым нет никаких упоминаний и в фундаментальном труде: *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель, 1985.

⁹⁷ Киносценарий В. Маяковского «Товарищ Копытко, или Долой жир!» (1927).

⁹⁸ Дубинский Илья Владимирович (1898—1989) — советский военачальник, кавалер двух орденов Боевого Красного Знамени. В 1937 г. был репрессирован, в 1954 г. реабилитирован, восстановлен в звании полковника в отставке. Член союза писателей с 1934 г., автор ряда книг о Червонном казачестве.

⁹⁹ Младшая сестра Лили Брик, Эльза Триоле (урожд. Элла Юрьевна Каган, 1896—1970), уехала в Париж в 1918 г., выйдя замуж за французского офицера Андре Триоле. Там же она познакомилась с Луи Арагоном (1897—1982), с которым была до конца своей жизни. Официально их брак зарегистрирован в 1939 г., но фактически они стали мужем и женой в 1928-м.

¹⁰⁰ Абдрахманов Юсуп Абдрахманович (1901—1938) — видный партийный и государственный деятель Киргизии, в 1927—1933 гг. — председатель Совнаркома Киргизской АССР. По делам своей республики часто приезжал в Москву, его знакомый, Борис Кушнер, ввел его в 1929 г. в дом Маяковского — Брик. Вместе с Лилей Юрьевой в конце 1929 г. он ездил в Ленинград. В воспоминаниях людей из окружения Маяковского — Бриков он сохранился как «казах Юсуп». Мне после кропотливых поисков удалось достоверно установить, что «казах Юсуп» не кто иной, как Ю. А. Абдрахманов — один из виднейших деятелей Киргизии того времени.

К столетию со дня рождения В. В. Маяковского я опубликовал в газете «Азия», г. Алматы (№ 28, июль 1993 г.), очерк «Загадочное имя Юсуп». Содержание его вскоре стало известно московскому Музею В. В. Маяковского и маяковедом, и таким образом инкогнито «казаха Юсупа» было раскрыто, в дальнейшем в работах по маяковедению и бриковедению он стал появляться уже под своей настоящей фамилией. Позже я упомянул Ю. А. Абдрахманова в своей книге 1993 г. «О. М. Брик...» и в очерке «Лиля Брик и “казах Юсуп”» (Нива. 2002. № 5. С. 163—170).

Его имя не забыто и в наши дни: в конце 2001 г. в Бишкекском гуманитарном университете прошел День памяти, посвященный столетию со дня рождения «одного из отцов-основателей Кыргызской Республики, главы Совнаркома Киргизской АССР в 1927—1933 годах Юсупа Абдрахманова», рассматривается вопрос о присвоении его имени одной из улиц Бишкека (Вечерний Бишкек, 05.12.2001).

¹⁰¹ М. — Муся, полное имя — Мария Яковлевна Натансон (1901—1937). Была секретарем группы коммунистов-футуристов («комфутов»), возникшей в 1918 г.

в Выборгском районе Петрограда, близко познакомилась с Маяковским и Бриками. В 1917–1928 гг. на партийной работе в Ленинграде. В 1927 г. по решению XV съезда ВКП(б) за принадлежность к «Объединенной оппозиции» исключена из партии. В числе других исключенных была направлена в Среднюю Азию. С 3 марта по 26 сентября 1928 г. работала экономистом промышленной секции Госплана Киргизской АССР (имела незаконченное высшее образование, училась в Ленинградском электротехническом институте). Здесь познакомилась с Ю. А. Абдрахмановым, они полюбили друг друга. В 1928 г. М. возвратилась в Ленинград, работала там инженером, была восстановлена в партии. Репрессирована в 1937 г., расстреляна.

¹⁰² В.; В. П.; Вит. — В. М. Примаков; в киргизском издании «Дневников» Ю. А. Абдрахманова эти инициалы не расшифрованы.

¹⁰³ Возможно, Златой автор называет жену Агранова.

¹⁰⁴ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженнич, 1993. № 56].

¹⁰⁵ Речь идет о выставке «20 лет работы Маяковского», организованной самим поэтом и открытой в январе 1930 г. в Клубе ВОСП (Федерации объединения советских писателей). После закрытия выставки, в марте 1930 г., все экспонаты были переданы Маяковским в Литературный музей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Выставка была открыта в Литмузее 18 августа 1931 г.

¹⁰⁶ Рудольф Абих — востоковед, встречавшийся с Хлебниковым в Персии, его беззаветный поклонник.

¹⁰⁷ Пулькин Иван Иванович (1903–1941). Большинство его стихов и поэм остались неопубликованными. Погиб на фронте. Некоторые стихи Пулькина вошли в сборники: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / вступ. ст. В. Кардина. М.: Советский писатель, 1965. 748 с. (переизд.: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / вступ. ст. И. Н. Сухих; подг. текста, биографич. справки и примеч. М. А. Бениной, Е. П. Семеновы. СПб.: Академический проект, 2005. 572 с.); День поэзии: Антология / сост. С. Ботвинник, Б. Кежун, В. Заводчиков. Л.: Советский писатель, 1965. 324 с.

¹⁰⁸ Людмила Владимировна, сестра Маяковского.

¹⁰⁹ Кабинет Маяковского организован не был. В письме И. Сталину от 24.11.1935 Л. Брик пишет: «*После смерти Маяковского в постановлении правительства было предложено организовать Кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все материалы и рукописи. До сих пор этого кабинета нет*».

¹¹⁰ Виталию Марковичу Примакову О. М. Брик, начиная с этого письма, передает регулярные приветы.

¹¹¹ Публикуется впервые.

¹¹² Плау Даниэль Даниэльевич — заместитель командира корпуса по политической части, дивизионный комиссар Приволжского военного округа. Арестован и расстрелян в 1938 г.

¹¹³ Впоследствии ее планы изменились (см. письмо Л. Брик от 26 декабря 1930 г.).

¹¹⁴ Адрес постоянного проживания В. М. Примакова и Л. Ю. Брик в Свердловске в 1930–1932 гг.

¹¹⁵ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженнич, 1993. № 30 (с испр)].

¹¹⁶ Кушнер Борис Анисимович (1888–1937) — поэт, литератор-лефовец, работал редактором в нескольких издательствах, в том числе литредактором газеты «Правда». О какой статье здесь идет речь, неизвестно.

¹¹⁷ Речь идет, возможно, о перечислении ГИХЛом Л. Ю. Брик пенсии (как жене Маяковского) и гонораров за переиздание его произведений как одной из наследниц (50 %).

¹¹⁸ Статья о С. И. Кирсанове. См.: Брик О. М. Ученик Маяковского // На литературном посту. 1931. № 1.

¹¹⁹ О каком киносценарии идет речь, неизвестно.

¹²⁰ Редактор журнала «Огонек».

¹²¹ Мама Л. Ю. Брик, Каган (урожд. Берман) Елена Юльевна (1872—1942), жила в Лондоне.

¹²² О какой статье В. М. Примакова идет речь, неизвестно.

¹²³ Автомобиль марки «Рено», который Маяковский привез из Парижа и которым теперь, после отъезда Л. Ю., пользовался О. М. Брик. Это самая дешевая модель фирмы «Рено» 1928 г. — «Рено-НН2», заводской номер автомобиля — 365230, гос. номер (по регистрации в Москве) — 2115. Четырехместный, четырехдверный кузов машины в нижней половине был светло-серым, а верхняя часть и крылья — черными. Четырехцилиндровый двигатель рабочим объемом 950 см³ развивал 18—20 л. с. Среди особенностей конструкции — расположенный позади двигателя радиатор, батарейное зажигание (в то время новинка), тормоза на все колеса (тоже новинка), трехскоростная коробка передач, рессорная зависимая подвеска всех колес (задних — на поперечной рессоре). Габариты: длина — 3700 мм, ширина — 1550 мм, база — 2650 мм, колея — 1300 мм. (Технические характеристики см.: Демидов А. Ишем автомобиль Маяковского // За рулем. 1990. № 7.)

¹²⁴ Имеется в виду строящаяся кооперативная квартира в Камергерском переулке; Хаит — неустановленное лицо.

¹²⁵ Маяковский выступал с чтением поэмы «Хорошо!» в Новочеркасске в ноябре 1927 г.

¹²⁶ Правильно Сталино. Так с 1924 по 1961 г. назывался областной центр Украины (Донбасс) — Донецк.

¹²⁷ Вопрос о револьвере, из которого застрелился Маяковский, не так прост. См. подробное исследование: Скорятин В. И. Тайна гибели Владимира Маяковского... М.: Звонница-МГ, 1998.

¹²⁸ Публикуется впервые.

¹²⁹ В. М. Примаков и Л. Ю. Брик поселились в Свердловске в доме 36 на улице Ленина.

¹³⁰ Л. Ю., как правило, всегда нанимала домработницу для ведения своего домашнего хозяйства.

¹³¹ Неустановленное лицо.

¹³² Пфферд (нем. Pferd) — лошадь.

¹³³ Перед отъездом Л. Ю. посуду ей помогал укладывать В. А. Катанян.

¹³⁴ Речь, вероятно, идет о карточных долгах, возвращение которых считалось для игроков делом чести.

¹³⁵ По-видимому, врач(и).

¹³⁶ О. М. должен был найти покупателя и продать «реношку».

¹³⁷ Мать В. Маяковского и его сестры жили в Москве по адресу: Красная Пресня, Студеницкий пер., д. 22, кв. 24.

¹³⁸ Публикуется впервые.

¹³⁹ То же в письме Катаньянам от 30 декабря 1930 г.:

Была здесь на Володиной выставке и огорчилась. Сама виновата — надо было следить... Через выставку думают пропустить 40 000 человек в одном Свердловске — тем более обидно, что она такая убогая и непонятная. Заявки экскурсий принимаются за неделю! Впрочем, когда я была на следующий день после открытия, — было совершенно пусто.

1931 год

¹Третьяков Сергей Михайлович (1892–1937) — поэт, прозаик, драматург, журналист, лефовец. После выхода Маяковского из ЛЕФа был вместо него ответственным редактором пяти последних номеров журнала «Новый ЛЕФ» (1928). Репрессирован в 1937 г.

²Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) — видный советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). Образование получил в Константиновском военном училище (1916), участник Первой мировой войны (подпоручик). На командных постах участвовал в Гражданской войне, был награжден тремя орденами Красного Знамени (1919, 1920, 1922). В 1930–1931 гг. — зам. председателя Реввоенсовета СССР. В 1930–1937 гг. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1930–1931 гг. — начальник вооружений РККА. С июня 1931 г. — командующий войсками Белорусского военного округа. Одновременно с 1934 г. член Военного совета Наркомата обороны СССР. 29 мая 1937 г. арестован. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен 11 июня 1937 г. к смертной казни, расстрелян.

³Уборевич Нина Владимировна (1900–1937) работала инспектором в Наркомате пищевой промышленности. Принимала участие в подготовке Советского павильона на Всемирной выставке в Париже в 1937 г. Репрессирована, расстреляна.

⁴Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) — военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Образование получил в Александровском военном училище (1914). Участник Первой мировой войны, поручик лейб-гвардии Семеновского полка. В феврале 1918 г. вступил в Красную Армию и РКП(б). В начале 1918 г. работал в Военном отделе ВЦИК. В 1918–1921 гг. командовал 1-й армией Восточного фронта, 8-й армией Южного фронта, 5-й армией, Кавказским и Западным фронтами. Руководил военными действиями фронта во время советско-польской войны. Во время подавления Кронштадтского восстания (1921) руководил действиями 7-й армии, потопил восстание в крови. В мае 1921 г. Тухачевский, как специалист по карательным операциям, был направлен на подавление крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Подавил восстание, применяя массовые расстрелы, казни заложников, уничтожение целых деревень, создание огромных концлагерей и т. д., вплоть до применения против крестьян отравляющих газов. В 1921–1922 гг. — начальник Военной академии РККА, в 1922–1924 гг. — командующий Западным фронтом. С 1924 г. — помощник и зам., в ноябре 1925 — мае 1928 г. — начальник Штаба РККА. С мая 1928 г. — командующий войсками Ленинградского военного округа. С июня 1931 г. — зам. наркома по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА. С 1934 г. — зам., с 1936 г. — 1-й зам. наркома обороны СССР. С 1934 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). 11 мая 1937 г. снят с поста 1-го зам. наркома и назначен командовать войсками в Приволжский военный округ. Через 11 дней арестован, объявлен главой разветвленного военного заговора в РККА. На следствии, где к нему применялись «физические меры воздействия», дал показания на большое число своих коллег. На суде, состоявшемся 11.06.1937, признал себя виновным и был приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1957 г. реабилитирован.

⁵Тухачевская (урожд. Гриневич) Нина Евгеньевна (1900–1941) — вторая жена М. Н. Тухачевского, для нее это тоже был второй брак. У них родилась дочь Светлана (1922–1982), которая хоть и не избежала репрессий, но уцелела. Н. Е. Тухачевская была сослана в лагерь, затем расстреляна.

⁶ См.: *Лидия Норд*. Воспоминания. Цит. по: *Соколов Б. В.* Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». М.: Вече, 2003. С. 261.

⁷ Публикуется впервые.

⁸ Художник-конструктивист А. М. Родченко и его жена, Варвара Федоровна Степанова (1894—1959) — живописец, график, театральный художник-конструктор, педагог.

⁹ *Маяковский В.* Грозный смех: Окна РОСТА / обложка и оформл. Варвары Степановой. М.-Л.: ГИХЛ, 1932. 80 с. 3000 экз. Это последняя (98-я) книга из перечня прижизненных изданий Маяковского, сдана в печать им самим в декабре 1929 г. Работа над книгой при жизни Маяковского не была закончена.

¹⁰ Имеется в виду предстоящая подготовка альбома, который вышел в свет в 1932 г.: *Маяковский В.:* альбом рисунков и плакатов / вступ. статья О. М. Брика «Маяковский — художник»; ред. В. Катанян; оформл. Н. Денисовского. М.: Гос. изд-во изобр. искусств, [1932]. 287 с. 6500 экз.

¹¹ Машинописный подлинник. Подпись Л. Брик — автограф чернилами. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 850. Л. 32. Цит. по: *Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946)... // Вопросы литературы. 2003. № 4.

¹² Цит. по: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений / под общ. ред. Л. Ю. Брик. Том 7: Поэма «Владимир Ильич Ленин» / ред. и прим. В. А. Катаньяна. М.-Л.: ГИХЛ, 1932. С. 6.

¹³ Базилевич Георгий Дмитриевич (1889—1939) — военный деятель, комкор (1935). В 1927—1931 гг. — командующий войсками Приволжского военного округа. Репрессирован.

¹⁴ Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) — военачальник, Маршал Советского Союза (1940). В 1931—1932 гг. командовал войсками Приволжского военного округа. В 1932—1935 гг. — начальник Военной академии им. Фрунзе. В 1935—1937 гг. — командующий войсками Ленинградского военного округа. С мая 1937 г. — начальник Генштаба РККА. В июне 1937 г. входил в состав Специального судебного присутствия, которое осудило к смертной казни восемь высших военачальников РККА.

¹⁵ Следующая за «командиром корпуса» воинская должность в иерархии РККА того времени — помощник командующего войсками округа (помкомвойсками).

¹⁶ Цит. по: *Корольченко А. Ф.* Выбитый генералитет... Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 159.

¹⁷ Публикуется впервые.

¹⁸ Речь здесь, по-видимому, идет о Фаине Волович (примеч. 1930 — 41), но, что произошло с ней, неясно; об этом О. М., наверное, сообщил Л. Ю. по телефону.

¹⁹ «Червонцы» — исторический фильм, посвященный «славному красному казачеству Украины». Производство Одесской кинофабрики «Украинфильм» объединения «Союзкино» 1931 г. Режиссеры: П. Чердыннин, М. Шор; сценарий: М. Олениченко; операторы: Г. Дробин, А. Краевский.

²⁰ Триумфальная площадь в Москве была переименована в площадь Маяковского только в 1935 г. (см.: *Правда*. 05.12.1935).

²¹ Это предложение реализовано не было.

²² Поэма Л. Арагона «Красный фронт», написанная под впечатлением его поездки в СССР в 1930 г., в переводе С. Кирсанова была опубликована в журнале «Литература мировой революции» (1931. № 1).

²³ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 82.

²⁴ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 232–233.

²⁵ Цены, конечно, очень высокие. Для сравнения: год назад, путешествуя по Волге, О. М. писал из Астрахани Л. Ю.: «Конечно, еда не очень разнообразная: все больше вермишель и яичница. Но дают и мясо, и рыбу, и даже сладкое (повидло). Цены такие: завтрак из двух блюд — 85 коп., обед из трех блюд — 1 руб. 10 коп. и ужин из двух блюд — 85 коп.» (письмо от 3 июля 1930 г.). Население России в эти годы испытывает нехватку продовольствия, действует карточная система.

²⁶ Так у Л. Ю. *Laughter* (англ.) — смех, хохот.

²⁷ Кличка щенка Л. Ю. в Свердловске.

²⁸ Кушнер Раиса Самойловна (1900—?) — жена Бориса Кушнера. Была графическим дизайнером «Окон РОСТА».

²⁹ Кушнеры должны были отправиться в Париж и встретиться там с Эльзой Триоле.

³⁰ Н. В. Уборевич (примеч. 3).

³¹ Дом № 11 в Большом Ржевском переулке, который с 1929 г. был заселен высокопоставленными военными.

³² Домработница О. М. Брика.

³³ В. А. Катанян.

³⁴ «Вождяи» в окружении Бриков считались в то время Асеев, Кирсанов, Катанян, Третьяков.

³⁵ Публикуется впервые.

³⁶ *Weltschmerz* (нем.) — мировая скорбь.

³⁷ Хозяева постоянного «мужа» Бульки.

³⁸ По-видимому, речь идет все-таки о списанных, а не об изъятых (по цензурным соображениям) книгах, которые, как правило, комиссионно уничтожали.

³⁹ Розенель (Луначарская-Розенель) Наталия Александровна (1902–1962) — артистка театра и кино, вторая жена наркома просвещения А. В. Луначарского, вместе с мужем часто бывала у Бриков и Маяковского, оставила воспоминания «Память сердца» (вышли несколькими изданиями).

⁴⁰ Судакевич Анель Алексеевна (1907–2002) — известная артистка кино, снималась в фильме В. Пудовкина по сценарию О. Брика «Потомок Чингис-хана» (1928), была хорошо знакома с Бриками и Маяковским. Сохранилась фотография, на которой она снята с поэтом в Сочи летом 1929 г. Впоследствии работала в театрах художником по костюмам. Жена артиста балета и балетмейстера Асафа Мессерера.

⁴¹ Эггерт Константин Владимирович (1883–1955) — актер, режиссер, сценарист.

⁴² Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987) — артист театра и кино. Хорошо знал Маяковского, играл в его пьесах в театре Мейерхольда, оставил воспоминания «Сам о себе» (М.: Искусство, 1961, 1973).

⁴³ Во время командировки в Китай в 1925–1926 гг.

⁴⁴ Дрейсер Самуил Александрович (1908–1937) — близкий знакомый В. М. Примакова, был вместе с ним в командировке в Китае, бывший начальник личной охраны Троцкого, в 1930-е гг. — директор челябинского завода «Магnezит».

⁴⁵ Денисовский Николай Федорович (1901–1981) — художник, близкий знакомый Маяковского и Бриков. Совместно с В. Маяковским создал серию плакатов для Наркомздрава. Эта работа определила основной жанр Денисовского — плакат. Также написал целый ряд портретов государственных деятелей и людей искусства. В годы первых пятилеток выпустил серию графических агитальбомов. Иллюстрировал немало книг, в том числе и первые издания произведений В. Маяковского.

Должен был приехать в июне 1931 г. в Казань и встретиться там с В. М. Примаковым, чтобы начать работать над его портретом.

⁴⁶ Публикуется впервые.

⁴⁷ Брикам не дали квартиру в новом кооперативном доме в Камергерском переулке, куда въехали Н. Асеев, М. Светлов и др. В этот кооператив вступал еще В. Маяковский в 1929 г. и сделал первоначальный взнос, последующие взносы делали Брики. Взамен этого дома кооператив обещал Брикам выделить квартиру в другом доме — на Арбате, строительство которого заканчивалось.

⁴⁸ Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885—1938) — писатель, входил в литгруппу «Кузница», был одним из организаторов РАПП.

⁴⁹ В массовом ежемесячном журнале общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР «Борьба классов» (1931, № 2) была опубликована статья В. Примакова «Сражение под Орлом. Октябрь — ноябрь 1919 года» (с. 50—60).

⁵⁰ Домработница Л. Ю. Брик в Свердловске.

⁵¹ Нарисательное: незаметный, полусонный тихоня.

⁵² Ю. А. Абдрахманов (примеч. 1930 — 100).

⁵³ Статья Л. Авербаха «Ударник печати (К 20-летию со дня публикации первого стихотворения Демьяна Бедного)» (Правда. 11.05.1931).

⁵⁴ О. М. одно время работал в издательстве «Молодая гвардия».

⁵⁵ Неустановленное лицо.

⁵⁶ Публикуется впервые.

⁵⁷ В письмо был вложен комплект фотооткрыток Свердловска.

⁵⁸ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 233.

⁵⁹ Л. Ю. Брик описывает строительство гиганта индустриального Свердловска — Уральского машиностроительного завода. В северной части Свердловска в 1926 г. возник рабочий поселок Уралмаш. Район изначально входил в состав города, с 1928 г. тщательно разрабатывался проект так называемого соцгородка. К концу 1930 г. здесь уже было возведено несколько четырехэтажных кирпичных домов с центральным отоплением и ваннами, что являлось редкостью даже для благоустроенного центра Свердловска. Завод начал работу летом 1933 г.

⁶⁰ Штеренберг Надежда Давидовна (1897—1979), жена художника Д. П. Штеренберга, — близкая знакомая Бриков.

⁶¹ Коля — Н. Ф. Денисовский.

⁶² Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. С. 108].

⁶³ Подробности неизвестны.

⁶⁴ Е. Г. Соколову уволили со службы за то, что она публично назвала произведения А. М. Горького «старым барахлом».

⁶⁵ Незнамов Петр Васильевич (1889—1941) — поэт, левовец, близкий знакомый Маяковского и Бриков.

⁶⁶ Терентьев Игорь Герасимович (1892—1941) — поэт-футурист, театральный режиссер, печатался в журнале «Новый ЛЕФ» (1928), незаконно репрессирован. Подробности упомянутого в письме инцидента неизвестны. О Терентьеве см.: *Катанян В. В.* Салонный футурист Игорь Терентьев // Икша: альманах. 1997. Вып. 1.

⁶⁷ Кооператив выделил Брикам трехкомнатную квартиру на Арбате, в Спасо-песковском пер., д. 3.

⁶⁸ Скорее всего, Гейнике Николай Александрович (1876—1955) — историк, педагог, краевед Москвы, автор теории экскурсионного дела.

⁶⁹ Леонидов (Шиманский) Олег Леонидович (1893–1951) — сценарист, драматург. Учился на юридическом ф-те Московского университета. С 1926 г. начал работать в кино, был членом лит. отдела студии «Межрабпом-Русь» (затем — «Межрабпомфильм»), систематически выступал как автор сценариев, которые ставились на этой же студии.

⁷⁰ Публикуется впервые.

⁷¹ Н. Ф. Денисовский.

⁷² Домработница.

⁷³ Неустановленное лицо.

⁷⁴ Надежда Штеренберг.

⁷⁵ См. примеч. 64.

⁷⁶ Публикуется впервые.

⁷⁷ Об увольнении Е. Г. Соколовой О. М., по-видимому, сообщил Л. Ю. по телефону.

⁷⁸ Имеется в виду лимитная книжка. В январе 1931 г. в СССР была введена карточная система распределения основных продуктов питания и непродовольственных товаров.

⁷⁹ Публикуется впервые.

⁸⁰ По-видимому, Фаина Волович.

⁸¹ Шофер О. М. на «рено».

⁸² Халатов Артемий Багратович (Артасес Багирович) (1894–1938) — партийный, советский работник; с 1927 г. — председатель правления Госиздата, играл важную роль в создании системы политической цензуры. Репрессирован, расстрелян.

Незадолго до рокового выстрела, в начале апреля 1930 г. вышел № 2 журнала «Печать и революция» с приветствием редакции Маяковскому — *«великому революционному поэту, замечательному соратнику рабочего класса... по случаю 20-летия его творческой и общественной работы»*. По приказу Халатова портрет Маяковского с приветствием был из отпечатанного тиража вырезан. Р. Бершадский, работавший в редакции «Печать и революция», вспоминает (цит. по: Владимир Маяковский / Изд. Академии наук СССР. М. — Л., 1940. С. 321):

В редакцию пришло письмо от тогдашнего руководителя Гиз... Он метал гром и молнии, как «Печать и революция» «попутчика» Маяковского осмелились назвать великим революционным поэтом и требовал безотлагательно сообщить ему фамилию сотрудника, подписавшего к печати это «возмутительное приветствие». Одновременно редакция ставилась в известность, что... руководитель распорядился портрет Маяковского из тиража (а журнал был уже сброшюрован) выдрать и уничтожить... По сведениям, которые стороной я получил еще тогда, Владимир Владимирович об этом уничтожении своего портрета узнал немедленно.

⁸³ Публикуется впервые.

⁸⁴ Публикуется впервые.

⁸⁵ Публикуется впервые.

⁸⁶ Через 10 лет Брики приедут в эвакуацию в г. Молотов (быв. Пермь), где проживут полтора года (1941–1943 гг.).

⁸⁷ Д. Д. Плау (см. примеч. 1930 — 112).

⁸⁸ См. примеч. 10.

⁸⁹ Публикуется впервые.

⁹⁰ Л. Ю. звонила в их квартиру в Гендриковом переулке, где никто уже не жил.

⁹¹ В. А. Катанян ездил в Ленинград в поисках графических работ Маяковского для подготавливаемого к печати Альбома (см. примеч. 10).

⁹² З. И. Волович (см. примеч. 1930 — 41).

⁹³ Зинаида Свешникова — художница по костюмам, приятельница Л. Ю. Брик

⁹⁴ Лавут Павел Ильич (1898—1979) — устроитель лекционных поездок Маяковского в 1926—1930 г.г., автор книги «Маяковский едет по Союзу» (1-е изд. в 1963 г.).

⁹⁵ Маяковский много раз бывал и выступал в Крыму.

⁹⁶ Публикуется впервые.

⁹⁷ Из письма Л. К. Чуковской — К. И. Чуковскому от 10 июня 1931 г. из Ленинграда в Москву (цит. по: *Чуковский К., Чуковская Л. Переписка. 1912—1969.* М.: НЛО, 2003. Письмо № 85, с. 144—145):

С Катаняном мне было много возни. Дело вот в чем: он привез замечательные снимки рисунков Маяковского из Чукоккалы. Все снимки удались, кроме моего портрета. Что-то случилось с пластинкой. Катанян приехал за моим портретом и за теми рисунками — не чукоккальскими, — которые были произведены в «Стройке». Сначала я встретила его очень неприветливо, (потому) ч(то) не знала, кто он и что он и как быть без тебя, но потом, когда он показал мне готовые снимки и письмо к тебе от Лили Брик, — сердце мое оттаяло. Я поняла, что ты возражать не станешь, раз ты уже дал часть рисунков для фотографирования. Тогда я взяла Чукоккалу и другие рисунки, и мы вместе с Катаняном отправились в Фотокабинет при Публ(ичной) Библ(иотеке). Там охали и ахали над московскими снимками и честно сказали, что так хорошо они снять не могут. Но делать нечего — Чукоккалы в Москву я не дам, рисунков тоже (я воспитана в том сознании, что Чукоккала неотторжима) — надо снимать здесь. Я отказалась отпустить Чукоккалу в фотокабинет без себя, — а туда вход запрещен. Нечего делать, дали пропуск и мне. Я сама была после не рада, ибо кабинет — на V этаже и там жара — 25° (почему-то). Но зато душенька моя спокойна, с Ч(укоккалой) я не расставалась ни на минуту. При мне сняли мой портрет и другие — не ч(укоккальские) — рисунки. Снимки будут готовы на днях. Ты, разумеется, получишь экземпляры.

⁹⁸ Малкин Борис Федорович (1891—1938) — заведующий Центропечатью, член Президиума ВЦИК. Репрессирован, расстрелян.

⁹⁹ См. примеч. 81.

¹⁰⁰ Л. А. Гринкруг.

¹⁰¹ См. примеч. 1.

¹⁰² Н. Н. Асеев.

¹⁰³ С. В. Кирсанов.

¹⁰⁴ Публикуется впервые.

¹⁰⁵ Н. Ф. Денисовский.

¹⁰⁶ Публикуется впервые.

¹⁰⁷ Публикуется впервые.

¹⁰⁸ Переписка Л. Ю. с матерью, которая жила в Лондоне, и с сестрой, которая жила в Париже, велась через московский адрес О. М. при всех переездах ее с Примаковым по СССР.

¹⁰⁹ Публикуется впервые.

¹¹⁰ Публикуется впервые.

¹¹¹ Н. Ф. Денисовский.

¹¹² Установка телефона в новой квартире затягивалась, к решению этого вопроса подключился В. М. Примаков.

¹¹³ Литуновский — знакомый В. М. Примакова в Главном штабе РККА.

¹¹⁴ Штерн Григорий Михайлович (1900–1941) — военачальник, комдив, затем комкор. В 1923 г. был комиссаром штаба 1-го конного корпуса, которым командовал Примаков. В 1929–1936 гг. исполнял обязанности управделами РВС СССР и наркомата обороны, состоял в распоряжении наркома по военным и морским делам для особо важных поручений. Репрессирован, расстрелян.

¹¹⁵ Ткалун Петр Пахомович (1893–1938) — комдив. Был знаком с Примаковым по совместной службе с Гражданской войны. С октября 1930 по апрель 1935 г. — военный комендант Москвы; с апреля 1935 по сентябрь 1937 г. — комендант Московского Кремля. Репрессирован, расстрелян.

¹¹⁶ Ветеринар.

¹¹⁷ Василий Катанян и Петр Незнамов.

¹¹⁸ Публикуется впервые.

¹¹⁹ Незнамов.

¹²⁰ Публикуется впервые.

¹²¹ Публикуется впервые.

¹²² Публикуется полностью. Впервые: [Валюженич, 1993. С. 108].

¹²³ Публикуется полностью. Частично, с примечанием «Конец письма утерян»: [Брик. С. 235–236].

¹²⁴ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) — советский государственный деятель. В 1918 г. сменил Л. Д. Троцкого на посту наркома иностранных дел РСФСР, с июля 1923 г. — первый нарком иностранных дел СССР. Из-за прогрессирующей болезни 21 июля 1930 г. уволен на пенсию и вскоре выведен из состава ЦК.

¹²⁵ Л. Ю. слабо владела английским языком и могла «беседовать» на нем только с китайцем, владевшим им, по-видимому, на том же уровне.

¹²⁶ Место под новый учебный лагерь было выбрано в Камышловле, где они уже в 1932 г. будут присутствовать на летних военных учениях.

¹²⁷ См.: Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 236–237.

¹²⁸ В. М. Примаков в постановлении Нарсуда не упоминается; по-видимому, он не был внесен в ордер на квартиру.

¹²⁹ Неустановленное лицо.

¹³⁰ С. В. Кирсанов.

¹³¹ См. примеч. 98.

¹³² Бромберг Артемий Григорьевич (1903–1966) — музейный работник, участник «ударной бригады» Маяковского, помогавший ему в устройстве выставки «20 лет работы».

¹³³ Яхонтов Владимир Николаевич (1899–1945) — актер эстрады, мастер художественного чтения.

¹³⁴ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 210.

¹³⁵ Публикуется впервые.

¹³⁶ Письмо Гринкруга к Л. Ю. с сообщением о переселении их в квартиру № 55.

¹³⁷ В письмах 1932 г. несколько раз упоминается некий Рапопорт, который принимал О. М. и Е. Г. на Иссык-Куле. Мне с большим трудом удалось разыскать некоторые весьма интересные сведения (Ярков А. П. Евреи в Кыргызстане. Бишкек, 2002; Ярков А. П. Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2002; Абрамович А. В гражданской войне. Тель-Авив, 1982):

В то время из центральных и западных регионов Советского Союза в Киргизию направляли действительно дельных, опытных партийных и советских работников.

Таким был командированный для развития коневодства Леонид Львович Рапопорт, который ранее, в неполных двадцать лет сражался в рядах дивизии Киквидзе, потом был комиссаром, командиром Первого казачьего трудового полка, послужившего ядром Конной армии Буденного. Был награжден именованным оружием.

Отмеченный двумя редкими по тем временам орденами Боевого Красного Знамени (равносильно, по существу, более позднему званию Героя Советского Союза), Л. Л. Рапопорт получает приказ М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева «О создании благоприятных условий работы государственному коннозаводству».

Созданный им в Прииссыккулье (село Бостери, близ Чолпон-Ата) и вскоре ставший известным на всю страну, конезавод № 54, первым директором которого он стал, способствовал развитию племенной работы в Кыргызстане (здесь была создана новокыргызская порода лошадей).

Анекдотичность ситуации с «красным «еврейским» казаком» Л. Л. Рапопортом в том, что он, по свидетельству очевидцев, не слезал с коня ни днем, ни ночью.

Кроме организации коневодства, Л. Л. Рапопорт параллельно стал инициатором благоустройства шоссе вдоль северного берега Иссык-Куля. Хотя и поредевшая из-за последующих стихийных вырубок, аллея серебристых тополей до сих пор носит имя Рапопорта.

Был репрессирован в годы Большого террора.

По-видимому, Л. Рапопорт был хорошо знаком с Примаковым по участию в Гражданской войне, Примаков-то и направил к нему на отдых О. М. с Е. Г.

¹³⁸ О. М. занимался любительской фотографией, и ему нужно было затемнять помещение при обработке светочувствительных материалов.

¹³⁹ Публикуется впервые.

¹⁴⁰ Предположительно: Курс Александр Львович (1892–1939) — журналист, сценарист.

¹⁴¹ Письмо В. А. Катаняна к Л. Ю. с сообщением о переселении их в квартиру № 55 с приложением документов о переселении. В письме от 12 августа 1931 г. [Брик. С. 234–235] Л. Ю. отвечала ему:

Васенька, я в таком возмущении, что не хочу даже писать об этом! Пыталась звонить Вам вчера вечером и сегодня утром — повреждение на линии.

Виталий вчера послал молнии: 1) прокурору Кронбергу: «решительно протестую против заочного суда, нарушения моих прав красноснаменца», 2) прокурору московского военного округа, 3) Чичерину, 4) Тухачевскому, 5) жилтовариществу: «в квартире 46 находятся мои бумаги, в случае заочного переселения передам дело военному прокурору».

Если Вам не очень лень — зайдите к прокурору Моск. воен. округа на Пречистенке, расскажите ему, в чем дело и передайте заявление Виталия. Зайдите к Тухачевскому.

Напирайте на то, что квартира в равной мере Примаковская, что в ней находятся его документы и Володиные рукописи и что у Примакова большое сердце. Я приехала бы сейчас в Москву, но Виталий не пускает меня силой, говорит, что я зря доведу себя до истерики и все равно делу не помогу, а сам он выехать никак не может ранее 1-го сентября.

Если, не взирая ни на что, нас будут переселять — пусть все — и Аннушка и Регина, уйдут из дому и пусть ломают замок, чтобы и речи не могло быть о нашем согласии.

Вы не очень сердитесь на хлопоты? Ося говорил, что ордер на квартиру был выписан на нас и на Примакова и, когда Виталий был в Москве, он прописался.

Не очень ругайтесь, Васенька!

Целую все Ваше семейство. Лиля.

Чуть что — звоните по телефону — по счету я заплачу и за молнии тоже.

Еще целую. Спасибо. Л.

Виталий очень кланяется.

Только что получила Вашу телеграмму о переселении. Напишите мне, пожалуйста, подробно, как все произошло, говорили ли Вы с Яней [Я. С. Аграновым. — А. В.], и что он сказал.

Ужасное спасибо Вам за возню. Пожалуйста — напишите! Лиля.

¹⁴² Публикуется впервые.

¹⁴³ Публикуется впервые.

¹⁴⁴ Публикуется впервые.

¹⁴⁵ Публикуется впервые.

¹⁴⁶ Несмотря на то что Е. Г. Соколова отдыхает на Иссык-Куле с О. М. Бриком, она состоит в оживленной переписке со своим мужем — В. Л. Жемчужным, с которым в Москве проживает в одной квартире.

¹⁴⁷ О. Л. Леонидов.

¹⁴⁸ Деньги за продажу «рено».

¹⁴⁹ Н. А. Брюханенко.

¹⁵⁰ Н. В. Уборевич (см. примеч. 3).

¹⁵¹ Затонский Владимир Петрович (1888—1938) — видный партийный и государственный деятель Украинской ССР. В 1927—1933 гг. — председатель ЦКК КП(б) Украины, нарком РКИ Украины и член Президиума ЦКК ВКП(б). Репрессирован, расстрелян.

¹⁵² Маловероятно, что здесь упомянут пианист С. Рихтер или его отец. Наташа, Вася, Петя, Виталий: Н. А. Брюханенко, В. А. Катанян, П. В. Незнамов, В. Л. Жемчужный.

¹⁵³ Несмотря на привлечение к решению вопроса по установке телефона ряда ответственных лиц, дело никак не продвигалось.

¹⁵⁴ Куда и кем была подана указанная заявка на либретто, не установлено.

¹⁵⁵ Первоначально предполагалось, что О. М. с Евгенией Гавриловной этим маршрутом поедут из Киргизии в Кисловодск.

¹⁵⁶ Случилась небольшая травма.

¹⁵⁷ Неустановленное лицо.

¹⁵⁸ Публикуется впервые.

¹⁵⁹ Публикуется полностью. Впервые: [Валюженич, 1993. С. 109—110].

¹⁶⁰ Володя Гринкруг — по-видимому, родственник Л. А. Гринкруга.

¹⁶¹ Речь идет о принудительном переселении из квартиры № 46 в квартиру № 55.

¹⁶² Заявка на «Паны и Холопы» (см. примеч. 154).

¹⁶³ Публикуется впервые.

¹⁶⁴ Публикуется впервые.

¹⁶⁵ Публикуется впервые.

¹⁶⁶ Деньги за продажу «рено» покупатель должен был передать хозяевам автомобиля через Л. А. Гринкруга.

¹⁶⁷ Зинаида Свешникова.

¹⁶⁸ Зильберштейн Илья Самойлович (1905—1988) — литературовед, искусствовед, коллекционер, один из основателей «Литературного наследства». Был мужем Н. А. Брюханенко. Речь идет о статьях В. Маяковского, которые Зильберштейн готовил в «Литературное наследство» (1932, № 2).

¹⁶⁹ Ветеринар.

¹⁷⁰ Публикуется впервые.

¹⁷¹ Публикуется впервые.

¹⁷² Публикуется впервые.

¹⁷³ Публикуется впервые.

¹⁷⁴ Сохранился лишь этот фрагмент письма. Публикуется впервые.

¹⁷⁵ С. М. Третьяков.

¹⁷⁶ Н. Д. Штеренберг.

¹⁷⁷ П. В. Незнамов.

¹⁷⁸ Речь идет об оформлении ордера на квартиру № 55.

¹⁷⁹ Публикуется впервые.

¹⁸⁰ Третьякова-Гомолицкая Ольга Викторовна (1895–1973) — жена поэта С. М. Третьякова и его лит. секретарь. Была арестована вслед за ним 5 ноября 1937 г. и обвинена как «соучастница антисоветской деятельности своего мужа». Провела в ссылке в общей сложности 17 лет. Добилась реабилитации С. М. Третьякова. остаток жизни посвятила собиранию его утраченного литературного наследия.

¹⁸¹ Фербенкс Дуглас (1883–1939) — известный американский киноактер, играл в приключенческо-трюковых картинах. Возможно, здесь Л. Ю. сравнивает Примакова с героем Фербенкса, взбравшемся по «волшебной» веревке («Багдадский вор»).

¹⁸² Л. А. Гринкруг занимался продажей «рено».

¹⁸³ Публикуется впервые.

¹⁸⁴ Публикуется впервые.

¹⁸⁵ Неустановленное лицо, причастное к навешиванию полок в новой квартире.

¹⁸⁶ Домработница.

¹⁸⁷ П. В. Незнамов.

¹⁸⁸ Хренов Иульян (Ян) Петрович (1901–1946) — советский работник. В 1921 г. участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. Работал в союзе металлистов, часто выезжал в командировки в Кузнецк, а одно время работал в качестве экономиста на Кузнецкстрое. В 1926 г. познакомился с Маяковским, часто бывал в гостях в Гендриковом переулке. Маяковский с большим интересом относился к его рассказам о строительстве в Кузнецке. Результатом этих встреч стало стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929).

В 1931 г. Хренов поступил на работу в экономический отдел ОГПУ под начало только что назначенного на должность 1-го зам. председателя ОГПУ СССР И. А. Акулова. В 1933 г. был назначен заместителем директора строящегося гиганта — Краматорского машиностроительного завода, а в 1935 г. — директором Славянского электроизоляторного завода.

В октябре 1936 г. арестован, 7 июня 1937 г. особым совещанием при НКВД СССР приговорен к 5 годам лишения свободы. В его деле приписка — «умер в заключении». В действительности же он пробыл в заключении на Колыме до мая 1944 г., когда его освободили «за трудовую доблесть и выдающийся вклад в борьбу за выполнение важнейших государственных заданий по добыче золота в годы Великой Отечественной войны». Остался как вольнонаемный — на руководящей хозработе на приисках «Штурмовой» и «Туманный». Скончался от сердечной болезни.

После того как Хренов был репрессирован и до его реабилитации в 1956 г. стихотворение Маяковского публиковалось под названием «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

¹⁸⁹ Цейтлин Яков Семенович (1901–1937) — партийный деятель. Репрессирован, расстрелян.

¹⁹⁰ Н. Н. Асеев.

¹⁹¹ Le-tete (*фр.*) — тот же самый.

¹⁹² Публикуется впервые.

¹⁹³ Л. А. Гринкруг телеграммой сообщил Л. Ю. об окончательных расчетах за проданный «рено». На этом следы автомобиля теряются. В 1984—1990 гг. Московский клуб автомотористов (САМС) делал попытки разыскать автомобиль Маяковского, связывался с жившими еще в то время современниками поэта и маяковедом, но безуспешно. См.: *Демидов А.* Ищем автомобиль Маяковского // За рулем. 1990. № 7.

¹⁹⁴ Публикуется впервые.

1932 год

¹ Болотин (Июшпа) Илья Миронович (1898—1940?) — бригадный комиссар, зам. начальника 1-го отдела Разведуправления штаба РККА.

² Публикуется впервые.

³ По-видимому, речь идет о Рите Райт.

⁴ Публикуется впервые.

⁵ Вероятно, речь идет об обещанном в наркомате обороны переводе Примакова из Свердловска в Ростов по ходатайству Б. М. Шапошникова.

⁶ Зинаида Свешникова.

⁷ Борис Свешников, муж Зинаиды Свешниковой.

⁸ Е. Г. Соколова.

⁹ По-видимому, имеется в виду пенсия, которую ежемесячно перечисляют Л. Ю. как вдове Маяковского, и В. А. Катанян должен проконтролировать очередную выплату.

¹⁰ Имеются в виду подготовительные работы к выпуску в Гослитиздате Полного собрания сочинений В. В. Маяковского в 12 томах под общей редакцией Л. Ю. Брик.

¹¹ Л. Ю. собирается оформить в Свердловске разрешение на револьвер, оставшийся ей от Маяковского.

¹² Л. Ю. интересуют театральные дела О. М. в ленинградском МАЛЕГОТе (бывшем Михайловском театре).

¹³ Публикуется полностью. Впервые: [Валуженич, 1993. С. 111].

¹⁴ По поводу венчания Л. Ю. Брик пишет: «*Мы поженились 26 марта 1912 года. Свадьбу отпраздновали по-домашнему. Я отказалась венчаться в синагоге; московский раввин, школьный товарищ моего отца, приехал к нам домой в Большой Чернышевский переулок. На мне было белое декольтированное платье, поверх которого я накинула белую шаль*» (Брик Л. Теперь об Осипе Максимовиче... // [Валуженич, 1993. С. 137]). Раввин Я. Мазе упоминается также в книге Л. Ф. Кациса «Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи» (2-е изд., М.: РГУ, 2004. С. 95) в качестве участника защиты М. Бейлиса на процессе в Киеве в 1913 г.

¹⁵ Брик Л. Из воспоминаний о Владимире Маяковском // Вечерняя Москва. 1932. 13 апр. (см. приложение).

¹⁶ «Кем быть?» (4 части, 1325 мин, звук), Союзкино (Моск. ф-ка), 1932 г. Режиссер В. Жемчужный. Сценарий О. М. Брика (по одноименному стихотворению В. Маяковского). Оператор П. Зотов.

¹⁷ Примечательно, что в тридцатые годы в СССР был написан ряд произведений, посвященных предводителю крупной антифеодальной крестьянской войны 1606—1607 гг. И. И. Болотникову, чего не отмечается ни до, ни после этого периода. Кроме «Камаринского мужика» О. М. Брика (1933) вышли в свет «Повесть

о Болотникове» Г. Г. Шторма (1930), поэма «Иван Болотников» В. В. Каменского (1934), пьеса «Иван Болотников» Г. Добржинского (1938).

¹⁸ Соколова-Жемчужная Е. Г. Двадцать лет рядом // [Валюженич, 1993. С. 186–188].

¹⁹ *Примаков В.* Япония и СССР. Свердловск — Москва: ОГИЗ, Урал. обл. изд-во. 1932. 24 с. 15 000 экз.

²⁰ Публикуется впервые.

²¹ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. С. 111].

²² Л. А. Половинкин пишет музыку к балету «Цыганка» по либретто О. М. Брика.

²³ Либретто оперы «Камаринский мужик».

²⁴ Гонорар за публикацию воспоминаний Л. Ю. (см. примеч. 15).

²⁵ Чирин — лицо неустановленное; о каких обстоятельствах идет речь, неясно.

²⁶ Речь идет о комедии в трех действиях О. М. Брика и О. Л. Леонидова «Особое мнение», которая готовилась к предстоящему празднованию 15-й годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1932 г. в московском театре «Семперанте», действовавшем в 1917–1938 гг.

Пьеса была издана для театров (М.: Всеросскомдрам, 1933). В газете «Советское искусство» от 8 февраля 1933 г. отмечалась ее тема: «Проблема взаимоотношений партийного руководства, старых специалистов и молодых кадров, новой технической интеллигенции в социалистическом строительстве».

²⁷ Гронский (Федулов) Иван Михайлович (1894–1985) — литератор, журналист. В 1925–1934 гг. работал в редакции газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (в т. ч. в 1931–1934 гг. ответ. редактором), в 1931–1937 — в журналах «Новый мир» и «Красная нива». Профессор истории русской литературы в Московском пединституте. Репрессирован, сослан в Казахстан. Гронскому принадлежит авторство термина «социалистический реализм» («Литературная газета», 23 мая 1932 г.), впоследствии продвигаемый В. Я. Кирпотиним.

²⁸ Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1990) — литературовед, критик. Был замдиректора Ленинградского отделения института литературы и языка Комкадемии, членом редакции журнала «Проблемы марксизма». В 1932–1936 гг. — заведующий сектором художественной литературы ЦК ВКП(б), секретарь оргкомитета Союза писателей СССР.

²⁹ «Напостовцы» — писатели, группировавшиеся вокруг журнала «На посту» (в 1923–1925 гг.; в 1926–1932 гг. — «На литературном посту»).

³⁰ Киршон Владимир Михайлович (1902–1938) — литературно-партийный работник, драматург, прославлявший Сталина и коллективизацию. Репрессирован.

³¹ Панферов Федор Иванович, псевдоним Марк Солнцев (1896–1960), — прозаик, один из руководителей РАПП, главный редактор журнала «Октябрь» с 1931 г.

³² Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900–1943) — литературный функционер. С начала 1930-х гг. занимался организацией Союза писателей, был членом президиума правления, а в 1936–1941 гг. — генеральным секретарем СП СССР. На нем лежит немалая доля вины перед жертвами террора в писательской среде.

³³ Безыменский Александр Ильич (1898–1973) — чрезвычайно популярный комсомольский поэт 1920–1930-х. Работал в выездных редакциях газет «Правда», «Комсомольская правда», на заводах и новостройках.

³⁴ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) — прозаик, драматург, считавшийся столпом социалистического реализма. Имел большое количество правительственных наград. В 1972 г. был избран в АН СССР.

³⁵ Кулешов Лев Владимирович (1899–1969) — советский кинорежиссер и педагог. Близкий знакомый Маяковского и Бриков. О совместной работе в кино с О. М. Бриком см.: *Кулешов Л., Хохлова А. 50 лет в кино*. М.: Искусство, 1975. 303 с. (Серия «Мемуары кинематографистов»).

³⁶ Многочисленные газетно-журнальные публикации О. М. Брика неравноценны: есть проходные, гонорарные, но есть и принципиально значимые для него. Ко вторым следует отнести статью «Путь Кулешова» (газ. «Кино» за 12 мая 1932 г.). Кулешов — свой, «лефовец», из окружения Маяковского. Осип Максимович горячо выступает в его поддержку, называя одним из лучших советских режиссеров.

³⁷ Бертольд Брехт в конце 1920-х сблизился с коммунистическим движением, при гитлеризме эмигрировал из Германии.

³⁸ Феликс Гасбарра (1898–?) — немецкий писатель, драматург. Работал в новаторском театре Эрвина Пискатора вместе с Бертольдом Брехтом.

³⁹ Публикуется полностью впервые. В сокращении: [Валюженич, 1993. С. 111–112].

⁴⁰ Голейзовский Касьян Ярославич (1892–1970) — советский артист балета, балетмейстер.

⁴¹ Домработница.

⁴² Примечание к упомянутой рецензии (газ. «Кино», 12 мая 1932 г.) следующее:

Печатаю статью т. О. М. Брика «Путь Кулешова», редакция отмечает, что:

а) в статье не дана всесторонняя оценка творческого пути режиссера Кулешова, а отзывы, которые дает О. М. Брик отдельным картинам т. Кулешова схематичны;

б) тов. Брик анализ творчества Кулешова и вскрытие существа его ошибок подменяет перечислением в хронологическом порядке отдельных этапов творческого и производственного пути т. Кулешова, что совершенно недостаточно и методологически неправильно.

К творчеству т. Кулешова редакция вернется в ближайшем номере и даст развернутую критическую статью.

Редакция.

⁴³ Из либретто оперы «Камаринский мужик».

⁴⁴ С. Кирсанов.

⁴⁵ Мать Л. Ю. Брик.

⁴⁶ Публикуется полностью впервые. В сокращении: *Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы...* С. 239–240.

⁴⁷ Домработница.

⁴⁸ Имеются в виду Ольга и Сергей Третьяковы. Ольга приезжала в гости к Л. Ю.

⁴⁹ *Jüdischer Gaslen* — еврейское счастье.

⁵⁰ Либретто «Камаринского мужика».

⁵¹ Е. Г. Соколова.

⁵² О. Л. Леонидов.

⁵³ Речь идет о возможном переводе в Ростов (см. примеч. 5).

⁵⁴ Несанкционированное посещение воинских частей Красной Армии иностранцами (даже приехавшими в СССР по линии Коминтерна) было категорически запрещено.

⁵⁵ Ольга Третьякова.

⁵⁶ Племянник О. М.

⁵⁷ Зинаида Свешникова.

⁵⁸ Домработница О. М. Брика.

⁵⁹ Домработница в семье Бриков — Маяковского.

⁶⁰ Публикуется впервые.

⁶¹ Публикуется впервые.

⁶² Утес над озером Чебаркуль.

⁶³ Общие знакомые по отдыху в Чебаркуле.

⁶⁴ Публикуется полностью впервые. В сокращении: [Валюженич, 1993. С. 112].

⁶⁵ Примечательно, что на вокзале Осип Максимович и Евгения Гавриловна, отдыхавшие вместе на Чебаркуле, разъедутся: он отправится в свою квартиру в Спасопесковском переулке, а она вместе с встретившим ее мужем — к себе домой, на Арбат (впрочем, большую часть пути они проделают вместе).

⁶⁶ Хотя Аннушка давно уже по возрасту не работает у Бриков, но постоянно появляется у них как «своя».

⁶⁷ Петр Незнамов.

⁶⁸ Мать Л. Брик вернулась из Лондона, где в связи с 60-летием закончила работу в «Аркас». Приехав в Москву, она собирается на месяц съездить в Армавир навестить сестру.

⁶⁹ Дата ожидаемого возвращения Елены Юльевны из Армавира.

⁷⁰ Представитель администрации МАЛЕГОТа.

⁷¹ Балет «Цыганка».

⁷² Семен Кирсанов.

⁷³ Кирсанова Клавдия Карповна (1908—1937) — первая жена С. Кирсанова.

⁷⁴ Асеева Оксана (Ксения) Михайловна (1900—1985) — жена Н. Н. Асеева.

⁷⁵ Борис Свешников.

⁷⁶ Сестра Оксаны Асеевой.

⁷⁷ Неясно, о какой «оперетке» идет речь.

⁷⁸ Поэма о Карле Марксе в 6 ч. Первое издание: *Кирсанов С.* Товарищ Маркс. М.: ГИХЛ, 1933 (сдана в набор 10.12.1932). 142 с. 10 000 экз.

⁷⁹ Артелью О. М. шутливо называет свое творческое содружество с О. Л. Леонидовым.

⁸⁰ *Исбах А. А.* Луи Арагон: жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1962. С. 43—44.

⁸¹ Публикуется впервые.

⁸² Сослуживец В. М. Примакова.

⁸³ Примаков с Л. Ю. выехали в спецвагоне из Свердловска в Челябинск на встречу с Арагоном и Триоле, которые должны были прибыть туда по маршруту своей уральской поездки. Не исключено, что во время службы на Урале и бывая часто в Челябинске, Примаков встречался со своим давнишним знакомым — С. А. Дрейцером, в это время директором завода «Магнетит» (см. примеч. 1931 — 44).

⁸⁴ Арагон и Триоле приехали в Челябинск из Магнитогорска. И хотя на пути до Свердловска, где живут Л. Ю. и Примаков, не так уж далеко и он расположен прямо по маршруту французских гостей, решили семейную встречу провести в Челябинске: во-первых, в Свердловск иностранцам въезд запрещен, а во-вторых, подальше от местных штатных соглядатаев.

⁸⁵ Неустановленное лицо.

⁸⁶ В Камышлове (город в 140 км к востоку от Свердловска) были оборудованы летние учебные военные лагеря.

⁸⁷ Существовавшая в советское время закрытая форма распространения дефицитной литературы среди руководства.

⁸⁸ Во время пребывания О. М. Брика на Урале заходил разговор с руководством области о возможном заказе ему биографии Я. М. Свердлова и либретто оперы о нем для Свердловского оперного театра.

⁸⁹ Примакову предложили новую, более благоустроенную квартиру в Свердловске.

⁹⁰ Лена — домработница; Мальчик — щенок Л. Ю.

⁹¹ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы...* С. 240–241.

⁹² Л. Ю. собиралась через Примакова сделать в Свердловске все необходимые заготовки для сооружения полок в московской квартире.

⁹³ «В начале июня Пастернак с семьей по приглашению Свердловского обкома и правления ВСП поехал на Урал. Около месяца они прожили в гостинице в Свердловске, а потом на обкомовской даче у озера Шарташ» (*Пастернак Е. Борис Пастернак: материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. С. 493–494.*)

⁹⁴ Л. Ю. собиралась продолжить переговоры о творческих заказах О. М. (см. примеч. 88). Результаты переговоров неизвестны, и в дальнейшем эта тема развития не получила, может быть, в связи с отъездом Примакова и Л. Ю. в Ростов.

⁹⁵ И. И. Игошев — порученец В. М. Примакова.

⁹⁶ Публикуется впервые.

⁹⁷ Публикуется впервые.

⁹⁸ Речь, по-видимому, идет о Н. Штеренберг, о которой О. М. Брик 2 августа сообщил, что она едва не умерла по вине гинеколога Брауде.

⁹⁹ В апреле 1932 г. Б. М. Шапошникова перевели в Москву на должность начальника и комиссара Военной академии им. Фрунзе. Командующим Приволжского военного округа был назначен комдив Иван Федорович Федыко (1897–1939), он возглавлял округ с апреля 1932 по 1934 г. Впоследствии И. Ф. Федыко был репрессирован, расстрелян. Его жена, Зинаида Михайловна Федыко (1903–1950), врач по профессии, тоже была репрессирована, отбыла пять лет в ИТЛ с последующей ссылкой на поселение.

¹⁰⁰ Лев Гринкруг.

¹⁰¹ Зинаида и Борис Свешниковы.

¹⁰² Публикуется впервые.

¹⁰³ Фридлянды — московские знакомые. Фридлянд Лев Семенович (1889–1960) — врач, литератор.

¹⁰⁴ Неустановленное лицо.

¹⁰⁵ Тогда же, в августе 1932 г., пишет Лиле Юрьевне и Е. Г. Соколова (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 455):

Милая, дорогая Киса!

Прежде всего, скажу тебе: «Если б я была царица, я всю жизнь жила бы в Чебаркуле!»

Ужасно скучно без тебя и Виталия Марковича.

В Москве отвратительно... Жарко даже в вашей квартире. Всю ночь в Камарницком пер. шумит очередь, и Оська просыпается из-за нее в 5–6 часов утра...

Сразу же мы с Осей взяли за работу, и уже 1-й эпизод «Александра II» написан. Олег Леонидович написал 3-ий эпизод, — мне не нравится.

С продуктами в Москве плохо. Привези все, что можно. Мыла нет — ни простого, ни туалетного. Сладкого нет. Покупали мы варенье 9 р. кило, но сейчас уже опять нет.

А в общем, отдохнули мы замечательно.

Спим много. Работаем с большим азартом.

Большое спасибо тебе и Виталию Марковичу за Чебаркуль.
Напиши, хорошо ли в Камышлове.

¹⁰⁶ Публикуется впервые.

¹⁰⁷ В письме от 2 августа О. М. Брик пишет, что В. Жемчужный «давно уже по-слал телеграфно 150 р. Почему-то они не получились».

¹⁰⁸ Пьеса В. М. Примакова неизвестна.

¹⁰⁹ Речь идет о балете «Цыганка», о котором О. М. Брик писал 2 августа: «Возможно, что один акт будет готов к 15-летию (Октябрьской революции), тогда его покажут».

¹¹⁰ См. примеч. 89.

¹¹¹ Публикуется впервые.

¹¹² Свешниковы приехали к Л. Ю. отдохнуть.

¹¹³ Пока Брики с Е. Соколовой отдыхали в июле в Чебаркуле, Примаков работал там, выезжая на учения в расположенный поблизости военный лагерь.

¹¹⁴ Гонорар за издание В. Маяковского. См. примеч. 1931 — 9.

¹¹⁵ Возможно, речь о карточном долге Виталию Примакову или Виктору Шкловскому.

¹¹⁶ Имеется в виду ежемесячная пенсия Л. Ю. как вдове Маяковского.

¹¹⁷ Возможно, Л. Ю. говорит о сценарии полнометражного звукового фильма «Манифест», над которым в это время работал О. М. Реализован не был.

¹¹⁸ Петр Незнамов.

¹¹⁹ Публикуется впервые.

¹²⁰ Цит. по: Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 241.

¹²¹ Мейерхольд был близко знаком с Маяковским и Бриками. Вместе с Маяковским поставил его пьесы «Мистерия-буфф» (1918, 1921), «Клоп» (1929), «Баня» (1930). Цит. по: Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы / сост., ред. текстов и коммент. А. В. Февральского. М.: Искусство, 1968. Ч. 2: 1917—1939. С. 567—568.

Стоит добавить, что в разработанном в 1933 г. академиком архитектуры А. В. Шусевым проекте фасада нового здания ГосТиМа была предусмотрена установка статуи Маяковского над башней театра, но проект не был осуществлен. «Мистерия-буфф» не была возобновлена.

¹²² Публикуется впервые.

¹²³ Зинаида Свешникова.

¹²⁴ После поездки на Урал Арагоны (т. е. Л. Арагон и Э. Триоле) остаются жить в Москве до мая 1933 г.

¹²⁵ Публикуется впервые.

¹²⁶ В письме к матери от 19 сентября Л. Ю. пишет: «...Сегодня за 3 часа успела посмотреть маленький кусочек города, Свердловск обошла бы за это время весь два раза» (Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 241).

¹²⁷ См. Колпакиди А. И., Прудникова Е. А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. С. 50.

¹²⁸ Публикуется впервые.

¹²⁹ Кормят на привилегированном курорте по тем временам действительно «прилично», если вспомнить, что на Украине, например, в это время разразился страшный голод с вымиранием населения, трудно с продовольствием и в Москве (см. примеч. 105).

¹³⁰ Тихонов (псевд. А. Серебров) Александр Николаевич (1880—1956) — писатель, редактор, издательский деятель. Брики были знакомы с ним еще со времен

сотрудничества О. М. в горьковском журнале «Летопись» в 1916 г. После 1917 г. заведовал издательством «Всемирная литература», в 1930–1936 гг. возглавлял издательство “Academia”, редактировал журналы «Современный запад», «Русский современник», «Восток».

¹³¹ Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893–1942) — поэт, один из главных теоретиков имажинизма и его основателей.

¹³² Брат П. И. Лавута (см. примеч. 1931 — 94).

¹³³ Неустановленное лицо.

¹³⁴ Гзовская Ольга Владимировна (1884–1962), драматическая актриса, оставила воспоминания о Маяковском (см.: *Гзовская О. В. Мои встречи с поэтом // Маяковский в воспоминаниях современников / вступ. ст. З. С. Паперного; сост. и примеч. Н. В. Реформаторской. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963. 731 с.*), в частности о вечере в 1918 г., когда она читала «Наш марш» перед В. И. Лениным.

В этот вечер в моей программе были стихи Пушкина, а закончила я стихотворением Маяковского «Наш марш». Как сейчас, вижу слегка прищуренные глаза Владимира Ильича, смотревшие внимательно на меня во время моего чтения.

...Он спросил: «Что это вы читали после Пушкина? И отчего вы выбрали это стихотворение? Оно не совсем понятно мне... там все какие-то странные слова». Я отвечала Владимиру Ильичу, что это стихотворение Маяковского, которое он доверил мне исполнять. Непонятные слова я старалась объяснить Владимиру Ильичу так же, как мне объяснял это стихотворение сам Маяковский.

Владимир Ильич сказал мне: «Я не спорю, и подъем, и задор, и призыв, и бодрость — все это передается. Но все-таки Пушкин мне нравится больше, и лучше читайте чаще Пушкина». Никакого возмущения или беспощадной критики поэзии Маяковского в тот вечер я от Владимира Ильича не слыхала.

¹³⁵ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. С. 112–113].

¹³⁶ Новая домработница О. М.

¹³⁷ Полина (Паулина) Юрьевна Брик, урожд. Сегалова (1868–?).

¹³⁸ «Евгений Базаров» — пьеса О. М. Брика и О. Л. Леонидова в 5 действиях, 13 картинах по роману И. С. Тургенева. Была издана для театров (М.: ЦЕДРАМ, 1934. 56 с. 1150 экз.).

¹³⁹ «Цыганка».

¹⁴⁰ «Камаринский мужик».

¹⁴¹ Фильм «Коммунистический манифест» по сценарию О. М. Брика снят не был.

¹⁴² Пьеса «Диктатура сердца» поставлена не была.

¹⁴³ Подготавливаемый к печати «Альманах с Маяковским» (1934).

¹⁴⁴ Воспоминания Л. Ю. Брик.

¹⁴⁵ Брик имеет в виду свою «артель» с О. Л. Леонидовым.

¹⁴⁶ Общественность широко отмечала 40-летие литературной деятельности М. Горького (первый рассказ «Макар Чудра» был опубликован 12 сентября 1892 г.). Горького наградили орденом Ленина, его именем назвали Нижний Новгород.

¹⁴⁷ Французский писатель-коммунист Анри Барбюс (1873–1935) в сентябре 1932 г. приехал в Москву после Амстердамского конгресса левой интеллигенции. Его имя не сходило со страниц газет, упоминалось, что в следующем году у него юбилей — 60 лет.

¹⁴⁸ Андреева (урожд. Юрковская, по первому мужу Желябужская) Мария Федоровна (1868–1953) — русская актриса, общественный деятель. Гражданская жена А. М. Горького. Скорее всего, Брик ошибся, обозначая ее инициалы — М. Г.

¹⁴⁹ Петр Леонидович — брат В. Л. Жемчужного, живший вместе с ним и Е. Г. Соколовой на Арбате.

¹⁵⁰ Неустановленное лицо

¹⁵¹ «Кармен» — сценарий звукового фильма, написанный О. М. Бриком; для его постановки предполагалось привлечь Л. Ю.

¹⁵² Болотников — герой либретто оперы «Камаринский мужик», которое пишет Брик.

¹⁵³ Публикуется впервые.

¹⁵⁴ Публикуется впервые.

¹⁵⁵ Имеется в виду перепечатывает на машинке.

¹⁵⁶ Неустановленное лицо.

¹⁵⁷ Публикуется впервые.

¹⁵⁸ Публикуется впервые.

¹⁵⁹ Санаторий «10-летие Октября».

¹⁶⁰ Вначале предполагалась публикация в «Альманахе с Маяковским» пьесы С. М. Третьякова «Хочу ребенка», поставленной в театре Мейерхольда.

¹⁶¹ Полина Юрьевна, мать О. М. Брика.

¹⁶² П. Л. Жемчужный.

¹⁶³ Публикуется впервые.

¹⁶⁴ Жена Михаила Михайловича Лашевича (1884—1928), военного и партийного деятеля. М. М. Лашевич был участникомлевой оппозиции, 18 декабря 1927 г., на XV съезде ВКП(б), в числе 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции» был исключен из партии, после съезда заявил об отходе от оппозиции и в 1928 г. восстановлен в ВКП(б). В конце августа того же года погиб в автокатастрофе, по другой версии — покончил жизнь самоубийством.

¹⁶⁵ Северо-Кавказский военный округ со штабом в г. Ростове-на-Дону, где начал служить В. М. Примаков.

¹⁶⁶ Публикуется впервые.

¹⁶⁷ Шатов Владимир Сергеевич (1887—1943) — хозяйственный деятель. В 1932—1936 гг. — зам. наркома путей сообщения страны и начальник Главжелдорстроя. В 1937 г. репрессирован, умер в лагерях.

¹⁶⁸ Франц фон Папен (1879—1969) с 1 июня по 2 декабря 1932 г. возглавлял германское правительство. В 1933 г. вошел в кабинет Гитлера вице-канцлером. Однако в 1932 г. в немецком Рейхстаге происходит напряженная борьба между НСДАП и социал-демократами, к концу года на первые позиции выходят социал-демократы и рейхсканцлером становится Курт фон Шлейхер, которого уже 30 января 1933 г. рейхспрезидент Гинденбург освободит от должности в пользу Гитлера.

¹⁶⁹ Nachkur (нем.) — санаторное лечение.

¹⁷⁰ Публикуется впервые.

¹⁷¹ Т. И. Лешенко-Сухомлина, исполнительница русских романсов, переводчица Ж. Сименона, близкая знакомая Л. Ю. Брик, в своих воспоминаниях передает якобы от лица Л. Ю.: «Моя двоюродная сестра Регина воспитывала детей Сталина еще при жизни Надежды Аллилуевой. Потом она дважды сидела в сумасшедшем доме. Регина, она была фребеличкой*, а Надежда Аллилуева очень боялась за детей, что они вырастут избалованными. Их воспитывали строго. Регина как-то сказала маленькому Васе... “Вот если будешь себя хорошо вести, Лиля Юрьевна тебя покатает”

* По имени Фридриха Фрёбеля (1782—1852), немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания.

И я покатила его и Регину на машине, которая в ту пору была у Володи (Маяковского). Регина никогда ни о чем не рассказывала про семью Сталина. Сталин сам убил Аллилуеву, я знала ее, она была красивая и хорошая женщина, очень его любила». Цит. по: Лещенко-Сухомлина Т. И. Долгое будущее: Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1991. С. 414.

¹⁷² Ошибка В. А. Катаняна: Передовица «Не торгуйте Лениным!» была предназначена для журнала «ЛЕФ» № 1(5), 1924 г., что и указывалось в его оглавлении (с. 3–4), и даже была сброшюрована в незначительную часть тиража. В журнале «ЛЕФ» № 3(7), 1924 г., был помещен большой отрывок из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (с. 3–23).

¹⁷³ См.: Катанян В. А. Не только воспоминания: К истории издания Маяковского // Дружба народов. 1989. № 3. С. 223.

¹⁷⁴ Публикуется впервые.

¹⁷⁵ Публикуется впервые.

¹⁷⁶ Возможно, аванс на подготовку «Альманаха с Маяковским».

¹⁷⁷ Маяковский В. Избранные стихи. М.: Федерация, 1932. 258 с. 5200 экз.

¹⁷⁸ Цикл рассказов «Червонцы» для «Альманаха с Маяковским».

¹⁷⁹ Публикуется впервые.

¹⁸⁰ Публикуется впервые.

¹⁸¹ Всюду в дальнейшей переписке Л. Ю. называет учебную стажировку Примакова учебой.

¹⁸² Магалиф Яков Мареевич (1895–1937) — атташе Полпредства СССР в Германии. В 1920 г. работал с Маяковским в РОСТА.

1933 год

¹ Виктор Б. «Заговор» в Красной Армии // Правда. 1988. 29 апр. С. 3.

Борис Виктор — с 1955 г. заместитель главного военного прокурора, возглавивший специальную группу военных прокуроров и следователей Главной военной прокуратуры, предназначенной для пересмотра дел по «вновь открывшимся обстоятельствам» и для рассмотрения жалоб и писем по поводу реабилитации необоснованно осужденных.

² Якир Иона Эммануилович (1896–1937) — военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). С ноября 1925 г. — командующий войсками Украинского военного округа. В 1930–1934 гг. — член РВС СССР. С 1930 г. — кандидат в члены, с 1934-го — член ЦК ВКП(б). Репрессирован, обвинен в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре, расстрелян вместе с Тухачевским и Примаковым.

³ Дубовой Иван Наумович (1896–1938) — военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). С 1929 г. — помощник и заместитель командующего войсками Украинского военного округа, с 1935 г. — командующий войсками Харьковского военного округа. Репрессирован, расстрелян.

⁴ См. примеч. 1931 — 2.

⁵ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) — партийный и военный деятель, с 1928 г. — командующий войсками Среднеазиатского военного округа. В июне 1937 г. входил в состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое приговорило к смертной казни восемь высших военачальников РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁶ Публикация сопровождается пояснением: «В справке использованы документальные материалы из архивов ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС» (с. 42).

⁷ Путь Витоват Казимирович (1893–1937) — военный атташе в Японии, Финляндии, Германии (1927–1931), Великобритании (1934–1936). В 1931–1934 гг. — командир корпуса в Приморской группе войск на Дальнем Востоке. В 1935 г. присвоено звание комкора. Репрессирован, обвинен в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре, расстрелян вместе с Тухачевским и Примаковым.

⁸ Фельдман Борис Миронович (1897–1937) — с 1921 г., по окончании Военной академии РККА, командир и комиссар 17-го и 19-го корпусов, начальник штаба войск Ленинградского военного округа. С 1934 по 1937 г. — начальник Управления по начальствующему составу РККА. В 1935 г. присвоено звание комкора. Репрессирован, обвинен в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре, расстрелян вместе с Тухачевским и Примаковым.

⁹ См. примеч. 1931 — 114.

¹⁰ Алкснис (Астров) Яков (Екабс) Иванович (1897–1938) — один из создателей и организаторов советских ВВС. С 1926 г. — зам. начальника, с 1931-го — начальник ВВС РККА, с 1937 г. одновременно в должности зам. наркома обороны СССР по ВВС. Командарм 2-го ранга (1935). В июне 1937 г. входил в состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое приговорило к смертной казни восемь высших военачальников РККА. Репрессирован, расстрелян.

¹¹ Меженинов Сергей Александрович (1890–1937) — в 1925–1931 гг. помощник и зам. начальника ВВС. С 1933 г. — зам. начальника Генштаба РККА. Курировал работу Разведывательного управления РККА. В 1935 г. присвоено звание комкора. Репрессирован, расстрелян.

¹² Триандафилов Владимир Кириакович (1894–1931) — военный теоретик, зам. начальника Штаба РККА. Считался ведущим теоретиком и признанным авторитетом по оперативному искусству. Погиб в авиакатастрофе.

¹³ Берзин Ян Карлович (наст. имя — Петерис Янович Кюзис) (1889–1938) — военно-партийный деятель, армейский комиссар 2-го ранга (1937). В 1924–1935 гг. — начальник 4-го (разведывательного) управления Штаба РККА, фактически создал систему военной разведки СССР. Конспиративное имя — Старик. В 1936 г. назначен главным военным советником республиканской армии в Испании. Репрессирован, расстрелян.

¹⁴ 4-е Разведывательное управление Штаба РККА.

¹⁵ Левандовский Михаил Карлович (1890–1937) — военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). С 1929 г. — командующий войсками Сибирского и Закавказского военных округов. С 1934 г. — член Военного совета при наркомате обороны СССР. Репрессирован, расстрелян.

¹⁶ Урицкий Семен Петрович (1895–1938) — племянник председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого (убитого в 1918 г.), воспитывался в семье В. Воровского (убитого в 1923 г.). В 1930–1931 гг. — командир и комиссар 13-го стрелкового корпуса (его сменил на этом посту В. М. Примаков). В 1931–1932 гг. — начальник штаба Ленинградского военного округа. По возвращении из Германии (1932) — зам. начальника Управления механизации и моторизации Автобронетанкового управления РККА. В апреле 1935 г. возглавил 4-е Разведывательное управление Генштаба РККА, сменив Я. К. Берзина. В ноябре того же года присвоено звание комкора. Репрессирован, расстрелян.

¹⁷ Публикуется впервые.

¹⁸ ПОЗДРАВЛЯЮ НОВЫМ ГОДОМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ (нем.) ЛЮБЛЮ ЦЕЛУЮ = ОСЯ = (День рождения Примакова — 18 декабря).

¹⁹ Публикуется впервые.

²⁰ Здесь называются Виталий Жемчужный, Евгения Соколова, Лев Гринкруг. Петр Петрович — неустановленное лицо, и возможно, это описка О. М., а речь идет о Петре Леонидовиче, брате В. Л. Жемчужного, который живет с ним и Евгенией Гавриловной в одной квартире на Арбате.

²¹ Карточная игра.

²² Василий Катанян и его жена.

²³ Дочь В. Л. Жемчужного.

²⁴ Кузьмичев — сослуживец В. М. Примакова. Упоминается Н. С. Черушевым в книге «1937 год Элита Красной Армии на голгофе» (М.: Вече, 2003. С. 50): «С. М. Буденный в отчете И. В. Сталину от 26.06.1937 о ходе судебного процесса над военными отмечает упорное отрицание Примакова обвинения его в руководстве террористической группой в составе комдива Д. А. Шмидта, майора Б. И. Кузьмичева и других, которая якобы готовила покушение на Ворошилова». Другой автор, В. А. Лесков, говорит о майоре Б. Кузьмичеве, «исполнявшем роль личного адъютанта Примакова»: «У него была весьма respectable биография. Он участник Октябрьской революции в Москве. В Гражданскую войну — командовал в войсках Примакова (Червоновые казаки). Последняя его должность — начальник штаба авиационной бригады» (цит. по: Лесков В. А. Сталин и заговор Тухачевского. М.: Вече, 2003. С. 145). Кузьмичев, как можно догадаться, был репрессирован и расстрелян.

²⁵ Дом правительства, или Дом на набережной (по названию повести Ю. Трифонова), — жилой комплекс ЦИК-СНК СССР (Москва, ул. Серафимовича, 2, Берсеневская набережная), был построен по проекту архитектора Б. М. Иофана и принят в эксплуатацию в 1932 г. В доме 25 подъездов, 505 квартир; здесь располагались также кинотеатр «Ударник», клуб Верховного Совета (ныне Театр эстрады), универмаг, почта, детский сад, амбулатория и др. В доме проживали высокопоставленные советские чиновники, в том числе члены и кандидаты в члены Политбюро (6 чел.), наркомы (министры) (63 чел.), зам. наркомов (94 чел.), маршалы и адмиралы флота (19 чел.). Многие из них были здесь же арестованы органами НКВД и отправлены на Лубянку. Дом в последующем стал своеобразным памятником жертвам Большого террора.

См.: Коршунов М. П., Терехова В. Р. Тайны и легенды Дома на набережной. М.: Слово, 2002. 397 с.: ил.

²⁶ В Ростов — по месту службы В. М. Примакова, откуда он был откомандирован на учебу в Берлин.

²⁷ Имеется в виду «Альманах с Маяковским».

²⁸ Публикуется впервые.

²⁹ Фридрихштрассе — знаменитая улица в центре Берлина, получила название в честь первого короля Пруссии, Фридриха I.

³⁰ Вербное воскресенье перед Пасхой.

³¹ Haus Vaterland — досл. «Дом Отечества» — шестиэтажный дворец развлечений с огромной площадкой общественного питания на Потсдамерплатц в Берлине. Самое старое кафе «Пикадилли», возникшее здесь в 1912 г. наряду с кинотеатром и офисами, вмещало 2500 человек, кинотеатр — 8000 человек. Этот комплекс развлечений пользовался огромной популярностью, его посещали около 1 млн человек в год, пока в 1943 г. здание не было значительно повреждено пожаром. Впоследствии дворец горел еще несколько раз и был снесен.

³² Malik — немецкое издательство.

³³ В Берлине Л. Ю. и Примаков проживали в северо-западном (NW — Nord-westen) районе, также определяемом как район Гамбургского вокзала.

³⁴ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 38].

³⁵ Фанни Ефимовна многократно упоминается в переписке. Предположительно это Ф. Е. Нюрина, знакомая Маяковского и Бриков, советская служащая.

³⁶ «Альманах с Маяковским».

³⁷ Оксана, жена Н. Н. Асеева.

³⁸ Жена С. Кирсанова.

³⁹ В газете «Вечерняя Москва» за 29 декабря 1932 г. под рубрикой «Дневник читателя» была напечатана статья В. Катаняна «Скутаревский» о новом одноименном романе Л. Леонова.

⁴⁰ Речь может идти о переводах О. Брика с французского произведений Л. Арагона: «Солдаты идут» (Интернациональная литература, 1933, № 4) и глав из поэмы «Коммунисты правы» (Красная новь, 1933, № 4).

⁴¹ Рафаэль Альберти — испанский поэт, участник национально-революционной войны 1936–1939 гг. О каком переводе идет речь, неизвестно.

⁴² Неясно, о каких переговорах О. М. с Большим театром идет речь.

⁴³ Известная страница биографии В. Маяковского, когда его в 1909 г. арестовали в третий раз по подозрению в причастности к организации побега 13 политических каторжных из женской Новинской тюрьмы. Морчадзе Исидор Иванович (консп. имя — Корейдзе Семен Семенович) (1887–1956), о котором идет речь, — революционер, хорошо знавший В. Маяковского и оставивший свои воспоминания о нем (*Морчадзе И. И.* Владимир Владимирович Маяковский // Маяковский в воспоминаниях современников. С. 76–85), в которых также рассказывает об организации побега заключенных и участии в этой истории юного поэта, тогда ученика Стргановского художественного училища:

В то время я не жил у Маяковских из конспиративных соображений, но все они, Маяковские, были посвящены в мои планы, вся семья Маяковских, включая и Володю, помогала мне. Володя рвался мне на помощь, умоляя использовать его для этого дела. Я, конечно, использовал его и давал ему разные поручения, которые он добросовестно исполнял, но в ночь побега я его не мог использовать в качестве проводника бежавших каторжанок, ибо его слишком большой рост мог привлечь внимание и было рискованно и неконспиративно. <...>

...Прочтя в газетах о совершившемся побеге и о том, что полиция объявила пять тысяч рублей награды за поимку каждой беглянки или указание квартиры с беглянкой, Володя, поняв серьезность положения, <...> бросился на квартиру моей жены узнать от нее, как в дальнейшем обстоит дело. Володя великолепно знал, что я на квартире жены не живу и не прописан, но через нее он хотел узнать, не нужна ли помощь. Но он все-таки принял на всякий случай меры предосторожности и явился туда со всеми художественными принадлежностями. Звонок. Входит Володя, сразу поняв, что попал в засаду полиции. Ведет себя вызывающе, издевательски, зло смеется и подтрунивает над полицией. Сам московский полицеймейстер Золотарев руководит засадой полиции. Попавшие в засаду сидят за столом, в числе их сию и я. Полиция приглашает Володю к столу. Начинается его допрос. Вдруг он быстро встает, вытягивается во весь рост и издевательски шутивным тоном говорит приставу, который пишет протокол дознания: «Пишите, пишите, пожалуйста: я — Владимир Владимирович Маяковский, пришел сюда по рисовальной части (при этом он кладет на стол все рисовальные принадлежности, как-то: краски, кисти, и т. д.),

а я, пристав Мещанской части, решил, что виноват Маяковский отчасти, а потому надо разорвать его на части». Этот каламбур, сказанный экспромтом Маяковским, вызывает у всех присутствующих взрыв хохота.

⁴⁴ Барнет Борис Васильевич (1902–1965) — кинорежиссер, киноактер.

⁴⁵ Публикуется впервые.

⁴⁶ Эрнст Отвальд (1901–1942) — немецкий журналист, коммунист. С 1931 г. живет с женой в Праге, где руководит немецким журналом, призванным объединить немецких писателей-антифашистов. Его жена сотрудничает с пражскими журналами и негласно работает в партийной разведке. В 1934 г. супруги приехали в СССР, где уже через два года Отвальда арестовали по обвинению в антисоветской агитации и сослали в лагерь, где он и умер. Его жена в 1939 г. была выдана Германии по пакту Молотова — Риббентропа.

⁴⁷ Златан Дудов (1903–1963) — немецкий режиссер и драматург болгарского происхождения. В 1932 г. по написанному им с Б. Брехтом и Э. Отвальдом сценарию поставлен фильм «Куле Вампе» о судьбах молодых берлинских безработных. Фильм был запрещен властями.

⁴⁸ В 1933 г. в Москве, в издательстве «Соцэкгиз», вышла книга Э. Отвальда «Путь Гитлера к власти. История национал-социализма».

⁴⁹ Мельцер, а также Юлия Михайловна Мельцер упоминается Л. Ю. в нескольких берлинских письмах 1933 года. По предположению автора, это могла быть артистка Юлия Исааковна Мельцер (1906–1967), впоследствии вышедшая замуж за Якова Джугашвили, сына вождя. В Берлин она могла приехать с труппой К. Я. Голейзовского — на гастроли. Однако Галина Яковлевна Джугашвили, с которой автор встречался в Москве 9 мая 2004 г., категорически отрицает, что речь в переписке Бриков идет о ее матери.

⁵⁰ «Клеопатра» — киносценарий О. Брика. Фильм по нему снят не был, но сам сценарий впервые опубликован в журнале «Киноведческие записки» в 2003 г. (публ. А. Валуженича).

⁵¹ Публикуется впервые.

⁵² Собачка Шнейт (Шнайда) в берлинском отеле, где останавливались раньше Маяковский и Брики.

⁵³ Либретто О. Брика оперы «Камаринский мужик».

⁵⁴ «Альманах с Маяковским».

⁵⁵ Публикуется впервые.

⁵⁶ Берлинская знакомая Л. Ю. из русской колонии.

⁵⁷ Нойбау — новый район Берлина.

⁵⁸ См. стихи, процитированные О. Бриком в письме № 97 от 4 января 1933 г.

⁵⁹ О сценарии О. Брика для режиссера Б. В. Барнета — об организованном с участием Маяковского побеге каторжниц из Новинской тюрьмы.

⁶⁰ Волкова Зинаида Львовна (1902–1933) — старшая дочь Л. Д. Троцкого от первого брака с А. Л. Соколовской. Муж ее был сослан в Сибирь. В 1931 г. Волкова получила разрешение выехать за рубеж для лечения. В 1932 г. вместе с отцом была лишена советского гражданства. Троцкий, находившийся в это время в Турции, написал статью «По поводу смерти З. Л. Волковой», которая была опубликована в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)» от 11.01.1933 № 33.

⁶¹ «Последние известия», Париж. 12.01.1933.

⁶² Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 39].

⁶³ См. примеч. 35.

⁶⁴ В конце декабря 1932 г. — начале января 1933 г. О. Брик много печатался в газете «Вечерняя Москва». Библиографию этих публикаций см.: [Валуженич, 1993. С. 265–343].

⁶⁵ *Кассиль Л.* Швамбрания: повесть с картами, гербом и флагом. М.: Федерация, 1933. 224 с. 5200 экз.

⁶⁶ См. примеч. 32.

⁶⁷ Цыпин Григорий Евгеньевич (1899–1938) — журналист по образованию, работал в издательстве «Федерация», где Брик хотел издать «Альманах с Маяковским».

⁶⁸ Рассказы В. М. Примакова, написанные для «Альманаха с Маяковским».

⁶⁹ О. Брик тесно сотрудничал с киностудией «Межрабпомфильм». Киноопера «Камаринский мужик» не была снята.

⁷⁰ См. примеч. 1931 — 98.

⁷¹ В это время З. Свешникова работала в редакции журнала «Огонек».

⁷² Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 37] — с исправлением даты отправки.

⁷³ О. М. Брик оборудует затемнение окон в квартире для устройства фотолaborатории.

⁷⁴ Вокально-симфоническая поэма «Ленин» на слова В. Маяковского была написана композитором В. Я. Шебалиным в 1931 г. Это стало довольно заметным музыкальным событием. Вторая редакция симфонии — в 1959 г.

⁷⁵ «Фиктивный брак» — так первоначально называлась опера «Именины», над которой работали В. Желобинский и О. Брик.

⁷⁶ Самосуд Самуил Абрамович (1884–1964). В 1920-х — начале 1930-х был главным дирижером и художественным руководителем МАЛЕГОТа, преподавал дирижирование в Ленинградской консерватории. Позже, с 1936 по 1943 г., — дирижер Большого театра в Москве. В 1937 г. получил звание народного артиста СССР.

⁷⁷ На 6-й полосе «Известий» за 10 января 1933 г. помещена подборка материалов под общей шапкой «15 лет Червоного казачества»: «10 января 1933 года 1-й конный корпус Червоного Казачества празднует историческую годовщину 15-летия организации Червоного казачества...». Среди материалов очерк Н. Изгоева «Червоные казаки»; статья командира и комиссара 1-го кавкорпуса Червоного казачества М. А. Демичева «Путь борьбы и побед», а также поздравление С. Орджоникидзе «Бойшам кавалерийского корпуса Червоного казачества», фотографии и хроника празднования из Харькова. Имя В. М. Примакова упоминается только в очерке Н. Изгоева.

⁷⁸ Рассказ В. М. Примакова «Танька» готовился к публикации в «Альманахе с Маяковским».

⁷⁹ См. примеч. 67.

⁸⁰ См. также примеч. 24.

⁸¹ «Узкое» — подмосковный дом отдыха.

⁸² Публикуется впервые.

⁸³ Берлинская знакомая Л. Ю.

⁸⁴ Статья В. Маяковского «Как делать стихи?» (1927).

⁸⁵ Макс Рейнгарт (Reinhardt) (1873–1943) — немецкий режиссер, актер и театральный деятель. В 1905–1933 гг. руководил в Берлине «Немецким театром». После захвата власти фашистами покинул Германию. Умер в США.

⁸⁶ «Альманах с Маяковским».

⁸⁷ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 40].

⁸⁸ «Ударная бригада Маяковского», помогавшая ему устраивать выставку к 20-летию работы. В нее входил, например, музейный работник А. Г. Бромберг.

⁸⁹ У Маяковского: «Окна / разинув / стоят магазины. / В окнах / продукты: / вина, фрукты». Торгины же — магазины сети Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами — торговали на валюту.

⁹⁰ Предполагаемая постановка пьесы О. Брика и О. Леонидова «Евгений Базаров» в театре им. Е. Б. Вахтангова.

⁹¹ Константину Сергеевичу Станиславскому (наст. фамилия — Алексеев), режиссеру, актеру, педагогу и театроведо, 70 лет исполнилось 5 января 1933 г. по старому стилю (по новому стилю — 17 января).

⁹² Качалов (наст. фамилия — Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) — драматический актер, теще-декламатор.

⁹³ Это письмо дополняет письмо Е. Г. Соколовой к Л. Ю. Брик (Москва — Берлин; 18 января 1933 г.):

Дома у меня все в полном порядке. Петр Леонидович ночует очень редко, и я его совсем не вижу. Виталий [Жемчужный. — *Ред.*] совсем погряз в своем автодорожном деле. Я обедаю с Осей, а Виталий — в правлении Союзкино, там, где обедал Лева [Гринкруг. — *Ред.*]. Родители живы, но прихварывают и ждут комнату в Москве.

Мы с Осей кое-как развлекаемся.

Были у Мейерхольда на новой постановке «Вступление». Очень здорово поставлено, но пьеса — дрянь.

Были в Мюзик-холле. Слушали Утесова. Смешно и весело.

Смотрели «Окраину». Мне не понравилось. Уж очень легкомысленно и похулигански...

Справляли Осино рождение. Подарили ему 600 шт. папирос. Ксана [жена Асеева. — *Ред.*] подарила большой мяч, Эльза — галстук. Я подарила «Дневник» Мариэтты Шагинян и стихи Прокофьева, и всякие канцелярские принадлежности. Кирсановы — бумажник, хороший блокнот и папиросы. Зильберштейн — том «Литературного наследства», тройной, с Гейновскими материалами. Был очень противный Уткин. Поздно ночью пришла Нина Владимировна в красивом платье и ужасно худая (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 455).

⁹⁴ Публикуется впервые.

⁹⁵ Флаксерман Юрий Николаевич (1895—1995) — советский работник, видный энергетик. Маяковский и Брики были знакомы с ним еще с 1915—1916 гг., по горьковскому журналу «Летопись», в редакции которого работала его сестра, Галина Константиновна Суханова-Флаксерман (1888—1958). Дважды был репрессирован. Существуют публикации его воспоминаний об участии в революционной и партийной деятельности, о заключении в лагере.

⁹⁶ Сурков Алексей Александрович (1899—1983), кроме того что поэт, один из ведущих деятелей РАПП, еще и литературный функционер. В 1934 г. окончил факультет литературы Института красной профессуры.

⁹⁷ Малкин — см. примеч. 1931 — 98; Батуринский — неустановленное лицо.

⁹⁸ Кабалов Григорий Александрович (1901—1977) — кинооператор, режиссер-документалист.

⁹⁹ Публикуется впервые.

¹⁰⁰ Л. Ю., живя в Берлине, долгое время занималась по договору с издательством «Malik» переводом с русского на немецкий язык какой-то книги. Что это была

за книга, установить не удалось. В архиве Л. Ю. Брик в РГАЛИ (Ф. 2577) также ничего не обнаружено.

¹⁰¹ Конспиративное имя Я. К. Берзина (примеч. 13).

¹⁰² «По Японии» — очерк В. М. Примакова, написанный на основе его доклада «Япония и СССР» (примеч. 1932 — 19), вышедший в 1933 г. отдельным изданием в Москве.

¹⁰³ Верно: по Реомюру (от *фр.* Réaumur). 1 °R = 1,25 °C. Здесь 14 °R = 17,5 °C. Шкала по Реомюру практически вышла из употребления.

¹⁰⁴ Надежда Штеренберг.

¹⁰⁵ Это письмо В. М. Примакова к О. М. Брику не сохранилось.

¹⁰⁶ Публикуется впервые.

¹⁰⁷ См. примеч. 35.

¹⁰⁸ Н. В. Уборевич.

¹⁰⁹ В «Альманахе с Маяковским» была помещена статья В. А. Катаняна «Корни стихов».

¹¹⁰ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 41].

¹¹¹ Бруно Ясенский (1901–1941) — польский прозаик, с 1931 г. писал также по-русски. Его утопический революционный роман «Я жгу Париж» (1928) содержит острую публицистическую полемику с памфлетом П. Морана «Я жгу Москву». Высланный из Франции за коммунистическую пропаганду, Ясенский через Германию и Бельгию в 1929 г. перебрался в Москву. Работал журналистом, был знаком с Маяковским и Бриками. Две поездки в Таджикистан (1930, 1931) отразились в его романе «Человек меняет кожу» (1932), который до 1937 г. ежегодно переиздавался и пользовался большим успехом. В 1934 г. Ясенский избран в Правление СП СССР. В 1937 г. арестован, погиб в лагерях. Жена — Анна Берзинь.

¹¹² Асеев и Кирсанов.

¹¹³ Гринкруг.

¹¹⁴ Вечера, посвященные третьей годовщине со дня смерти В. Маяковского.

¹¹⁵ См. примеч. 1931 — 94.

¹¹⁶ Жена брата О. Брика, Павла, в семье которого жила их мать.

¹¹⁷ Паспортная система и прописка по месту жительства были введены в Советском Союзе постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. В Москве, как и во всей Советской стране, в январе 1933 г. началась паспортизация всего взрослого населения: граждане фактически прикреплялись к определенному адресу, с ограничением права перемены этого адреса по собственному желанию. Но так было в городах, а сельскому населению паспорта не выдавались вообще, что с проходившей в это же время коллективизацией должно было означать пожизненное прикрепление сельчан к новоиспеченным колхозам.

¹¹⁸ Публикуется впервые.

¹¹⁹ Н. В. Уборевич.

¹²⁰ Winkelsucher (*нем.*) — зеркальный видеоискатель, приспособление для профессиональной фотокамеры.

¹²¹ Эта фраза ориентирована специально для успокоения цензоров, которые будут читать письмо, в чем Л. Ю. не сомневалась.

¹²² Москвичи из привилегированного советского класса, не ущемлявшиеся в своих правах паспортизацией, не видели в ней ничего особенного.

¹²³ См. примеч. 99.

¹²⁴ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 42].

¹²⁵ Пьеса Ю. П. Германа в 3 действиях, 10 эпизодах. Постановка В. Э. Мейерхольда, музыка В. Я. Шебалина. Премьера состоялась 28 января 1933 г. О ней в письме Е. Г. Соколовой: «Были у Мейерхольда на новой постановке “Вступление”. Очень здорово поставлено, но пьеса — дрянь» (примеч. 93).

¹²⁶ «Синяя блуза» — жанр агитационного эстрадно-драматического представления в советском театре 1920-х гг. Свое название получил от одежды, в которой выступали участники этих представлений.

¹²⁷ Режиссер В. И. Пудовкин в 1928 г. снял по сценарию О. М. Брика и И. М. Новокшинова фильм «Потомок Чингисхана» (по мотивам повести Новокшинова). А. Д. Головная был оператором этого фильма.

¹²⁸ Речь идет о публикации в «Вечерней Москве» за 6 февраля 1933 г. Евг. Бермонт «Ему и так горячо» — о киносценарном деле и соавторстве киносценаристов. Шенгеля Николай Михайлович (1903—1943) — кинорежиссер, киносценарист, поэт. Ржешевский Александр Георгиевич (1903—1967) — драматург и киносценарист со своеобразным стилем работы, который часто подвергался критике. Шкловский охарактеризовал Ржешевского так: «Он был талантлив и преждевремен».

¹²⁹ Публикуется впервые.

¹³⁰ Л. Ю. и Примаков продолжают ходатайства о приглашении к ним в гости О. М. Брика и Е. Г. Соколовой, и Л. Ю. надеется, что по приезду в Берлин О. М. поможет ей делать платные переводы по договору с Malik.

¹³¹ Интересно, что время стажировки В. М. Примакова в немецкой академии, по-видимому, не было заранее оговорено, фактически его учеба окончилась в конце июня.

¹³² Имеется в виду 10-й том Полного собрания сочинений В. Маяковского — «Стихи 1929—1930» — под общей редакцией Л. Ю. Брик и И. Беспалова с примечаниями В. Катаняна. Был сдан в набор 17 июля 1935 г.

¹³³ «Альманах с Маяковским».

¹³⁴ Валеска Герт (наст. имя — Гертруда Валеска Самош) — популярная немецкая танцовщица и певица кабаре и мюзик-холла, киноактриса, модель. С. Эйзенштейн собирался поставить с ее участием феерию в стиле начала века.

¹³⁵ Публикуется впервые.

¹³⁶ «Альбом рисунков и плакатов», вышедший в 1932 г., со вступительной статьей О. М. Брика.

¹³⁷ Л. Ю. вскользь упоминает о людях, с которыми она и О. М. встречались по пути в Лондон в марте 1930 г.; теперь они «озабочены» в первую очередь происходящими в Германии политическими событиями.

¹³⁸ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 43].

¹³⁹ Речь, очевидно, о С. Кирсанове. Множественное число уменьшительного имени, видимо, от игривого тона.

¹⁴⁰ В альманахе «С Маяковским» помещена новая поэма Н. Асеева «Смерть Оксмана» (с. 80—100).

¹⁴¹ Оксана, жена Н. Асеева.

¹⁴² Привилегированный распределитель продуктов для иностранцев, находящийся в Москве, предшественник валютных магазинов «Березка».

¹⁴³ Ионов (наст. фамилия — Бернштейн) Илья Ионович (1887—1942) — поэт, революционер. Руководил разными издательствами, в том числе «Академией» (1928—1932). Репрессирован, погиб в Севлаге.

¹⁴⁴ Библиотека-музей В. В. Маяковского в Гендриковом переулке была организована только после известной цитаты Сталина (1935), канонизировавшей его.

¹⁴⁵ Тот самый «Стеклоанный глаз» («Фильм о фильме») с В. Полонской. Студия «Межрабпомфильм», вып. 15.01.1929; 5 частей, 1360 м. Сценарий и режиссура Л. Брик и В. Жемчужного, оператор К. Венц, художник С. Козловский.

¹⁴⁶ Эрнст Буш (1900—1979) — немецкий певец, антифашист.

¹⁴⁷ Хелена Вайгель (1900—1971) — вторая жена Б. Брехта, актриса. Многие женские образы в пьесах Брехта создавались под ее влиянием.

¹⁴⁸ Девекин В. Н. Глазами разума : предисл. в кн.: Брехт Б. Избранное. М.: Радуга, 1987. С. 12. Этот же факт подтверждается в книге: Окланский Ю. М. Гарем Бертольта Брехта. Роман-расследование. М.: Сов. секретно, 1997. С. 145.

¹⁴⁹ Публикуется впервые.

¹⁵⁰ Неустановленное лицо.

¹⁵¹ Возможно, имеется в виду вступительная статья Н. Асеева «Работа Маяковского над поэмой “Про это”», написанная в 1933 г. и опубликованная в 5-м томе Полного собрания сочинений В. Маяковского (1934).

¹⁵² «По Японии» В. М. Примакова.

¹⁵³ Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898—1940) — писатель, журналист-международник. Репрессирован, расстрелян.

¹⁵⁴ В «Правде» от 15 февраля 1933 г. напечатаны стихи Н. Асеева «Песня съезда ударников-колхозников».

¹⁵⁵ На день рождения Елене Юльевне, матери Л Ю.

¹⁵⁶ Публикуется полностью. В сокращении: Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 241—242.

¹⁵⁷ Имеется в виду поездка О. М. Брика и Е. Г. Соколовой в Берлин, о которой ходатайствует Примаков.

¹⁵⁸ Luftpost (нем.) — воздушная почта.

¹⁵⁹ Публикуется впервые.

¹⁶⁰ Или же Л. Ю. ошиблась в дате, или же речь идет о 31-м числе следующего месяца, — последнее наименее вероятно.

¹⁶¹ Печенье торговой марки Leibniz, по имени Готфрида Вильгельма Лейбница, значительную часть своей жизни проведшего в Ганновере, где в 1889 г. возникла компания Bahlsen, которая до сих пор производит печенье нескольких видов.

¹⁶² С начала февраля 1933 г. председатель Рейхстага Герман Геринг (1893—1946) возглавляет полицию.

¹⁶³ Димитров Георгий Михайлович (1882—1949) был, кроме того, деятелем международного рабочего движения, в 1935—1943 гг. являлся генеральным секретарем Коминтерна.

¹⁶⁴ См. примеч. 15.

¹⁶⁵ Публикуется впервые.

¹⁶⁶ Речь идет о проекте Музея-квартиры В. В. Маяковского.

¹⁶⁷ Nachträglich (нем.) — задним числом.

¹⁶⁸ Мессерер Асаф Михайлович (1903—1992), танцовщик и балетный педагог, в феврале 1933 г. прибыл в Германию с сестрой Суламифь, балериной, в рамках европейского турне: Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Франция. В Берлине они выступали в театре «Курфюрстендамм» 18 марта 1933 г.

В очерке «Мне хочется жить!..» Суламифь Мессерер пишет:

Не так давно я получила из Израиля поразительную фотографию. Она была сделана в 1933 году, когда мы с Асафом гастролировали в Европе и несколько дней провели в Германии. Гитлер уже пришел к власти, при нас в Берлине произошел поджог Рейхстага, по улицам маршировали штурмовики. И вот в такой атмосфере

состоялась встреча с нашими европейскими родственниками из Франкфурта и Парижа — с двумя братьями моего отца и их детьми. На фотографии 12 человек, включая Асафа и меня. Шесть из них погибли в фашистских концентрационных лагерях, а оставшихся в живых разметало по всему свету: сейчас они живут в Израиле, Англии и Южной Африке. Уничтожены были три ветви семьи Мессереров: французская, германская и литовская. Я надеюсь, что память о них, так же, как и память о моих родителях, сохранят внуки и правнуки — люди нового поколения, которое бережно восстанавливает культурные ценности, пропавшие в Холодосте («Культура». 2003. 4—10 сент. № 34).

¹⁶⁹ Публикуется впервые.

¹⁷⁰ Неустановленное лицо, выполнявшее функции дипломатического курьера между Берлином и Москвой.

¹⁷¹ Переводные картинки.

¹⁷² Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 44].

¹⁷³ Такое название получил полицейский метод борьбы с революционным движением в России в 1901—1903 гг., предложенный чиновником Департамента полиции С. В. Зубатовым. Суть метода — в создании подконтрольных правительству просветительских организаций, которые бы направляли рабочих к борьбе за экономические интересы и тем самым отвлекали от политической борьбы.

¹⁷⁴ «Альманах с Маяковским».

¹⁷⁵ Театр им. Е. Вахтангова в это время по указанию «свыше» срочно готовит постановку пьесы А. М. Горького «Достигаев и другие».

¹⁷⁶ Луэлла Варшавская — дочь А. Краснощекова, жившая когда-то в «семье» Бриков — Маяковского. Ее сын Виктор Ильич Варшавский (1933—2005), советский кибернетик, профессор, сыграл большую роль в становлении искусственного интеллекта в СССР.

¹⁷⁷ Публикуется впервые.

¹⁷⁸ «Опера нищих» — балладная опера в 3 актах, написанная в 1727 г. англичанами — поэтом и драматургом Дж. Геем и композитором К. Пепушем. На сюжете «Оперы нищих» основан сюжет «Трехгрошовой оперы» (1928) Б. Брехта, получившей широкую известность и признание. Немецкий режиссер Г. В. Пабст впоследствии снял фильм («Die Dreigroschenoper», 1931) по этой пьесе, но сам Брехт отозвался о нем как о «невзрачной подделке». С приходом нацистов в 1933 г. и пьеса Брехта, и фильм Пабста были запрещены.

¹⁷⁹ Л. Ю. конспиративно называет советских курьеров, перевозящих дипломатическую почту между Берлином и Москвой и выполняющих ее небольшие поручения, «Ф.», «Фанина знакомая», «наш приятель».

¹⁸⁰ Публикуется впервые.

¹⁸¹ По-видимому, Н. А. Брюханенко.

¹⁸² Конспирация в письмах продолжается. На самом же деле Л. Ю. было что рассказать: в это время из Берлина спешно уезжают многие деятели науки и культуры, в первую очередь еврейского происхождения. Тех, кто попадает в лапы гестапо, помещают в концентрационные лагеря.

¹⁸³ По-прежнему остается неопределенной дата окончания стажировки В. М. Примакова.

¹⁸⁴ Т. е. лекарство для матери О. Брика будет передано советскому курьеру (см. примеч. 179).

¹⁸⁵ Публикуется полностью. Впервые: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 242.

¹⁸⁶ Публикуется полностью. В сокращении: Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 242–243.

¹⁸⁷ См. примеч. 49.

¹⁸⁸ Гуго фон Гофмансталь (1874–1929) — крупнейший австрийский драматург и поэт-символист, исповедовавший «искусство ради искусства». Оригинальное произведение Гофмансталя называется «Большой Зальцбургский театр жизни» (1922). Возможно, Л. Ю. не понравилась постановка М. Рейнгарта «Большой театр жизни» в берлинском «Немецком театре», которым сам Рейнгарт и руководил.

¹⁸⁹ Кинокартина американского режиссера Сесила де Милля (не: де Мулля! — ориг. Cecil V. DeMille) «Под знаком креста» по религиозной драме английского драматурга Уилсона Баррета «The Sign of the Cross» («Знак креста») 1900 г. Премьера фильма для Германии состоялась в феврале 1933 г.

¹⁹⁰ Кинокартина Кинга Вигдора «Аллилуйя» (1929).

¹⁹¹ Men lacht — эта фраза встречается не однажды в письмах Л. Ю. Значение ее нам неясно.

¹⁹² «Трехгрошовая опера» Б. Брехта.

¹⁹³ Kanülen (нем.) — канюли — трубки, предназначенные для введения в вену инъекций или для удаления из органов патологического содержимого.

¹⁹⁴ Tonometer (нем.) — тонометр.

¹⁹⁵ См. примеч. 193 — 182.

¹⁹⁶ Ной-Вестенд — район Берлина, расположенный в сегодняшнем административном округе Шарлоттенбург-Вильмерсдорф, ранее территория Западного Берлина.

¹⁹⁷ Сименсшадт — район Берлина на восточной окраине административного округа Шпандау. Выстроил этот район Эрнст Вернер Сименс (1816–1892), немецкий электротехник и предприниматель, основатель концернов «Сименс и Гальске», «Сименс и Шуккерт» и др.

¹⁹⁸ По-видимому, это знакомый Ю. М. Мельцер.

¹⁹⁹ Публикуется впервые. РГАЛИ. Ф. 2852 (Брик О. М.). Оп. 1. Д. 244.

²⁰⁰ «Альманах с Маяковским».

²⁰¹ По-видимому, к этому времени уже было принято окончательное решение о запрещении О. М. Брику и Е. Г. Соколовой поездки в Берлин.

²⁰² Нацисты усиленно превозносили арийскую расу («белокурая bestия») и открыто преследовали представителей других рас и национальностей (в первую очередь евреев), о чем иносказательно пишет В. М. Примаков.

²⁰³ Последним местом службы В. М. Примакова является Северо-Кавказский военный округ (штаб в Ростове-на-Дону), куда он собирается вернуться по окончании учебы в Германии.

²⁰⁴ Публикуется впервые.

²⁰⁵ О. Л. Леонидов, с которым О. М. Брик работает над драматургическим материалом, и В. М. Горожанин (см. примеч. 1930 — 42).

²⁰⁶ Альпийский ландшафт.

²⁰⁷ Берлинская знакомая Л. Ю. Брик.

²⁰⁸ См. примеч. 48.

²⁰⁹ Конрад Хайден (псевд. Клаус Бредов) (1901–1966), немецкий журналист и писатель, в 1930-е гг. написал первую биографию фюрера: «Адольф Гитлер. Жизнь диктатора — эра безответственности». Будучи корреспондентом *Frankfurter Zeitung* и *Fossische Zeitung* в Мюнхене, он непосредственно наблюдал за истоками политической карьеры Гитлера. Но Л. Ю., скорее всего, посылала другую книгу

Хайдена, выпущенную в 1932 г. издательством *Rowohlt* тиражом 5000 экземпляров, — «История национал-социализма».

²¹⁰ См. примеч. 120.

²¹¹ Канюли и кроссворд для П. Ю. Брик.

²¹² По-видимому, речь идет об отрицательном ответе берлинского театра, которому была предложена к постановке пьеса О. М. Брика и О. Л. Леонидова «Евгений Базаров».

²¹³ Фанни Ефимовна.

²¹⁴ Американский писатель Теодор Драйзер в 1927 г. был в гостях у Маяковского и Брик в Гендриковом переулке. Результаты переговоров с ним по поводу издания прозы Маяковского неизвестны.

²¹⁵ Здесь, кажется, впервые Л. Ю. перестает сдерживаться и выдает свое отношение к происходящему в Германии.

²¹⁶ Публикуется впервые.

²¹⁷ Скорее всего, Юлия Михайловна Мельцер, вернувшаяся из Берлина в Москву.

²¹⁸ Речь снова идет об организации Библиотеки-музея В. В. Маяковского.

²¹⁹ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 45].

²²⁰ Впервые об этом О. М. Брик упоминает в письме от 20 февраля 1933 г. (№ 113): «Затем еще мне заказали сценарий для Госкино про грузин, о “покорены” Кавказа (60-е годы). Я буду делать его с Треневым по собранным им материалам».

²²¹ В 1933 г. Луис Бунюэль какое-то время работал над фильмом по книге Андре Жид «Подземелья Ватикана» (1914); предполагалось, что фильм будет сниматься в СССР на советские же деньги. Однако до съемок дело не дошло. Возможно, О. М. пишет именно об этой работе. Кроме того, следует заметить, что Андре Жид после поездки в Советский Союз в 1936 г. написал книгу «Возвращение из СССР» (1937), в которой правдиво показал положение в Стране Советов [Москва-1937], за что был подвергнут остракизму в этой стране, но впоследствии награжден Нобелевской премией (1947).

²²² Имеются в виду предстоящие выступления в связи с третьей годовщиной со дня смерти В. Маяковского.

²²³ Берзина — жена Бруно Ясенского, в семье которых жила Булька.

²²⁴ Арагоны живут в Москве почти год, с лета 1932 г.

²²⁵ Большой театр собирался поставить оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя», но коренным образом исправив либретто: теперь она должна была стать «Жизнью за Родину».

²²⁶ Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985) — кинорежиссер и художник, был близко знаком с Маяковским и Бриками. В 1923 г. совместно с О. М. Бриком написал киносценарий «Приключения эльвиста», который долгое время считался утерянным (фильм не был поставлен). Сценарий опубликован впервые А. Валюженичем в журнале «Киноведческие записки» (2003, № 62). «Цыган» не был поставлен.

²²⁷ В. И. Пудовкин заканчивал на киностудии «Межрабпомфильм» работу над картиной «Дезертир» по сценарию журналистов М. Красноставского и А. Лазебникова о рабочем движении в Германии.

²²⁸ С. М. Эйзенштейн был близко знаком с Маяковским и Бриками. В начале 1933 г. собирался снять на киностудии «Союзфильм» кинокомедию «М. М. М. (или «Максим Максимович Максим») по собственному сценарию. Комедия поставлена не была.

²²⁹ Г. В. Александров готовился к постановке кинокомедии «Веселые ребята», работа над которой закончилась в 1934 г.

²³⁰ На экраны вышел новый фильм Б. В. Барнета «Окраина» («Межрабпом-фильм», авторы сценария — К. Финн и Б. Барнет), один из первых советских звуковых фильмов. И зрители и критика тепло приняли картину.

²³¹ Режиссер Л. В. Кулешов совместно с киносценаристом Александром Львовичем Курсом (1892–1939) написал сценарий фильма «Великий утешитель» по рассказу О. Генри «Обращение Джимми Валентайна». В кинематографии тогда внедрялся метод предварительных репетиций.

²³² Упомянуто письмо В. М. Примакова О. М. Брику от 21 марта 1933 г.

²³³ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 46].

²³⁴ *Маяковский В.* Избранные стихи. М.: Федерация, 1932. 258 с. 5200 экз.

²³⁵ *Маяковский В.* Избранные произведения. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 157 с. (Дешевая библиотека современных писателей: Школьная серия). 35 200 экз.

²³⁶ Однокашник О. М. Брика по учебе в 3-й Московской гимназии.

²³⁷ В. М. Горожанин (см. примеч. 1930 — 46).

²³⁸ Фанни Ефимовна (см. примеч. 35).

²³⁹ Оксана Асеева.

²⁴⁰ Н. Н. Асеев.

²⁴¹ Дочка Павла Брика, младшего брата О. М.

²⁴² Всероссийское общество драматургов и композиторов имело свое издательство. О дальнейшей судьбе сборника сценариев ничего неизвестно.

²⁴³ Впервые киносценарий «Премьера» был опубликован А. Валюженичем в журнале «Киноведческие записки» (2003, № 62).

²⁴⁴ Приходящая старуха-сиделка.

²⁴⁵ Жена Павла Брика.

²⁴⁶ Публикуется впервые.

²⁴⁷ Возможно, Эдгар Уоллес (1875–1932) — английский писатель, драматург, киносценарист; его перу, в частности, принадлежит сценарий фильма «Кинг-конг». Но вероятно, что Л. Ю. ошиблась в написании фамилии писателя и имеет в виду книги Герберта Уэллса — в письме № 83 от 27 сентября 1932 г. она писала: «*Читаем полное собрание соч. Уэльса*».

²⁴⁸ Имеется в виду, что Б. Брехт «освободил квартиру», эмигрировав из фашистской Германии.

²⁴⁹ Порученец В. М. Примакова еще по службе в Свердловске.

²⁵⁰ Публикуется впервые.

²⁵¹ Вечера, посвященные третьей годовщине со дня смерти В. Маяковского.

²⁵² В. Н. Яхонтов.

²⁵³ Публикуется впервые.

²⁵⁴ Арагоны готовятся к отъезду в Париж через Берлин, в связи с чем Л. Ю. и просит прислать с ними сценарий.

²⁵⁵ Неустановленное лицо.

²⁵⁶ Регина Федоровна Глаз (1885–1968) — кузина Л. Ю. Брик.

²⁵⁷ Публикуется впервые.

²⁵⁸ В. М. Горожанин; по-видимому, через него также передавались какие-то посылки, привозимые курьерами из Берлина.

²⁵⁹ Речь идет о Гринкругах. Михаил Александрович (1887–1959) — брат Льва Александровича.

²⁶⁰ Публикуется впервые.

²⁶¹ Неустановленное лицо.

²⁶² Булька живет в семье Ясенских, о чем О. М. сообщал еще в своем письме от 1 февраля 1933 г.

²⁶³ Публикуется впервые.

²⁶⁴ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженнич, 1993. № 47].

²⁶⁵ Опера «Камаринский мужик» репетируется в МАЛЕГОТе.

²⁶⁶ Стихотворение В. Маяковского «Вредитель» напечатано в «Комсомольской правде» № 86 от 14 апреля 1933 г.

²⁶⁷ С. Кирсанов и Н. Асеев.

²⁶⁸ Эрдман Николай Робертович (1900–1970) — драматург, сценарист. Был репрессирован. «Самоубийца», трагикомедия в четырех картинах, была написана в 1928 г., репетировалась в ГосТИМе, Театре им. Евг. Вахтангова и МХАТе, однако поставлена не была из-за запрета.

²⁶⁹ Скорее всего, здесь имеются в виду Надежда Штеренберг и Николай Денисовский, которые всюду появлялись вместе.

²⁷⁰ См. примеч. 1930 — 24.

²⁷¹ В газете «Рабочая Москва» за 30 сентября 1930 г. была помещена статья об этой пьесе под заглавием «Попытка протащить реакционную пьесу. Антисоветское выступление в театре им. Мейерхольда», в которой, в частности, говорилось: *«Художественные достоинства пьесы несколько не уменьшают ее политической враждебности».*

²⁷² Рабинович Исаак Моисеевич (1894–1961) — театральный художник, в 1926–1930 гг., кроме того, был профессором живописного факультета ВХУТЕИНа в Москве. В театре работал с 1911 г., оформлял спектакли Художественного театра и Театра им. Вахтангова, в последнем с 1955 г. был главным художником. Кроме того, работал и в кино, оформил, например, «Аэлиту» Я. Протазанова (1924).

²⁷³ Советский работник Я. П. Хренов, герой стихотворения Маяковского о Кузнецкстрое (см. примеч. 1931 — 188). Он приехал в Москву из Донбасса, куда его недавно перевели.

²⁷⁴ В. Л. Жемчужный.

²⁷⁵ Эта фотография неизвестна.

²⁷⁶ Публикуется впервые.

²⁷⁷ Очевидно, Л. Ю. и Примаков были в Вердере (город в земле Бранденбург в 35 км от Берлина) на празднике Баумблуте, посвященном цветению фруктовых деревьев, который проходит здесь ежегодно с конца XIX века. Ресторан «Фридрихсхёэ», изображенный на открытке, находится на горе, словно бы поднимаясь из белоснежной пены цветущих крон.

²⁷⁸ С письмом от 7 марта 1933 г. О. М. отправил так называемый декольманин «Кем быть?».

²⁷⁹ По-видимому, О. М. отправил в Берлин с Ф. (неким не установленным нами лицом, выполнявшим функции дипкурьера между Берлином и Москвой) недавно выпущенный МАЛЕГОТом клавираусцуг для пения с фортепиано: *Желобинский В. В. Камаринский мужик. Опера в 4-х действ., 8 карт. Либретто О. Брик. Соч. 18.*

²⁸⁰ Публикуется впервые.

²⁸¹ Юлия Михайловна (Мельцер).

²⁸² Неустановленное лицо.

²⁸³ Публикуется впервые.

²⁸⁴ Публикуется впервые.

²⁸⁵ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженнич, 1993. № 49].

²⁸⁶ Павлов Николай Филиппович (1803–1864) — прозаик, поэт, критик, публицист. Повесть о судьбе крепостного музыканта «Именины» (1835) вошла в сборник «Три повести», который принес автору известность и вызвал одобрительные отзывы Пушкина, Чаадаева, Белинского.

²⁸⁷ Художественный руководитель и дирижер МАЛЕГОТА.

²⁸⁸ Луэлла Варшавская (Краснощекова).

²⁸⁹ О поездке в Тифлис см. письмо О. М. от 30 апреля 1933 г.

²⁹⁰ Публикуется впервые.

²⁹¹ Я. М. Магалиф, сотрудник полпредства СССР в Берлине.

²⁹² Публикуется впервые.

²⁹³ См. примеч. 279.

²⁹⁴ С отъездом Арагонов из Москвы прекратилась связь с распределителем продуктов для иностранцев (инснаб).

²⁹⁵ Публикуется впервые.

²⁹⁶ Н. В. Уборевич.

²⁹⁷ В письме от 5 мая 1933 г. Л. Ю. говорит о «музыканте Саше Парнесе» как о «Леночкином мальчике», видимо, он был протеже берлинской знакомой Л. Ю. Более подробные сведения нам установить не удалось.

²⁹⁸ Публикуется впервые.

²⁹⁹ С откреплением от инснабовского распределителя необходимые продукты стали покупать на рынке. Вот что пишет в это же время Е. Г. Соколова Лиле Юрьевне:

Живем мы чудно. Наташа в отпуске, уехала на месяц. Обедаем мы вместе: я, Ося и Виталий. Готовлю я сама. Завтракаем, обедаем, ужинаем — все очень вкусно и разнообразно. Отсутствие распределителя не ощущаем. Арбатский рынок завален колхозными продуктами. Каждый день делаю салат, покупаю редиску, огурцы. Часто готовлю кур. Съедаем по 10 шт. яиц в день. Все свежее, вкусное. Через день приходит Аннушка (по своему желанию) мыть посуду и помогает мне готовить. На-днях, кормила нас вкусными пельменями. Сейчас уже несколько дней мы с Виталием ночуем у Оси — не хочется его оставлять одного. Вначале, когда уехала Наташа, у него ночевал Канин, потом Аля Краснощеков, а теперь мы. В квартире порядок, чистота, все на месте. Ждем тебя с нетерпением. (Письмо Е. Г. Соколовой — Л. Ю. Брик от 17 июня 1933 г. РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 455).

³⁰⁰ Домработница О. М. Брика.

³⁰¹ Речь идет о киносценарии Брика «Аул Шапсугар» и возможной поездке О. М. в Тифлис в связи с производством фильма (письмо № 134, от 30 апреля 1933 г.).

³⁰² Публикуется впервые.

³⁰³ Публикуется впервые.

³⁰⁴ Публикуется впервые.

³⁰⁵ Возможно, ошибка. Гамбургский зоопарк иначе называется «Хагенбек» (Hagenbeck), по имени его основателя — ученого, дрессировщика и коммерсанта Карла Хагенбека. Это первый в мире зоопарк, где для животных был воссоздан естественный для них ландшафт: деревья, водоемы, скалы.

³⁰⁶ Во всей обширной немецкой переписке это единственное упоминание о группе, с которой ездит Примаков; но остается неясным: или это группа стажировавшихся командиров из СССР, или группа сопровождения единственного стажера.

³⁰⁷ Бад-Киссинген — бальнеологический курорт в Баварии, на реке Франконская Заале.

³⁰⁸ Витает — соединение «Виталий» и «привет».

³⁰⁹ Публикуется впервые.

³¹⁰ Евгения Гавриловна Соколова.

³¹¹ Публикуется полностью. См.: Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 243.

³¹² Публикуется впервые.

³¹³ Публикуется впервые.

³¹⁴ Смотровые площадки.

³¹⁵ Eiche — дуб; однако в нем. яз. это слово жен. рода, поэтому Л. Ю. пишет «вокруг какой-то».

³¹⁶ Л. Ю. обещает О. М. устроить для него фотолабораторию в Ростове, куда они вернутся из Берлина, уверенная, что он будет жить с ними там же.

³¹⁷ Маргарита Ивановна, жена О. Л. Леонидова.

³¹⁸ Публикуется впервые.

³¹⁹ Публикуется впервые.

³²⁰ Публикуется впервые.

³²¹ Пляж Ванзее. Часть панорамы.

³²² Публикуется впервые.

³²³ «Где Вы стоите в гарнизоне, милостивая госпожа?» и «Как робко по-русски сказать “Я люблю Вас”?»

³²⁴ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 51].

³²⁵ Речь о жене Павла Брика и Вере Максимовне Топер (1890—1964), сестре О. М. и П. М. Бриков. Она была литературным переводчиком, редактором, критиком.

³²⁶ Фанни Ефимовна (см. примеч. 35).

³²⁷ «Альманах с Маяковским».

³²⁸ В изданный сборник, кроме отрывков и пьес из произведений В. Маяковского, включены воспоминания Л. Ю. Брик, «Поэма о роботе» С. Кирсанова, «Камаринский мужик» О. М. Брика, фрагменты из книги «Червонцы» В. М. Примакова, статьи В. Катаняна «Корни стихов», Л. Кассиля «На капитанском мостике», В. Тренина и Н. Харджиева «Маяковский в качестве стиха».

³²⁹ См. примеч. 67.

³³⁰ Брик О. Наши тезисы и выступления на съезде // Литературная газета. 1933. № 24. 23 мая. С. 3.

³³¹ Брик О. Медвежья услуга // Литературный критик. 1933. № 2.

³³² Брик О. О занимательности // Кино. 1933. 4 июня.

³³³ Н. В. Уборевич.

³³⁴ Публикуется впервые.

³³⁵ Этот снимок впервые опубликован в книге: Катанян В. В. Лиля Брик: Жизнь. М.: Захаров, 2002.

³³⁶ Публикуется впервые.

³³⁷ Публикуется впервые.

³³⁸ См. примеч. 3.

³³⁹ См. примеч. 16.

³⁴⁰ Левичев Василий Николаевич (1891—1937) — военный деятель, комкор (1935). С 1931 г. — зам. начальника Генштаба РККА. В 1933 г. направлен военным атташе в Германию, установил близкие связи с командованием рейхсвера. В 1934 г. вновь вернулся на пост зам. начальника Генштаба РККА, одновременно член Военного совета при наркомате обороны. Репрессирован, расстрелян.

³⁴¹ Публикуется впервые.

³⁴² Клипсы — здесь: канцелярские скрепки.

³⁴³ Художник Алексей Сергеевич Левин (1893—1967), хороший знакомый Л. Ю. Брик. Именно он оформлял книги Полного собрания сочинений В. В. Маяковского, выпущенного в ГИХЛе. Прозвище Джон когда-то подарил ему Маяковский и настоял, чтобы один из оформленных Левиным плакатов «Окон РОСТА» был подписан именем Джон Левин.

³⁴⁴ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 243.

³⁴⁵ Публикуется впервые.

³⁴⁶ Публикуется впервые.

³⁴⁷ Книга должна была называться именно так — «С Маяковским», альманах — лишь уточнение жанра издания. Но из-за издательской оплошности получилось это нелепое название — «Альманах с Маяковским».

³⁴⁸ Поэт-лефовец Петр Незнамов был близким знакомым Маяковского и Бриков.

³⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

³⁵⁰ «Золотая Липа» — роман И. В. Дубинского по материалам боевых действий Червоного казачества в Гражданской войне, издан в 1934 г.

³⁵¹ Дубинский ошибся в имени. Каширин Николай Дмитриевич (1888—1938) — военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). В 1931—1937 гг. — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, с 1934 г. член Военного Совета СССР. В июне 1937 г. входил в состав Специального военного присутствия Верховного суда СССР, которое приговорило к смертной казни восемь высших военачальников РККА. Репрессирован, расстрелян.

³⁵² Гундоровский полк: поэма последних битв // Асеев Н. Обнова: стихи 1932—1933 г. Л.: Изд-во писателей, 1934. Впервые поэма была опубликована в журнале «Знамя» (1933, № 10); в «Литературной газете» (1933, № 57. 11 дек.) была напечатана рецензия О. М. Брика на нее — «Новая поэма Асеева».

³⁵³ См. приложение: *Е. Г. Соколова.* Премьера «Камаринского мужика». С. 457.

³⁵⁴ Публикуется впервые.

³⁵⁵ Публикуется впервые.

³⁵⁶ Л. Ю. привезла из Берлина большую игрушечную собаку.

³⁵⁷ В течение своей жизни Л. Ю. многократно переписывала и уничтожала свои дневники в зависимости от политической и цензурной ситуации. Может быть, на этот раз она вписывала какие-то подробности в свои берлинские дневники, которые нельзя было записывать в самом Берлине. Потом же ей пришлось еще раз переписывать эти дневники, вымарывая все упоминания о В. М. Примакове и его друзьях, да и о своем пребывании в Берлине во время прихода Гитлера к власти...

³⁵⁸ Галина Катанян жила в гостях у Л. Ю. в Ростове. Ма — маджонг — китайская игра, которой в это время увлеклась Л. Ю.

³⁵⁹ Евдокия Яковлевна — домработница Л. Ю. в Ростове.

³⁶⁰ Корректурa рассказов В. М. Примакова для «Альманаха с Маяковским».

³⁶¹ Рассказ В. М. Примакова, который О. М. также хотел включить в альманах, остался неопубликованным.

³⁶² Как и раньше, Эльза Триоле отправляет письма своей сестре через О. М.

³⁶³ Публикуется впервые.

³⁶⁴ О. М. Брик и В. В. Желобинский заканчивают работу над оперой «Камаринский мужик», исправляя перед премьерой все замечания постановщиков.

³⁶⁵ Пьеса О. М. Брика и О. Л. Леонидова «Евгений Онегин» не была поставлена.

³⁶⁶ См. окончание письма О. Брика от 7 февраля 1933 г.

³⁶⁷ Статья Брика о пьесе М. А. Светлова не обнаружена. «Глубокую провинцию», первую пьесу Светлова, поставили в 1935 году в Москве, в Театре ВЦСПС, а позже — в Ленинграде, в Госдраме на малой сцене и в Театре рабочей молодежи. Постановки получили в целом доброжелательный отклик, но опубликованная в «Правде» в 1936 году пьеса была раскритикована, и спектакли сняли. Следует добавить, что другие пьесы М. А. Светлова были гораздо успешнее.

³⁶⁸ Ни статья О. М. Брика для «Знамени», ни материал для «Художественной литературы» не обнаружены.

³⁶⁹ Замысел реализован не был.

³⁷⁰ Гуро Елена Генриховна (1877–1913) — поэтесса, прозаик и художница, жена художника-авангардиста М. Матюшина. Ее творчеству характерен синкретизм прозы, поэзии и живописи, импрессионистическое восприятие мира, эксперименты с заумью. Наиболее известен ее сборник стихов «Небесные верблюжата».

³⁷¹ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 53].

³⁷² Премьера «Комаринского мужика» была назначена на следующий день — 10 октября, планировалась трансляция спектакля по радио. На афишах и в театральных программах название давалось «Комаринский мужик» (через букву «о»), что точнее: по названию Комарицкой (Комаринской) волости. Однако до сих пор и название «Комаринской» (плясовой) терпит колебания в написании.

³⁷³ Неустановленная личность.

³⁷⁴ Возможно, Довгалевский Валериан Савельевич (1885–1934), советский поэт в Париже в 1925–1934 гг.

³⁷⁵ В «Комсомольской правде» за 4 октября 1933 года напечатано стихотворение С. Кирсанова «Новая скорость», посвященное «полету стратостата на высоту 19 000 м., состоявшемуся 30.09.33».

³⁷⁶ Галина Катанян.

³⁷⁷ Сергей Миронович Киров (наст. фамилия — Костриков) (1886–1934) с 1926 г. является 1-м секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) и Северо-западного бюро ЦК. Александр Иванович Угаров (1900–1939) — с 1932 г. в должности заведующего культурно-пропагандистским отделом Ленинградского горкома ВКП(б).

³⁷⁸ См. приложение: *Е. Г. Соколова*. Премьера «Комаринского мужика». С. 457.

³⁷⁹ В книге «Двадцать лет Государственного академического Малого оперного театра. 1918–1938» (Л.: Изд-ие Малегот, 1939) перечислены 20 статей о постановке «Комаринского мужика», вышедших в 1933 г.

³⁸⁰ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 54].

³⁸¹ Мура — старушка, жившая вместе с П. Ю. Брик.

³⁸² Вера Топер, сестра О. М. и П. М. Бриков, и Фрида, жена П. М. Брика.

³⁸³ «Альманах с Маяковским».

³⁸⁴ Статьи О. Брика: Писатель и театр // Театр и драматургия. 1933. № 5; Красные ангелы // Кино. 1933. 28 окт.; Свое лицо (рецензия на фильм Л. Кулешова «Великий утешитель») // Там же. 10 нояб.; Большая удача // Лит. газета. 1933. № 52. 11 нояб.; Новая поэма Асеева (о поэме «Гундоровский полк») // Там же. № 57. 11 дек.

³⁸⁵ Публикуется впервые.

³⁸⁶ Публикуется впервые.

³⁸⁷ Гранки материалов «Альманаха с Маяковским».

³⁸⁸ Пьеса «Евгений Базаров» (в 5 д., 13 карт.), написанная О. М. Бриком в соавторстве с О. Л. Леонидовым по роману И. С. Тургенева, была поставлена в 1933 г. в театре «Семперанте».

³⁸⁹ Публикуется впервые.

³⁹⁰ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 52].

³⁹¹ Неустановленное лицо.

³⁹² Михайловский театр — первоначальное, в дореволюционную эпоху, название МАЛЕГОТА.

³⁹³ Премьера драмы «Великий утешитель», снятая Л. Кулешовым на основе биографии О'Генри и двух его новелл, состоялась 17 ноября 1933 г. Фильм

раскрывает одну из наиболее острых и замолченных тогда тем: отношения между искусством и властью.

³⁹⁴ Стецкий Алексей Иванович (1896–1938) — партийный деятель, с 1930 г. заведовал агитпропотделом ЦК ВКП(б). В 1933 г. — член Оргкомитета ССП. Репрессирован, расстрелян.

³⁹⁵ Надежда Штеренберг и Николай Денисовский.

³⁹⁶ Лев Гринкруг.

³⁹⁷ Неустановленное лицо.

³⁹⁸ В. Л. Жемчужный, официальный муж Е. Г. Соколовой.

³⁹⁹ Публикуется впервые.

⁴⁰⁰ Вероятно, Л. Ю. отправляет О. М. проверенные гранки ее материалов для «Альманаха...» и просит прислать гранки материалов В. М. Примакова на авторскую вычитку.

⁴⁰¹ Возможно, имеется в виду программа оперы, имевшая форму журнала: Комаринский мужик / Государственный академический Малый оперный театр. Л., 1933.

⁴⁰² Катаняны возвращаются из Ростова в Москву.

⁴⁰³ Видимо, по телефону О. М. сообщил Л. Ю. о смерти Бульки, жившей в последнее время у Ясенских.

⁴⁰⁴ В. М. Примаков.

1934 год

¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. Москва: Партиздат, 1934.

² Орлов Александр Михайлович (наст. имя — Лев Лазаревич Фельдбин) (1895–1973) — резидент советской разведки во Франции, Германии, Англии. Создал в Германии разведывательную сеть, которая позже станет известной под именем «Красного оркестра», или «Красной капеллы». С 1936 г. — специальный представитель Сталина при правительстве Испанской Республики. В 1938 г. стал невозвращенцем и эмигрировал в Канаду, затем в США. Его книга «Тайная история сталинских преступлений» впервые была издана в США в 1953 г., после смерти Сталина.

³ Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович) (1886–1937) с 1930 г. являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б), возглавил ВСНХ СССР, в подчинении которого находилась вся промышленность СССР. Осуждал политику наращивания террора в стране. По одной версии — покончил жизнь самоубийством, по другой — был убит по приказу Сталина.

⁴ Эйхе Роберт Индрикович (1890–1940) с 1929 г. был 1-м секретарем Сибирского, с 1930-го — Западно-Сибирского крайкомов ВКП(б); с 1935 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК, возглавил работу по чистке партийного и государственного аппарата в 1936–1937 гг. Репрессирован, расстрелян.

⁵ Шеболдаев Борис Петрович (1895–1937) с 1930 г. являлся членом ЦК ВКП(б), с 1931-го — 1-м секретарем Северо-Кавказского, с января 1934 г. — Азово-Черноморского обкомов ВКП(б). По сведениям Хрущева, именно он обратился к Кирову во время XVII съезда с предложением заменить Сталина.

⁶ Шарангович Василий Фомич (1897–1938) с 1930 г. по февраль 1934-го являлся 2-м секретарем ЦК КП(б) Белоруссии. С 1934 г. — член КПК при ЦК ВКП(б), уполномоченный КПК по Казахстану и по Харьковской области. С марта 1937 г. в должности 1-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, руководил развертыванием в республике массовых репрессий. Репрессирован, расстрелян.

⁷ Микоян Анастас Иванович (1895—1978) с 1926 г. состоял в кандидатах в члены Политбюро, с 1935 г. вошел в его ряды. С 1930 г. возглавлял Наркомат снабжения СССР, в 1934—1938 гг. — Наркомат пищевой промышленности СССР. Выступал с ластивыми восхвалениями Сталина, установив своеобразный рекорд — в своей речи на XVII съезде ВКП(б) упомянул имя вождя 41 раз. Никогда не выступал против линии Сталина. Оправдывая массовые репрессии и рост влияния НКВД, от имени партии на собрании в честь 20-летия ВЧК заявил: «Каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД».

⁸ Косиор Станислав Викентьевич (1889—1939) с 1930 г. являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б). В 1928—1938 гг. — генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. Один из главных виновников голода на Украине в 1932—1933 гг. Активно участвовал в организации массовых репрессий на Украине в 1935—1938 гг., входя в состав «тройки», осудившей к расстрелу десятки тысяч человек. Репрессирован, расстрелян.

⁹ Петровский Григорий Иванович (1878—1958) в 1919—1938 гг. занимал должность председателя Всеукраинского ЦИК, с 1926 г. являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Принимал активное участие в проведении коллективизации на Украине, ставшей причиной небывалого голода.

¹⁰ Орахелашвили Иван (Малия) Дмитриевич (1881—1937) — с 1931 г. председатель СНК ЗСФСР, 1-й секретарь Заккрайкома. С 1932 г. являлся заместителем директора Института Маркса-Энгельса-Ленина. В 1934—1937 гг. — член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). Репрессирован, расстрелян.

¹¹ Варейкис Иосиф Михайлович (1894—1939) с 1930 г. являлся членом ЦК ВКП(б), в 1928—1934 гг. занимал должность 1-го секретаря обкома Центрально-Черноземной области, в 1934—1935 гг. — Воронежской, в 1935—1936 гг. — Сталинградской областей. Репрессирован, расстрелян.

¹² Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971), член ЦК ВКП(б), с января 1934 г. возглавлял Московский городской и областной комитет ВКП(б) в качестве 1-го секретаря. Под его руководством в Москве прошли невиданные аресты руководящего звена парторганизации, при этом он сам санкционировал все действия органов НКВД, призывая при этом еще и еще усилить «бдительность».

¹³ См.: *Роговин В. З.* Сталинский неонэп. М., 1994. С. 41, 42, 51, 52, 55.

¹⁴ Седякин Александр Игнатьевич (1893—1938) — военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). В 1930—1931 гг. — начальник и комиссар Военно-технической академии РККА, в 1931—1932 гг. — зам. начальника Штаба РККА, в 1932—1936 гг. — начальник Управления боевой подготовки РККА. Репрессирован, расстрелян.

¹⁵ Публикуется впервые.

¹⁶ О. М. Брик находился в Киеве по сценарным делам.

¹⁷ См. примеч. 1933 — 394.

¹⁸ Г. Е. Цыпин, работая в издательстве «Федерация», был ответственным за издание «Альманаха с Маяковским».

¹⁹ Разговор Примакова со Стецким состоялся на съезде, в перерыве заседаний; одним из следующих выступающих был Лазарь Моисеевич Каганович (1893—1991), с 1930 г. являвшийся членом Политбюро ЦК ВКП(б). В 1931—1938 гг. — член Президиума ВЦИК. Самый убежденный сторонник Сталина в борьбе с различными оппозиционными течениями в партии, в 1933—1934 гг. — председатель Центральной комиссии по проверке партийных рядов, которая руководила партчиствками. Провел «проверку партдокументов», изгнав из партии противников Сталина. В 1934—1935 гг. — председатель комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б). В 1935—1937 гг. занимал должность наркома путей сообщения

СССР. Один из наиболее активных сторонников проведения массовых репрессий, борьбы с «врагами народа».

²⁰ Речь идет об издании полного собрания Маяковского: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: в 12 т. / под общ. ред. Л. Ю. Брик. Т. 3: Мистерия-буфф / вступ. ст. А. Февральского; ред. О. М. Брика. М.: ГИХЛ, 1934. 264 с.: ил.

²¹ *Брик Л. Ю.* Из воспоминаний // Альманах с Маяковским. С. 59–79.

²² Несмотря на то что ни Николай Иванович Харджиев (1904–1996), ни Владимир Владимирович Тренин (1903–1941) формально не входили в редколлегиям сборника, Л. Ю. сочла необходимым принять во внимание их замечания по своим воспоминаниям. Кроме того, в альманахе напечатана совместная статья Тренина и Харджиева «Маяковский о качестве стиха» (с. 257–302). Ряд статей, написанные этими признанными маяковедами в соавторстве, были собраны и вышли отдельной книгой (*Тренин В., Харджиев Н.* Поэтическая культура Маяковского / предисл. Н. Коварского. М.: Искусство, 1970. 328 с.)

Статьи В. В. Тренина также выходили в сборнике «В мастерской стиха Маяковского» (М.: Сов. писатель, 1937; 1978; 1991); работы Н. И. Харджиева наиболее полно собраны в двухтомном издании «Статьи об авангарде» (М.: Изд-во «РА», 1997).

²³ Имеются в виду налоговые декларации.

²⁴ Неустановленное лицо.

²⁵ Неустановленное лицо.

²⁶ В. А. Катанян.

²⁷ Вс. Э. Мейерхольд родился в 1874 г. 10 февраля по новому стилю (28 января по ст. ст.). Райх Зинаида Николаевна (1894–1939) — его жена, актриса.

²⁸ По-видимому, по просьбе Фриды, жены Павла Максимовича, Л. Ю. передала эти деньги матери Бриков.

²⁹ МоДПиК — Московское общество драматургических писателей и композиторов.

³⁰ О. М. Брик готовил переводы с немецкого 21 стихотворения разных авторов из готовящейся к изданию книги советского литературоведа Франца Петровича Шиллера (1898–1955) «Поэзия Германской революции 1848 года» (М.: ГИХЛ, 1934).

³¹ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: История Фабрик и Заводов, 1934. 407 с.: 216 ил.

Книга была написана коллективом из 36 писателей, совершивших организованную ОГПУ экскурсию на Беломорканал с 17 по 23 августа 1933 г. В ее оформлении принимал участие А. М. Родченко. Книга была посвящена XVII съезду ВКП(б) и распространялась среди его делегатов. Была роскошно издана в двух вариантах: ин-кварто (подарочное, 10 000 экз.) и ин-октаво (массовое, 30 000 экз.). См.: *Клейн И.* Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время // Новое лит. обозрение. 2005. № 1(71). С. 231–262.

³² Петр Незнамов.

³³ Здесь впервые появляется название сборника. Предполагалось, конечно, что это альманах «С Маяковским», но из-за неправильной расстановки кавычек (и никто не поправил!) получилась несуразица.

³⁴ Публикуется впервые.

³⁵ По-видимому, О. М. предлагал исключить рассказы Примакова из альманаха «С Маяковским».

³⁶ Со Стецким — см. письмо Л. Ю. от 9 февраля 1934 г.

³⁷ Петр Незнамов.

³⁸ Публикуется впервые.

³⁹ На месте дуэли М. Ю. Лермонтова в Пятигорске стоит бюст поэта, его-то Л. Ю. и называет ужасным.

⁴⁰ Публикуется впервые.

⁴¹ О. Л. Леонидов.

⁴² См. примеч. 29.

⁴³ Наталья Брюханенко.

⁴⁴ Фиалка — Виолетта Давидовна Штеренберг (1918–1995), художница, дочь Д. П. Штеренберга.

⁴⁵ Племянник О. М. Брика.

⁴⁶ Неустановленное лицо.

⁴⁷ Вера Топер, сестра О. М. Брика.

⁴⁸ Статья О. Брика «Звуковые повторы» печаталась в Сборниках по теории поэтического языка: Поэтика. П., 1917. Вып. 2. С. 24–62; П., 1919. Вып. 1. С. 58–98; также в: Two essays on poetic language // Michigan Slavic Materials. February 1964. № 5 (на рус. яз.). Статья «Ритм и синтаксис»: Новый ЛЕФ. 1927. № 3. С. 15–20; № 4. С. 23–29; № 5. С. 32–37; № 6. С. 33–39; Two essays on poetic language // Michigan Slavic Materials. February 1964. № 5 (на рус. яз.); также в сокращении: [Валуженич, 1993. С. 58–62]. Проект ГИХЛ о перепечатке указанных статей О. Брика не был реализован.

⁴⁹ Проект реализован не был.

⁵⁰ О. М. планирует надолго уехать в Ростов к Л. Ю.

⁵¹ Публикуется впервые.

⁵² См.: *Корольченко А. Ф.* Выбитый генералитет. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 159–160. Исправлена по содержанию аттестации ее датировка.

⁵³ Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. Письмо № 12. Триоле — Брик от 8 июня 1934 г.

⁵⁴ Б. А. Пильняк являлся председателем Всероссийского союза писателей и был одним из самых издаваемых прозаиков 1920–1930-х гг., несмотря на постоянную критику, в частности за формализм и идеологические ошибки. В 1926 г. вышла его «Повесть непогашенной луны», вызвавшая резкие нападки официальной критики, поскольку сюжетом для нее послужил слух о том, что революционный военачальник Фрунзе был принудительно положен на хирургический стол и умерщвлен по высочайшему указанию. В 1929 г. опубликовал в Берлине повесть «Красное дерево», в которой изобразил разочарованных участников революции и которая также подверглась резкой критике (в т. ч. Маяковским). В 1937 г. был арестован, затем обвинен в шпионаже в пользу Японии и расстрелян.

⁵⁵ Юдин Павел Федорович (1899–1968) — партийный деятель. В 1932–1938 гг. — директор Института красной профессуры.

⁵⁶ Боярский Константин Федорович (1915–1974) — в 1935–1941 гг. балетмейстер театра им. С. М. Кирова (Ленинград).

⁵⁷ Гедике Александр Федорович (1877–1957) — композитор, пианист, педагог, основатель советской органной школы.

⁵⁸ Бескин Осип Михайлович (1892–1969) — критик, заведующий литературно-художественной частью Госиздата.

⁵⁹ *Брик О. М.* Дух простокваши // Лит. Газета. 1934. № 81. 26 июня (см. в приложении, с. 448).

⁶⁰ Динамов (наст. фамилия — Оглодков) Сергей Сергеевич (1901–1939) — литературовед и редактор, был принят в ССП в один день с О. Бриком — 22 мая 1934 г.

С 1930 г. он заведовал кафедрой методологии литературы факультета литературы и искусства МГУ; работал директором Литературного Института красной профессуры, который сам окончил; был редактором журнала «Интернациональная литература». Совместно с А. А. Смирновым выступил редактором полного собрания сочинений Шекспира в 8 томах («Academia» — Гослитиздат, 1936—1950). Автор множества статей и книг о Шекспире.

⁶¹ Пунин Николай Николаевич (1888—1953) — искусствовед, художественный критик. В 1918—1921 гг. работал в отделе ИЗО Наркомпроса, был близко знаком с Маяковским и Бриками.

⁶² В состав редакции «Литературной газеты» в июне 1934 г. входили А. Болотников (ответственный редактор), М. Кольцов, В. Лидин, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Субоцкий, М. Чарный, С. Усиевич.

⁶³ Публикуется впервые.

⁶⁴ Публикуется впервые.

⁶⁵ Публикуется впервые.

⁶⁶ Публикуется впервые.

⁶⁷ Публикуется впервые.

⁶⁸ «Большой террор» Р. Конквиста по-русски был опубликован в журнале «Нева», № 2 за 1990 г. В оригинальной работе (Conquest R. *The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties*. London, 1965) автор ссылается на: Erickson J. *The Soviet High Command*. L.: St. Martin Press, 1962. P. 376—377. Оба указанных оригинальных источника мне неизвестны.

⁶⁹ Цит. по: Катанян В. В. Прикосновение к идолам. М.: Вагриус, 1997. С. 134.

⁷⁰ Соловьев Владимир Николаевич — театральный режиссер и педагог, театровед. Специалист по западно-европейскому театру.

⁷¹ Февральский А. Постановки «Мистерии-буфф» вступ. статья к 3-му тому Полного собрания сочинений В. В. Маяковского. М.: ГИХЛ, 1934. С. 10.

⁷² Лит. газета. 1934. 6 авг.

⁷³ Лит. газета. 1934. 12 авг.

⁷⁴ См.: [Лиля Брик — Эльза Триоле...] Письмо Э. Триоле № 12 от 8 июня 1934 г.

⁷⁵ Бухарин Николай Иванович (1888—1938) с 1934 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б); в 1934—1937 гг. — главный редактор газеты «Известия».

⁷⁶ Харик Исаак (Изи) Давыдович (1898—1937) — еврейский поэт, писавший на идиш; его стихи посвящены Гражданской войне и переменам в жизненном укладе еврейских местечек. Делегат Первого съезда писателей.

⁷⁷ См.: Исбах А. А. Луи Арагон: Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1962. С. 51—52, с цитированием стенографического отчета «Первый Всесоюзный съезд советских писателей» (М.: Гослитиздат, 1934. С. 355—356).

⁷⁸ Публикуется полностью. В сокращении: Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 244.

⁷⁹ Маргарита Ивановна, жена О. Л. Леонидова.

⁸⁰ Международный юношеский день отмечался в 1915—1945 гг.

⁸¹ Примаков в отъезде, откуда он должен дать телеграмму.

⁸² См. примеч. 55.

⁸³ Аросев Александр Яковлевич (1890—1938) — партийный и общественный деятель, с 1934 г. являлся председателем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Репрессирован, расстрелян.

⁸⁴ П. И. Лавут, устраивавший лекционные поездки Маяковского в 1926—1930 гг.

⁸⁵ Рафаэль Альберти, испанский поэт.

⁸⁶ 31 августа 1934 г. в газете «Правда» была опубликована речь комсомольского поэта Александра Безыменского «Стихи поэта — оружие пролетарской революции». Там же — речь Демьяна Бедного «О поэтах-бойцах». В ее печатной версии было сказано: «*Загляните в розданный вам текст печатного бухаринского доклада. Как там обстоит дело со мной! Бухарин взял труп Есенина, положил меня на этот труп и присыпал сверху прахом Маяковского. Точка. "Покойся с миром. Поговорим о живых". Я, оказывается, уже не бухаринский современник*» (См.: Максименков Л. В. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946)... // Вопр. лит. 2003. № 5).

⁸⁷ Н. В. Уборевич.

⁸⁸ Александра Гавриловна, сестра Евгении Гавриловны Соколовой (Жемчужной), собирается приехать на дачу в Красково навестить больную сестру.

⁸⁹ Н. Д. Штеренберг.

⁹⁰ Малаховка — подмосковный поселок недалеко от Красково.

⁹¹ Публикуется впервые.

⁹² Неустановленное лицо.

⁹³ Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945), брат жены А. А. Жданова, в 1932–1936 гг. работал в аппарате ЦК ВКП(б), «кадровый аппаратчик»; должность I-го секретаря ССП СССР занимал с 1934 по 1936 г.

⁹⁴ Публикуется впервые.

⁹⁵ По-видимому, отсутствует первое письмо О. М. из Кисловодска, в котором он сообщает о своем устройстве в санаторий СКВО, или между Бриком и Л. Ю. уже состоялся телефонный разговор.

⁹⁶ Мать О. М. Брика.

⁹⁷ Привилегированный распределитель в Златоустинском переулке на Лубянке.

⁹⁸ В РГАЛИ (Фонд № 2679. Кулешов Л. В. и Хохлова А. С.) находится литературный сценарий Л. В. Кулешова и Л. Ю. Брик «Лейла и Сергей».

⁹⁹ Публикация не обнаружена.

¹⁰⁰ Арагоны уехали на лечение и отдых на Кавказ.

¹⁰¹ Упомянутые вырезки в письме отсутствуют.

¹⁰² Публикуется впервые.

¹⁰³ Публикуется впервые.

¹⁰⁴ Публикуется впервые.

¹⁰⁵ Фильм по сценарию Л. В. Кулешова и Л. Ю. Брик «Лейла и Сергей» поставлен не был.

¹⁰⁶ Публикуется впервые.

¹⁰⁷ О. М. считает, что Примакову не следует доставать путевки в рядовой санаторий СКВО, используя свои бывшие связи в Ростове, а в лучший санаторий, более соответствующий его новому служебному положению.

¹⁰⁸ Публикуется впервые.

¹⁰⁹ Подмосковный дачный поселок, где Примакову выделили дачу.

¹¹⁰ По-видимому, от продажи фотоаппарата «Лейка».

¹¹¹ Публикуется впервые.

¹¹² Примаков находится в служебной командировке, откуда и пишет.

¹¹³ Публикуется впервые.

¹¹⁴ Неустановленное лицо. Но, возможно, речь идет о дальних родственниках Л. Ю. Брик, если вспомнить о том, что ее кузина — Регина Федоровна Глаз.

¹¹⁵ Публикуется впервые.

¹¹⁶ Либретто, написанное О. Бриком.

¹¹⁷ Юков Константин Юлианович (1901–1939) — ответственный кинороботник.

¹¹⁸ Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938) — партийный деятель. С 1930 г. — председатель «Союзкино»; в 1933–1938 гг. — начальник Главного управления кинопромышленности и зам. председателя Комитета по делам искусств. Репрессирован, расстрелян.

¹¹⁹ «Интервенция» — пьеса Л. И. Славина (1932).

¹²⁰ Военное ведомство наркомата, занимавшееся хозяйственными делами.

¹²¹ Публикуется впервые.

¹²² Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 57].

¹²³ В. М. Горожанин.

¹²⁴ В московской квартире Примакова был установлен телефонный аппарат, включенный в телефонную станцию правительственной связи, через которую можно было напрямую связаться с руководителями высокого ранга и госучреждениями.

¹²⁵ Порученец В. М. Примакова.

¹²⁶ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 58].

¹²⁷ Московское общество драматургических писателей и композиторов.

¹²⁸ Неустановленное лицо.

¹²⁹ Глух А. Крестьянское восстание на оперной сцене // Сов. музыка. 1934. № 3.

¹³⁰ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — русский певец (лирический тенор). С 1897 г. до конца жизни выступал на сцене Большого театра. Скончался 14 октября 1934 г.

¹³¹ Розанов Владимир Николаевич (1872–1934) — советский хирург, профессор, Герой Труда (1923). С 1929 г. заведовал хирургическим отделением Кремлевской больницы. 24 апреля 1922 г. оперировал В. И. Ленина, извлек пули, оставшиеся после покушения на его жизнь 30 августа 1918 г. С 1931 г. возглавлял кафедру хирургии в Центральном институте усовершенствования врачей. Скончался 16 октября 1934 г.

¹³² О. М. осматривает «Елисеевский гастроном» на Тверской улице и кафе на Страстной площади, открытые после длительного ремонта.

¹³³ В. Л. Жемчужный должен работать над сценарием по либретто О. Брика «Цыганка».

¹³⁴ «Камаринский мужик» отдельным изданием не выходил; о каком одномомнике Маяковского идет речь, неясно.

¹³⁵ Беспалов Иван Михайлович (1900–1937) — литературовед, критик, редактор ряда журналов, в том числе «Красная новь». Репрессирован, расстрелян.

¹³⁶ О какой книге Э. Триоле идет речь, неясно.

¹³⁷ Домработница.

¹³⁸ Публикуется впервые.

¹³⁹ Я. С. Агранов.

¹⁴⁰ В это время Арагон работает над романом «Базельские колокола» (Les cloches de Bale), открывающим цикл «Реальный мир».

¹⁴¹ Здесь впервые и едва ли не единственный раз в публикуемой переписке упоминается мать В. М. Примакова — Варвара Николаевна. Л. Ю. последовательно заботится о своевременном оказании материальной помощи матерям своих мужей — Брика, Маяковского, Примакова.

¹⁴² Публикуется полностью.

¹⁴³ Подвойский Николай Ильич (1880–1948) — партийный деятель; один из главных руководителей вооруженного восстания в Петрограде, командовал отрядами при штурме Зимнего дворца.

¹⁴⁴ Л. Брик и В. Примаков совместно работают над неким сценарием, сведения о котором отсутствуют.

¹⁴⁵ Публикуется впервые.

¹⁴⁶ Фанни Ефимовна (Нюрина).

¹⁴⁷ Кауфман Михаил Абрамович (1897–1980) — кинодеятель, сценарист, режиссер, оператор. Брат кинорежиссера Дзиги Вертова и французского и американского режиссера Бориса Кауфмана.

¹⁴⁸ Публикуется впервые.

¹⁴⁹ Публикуется впервые.

¹⁵⁰ Публикуется впервые.

¹⁵¹ О. М., будучи в Кисловодске, оставил книгу Стендаля у фотографа.

¹⁵² «Дон Диего и Пелагея» — фильм по мотивам фельетона А. Зорича «Дело Пелагеи Деминой», выпущенный кинокомпанией «Межрабпом-Русь» в 1927 г. Сценарий А. Зорича, режиссер Я. Протазанов.

¹⁵³ В эпизодической роли Главного бюрократа был снят О. М. Брик.

¹⁵⁴ Публикуется впервые.

¹⁵⁵ Л. Ю. передала с возвращающимся из Кисловодска в Москву О. М. сувенирные куклы для Евгении Гавриловны.

¹⁵⁶ Публикуется впервые.

¹⁵⁷ Оперетта Рудольфа Фримля и Герберта Стотхарта, написанная в 1924 г.

¹⁵⁸ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 59].

¹⁵⁹ В «Литературной газете» вскоре будут опубликованы следующие материалы О. М. Брика: статья «Специфика и штамп» (30 октября); перевод стихотворения Арагона «Февраль», отрывок (6 ноября); статья «Уже при социализме» (10 ноября); в журнале «Литературный критик» — статья «О пользе творческих объединений» (1934. № 5. С. 155–160).

¹⁶⁰ В. Л. Жемчужный.

¹⁶¹ Опера Д. Д. Шостаковича (1932).

¹⁶² Голованов Николай Семенович (1891–1953) — советский дирижер, в 1919–1936 гг. — дирижер Большого театра.

¹⁶³ Кубацкий Виктор Львович (1891–1970) — виолончелист, солист оркестра Большого театра, профессор Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

¹⁶⁴ Композитор Валерий Желобинский, с которым О. М. Брик работал над созданием опер «Камаринский мужик» и «Именины».

¹⁶⁵ Репетиции оперы «Именины» идут в МАЛЕГОТЕ.

¹⁶⁶ Жевержеев Левкий Иванович (1881–1942) — уникальная личность: фабрикант, библиофил, критик, искусствовед, коллекционер, меценат, председатель петербургского общества художников «Союз молодежи» в 1910–1913 гг. Мусульманин, обратившийся в христианство, он владел фабрикой, которая поставляла золототканые и парчовые ризы и прочие уникальные церковные аксессуары по всей России. Великолепный знаток искусства, близкий знакомый Хлебникова, Маяковского, Крученых, Татлина, Малевича и др. замечательных людей своей эпохи. Собранная им коллекция стала основой Театрального музея в Петербурге, а сам Жевержеев — его первым директором после Революции.

¹⁶⁷ Публикуется впервые.

¹⁶⁸ Бывшие сослуживцы Примакова по СКВО обещают прислать ему машину для поездки на экскурсию.

¹⁶⁹ «Бухта Смерти» — фильм, выпущенный 1-й фабрикой Госкино в 1926 г. Сценарий Б. Леонидова, режиссер А. Роом, оператор Е. Славинский. Надписи В. Шкловского.

¹⁷⁰ Публикуется впервые.

¹⁷¹ Публикуется впервые.

¹⁷² Николаев Леонид Васильевич (1904—1934) работал в Ленинграде инструктором историко-партийной комиссии Института истории ВКП(б). Был расстрелян, его семья (жена, Мильда Драуле, мать, сестра, брат и др. родственники) репрессирована. Двое маленьких детей — сыновья 6,5 и 3 лет — попали в детский дом.

¹⁷³ Молотов (наст. фамилия — Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) с 1930 г. являлся председателем СНК СССР. Доверенное лицо Сталина, вместе с ним подписывал все важнейшие постановления, а также расстрельные списки на высших парт- и госаппаратчиков. Именно Молотов предложил судить «по спискам», а не по отдельности, чтобы сократить затраты времени.

¹⁷⁴ Жданов Андрей Александрович (1896—1948) в феврале 1934 г. был избран секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК. После убийства Кирова, оставаясь секретарем ЦК и членом Оргбюро, в декабре 1934 г. стал секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Постоянно требуя усиления борьбы с «врагами народа», Жданов стал главным организатором уничтожения партийно-хозяйственной элиты СССР в 1936—1938 гг.

¹⁷⁵ Ежов Николай Иванович (1895—1940) — один из руководителей органов государственной безопасности. С ноября 1930 г. заведовал распредотделом, отделом кадров, промышленным отделом ЦК ВКП(б). Одновременно в 1933 г. был назначен председателем Центральной комиссии по чистке партии. С 1934 г. — член ЦК ВКП(б), с 10 февраля — член Оргбюро ЦК и бюро Комиссии партийного контроля. С февраля 1935 по март 1939 г. — председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С 1 февраля 1935 г. — секретарь ЦК ВКП(б). 26 сентября 1936 г. назначен наркомом внутренних дел СССР. Провел чистку выдвинутцев Г. Г. Ягоды, большинство из которых были арестованы и расстреляны. По указанию Сталина начал развертывание массовых репрессий, которые в первую очередь затронули руководящий партийный, хозяйственный, административный и военный состав. За короткое время имя Ежова стало наводить ужас на граждан СССР, позже советские историки назовут период 1937—1938 гг. «ежовщиной». Сам Ежов также был осужден (по обвинению в подготовке государственного переворота) и расстрелян.

¹⁷⁶ Косарев Александр Васильевич (1903—1938) — с 1934 г. член ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК. В 1929—1938 гг. — генеральный секретарь ВЛКСМ. Репрессирован, расстрелян.

¹⁷⁷ Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) в 1934 г. впервые выбран членом ЦК ВКП(б), в марте 1935 г. — членом ЦИК СССР и президиума. В 1937—1938 гг. устроил «большие чистки» среди грузинских и армянских партийных организаций. С 30 января 1941 по 6 июля 1945 г. являлся Генеральным комиссаром государственной безопасности. После смерти Сталина стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно Министром внутренних дел СССР. Вскоре был осужден по ряду обвинений, в том числе в организации незаконных репрессий, и 23 декабря 1953 г. расстрелян.

¹⁷⁸ Цит. по: *Успенский В.* Тайный советник вождя [Электронный ресурс] // Большая бесплатная библиотека: сайт. URL: http://m.tululu.org/bread_16451_536.shtml.

1935 год

¹ См.: О деле так называемого «Московского центра» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7.

² Вейшинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — дипломат, юрист, доктор юридических наук, академик АН СССР (1939). С июня 1933 г. — зампрокурора, а с марта 1935 по май 1939 г. — прокурор СССР. Выступал как государственный обвинитель на всех трех «московских процессах», от начала до конца фальсифицированных НКВД (1936–1938).

³ Шейнин Лев Романович (1906–1967) — юрист, прозаик (наиболее известны его «Записки следователя» 1938 г.), сценарист («Поединок» 1944 г., «Встреча на Эльбе» 1947 г. и др.). В 1923–1950 гг. работал следователем Прокуратуры СССР и активно участвовал в процессах 1937–1938 гг., а впоследствии был задействован в Нюрнбергском процессе в качестве одного из четырех помощников главного обвинителя от СССР (1945–1946). В 1960-е занимал посты члена худсовета Минкультуры СССР, главного редактора «Мосфильма», руководителя отдела драматургии Союза писателей СССР.

⁴ См. примеч. 1.

⁵ Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) — один из главных организаторов террора. С декабря 1917 г. являлся председателем Петроградского совета. После убийства М. С. Урицкого (1918) предложил «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице». После этого были созданы «тройки», которые развернули в Петрограде вакханалию красного террора. Организовал высылку дворян и буржуазии на север, где большинство погибло. В обществе одно его имя вызывало страх и отвращение, и его называли «Кровавой Гришкой» или «Гришкой Вторым» (по аналогии с Г. Е. Распутиным). После смерти Ленина объединился со Сталиным и Каменевым для борьбы против Троцкого. Один из тех, кто сыграл решающую роль в утверждении у власти Сталина, считался одним из ближайших друзей вождя. Однако потом занял непоследовательную позицию, то сближаясь с Троцким, то отрекаясь от него, за что трижды исключался из партии и отправлялся в ссылку; после «чистосердечного раскаяния» его восстанавливали в партии и ставили на невысокие должности. Был арестован 16 декабря 1934 г. и ровно через месяц на открытом процессе по делу «Московского центра» приговорен к десяти годам тюремного заключения. На суде полностью выполнил приказ чекистов, очернив себя и своих коллег, писал Сталину, «что я Ваш душой и телом, что понял все, чтобы заслужить прощение, снисхождение». В 1936 г. Зиновьева освободили, но вновь привлекли к пропагандистскому процессу, теперь уже по делу «Антисоветского троцкистско-зиновьевского центра», где он стал главным обвиняемым. Сталин на личном приеме обещал Зиновьеву, а заодно его товарищу Каменеву сохранить жизнь, если они признают все предъявленные обвинения. И хотя Зиновьев согласился, 24 августа 1936 г. он был приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁶ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) — революционер, соратник Ленина, зять Л. Д. Троцкого. С октября 1918 по май 1926 г. — председатель Моссовета. С марта 1919 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1919–1920 гг. — член Оргбюро ЦК. Во время «дискуссии о профсоюзах» (1920–1921) выступал в поддержку Ленина и Зиновьева. Третьего апреля 1922 г. именно Каменев выступил с предложением назначить Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б). С декабря 1922 г. — член Президиума ЦИК СССР. Был в числе виднейших большевиков, правивших страной вместо больного Ленина; еще при Ленине он, как правило,

председательствовал на заседаниях Политбюро. Поддерживал Сталина и Зиновьева в борьбе с Троцким. В 1925—1927 гг. — один из руководителей «новой оппозиции». На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. заявил: «Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба. Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя». В то же время постоянно метался то к Троцкому, то от него, чем полностью дискредитировал себя в глазах партийцев и сыграл на руку Сталину. Трижды исключался из партии. В декабре 1933 г. в третий раз восстановлен в ВКП(б) и назначен директором издательства «Академия». С 1934 г. — директор Института мировой литературы АН СССР. Как и Зиновьев, был арестован 16 декабря 1934 г. по делу «Московского центра» и через месяц приговорен к пяти годам тюрьмы. В июне 1935 г. привлечен к делу «Кремлевской библиотеки и комендатуры Кремля» и приговорен к десяти годам тюрьмы. В августе 1936 г. по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁷ Евдокимов Григорий Еремеевич (1884—1936) — один из ближайших соратников Зиновьева, участвовал в организованных им репрессиях против «классовых врагов», когда в городе были «нейтрализованы» практически все представители «эксплуататорских классов». В 1923—1925 гг. — зам. председателя Петроградского совета. С 1923 г. — член ЦК РКП(б). С сентября 1925 г. — 1-й секретарь «новой оппозиции», после чего был снят со всех постов и исключен из партии. Был одним из главных обвиняемых на открытом фальсифицированном процессе по делу «Московского центра» и 16 января 1935 г. приговорен к восьми годам тюрьмы. В августе 1936 г. вновь привлечен к открытому процессу по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁸ Красная звезда. 1935. № 19. 22 янв.

⁹ Красная звезда. 1935. № 23. 28 янв.

¹⁰ Красная звезда. 1935. № 44. 22 февр.

¹¹ Компания все же незаурядная: Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969), имевший непосредственное отношение к организации сталинских репрессий, в это время нарком обороны СССР (1934—1941); Михаил Николаевич Тухачевский (см. примеч. 1931 — 4) — его заместитель; Семен Михайлович Буденный (1883—1973), командующий Первой конной армией РККА в Гражданскую войну, в 1935 г. — инспектор кавалерии РККА (эту должность он занимал с 1924 по 1937 г.), а в сентябре того же года ему и Тухачевскому будет присвоено звание Маршала Советского Союза.

¹² Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 60].

¹³ Кошки в московской квартире.

¹⁴ Публикуется впервые.

¹⁵ Племянница О. М. Брика, дочь его младшего брата Павла.

¹⁶ Хала — субботний, праздничный еврейский хлеб из слобного дрожжевого теста. Следует добавить, что 1 января 1935 г. в СССР отменили продуктовые карточки на хлеб, после чего цена его, а также муки выросла. С 1 октября того же года будут отменены карточки и на другие продукты.

¹⁷ Возможно, сестра Полины Юрьевны, матери О. М. Брика.

¹⁸ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 61].

¹⁹ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 62].

²⁰ Дмитриев Владимир Владимирович (1900—1948) — театральный художник.

²¹ Нина — неустановленное лицо; М. Канин — административный работник МАЛЕГОТА; Эммануил Иосифович Каплан — режиссер МАЛЕГОТА.

²² Ботвинник Михаил Моисеевич (1911–1995) в это время уже двукратный (1931, 1933) чемпион СССР по шахматам; в 1935 г. стал гроссмейстером СССР и женился на Гаянэ Анановой — балерине Мариинского театра.

²³ Прежнее название МАЛЕГОТА.

²⁴ «Любовь и ненависть» («Межрабпомфильм», 1935) — наиболее известный фильм Альберта Гендельштейна (1906–1981), посвящен борьбе шахтерских жен с белогвардейцами.

²⁵ Попов Гавриил Николаевич (1904–1972) — советский композитор, автор 6 симфоний, всего написал более сотни произведений. Сочинил музыку для знаменитого кинофильма «Чапаев» и др.

²⁶ Публикуется впервые.

²⁷ Пьеса А. М. Горького «Егор Булычев и другие».

²⁸ Я. С. Агранов.

²⁹ Племянница О. М. Брика.

³⁰ В книге «Двадцать лет Государственного академического Малого оперного театра. 1918–1938» (Л.: Изд-ие МАЛЕГОТ, 1939) перечислены 20 статей о постановке оперы «Именины», вышедшие в 1934–1935 гг.

³¹ Цит. по: *Брик О. М.* Повесть и либретто // Именины: буклет. Л.: Изд-ие МАЛЕГОТ, 1935. С. 18–20.

³² Дзержинский Иван Иванович (1909–1978), автор оперы «Тихий Дон» (по роману М. Шолохова), рекомендованной Шостаковичем для репертуара Ленинградского малого театра оперы и балета. В 1935 г. опера была поставлена и вошла в репертуар многих театров. Кроме того, написал оперы «Поднятая целина» (1937), «Волочаевские дни» (1939), «Надежда Светлова» об обороне Ленинграда (1943) и др., а также создал ряд камерных произведений.

³³ Об этой статье С. Динамова (примеч. 1934 — 60) см. в части «1934 год», глава «Дух простокваши», с. 206.

³⁴ По адресу: Полуэктов (потом — Сеченовский) переулок, д. 5, кв. 23.

³⁵ Холст, масло, 180 × 130. См.: Художник Николай Денисовский (1901–1981). Каталог / авт.-сост. Л. Е. Колесникова. М., 2004. Портрет впервые экспонировался в 2004 г. на выставке Н. Ф. Денисовского в ГММ.

³⁶ Письмо было написано под диктовку Малевича его третьей женой, художницей Натальей Андреевной Малевич (урожд. Манченко) (1902–1990).

³⁷ Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) — член ЦК партии, нарком просвещения РСФСР (сентябрь 1929 — октябрь 1937).

³⁸ Ленинградское отделение Союза советских художников.

³⁹ Консилиум подтвердил заболевание раком предстательной железы; диагноз от Малевича скрывали.

⁴⁰ См. письмо в части «1934 год», глава «Лиля Брик и Казимир Малевич», с. 214.

⁴¹ См.: [Малевич. Т. 2. С. 318–319].

⁴² См.: Малевич о себе. Т. 1. Письма К. Малевича Л. Лисицкому: № 124 от 04.07.22 (с. 153); № 133 от 06.09.024 (с. 162); № 140 от 11.02.25 (с. 172).

⁴³ Гарри Блюменфельд рисовал Л. Ю. обнаженной в Мюнхене в 1912 г., место нахождения портрета неизвестно. Борис Григорьев создал ее портрет в 1916 г. в Петрограде, а в марте 1917-го картина была показана на выставке «Мир Искусства». Позже Л. Ю. вспоминала: «Осенью (1918) надо было возвращаться в город, а платить за пансион нечем. Продали художнику Бродскому мой портрет, написанный Борисом Григорьевым в 1916 году, огромный, больше натуральной величины. Я лежу на траве, а сзади что-то вроде зарева. Маяковский называл этот портрет “Лиля в разливе” Портрет этот исчез бесследно» (Дружба народов. 1989. № 3. С. 194).

⁴⁴ Стихотворение «Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский» было впервые напечатано (Огонек. 1935. № 36. 30 дек. С. 3) уже после того, как вождь назвал Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», после чего все советские газеты и журналы стали усердно доказывать свою любовь и признание «Поэту № 1». Журнальная публикация сопровождалась честной ремаркой: «по списку Д. П. Штеренберга». Позже был найден белой автограф стихотворения на двух листах с авторской правкой, который хранится сейчас в Музее Маяковского (Р-5297). Однако впоследствии в солидном сводном каталоге документальных материалов поэта (В. В. Маяковский. Описание документальных материалов. Выпуск 2. Москва: ЦГАЛИ, ГММ, 1965. С. 29) в адрес «Огонька» прозвучал незаслуженный упрек в этой «неточности», но другого-то первоисточника стихотворения у публикаторов в 1935 г. не было.

⁴⁵ Собственно, примечание было, по-видимому, более объемным. Можно предположить, что составители тома дали развернутую характеристику адресату стихотворения — Д. П. Штеренбергу — как известному художнику-авангардисту. Но этот том выходил в свет уже в 1936 г., когда страна вела широким фронтом борьбу с формализмом (и формалистами!), авангардизмом (и авангардистами!), и политическая цензура заставила сократить уже напечатанное (!) примечание к стихотворению. Пришлось перепечатывать последние два листка тома (с. 483–484, 485–486) и заменять их во всем тираже — 10 000 (!) экземпляров (что осталось заметным). Неподготовленный читатель так и остался в неведении, кто же этот «милый Давид», которому «лучший, талантливейший поэт» посвятил стихотворение. Но наступало такое время, когда вопросы задавать было не принято, даже если они и возникали.

⁴⁶ Д. П. Штеренберг. Портрет Л. Ю. Брик. 1935. Холст, масло. 105 × 137. Собрание В. А. Катаняна // Давид Штеренберг. Альбом / авт.-сост. М. П. Лазарев. М.: Галактика, 1992. (Новая галерея. 20 век). С. 202, 226.

⁴⁷ В архиве сохранилась машинописная копия еще одного завещания К. С. Малевича, которое по стилю напоминает предсмертное письмо В. В. Маяковского [Малевич. Т. 1. С. 573]:

Москва. Кремль. Правительству.

Предсмертная просьба пенсионера Республиканского значения художника Казимира Севериновича Малевича.

Уважаемое и дорогое Правительство.

Прошу обеспечить мою семью пенсией, которая дала бы возможность ей прожить.

Семья моя состоит из жены Натальи Андреевны Малевич, дочери школьницы 13 лет (пионерки) и матери 75 лет, а также о разрешении вопроса об издании моей биографии, имею 40-летний стаж общественно-революционной деятельности и по искусству. Участвовал в боях революции 1905 г., о чем есть свидетели старые большевики — Кирилл Иванович Шутко, Нина Агаджанова и Тиртадов. В Октябрьскую революцию принимал самое глубокое участие и нес разные службы.

С товарищеским приветом К. Малевич 1933, 1 Декабря

Дошло ли до «уважаемого и дорогого Правительства» это обращение, неизвестно. Зато известно, что не было выполнено ничего, о чем просил умирающий незаурядный художник.

⁴⁸ Айни Садриддин Саидмуратович (1878–1954) — таджикский писатель, ученый, общественный деятель. Роман «Дохунда» написан им в 1928 г., опубликован в 1930 г.

⁴⁹ Фильм «Потомок Чингис-хана», в зарубежном прокате — «Буря над Азией» (8 частей, 3092 м), был снят на киностудии «Межрабпомфильм». Премьера состоялась 10 ноября 1928 г. Режиссер — В. Пудовкин. Сценарий О. М. Брика (по одноименному роману И. М. Новокшенова). Вролях: В. Инкижинов, А. Чистяков, А. Судакевич, Б. Барнет, В. Цоппи и др. Фильм озвучен в 1949 г. Литературный сценарий О. М. Брика «Потомок Чингис-хана» впервые опубликован: [Валуженич, 1993. С. 63–73].

⁵⁰ Публикуется впервые.

⁵¹ Публикуется впервые.

⁵² Публикуется впервые.

⁵³ Публикуется впервые.

⁵⁴ Публикуется впервые.

⁵⁵ Публикуется впервые.

⁵⁶ Известное московское дореволюционное фотоателье.

⁵⁷ Предполагается совместная жизнь на даче с О. Бриком и Е. Соколовой после их возвращения из Средней Азии.

⁵⁸ Вместо портрета О. М. Брика Штеренберг написал портрет Примакова.

⁵⁹ Так в подлиннике.

⁶⁰ По-видимому, решается вопрос о переводе Примакова в Ленинградский военный округ.

⁶¹ Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956) — писатель, поэт. По-видимому, имеются в виду его «Воспоминания (Встречи)», опубликованные в журнале «Литературный современник» (1935. № 3. С. 200–224).

⁶² Надежда Штеренберг и Василий Катаян.

⁶³ Неустановленная личность.

⁶⁴ Вера Топер (Брик).

⁶⁵ Имеется в виду валюта для Торгсина.

⁶⁶ Публикуется впервые.

⁶⁷ Вырезки в письме отсутствуют.

⁶⁸ 15 мая 1935 г. была пущена Кировско-Фрунзенская линия метро общей протяженностью около 12 км, прочертившая Москву с северо-востока на юго-запад. За считанные минуты теперь можно было добраться «от Сокольников до Парка на метро», как пел Леонид Утесов. Ближайшая к Спасопесковскому переулку на Арбате, где жили Брики, была станция метро «Смоленская».

⁶⁹ В. Л. Жемчужный родился 14 мая 1898 г.

⁷⁰ По-видимому, вопрос о переводе Примакова в Ленинград еще не решен.

⁷¹ См. примеч. 48.

⁷² Публикуется впервые.

⁷³ О какой статье идет речь, неизвестно.

⁷⁴ К. Кузнецов — один из двух операторов, снимавших «Дохунду».

⁷⁵ Публикуется впервые.

⁷⁶ Публикуется впервые.

⁷⁷ Скорее всего, О. М. поздравляет Жемчужного с прошедшим днем рождения (см. письмо Л. Ю. от 15 мая), а не Виталия Марковича с переводом в Ленинград (см. письмо О. М. от 22 мая), так как только по имени (без отчества) он Примакова нигде в переписке не называет.

⁷⁸ Публикуется впервые.

⁷⁹ Из записки, вложенной в полученную посылку, или по телефону от Л. Ю. Осип Максимович узнает о переводе Примакова на службу в Ленинградский военный округ и шлет свои поздравления.

⁸⁰ Дмитрий Алексеевич Познанский (1904—1943) — сценарист и режиссер, принадлежал к ныне почти забытым ярким представителям поколения первых выпускников Государственного техникума кинематографии. Автор фильмов «Ее путь» (1929), «Ненужная вражда» (1930) — как сценарист и режиссер; «Забить нельзя» (1931), «Ай-Гуль» (1936), «Поезд идет в Москву» (1938), «Воздушная почта» (1939) — как режиссер. Погиб на фронте.

⁸¹ Публикуется впервые.

⁸² Приехав по новому назначению в Ленинград, Примаков и Л. Ю. какое-то время живут в гостинице «Европейская». Л. Ю. собирается в день приезда О. М. и Жени также приехать в Москву, чтобы встретить их.

⁸³ Публикуется впервые. По каким-то причинам Л. Ю. повторяет свою телеграмму от 25 мая (№ 225), но она пришла в Сталинабад уже после отъезда О. М., была получена Л. В. Кулешовым и сохранилась у него. В настоящее время телеграмма находится в РГАЛИ (Ф. 2679. Кулешов. Оп. 1. Д. 1167).

⁸⁴ *Кулешов Л., Хохлова А.* 50 лет в кино (Мемуары кинематографистов). М.: Искусство, 1975. 303 с. С. 166—167.

⁸⁵ Цит. по: Ярмагов Камиль (1903—1978) — киноактер, кинорежиссер, один из основоположников кино в Средней Азии.

⁸⁶ Белов Иван Панфилович (1893—1938) — командарм 1-го ранга (1935). В июне 1937 г. входил в состав Специального военного присутствия Верховного суда СССР, которое приговорило к смертной казни восемь высших военачальников РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁸⁷ Гарькавый Илья Иванович (1888—1937) — комкор (1935). В 1935 г. был переведен из ЛВО командующим войсками Уральского военного округа; член Военного Совета при наркомате обороны СССР. Репрессирован, расстрелян.

⁸⁸ Неясно, что это за однотомика, но В. А. Катанян пишет: «...Когда Лиля Юрьевна переехала в Ленинград, ...Ленинградское отделение Гослитиздата согласилось на однотомику. Там приняли подготовленную Л. Ю. рукопись и даже набрали, а потом, после трех корректур, — рассыпали набор...» (Не только воспоминания. К истории издания Маяковского // Дружба народов. 1989. С. 224).

⁸⁹ Не удалось установить, над каким сценарием работали Л. Брик и В. Примаков.

⁹⁰ Цит. по: *Шаламова В.* Двадцатые годы: Заметки студента МГУ // Юность. 1987. № 11. Воспоминания В. Шаламова «Маяковский разговаривает с читателем» были напечатаны в журнале «Огонек» вместе со статьей О. Брика «О Маяковском» (1936. № 10. С. 1—2, 5).

⁹¹ Ошибка памяти: Библиотека-музей В. Маяковского была открыта в Гендриковом переулке (пер. Маяковского), д. 15/13, в 1937 г.

⁹² Цит. по: *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 1: 1938—1941. С. 118.

⁹³ *Маяковский В.* Избранное / ред. и коммент. В. Тренин, ст. Н. Плиско. М.: Детиздат, 1935. 192 с. 50 000 экз. (Шк. серия совр. писателей).

⁹⁴ Левин Мирон Павлович (1917—1940) — поэт, критик. Оставил несколько переводов из шотландского поэта Джона Дэвидсона, однако некоторые из них ставятся под сомнение — предполагается, что Левин мог выдавать собственные стихи за переводы.

⁹⁵ Цит. по: *Ярмагов К.* Возвращение: книга воспоминаний. М.: Искусство, 1980. С. 197. По-видимому, Ярмагов приезжал в Москву на павильонные съемки фильма «Дохунда». Фильм этот на экраны не вышел.

⁹⁶ Енукидзе Абель Сафронович (1877–1937) — с 31 декабря 1922 по 3 марта 1935 г. секретарь ЦИК СССР. С 1934 г. — член ЦК ВКП(б). 7 июня 1935 г. исключен из ЦК и из партии «за политическое и бытовое разложение» и назначен директором Харьковского областного автомобильного треста. Репрессирован, расстрелян.

⁹⁷ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 63].

⁹⁸ Николай Асеев.

⁹⁹ Вася, Сема и Клава: Василий Катанян, Семен и Клавдия Кирсановы.

¹⁰⁰ А. С. Щербаков, «кадровый аппаратчик»; в описываемое время 1-й секретарь ССП СССР.

¹⁰¹ Надежда Штеренберг.

¹⁰² Нина Владимировна Уборевич.

¹⁰³ Лев Гринкруг.

¹⁰⁴ Александра Сергеевна Хохлова (1897–1985) — киноактриса, педагог; жена Л. В. Кулешова.

¹⁰⁵ Галаджев Петр Степанович (1900 — 1971) — киноактер, художник; снимался в картинах Льва Кулешова.

¹⁰⁶ Главное управление печати (Главлит), которое проводило цензуру всей печатной продукции, усмотрело некоторые политические ошибки в поэме В. Маяковского «Пятый Интернационал», в то время как она готовилась во 2-й том Полного собрания сочинений В. Маяковского «Стихи и поэмы. 1917–1924» (М.: ГИХЛ, 1936).

¹⁰⁷ Зархи Натан Абрамович (1900–1935) — киносценарист, автор 15 сценариев и трех пьес. Вел педагогическую работу во ВГИКе. Погиб в автокатастрофе.

¹⁰⁸ Еще в 1933 г. О. М. Брик работал над сценарием фильма о «зубатовщине», героиней которого была Маня Вильбушевич.

¹⁰⁹ Егорова (Цешковская) Галина Антоновна (1898–1938) — актриса. Жена Маршала Советского Союза, начальника Генштаба РККА А. И. Егорова, впоследствии обвиненного по делу Тухачевского. И муж и жена репрессированы, расстреляны.

¹¹⁰ Б. В. Барнет снял в 1935 г. художественный фильм «У самого синего моря» («Межрабпомфильм» и «Азерфильм», 1936). Автор сценария К. Минц, оператор М. Кириллов, художник В. Аден.

¹¹¹ В. М. Примаков, очевидно, находился в Москве, и О. М. намеревался передать с ним письмо для Л. Ю.

¹¹² Речь идет о В. М. Горожанине и его критической работе об Анатоле Франсе. Василий Катанян пишет об этом (Распечатанная бутылка. С. 79):

В дореволюционной эмиграции В. М. Горожанин жил во Франции и, может быть, этим объясняется его пристрастие к Анатолю Франсу, которому он отдавал все свободное время. Он написал большую критическую работу о Франсе в оригинальной форме доклада некоего вымышленного кардинала святейшему папе, почему сочинения Франса должны быть обязательно внесены в Index librorum prohibitorum [лат. список запрещенных книг. — А. В.].

¹¹³ Очень вероятно, что речь идет о Евгении Владимировне Серебровской (урожд. Лукьяновой) (1907–1969), жене Александра Павловича Серебровского (1884–1938), с 1931 г. заместителя наркома тяжелой промышленности. Серебровский — участник трех революций, организатор нефтяной и золотой промышленности страны и ряда вузов в СССР. С 1924 г. одновременно с государственной деятельностью вел преподавательскую работу в Азербайджанском политехническом институте, Московской горной академии, Институте народного хозяйства

им. Г. В. Плеханова. Бел репрессирован, расстрелян. Е. В. Серебровская провела 18 лет в лагерях.

¹¹⁴ Сестра В. Маяковского.

¹¹⁵ О. М., работая над либретто оперы «Камаринский мужик» и изучая историю России XVII века, возможно, нашел какие-то искажения исторических фактов, связанных с царем Алексеем Михайловичем.

¹¹⁶ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 246.

¹¹⁷ По-видимому, по телефону О. М. сообщил Л. Ю. о своем предстоящем приезде в Ленинград к премьере оперы И. И. Держинского «Тихий Дон» (постановка М. Терешкович, художник Г. Руди). Премьера состоялась в МАЛЕГОТе 22 октября 1935 г.

¹¹⁸ Л. Ю. здесь называет МАЛЕГОТ по-старому, Михайловским театром.

¹¹⁹ В. М. Примаков.

¹²⁰ Замысел В. Желобинского написать оперу о Чапаеве реализован не был.

¹²¹ Примаков хорошо знал Щорса.

¹²² Публикуется впервые.

¹²³ *Неруда П.* Признаюсь: я жил. Воспоминания / предисл. Конст. Симонова. М.: Политиздат, 1978. 438 с.: ил. Цит. текст на с. 399.

¹²⁴ Живы, еще живы —

и любовь поэта из бронзы,
и хрупкая, более хрупкая, чем яйцо перепелки,
тоненькая, как свист дикого кенаря,
Лиля Брик. Она мой друг,
мой старый друг...

П. Неруда. Пер. Ю. Добровольской. [Катанян В. В., 1997. С. 154]

¹²⁵ Лиля Брик: «Я не могла поступить иначе...» / публ. Ар. Кузьмина // Слово. 1989. № 5. С. 79–80.

¹²⁶ Мальков Павел Дмитриевич (1887–1965) — член РКП с 1904 г., член ВЦИК; комендант Смольного (1917–1918) и Кремля (1918–1920). В публикации Ар. Кузьмина выше приводятся слова Л. Ю.: «*Виталий Маркович много лет дружил с Мальковым — комендантом Кремля, который в эту должность заступил при Ленине.*»

¹²⁷ *Дядичев В.* Прошлых лет изучая потемки: К истории резолюции Сталина о Маяковском // Москва. 1991. № 4. С. 187–200.

Дядичев Владимир Николаевич (род. в 1937 г.) — историк, литературовед, один из ведущих исследователей творческого наследия В. Маяковского, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН.

¹²⁸ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 176.

¹²⁹ Елена Юльевна Каган, мать Л. Ю. Брик.

¹³⁰ Цит. по: [Лиля Брик — Эльза Триоле. С. 55].

¹³¹ *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М.: Молодая гвардия, 1967. 3-е изд.

¹³² Паукер Карл Викторович (1893–1937) — один из руководителей органов государственной безопасности. С 1923 по 1937 г. был начальником Оперативного отдела ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, который ведал охраной руководителей партии, правительства и лично И. В. Сталина. Репрессирован, расстрелян.

¹³³ *Аллилуева С. И.* Двадцать писем к другу. М.: Известия, 1990. 176 с. С. 117.

¹³⁴ Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965) — с августа 1935 г. заведующий канцелярией генерального секретаря ЦК ВКП(б), с 1931 г. личный секретарь

Сталина и его наиболее доверенное лицо. Выполнял личные задания Сталина, готовил ему документы и т. д. Через него Сталину поступала вся информация любого характера. К каждому документу прикладывал листок с предложением конкретного решения, в большинстве случаев Сталин соглашался с его резолюциями.

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 80.

¹³⁶ Мать и сестры В. В. Маяковского.

¹³⁷ Лежнев Исая Григорьевич (1891–1955) — публицист, в 1935–1939 гг. редактор отдела критики и библиографии газеты «Правда», редактор журналов «Новая Россия» и «Россия».

¹³⁸ Мехлис Лев Захарович (1889–1953) — с 1930 г. редактор газеты «Правда» и одновременно заведомом печати и издательств ЦК ВКП(б). С февраля 1934 г. кандидат в члены, с октября 1939 г. член ЦК ВКП(б).

¹³⁹ Не думаю, что таким «кустарным» способом историческая резолюция И. В. Сталина попала в редакцию «Правды» (Ц. О.!). Скорее всего, туда передали копию резолюции вождя из секретариата Ежова, и на каком-то этапе копирования была допущена опечатка.

¹⁴⁰ Ошибка: Примаков был заместителем командующего ЛВО.

¹⁴¹ Галина Дмитриевна вновь ошибается: Е. Г. Соколова (Жемчужная) с О. М. Бриком в эти дни находились в Ленинграде.

¹⁴² Совершенно анекдотичная ситуация: Л. Ю. удалось пробраться через всю многоступенчатую сеть охраны вождя чуть ли не до его приемной, но он, как какой-нибудь председатель колхоза, не принял ее, а направил к своему подчиненному.

¹⁴³ Таль Борис Маркович (1898–1938) в 1935–1937 гг. заведовал отделом печати ЦК ВКП(б). Впоследствии был репрессирован, расстрелян.

¹⁴⁴ О пометах И. Сталина в письме Л. Ю. Брик см.: [Стрижнева С. Е.] «В том, что умираю, не вините никого?». М.: Эллис Лак, 2000. С. 7–8. В цитируемом здесь письме подчеркнутое Сталиным выделено курсивом.

¹⁴⁵ Впервые фотокопия первой страницы письма Л. Ю. с резолюцией на ней И. В. Сталина была опубликована В. Скорятиным как иллюстрация к его статье «Зевс осведомляет: Документы ОГПУ о гибели В. Маяковского» (Журналист. 1993. № 1. С. 69).

¹⁴⁶ См.: [Стрижнева. С. 8–9].

¹⁴⁷ Эту ставшую крылатой фразу И. В. Сталин произнес на Первом съезде станановцев в августе 1935 г.

¹⁴⁸ Цит. по: *Пастернак Б.* Люди и положения. М.: Сов. писатель, 1983. С. 458. У этой истории есть интересное продолжение (*Катанян В. В.* Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины. М.: Захаров: АСТ, 1998. С. 107–108):

Однажды, — дело было в Переделкине в конце пятидесятых, — Л. Ю., Семен Кирсанов и я, гуляя, шли мимо дачи Пастернака и заметили его в саду с лопатой (или тяпкой?) в руках.

— Бог в помощь! — крикнул Кирсанов.

Пастернак улыбнулся, подошел к забору, поздоровался. Он был рад увидеть Л. Ю. и Кирсанова. Все немного пошутили, и Кирсанов спросил, что он такое сажает. Выяснилось, что не сажает, а окучивает картошку, несколько кустов. Тут Л. Ю. заметила:

— Интересно, Боря, что б ты сейчас окучивал, если бы Екатерина насильно не ввела картошку на Руси? И что бы мы с тобой ели всю жизнь? Выходит, она была провидицей.

Все рассмеялись и разошлись. И лишь подходя к дому, Кирсанов не удержался:

— Эк вы его, Лиличка...

— Я его «эк», как вы выражаетесь, с глазу на глаз, а он Володю — на весь мир. Она глубоко лично воспринимала обиды, наносимые Маяковскому. И была обижена на Пастернака за «картошку», хотя со временем внутренне с ним согласилась.

¹⁴⁹ Włodzimierz Majakowski i jego czasy. Polska Akademia nauk. Instytut slawistyki. Warszawa, 1995.

¹⁵⁰ Началом антибриковской кампании послужили статьи В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» и «Трагедия поэта» (Огонек. 1968. № 16, 23, 26). См. также: *Валюженич А.* Операция «Огонек», или Как КПСС боролась с Лилей Брик (Библиография. 2001. № 5. С. 61–74; № 6. С. 81–96).

¹⁵¹ Бенгт Янгфельдт (род. 1948) — ученый-славист, профессор Стокгольмского университета; автор ряда работ о Маяковском и Бриках.

¹⁵² Парнис Александр Ефимович (род. 1938) — критик, литературовед, исследователь русского футуризма.

¹⁵³ Алафузо Михаил Иванович (1891–1937) — начальник кафедры организации и мобилизации Академии Генштаба РККА. Репрессирован, расстрелян.

¹⁵⁴ См. примеч. 1933 — 7

¹⁵⁵ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) с августа 1933 г. занимал должность зам. командующего войсками Белорусского, с сентября 1935 г. — Киевского военного округа. С июня 1937 г. — командующий войсками Северо-Кавказского, с сентября 1937 г. — Харьковского, с февраля 1938 г. — Киевского Особого военных округов. Причастен к проведению массовых арестов высшего и среднего состава на Украине. В 1940 г. присвоено звание Маршала Советского Союза.

¹⁵⁶ Туровский Семен Абрамович (1895–1937) — армейский инспектор Киевского Особого военного округа. Репрессирован, расстрелян.

¹⁵⁷ См. примеч. 1933 — 16.

¹⁵⁸ См. примеч. 1933 — 8.

¹⁵⁹ Эйдеман Роберт Петрович (1895–1937) — в 1932–1934 гг. член Реввоенсовета Республики. С 1932 г. являлся председателем Центрального совета Осоавиахима. Репрессирован, обвинен в участии в антисоветском, троцкистском, военно-фашистском заговоре, расстрелян вместе с Тухачевским и Примаковым.

¹⁶⁰ Виктор Суворов (наст. имя — Владимир Богданович Резун) (род. 1947) окончил Калининское суворовское и Киевское высшее общевойсковое командное училища, был офицером разведуправления штаба округа. С 1970 г. — в номенклатуре ЦК КПСС. В 1974 г. окончил Военно-дипломатическую академию. Четыре года работал в Женевской резидентуре ГРУ. В 1978 г. бежал в Великобританию. В СССР приговорен к расстрелу. Автор нескольких книг, получивших большую популярность и переведенных на ряд языков мира.

¹⁶¹ Военный Совет при Народном Комиссаре Обороны Союза ССР (февраль 1936 г.). М.; Л.: Изогиз, 1936. 500 экз.

¹⁶² См. примеч. 1930 — 98.

¹⁶³ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 247–248.

¹⁶⁴ Л. Ю. после встречи с Ежовым осталась до Нового года в Москве, а Примаков возвращается в Ленинград, где по-прежнему находятся О. М. с Женей.

¹⁶⁵ Страздин — сотрудник из администрации Музея В. Маяковского. Речь идет о смете на реконструкцию дома в Гендриковом переулке под Музей В. Маяковского.

¹⁶⁶ Планы Гослитиздата относительно двух- или трехтомника В. Маяковского и тиража изменились. Фактически Гослитиздатом в 1936 г. были выпущены:

— В. Маяковский. Собрание сочинений в 1 т. (с кратким биографическим очерком и предисл. И. Беспалова). Изд. ред. В. Катанян. Рис. В. Маяковского. Пер., титул и шмуцтитул М. Кинарского. 447 с., ил. 50 000 экз.

— В. Маяковский. Собрание сочинений в 4 т. (с примеч.; под ред. Л. Брик и И. Луппола). Изд. ред. В. Катанян. Пер. худож. Н. Денисовского. 75 000 экз.

¹⁶⁷ Эль Лисицкий не был привлечен к оформлению ни одного из упомянутых изданий.

¹⁶⁸ Возможно, речь идет о сборнике: *Маяковский В.* В повестку дня. Стихи 1926–1930 / ред., предисл. и примеч. В. Катаняна. М.: Молодая гвардия, 1936. 386 с. 15 000 экз.

¹⁶⁹ Керженцев (наст. фамилия — Лебедев) Платон Михайлович (1881–1940) — с марта 1933 по октябрь 1936 г. председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. С января 1936 г. одновременно возглавлял Комитет по делам искусств при СНК СССР.

¹⁷⁰ МАЛЕГОТ (названный здесь Л. Ю. Михайловским) собирается на гастроли в Москву, куда он везет «Именины» и вторую редакцию «Камаринского мужика».

¹⁷¹ См. примеч. 109.

¹⁷² Публикуется впервые.

¹⁷³ Издательство «Академия» готовится выпустить том: *Маяковский В.* Избранные стихи (с примеч. и крат. предисл.) / ред. Л. Брик; предисл. И. Беспалова. М.; Л.: Academia, 1936. XV. 510 с.: ил. 10 300 экз.

¹⁷⁴ Виталий Примаков.

¹⁷⁵ На зимней даче Примакова в Тарховке, под Ленинградом, Новый год встречали Виталий Маркович, Лиля Юрьевна, Осип Максимович и Евгения Гавриловна.

1936 год

¹ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 64].

² Фурер Вениамин Яковлевич (1903–1937) — партийный работник; в 1936 г. — ответственный работник Московского комитета ВКП(б), завкультурпросветом Московской области.

³ Московский отдел народного образования.

⁴ Беспалов Иван Михайлович, литературовед, критик, редактор.

⁵ Керженцев Платон Михайлович с января 1936 г. возглавлял Комитет по делам искусств при СНК СССР.

⁶ См. примеч. 1935 — 173.

⁷ Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — литературный критик.

⁸ Регина Глаз, кузина Л. Ю. Брик.

⁹ Актеры МАЛЕГОТа (по-старому — Михайловского театра) приехали на гастроли в Москву.

¹⁰ Мать Л. Ю.

¹¹ Друзья Бриков, собирающихся в их московской квартире, в Спасопесковском переулке.

¹² Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 65].

¹³ Я. С. Агранов.

¹⁴ В. А. Агранова.

¹⁵ А. И. Егоров, Маршал Советского Союза, начальник Генштаба РККА.

¹⁶ Г. А. Егорова, актриса, жена А. И. Егорова.

¹⁷ Е. Г. Соколова.

¹⁸ В. А. Агранова.

¹⁹ Н. В. Уборевич.

²⁰ Зотов Степан Андреевич (1882–1938) — в 1932–1934 гг. начальник Управления по конскому составу РККА; с 1934 г. помощник и заминспектора кавалерии РККА.

²¹ Любопытно, что на фоне общего великодушно восхищенного отношения публики к опере «Камаринский мужик» как «новой советской опере» (!!) сохранились и отрицательные воспоминания о ней. М. А. Талова, героиня моего документального очерка (*А. Валюженич. Рядом с Маяковским // Нива. 1999. № 1. С. 64*), рассказывает:

В Вашей книге об О. М. Брике перечислены только ленинградские спектакли оперы В. Желобинского «Камаринский мужик» (по либретто О. Брика), а я же видела этот «шедевр» в Москве, в Большом театре. Помню, что честно силилась проникнуться сочувствием к происходящему, но ни музыка, ни текст никаких моих душевных струн не затронули, сплошное уныние.

Запомнился один не понравившийся мне эпизод — девичий хоровод. Плясали-то они как надо, но костюмы! Мало того, что рваные, заплатанные армяки и платки, но все это выглядело очень грязным, точно за образец брали отрепье московских беспризорников. Так и хотелось им крикнуть: «Девки, да сбегайте же на речку, пополощите там свои лохмотья!»

²² Публикуется впервые.

²³ Ленинградская домработница Л. Ю.

²⁴ Высланная газетная страница в письме отсутствует.

²⁵ В. А. Катанян.

²⁶ Речь, по-видимому, идет о подготовке сборника «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» (с примеч.; предисл. О. Брика; ред. В. Катанян). Выпущен Гослитиздатом в 1936 г.

²⁷ См. примеч. 1933 — 67.

²⁸ Л. Ю. еще не получила «рапорт» из Москвы (письмо № 233 от 6 января 1936 г.).

²⁹ Публикуется полностью. В сокращении: [Валюженич, 1993. № 66].

³⁰ Журнал «ЛЕФ» («Левый фронт искусств»), ответственным редактором которого был В. Маяковский, выходил в 1923–1925 гг., всего вышло 7 номеров.

³¹ Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948), актер.

³² Это намерение Мейерхольда реализовано не было.

³³ На вечере Маяковского («Литературная газета»; 26.01.36). Заметка подписана инициалами «А. К.».

³⁴ А. С. Щербаков с 1934 г. был оргсекретарем Союза писателей СССР, с 1935 г. по совместительству заведовал Отделом культпросветработы ЦК.

³⁵ Акулов Иван Алексеевич (1888–1937) — с 1933 г. прокурор СССР. Один из создателей системы советского правосудия, основанного не на законодательных нормах, а на «революционной необходимости». С 1935 г. секретарь ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян.

³⁶ Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) — нарком просвещения РСФСР (сентябрь 1929 — октябрь 1937).

³⁷ С. А. Самосуд, главный дирижер и художественный руководитель МАЛЕГОТа.

³⁸ Городинский Виктор Маркович (1902–1958) — с ноября 1935 по март 1937 г. завсектором музыки Культпросвета ЦК ВКП(б).

³⁹ Корчмарев Климентий Аркадьевич (1899–1958) — пианист, композитор, писал музыку к кино и мультфильмам, выступал как музыкальный критик.

⁴⁰ Браудо Евгений Максимович (1882–1939) — музыковед, публицист, профессор Ленинградского института истории искусств, с 1924 г. читал лекции в Московском университете, специализировался на истории западноевропейской музыкальной культуре.

⁴¹ С. Хентова более определенно называет эту дату — 19 февраля 1936 г.

⁴² См.: «Я думал, чувствовал, я жил». Воспоминания о Маршаке / сост. Б. Е. Галанов, И. С. Маршак, З. С. Паперный. М.: Советский писатель, 1988. 592 с.

⁴³ *Маяковский В.* Урожайный марш / ред. В. Катанян; предисл. О. Брика; оформл. Д. Бажанова. М.: Гослитиздат, 1936. 111 с. 20 000 экз.

⁴⁴ *Маяковский В.* Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается (с примеч.) / предисл. О. Брика; ред. В. Катанян. М.: Гослитиздат, 1936. 391 с.: ил. 35 000 экз.

⁴⁵ Луппол Иван Капитонович (1896–1943) — философ, историк, литературовед, академик АН СССР (1939). В 1935–1940 гг. он директор Института мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ). Репрессирован, умер в лагере.

⁴⁶ Оборонные стихи Маяковского // Лит. газета. 1936. 24 февр. (№ 13).

⁴⁷ О. М. Брик написал ряд журнально-газетных статей, посвященных Маяковскому, но своих воспоминаний о нем практически не оставил. В публикации материалов из книги-интервью Карло Бенедетти «Лиля Брик и Маяковский» (журн. «Театральная жизнь». 1987. № 21, пер. с итал.) приводятся три десятка строк «воспоминаний О. М.», сопровождаемых таким комментарием Л. Ю.:

У Осипа Максимовича не было дневниковых записей, но через десять лет после смерти Маяковского, собираясь писать воспоминания о нем, он начал их с рассказа об этом времени, о том, в каком Маяковский был душевном состоянии, когда готовил выставку...

...На этом запись Осипа Максимовича о живом Маяковском обрывается.

ГММ опубликовал две беседы с О. М. (1933, 1936) с его воспоминаниями о Маяковском — см.: «В том, что умираю, не вините никого»?.. Следственное дело В. В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. С. Е. Стрижневой; Гос. музей В. В. Маяковского. М.: Эллис Лак 2000, 2005. С. 467–472.

⁴⁸ По-видимому, первоначально поездка Арагонов в Москву планировалась на апрель 1936 г. Фактически же они отправились туда только в июне по приглашению-вызову умирающего А. М. Горького.

⁴⁹ Вероятно, Наташа — это новая домработница Л. Ю. в Ленинграде вместо Маши. Думаю, что Л. Робель, комментируя французское издание «Переписки сестер», ошибается, полагая, будто Л. Ю. выделила в своей квартире отдельную комнату Наталье Брюханенко — последняя жила в это время со своей семьей в Москве.

⁵⁰ См.: *Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы... С. 248–249.

Примечательно, что это письмо не вошло в русское издание переписки сестер («Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921–1970)»), а было впервые опубликовано в России лишь через три года после него в, 2003-м, в «Пристрастных рассказах» (сост. Я. Гройсман и И. Генс), с некоторыми сокращениями текста, напечатанное во французском издании переписки (Lili Brik — Elsa Triolet. Correspondance (1921–1970). Paris: Gallimard, 2000. P. 86–89).

⁵¹ Эта книжка вскоре исчезла с прилавков магазинов и полок библиотек, сохранившись лишь в считанных экземплярах в «спецхранах», а ныне перемещенная из них в музеи книги в качестве раритета.

⁵² Самуилу Абрамовичу Самосуду за успешные гастроли МАЛЕГОТА в Москве Постановлением ВЦИК СССР 17 февраля 1936 г. было присвоено звание «Народный артист Республики», а 28 февраля он был назначен художественным руководителем Большого театра СССР (до 1943 г.), его же место в МАЛЕГОТе занял С. Н. Гисин.

⁵³ Дзержинский Леонид Иванович — брат композитора И. И. Дзержинского, музыкальный драматург, вместе с ним работал над операми.

⁵⁴ Калмыков Бетал Эдыкович (1893—1940) — партийный деятель, 1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) с 1930 г. Репрессирован, расстрелян.

⁵⁵ Дом, где жил Маяковский // Лит. газета. 1936. 14 февр. № 10.

⁵⁶ Лит. газета. 1936. 31 марта. № 19.

⁵⁷ Гриц Теодор Соломонович (1905—1959) — писатель, литературовед. Вместе с Н. И. Харджиевым и В. В. Трениным с начала 1930-х занимался историей русского футуризма, вырабатывая принципы системного подхода к изучению истории. Видимо, сбор материала для тома писем Маяковского был поручен Грицу, однако намерение Гослитиздата издать переписку поэта нигде больше не подтверждается.

⁵⁸ Лит. газета. 1936. 5 марта. № 14.

⁵⁹ Лит. газета. 1936. 31 марта. № 19.

⁶⁰ Лит. газета. 1936. 5 апр. № 20.

⁶¹ Д. Моор (наст. имя — Орлов Дмитрий Стахиевич) (1883—1946), мастер графики, один из основоположников советского политического плаката (один из самых известных агитационных плакатов Д. Моора — «Ты записался добровольцем?» 1920 г.), работал в РОСТА, в 1940 г. иллюстрировал поэму «Хорошо» В. Маяковского.

⁶² Лит. газета. 1936. 14 апр. (№ 22).

⁶³ Эва Бандровска-Турска (1899—1979) — польская певица.

⁶⁴ *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Сов. писатель, 1989. 608 с. С. 152—153.

⁶⁵ Публикуется впервые.

⁶⁶ Публикуется впервые.

⁶⁷ Публикуется впервые.

⁶⁸ Имеется ввиду Фанни Ефимовна (Нюрина), советская служащая.

⁶⁹ Клавдия Кирсанова отдыхала в этом санатории перед О. М.

⁷⁰ Табльдот (*фр.* table d'hôte, букв. «хозяйский стол») — общий стол по единому меню (в которое включено все, от закуски до десерта) в пансионатах, гостиницах, санаториях.

⁷¹ Публикуется впервые.

⁷² В связи с арестом Примакова в планируемый отпуск в Кисловодск они не поедут.

⁷³ Арагон и Эльза отправляются из Парижа в Москву по приглашению-вызову А. М. Горького неспешно и кружным путем — пароходом через Ленинград, с остановкой у Л. Ю.

⁷⁴ По-видимому, дачу в Тарховке Примаков какое-то время делил со своим сослуживцем — Иосифом Еремеевичем Славным, армейским комиссаром 2-го ранга, начальником политуправления Ленинградского военного округа. Он был репрессирован и расстрелян в 1938 г.

⁷⁵ Аграновы. Интересно, что всего через месяц ведомство Я. С. Агранова арестует В. М. Примакова.

⁷⁶ Василий Катаян и сестра В. Маяковского Людмила Владимировна.

⁷⁷ Лиля Юрьевна часто занималась стрельбой в тире, но это, казалось бы, безобидное спортивное занятие могло в то время рассматриваться и по-другому. Известно, что жена маршала Тухачевского, Нина Евгеньевна, тоже регулярно ходила в тир «Дома на набережной» и там среди пионеров, зарабатывавших значок «Юный Ворошиловский стрелок», набивала руку в точной стрельбе из именного нагана. Позже следствие усмотрело в этом ее подготовку на роль террористки, которая должна была стрелять в Сталина на каком-то праздничном обеде в Кремле, где присутствовал вожьд и где бывала она с мужем.

⁷⁸ Полевые учения.

⁷⁹ Публикуется впервые.

⁸⁰ Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

⁸¹ По-видимому, речь идет о подготовке к изданию книги: *В. Маяковский. Стихи. Поэма. Проза / вступ. ст. О. Брика (кратк. предисл.); выбор стихов и ред. текста Л. Брик. М. — Л.: Детиздат, 1938. 354 с. 25 000 экз.*

В 1930-е гг. Желдин Лев Борисович (1905–1959) был директором Ленинградского отделения «Детгиза», Лидия Чуковская — редактором.

⁸² Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы...* С. 249–250.

⁸³ В 1936 г. Арагон написал роман «Богатые кварталы» (*Les beaux Quartiers*), за который в том же году получил французскую премию Ренодо (дополнение к Гонкуровской, вручается с ней в один день). Русский перевод Э. Триоле вышел в 1958 г.

⁸⁴ М. Н. Тухачевский.

⁸⁵ М. Н. Тухачевский, Луэлла и Илья Варшавские (вероятно, Аля — домашнее прозвище, во всяком случае в 1929 г. И. Варшавский с братом Дмитрием и журналистом Николаем Слепнёвым написали книгу очерков под общим псевдонимом Николай Альдим), Зинаида и Борис Свешниковы.

⁸⁶ Л. Ю. продолжает жить на два дома, в Москве собирается проверить летний ремонт арбатской квартиры.

⁸⁷ После резолюции Сталина о Маяковском в их доме в Гендриковом переулке (впрочем, теперь уже переулке Маяковского!) ведутся работы по устройству там Музея Маяковского.

⁸⁸ *Маяковский В.* Полное собрание сочинений / под общ. ред. Л. Ю. Брик и И. Беспалова.

Том 8. Стихи 1925–1927 / ред. и примеч. А. Поляк и Н. Реформатской. М.: ГИХЛ, 1936. 580 с.: ил. 10 000 экз.

⁸⁹ Публикуется полностью. В сокращении: *Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы...* С. 250.

⁹⁰ Адъютант-порученец Примакова.

⁹¹ Вероятнее всего, книга Виктора Ефимовича Ардова «Сливки общества» (М.: Федерация, 1930). До нее Ардов печатался в сборниках серии «Библиотека сатиры и юмора» (М.: ЗИФ, 1926, 1927).

⁹² А. Н. Толстой работает над романом «Хлеб» (вышел в свет в 1937 г.), возмущающим роль Сталина при обороне Царицына.

⁹³ См.: *Ваксберг А. И.* Лилия Брик. Жизнь и судьба. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. С. 368–373.

⁹⁴ Действительно загадочно, почему в «благополучном» парижском архиве Арагона — Триоле не сохранилось ни одного письма Горького 1936 г. с приглашением к нему в Москву.

⁹⁵ Баранов Вадим Ильич (род. 1930) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей и Союза журналистов. Его гипотезы и выводы в горьковедении не всегда согласуются с официальной трактовкой этих вопросов учеными ИМЛИ.

⁹⁶ Баронесса Мария Игнатьевна Будберг (урожд. графиня Закревская, по первому браку — Бенкендорф), для друзей Мура (1892—1974), в разные годы была близка с английским разведчиком Локкартом, А. М. Горьким (который посвятил ей роман «Жизнь Клима Самгина»), Гербертом Уэлсом. С 1933 г. постоянно жила в Лондоне. Ряд исследователей, в том числе В. Баранов, считают ее «агентом влияния» И. В. Сталина, полагая, что по его заданию она отравила Горького. Ее имя фигурирует в ряде книг и исследований, но наиболее известны: *Берберова Н. Н. Железная женщина: документальный роман*. М.: Книжная палата, 1991. 320 с. (впервые — в Нью-Йорке, в 1981, на англ. яз.); *Баранов В. И. Беззаконная комета: Роковая женщина Максима Горького*. М.: Аграф, 2001. С. 384.

⁹⁷ Так первоначально назывался роман Л. Арагона «Гибель всерьез». Впервые на русском языке опубликован в 1989 г. в журнале «Звезда».

⁹⁸ Публикуется полностью. В сокращении: [Валуженич, 1993. № 67]; *Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы... С. 250—251.*

⁹⁹ Людмила Ильинична Толстая, в 1-м браке Барашева (1906—1982).

¹⁰⁰ Жена С. А. Самосуда, Татьяна Ивановна Самосуд (Орлова) (1902—1988), артистка МАЛЕГОТА.

¹⁰¹ Лев Гринкруг.

¹⁰² Третьяков Сергей Михайлович, писатель и журналист.

¹⁰³ Ироничный тон Л. Ю. объясняется давним разрывом отношений ее и В. Маяковского с А. М. Горьким.

¹⁰⁴ Публикуется впервые.

¹⁰⁵ Публикуется впервые.

¹⁰⁶ Молчанов Георгий Андреевич (1897—1937) — в 1930-е гг. начальник Секретно-политического отдела ОГПУ, осуществлявшего репрессии против политических противников большевиков; с 1935 г. — комиссар госбезопасности 2-го ранга. Сам был также репрессирован, расстрелян.

¹⁰⁷ С. А. Дрейцер, как известно, был начальником личной охраны Троцкого, а также близким знакомым В. М. Примакова. О соответствующем поручении Ежова Агранову см., н-р: *Роговин В. З.* 1937. М., 1996. С. 24.

¹⁰⁸ См. примеч. 1935 — 5; 1935 — 6.

¹⁰⁹ Томский (наст. фамилия — Ефремов) Михаил Павлович (1880—1936) в конце 1920-х выступил против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, что было объявлено «правым уклоном»; на апрельском Пленуме ЦК (1929) подвергнут резкой критике; признал свои ошибки. В 1929—1930 гг. — зам. председателя ВСНХ СССР, председатель Всесоюзного объединения химической промышленности. В 1930 г. выведен из состава Политбюро. С мая 1932 г. — заведующий ОГИЗ (Объединенное государственное издательство). В 1934 г. переведен из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). Во время открытого процесса над Г. Зиновьевым, Л. Каменевым и другими, когда на заседании его имя было упомянуто в их показаниях, 22 августа 1936 г. застрелился у себя на квартире.

¹¹⁰ М. З. Станкин, один из секретарей М. П. Томского, обвинялся в том, что входил в «боевую террористическую группу», готовившую покушение на Сталина во время торжественного заседания в Большом театре, посвященного годовщине Октябрьской революции.

¹¹¹ Шмидт Дмитрий Аркадьевич (1896—1937) — в 1935 г. комдив, в 1937-м командир 8-й механизированной бригады РККА Киевского военного округа. Репрессирован, осужден по обвинению в контрреволюционной деятельности, подготовке вооруженного восстания и совершении терактов. Расстрелян.

¹¹² Рейнгольд Исаак Исаевич (1897—1936) — хозяйственный деятель: до декабря 1934 г. работал зам. наркома земледелия СССР. На момент ареста — начальник ирригации хлопкового управления Южно-Казахстанской области. Обвинен в участии в контрреволюционной организации, расстрелян.

¹¹³ См. примеч. 1933 — 7.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 261.

¹¹⁵ Жемчужные жили на Арбате в доме № 53, в коммунальной квартире № 5 (на втором этаже), где в 1831 г. жил после женитьбы А. С. Пушкин с молодой женой Натальей Николаевной. В связи с приближавшимся столетием со дня смерти Пушкина предполагалось в этом доме сделать музей поэта, выселив из него жильцов. Намерение это тогда реализовано не было, и дело ограничилось лишь открытием мемориальной доски на фасаде дома. Только через четыре десятилетия (1977) жильцов этого дома переселили (в т. ч. Е. Г. Соколову-Жемчужную — в 3-й микрорайон в Ясенево), и 18 февраля 1986 г. здесь открылся музей-квартира А. С. Пушкина на Арбате.

Можно упомянуть еще одну особенность этого дома. Он выходит фасадом на Арбат, по которому регулярно проезжал кортеж машин со Сталиным — из Кремля на дачу к вождю и обратно. Арбат усиленно охранялся, и в народе его называли Военно-грузинской дорогой. Жильцы всех квартир арбатских домов (в т. ч. Жемчужные) находились под особым наблюдением НКВД.

¹¹⁶ По-видимому, Евгения Гавриловна имеет в виду пугающие материалы, которые заполнили страницы газет: фронтовые репортажи из Испании, объемная статья в «Правде» (5 августа): «Об академике Н. Н. Лузине. Заключение по делу академика Лузина»; передовая в «Правде» (7 августа) «Уметь распознавать врага»:

После убийства Кирова не были до конца вскрыты все факты белогвардейской террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока и его руководителей, трижды презренных Троцкого, Зиновьева и Каменева...

Для коммуниста не должно быть большего стремления, чем стремление быть таким же бдительным, таким же непримиримым борцом за дело пролетариата, каким является наш вождь товарищ Сталин.

¹¹⁷ Автор имеет в виду первый арест Примакова органами ОГПУ в 1934 или 1935 г.

¹¹⁸ Смирнов Иван Никитич (1881—1936) в 1923 г. был одним из лидеров левой оппозиции в РКП(б). В 1927 г. исключен из партии и в 1928-м отправлен в ссылку. В 1929 г. заявил об отходе от оппозиции, позже восстановлен в партии. В начале 1930-х работал в Наркомтяжпроме СССР. В 1931 г. возглавил законспирированную группу троцкистов-«капитулянтов», восстановившую связь с Л. Троцким. В 1932 г. участвовал в переговорах о создании подпольного блока антисталинских оппозиционных групп. На процессе т. н. «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в 1936 г. выставлен обвиняемым; расстрелян.

¹¹⁹ Бакаев Иван Петрович (1887—1936) — в 1919—1920 гг. председатель Петроградской ГубЧК, позднее уполномоченный ВЧК в Юго-Восточном крае. С 1925 г. один из лидеров ленинградской, затем объединенной левой оппозиции ВКП(б). В 1927 г. исключен из партии, восстановлен в 1928-м, после заявления об отходе от оппозиции. Находился на хозяйственной работе. После убийства С. Кирова

вновь исключен из ВКП(б), в 1935 г. приговорен к 8 годам заключения по делу так называемого «Московского центра». В 1936 г. выставлен обвиняемым на процессе «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»; расстрелян.

¹²⁰ Мрачковский Сергей Витальевич (1888—1936) в 1927 г. был исключен из партии за оппозиционную деятельность, в 1928-м отправлен в ссылку. После подачи заявления об отходе от оппозиции в 1929 г. восстановлен в ВКП(б). В 1932—1933 гг. начальник строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. С 1931 г. входил в законспирированную оппозиционную группу бывших троцкистов- «капитулянтов», восстановивших связь с Л. Троцким. В 1933 г. был арестован за контакты с «Союзом марксистов-ленинцев» М. Рютина, отправлен в ссылку. В 1936-м выставлен обвиняемым на процессе «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»; расстрелян.

¹²¹ Тер-Ваганян Вагаршок Арутюнович (1893—1936) — философ, историк, публицист. С 1923 г. принадлежал к левой оппозиции в ВКП(б). В 1927 г. был исключен из партии и отправлен в ссылку. В 1929 г. заявил об отходе от оппозиции и в 1930-м восстановлен в партии. В 1932 г. входил в законспирированную группу троцкистов «капитулянтов» во главе с Н. Смирновым, участвовал в попытках создания альянса антисталинских группировок. В 1933 г. вновь исключен из ВКП(б) за связь с «группой Рютина», отправлен в ссылку. В 1934-м восстановлен в партии, занимался журналистской работой. В 1935 г. в третий раз исключен из партии, сослан в Казахстан. В 1936 г. выставлен обвиняемым на процессе «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»; расстрелян.

¹²² Гольцман (наст. фамилия — Орлов) Эдуард Соломонович (1882—1936) — хозяйственник, оппозиционер-троцкист. Поддерживал связь с Троцким через его сына — Седова. В 1936 г. был заместителем директора фабрики театрального костюма. Репрессирован, расстрелян.

¹²³ Пикель Ричард Витальевич (1896—1936) — писатель, критик. Заведующий секретариатом Г. Зиновьева. Оппозиционер. Обвинен в участии в контрреволюционной организации. Репрессирован, расстрелян.

¹²⁴ Слуцкий Абрам Аронович (1898—1938) — один из руководителей политической разведки, комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). В 1931—1933 гг. работал в Иностранном отделе (ИНО) ОГПУ, занимавшемся разведкой, находился на работе в советском торгпредстве в Германии, являлся главным резидентом ИНО ОГПУ по странам Европы, одновременно возглавлял Московский центр разведки. Не исключено, что Примаков встречался с ним по службе и раньше, в том числе в Берлине в 1933 г. Был отравлен своими коллегами в стенах НКВД.

¹²⁵ Парнов Еремей Иудович (1935—2009) — писатель, инженер-химик. С 1961 г. пишет научно-фантастические, приключенческие, а также художественно-документальные повести (об Э. Тельмане, Я. Райнисе, Ш. Петефи, У. Тейлоре и др.). Роман «Заговор против маршалов» (1990) повествует о так называемом «военно-фашистском заговоре» в РККА, о судебном процессе над выдающимися военачальниками, уничтоженными по указанию Сталина.

¹²⁶ Шкирятов Матвей Федорович (1883—1954) — в 1934—1939 гг. секретарь Партколлегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б).

¹²⁷ Серебряков Леонид Петрович (1890—1937) — с 1931 г. начальник Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта при СНК СССР, затем начальник Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР, в 1935—1936 гг. 1-й зам. начальника. Был арестован 17 августа 1936 г. по обвинению в организации террора и шпионажа. В качестве одного из главных обвиняемых привлечен к процессу по

делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹²⁸ Зюк Михаил Осипович (1895–1937) — военный деятель, комбриг (1935). Командир и военный комиссар 25-й Чапаевской дивизии. Обвинен в участии в троцкистском заговоре в РККА; расстрелян.

¹²⁹ Неустановленное лицо.

¹³⁰ Тивель-Левит Александр Юрьевич (1899–1937) — помощник заведующего информационным отделом в секретариате Сталина. Репрессирован, расстрелян.

¹³¹ На обороте инструкция:

Порядок пользования секретными документами КПК при ЦК.

Товарищ, получающий конспиративные документы, не может ни передавать их, ни знакомить с ними кого бы то ни было, если нет на то специальной оговорки КПК.

Копировка указанных документов и делание выписок из них категорически воспрещаются.

(Цит. по: *Парнов Е.* Заговор против маршалов. М.: Политиздат, 1991. С. 321).

¹³² Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 44. (В библиогр. см.: [Изв. ЦК КПСС № 4]).

¹³³ Кузьмичев Борис Иванович (1900–1937) — начальник штаба 18-й авиабригады РККА. Обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации; расстрелян. См. также примеч. 1933 — 24.

¹³⁴ Ломинадзе Виссарион Виссарионович (1897–1935) — с 1934 г. секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б). В 1935-м покончил жизнь самоубийством.

¹³⁵ Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937) сотрудничал с Лениным в газете «Коммунист», затем из-за разногласий вышел из редакции и эмигрировал; вернулся в Россию после Февральской революции. Воевал в отряде «Червоного казачества» Примакова. С 1923 г. — активный сторонник левой оппозиции, на XV съезде ВКП(б) был исключен из партии. В 1928 г., после заявления об отходе от оппозиции, восстановлен в партии. В 1927 г. — руководитель торгового представительства СССР во Франции. В 1928 г. был назначен заместителем председателя Госбанка СССР, а весной 1929 г. — председателем Правления Госбанка СССР. В 1931–1932 гг. — зам. председателя ВСНХ СССР, с 1932 г. — заместитель, 1-й заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. 12 сентября 1936 г. арестован и 30 января следующего года приговорен к расстрелу.

¹³⁶ Радек (наст. фамилия — Собельсон) Карл Бенгардович (1885–1939) — журналист, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения; в 1920–1924 гг. член Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия». С 1923 г. активный сторонник Троцкого. В 1927 г. исключен из ВКП(б) и приговорен к четырем годам ссылки. В 1925–1927 гг. был ректором Университета народов Востока (Китайского университета) им. Сунь Ятсена в Москве и членом главной редакции Большой советской энциклопедии. В 1930 г. вместе с Е. А. Преображенским, А. Г. Белобородовым и И. Т. Смилгой направил в ЦК партии письмо, где заявил об «идейном и организационном разрыве с троцкизмом», в связи с чем восстановлен в партии. В 1936 г. снова исключен из ВКП(б) и 16 сентября арестован, в конце января 1937 г. приговорен к 10 годам тюрьмы; погиб в заключении.

¹³⁷ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) после смерти Ленина активно поддерживал Сталина в борьбе против Троцкого, а позже — против Зиновьева и Каменева. В 1928–1929 гг. выступил против свертывания НЭПа, формирования

индустриализации и коллективизации, что было объявлено «правым уклоном» в ВКП(б). На апрельском Пленуме ЦК (1929) был подвергнут резкой критике. В 1930 г. снят с поста председателя СНК СССР и выведен из состава Политбюро. С 1931 г. — нарком почт и телеграфов СССР (с 1932 г. — нарком связи). Снят с поста наркома 26 сентября 1936 г. и остался не у дел. На пленуме в феврале 1937 г. исключен из партии, после чего арестован. Репрессирован, расстрелян.

¹³⁸ Яковлев (наст. фамилия — Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896—1938) — в 1927—1930 гг. член Президиума ЦКК, с 1936 г. — зам. наркома Рабоче-крестьянской инспекции. В 1929 г. И. В. Сталин создал Наркомат земледелия СССР, который во главе с Яковлевым должен был выполнить важнейшую задачу — уничтожить носителя буржуазной идеологии на селе и создать социалистическую деревню. С июля 1930 г. — член ЦК ВКП(б). Как верно и исполнительному карьеристу ему было поручено проведение коллективизации СССР. Главный организатор разгрома советской деревни, вызвавшего небывалый в России голод 1932—1933 гг. и повлекшего гибель миллионов людей. Наиболее одиозная личность среди сталинского руководства. С 1934 г. — заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). С октября 1936 г. — 1-й зам. председателя КПК при ЦК ВКП(б). Репрессирован, расстрелян.

¹³⁹ Краснощеков Александр Михайлович (1880—1937) — видный большевик, экономист и юрист. В годы Гражданской войны был председателем Дальневосточного наркомата и правительства Дальневосточной республики. Его высоко ценил В. И. Ленин. С 1922 г. — председатель Промбанка и заместитель Наркомфина. Арестован в октябре 1923 г., освобожден в ноябре 1924-го. Был близко знаком с Бриками и Маяковским. В 1937 г. вторично репрессирован и расстрелян.

¹⁴⁰ Таиров (наст. фамилия — Корнблит) Александр Яковлевич (1885—1950) — режиссер, основатель и руководитель (1914—1949) московского Камерного театра.

¹⁴¹ О И. П. Хренове см. примеч. 1931 — 188.

¹⁴² Цит. по: *Сотник Л.* «Когда такие люди...» // Социалистическая индустрия. 1988. 7 авг. № 158. С. 3.

¹⁴³ См. примеч. 127.

¹⁴⁴ Сокольников Григорий Яковлевич (наст. имя — Бриллиант Гириш Яковлевич) (1888—1939) — в 1929—1932 гг. полпред в Великобритании, с марта 1933 г. — член коллегии Наркомата иностранных дел. С мая 1933 по июнь 1934 г. — зам. наркома иностранных дел. В мае 1935 г. назначен 1-м заместителем наркома лесной промышленности СССР. В июле 1936 г. исключен из партии и арестован. В качестве одного из обвиняемых привлечен к открытому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и 30 января 1937 года приговорен к 10 годам лишения свободы. Погиб в заключении.

¹⁴⁵ Муралов Николай Иванович (1887—1937) — один из руководителей Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. и Октябрьского вооруженного восстания в Москве в 1917-го. С 1921 г. — командующий войсками Московского, с 1924-го — Северо-Кавказского военных округов. С 1925 г. член ЦКК ВКП(б). На XV съезде ВКП(б) (дек. 1927) выступил с речью, в которой требовал обратить внимание на вздорность и умышленную преувеличенность обвинений, предъявляемых к оппортунистам. На съезде был исключен из партии и выведен из ЦКК. В 1928 г. переведен на хозяйственную работу в Сибирь, где занимал незначительные должности. В 1936 г. арестован и привлечен в качестве одного из главных обвиняемых к сфабрикованному НКВД открытому политическому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

¹⁴⁷ Цит. по: История ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1955. С. 330.

1937 год

¹ См. очерк «Вуншцеттели»: [Валуженич, 1993. С. 244–246].

² Боевые подруги: Книга о женах командиров РККА. М.: Изд. газ. «Красная звезда», 1936. 140 с. 5200 экз.

³ Ульрих Василий Васильевич (1889–1951) — председатель Военной коллегии Верховного суда СССР (1926–1948), армвоенюрист (1935), генерал-полковник юстиции (1943). Один из главных организаторов террора. В 1930–1940-е гг. входил в состав секретной комиссии Политбюро по судебным делам, которая утверждала все приговоры о смертной казни в СССР. Выступал с предложениями по ужесточению процедуры рассмотрения политических дел. В 1950 г. был арестован, умер под стражей.

⁴ Матулевич Иван Осипович (1895–1961) — с 1933 г. зам. председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, корвоенюрист в 1936 г. В 1936–1938 гг. входил во все судебные составы на «московских процессах». Дослужился до генерал-лейтенанта юстиции, но был лишен этого звания в 1955 г. и исключен из КПСС за «нарушение законности».

⁵ Рычков Николай Михайлович (1897–1959) — диввоенюрист (1936), генерал-лейтенант юстиции (1944). В 1931–1937 гг. он член Военной коллегии Верховного суда СССР, затем прокурор РСФСР (1937–1938) и народный комиссар юстиции СССР (1938–1948). Активный проводник сталинской политики, причастен к развертыванию и проведению массовых репрессий. Входил в состав «троек» коллегии, рассматривавших дела в рамках крупных «московских процессов». В 1938–1947 гг. входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, утверждавшей все приговоры о смертной казни в СССР.

⁶ См. примеч. 1935 — 2.

⁷ В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг. См.: «О так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9.

⁸ Гамарник Ян Борисович (наст. имя — Яков Пудикович) (1894–1937) — политработник, с октября 1929 г. начальник Политуправления РККА, ответственный редактор газеты «Красная звезда» и с июня 1930 г. одновременно 1-й зам. наркома обороны СССР и зам. председателя РВС СССР. С 1929 г. — член Оргбюро ЦК ВКП(б). Армейский комиссар 1-го ранга (1935). Возглавил чистку политического состава РККА. Для ареста военных командиров органами НКВД обязательно требовалось разрешение Ворошилова или Гамарника; ни один арест не мог пройти мимо него. 31 мая 1937 г., заподозрив, что органы НКВД должны арестовать и его, застрелился. После смерти объявлен «врагом народа». В приговоре по делу Тухачевского было объявлено его участие «в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, шпионаже и ведении вредительской работы».

⁹ Саблин Юрий Владимирович (1897–1937) — в 1936 г. комендант и военный комиссар Летичевского укрепрайона в Каменец-Подольской области. Репрессирован, расстрелян.

¹⁰ Карпель Исая Львович (1899–1938) — начальник штаба 66-й стрелковой дивизии ОКДВА. Репрессирован, расстрелян.

¹¹ См. примеч. 1933 — 24; 1936 — 133.

¹² Балицкий Всеволод Аполлонович (1892—1937) — комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). С 1934 г. нарком внутренних дел Украинской ССР, член ЦК ВКП(б). Арестован 7 июля 1937 г. и исключен из партии; 27 ноября 1937 г. «в особом порядке» приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹³ Заковский Леонид Михайлович (наст. имя — Штубис Генрих Эрнестович) (1894—1938) — комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Вскоре после убийства С. М. Кирова был назначен начальником Управления НКВД по Ленинградской области. Развернул в городе беспрецедентный террор, превосходивший даже мероприятия Г. Г. Зиновьева. Всего по приблизительным подсчетам в Ленинграде в 1934—1938 гг. были расстреляны около 45 тысяч человек. Один из ближайших сотрудников Н. И. Ежова, 30 апреля 1938 г. был арестован и приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹⁴ Реденс Станислав Францевич (1893—1940) — комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Свояк И. В. Сталина, был женат на сестре Н. С. Аллилуевой. С 1931 г. председатель ГПУ Украины. В 1932 г. получил задание разработать (вместе с С. В. Косиором) специальный план ликвидации «основных кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд». В ноябре 1932 г. провел здесь аресты около двух тысяч руководящих работников колхозов. Один из главных организаторов голода на Украине (1932—1933), унесшего около 4 млн жизней. После срыва плана хлебозаготовок в январе 1933 г. был отозван с Украины и назначен полпредом ОГПУ по Московской области. Возглавил мероприятия, следовавшие после убийства С. М. Кирова, по очистке Москвы от разного рода оппозиционеров и «непролетарских элементов». В 1938 г. арестован как участник «польской диверсионно-шпионской группы» и 21 января 1940 г. приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹⁵ См.: *Кудрявцев С. В.* Тридцать седьмой [Электронный ресурс] // Верой и правдой. Очерки по истории (<http://yaroslavl.fsb.ru/book/ogl.html>) / УФСБ России по Ярославской области. URL: <http://yaroslavl.fsb.ru/book/gl42.html>.

¹⁶ Цит. по: Лит. газ. 1937. 30 марта. № 17.

¹⁷ См.: *Кудрявцев С. В.* Тридцать седьмой. URL: <http://yaroslavl.fsb.ru/book/gl42.html>.

¹⁸ О так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 455.

²⁰ Лит. газ. 1937. 10 апр. № 19. Под рубрикой «В. В. Маяковский. К семилетию со дня смерти»: *Денисовский Н.* Наша юность связана с Маяковским. (Денисовский: примеч. 1931 — 45.)

²¹ Выступление О. М. Брика, в частности, освещено: *Вышеславцева С.* Вечера Маяковского // Лит. газ. 1937. 20 апр. № 21.

²² См. примеч. 1935 — 132.

²³ См. примеч. 1930 — 41.

²⁴ Петерсон Рудольф Августинович (1897—1937) — дивинтендант, с апреля 1920 до апреля 1935 г. комендант Московского Кремля. В 1936 г. назначен на должность заместителя командующего Киевского военного округа (И. Э. Якира) по материальному обеспечению. Арестован 27 апреля 1937 г., обвинен в принадлежности к «латышской фашистской организации» и подготовке военно-фашистского заговора в Кремле, расстрелян.

²⁵ «Москва майская» (1937). Муз. братьев Покрасс, сл. В. Лебедева-Кумача.

²⁶ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) начал работать в органах госбезопасности с 1932 г. В 1937-м переведен в 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ. Генерал-лейтенант (1943), был удостоен многих наград, но впоследствии лишен и наград и звания по приговору суда. Обвинен в злоупотреблении властью, приговорен к смертной казни.

²⁷ Фриновский Михаил Петрович (1898–1940), с середины октября 1936 г. заместитель, с середины апреля 1937 г. — 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР. Одновременно (по июнь 1938 г.) возглавлял ГУГБ. Командарм 1-го ранга (1938). После прихода в НКВД Л. П. Берии и начала чисток НКВД от выдвиненцев Н. И. Ежова был смещен с должности, затем арестован. Обвинен в участии в заговоре в НКВД и приговорен к смертной казни, расстрелян.

²⁸ См. примеч. 1933 — 2.

²⁹ См. примеч. 1935 — 159.

³⁰ Если бы Сарра Лазаревна Якир, хоть в малейшей степени, подозревалась НКВД в организации связи «военного центра» с Троцким, то ее арестовали бы по этому обвинению и, несомненно, расстреляли. Она же отбывала свой 18-летний срок в тюрьмах и лагерях как «член семьи изменника родины».

³¹ Цит. по: Семенов Ю. Ненаписанные романы // Нева. 1989. № 8.

³² См.: Сарнов Б. У Лили Брик. Из книги воспоминаний // Континент. 2005. № 124.

³³ Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) — командарм 1-го ранга (1935). В 1927 г. был назначен на пост зам. наркома по военным и морским делам и председателем РВС СССР. В 1934 г. был понижен и переведен на должность начальника управления ПВО и члена Военного совета. После смерти (1936) был обвинен в участии в военно-фашистском заговоре.

³⁴ Макаревич Э. Оазисы чувственности под оком спецслужб // Журналист. 2003. № 11. С. 87.

³⁵ Страздин, Н. В. Реформатская (литературовед), А. С. Езерская — сотрудники Музея В. Маяковского в Москве.

³⁶ 19 июля исполнялась 44-я годовщина со дня рождения В. Маяковского.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 601.

³⁸ Корк Август Иванович (1887–1937) — командарм 2-го ранга (1935). В 1929–1935 гг. — командующий Московским военным округом. С 1935 г. — начальник Военной академии им. Фрунзе. Репрессирован, обвинен в нарушении присяги, измене родине, измене народам СССР и РККА, участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян вместе с Тухачевским и Примаковым.

³⁹ Сангурский Михаил Владимирович (1894–1938) — комкор (1935), заместитель Командующего Особой Дальневосточной Армией (ОКДВА). Арестован 1 июня 1937 г. Обвинен в участии в военно-фашистском заговоре, расстрелян 28 июля 1938 г.

⁴⁰ Соколов Б. В. Иосиф Сталин: власть и кровь. Историческое расследование. М.: АСТ-Пресс книга, 2004. Подборка фотографий. Его же упоминает К. Е. Ворошилов в своем Приказе № 072 от 7 июня 1937 г.: «...Как видно из материалов Народного комиссариата внутренних дел, ...бывшие заместители командующих войсками округов Примаков и Сангурский...» (Кантор Ю. З. Война и мир Тухачевского. М., 2005. С. 405).

⁴¹ Ефимов Николай Алексеевич (1897–1937) — комкор (1935), начальник Главного артиллерийского управления РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁴² Геккер Анатолий Ильич (1888–1937) — комкор (1935), начальник отдела внешних сношений Разведуправления РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁴³ Алпога Эрнест Фрицевич (1890–1937) — комкор (1935), начальник отдела Генштаба и начальник отдела Военных сообщений РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁴ Розынко Анатолий Францевич (1890–1937) — комбриг (1935), зам. начальника Главного артиллерийского управления РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁵ Казанский Евгений Сергеевич (1896–1937) — комдив (1935), командир и комиссар 5-го стрелкового корпуса. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁶ Ольшанский Михаил Михайлович (1895–1937) — комбриг (1935), зам. начальника Автобронетанкового управления РККА. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁷ Ковалев Давид Михайлович (1898–1938) — комбриг (1935), на момент ареста — командир 48-й стрелковой дивизии. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁸ Рыбкин Павел Дмитриевич (1899–1937) — комбриг (1935), на момент ареста — начальник ПВО ОКДВА. Репрессирован, расстрелян.

⁴⁹ Любопытен тот факт, что в качестве понятого при обыске салон-вагона М. Н. Тухачевского после его ареста случайным образом выступил дивизионный комиссар Приволжского военного округа Д. Д. Плау, поскольку был в это время в Куйбышеве как делегат окружной партконференции. Плау — сослуживец (по Свердловску) и хороший знакомый Примакова, а также и Л. Ю. Он сам был арестован в 1938 г. (См.: *Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала»*. М.: Вече, 2003. С. 319.)

⁵⁰ См.: *Лесков В. А. Сталин и заговор Тухачевского*. М.: Вече, 2003. С. 380–382.

⁵¹ Горбачев Борис Сергеевич (1892–1937) — комкор (1935), кавалер трех орденов Красного Знамени, был хорошо известен как лихой кавалерист и герой Гражданской войны. Был зам. командующего войсками Московского военного округа. Арестован 3 мая 1937 г. на посту командующего войсками Уральского военного округа. Репрессирован, расстрелян.

⁵² Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) в 1931–1932 гг. был председателем ЦКК ВКП(б) и наркомом РКИ СССР. С 1926 г. до ареста занимал пост зам. председателя СНК СССР и Совета труда и обороны СССР. Арестован 24 мая 1937 г. и обвинен в троцкизме и шпионаже в пользу Германии; расстрелян.

⁵³ Карахан (наст. фамилия — Караханян) Лев Михайлович (1889–1937) — дипломат, в 1927–1934 гг. зам. наркома иностранных дел СССР. В 1934–1937 гг. — полпред СССР в Турции. Репрессирован, расстрелян.

⁵⁴ См.: Борис Ефимов: «Живу 105 лет, и мне нравится» // *Московский комсомолец*. 28.09.2005.

Стоит добавить: известно, что мать И. В. Сталина, Екатерина Георгиевна (Габриеловна) Геладзе (1860–1937), приезжала в Москву только в 1935 г. Похоронена на горе Мтацминиди в Тбилиси.

⁵⁵ См. об этом: *Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе*. М.: Вече, 2003. С. 44–45.

⁵⁶ Куйбышев Николай Владимирович (1893–1938) — комкор (1935), брат В. В. Куйбышева. В 1928–1936 гг. — командующий войсками Сибирского, а с 1937 г. — Закавказского военных округов. Репрессирован, расстрелян.

⁵⁷ Грязнов Иван Ксенофонтьевич (1897–1938) — комкор (1935). В 1931–1933 гг. — зам. начальника управления механизации и моторизации РККА. С 1933 г. — командующий Закавказским, а затем Среднеазиатским военными округами. Репрессирован, расстрелян.

⁵⁸ Урицкий Семен Петрович. См. примеч. 193 — 16.

⁵⁹ Ковалев Давид Михайлович. См. примеч. 47.

⁶⁰ Возможно, ошибка в фамилии и имеется в виду Василенко Матвей Иванович (1888–1937), комкор (1935). С 1931 г. — инспектор пехоты РККА и одновременно с 1934 г. — член Военного совета при наркомате обороны СССР. С 1935 г. — зам. командующего войсками Уральского военного округа. Репрессирован, расстрелян.

⁶¹ Одна из старейших московских аптек, основана в 1701 г. Ныне Аптека № 1 по адресу: ул. Никольская (с 1935 по 1990 г. — ул. 25 Октября), 21.

⁶² В другом источнике — *Колодный Л. Е.* Москва в улицах и лицах: авторский путеводитель. Китай-город. Замоскворечье. М.: Голос-Пресс, 2003. 384 с.: ил. (с. 122–123) — о Чижовском подворье 1930-х можно прочесть следующее:

«Чижовское подворье» одно время служило общежитием Реввоенсовета. В нем жили молодые Блюхер, Новиков, Рокоссовский, Тимошенко, Тухачевский — будущие маршалы...

На суд после пыток обреченных доставляли на Никольскую, 23, в неприметное здание, ныне занятое городским военным комиссариатом. Одной стороной дом выходит на улицу, другой — в сторону Лубянки... Близость к Лубянке predetermined местоположение зловещей структуры, где слов не тратили попусту. В годы «большого террора» здесь заседала Военная коллегия Верховного суда СССР. Председательствовал на ней Василий Васильевич Ульрих...

Не имея юридического образования, судил... В истории нет более кровавого судьи. За два года, с октября 1936 по сентябрь 1938 года, он вынес 30 тысяч смертных приговоров! Пишут, Ульрих за стенами судилища был тихим, добродушным, коллекционировал бабочек, носил, как Чарли Чаплин, усы. Жил в «Метрополе», куда водил проституток, пасшихся у гостиницы...

Военная коллегия заседала на третьем этаже. Процедура суда длилась в среднем 15 минут. Что бы ни говорил в последнем слове осужденный, — его слова ничего не значили. Ульрих с подручными удалялся в совещательную комнату, откуда троица выходила с приговором, который обжалованию не подлежал...

Расстрел приводился в исполнение немедленно. Каким образом? Заключенных конвоировали вниз по узкой лестнице. У нее, как подсчитали, 136 ступеней. Она приводила в подвал, к расстрельной стенке...

Об этом невесело писать. Но знать надо. И помнить всегда. Зал, лестница, подвал — все в наличии.

Говорят, расстрельной команде было удобно вытаскивать окровавленные трупы из подвала по наклонному лотку через люки, обычно закрытые деревянными щитами, и грузить их сразу же в грузовую машину с откинутым бортом, подогнанную к люку, для отправки в крематорий. Ну не тащить же их на себе из подвала наверх по узкой лестнице.

⁶³ См.: *Черушев Н. С.* 1937 год. Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. С. 44.

⁶⁴ Хмельницкий Рафаил Павлович (1898–1964) — генерал-лейтенант, командир Московской пролетарской дивизии, в Великую Отечественную войну командир стрелкового корпуса.

⁶⁵ Кулик Григорий Иванович (1890–1950) — Маршал Советского Союза (1940). С 1930 г. командир дивизии, с 1932 г. командир и комиссар корпуса. Во время массовых репрессий среди комсостава сделал в числе других конармейцев быструю карьеру, хотя и не обладал для этого никакими данными. С 1937 г. — начальник Артиллерийского управления РККА, с 1939-го — начальник ГАУ РККА и зам. наркомата обороны СССР. После Великой Отечественной войны — зам. командующего

Приволжским военным округом. В 1946 г. во время послевоенной чистки комсостава снят с поста, в 1947 г. арестован и в 1950-м приговорен к смертной казни, расстрелян.

⁶⁶ Б. М. Шапошников. См. примеч. 1931 — 14.

⁶⁷ См.: *Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала»*. М.: Вече, 2003. С. 343.

⁶⁸ Письмо полностью см. в разделе приложений: приложение к письму № 2 Ю. В. Примакова.

⁶⁹ Цесарский Владимир Ефимович (1895—1940) — с апреля 1935 по апрель 1937 г. — референт-докладчик Секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова; с 25 декабря 1936 до 28 марта 1938 г. — начальник 8-го отделения ГУГБ НКВД СССР. Репрессирован, расстрелян.

⁷⁰ Блохин Василий Михайлович (1895—1955). В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ с 1921 по 1953 г. В 1937 г. — капитан госбезопасности (1935), комендант АХУ НКВД СССР. Принимал непосредственное участие в расстрелах осужденных. В 1945 г. удостоен звания генерал-майор, но в 1954-м лишен его постановлением СМ СССР «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

⁷¹ См.: *Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала»*. М.: Вече, 2003. С. 345.

⁷² См. об этом: *Конквест Р. Большой террор* / пер. Л. Владимиров // Нева. 1990. № 3.

⁷³ *Ранпопорт А. Г. Планета Румер* // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век / авт.-сост. И. А. Крайнева [и др.] / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т систем информатики им. А. П. Ершова. Новосибирск: АРТА, 2013. 592 с. С. 501. Также доступно по ссылке URL: www.iis.nsk.su/files/book/file/rumer.pdf. (Но в данном источнике Юрий Борисович Румер говорит: «А мой брат Осип Максимович рассказывал...», т. е. О. М. Брик, который приходился Ю. Б. и О. Б. Румерам двоюродным братом. — *Ред.*)

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 608. Маш. копия.

⁷⁵ Альбом находится в собрании автора.

⁷⁶ Разные исследования почти единогласно сходятся в том, что единственной оставшейся на свободе женой подсудимого оказалась Л. Ю. Брик. Однако, пытаясь сегодня рассмотреть судьбы семей восьми военачальников, расстрелянных по «делу Тухачевского», мы вынуждены признать, что о судьбах жен А. Корка, В. Путны, Р. Эйдемана до нас не дошло документальных свидетельств, а о том, что жена Б. Фельдмана якобы написала впоследствии интересные мемуары о Тухачевском (под псевдонимом Л. Норд) есть только любопытные предположения Б. Соколова (см. его труд «Тухачевский. Жизнь и смерть “красного маршала”»); если это так, то ей даже каким-то образом удалось эмигрировать из СССР.

⁷⁷ Мавра Петровна и Нина Евгеньевна обе погибли во время отбывания срока наказания в 1941 г. Нина Евгеньевна была расстреляна. Светлана Михайловна Тухачевская (1922—1982) находилась в лагерях и ссылке до 1953 г.

⁷⁸ Тухачевский Александр Николаевич (1895—1937) — преподаватель кафедры военных сообщений Военно-транспортной академии, военинженер 2-го ранга. Тухачевский Николай Николаевич (1889—1937) — старший преподаватель по военным предметам Московского текстильного института, майор запаса.

⁷⁹ Несмотря на пережитые лишения сестры Тухачевские, кроме младшей, Софьи Николаевны (1909 г.р.), умершей вскоре (1938?) в казахстанской ссылке, дожили до середины 1990-х гг.

⁸⁰ 8 июня 1937 г. газета «Правда» сообщила, что в редакцию поступило письмо Сарры Лазаревны Якир, в котором она отреклась от мужа и прокляла его. Этот материал был сфабрикован редакцией, но многие верили, что заявление подлинное, и Сарра Лазаревна тяжело переживала это.

⁸⁰ Дочь Уборевичей, Владимира (Мира), вспоминая впоследствии дни после ареста отца и обыска в их московской квартире, писала: «...*Помню нашу развращенную квартиру, маму среди перевернутых корыт, неистово курящую, но никогда не плачущую... Друзей в доме немного — все боятся. Знаю, что заходила только Галина Дмитриевна Катанян. Лиля Брик сказала: «Мы сейчас с Ниной друг друга не украшаем...».* (См.: Кантор Ю. З. Война и мир Тухачевского. М.: Огонек: Время, 2005. С. 427).

⁸¹ Следует добавить, что сам Петр Иванович Якир (1923—1982) провел в лагерях с 1937 по 1953 г.

⁸² *Бebutov Г. В.* Из хроники борьбы за Маяковского. 1930—1980. Авторизованная рукопись находится в РГАЛИ, копия — в собрании автора. Можно только строить предположения, что произошло 9 июля 1937 г. между Л. Ю. Брик и В. А. Катаняном, почему он посчитал впоследствии эту дату началом их совместной жизни.

⁸³ См.: *Скорятин В.* Прозрение... // Журналист. 1991. № 6. С. 88.

⁸⁴ Буденная (Михайлова — сценарный псевдоним) Ольга Стефановна (1905 — после 1956), артистка Большого театра СССР, была второй женой С. М. Буденного с 1925 г. Репрессирована по обвинению в шпионаже в пользу Польши, находилась в тюрьмах и лагерях с 1937 по 1955 г.

⁸⁵ Дом творчества в Коктебеле (бывший дом М. Волошина) принадлежал в то время Ленинградскому отделению Союза писателей.

⁸⁶ Публикуется впервые.

⁸⁷ Публикуется впервые.

⁸⁸ Публикуется впервые.

⁸⁹ Буров Андрей Константинович (1900—1957) — архитектор, ученый, изобретатель. В ранних работах стоял на позициях конструктивизма. В 1936—1937 гг. преподавал в Московском архитектурном институте.

⁹⁰ Жена Всеволода Иванова — урожд. Каширина Тамара Владимировна (1900—1995), переводчица (в т. ч. перевела на русский язык романы Эльзы Триоле), некоторое время была председателем Совета жен писателей при ССП СССР. Дети, с которыми они отдыхали: дочь Т. В. от первого брака Татьяна (1925 г.р.), сын от первого брака Михаил (1927 г.р.) и общий сын Ивановых, Вячеслав («Кома») (1929 г.р.), в будущем филолог, переводчик.

⁹¹ Тагер Евгений Борисович (1906—1984), литературовед, и его жена, Елена Ефимовна (1909—1981), искусствовед.

⁹² Леля Поволоцкая была известна в кругах литераторов как автор устных эротических рассказов. О ней сохранилось и такое воспоминание Варвары Шкловской-Корди:

...37-й год, мне десять лет. Родителей нет дома. Осип Эмильевич [Мандельштам. — А. В.] принял ванну, я его кормлю в комнате за кухней. Наденька [Надежда Мандельштам. — А. В.], которая обожала мыться, — всю жизнь ей этого не хватало, — плескалась в ванной... Пришла соседка-стукачка, Леля Поволоцкая. Рядом с нами в Лаврушинском должен был жить писатель Бруно Ясенский, который до Лаврушинского не доехал, исчез на Лубянке. В его квартире образовалась коммуналка, в которой эта самая Леля Поволоцкая жила. Вот она вошла, когда Мандельштамы были.

Не помню, под каким предлогом. Значит, мне нужно было, чтобы она, с одной стороны, не обнаружила в квартире ни Надю, ни Осипа Эмильевича, а с другой — чтобы не рылась в отцовских рукописях... И я прыгала на одной ножке, изображая детскую игру. («Умных жен переносят не многие... : беседа Ольги и Марины Фигурных с В. В. Шкловской-Корди // Огонек. 2008. № 52 (22–28 декабря). Также доступно по ссылке URL: www.ogoniok.com/archive/2000/4669/42-42-45).

⁹³ Бродский Исаак Израилевич (1883–1939), художник, и его вторая жена, урожд. Мясоедова Татьяна Петровна.

⁹⁴ Шпанов Николай Николаевич (1896–1961) — писатель-фантаст, сценарист.

⁹⁵ Адельгейм Евгений Георгиевич (1907–1982) — украинский литературный критик, литературовед, автор книги «Владимир Маяковский (Лекция в помощь изучающим марксизм-ленинизм)» (Киев: Политиздат УССР, 1941. 32 с. 50 000 экз.). С ним, по-видимому, была Нина Каминская, чтец-декламатор.

⁹⁶ Павленко Петр Андреевич (1895–1963) — писатель.

⁹⁷ Левин Борис Михайлович (1899–1940) — писатель, киносценарист.

⁹⁸ Ожидалось, что В. А. Катанян и Л. Ю. достанут путевки и приедут сюда же, в Коктебель.

⁹⁹ Публикуется впервые.

¹⁰⁰ Публикуется впервые.

¹⁰¹ Публикуется впервые. Очевидно, вместо Коктебеля Л. Ю. и В. А. Катанян приехали отдыхать в Ялту. У В. А. — путевка в Дом творчества, а Л. Ю. остановилась в гостинице.

¹⁰² Публикуется впервые.

¹⁰³ Публикуется впервые.

¹⁰⁴ Евгений Пастернак — сын поэта Бориса Пастернака.

¹⁰⁵ Ицик Фефер (1900–1952) — еврейский поэт.

¹⁰⁶ Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975) — философ и литературовед. Друг семьи Пастернак, по-видимому, с ним приехал сюда Евгений Борисович.

¹⁰⁷ Публикуется впервые.

¹⁰⁸ Публикуется впервые.

¹⁰⁹ Публикуется впервые.

¹¹⁰ Публикуется впервые.

¹¹¹ Строка из детского стихотворения В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо».

¹¹² Публикуется впервые.

¹¹³ Здесь перечислены: Алымов Сергей Яковлевич (1892–1948), поэт-песенник; Швейцер Владимир Захарович (1889–1971), литератор, журналист; Мунблит Георгий Николаевич (1904–1994), киносценарист (его фильмы: «Горизонт» 1932 г., совм. с В. Шкловским; «Музыкальная история» 1940 г., «Антон Иванович сердится» 1941 г.); Голодный (наст. фамилия — Эпштейн) Михаил Семенович (1903–1949), поэт; Бескин Осип Михайлович (1892–1969), критик, заведующий литературно-художественной частью Госиздата; Джебелелов — неустановленное лицо; Глоба Андрей Павлович (1888–1964) и Алперс Борис Владимирович (1894–1974), писатели.

¹¹⁴ Братья Васильевы — творческий псевдоним советских кинорежиссеров и сценаристов, однофамильцев Георгия Николаевича (1899–1946) и Сергея Дмитриевича (1900–1959), более всего известных по фильму «Чапаев» (1934).

¹¹⁵ Азартная карточная игра родом из Мексики.

¹¹⁶ Неустановленное лицо, кто-то из общих знакомых, провожавших О. М. и Женю на вокзале в Москве.

¹¹⁷ По-видимому, так Л. Ю. называет глиссеры с моторами на бензине.

¹¹⁸ Сохранившийся фрагмент письма публикуется впервые.

¹¹⁹ *Laishagt* (нем.) — едва теплая.

¹²⁰ Речь идет о соседях по московской квартире в Спасопесковском переулке на Арбате, откуда Л. Ю. уезжала уже после О. М.

¹²¹ Публикуется впервые.

¹²² См. письмо О. М. от 7 сентября 1937 № 257.

¹²³ Письмо Л. Ю. от 7 сентября 1937 № 258.

¹²⁴ Публикуется впервые.

¹²⁵ Упомянутые фотографии в письме отсутствуют.

¹²⁶ Публикуется впервые.

¹²⁷ Бывшая жена В. А. Катаняна.

¹²⁸ «Роз-Мари» — оперетта Рудольфа Фримля и Герберта Стотхарта.

¹²⁹ Малоизвестная оперетта.

¹³⁰ В газете «Курортные известия» (г. Ялта) от 8 сентября 1937 г. помещен приказ начальника местной ПВО: «С 9 на 10 сентября с. г. с наступлением темноты по г. Ялте и Ялтинскому району объявляется учение по светомаскировке (светозатемнению)».

¹³¹ Катанян В. А. О Владимире Маяковском (сост. В. В. Катанян) // Дружба народов. 1989. № 3. С. 224.

¹³² См.: Хранительница серебряных ключей: беседа с Р. Райт-Ковалевой // Московский комсомолец. 15.05.1988. С. 1.

¹³³ Публикуется впервые.

¹³⁴ О. Л. Леонидов.

¹³⁵ Публикуется впервые.

¹³⁶ Предположительно жена С. И. Котляра. Котляр (псевдоним — Алешин) Самуил Иосифович (1913–2008) — драматург, сценарист. В молодости писал юмористические рассказы, печатавшиеся в журнале «Огонек». В 1942 г. на фронте написал первую пьесу «Мефистофель». Всего — более 30 пьес и киносценариев. Автор мемуаров «Очередные встречи на грешной земле» (2003).

¹³⁷ Гольцев Виктор Викторович (1901–1955) — критик, литературовед, редактор журнала «Дружба народов».

¹³⁸ Н. Перших — неустановленное лицо, по-видимому, чтец-декламатор.

¹³⁹ Поэма М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша».

¹⁴⁰ По-видимому, предполагалось, что после отдыха по путевкам в Доме творчества в Коктебеле О. М. с Женой приедут еще и в Ялту.

¹⁴¹ Публикуется впервые.

¹⁴² Публикуется впервые.

¹⁴³ По официальным данным, И. И. Гарькавый был расстрелян 1 июля 1937 г.

¹⁴⁴ Гарькавая Эмилия Лазаревна (1895–1944) была сослана в 1938 г. на 8 лет в Карлаг, умерла в заключении.

¹⁴⁵ Рудзутак Ян Эрнестович, зам. председателя СНК СССР и Совета труда и обороны СССР.

¹⁴⁶ Публикуется впервые.

¹⁴⁷ Публикуется впервые.

¹⁴⁸ Майя Вера В. — хореограф, основатель и художественный руководитель «Студии свободного танца» (с 1932 г. — «Театр танца»).

¹⁴⁹ Это письмо В. А. Катаняна в архиве О. М. Брика не обнаружено.

¹⁵⁰ Публикуется впервые.

¹⁵¹ С этим визитом репортера, возможно, связаны две публикации в газете «Курортные известия». В номере за 29 сентября 1937 г., где Л. Ю. не упоминается, помещена заметка С. Михайлова «На вечере советской поэзии», в ней, в частности, говорится:

Молодая советская поэзия вместе со всей страной отмечает славную годовщину 20-летия Октябрьской Социалистической революции...

Об этом автор «Конармейской» — секретарь секции поэтов Алексей Сурков рассказывал на вечере советской поэзии 25 сентября в Ялте...

Упомянул В. Маяковского.

На вечере выступили: А. Сурков, М. Голодный, Н. Перших (чтец-декламатор). Было бы хорошо, если бы Госфилармония пригласила находящихся в Ялте поэтов — А. Арга, А. Гатова, Н. Панова, Нейштатта и др.

В номере за 30 сентября 1937 г. заметка «Новые издания собраний сочинений В. Маяковского» анонсирует: «*Первое собрание сочинений В. Маяковского в 12 томах полностью разошлось. Сейчас Госиздатом начались работы по выпуску нового академического Полного собрания сочинений*».

¹⁵² Левидов Михаил Юльевич (1892—1942) — писатель, журналист, драматург. Репрессирован, погиб в заключении. Белла Владимировна — его жена.

¹⁵³ Гадда Карло Эмилио (1893—1973) — итальянский писатель; литературную деятельность начал в конце 1920-х.

¹⁵⁴ После расстрела В. Примакова в «семье» остался единственный Виталий — Жемчужный.

¹⁵⁵ Неустановленное лицо.

¹⁵⁶ В подмосковном Суханово (район Расторгуево) находились как Дом отдыха, так и Центральная Сухановская тюрьма специального назначения, бывшая в ведении ГУГБ НКВД СССР.

¹⁵⁷ Публикуется впервые.

¹⁵⁸ Евгений Адельгейм, литературовед, и Нина Каминская, декламатор.

¹⁵⁹ Эта статья О. М. Брика мною не обнаружена.

¹⁶⁰ Публикуется впервые.

¹⁶¹ Публикуется впервые.

¹⁶² В. М. Примакова уже 3,5 месяца нет в живых, а внесенное им в «семью» словечко осталось жить.

¹⁶³ В газете «Курортные известия» за 24 сентября 1937 г. снова помещен приказ начальника местной ПВО г. Ялты о проведении учений по светомаскировке — в ночь с 25 на 26 сентября с. г. (См. примеч. 130.)

¹⁶⁴ Публикуется впервые.

¹⁶⁵ О. М. Брик предполагает, что заболевание почек у Л. Ю. произошло от злоупотребления алкоголем.

¹⁶⁶ Роман «Богатые кварталы».

¹⁶⁷ Публикуется впервые.

¹⁶⁸ Публикуется впервые.

¹⁶⁹ Публикуется впервые.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

¹ См.: *Сопельняк Б.* Оговор // Смена. 1999. № 2. С. 123; *Фрадкин В. А.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 242–243.

² См.: *Успенский В.* Тайный советник вождя. Ч. 2 // Простор. 1989. № 6. С. 73.

³ Таганцев Владимир Николаевич (1889–1921) — ученый-географ. Расстрелян в августе 1921 г. Глава нелегальной антибольшевистской организации. По «делу Таганцева», которое вел Я. Агранов, были привлечены 833 человека, из них около 100 расстреляны, многие отправлены в лагеря и ссылку. Таганцевцы оказались еще менее способны к перевороту, чем декабристы 1825 г., но понесли наказание куда более жесткое. Среди пострадавших по делу оказались и люди, не имевшие отношения к организации. Целью расправы было развеять иллюзии о возможности политических перемен и запугать интеллигенцию, лишить ее народной поддержки. И эта цель была достигнута. (*Черняев В. Ю.* О Н. С. Таганцеве и его дневнике // Звезда. СПб, 1998. № 9. С. 126–157).

⁴ Н. С. Гумилев был арестован 3 августа 1921 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности (причастность к «делу Таганцева»); расстрелян 24 августа того же года.

⁵ *Гуль Р.* Дзержинский: Начало террора // Москва. 1991. № 5. (Впервые — Париж, 1936).

Гуль Роман Борисович (1896–1986) — прозаик, критик. С 1918 г. жил в Берлине, сотрудничал с советскими издательствами. После захвата власти в Германии национал-социалистами, в сентябре 1933 г. эмигрировал в Париж, откуда в 1950 г. переехал в США.

⁶ *Хрущев Н. С.* Украина — Москва (перекрестки 30-х годов) // *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания). Кн. 1. М.: Московские новости, 1999. Доступно также по ссылке URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/khrushchev1/13.html>.

⁷ *Валуженич А.* Зачем нужна эта неправда? // Журналист. 1991. № 6. С. 80.

⁸ *Скорятин В.* «Прозрение...» // Журналист. 1991. № 6. С. 87.

⁹ См.: *Федоровский В., Сен-Бри Г.* Русские избранницы / пер. с фр. Т. Балашовой, В. Полонского. М.: Республика, 1998. С. 176.

¹⁰ Литературный календарь / сост. Ю. Безелянский // Лит. газ. 18–24 дек. 2002 г. № 50–51.

¹¹ Известия. 1996. 15 окт. № 188. Здесь вызывает недоумение последняя фраза, ибо большую часть 1920 года Эльза Триоле со своим мужем, французским офицером Анри Триоле, прожила на Таити (?!). Трудно представить, за какими «литературными кругами» по поручению ЧК она следила. Было бы понятнее: «С 1920-х годов...».

¹² Александр Исаевич Солженицын был арестован в 1945 г. и до 1953-го находился в лагерях общего и особого типа, затем — на «вечном» поселении в Средней Азии. Освобожден в июне 1956 г. без реабилитации; 6 февраля 1957 г. реабилитирован.

¹³ Юрий Николаевич Флаксерман (см. примеч. 1933 — 95), директор и главный инженер ТЭЦ № 9 Мосэнерго, был арестован в 1937 г. В 1945-м освобожден, после чего два года работал зам. главного инженера треста «Газосланцестрой» (Кохтла-Ярве, ЭССР), с 1947 г. — треста «Башнефтестрой» (г. Октябрьский, недалеко от Уфы). В 1949-м вновь арестован и сослан в Красноярский край. В 1955 г. реабилитирован.

¹⁴ Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина (1903–1998), переводчик, поэтесса, исполнительница романсов, близкая знакомая Л. Ю. Брик, в 1924 г. эмигрировавшая и в начале 1930-х вернувшаяся в Россию, была арестована 30 сентября

1947 г. на 8 лет ИТЛ. Ее отправили в Воркуту, где она сначала как актриса попала в Воркутинский лагерный театр, но весной 1952-го была переведена ассенизатором в лагерь-совхоз «Горняк». Через год получила инвалидность по болезни и была этапирована по пересыльным тюрьмам. Освобождена 2 апреля 1954 г., получила право жить у матери в Орджоникидзе (Владикавказ). Только в марте 1956 г. по реабилитации вернулась в Москву.

¹⁵ Лиля Брик больше никогда не упоминает Примакова как своего мужа, дистанцируясь от него, но вот Луи Арагон, по-видимому, не посвященный в эти тонкости, в одном из своих поздних романов, «Анри Матисс» (1-е изд. на фр. яз.: Gallimard, 1971) называет Виталия Марковича свояком. Но это явный недосмотр Эльзы и Лили.

¹⁶ Полностью письмо см. в разделе приложений: письмо Ю. В. Примакова № 4 от 26 августа 1998 г., с. 472.

¹⁷ Однако не все родственники казенных военачальников думали о них так. Вот что писала дочь И. П. Уборевича Владимира в письме к Е. С. Булгаковой от 30 июня 1963 г.: «*Не помню минуты в своей жизни, чтобы мне пришло в голову, что папа был предателем или шпионом. Не знаю, не могу себе представить, как многие и многие жены верили, что мужья их предатели*» (Кантор Ю. З. Война и мир Тухачевского. М., 2005. С. 428–429).

¹⁸ *Марсенак Ж.* Лиля Брик — волшебница (пер. с фр.) // Юманите. 1978. 7 авг.

¹⁹ *Занд Н.* «Спутница Маяковского...» (пер. с фр.) // Ле монд. 1978. 6/7 авг.

ПРЕДЫСТОРИЯ (ДОПОЛНЕНИЕ К ТОМУ I)

¹ Эти сведения сообщил автору в 2008 г. Юрий Примаков, сын В. М. Примакова.

² *Серебрякова Г. И.* В. М. Примаков // О других и о себе. М.: Сов. писатель, 1971. 440 с. С. 121–122.

³ См.: *Катаня В. А.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е. М.: Сов. писатель, 1985. 648 с. С. 402.

⁴ Личное дело М. Я. Натансон в Центрархиве в Бишкеке.

⁵ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: изд. «Кыргызстан», 1991. С. 307.

⁶ *Маяковский В.* Только не воспоминания... // Новый ЛЕФ. 1927. № 8–9. С. 33. В дальнейшем эта статья была включена в соответствующие тома собраний сочинений В. Маяковского.

⁷ Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 г. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 766 с. С. 335–336.

⁸ Кушнер Борис Анисимович (1888–1937) — литератор, футурист. Член ВКП(б) с 1917 г. Сотрудник редакций газет «Искусство коммуны», «Правда», журнала «ЛЕФ», «Новый ЛЕФ». Репрессирован.

⁹ См. очерк «С комфутским приветом...» в кн.: *Валюженич А. О. М.* Брик: материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993. С. 217–224.

¹⁰ Письма Маяковского к Л. Ю. Брик (1917–1930) // Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР. 630 с. С. 117.

¹¹ Коллонтай (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952) — революционерка, член РСДРП(б) с 1915 г., государственный деятель, дипломат. В 1923–1926 и 1927–1930 гг. — полпред и торгпред в Норвегии; способствовала признанию СССР этой страной. В 1926–1927 гг. некоторое время работала в Мексике и тоже добилась улучшения советско-мексиканских отношений. В 1927 г.

совмещала пост полпреда в Норвегии (повторно) с исполнением поручений в торговом представительстве в Швеции. В той же Швеции в 1930–1945 гг. являлась посланником и послом; кроме того, входила в состав советской делегации в Лиге Наций.

¹² Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926) — революционерка, член РКП(б) с 1918 г., журналистка и писательница. В годы Гражданской войны — боец, политработник Красной Армии, комиссар Морского Генерального штаба. Умерла от брюшного тифа.

¹³ Бош Евгения Богдановна (Готлибовна) (1879–1925) — активная участница революционного движения, член РСДРП(б) с 1901 г. Пожалуй, одна из самых яростных «валькирий». Она была политработником в группе войск В. Примакова, с тяжелыми боями на протяжении двух месяцев отступавшей из района г. Бахмач (Черниговская обл.) к Мерефе (Харьковская обл.). Затем приняла участие в работе I съезда КП(б)У в Москве. В Пензе возглавила губком РКП(б) по настоянию Ленина и Свердлова. Здесь надолго запомнили жестокость Е. Бош, проявленную при подавлении крестьянских восстаний в уездах. Возглавляла политотдел Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта. Работала в Совете обороны Литовско-Белорусской ССР на должности особо уполномоченного Совнаркома УССР в прифронтовой с деникинцами зоне. На протяжении долгих лет тяжело болела чахоткой, покончила с собой, когда мучения стали особенно сильными.

¹⁴ Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) — видный партийный деятель, член РСДРП(б) с 1898 г. Вместе с Н. К. Крупской преподавала в воскресных школах для рабочих, вела социал-демократическую пропаганду. Крупская же привлекла ее к работе в нелегальном политическом Красном Кресте. С 1926 г. Стасова работала в Секретариате ЦК ВКП(б). В 1927–1937 гг. — зам. председателя Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и председатель ЦК МОПР СССР. В 1932 г. на Амстердамском антивоенном конгрессе избиралась членом Всемирного антивоенного и антифашистского комитета, в 1934 г. участвовала в создании Всемирного антивоенного и антифашистского женского комитета. По ее инициативе, в частности, в г. Иваново был основан Интердом для детей зарубежных революционеров и рабочих, оказавшихся в тюрьмах. В 1930–1934 гг. — член ЦК ВКП(б) и ее партколлегии. Член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна (1935–1943), редактор журнала «Интернациональная литература» (1938–1946), консультант ИМЛ при ЦК КПСС (с 1946 г.). Кавалер четырех орденов Ленина. Герой Социалистического Труда.

¹⁵ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л.: ГИЗ, 1928. XV + 1416 с.

¹⁶ Каменев (наст. фамилия — Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) был членом Политбюро ЦК в 1919–1926 гг., а затем кандидатом в члены Политбюро. Несколько раз исключался из партии, потом восстанавливался с признанием своих ошибок. В 1936 г. осужден по делу «Троцкистско-зиновьевского центра», расстрелян. Реабилитирован только в 1988 г.

¹⁷ Цит. по: *Фрезинский Б. Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 135.

¹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹ ПА Кирг. фил. НМЛ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 234. Л. 149. Других источников, подтверждающих этот разговор, не обнаружено. Цит. по: *Джунушалиев Дж., Семенов И. Е.* Верный сын народа // *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Бишкек: Турар, 2012. С. 9–10.

²⁰ Информация проводится по: Важнейшие даты жизни и деятельности Ю. Абдрахманова // [Абдрахманов Ю., 2012. С. 365–366].

²¹ Здесь и далее при цитировании дневника в скобках указывается дата записи.

²² Кушнер Раиса Самойловна (1900–?) работала трафаретчицей в «Окнах РОСТА», была близко знакома с Маяковским, Бриками, Э. Триоле. Супруги Кушнеры жили в Москве по адресу: Лебяжий пер., д. 2, кв. 43.

²³ Татьяна Яковлева стала известным модельером женской одежды, в том числе шляп.

²⁴ Тата (Татьяна Яковлева) [каталог выставки: материалы о Т. Яковлевой и В. В. Маяковском] / Ком. по культуре г. Москвы, Гос. музей В. В. Маяковского; сост. А. Аксенкин; вступ. ст. С. Стрижневой. М.: Радис РРЛ, 2003. 216 с.: ил. С. 76.

²⁵ Лоуренс Томас Эдвард (Лоуренс Аравийский) (1888–1935) — британский офицер и путешественник, сыгравший большую роль в Великом арабском восстании 1915–1916 гг. Автор знаменитых мемуаров «Семь столпов мудрости». Лоуренс считается военным героем как в Великобритании, так и в ряде арабских стран Ближнего Востока.

²⁶ В сокращенном варианте под названием «Огненные дороги» очерк опубликован в сб.: *Примаков В. М.* Исходили маки красные... Очерки, статьи, стихи, рассказы / сост. Ю. В. Примаков, С. А. Репьях. Киев: Молодь, 1986. 264 с.: ил. (С. 160–198).

²⁷ Воспоминания Г. Д. Катанян «Азорские острова (фрагменты)» опубликованы в сб.: Современники свидетельствуют. Воспоминания о В. В. Маяковском. Публикация И. И. Аброскиной // Встречи с прошлым. Вып. 7: Сб. материалов ЦГАЛИ СССР / редкол.: Н. Б. Волкова (отв. ред.) и др. М.: Сов. Россия, 1990. 592 с. С. 336–339. Здесь приведены в сокращении.

²⁸ Я — Лиля Брик / авт.-сост. Н. Н. Тимохина, А. О. Репман. М.: АСТ, 2014. 224 с. (Серия «История моей жизни»). С. 150.

²⁹ См.: *Тузов А.* Одинокий голос первого премьера // *Вечерний Бишкек.* № 12. 2013. 1 февр.

³⁰ До В. Примакова военными атташе СССР в Японии были: первым Янель Карл Юрьевич (1888–1938) — в 1925–1926 гг.; Серышев Степан Михайлович (1889–1928) — в 1926–1927 гг.; Пунта Витовт Казимирович (1893–1937) — в 1927–1928 гг., затем он работал военным атташе также в Финляндии и Германии (1929–1930), в Великобритании (1934–1936).

³¹ Цит. по: *Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 630.

³² Наум, родственник М. Натансон, жил вместе с ее сыном Левоу в Пензе. Более подробными сведениями мы не располагаем.

³³ Осенью в СССР приезжала из Франции Эльза Триоле со своим мужем Луи Арагоном, чтобы принять участие во Второй международной конференции пролетарских писателей, которая должна была проходить в Харькове в начале ноября. Это была первая встреча Лили и Эльзы после смерти Маяковского, а Арагон вообще впервые в СССР. Они познакомились с Примаковым, он им понравился своей военной дисциплиной и выправкой и склонностью к литературе. В Харьков Арагоны отправляются вместе с Осипом Бриком.

³⁴ Злата — возможно, первая жена Я. С. Агранова.

³⁵ См.: *Валюженич А. В.* Три знаковые работы В. В. Маяковского, О. М. и Л. Ю. Бриков, опубликованные в 1923 году под одной обложкой // *Творчество В. В. Маяковского: доклады Междунар. науч. конф. «Маяковский и его время» (18–21 сент. 2013 г.).* Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2015 (в печати).

³⁶ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 163. Л. 74.

³⁷ Каменева (наст. фамилия — Бронштейн) Ольга Давыдовна (1881–1941) — сестра Л. Д. Троцкого, первая жена Л. Б. Каменева (их брак распался в 1927 г. в связи с частыми любовными связями Каменева), сотрудница Наркомпроса, руководительница ВОКС, политрук Театра Революции. Репрессирована, расстреляна.

³⁸ См.: *Мухачев Б. И.* Александр Краснощекоев. Историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 284 с.: ил.

³⁹ См.: *Джунгашалиев Дж., Семенов И. Е.* Великий сын народа // [Абдрахманов Ю., 2012. С. 110–114].

⁴⁰ Там же. С. 124. Также интернет-источники.

⁴¹ *Иоффе Н. А.* Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: Биологические науки, 1992. 238 с. Кроме того, текст доступен в Сети. URL: www.memorial.krsk.ru/memuar/lofffe.htm.

Иоффе Надежда Адольфовна, дочь первого посла советской России в Германии и Японии, друга Л. Д. Троцкого. Провела 20 лет в лагерях и ссылке.

⁴² Золотой прииск «Пятилетка» (Оротукан), Ягоднинский район Магаданской области.

⁴³ Кто такой Евгений Островский, который считался в лагере мужем Муси, неизвестно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО, ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. М. и Л. Ю. БРИК С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМИ ДАТАМИ ОТПРАВЛЕНИЯ

В переписке Л. Ю. и О. М. Брик мне не удалось определить даты тринадцати почтовых отправлений и найти им соответствующее место в общей публикации писем. Но мне кажется, они представляют определенный интерес для читателей, поэтому, для полноты публикации я решил разместить их в разделе приложений.

Л. Ю. БРИК. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ МАЯКОВСКОМ

Были опубликованы в газете «Вечерняя Москва» 13 апреля 1932 г.

¹ В предисловии Вяч. Вс. Иванова «Лингвистический путь Романа Якобсона» к сборнику (*Роман Якобсон. Избранные работы.* М.: Прогресс, 1985) говорится (с. 8): «Весной 1916 г. в Петрограде (на масленицу, на блинах в доме Бриков) был создан ОПОЯЗ — Общество по изучению поэтического языка».

² Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) — литературный критик, публицист.

Л. Ю. БРИК. ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ УБОРЕВИЧ

Публикуются по машинописной копии, находящейся в собрании автора. Написано для Владимиры Иеронимовны Уборевич, по ее просьбе, о ее родителях, по-видимому, в 1960-е гг.

¹ Это сообщение опровергает более позднюю версию, что портсигар был реквизирован сотрудниками НКВД при обыске в ленинградской квартире после ареста Примакова.

В. М. ПРИМАКОВ. ПОЭТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОБОРОНЫ

Статья была опубликована как предисловие (с. 5–12) к сборнику: *Маяковский В. Оборонные стихи* / ред. В. Катанян (М.: Гослитиздат, 1936. 128 с. 50 000 экз.), который вышел в свет незадолго до ареста Примакова. Поэтому данное издание было уничтожено, либо передано в спецхран, либо из него была удалена статья «врага народа», а его фамилия зачернена в оглавлении.

Не исключено участие Л. Ю. в подготовке статьи к печати.

В. М. ПРИМАКОВ. ФОКУС (ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРВОНЦЫ»)

Рассказ опубликован в альманахе «С Маяковским» (М.: Сов. литература, 1934. С. 224–227).

В. М. ПРИМАКОВ. ПОЛУВЗВОД

Стихотворение опубликовано в сборнике: *Примаков В. М. «И всходили маки красные...»*: очерки, статьи, стихи, рассказы / сост. Ю. В. Примаков, С. А. Репях. Киев: Молодь, 1987. 264 с.: ил. (С. 255).

О. М. БРИК. ДУХ ПРОСТОКВАШИ

Статья была опубликована в «Литературной газете» (1934. № 81. 26 июня. С. 4). Ответом на нее стала статья С. Динамова «Адвокат формализма» в газете «Правда» (1934. № 176. 28 июня. С. 4). О реакции общественности на эту статью см. главу «Дух простокваши» в части «1934 год» (с. 206–208). В дополнение можно привести отрывок из письма К. С. Малевича И. В. Клыну от 28 июня 1934 г.:

Сегодня пришла газета «Правда». Статья Динамова «Адвокат формализма», что это за статья? Бессознательный рев человека, который никоим образом не может изъяснить Н(овое) Ис(кусство) и потому прибегает к матершине, человек, занимающий пост ответственный, а пишет статьи совершенно безответственные, можно ли ему возразить, если ему понятно лаianie, что эта статья дает [–] ровно ничего, что дает матершина в разъяс(не)ние Н(ового) Ис(кусства) [–] ничего, и разъяснить Н(овое) Ис(кусство) не может, ибо боится того, чтобы самому не сделаться формалистом. [Малевич. Т. 1. С. 251].

О. М. БРИК. КАМАРИНСКИЙ МУЖИК (ОТРЫВОК)

Либретто оперы «Камаринский мужик» было опубликовано в альманахе «С Маяковским» (М.: Сов. литература, 1934. С. 130–194; эпизод 2-й: с. 136–143).

Е. Г. СОКОЛОВА. ПРЕМЬЕРА «КАМАРИНСКОГО МУЖИКА»

Публикуется впервые.

Все письма Е. Г. Соколовой из РГАЛИ:

– письма О. М. Брику: Ф. 2852. Оп. 1. Д. 260;

– письма Л. Ю. Брик: Ф. 2577. Оп. 1. Д. 455.

¹ С. Н. Гисин, режиссер МАЛЕГОТа; с 1936 г. возглавил театр.

² В. В. Желобинский, композитор, с которым О. М. Брик работал над операми «Камаринский мужик», «Именины».

³ С. А. Самосуд в описываемое время являлся главным дирижером и художественным руководителем МАЛЕГОТа. Нигде, кроме этого письма Е. Г. Соколовой, не упоминается, что Самосуд получил звание заслуженного артиста в 1933 г.

⁴ К. К. Тверской — режиссер-постановщик.

⁵ Самуил Абрамович Самосуд.

⁶ Литовский Осаф Семенович (1892–1971) — писатель, драматург, критик, журналист. В описываемое время являлся одним из руководителей Наркомпроса РСФСР. В конце 1930-х — режиссер и художественный руководитель Московского театра Ленсовета.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Пиотровский Адриан Иванович — переводчик, драматург, театральный критик. С 1928 по 1937 г. — художественный руководитель Ленинградской фабрики «Совкино» (позже «Ленфильм»). Занимался организационной культурной работой.

⁹ Моисей Зеликович Левин — театральный художник, с 1928 г. главный художник Большого драматического театра.

¹⁰ «Арлекиада» — одноактный балет Р. Дриго.

¹¹ Луэлла Краснощекова (Варшавская).

¹² М. Канин — сотрудник администрации МАЛЕГОТа.

¹³ А. И. Угаров — заведующий культурно-пропагандистским отделом Ленинградского горкома ВКП(б).

¹⁴ Вот как вспоминает премьеру балетмейстер, постановщик танцев П. А. Гусев (цит. по: С. А. Самосуд: Статьи, воспоминания, письма. М.: Сов. Композитор, 1984. С. 97):

На премьере оперы Желобинского «Комаринский мужик» необычайный успех имели танцы. Зрители кричали, требовали повторения (что было невозможно), не давали продолжать действие. После спектакля Самосуд вызвал к себе автора танцев, поздравил и сказал: «Ну, теперь вы будете самым знаменитым балетмейстером, и вам пора приниматься за балетный спектакль». Автор не стал знаменитым балетмейстером, и ему не пришлось приниматься за балетный спектакль. Сочиненные им танцы во всех последующих спектаклях «Комаринского мужика» не имели столь бурного успеха вопреки ожиданию и отличному исполнению (особенно запомнился Николай Соколов). Что случилось тогда, на премьере, почему неистовствовал зрительный театр, — так и осталось загадкой.

¹⁵ Здесь перечислены: Луэлла Краснощекова (Варшавская), С. А. Зотов, начальник Управления по конскому составу РККА, Вера Георгиевна, его жена (предположительно), Коля Брик — дальний родственник Осипа Максимовича, живший в Ленинграде.

¹⁶ Доринская Александра Александровна (Пася) (1896–1978), балерина, у которой Л. Ю. брала уроки танца, знакомая В. Маяковского.

¹⁷ Мать Луэллы Варшавской — Тобинсон Гертруда Борисовна (1891–1964).

¹⁸ Борис Осипович Гефт (1902–1966) — главный исполнитель партии Истома Пашкова, солист МАЛЕГОТа с 1928 по 1949 г. Лирический тенор.

¹⁹ Рувим Шапиро (1898–1937?) — директор МАЛЕГОТа в 1932–1934 гг.

²⁰ Танеев Сергей Иванович (1856–1915) — композитор, муз. теоретик, педагог, пианист. Автор оперной трилогии «Орестея» по Эсхилу.

ЮРИЙ ПРИМАКОВ О СВОЕМ ОТЦЕ

¹ Здесь Ю. В. Примаков говорит о Е. И. Парнове, авторе главным образом научно-фантастических, приключенческих книг, и его романе «Заговор против маршалов» (1990), повествующем о «военно-фашистском заговоре» в РККА и судебном процессе над военачальниками, обвиненными в этом заговоре.

² Гай Дмитриевич Гай, комдив, во время Гражданской войны — командир конного корпуса, во время ареста в июле 1935 г. — начальник кафедры военной истории Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского.

³ С письмом от 22 апреля 1988 г. я послал Юрию Витальевичу несколько вырезок из газеты «Московские новости» за март-апрель 1988 г. (очень популярной в то время в среде советской интеллигенции, а потому очень дефицитной в самой Москве). В одной из них, подписанной фамилией И. Старинова, говорилось, что еще В. М. Примаков разрабатывал основы организации партизанского сопротивления населения в будущей войне.

⁴ В том же письме я сообщил Юрию Витальевичу, что мой тесть, Арсений Сергеевич Уманский, репрессированный в 1937 г., по его воспоминаниям, какое-то время находился в одной камере в Бутырской тюрьме с обоими братьями М. Н. Тухачевского — Александром и Николаем (см. примеч. 1937 — 78).

⁵ *Викторов Б.* «Заговор» в Красной Армии // Правда. 1988. 29 апр. № 120. С. 3.

⁶ Во время встречи с Юрием Витальевичем в 1994 г. я подарил ему незадолго до этого изданную свою книгу «О. М. Брик. Материалы к биографии» (Акмола: Нива, 1993. 390 с.: ил.).

⁷ Я просил Юрия Витальевича раздобыть в Москве и прислать мне несколько экземпляров «Литературной газеты», где, как мне стало известно, была напечатана рецензия на мою книгу: *Олег Смола.* Бог есть, но я в него не верю: Путеводитель по Осипу Брику // Литературная газета. 22 июня 1994 г.

⁸ Я послал Юрию Витальевичу цитату из статьи Н. Кузьмина «Что произошло перед отлетом Чкалова в Америку» (журн. «Молодая гвардия». 1998. № 2. С. 210):

Тухачевский не знал, что две недели назад сломался Примаков. Целых девять месяцев он отказывался разговаривать со следователями. Наконец, ему устроили очную ставку с Лилей Брик... Примаков не знал, что Лилия и Ося являются давними и надежными агентами Лубянки. На очной ставке он в этом убедился. Лилия своими обличениями повергла его в настоящий шок. Эта «парижская штучка» имела острый глаз и чуткий слух.

Долгое одиночное заключение не действовало на Примакова. Его сломали показания Лилии Брик. Ей удалось узнать слишком много. Он понял, что упорствовать дальше глупо.

⁹ Ошибка памяти. Верно: с *Яковлевой.* Ниже, соответственно, речь также идет о поездке во Францию к Татьяне Яковлевой.

¹⁰ Здесь ошибка памяти: в 1956 г. Юрий Витальевич мог встретиться только со старшей сестрой поэта — Людмилой, — которая, действительно, очень неприязненно относилась к Л. Ю. и была той «скрытой пружинкой», которая разворачивала антибриковскую кампанию 1950–1970-х гг. (см., напр.: *Валюженич А.* Операция «Огонек», или Как КПСС боролась с Лилей Брик // Библиография. 2001. № 5. С. 61–94; № 6. С. 81–96).

¹¹ Плучек Валентин Николаевич (1909–2002) — театральным режиссер и актер, народный артист СССР (1974), главный режиссер (худ. руководитель) Московского

театра Сатиры (1957–2000). Спектакли Плучека «Баня» (1953, 1967), «Клоп» (1955, 1974) и «Мистерия-буфф» (1957) по произведениям В. Маяковского стали событиями в театральной жизни Москвы 1950-х гг. Близкий знакомый Л. Ю.

¹² Я собирался провести очередной отпуск в Москве, занимаясь сбором в архивах и библиотеках материалов о Бриках, и обращался к знакомым москвичам с просьбой помочь мне с жильем.

¹³ Я написал Юрию Витальевичу, как у нас в Казахстане в День памяти жертв политических репрессий отметили 60-ю годовщину «страшного 1937-го года».

¹⁴ Рыков — см. примеч. 1936 — 137.

¹⁵ Дмитрий Киселев, ведущий московского телевидения. В 1997 г. он вел ток-шоу «Национальный интерес» на РЕН-ТВ.

¹⁶ Роговин Вадим Захарович (1937–1998) — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Автор около 300 научных трудов, в том числе 10 монографий по проблемам социальной политики, истории общественной мысли и политических движений в СССР. Автор монументального 7-томного исследования (1992–2002) «Была ли альтернатива сталинизму?» об истории троцкистской оппозиции растущему сталинистскому режиму в СССР.

Ю. В. Примаков был хорошо знаком с В. З. Роговиным и его женой, Г. И. Валюженич-Роговиной. Выступая на похоронах В. З. Роговина, Юрий Витальевич сказал: *«В продолжение всего советского времени поиски альтернатив сталинизму преследовались как государственное преступление, вследствие чего марксизм превратился в нечто малопонятное... Роговин был первым, который объективно написал в Советском Союзе о сталинском времени, без того, чтобы утаивать факты или фальсифицировать их, или оскорблять кого-либо. Он открыл нам путь к скрытым сторонам нашей истории... Книги Роговина облегчают сегодня каждому простому человеку взгляд на историю, такой взгляд, который находится в полном противоречии с «Кратким курсом ВКП(б)».*

¹⁷ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал от артиллерии (1918), писатель, один из лидеров белого движения. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, в сентябре 1943 г. возглавил Главное управление казачьих войск в Германии. 7 мая 1945 г. сдался в плен английским войскам в Австрии, 29 мая был выдан ими советской военной администрации. Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к смертной казни и повешен на 78-м году жизни.

¹⁸ В своем письме, судя по тому, что пишет Юрий Витальевич, я ознакомил его с очерком С. Рыкова(?), в котором были красочно представлены обстоятельства ареста В. М. Примакова в вагоне (?!).

¹⁹ По-видимому, Корк назван здесь ошибочно, он был арестован 14 мая 1937 г.

²⁰ Точнее, не более чем за 1,5 месяца.

²¹ Существует версия, что немецкая разведка через президента Чехословакии Э. Бенеша передала Сталину материалы, компрометирующие Тухачевского. Версия о «немецком следе» была введена Н. С. Хрущевым на XXI съезде КПСС в 1961 г.:

Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеман и другие, — говорил Хрущев. — Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и Уборевич, они были видными полководцами... Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого Генерального штаба. Этот

«документ», якобы секретный, попал президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, прочел его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены (*Захаров А.* Загадки «Дела Тухачевского»: Журналистское расследование // Красная звезда. 2003. 2 апр.).

²² Свое письмо Юрию Витальевичу я отправил в маркированном конверте с видом Кокчетава, где он работал «молодым специалистом» в 1948–1951 гг.

²³ Жюли Рекамье, мадам Рекамье (1777–1849) — французская общественная деятельница, хозяйка известного литературного и политического салона, где собирались видные деятели искусства того времени.

²⁴ Жермена де Сталь (урожд. Неккер) (1766–1817) — баронесса, французская писательница. В парижском литературном салоне молодой дамы утвердился дух свободомыслия и неприятия абсолютизма, но после наступления якобинского террора аристократка де Сталь вынуждена была бежать в Швейцарию, где занялась литературным трудом. После прихода к власти ее стал преследовать за инакомыслие Наполеон. Особенно известны ее романы «Дельфина» (1802) и «Коррина, или Италия» (1807), которые внедряли в умы современниц представление о новой (для той эпохи) женщине, которая не менее, чем свободу, ценит возвышенную любовь-страсть.

²⁵ Вольпе Абрам Миронович (1895–1937) — комдив (1935), начальник Административно-мобилизационного управления РККА. Арестован 30 мая 1937 г., арестован.

²⁶ Присланные с письмом статья и стихи Ю. В. Примакова здесь не приводятся.

²⁷ Получив в подарок от Юрия Витальевича книгу его отца «И всходили маки красные...», я написал ему свой отзыв о ней.

²⁸ Я спрашивал Юрия Витальевича, знает ли он что-либо о судьбе портрета Примакова работы Давида Штеренберга, где В. М. «изображен в азиатском халате», о чем пишет Курдов (см.: *Курдов В. И.* Памятные дни и годы. Записки художника. СПб.: Арсис, 1994. С. 88–89).

²⁹ Фын Юй-сян, генерал, командующий войсками Северного Китая, у которого В. М. Примаков был военным советником (под именем «лейтенант британской армии Генри Аллен») в 1925–1926 гг.

³⁰ Аманулла-хан (1892–1960) — афганский король. В 1919–1929 гг. возглавил освободительную войну против Великобритании, добился полной независимости Афганистана. В. М. Примаков был направлен в Афганистан в качестве военного атташе под именем Рагиб-бея, якобы турецкого офицера, воевал с басмаческими бандами, в зарубежной печати получил имя «советского Лоуренса».

³¹ Будучи в 1929 г. военным атташе в Японии, В. М. Примаков регулярно, по протоколу, встречался с императором Поднебесной и его семьей.

³² Я спрашивал Юрия Витальевича, по какому адресу он отвезил Л. Ю. Брик справку о реабилитации В. М. Примакова.

³³ На вопрос, видел ли он книгу В. Маяковского «Оборонные стихи» (1936) с предисловием В. М. Примакова «Поэт революционной обороны» (см. приложение, с. 441–444).

³⁴ Одно время я считал, что Плау был адъютантом В. М. Примакова.

³⁵ Я свел Ю. В. Примакова с В. В. Катаняном, и они встречались.

³⁶ Упомянутая книга: *Примаков В. М.* Афганистан в огне. Л.: Изд-во «Красная газета», 1929.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунгашалиев, И. В. Семенов. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. 320 с.
- Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунгашалиев, И. В. Семенов. Бишкек: Турар, 2012. 368 с.
- Аллилуев В. Ф.* Аллилуевы — Сталин: хроника одной семьи. М.: Молодая гвардия, 2002. 338 с.
- Аллилуева С. И.* Двадцать писем другу. М.: Известия, 1990. 176 с.
- Арагон Л.* Гибель всерьез. М.: Вагриус, 1998. 400 с.
- Баландин Р., Миронов С.* «Клубок» вокруг Сталина Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы. М.: Вече, 2003. 384 с. (Серия «Особый архив»).
- Баранов В. И.* Беззаконная комета : Роковая женщина Максима Горького. М.: Аграф, 2001. С. 384.
- Баранов В. И.* Горький без грима. Тайна смерти. Роман-исследование. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аграф, 2001. 464 с. : ил.
- Бармин Ф.* Заговор «красного Бонапарта» // Спецназ России. 2002. № 4(67), апрель.
- Брик Л. Ю.* Пристрастные рассказы: воспоминания, дневники, первые публикации и др. / сост. Я. И. Гройсман, И. Я. Генс; предисл. и коммент. Я. И. Гройсмана. Н. Новгород: Деком, 2003. 328 с.
- Ваксберг А. И.* Гибель Буревестника. М. Горький : Последние двадцать лет. М.: Terra-Спорт, 1999. 396 с.
- Ваксберг А. И.* Загадка и магия Лили Брик. М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2003. 461 с.
- Ваксберг А. И.* Лиля Брик. Жизнь и судьба. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. 446 с. (Серия «Женщина — миф»).
- Валюженич А.* Лиля Брик — жена командира. 1930—1937. М.: Русская деревня, 2008. 628 с. + 40 л. ил.
- Валюженич А. О. М. Брик* Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993. 390 с.: ил.
- Викторов Б.* «Заговор» в Красной Армии // Правда. 1988. 29 апр. № 120. С. 3.
- Владимиров В.* Михаил Николаевич. Поминальная повесть // Нива. 2005. № 1 (с. 83—116); № 2 (с. 84—119); № 3 (с. 82—112); № 4 (с. 109—148); № 5 (с. 120—156).
- Волков С.* Шостакович и Сталин: художник и царь. М. : Эксмо, 2005. 640 с.: ил.
- Горчаков О. А.* Ян Берзин — командарм ГРУ. СПб.: Нева, 2004. 192 с.
- Громов Е. С.* Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495 с.: ил.
- Джугашвили-Сталина Г. Я.* Внучка вождя. Дед, Ма и другие: биограф. повесть, рассказы. М.: Вече, 2003. 352 с. (Серия «Особый архив»).
- Дружников Ю. И.* Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М.: Московский рабочий, 1995.
- Дубинский И. В.* Примаков. М.: Молодая гвардия, 1968. 176 с. (Серия «Жизнь замечательных людей», № 445).

Елисеев А. Кто развязал «большой террор»? О подлинных инициаторах политических репрессий 1937–1938 годов // Наш современник. 2005. № 3. С. 171–250.

Емельянов Ю. В. Был ли заговор Тухачевского? (История: Воспоминания. Очерки. Письма) // Слово. 1991. № 12. С. 8–11.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2005. 512 с.

Жуковский В. С. Лубянская империя НКВД. 1937–1939. М.: Вече. 352 с. (Серия «Особый архив»).

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 608 с.

[Изв. ЦК КПСС № 1] О так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 122–131.

[Изв. ЦК КПСС № 4] Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 42–80.

[Изв. ЦК КПСС № 9] О так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9.

Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2003. 480 с. (Серия «Эпоха Сталина»).

Ильинский М. М. Нарком Ягода: Двадцать лет в маске. М.: Эксмо. Язуз, 2005. 768 с.: ил. (Серия «Вожди в законе»).

Исбах А. А. Луи Арагон: Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1962. 340 с.

Кантор Ю. З. Война и мир Тухачевского. М.: Огонек: Время, 2005. 576 с.: ил. (Серия «Диалог»).

Катанян В. А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель, 1985. 648 с.

Катанян В. А. Не только воспоминания. К истории издания Маяковского // Дружба народов. 1989. С. 220–227.

Катанян В. А., Катанян Г. Д. Распечатанная бутылка / сост. Я. И. Гройсман; вст. ст. В. В. Катанян. Н. Новгород: Деком, 1999. 352 с.: ил. (Серия «Имена»).

Катанян В. А. Не только воспоминания. С. 7–220.

Катанян Г. Д. Азорские острова. С. 221–268.

Катанян В. А. Мрачная хроника. С. 269–329.

Катанян В. В. Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины. М.: Захаров: АСТ. 1998. 188 с.: ил.

Катанян В. В. Лиля Брик: Жизнь. М.: Захаров, 2002. 288 с.: ил.

Катанян В. В. Прикосновение к идолам. М.: Вагриус, 1997. 446 с.: ил. (Серия «Мой 20-й век»).

Клейн И. Беломорканал литература и пропаганда в сталинское время / пер. с нем. М. Шульман // Новое литературное обозрение. 2005. № 1 (71). С. 231–262.

Кожин В. К. Россия. Век XX-й (1901–1939): [История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования)]. М.: Алгоритм, 1999. 560 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).

Колтакиди А. И., Прудникова Е. А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М.: Олма-пресс, 2000. 560 с. (Серия «Досье»).

Конквест Р. Большой террор / пер. Л. Владимиров // Нева. 1990. № 3. (Произв. полностью: 1989. № 9–12; 1990. № 1–12.)

Корольченко А. Ф. Выбитый генералитет. Историческое повествование. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 512 с. (Серия «Исторические силуэты»).

- Коршунов М. П., Терехова В. Р.* Тайны и легенды Дома на набережной: монография. М.: Слово, 2002. 397 с.: ил.
- Кривицкий В.* Я был агентом Сталина / пер. с англ. И. Вишневской. М.: Терра, 1991. 366 с.
- Кузьмин Н.* Что произошло перед отлетом Чкалова в Америку // Молодая гвардия. 1998. № 2. С. 197–217.
- Курдов В. И.* Памятные дни и годы. Записки художника. СПб.: Арсис, 1994. 238 с.: ил.
- Лазарев С. Е.* Комкор В. М. Примаков в системе межличностных взаимоотношений советской военной элиты / Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 41 (179) / История. Вып. 38. С. 62–67.
- Ларина (Бухарина) А. М.* Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989. 368 с.: 31 с. ил., портр.
- Лесков В. А.* Сталин и заговор Тухачевского. М.: Вече, 2003. 480 с. (Серия «Эпоха Сталина»).
- Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921–1970) / сост., вступ. ст. В. В. Катаняна. М.: Эллис Лак, 2000. 688 с.: ил.
- Макаревич Э. Ф.* Политический сыск. Истории, судьбы, версии. М.: Алгоритм, 2002. 432 с.
- Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2 (с. 242–291), № 3 (с. 274–342).
- Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946): Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4 (с. 212–258), № 5 (с. 241–297).
- Максименков Л. В.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Юридическая книга, 1997. 320 с.
- [Малевич] Малевич о себе. Современники о Малевиче: Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т / авт.-сост. И. Вакар, Т. Мухиенко. М.: Изд-во RA, 2004. Т. 1 — 584 с., т. 2 — 678 с.
- [Маршак] «Я думал, чувствовал, я жил». Воспоминания о Маршаке / сост. Б. Е. Галанов, И. С. Маршак, З. С. Паперный. М.: Советский писатель, 1988. 592 с.
- Марабини Ж.* Повседневная жизнь Берлина при Гитлере / пер. с фр. Т. Баскаковой. М.: Молодая гвардия, 2003. 310 с.
- Медведев Р.* К суду истории: О Сталине и сталинизме // Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев. Избранные произведения в 4-х томах. Т. 1. М.: Права человека, 2002. 720 с.
- Межирицкий П. Я.* Читая маршала Жукова. Филадельфия: Libas Consulting, 2002. Изд. 2-е, испр. и доп. Также см. электр. изд.: <http://militera.lib.ru/research/mezhiritsky/index.html> // Военная литература (Милитера) [сайт].
- Минаков С.* Сталин и заговор генералов. М.: Эксмо: Яуза, 2005. 576 с.: ил. (Серия «Русские тайны»).
- Млечин Л. М.* Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. 494 с. (Серия «Особая папка»).
- [Москва-1937] Два взгляда из-за рубежа / авт. предисл. А. Плутник; авт. послесл. Н. Эйдельман; перев. А. Лапченко. М., «Политиздат», 1990. 270 с.: ил.
- Жид, Андре. Возвращение из СССР. С. 62–163.
- Фейхтвангер, Леон. Москва, 1937. С. 164–259.
- Наумов Л.* Борьба в руководстве НКВД в 1936–38 гг. («Опричный двор Иосифа Грозного»). М.: Модерн-А, 2006. 128 с.

Николаев В. Д. Сталин, Гитлер и мы. М.: Права человека, 2002. 280 с.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М.: Всемирное слово, 1991. 352 с.

Павлюков А. Ежов. Биография. М.: Захаров, 2007. 576 с. (Серия «Биография и мемуары»).

Панченко М. Вожди под прицелом: «Немецкий Лоуренс» готовил заговор против Сталина и Гитлера // Версия. 16.04.2001.

Парнов Е. Заговор против маршалов: роман. М.: Политиздат, 1991. 576 с. (Серия «История. Политика. Детектив»),

[*Пиманов А. В. и др.*] Сталин: Трагедия семьи / А. В. Пиманов, С. В. Девятков, В. В. Павлов, В. И. Жилиев. М.: Алгоритм, 2004. 256 с. (Серия «Кремль-9»).

Плимак Е., Антонов В. Накануне страшной даты К 60-летию процесса Тухачевского // Октябрь. 1997. № 2. С. 149–160.

Полонская В. В. Воспоминания о В. В. Маяковском // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 144–197.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского / пер. с англ. М.: Современник, 1996. 448 с.: ил. (Серия «Жестокий мир: разведчики и шпионы»)

Примаков В. М. И всходили маки красные...: очерки, статьи, стихи, рассказы / сост. Ю. В. Примаков, С. А. Репях. Киев: Молодь, 1986. 264 с.

Раскольников М. В. Тень быстротечной жизни: повесть. М.: Советский писатель, 1991. 176 с.

Роговин В. З. Сталинский неонэп // В. З. Роговин. Была ли альтернатива? в 7 т. М., 1994. Т. 3. 384 с.

Роговин В. З. 1937 // В. З. Роговин. Была ли альтернатива?: в 7 т. М., 1996. Т. 4. 480 с.

Роговин В. З. Партия расстрелянных // В. З. Роговин. Была ли альтернатива?: в 7 т. М., 1997. Т. 5. 528 с.

Рыбаков А. Н. Дети Арбата // Дружба народов. 1987. № 4–6.

Самосуд С. А. Статьи, воспоминания, письма / сост. О. Л. Данскер. М.: Музыка, 1984. 232 с.

Сарнов Б. У Лили Брик. Из книги воспоминаний // Континент. 2005. № 124.

Семенов Ю. С. Версия IV. Научный комментарий // Ю. С. Семенов. Версии: политические романы. М.: Международные отношения, 1990. 544 с.

Семенов Ю. С. Ненаписанные романы // Нева. 1989. № 8.

Скорятин В. И. Тайна гибели Владимира Маяковского Новая версия трагических событий, основанная на последних находках в секретных архивах. М.: Звонница-МГ, 1998. 270 с.: ил. (Серия «XX век: история. Лица, лики, личины»).

Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». М.: Вече, 2003. 464 с. (Серия «Досье без ретуши»). В работе широко использована работа: Норд Л. Воспоминания о М. Н. Тухачевском // Возрождение. Париж, 1957. № 63–68.

Соколов Б. В. Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. М.: Вече, 2004. 384 с. (Серия «Эпоха Сталина»).

Стрижнева С. Е. Возвращаясь к напечатанному (О письме Л. Ю. Брик к И. В. Сталину) // Маяковский продолжается: сб. науч. ст. и публ. арх. матер. Вып. 1. М.: Гос. музей В. В. Маяковского, 2003. 284 с.: ил.

[*Стрижнева С. Е.*] «В том, что умираю, не вините никого»?.. Следственное дело В. В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. С. Е. Стрижневой; Гос. музей В. В. Маяковского. М.: Эллис Лак 2000, 2005. 672 с.: ил.

Суворов В. Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию? М.: АСТ, 1998. 480 с.

Томпсон П. Дж. (Е. В. Маяковская). Маяковский на Манхэттене История любви с отрывками из мемуаров Элли Джонс / пер. с англ. Е. Гуминской; под ред. и с примеч. В. Н. Терехиной; Ин-т мировой лит. РАН. М.: Наука, 2003. 142 с.: ил.

Трифонов Ю. В. Дом на набережной. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 288 с.

Федоровский В., Сен-Бри Г. Русские избранницы / пер. с фр. Т. Балашовой, В. Полонского. М.: Республика, 1998. 252 с.

Федосюк Ю. А. Утро красит нежным светом... : Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. М.: Флинта: Наука, 2003. 240 с.: ил.

Фрадкин В. А. Дело Кольцова. М.: Вагриус: МФ «Демократия», 2002. 352 с.: ил.

Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак. 2008. 672 с.: ил.

Хентова С. М. Д. Шостакович. Жизнь и творчество: В 2-х книгах: монография. Кн. 1. Л.: Советский композитор, 1985. 544 с.

Хорев А. Как судили Тухачевского // Красная Звезда. 17.04.1991.

Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. 564 с. (Серия «Мой 20 век»).

Черток С. М. Последняя любовь Маяковского (С включением воспоминаний Вероники Полонской) / на рус. яз. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1983. 123 с.

Черушев Н. С. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных. 1918–1953. М.: Вече, 2004. 528 с. (Серия «Эпоха Сталина»).

Черушев Н. С. 1937 год Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. 542 с.: ил. (Серия «Военные тайны XX века»).

Чуковская Л. К. Софья Петровна // Л. К. Чуковская. Сочинения в 2-х т. Т. 1: Повести. Воспоминания. М.: Гудьял-Пресс, 2000. 432 с.

Чуковский К. И. Дневник (1930–1969) // К. И. Чуковский. Дневник в 2 т. Кн. 2 / подгот. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской; вступ. ст. В. А. Каверина. М.: Современный писатель, 1994. 560 с.

Шубин А. В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М.: Вече, 2004. 400 с. (Серия «Эпоха Сталина»).

Щетинов Ю. А., Старков Б. А. Красный маршал. М.: Молодая гвардия, 1990. 330 с. (Серия «Исторические портреты»).

Яковенко М. М. Агнесса Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Мионову, о шикарных курортах, приемах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях, — о жизни, прожитой на качелях советской истории. М.: Звенья, 1997. 228 с.: ил.

[*Янгфельдт Б.*] В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930 / сост., подгот. текста, введ. и коммент. Бенгта Янгфельдта. Стокгольм, 1982. 300 с.: ил. (на рус. яз.).

Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991. 288 с.: ил.

Charters A., Charters S. I LOVE. New York, 1979. 500 p. (на англ. яз.)

Lili Brik — Elsa Triolet. Correspondance (1921–1970). Paris: Gallimard, 2000. 1632 p. (на франц. яз.)

Lilja Brik: Schreib Verse für mich: Erinnerungen an Majakowski und Briefe / herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von Wassili Katanjan. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1991. 258 S. (на нем. яз.)

Научное издание

Анатолий Васильевич Валуженич

**ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО**

Том 1

**Лиля БриК — ЖЕНА КОМАНДИРА
1930—1937**

Издатель *Федор Еремеев*
Редактор *Марта Шарлай*
Верстка *Евгении Захаровой*

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:

«Кабинетный ученый»

Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

POSTAL ADDRESS:

Armchair Scientist,

Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489

Телефон в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725

Телефон в Москве: +7 (916) 2248119

E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 22.05.2015. Формат 60 × 90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Печать офсетная. Тираж 200 экз.

В основу 1-го тома положена переписка между Ли-лей Юрьевной и Осипом Максимовичем Брик (всего 289 писем и телеграмм) 1930–1937 годов, когда Лиля Юрьевна, уже после смерти Владимира Маяковского, была замужем за героем Гражданской войны, легендарным командиром Червонного казачества, Виталием Марковичем Примаковым (1896–1937), и ездила вместе с ним по городам, где он служил: Свердловск, Ростов-на-Дону, Берлин, Ленинград. В издании использованы уникальные материалы из государственных и частных архивов, из редких изданий.

ISBN: 978-5-7525-2923-8

[клуби́тныі utʹʒ:ny]

